

РУССКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ПРАГѢ

**ПУШКИНСКІЙ
СБОРНИКЪ**

1929

ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“, ПРАГА

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ

РУССКІЙ ИНСТИТУТЪ

ВЪ ПРАГЪ

ПУШКИНСКІЙ
СБОРНИКЪ

1929

ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“, ПРАГА

lib.pushkinskijdom.ru

Е. Ф. ШМУРЛО.

ЭТЮДЫ О ПУШКИНѢ.

I. РОЛЬ КАРАМЗИНА ВЪ СОЗДАНИИ ПУШКИНСКАГО „БОРИСА ГОДУНОВА“.

I.

Столѣтняя годовщина смерти Карамзина (ум. 22 мая 1826 г.) почти совпадаетъ съ столѣтіемъ окончанія Пушкинымъ его знаменитой „Комедіи о настоящей бѣдѣ Московскому государству“ : послѣднія строки „Бориса Годунова“ были написаны 7 ноября 1825 года, всего на шесть, на семь мѣсяцевъ раньше. Свой трудъ Пушкинъ, какъ извѣстно, посвятилъ „съ благоговѣніемъ и благодарностію“ „драгоцѣнной для Россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина“, какъ трудъ „геніемъ его вдохновенный“.

Эта духовная связь одного изъ геніальнѣйшихъ произведеній нашей отечественной литературы съ другимъ, тоже однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій русской исторіографіи XIX вѣка установлена давнымъ давно и никогда никѣмъ, въ ея основномъ, не оспаривалась; однако, напомнить о ней, нѣсколько внимательнѣе всмотрѣться и вдуматься въ нее, кажется, не будетъ излишнимъ и въ наше время, особенно, когда теперь, даже сто лѣтъ спустя, и размѣры зависимости поэтического произведенія отъ историческаго, и характеръ вліянія историка на поэта одинаково продолжаютъ оставаться спорными, по крайней мѣрѣ ихъ можно устанавливать и расцѣнивать не во всемъ сходно и согласно.

Эта расцѣнка имѣетъ свои историческіе этапы. Первый этапъ хронологически совпадаетъ съ тридцатыми и сороковыми годами прошлаго столѣтія ; его опредѣляютъ имена Полевого, извѣстнаго издателя „Московскаго Телеграфа“, автора „Исторіи Русскаго народа“, и Бѣлинскаго, знаменитаго критика. Второй этапъ обозначился публичной, въ пользу голодающихъ, лекціей покойнаго профессора-академика И. Н. Жданова, прочитанной въ 1891 г., на тему : „О драмѣ А. С. Пушкина Борисъ Годуновъ“. Почти сорокъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ этой лекціи, и неудивительно, если замѣчательные успѣхи послѣднихъ десятилѣтій нашего пушкиновѣдѣнія даютъ въ настоящее время воз-

возможность внести некоторые поправки в расценку не только первоначальную (Полевого и Бѣлинскаго), но и послѣдующую (Ждановскую), и на всегда интересовавшей изслѣдователя вопросъ о степени вліянія Карамзина на Пушкина дать отвѣтъ болѣе точный и, думается, болѣе обоснованный.

Полевой и Бѣлинскій подчеркивали рабскую подражательность Пушкина. Полевой говоритъ: „Языкъ русскій доведенъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ до послѣдней, по крайней мѣрѣ въ наше время, степени совершенства; сущность творенія, напротивъ, запоздалая и близорукая; и могла ли она не быть такою... , когда Пушкинъ рабски влекся по слѣдамъ Карамзина въ обзорѣ событій, и когда посвященіемъ своего творенія Карамзину онъ невольнo заставляеть улыбнуться, въ дѣтскомъ какомъ-то раболѣпствѣ называя Карамзина — Богъ знаетъ чѣмъ“.¹⁾

Вслѣдъ за Полевымъ и Бѣлинскій заявлялъ: „Пушкинъ рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину, и изъ его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годуновъ его вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ... Онъ увлекся авторитетомъ Карамзина и безусловно покорила ему и до того вошелъ въ духъ „Исторіи Государства Россійскаго“, „до того проникнулся имъ, что сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ исторіи Карамзина и оправдывалъ ее не просто, какъ исторію, но какъ политической и государственной коранъ, должнствующій быть пригоднымъ, какъ нельзя лучше, и для нашего времени и остаться такимъ навсегда“.²⁾

Эту мысль двухъ выдающихся литературныхъ критиковъ Николаевскаго царствованія усвоилъ, во времена Александра II, и третій, тоже видный критикъ — Аполлонъ Григорьевъ. „Исторія Карамзина, — говоритъ онъ, — легла, какъ тяжелый камень, на дѣятельность цѣлыхъ поколѣній и испортила величайшее созданіе Пушкина“: личность Бориса фальшива, потому что создана по Карамзину.³⁾

Ждановъ энергично возсталъ противъ мысли о „рабской зависимости Пушкина отъ Карамзина“. „Самостоятельное изученіе и пониманіе (Пушкинымъ) времени Годунова“ онъ доказывалъ путемъ сопоставленія пушкинскаго текста съ источниками не-карамзинскаго происхожденія. Тезисъ Жданова, въ основѣ своей совершенно правильный, получилъ съ тѣхъ поръ право гражданства въ пушкинской литературѣ: Ѡ. Д. Батюшковъ и П. О. Морозовъ въ своихъ комментаріяхъ на „Бориса Годунова“, въ Венгеровскомъ и Академическомъ изданіяхъ сочиненій поэта, стали на ту же точку зрѣнія.

Ждановъ едва ли не первый изъ изслѣдователей занялся выясненіемъ первоисточниковъ Пушкина и тѣмъ оказалъ несомнѣнную

¹⁾ „Московскій Телеграфъ“ 1831, часть 37, № 21, стр. 244—246. См. Сочиненія Пушкина, Акад. изд., т. IV, 159.

²⁾ Ждановъ, О драмѣ А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“ (лекція въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая). Спб. 1892, стр. 9, 11; Сочиненія, II, 105, 107.

³⁾ Сочиненія Пушкина, Акад. изд., т. IV, 162.

услугу въ изученіи вопроса въ томъ видѣ, какъ онъ былъ поставленъ критикою Николаевского царствованія.

1. Такъ, онъ справедливо указалъ на то, что характеристика Марины Мнишекъ, весьма возможно, навѣяна „Краткою Повѣстью о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ“: невѣсту Лжедмитрія Пушкинъ освѣтилъ иначе, чѣмъ Карамзинъ.¹⁾ Марина у Карамзина „честолюбива“, „вѣтрена“, Лжедмитрій „вскружилъ ей голову именемъ царицы“;²⁾ у Пушкина, наоборотъ, Лжедмитрій самъ увлекается ею и пылко, до самозабвенія любитъ.

2. Разсказъ Пимена о видѣніи, въ предсмертные часы, царю Феодору ангела Пушкинъ, конечно, заимствовалъ тоже не у Карамзина: у того сказано кратко: „пишутъ, что онъ, умирая, видѣлъ ангела“;³⁾ между тѣмъ Пименъ разсказываетъ:

„ . . . а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтель.
И началъ съ нимъ бесѣдовать Феодоръ
И называть великимъ патріархомъ.
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святыи владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находилъ.“

Эту картину поэтъ создалъ примѣнительно къ жизнеописанію царя Феодора, составленному патр. Іовомъ; ознакомиться же съ нимъ онъ могъ по тексту Никоновской лѣтописи.⁴⁾

3. Собирая матеріалъ не у одного Карамзина, Пушкинъ, какъ правильно замѣчаетъ Ждановъ, и въ истолкованіи событій остается независимымъ. Сцена (III) на Дѣвичьемъ полѣ, хотя матеріаломъ для нея послужили данныя, указанныя Карамзинымъ, излагаетъ событія совсѣмъ не въ томъ освѣщеніи, какое придавалъ имъ историкъ: тотъ подчеркиваетъ восторгъ народный, желаніе видѣть Бориса на тронѣ; Пушкинъ, наоборотъ, даетъ понять, что избраніе отнюдь не было такъ искренно, что народная масса, въ сущности, оставалась равнодушной къ тому, кто будетъ царствовать надъ нею, и готова была даже глумиться надъ самой торжественностью акта избранія.⁵⁾

¹⁾ Ждановъ, Лекція, 16; Сочиненія, II, 113—114.

²⁾ Карамзинъ, XI, 137.

³⁾ Карамзинъ, X, прим. 372.

⁴⁾ Русская Лѣтопись по Никонову списку, ч. VII (Спб. 1791), 348; ч. VIII (Спб. 1792), 34—35. См. также „Повѣсть о честномъ житіи ц. и вел. князя Феодора Ивановича всея Руссіи“ (Полн. Собр. Р. Лѣт., XIV, полов. 1-я, Спб. 1910, 16—17).

⁵⁾ Не мѣшаетъ напомнить, что говоритъ по этому поводу Павловъ-Сильванскій: Пушкинъ неправильно понялъ смыслъ лѣтописнаго извѣстія, прочитаннаго имъ у Карамзина. Карамзинъ говоритъ: „Въ рукописной грамотѣ: „жены ссушихъ младенцевъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху“. Въ одномъ Хронографѣ сказано, что нѣкоторые люди, боясь тогда не плакать, но

Указанія Жданова, по существу совершенно правильныя, нашли свое продолженіе въ указаніяхъ и другихъ изслѣдователей,¹⁾ но составляютъ ли они послѣднее слово? Въ вопросѣ о вліяніи Карамзина на Пушкина необходимо различать его матеріальную зависимость отъ его духовной самостоятельности: первая отнюдь не противорѣчила второй, а вторая отнюдь не зависѣла отъ первой. Духовная самостоятельность не мѣшала пользоваться карамзинскимъ матеріаломъ, все равно, бралъ ли поэтъ его въ готовомъ освѣщеніи (разъ оно совпадало съ его собственнымъ пониманіемъ фактовъ), или перерабатывая его на свой ладъ; а съ другой стороны, матеріальная зависимость отъ „Исторіи“ не мѣшала Пушкину привлекать матеріалъ и не-карамзинскій, извлекая изъ него то, что онъ считалъ необходимымъ и подходящимъ для себя.

Что зависимость матеріальная отъ „Исторіи Г. Р.“ была велика — это обстоятельно указано въ обширныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту „Бориса Годунова“ въ Поливановскомъ и Академическомъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, равно и въ спеціальному трудѣ Филонова.²⁾ Послѣдній продѣлалъ въ этомъ направленіи большую детальную работу, прослѣдивъ шагъ за шагомъ, сцена за сценой заимствованія Пушкина, отмѣчая отдѣльныя слова и выраженія, эпитеты, сравненія, факты, заимствованные поэтомъ цѣликомъ или съ небольшимъ измѣненіемъ.³⁾

А что касается духовной самостоятельности поэта, то она была отмѣчена еще до Жданова тѣмъ же Поливановымъ: „Тщательное сличеніе „Бориса Годунова“ съ соотвѣтствующими мѣстами „Исторіи Государства Россійскаго“, — говоритъ онъ, — убѣждаетъ, какъ от-

---

не умѣя плакать притворно, мазали себѣ глаза слюною“ (X, прим. 397). У Пушкина же баба бросаетъ ребенка „объ земь“, причемъ ребенокъ пищитъ; между тѣмъ выраженіе: жены ссу ихъ младенецъ на землю пометаху означаетъ, что „женщины такъ слезно рыдали, что дѣти падали у нихъ съ рукъ“, или что „матери кинули своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика“ (какъ это сказано у самого Карамзина). П.-Сильванскій, Сочиненія, II, 29, и въ Венгеровскомъ изданіи сочиненій Пушкина, II, 311.

¹⁾ Монологъ Бориса: „Достигъ я высшей власти“ (сц. 7-я) сложился, вѣроятно, не безъ вліянія одноименной думы Рылѣева (Сиповскій, Пушкинъ, Жизнь и творчество Пушкина. Спб., 1907, стр. 539). Батюшковъ и Морозовъ (Академическое и Венгеровское изданія сочиненій Пушкина) отмѣчаютъ, какъ части произведенія, созданныя Пушкинымъ независимо отъ „Исторіи Г. Р.“: 1) обращеніе Бориса къ патріарху и къ боярамъ: „Ты, отче, патріархъ, вы всѣ бояре“ (сц. IV: „Кремлевскія палаты“); 2) восхитительный монологъ Пимена и его бѣсѣду съ Григоріемъ (сц. 6-я); 3) появленіе молодого Курбскаго (сц. 15-я: „Граница Литовская“; см. также сцену 11-ю: „Краковъ. Домъ Вишневецкаго“); 4) появленіе юридикаго (сц. 18-я: „Площадь передъ соборомъ“). Ниже, однако, будетъ показано, что относительно сцены Пимена съ Григоріемъ необходимо сдѣлать оговорку, и даже очень большую.

²⁾ Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина. Опытъ разбора со стороны исторической и эстетической. Спб. 1899, 174 стр.

³⁾ Къ сожалѣнію, слишкомъ близкое разсматриваніе въ „лупу“ мѣстами помѣшало автору, въ прямой ущербъ собственному тезису, подмѣтить, кромѣ деталей, мелкихъ „дереьевъ“, также и самый „лѣсъ“.

скакивало все сентиментальное и резонерское въ ловкихъ рукахъ Пушкина при пользованіи этимъ источникомъ, и какъ порою обезсиленные требованіями ложной школы очерки наполнялись яркимъ и жизненнымъ содержаніемъ... Обыкновенно указываютъ на то, что Пушкинъ положилъ въ основу своей пьесы мысль, что Лжедмитрій былъ карою гнѣва небеснаго святоубійцѣ за убіеніе царевича, — мысль, взятую имъ у моралиста Карамзина. Но мысль эта вовсе не принадлежитъ Карамзину, а лѣтописямъ, т. е. людямъ XVII вѣка, а во-вторыхъ, эта мысль вовсе и не положена въ основу трагедіи^{.1)}

Недавно найденныя замѣтки — возраженія Пушкина на поляхъ журнальной статьи Погодина о Борисѣ Годуновѣ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1829 года даютъ правильное основаніе новѣйшимъ изслѣдователямъ говорить: „Возраженія эти, писанныя бѣгло, при самомъ чтеніи статьи и спустя четыре года послѣ окончанія работъ надъ драмой, показываютъ лишній разъ, какъ близко знакомъ былъ Пушкинъ не только съ Карамзинымъ, но и съ источниками; какъ глубоко, тонко и добросовѣстно изучилъ онъ матеріалы прежде, чѣмъ составилъ опредѣленный взглядъ на своего героя, и съ какимъ, слѣдовательно, убѣжденіемъ считалъ онъ Бориса достойнымъ той нравственной казни, которую заставляетъ его переживать въ своей трагедіи“^{.2)}

Впрочемъ, мы можемъ обойтись и безъ указаній современныхъ изслѣдователей: передъ нами цѣнныя признанія самого автора. Въ своихъ черновыхъ замѣткахъ Пушкинъ свидѣтельствуетъ, что на „мысль облечь въ романтическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи“ навело его „изученіе Шекспира и Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей“. „Шекспиру, говоритъ Пушкинъ, я подражалъ въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени“^{.3)}

Итакъ, по свидѣтельству самого автора, въ основу его творческой мысли легла не одна „Исторія Г. Р.“: ему много дали непосредственное знакомство съ первоисточниками, а также образы и литературныя формы, созданныя великимъ англійскимъ поэтомъ-драматургомъ^{.4)}

¹⁾ Поливановское изданіе сочиненій Пушкина, т. III, стр.17—18 (2-е изд., М. 1899).

²⁾ Статья Б. Л. Модзалевскаго въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“, XIII, 160.

³⁾ Акад. изд. IV, 141.

⁴⁾ Н. Н. Раевскій (сынъ), къ мнѣнію котораго Пушкинъ обыкновенно прислушивался съ большимъ вниманіемъ, узнавъ, что тотъ принялся за „Бориса Годунова“, даетъ ему такой совѣтъ: не руководиться однимъ только рассказомъ Карамзина, но справляться и съ его источниками (Quant à la patience, j'aurais voulu vous voir consulter les sources, où Karamsine a puisé, au lieu de vous en tenir à son seul récit. Письмо 19 мая 1825 г. Переписка Пушкина, I, 212). Нуждался ли въ такомъ совѣтѣ Пушкинъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ не разошелся съ своимъ другомъ и, дѣйствительно, не ограничился однимъ Карамзинымъ.

Очевидно, серьезно оспаривать въ наши дни суровый приговоръ Полевого и Бѣлинскаго, доказывать, что Пушкинъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ не слѣдовалъ рабски за Карамзинымъ, значило бы ломиться въ открытую дверь; зато разобратся въ указанія Жданова пока еще не бесполезно, такъ какъ односторонній отпечатокъ, наложенный имъ на поэта, думается, и до сихъ поръ еще преобладаетъ въ нашей литературѣ. Справедливо напавъ на крайности и преувеличенія противника, Ждановъ впалъ въ односторонность: не замѣтилъ у него частичной правды и допустилъ ошибки у себя самого.

Настоящая статья и ставитъ себѣ задачею указать на эту односторонность и провѣрить, не преувеличилъ ли покойный академикъ разстояніе, отдѣляющее Карамзина отъ Пушкина, и не найдутся ли въ самой „Комедіи“ мѣста, идущія вразрѣзъ съ его положеніями?

II.

1. Такъ, едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что сказано Ждановымъ по поводу сцены 20-й, носящей названіе „Лѣсъ“. Въ этой сценѣ пушкинскій Лжедмитрій соболѣзнуетъ о гибели коня, который „въ отдаленіи лежитъ издыхающій“. Критикъ ищетъ основу сцены у Петрея, въ передачѣ Щербатова: „у Карамзина“, говоритъ онъ въ подтвержденіе своей мысли, „нѣтъ извѣстія объ убитомъ конѣ Самозванца“. ¹⁾ Совершенно вѣрно. Но объ убитомъ конѣ нѣтъ ничего и у Петрея и у Щербатова: у нихъ, какъ и у Карамзина, рѣчь идетъ лишь о раненой лошади — разницы никакой. ²⁾ А между тѣмъ какъ разъ Карамзинъ внесъ еще одну черту, хотя хронологически и болѣе раннюю, которая отсутствуетъ у Петрея, но которую Пушкинъ охотно и умѣло использовалъ: „Лжедмитрій и Мнишекъ вмѣстѣ отступили отъ Новгорода-Сѣверскаго 12 генваря и ночевали въ Новгородѣ, 13-го въ лѣсу при какой-то деревнѣ, 14-го надъ болотомъ“. Этимъ выраженіемъ: „въ лѣсу“ Пушкинъ и воспользовался, обозначивъ нарисованную имъ сцену заголовкомъ „Лѣсъ“.

2. Точно такъ же нѣтъ достаточныхъ основаній утверждать, будто въ оцѣнкѣ Юрьева дня (ср. IX, монологъ боярина Пушкина) авторъ „Бориса Годунова“ руководился толкованіемъ не Карамзина, а историковъ XVIII вѣка. Татищевъ, ³⁾ котораго имѣлъ въ данномъ случаѣ Ждановъ въ виду, говоритъ о послѣдствіяхъ правительственнаго указа

¹⁾ Лекція, 16; Сочиненія, II, 112.

²⁾ Петрей, Исторія о вел. княжествѣ Московскомъ, пер. А. Н. Шемакина. М. 1867, стр. 198: „Верховая лошадь Димитрія тоже была ранена въ бедро и едва смогла унести его оттуда“ (изъ стана, захваченнаго войсками Бориса). Щербатовъ, Исторія Россійская, т. VII, ч. I (Спб. 1790), стр. 247: „Г. Миллеръ, послѣдуя Петрею, говоритъ, что на семь побоищъ лошадь подъ самимъ Самозванцемъ была ранена, и онъ едва могъ спастись отъ плѣненія“. Исторія Гос. Росс., XI, 171: „онъ на раненомъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ, и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе, въ городъ Рыльскъ“.

³⁾ Его мнѣніе повторено также и Щербатовымъ.

лично для Бориса Годунова, о томъ, что „Юрьевъ день“ явился одною изъ главныхъ причинъ его послѣдующаго паденія; ¹⁾ между тѣмъ Пушкинъ этого вопроса совсѣмъ и не касался; и если Карамзинъ не раздѣлялъ мнѣнія Татищева, ²⁾ то отсюда до сближенія „историковъ XVIII вѣка“ съ Пушкинымъ, очевидно, еще далеко, и нѣтъ оснований утверждать, будто Пушкинъ „не раздѣлялъ недоумѣнія Карамзина къ этимъ показаніямъ Татищева“. ³⁾ Ждановъ допустилъ несомнѣнный недосмотръ, тѣмъ болѣе характерный, что отъ его вниманія ускользнули другія строки карамзинскаго текста на ту же тему, — строки, сопоставленіе которыхъ, однако, съ монологомъ боярина Пушкина показало бы, вмѣсто расхожденія, полное духовное родство поэта съ историкомъ.

Вотъ что говоритъ Карамзинъ по поводу запрещенія „свободнаго перехода крестьянъ изъ волости въ волость“: „Крестьяне жалѣли о древней свободѣ..., а богатые владѣльцы, имѣя немало земель пустыхъ, лишались выгоды населять оныя хлѣбопашцами вольными, коихъ они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ“. ⁴⁾

Недовольны, значить, и крестьяне и крупные землевладѣльцы. Бояринъ Пушкинъ и кн. В. И. Шуйскій, собесѣдники, конечно, были крупными землевладѣльцами, и указъ 1592 года задѣлъ ихъ имущественные интересы весьма чувствительно... Но развѣ не эту именно мысль о недовольствѣ двухъ слоевъ населенія высказываетъ авторъ „Комедіи“ ?

„Вотъ Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца ! Радъ не радъ,
Корми его. Не смѣй переманить
Работника! не то въ приказъ Холопій.
Ну, слыхано ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй Самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха“.

¹⁾ Вотъ текстъ Татищева въ передачѣ Жданова: „Сей законъ о вольности по прежнему крестьянъ онъ (Годуновъ) учинилъ противъ своего разсужденія... надѣясь тѣмъ ласканіемъ болѣе духовнымъ и вельможамъ угодить и себя на престолѣ утвердить, а роптанія и многія тяжбы пресѣчь; но вскорѣ услыша большое о семъ негодованіе и ропотъ, что духовные и вельможи, имѣющіе множество пустыхъ земель, отъ малоземельныхъ дворянъ крестьянъ себѣ перезвали, принужденъ паки вскорѣ перемѣнить и не токмо крестьянъ, но и холопей невольными сдѣлалъ: изъ чего великая бѣда приключилась и большею частію чрезъ то престолѣ съ жизнію всей своей фамиліи потерялъ, а государство великое разореніе претерпѣло“. Полный текстъ Татищева см. у Карамзина, XI, прим. 121, со ссылкой на „Судебникъ“, изд. Татищевымъ, 224.

²⁾ Карамзинъ, XI, 86—87: „Увѣряютъ, что измѣненіе устава древняго и нетвердость новаго, возбудивъ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и на бѣдственную судьбу Годунова; но сіе любопытное сказаніе историковъ XVIII в. не основано на извѣстіяхъ современниковъ, которые единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ“.

³⁾ Лекція, 17; Сочиненія, II, 113.

⁴⁾ Исторія Г. Р., X, 209.

Заимствованіе доходить вплоть до отдѣльныхъ выраженій: „не смѣй переманить работника“, и карамзинское „они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ или помѣщиковъ“.

3. Особенно много спорнаго высказано Ждановымъ по поводу сцены I, гдѣ Пушкинъ заставляетъ бесѣдовать кн. В. И. Шуйскаго съ кн. Мих. Ив. Воротынскимъ. Ждановъ утверждаетъ будто стоить только прочесть эту сцену, „чтобы убѣдиться, что между разговоромъ историка и замысломъ поэта нѣтъ сходства“ (курсивъ автора).¹⁾ Такъ ли это, однако?

Свое разсужденіе Ждановъ строитъ на фразѣ Карамзина: „они не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ и спорить о коронѣ“, — не смѣли становиться Борису поперекъ дороги на пути къ престолу; между тѣмъ, замѣчаетъ Ждановъ, изъ разговора Шуйскаго съ Воротынскимъ „узнаемъ, что Рюриковичи дерзали мыслить о своемъ правѣ“. Что навело Пушкина на такую мысль? Разговоръ двухъ бояръ, отвѣчаетъ нашъ критикъ, есть „художественное развитіе лѣтописнаго намека о князьяхъ Шуйскихъ, которые Борису „не хотяху на царство, узнаху его, что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію“.

Въ дѣйствительности, что сказано у Карамзина? Про бояръ, участниковъ въ избраніи Годунова, онъ говоритъ: „Тутъ находились князья Рюрикова племени: Шуйскіе, Сицкіе, Воротынскій, Ростовскіе, Телятевскіе и столь многіе иные, но давно лишенные достоинства князей владѣтельныхъ, давно слуги московскихъ государей наравнѣ съ дѣтьми боярскими, они не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ и спорить о коронѣ съ тѣмъ, кто безъ имени царскаго уже тринадцать лѣтъ единовластвовалъ въ Россіи: былъ хотя и потомкомъ мурзы, но братомъ царицы.“²⁾

Читая эти строки, Ждановъ, равно и воспринявшее его мысль Академическое изданіе сочиненій Пушкина (IV, 171), думается, упустили изъ вниманія одну особенность автора „Исторіи Гос. Росс.“, столь ему обычную и красною нитью проходящую черезъ всѣ томы его монументальнаго труда: добросовѣстный, осторожный историкъ Карамзинъ не переставалъ оставаться тѣмъ литераторомъ, какимъ онъ былъ раньше, когда еще и не думалъ записываться въ историческій цехъ. Выраженіе „не дерзали мыслить“ — вѣдь это же чисто литературный оборотъ рѣчи, чтеніе мыслей въ чужой душѣ, выраженіе, ни къ чему не обязывающее! Подчеркнемъ въ текстѣ Карамзина не этотъ глаголь — „мыслить“, а другой, слѣдующій за нимъ, и прочитаемъ его фразу такъ: „они не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ и спорить о коронѣ“, — тогда и впечатлѣніе, несомнѣнно, получится иное; литература, съ которой можно и слѣдовало не считаться, отступить на задній планъ, а выдвинется фактъ историческій; и этотъ-то историческій фактъ, укажан-

¹⁾ Лекція, 23; Сочиненія, II, 119.

²⁾ Исторія Гос. Росс. X, 230.

ный Карамзинымъ, Пушкинъ и усвоилъ всецѣло: его Шуйскій и Воротынскій, дѣйствительно, не „спорятъ о коронѣ“, съ своимъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ въ данную минуту, они примирились:

„Да, трудно намъ тягаться съ Годуновымъ“!

уныло говоритъ Воротынскій; и даже Шуйскій, наиболѣе активный и смѣлый, и тотъ предлагаетъ „народъ искусно волновать“ лишь въ томъ случаѣ, „когда Борисъ хитритъ не перестанетъ“.

Такимъ образомъ мыслить пушкинскіе бояре — мыслили; но спорить они не спорили, и въ этомъ отношеніи поэтъ ни въ чемъ не разошелся съ Карамзинымъ, вразрѣзъ тому, что пытался установить Ждановъ, говоря: „есть извѣстія, что избраніе Бориса прошло не безъ противодѣйствія нѣкоторыхъ бояръ“.¹⁾

Эта согласованность пушкинскаго текста съ карамзинскимъ выступить еще нагляднѣе, если вспомнить содержаніе примѣчанія 389 въ т. X „Исторіи Гос. Росс.“: „Въ лѣтописи сказано (см. Никон. лѣт.), что одни Шуйскіе не хотѣли Годунова на царство, однако жъ и Шуйскіе не противорѣчили“. Согласно этому и у Пушкина:

1. Недоброжелательство къ Борису проявляетъ, дѣйствительно, одинъ Шуйскій, Воротынскій лишь вторитъ ему;

2. Шуйскій Пушкина тоже „не противорѣчитъ“, — въ обоихъ случаяхъ поэтъ идетъ по стопамъ своего руководителя.

Надо удивляться, какъ Ждановъ не замѣтилъ своего расхожденія съ фактической стороной дѣла: данныя, бывшія въ его распоряженіи — примѣчаніе 389-ое, основанное на лѣтописи, и непосредственно текстъ самой лѣтописи — утверждали какъ разъ обратное тому, что онъ говоритъ: Шуйскіе „не хотѣли“ (только не хотѣли!), но активнаго дѣйствія не проявили! Шуйскіе „не противорѣчили“ — въ этихъ послѣднихъ словахъ пассивная позиція, занятая ими, выступаетъ еще убѣдительнѣе, еще нагляднѣе. Шуйскіе „не хотяху“ — и тутъ одно лишь нежеланіе, безъ превращенія его въ дѣйствіе.

Что касается Пушкина, то простой силлогизмъ долженъ подсказать намъ:

1. Карамзинъ использовалъ лѣтопись и опирается на нее; 2. если Пушкинъ, какъ этого хочетъ Ждановъ, опирается на лѣтопись, то, 3. слѣдовательно, онъ не расходится съ Карамзинымъ.²⁾

¹⁾ Лекція, 22; Сочиненія, II., 117.

²⁾ Два слова относительно этого „хочетъ“. Источникъ, откуда черпалъ поэтъ основную идею бесѣды Шуйскаго съ Ворогынскимъ, Ждановъ хочетъ непременно видѣть въ лѣтописи. Не станемъ отрицать возможности того, что Пушкинъ пользовался лѣтописью и въ данномъ случаѣ непосредственно, однако, особой надобности въ этомъ ему, судя по приведеннымъ выше выпискамъ, не представлялось: сказаннаго Карамзинымъ было вполне достаточно, и чего-либо новаго лѣтопись дать ему уже не могла. Къ слову сказать, въ „Библиотекѣ Пушкина“, какъ она описана Б. Л. Модзалевскимъ, Никоновской лѣтописи не находилось, а другія изъ занесенныхъ въ опись своего изложенія до времени Годунова не доводили („Пушкинъ и его современники“, вып. IX—X, стр. 37, 38, 60, 66).

Указанный промах Жданова в толковании текста произошел, в известной степени, от неосторожного перенесения Ждановым современных ему представлений и оценок событий на времена карамзинских. В 1891 году, действительно, можно было говорить о „противодѣйствіи“, и тѣмъ болѣе можно это сказать в наше время, в 1929 году; но в эпоху создания „Исторіи Г. Р.“ тайныя пружины соперниковъ и враговъ Годунова при избраніи его на царство достаточно еще не выяснились (да выяснились ли онѣ вполнѣ и в наши дни?); во всякомъ случаѣ, Карамзинъ о нихъ ничего не говоритъ, молчитъ о нихъ и Пушкинъ.

Желая освободить Пушкина отъ „рабской зависимости“, Ждановъ не проявляетъ должной справедливости къ „рабовладѣльцу“ — къ самому историку: онъ готовъ чуть не обвинить Карамзина в томъ, что тотъ обходитъ и какъ бы прячетъ в примѣчанія факты, идущіе вразрѣзъ съ основными линиями его рисунка. „Вѣрный своему основному взгляду на судьбу Бориса, своему плану, дѣлившему царствованіе Годунова на двѣ непохожія одна на другую картины, онъ постарался обойти“, хотя и зналъ ихъ, извѣстія, свидѣтельствовавшія объ извѣстномъ противодѣйствіи бояръ избранію Бориса и объ отсутствіи въ народѣ искренняго восторга при извѣстіи объ этомъ избраніи. Такъ, в текстѣ своей „Исторіи“, слѣдующаго свидѣтельству избирательной грамоты, Карамзинъ говоритъ, что кандидатура Бориса была встрѣчена общимъ восторгомъ: „усердіе обратилось въ восторгъ, и долго нельзя было ничего слышать, кромѣ имени Борисова, громко и повтораемаго всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ“; между тѣмъ в примѣчаніи 389-омъ сказано о нежеланіи Шуйскихъ видѣть Годунова на царствѣ.¹⁾

Справедливъ ли, однако, такой упрекъ? Безъ „литературы“ Карамзинъ, правда, не обошелся и здѣсь („усердіе обратилось въ восторгъ“), но в обращеніи съ фактами онъ проявилъ надлежащую осторожность вдумчиваго, серьезнаго историка: взявъ въ основу показаніе избирательной грамоты и руководясь ею в изложеніи событий, Карамзинъ, какъ и подобало добросовѣстному историку, не замалчиваетъ и того, что было в мысляхъ у Шуйскихъ. Чего же требовать больше? Чтобы о Шуйскихъ, о фактѣ второстепеннаго (какъ его понималъ Карамзинъ) значенія, упомянуто было непременно в текстѣ книги, а не „запрятано“ в примѣчаніе? . . .

Но это уже вопросъ архитектоники, распредѣленія матеріала, — вопросъ о законномъ правѣ автора не сбивать въ одну кучу все, чѣмъ ему хотѣлось и чѣмъ онъ считалъ нужнымъ подѣлиться со своимъ читателемъ, вопросъ о правѣ (а имъ Карамзинъ, именно какъ „литераторъ“, особенно дорожилъ) выдвинуть на первое мѣсто наиболѣе главное и отодвинуть на второе факты второстепенные. Можно спорить о томъ, что слѣдовало признавать за главное, что за второ-

¹⁾ Лекція, 22; Сочиненія, II, 118.

степенное; но въ данномъ случаѣ Пушкинъ, очевидно, слѣдовалъ за Карамзинымъ и разошелся съ его критикомъ: онъ тоже указываетъ на пассивность боярскую въ дѣлѣ воцаренія Бориса и даже начинаетъ изображеніемъ ея свою пьесу.¹⁾

III.

Усиленное желаніе освободить Пушкина отъ обвиненія въ „рабской“ зависимости помѣшало Жданову увидеть поразительную духовную связь первой сцены съ „Исторіей Гос. Росс.“; а вѣдь, эта связь и зависимость автора отъ матеріала, собраннаго Карамзинымъ, выступаютъ наружу, можетъ быть, выпуклѣе, чѣмъ въ какой-либо иной сценѣ: вся обстановка, въ которой происходитъ дѣйствіе, самыя лица, ихъ характеръ, имена, общественное положеніе, оцѣнка этихъ лицъ и ихъ поступковъ — все это карамзинское! Въ самомъ дѣлѣ:

1. Развѣ пушкинскій кн. В. И. Шуйскій такой, какимъ онъ обрисованъ въ сценѣ I (да и въ остальныхъ тоже), не есть тотъ „князь честолюбивый, легкомысленный, умный, безъ правилъ добродѣтели“, чловѣкъ „безсовѣстной лживости“, „слабый, если и не безбожный човѣкоугодникъ“,²⁾ какимъ характеризуетъ его Карамзинъ по связи съ его поведеніемъ на слѣдствіи въ Угличѣ?³⁾

2. Слѣды вліянія карамзинскаго текста можно прослѣдить и на Воротынскомъ. Первоначально собесѣдникомъ Шуйскаго Пушкинъ выбралъ было князя Ростовскаго: но, вчитываясь въ „Исторію Гос. Росс.“, онъ, видимо, убѣдился, что личность Воротынскаго, какъ Рюриковича, болѣе выпукла, что о ней сохранилось болѣе историческихъ данныхъ, и Ростовскій былъ замѣненъ Воротынскимъ. Дѣйствительно, князь Ростовскій затеривается у Карамзина среди другихъ бояръ, тогда какъ у боярина Ивана Михайл. Воротынскаго есть родовое прошлое: его отецъ, Михаилъ Иван. Воротынскій — знаменитый побѣдитель крымскихъ татаръ на р. Лопаснѣ (1572 г.), защитникъ

¹⁾ Въ указанной сценѣ обыкновенно видятъ зерно будущихъ боярскихъ интригъ противъ Бориса; но съ не меньшимъ правомъ можно посмотреть на нее и какъ на выраженіе боярскаго безсилія, расчистившаго путь Годунову. Что именно хотѣлъ сказать этою сценою самъ авторъ? Не задавайте ему такихъ вопросовъ: поэтъ не анализируетъ, онъ творитъ безотчетно и рисуетъ образы такими, какими подсказало ему его художественное чутье.

²⁾ Исторія Гос. Росс., X, 137, 138.

³⁾ Обыкновенно (Поливановъ, III, 164) пушкинскаго Шуйскаго сопоставляютъ съ характеристикой, данной Карамзинымъ въ XII-мъ томѣ его труда: „лицемѣръ, а не герой добродѣтели“, „льстивый царедворецъ“, „сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ“ Бориса; чловѣкъ „съ холоднымъ сердцемъ“, славящійся, однако, „разумомъ мужа думнаго и свѣдѣніями книжными“ (XII, 2—3); но позаимствовать именно эти черты Пушкинъ не могъ, такъ какъ томъ XII-й вышелъ въ свѣтъ лишь въ 1829 году, четыре года спустя послѣ того, какъ былъ написанъ „Борисъ Годуновъ“; но по существу, эпитеты X-го тома мало отличаются отъ эпитетовъ (нѣсколько болѣе яркихъ) тома XII-го. Впрочемъ, въ томѣ XII-мъ выраженіе „льстивый царедворецъ“ можно сблизить съ эпитетомъ „лукавый царедворецъ“, какимъ награждаетъ Шуйскаго Воротынскій у Пушкина (сцена 4-я).

южной и юго-восточной окраины Русского государства, носившей рѣдкое въ ту пору и болѣе почетное, чѣмъ самый санъ боярина, званіе слуги. Отецъ пушкинскаго Воротынскаго стоялъ на положеніи удѣльнаго князя; какъ таковому, царь Иванъ Грозный оставляетъ ему, по завѣщанію 1572 г., треть Воротынска, запрещая своему наслѣднику вступаться въ его долю. Свое высокое положеніе при Дворѣ Михаилъ Воротынскій передалъ и сыну.¹⁾

При выборѣ преемника царю Феодору Воротынскій - сынъ активныхъ дѣйствій не проявилъ: если, подобно Шуйскому, онъ тоже „мыслилъ“, то „спорилъ“ еще менѣе того, и въ этомъ соотношеніи двухъ бояръ у Пушкина, въ опредѣленіи ихъ удѣльнаго вѣса, можно тоже видѣть вліяніе „Исторіи Гос. Росс.“: какъ тамъ выдвинуть Шуйскій, такъ и у Пушкина Воротынскій поставленъ въ тѣни, въ пассивной роли подпѣвалы.

Продолжимъ, однако, сопоставленія пушкинскаго текста первой сцены съ текстомъ Карамзина.

3. „Москва пуста; во слѣдъ за патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ“ —

„Немедленно всѣмъ соборомъ пошли въ монастырь Новодѣвичій, гдѣ патріархъ Іовъ, говоря именемъ отечества, заклиналъ монахиню Александру благословить ея брата на царство“.²⁾

4. „Но мѣсяць ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское“ —

эти слова Воротынскаго что такое, какъ не перефразировка словъ Карамзина: Годуновъ „заключился въ монастырь съ сестрою, плакалъ и молился съ нею“?³⁾

5. „Ни патріархъ ни думные бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица,
Какъ онъ, тверда, какъ онъ, неумолима.“

Это говоритъ тотъ же Воротынскій, и можно думать, что передъ этимъ у него въ рукахъ былъ тотъ же X-й томъ карамзинской исторіи, гдѣ онъ вычиталъ, какъ Годуновъ „чтобы похитить корону, съ ужасомъ отринулъ ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно, духовенствомъ, синклитомъ, народомъ; клялся, что никогда, рожденный вѣр-

¹⁾ Исторія Г. Р., X, примѣч. 270, 413 и Прибавленіе I, стр. 157.

²⁾ Исторія Гос. Росс., X, 225.

³⁾ Тамъ же, X, 224.

нымъ подданнымъ, не мечталъ о санѣ державномъ и никогда не дерзнетъ взять скипетра, освященнаго рукою усопшаго царя-ангела... Патріархъ... убѣждалъ, требовалъ и не могъ поколебать его твердости ни въ сей день ни въ слѣдующіе“.¹⁾

6. Хронологическія рамки указаны Пушкину Карамзинымъ, и поэтъ строго придерживается ихъ. Историкъ пишетъ: „въ пятницу 17 февраля открылась въ Кремлѣ Дума Земская, или Государственный соборъ; февраля 20 Іовъ, святители, вельможи объявили Годуну, что онъ избранъ въ цари уже не Москвою, а всею Россіею“.²⁾ Пушкинъ и руководствуется этими двумя датами: относя сцену между Шуйскимъ и Воротынскимъ къ 20-му февраля, онъ, въ перечнѣ попытокъ убѣдить Бориса принять корону, упоминаетъ и про „голосъ земскаго собора“. Поэтому хронологически правдоподобны и заключительныя слова Шуйскаго:

„Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ рѣшено ли“...

Они шли узнавать рѣшеніе Земскаго собора.

7. „Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ?“

Эти двѣ фразы составляютъ, въ сущности, простое переложеніе записи, которую Пушкинъ внесъ въ свою черновую тетрадь на основаніи карамзинскаго текста: Чепчуговъ уклонился; клевететь Борисовъ Клешнинъ представилъ Михаила Битяговскаго, а вмѣстѣ съ Битяговскимъ въ Угличъ пріѣхалъ сынъ его Данила и племянникъ Никита Качаловъ.³⁾

8. „Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды“ —

„19 мая ввечеру кн. Шуйскій, Клешнинъ... пріѣхали въ Угличъ... прямо въ церковь св. Преображенія. Тамъ еще лежало Димитріево тѣло окровавленное, и на тѣлѣ ножъ убійцы“.⁴⁾

9. „Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали;
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя“...

„Единодушно, единогласно — иноки, священники, мужи и жены, старцы и юноши — отвѣтствовали: царевичъ убиенъ своими рабами, Михайломъ Битяговскимъ, съ клеветами, по волѣ Бориса Годунова“.⁵⁾

¹⁾ Тамъ же, X, 226, 227.

²⁾ Тамъ же, X, 228, 232.

³⁾ Ср. Поливановъ, III, 34, гдѣ сопоставлены тексты Пушкина и Карамзина.

⁴⁾ Исторія Гос. Росс., X, 137.

⁵⁾ Тамъ же, X, 138.

10. „Но царь (Феодоръ)
На все глядѣль очами Годунова,
Всему внималь ушами Годунова;
Пускай его бѣ увѣрилъ я во всемъ,
Борись тотчасъ его бы разувѣрилъ“ —

„Феодоръ, не имѣя ни пронцанія въ умѣ, ни твердости въ волѣ, искалъ болѣе, нежели совѣтника или помощника: искалъ, на кого возложить всю тягость правленія... и совершенно отдался смѣлому честолюбцу“. ¹⁾

11. „А тамъ меня жѣ сослали бѣ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бѣ задавили“ —

„Правитель... велѣлъ удавить двухъ главныхъ Шуйскихъ въ заточеніи: боярина Андрея Ивановича, отличнаго умомъ, и знаменитаго князя Ивана Петровича“. ²⁾

Наконецъ, 12. Слова Воротынскаго про Бориса:

„А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать“ —

точно такъ же основаны на текстѣ Карамзина.

а) Страхъ Пушкинъ вычиталъ въ словахъ: „Смиривъ дворъ ополоу Шуйскихъ, духовенство сверженіемъ митрополита, а гражданъ столицы казню знатныхъ гостей московскихъ... Годуновъ уже не видѣлъ никакого сопротивленія“ и т. д. ³⁾

б) Любовь — въ словахъ: въ Москвѣ случился большой пожаръ, и Годуновъ выстроилъ погорѣльцамъ „цѣлыя улицы, раздавалъ деньги, льготныя грамоты; оказывалъ щедрость безпримѣрную, такъ что москвитяне, утѣшенные, изумленные сими благодѣянїями, начали ревностно славить Годунова“. ⁴⁾

в) Слава — Карамзинъ говоритъ: въ 1591 г. Борисъ „стоялъ на высшей степени величія, какъ полный властелинъ царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ, безмолвныхъ или громко-славословящихъ его высокія достоинства“; побѣда въ томъ же году надъ крымскимъ ханомъ дала случай официально заявить: „и въ Россіи и въ чужихъ земляхъ, что Богъ даровалъ ему (царю) побѣду радѣніемъ и промысломъ Борисовымъ“. ⁵⁾

Повторяю, какой еще болѣе духовной связи и зависимости въ подборѣ матеріала съ мыслями автора „Исторіи Гос. Росс.“ можно требовать? ⁶⁾

¹⁾ Тамъ же, X, 12.

²⁾ Тамъ же, X, 79.

³⁾ Тамъ же, X, 81.

⁴⁾ Тамъ же, X, 143.

⁵⁾ Тамъ же, X, 115, 156.

⁶⁾ Если и говорить о независимости Пушкина отъ Карамзина, то правильнѣе было бы указать на ту licentiam poetarum, какую авторъ драмы допустилъ въ этой первой сценѣ, заставивъ двухъ первостепенныхъ бояръ выбрать для своей

IV.

Есть въ „Борисъ Годуновъ“ одинъ монологъ, на рѣдкость сближающій произведеніе Пушкина съ монументальнымъ трудомъ Карамзина. Онъ, конечно, всѣмъ памятенъ. Я говорю о монологѣ Пимена, о его разсказѣ про убійство царевича Дмитрія.

Карамзинъ повѣствуетъ: „15 мая, въ субботу, въ шестомъ часу дня царица возвратилась съ сыномъ изъ церкви и готовилась обѣдать... слуги носили кушанье. Въ сію минуту боярыня Волохова позвала Дмитрія гулять во дворъ... Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали и кинулись съ лѣстницы... Десятилѣтній святой мученикъ лежалъ окровавленный... онъ трепеталъ, какъ голубь, испуская духъ...“

Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодѣйствомъ... чрезъ минуту весь городъ представлялъ зрѣлище мятежа неизъяснимаго. Пономарь... ударилъ въ набатъ, и всѣ улицы наполнялись людьми, встревоженными, изумленными; бѣжали на звукъ колокола; смотрѣли дыма, пламени, думая, что горитъ дворецъ; вломились въ его ворота; увидѣли царевича мертвого на землѣ; подлѣ него лежали мать и кормилица безъ памяти... Тайный вождь ихъ, Михайло Битяговскій... безстрашно явился на мѣстѣ злодѣянія... „Душегубецъ!“ завопили толпы... Третій убійца, Осипъ Волоховъ ушелъ въ домъ Михайла Битяговскаго: его взяли, привели въ церковь Спаса, гдѣ уже стоялъ гробъ Дмитріевъ, и тамъ умертвили... Злодѣи... издыхая, облегчили свою совѣсть... искреннимъ признаніемъ: наименовали и главнаго виновника Дмитріевой смерти: Бориса Годунова“.¹⁾

У того же Карамзина, въ одномъ изъ примѣчаній (232) Пушкинъ вычиталъ и прямое свидѣтельство лѣтописца:

„И тотчасъ убійцъ всѣхъ похватали и привелоша ихъ на дворъ, и рѣша гражданае: окаяннии и зліи человѣцы! како дерзнусте такое дѣло сотворити?... Они же окаяннии стояху и зряху сѣмо и овамо, видяще свою винность, и рѣша къ народу: „неповинная кровь насъ обличила: послушали мы прелестника, Бориса Годунова... а нынѣ мы по дѣломъ своимъ смерть приедемъ“.

Какъ именно использовалъ Пушкинъ находившійся въ его распоряженіи матеріалъ, можно судить по ниже приводимому монологу:

„Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ, бѣгутъ во дворъ царицы. Я

бесѣды самый неподходящій въ общественномъ и служебномъ положеніи моментъ — засѣданія Земскаго Собора, рѣшавшаго важнѣйшій для всей страны вопросъ: избраніе Бориса Годунова на царство. Допустимо ли, съ требованіями исторической правдоподобности, отсутствіе Шуйскаго и Воротынскаго на засѣданіи въ такую минуту?

¹⁾ Исторія Г. Р., X, 132—135.

Спѣшу туда жъ, — а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица матъ въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочить
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣдень,
Является Іуда-Битяговскій.
„Вотъ, вотъ, злодѣй!“ раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтесь!“ народъ имъ завопилъ;
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса“.

Сопоставленіе этого монолога съ рассказомъ Карамзина дѣлалось въ нашей литературѣ какъ-то мимоходомъ, недостаточно ярко и выпукло, да и то, кажется, немногими. Поливановъ ограничился простой перепечаткою карамзинскаго текста подъ пушкинскимъ (III, 184); Филоновъ не пошелъ дальше указанія на одну—двѣ детали: указалъ на совпаденіе словъ („ударилъ въ набать“: „наименовали Бориса Годунова“), на усвоеніе мысли, выраженной въ словахъ: „облегчили совѣсть признаніемъ“ (15) — и только.

Между тѣмъ дѣло совсѣмъ не въ деталяхъ. Передъ нами на лицо, можно сказать, полное возстановленіе нарисованной историкомъ картины (потому что Карамзинъ не только рассказывалъ, но и рисовалъ) во всемъ ея цѣломъ. Читая Пушкина, точно читаешь самого Карамзина, точно слѣдишь за ходомъ дѣйствій въ томъ видѣ и почти въ томъ самомъ порядкѣ, какъ они изложены въ „Исторіи“. Отступленія, неизбѣжныя и необходимыя въ произведеніи поэтическомъ, ничтожны, а если гдѣ и выступаютъ опредѣленнѣе и рѣзче, то всегда въ интересахъ художественности; слѣдовательно, Пушкинъ прибѣгалъ къ нимъ сознательно и намѣренно.

Историкъ началъ свою повѣсть съ обстоятельнаго опредѣленія момента, когда совершилось убійство: послѣ церковной службы, передъ тѣмъ какъ царицѣ сѣсть за обѣдъ, и поэтъ кратко и выразительно сводитъ эти показанія въ одно выраженіе: „въ часъ обѣдни“.

„Ударилъ въ набать; крикъ, шумъ. Бѣгутъ во дворъ царицы“ — короткія фразы, одна даже совсѣмъ безъ сказуемаго: картина быстрой смѣны событій — въ духѣ и въ соотвѣтствіи съ изложеніемъ первоисточника. Но, слѣдуя Карамзину, Пушкинъ, какъ истинный поэтъ, не боится отбросить подробности, способныя ослабить впечатлѣніе этой „быстроты“: онъ устраняетъ мысль о пожарѣ и двумя короткими словами: „крикъ, шумъ“ очерчиваетъ возбужденное настроеніе угличанъ, взамѣнъ длительныхъ и дисгармоничныхъ прилагательныхъ Карамзина: „встревоженные, изумленные“.

Зато, отбрасывая детали второстепенных, поэт умѣло сохраняетъ главные и не забываетъ упомянуть, что во дворѣ собрался „весь городъ“.

У Карамзина и мать и кормилица обѣ лежатъ „безъ памяти“; поэтъ художественно соблюдаетъ градаціи въ выраженіи чувствъ двухъ женщинъ: чувство матери сильнѣе — она, дѣйствительно, въ обморокѣ: какъ кинулась къ сыну, такъ и упала надъ нимъ, потерявъ сознаніе; кормилица потрясена слабѣе: у нея еще хватаетъ силъ предаваться отчаянію и безнадежно рыдать надъ своимъ вскормленникомъ.

Появленіе на дворѣ Мих. Битяговскаго такъ же быстро, неожиданно („вдругъ“), какъ это чувствуется и по изложенію Карамзина: „Вотъ, вотъ злодѣй!“ раздался общій вопль. Эта фраза воспроизводитъ слова: „Душегубецъ!“ завопили толпы. Напрасно, говоритъ Карамзинъ, искалъ Битяговскій спасенія — смерть настигла его. „И вмигъ его не стало“, повторяетъ Пушкинъ за нимъ.

Выразительный эпитетъ, приданный Битяговскому историкомъ: „тайный вождь ихъ“ (убійць), несомнѣнно, отразился на еще болѣе яркомъ эпитетѣ, какимъ пригвоздилъ Битяговскаго Пушкинъ: „луда“.

Карамзинъ къ тѣлу царевича подводитъ изъ убійць одного только третьяго, вмѣстѣ съ тѣми, кого подозревали въ соучастіи. Лѣтописецъ молчитъ о соучастникахъ, но говоритъ обо всѣхъ убійцахъ. Пушкинъ предпочелъ второй вариантъ — онъ сильнѣе, драматичнѣе и позволилъ поэту избѣгнуть нагроможденія второстепенныхъ деталей. Но что убійць было трое, на это указываетъ и онъ.

Изъ двухъ вариантовъ, предложенныхъ Пушкину Карамзинымъ и лѣтописнымъ сказаніемъ, поэту предстояло сдѣлать выборъ: гдѣ показать читателю тѣло убитаго царевича въ моментъ, когда къ нему подвели убійць: перенести ли его со двора въ церковь, какъ это сдѣлалъ Карамзинъ, или оставить лежать во дворѣ, согласно показанію лѣтописца? Пушкинъ и на этотъ разъ предпочелъ послѣдній вариантъ, и едва ли надо разъяснять — почему: единство мѣста способствовало единству и быстротѣ дѣйствія. А что дѣйствія совершались ускореннымъ темпомъ, это подчеркнута и тѣмъ, что убійцы нашли трупъ младенца еще теплымъ.

Въ одномъ только случаѣ Пушкинъ отступаетъ отъ своего источника, но, какъ замѣчено выше, сознательно и въ интересахъ художественности.

Лѣтописецъ, а вслѣдъ за нимъ и со ссылкой на него Карамзинъ говорятъ о покаяніи убійць, приведенныхъ передъ трупъ царевича, не объясняя, однако, что именно побудило злодѣевъ къ тому. „Невинная кровь насъ обличила“ — но какъ это произошло, какимъ способомъ могла она обличить? Если историкъ, *volens - nolens*, пожалуй, и примирится съ недоговоренностью памятника, то поэтъ — никогда. Пушкинъ ищетъ мотивовъ покаянія; ему необходимо заглянуть въ самую глубь человѣческаго сердца, и отвѣтъ на свой запросъ онъ находитъ не въ

историческомъ фактѣ, а въ красиво, литературно построенной фразѣ историка; „онъ (младенецъ) трепеталь, какъ голубь“. Этого выраженія Пушкину вполне достаточно, — новый образъ уже готовъ. Не бѣда, если самъ историкъ моментъ трепетанія отнесъ къ положенію болѣе раннему (потому что Карамзинъ, хотя и писалъ указанную фразу перомъ литературнымъ, однако, поостерегся пренебречь требованіями исторической достовѣрности), чувство художника подсказало поэту, что превратить фактъ реальный и естественный въ сверхъестественный значило бы, въ данномъ случаѣ, лишь воспринять психологию той народной толпы, про которую шла сейчасъ рѣчь. Ребенокъ съ перерѣзаннымъ горломъ, еще живой, но уже задыхающійся въ предсмертной мукѣ отъ нехватки въ притокѣ свѣжаго воздуха и потому трепещущій въ бесплодномъ усиліи вобрать въ себя источникъ жизни — явленіе вполне естественное; но трепетать послѣ своей смерти это есть настоящее чудо, и, какъ таковое, въ глазахъ возбужденной толпы, не исключая и самихъ убійцъ, есть неопровержимое доказательство преступленія.

Могъ ли, однако, трепетать умершій младенецъ? Могъ ли совершить онъ чудо? А почему же и нѣтъ? Вѣдь Карамзинъ называетъ его „святымъ мученикомъ“!

* * *

Въ видѣ примѣчанія къ сказанному выше, отмѣтимъ еще два выраженія, которыя защитниками пушкинской „независимости“, не безъ основанія, выставляются въ доказательство таковой, но которыя, однако, допускаютъ и иное толкованіе.

1. Академическое изданіе сочиненій Пушкина (IV, 173) указываетъ на сцену XI (Палаты патріарха), будто бы сохранившую слѣды близкаго знакомства Пушкина съ „Лѣтописью о многихъ мятежахъ“. Въ ней игумень, называя Григорія Отрепьева „весьма грамотнымъ“, а патріархъ — „сосудомъ дѣвольскимъ“, оба будто бы лишь повторяютъ слова названной Лѣтописи: „Грамота же ему далася не отъ Бога де, но дѣволу сосудъ учинися, и бысть зѣло грамотенъ“. Предположеніе это вполне допустимо; однако, оно не исключаетъ и другой возможности: Пушкинъ вычиталъ эти выраженія не въ Лѣтописи, а въ „Исторіи Г. Р.“: 1) Ростовскій митрополитъ Іона объявилъ патріарху и самому царю, что „недостойный инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ дѣвольскимъ“; добродушный патріархъ не уважилъ митрополитова извѣстія (XI, 125); и 2) со ссылкой на Никоновскую лѣтопись, Карамзинъ говоритъ: „грамота жъ дастся ему не отъ Бога, и бысть зѣло грамотъ гораздо“ (XI, прим. 194). Въ данномъ случаѣ точекъ соприкосновенія съ Карамзинымъ у Пушкина окажется даже больше, чѣмъ съ Лѣтописцемъ: у того и у другого одинаковое выраженіе: „дѣвольскій“, въ формѣ прилагательнаго; въ Лѣтописи же форма существительнаго: „дѣволъ“.

2. То же можно сказать и про другое сопоставление Академического издания, (IV, 173); стихъ 27-й монолога Бориса („Достигъ я высшей власти“):

„Богъ насылалъ на землю нашу гладъ“, —

хотя и напоминаетъ выраженіе Лѣтописи: „Наведе на насъ гладъ велий“, но онъ также недалекъ и отъ выраженія Авраамія Палицына: „Егда гладомъ наказа насъ Господь“, а выраженіе это приведено въ „Исторіи Г. Р.“ (XI, прим. 190).

V.

Духовная независимость Пушкина и духовная связь его съ трудомъ Карамзина не только не исключали одна другую, но и вполне уживались другъ съ другомъ уже по одному тому, что отнюдь не противорѣчили одна другой. Пушкинъ обильно черпалъ матеріалъ изъ „Исторіи Г. Р.“, на многое смотрѣлъ черезъ тѣ же очки, какъ и Карамзинъ, но всякое заимствованіе творчески претворялъ въ горнилѣ своего духа, и то, что выливалось изъ него, всегда носило оригинальный, специално-пушкинскій отпечатокъ.

А что духовную связь свою съ твореніемъ знаменитаго историка Пушкинъ чувствовалъ, притомъ чувствовалъ сильно и глубоко, доказательствомъ тому является посвященіе имъ своего труда „драгоценной памяти“ автора „Исторіи Г. Р.“

Странная судьба выпала на долю этого посвященія. Одни видятъ въ немъ выраженіе духовнаго „рабства“, другіе считаютъ его совершенно безсодержательнымъ, ничего не говорящимъ. Полевой иронически замѣчалъ: „Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ к а р а м з и н с к а г о Годунова: этимъ словомъ рѣшена участь драмы“; а Ждановъ, ссылаясь на извѣстное письмо Пушкина къ Плетневу, готовъ отнять у этого посвященія всякое показательное значеніе: разумѣется-де, „Пушкинъ высоко цѣнилъ, да и не могъ не цѣнить великаго труда, исполненнаго историкомъ, но поэтъ умѣлъ отдѣлать научно-литературное значеніе „Ист. Гос. Росс.“ отъ тѣхъ публицистическихъ воззрѣній, которыхъ держался Карамзинъ, и которыя могли проглядывать и въ его Исторіи“.¹⁾

Между тѣмъ, что же писалъ Пушкинъ Плетневу про свою трагедію? „Я хотѣлъ ее посвятить Жуковскому со слѣдующими словами: я хотѣлъ было посвятить мою трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мнѣ, чтобъ я посвятилъ любимый трудъ памяти отца — итакъ, если еще можно, то напечатай на заглавномъ листѣ“... И далѣе дается текстъ того посвященія, какой появился въ печати.²⁾

¹⁾ Лекція, 12; Сочиненія, II, 108.

²⁾ Переписка Пушкина, II, 183; Письма, подъ ред. Модзалевскаго, II, 110.

Слова, отмѣченныя нами разрядкой, опущены Ждановымъ, вслѣдствіе чего мысль поэта оказалась переданною въ значительно искаженномъ видѣ: можно подуматъ, что мысль о посвященіи своего труда „драгоценной памяти Н. М. Карамзина“ возникла у него случайно: хотѣлъ-де посвятить Жуковскому, но дочери попросили посвятить памяти отца, вотъ онъ и далъ согласіе, измѣнили прежнему намѣренію. Стоить, однако, прочитатъ въ письмѣ къ Плетневу соответствующія строки полностью, чтобы придти къ совершенно иному выводу.

Мысль Пушкина прошла чрезъ три послѣдовательныхъ стадіи: 1. посвященіе Карамзину, 2. посвященіе Жуковскому, 3. посвященіе памяти Карамзина, — и во всѣ три момента мысль неразрывно связана съ авторомъ „Исторіи Г. Р.“ „Борисъ Годуновъ“ посвящался Жуковскому только потому, что Карамзина уже не было въ живыхъ; и если послѣ Карамзина поэтъ остановился именно на немъ, то, конечно, прежде всего потому, что Жуковскій, наряду съ Карамзинымъ, всегда являлся для него наиболѣе моральнымъ авторитетомъ въ жизни; но чуть только возникла мысль: книгу можно посвятить не только живому лицу, но и его памяти, — поэтъ охотно хватается за нее и не задумывается приступитъ къ ея осуществленію.

VI.

Теперь еще нѣсколько словъ собственно о критикѣ Полевого. Не слѣдуетъ забывать, что она совпала съ другой большой его работой: Полевой писалъ тогда свою „Исторію Русскаго народа“, а она въ самомъ построеніи своемъ кореннымъ образомъ расходилась съ „Исторіей Г. Р.“; критикуя Пушкина, Полевой, въ сущности, критиковалъ чрезъ его голову Карамзина. Отъ его вниманія не ушла односторонность въ указаніи Карамзинымъ элементовъ, опредѣлившихъ ходъ и направленіе русской исторіи конца XVI и начала XVII в., — отсюда его восклицаніе, обращенное къ Пушкину: „гдѣ же Польша? гдѣ боярство русское, гдѣ народъ, гдѣ подробности событій? Все это скрыто за кулисами“. ¹⁾

Подчеркивая въ „Борисѣ Годуновѣ“ отсутствіе того, чего не давала и „Исторія Г. Р.“ (и на этомъ, въ извѣстной степени, строя духовную близость Пушкина къ Карамзину и его зависимость отъ послѣдняго), Полевой одновременно подчеркивалъ и наличность одинаковаго, у того и другого, взгляда на Бориса, какъ на завѣдомаго убійцу царевича Дмитрія: „Какъ могъ Пушкинъ не понять поэзіи той идеи, что исторія не смѣетъ утвердительно назвать Бориса цареубійцею? Что недостоверно для исторіи, то достоверно для поэзіи“. ²⁾ Въ томъ, что Пушкинъ будто бы усвоилъ основной взглядъ Карамзина на Годунова, сдѣлалъ его центральной фигурой своей драмы и связалъ

¹⁾ Поливановъ, III, 116.

²⁾ Поливановъ, III, 111.

съ нимъ идею возмездія Полевой (а вслѣдъ за нимъ и Бѣлинскій) и видѣлъ „рабскую зависимость“ поэта.

Взглядъ этотъ, очень и очень спорный, продолжаетъ и въ наше время находить себѣ сторонниковъ. По мнѣнію такого вдумчиваго историка, какъ Павловъ - Сильванскій, Бѣлинскій, конечно, преувеличивалъ, называя Бориса „мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучить совѣсть, и который въ своемъ злодѣйствѣ нашель себѣ кару“, и въ этомъ видѣлъ у Пушкина „рабское“ подчиненіе Карамзину, но въ существѣ дѣла онъ правъ. „Неизбѣжность возмездія, гибель, роковымъ образомъ связанная съ преступленіемъ, паденіе Бориса отъ тѣни умерщвленнаго имъ царевича Дмитрія — и составляетъ развитіе драмы Пушкина“.¹⁾

Чтобы правильно понять и оцѣнить критику Полевого, ее необходимо вставить въ надлежащія историческія рамки и прежде всего помнить, что въ пору ея появленія вопросъ о виновности Бориса Годунова въ смерти царевича Дмитрія въ исторической литературѣ уже былъ поставленъ и вызывалъ оживленные споры. Погодинъ уже выступилъ въ печати съ защитой Годунова, пытаясь снять съ него обвиненіе въ убійствѣ;²⁾ въ томъ же духѣ писалъ и Арцыбашевъ;³⁾ въ ту пору и Устряловъ готовился заявить: „Каждый, вѣроятно, согласится, что Годуновъ, если не совсѣмъ правъ, по крайней мѣрѣ не кругомъ виновать, и что для каждой души благородной было бы утѣшительно снять проклятіе съ мужа великаго, обвиненнаго, можетъ быть, только по стеченію обстоятельствъ“.⁴⁾ Полевой примкнулъ къ „партіи“ Годунова и, разойдясь съ Карамзинымъ, поднялъ литературное копье и противъ Пушкина.

Но справедливое въ словахъ Полевого въ отношеніи Карамзина оказалось несправедливымъ по отношенію къ Пушкину: послѣдній отнюдь не дѣлалъ изъ Бориса центральную фигуру своей драмы и не строилъ послѣднюю на неизбѣжности рокового возмездія за совершенное преступленіе. Въ вопросѣ объ основной идеѣ „Бориса Годунова“ Надеждинъ (1831) подошелъ, думается, гораздо ближе къ истинѣ, говоря: „Не Борисъ Годуновъ въ своей біографической недѣльности составляетъ предметъ ея, а царствованіе Бориса Годунова... эпоха, имъ наполняемая..., міръ, имъ созданный и съ нимъ разру-

---

¹⁾ П.-Сильванскій, Народъ и царь въ трагедіи Пушкина. Сочиненія Пушкина, изд. Венгерова, II, 311; Сочиненія П.-Сильванскаго, II, 296—297.

²⁾ Московскій Вѣстникъ 1829 г., № 3: Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Дмитрія.

³⁾ Вѣстникъ Европы 1830, №№ 9—12: О кончинѣ царевича Дмитрія. На свою статью Арцыбашевъ смотрѣлъ, какъ на „дополненіе къ дѣльнымъ и убѣдительнымъ доказательствамъ Погодина касательно до невинности царя Бориса въ убіеніи царевича Дмитрія“ (см. В. С. Иконниковъ, Историческія замѣтки. Русскій Архивъ 1886, № 12, стр. 524).

⁴⁾ Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, ч. II (Розыскъ о смерти царевича Дмитрія Угличскаго). Первое изданіе вышло въ Спб. въ 1831—1834 г.г.

шающійся — однимъ словомъ, историческое¹⁾ бытіе Бориса Годунова“.²⁾

Къ сожалѣнію, мысль эта лишь намѣчена и недостаточно развита. Своимъ художественнымъ взоромъ Пушкинъ провидѣлъ то, до чего начинаютъ доходить историки-спеціалисты лишь въ наши дни: воцареніе и гибель Бориса Годунова явились результатомъ совокупности цѣлага ряда отдѣльныхъ элементовъ, и элементы эти, можно сказать, всѣ указаны Пушкинымъ, одни — выпуклѣе, нагляднѣй и полнѣе, другіе — лишь схематически намѣчены. Въ драмѣ Пушкина нѣтъ героя, нѣтъ объединяющаго центра; вмѣсто героя поэтъ изобразилъ намъ эпоху, многообразныя явленія, изъ которыхъ она слагалась, и которыя характеризовали ее. Передъ нами длинной вереницей проходятъ одно за другимъ:

1. Боярство — безсильное къ активному противодѣйствію (сцены 1, 9), пассивно плывущее по теченію (сц. 1: Воротынскій), способное лишь на доносы (сц. 10: Семень Годуновъ), предательство (9, 22, 23: Пушкинъ; 22: Басмановъ), или, самое большее, на изворотливость и интриги, въ ожиданіи подходящей минуты, когда будетъ можно и выгодно сбросить съ себя маску (1, 9, 10: Василій Шуйскій).

2. Народъ — первобытная сила, пассивная въ своей основѣ (2), колеблемая, точно тростникъ подъ вѣтромъ (23, 24), казалось, живущая одними лишь материальными интересами (9: Юрьевъ день), а свой судъ и моральныя требованія не умѣющая выразить иначе, какъ въ уродливой формѣ (18: юродивый), и въ то же время вершительница человѣческихъ судебъ, достаточно мощная, чтобы заставить склониться чашку вѣсовъ въ ту, а не иную сторону (22).

3. Монашество — въ разнообразіи его оттѣнковъ: одни — на высотѣ своего положенія, далекіе отъ суеты мірской, безстрастные ея наблюдатели (сц. 5: Пимень); другіе — великіе, безхитростные молитвенники, неискушенные въ чтеніи сердець человѣческихъ, но сами чистые сердцемъ (6, 16: патриархъ); третьи, напротивъ, типичные образцы оборотной стороны медали, какую являютъ собою тогдашній русскій монашескій міръ (8: Мисаиль, Варлаамъ).

4. Русская эмиграція временъ Ивана Грознаго, все еще не отказавшаяся отъ прежней своей политической роли и все еще готовая отстаивать ее и фрондировать (сцена 11: молодой Курбскій).

5. Русская эмиграція временъ Бориса Годунова, дѣйствующая по мотивамъ значительно болѣе низкимъ: по соображеніямъ личной выгоды и личныхъ интересовъ (сц. 11: Хрущевъ).

6. Донскіе казаки, всегда готовые явиться на зовъ туда, гдѣ найдется работа „вольнымъ войскамъ и храбрымъ атаманамъ“ (сц. 11: Карела).

7. Польша въ лицѣ своего короля (сц. 9).

¹⁾ Курсивъ этого послѣдняго слова у самого автора.

²⁾ Поливановъ, III, 65.

8. Польскіе магнаты: Мнишекъ, Вишневецкій (сц. 13).

9. Польская вольница: Собаньскій (сц. 11).

10. Иезуиты: „латинскіе попы“, Черниковскій (сц. 9, 11).

11. Отмѣтимъ и личность Лжедмитрія. Въ ея изображеніи Пушкинъ отошелъ отъ своего вѣка и значительно приблизился къ нашему времени. Конечно, исходная точка зрѣнія на „Дмитрія“, какъ на сознательнаго обманщика, неизбѣжно стѣснила свободу его оцѣнки; но и въ этихъ сѣуженныхъ рамкахъ Пушкинъ съумѣлъ подмѣтить и оцѣнить въ Лжедмитріи черты, несомнѣнно присущія ему, все равно, считать ли его за самозванца, за Лжедмитрія или даже за истиннаго сына царя Грознаго, — черты, дававшія Пушкину основание сравнивать его съ французскимъ королемъ Генрихомъ IV¹⁾: его экспансивную натуру, которой тѣсно въ предназначенныхъ ей рамкахъ (сц. 5: въ кельѣ Пимена); его безпечность (сц. 20: „разбитый въ прахъ, спасаясь побѣгомъ, безпечень онъ, какъ глупое дитя“), отвагу (14: признаніе Маринѣ), культурность (11: пріемъ, оказанный поэту), скорбь о вынужденномъ наведеніи поляковъ на родную землю (15: „я жъ васъ веду на братьевъ“), — черты, дѣлающія его въ извѣстной степени симпатичнымъ, именно такимъ, какимъ его и знаетъ исторія.

VII.

Духовная близость „Бориса Годунова“ къ „Исторіи Г. Р.“, помимо всего, нашла свою скрѣпу также и въ личныхъ отношеніяхъ Пушкина къ Карамзину, и мы считаемъ не лишнимъ въ сжатомъ очеркѣ напомнить объ этихъ отношеніяхъ, почти всегда благодушныхъ, неизмѣнно овѣянныхъ чувствомъ большаго пѣтета и благодарности.

Встрѣчался ли Пушкинъ съ Карамзинымъ въ дѣтствѣ въ домѣ своихъ родителей, на это прямыхъ указаній не имѣется; съ увѣренностью можно говорить лишь о возможности такой встрѣчи. Во всякомъ случаѣ, знакомство — знакомство настоящее — началось рано, еще до выхода изъ школы, и притомъ, начавшись, быстро перешло въ сближеніе.

Въ мартѣ 1816 года, проѣздомъ изъ Петербурга въ Москву, Карамзинъ посѣтилъ Царскосельскій Лицей, и первыя слова, услышанныя Пушкинымъ отъ именитаго гостя, были: „Пари, какъ орель, но не оставивайся въ полетѣ“.²⁾ Мудрымъ совѣтомъ и своего рода напутственнымъ благословеніемъ прозвучали для Пушкина эти слова; они ободряли, такъ какъ въ нихъ слышалась нота одобренія, похвалы. Такимъ образомъ, Карамзинъ, съ первой же минуты знакомства, предсталъ предъ юнымъ поэтомъ въ видѣ благожелательнаго генія-покровителя.

¹⁾ „Il y a beaucoup de Henri IV dans Дмитрій. Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion—tout deux abjurant leur foi pour cause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux donnant dans des projets chimériques, tout deux en butte aux conspirations“, Переписка, II, 88; Пушкинъ, Письма, II, 62.

²⁾ Вересаев, Пушкин в жизни, I, 36.

Какъ извѣстно, именно такимъ Пушкинъ и изобразилъ Карамзина въ своемъ посланіи „Къ Жуковскому“:

„Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливый меня вниманьемъ ободрить“.

Карамзинъ ѣхалъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы покинуть ее навсегда и переселиться съ семьею на постоянное жительство въ Петербургъ. Лѣто того же 1816 года Карамзины проводили на дачѣ въ Царскомъ, и Пушкинъ съ первыхъ же дней вошелъ въ ихъ семью. Оба Карамзины, и Николай Михайловичъ и Екатерина Андреевна, его жена, оказали ему чисто родственное вниманіе и заботу, согрѣвъ своею ласкою молодое сердце, до той поры почти не вѣдавшее таковой.

Какъ разъ въ ту пору въ Царскомъ Селѣ, при Дворѣ, праздновали (скорѣе — заканчивали праздновать) свадьбу царской сестры, вел. княжны Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ, и тамъ захотѣли имѣть стихи въ честь новобрачнаго. Казалось, всего естественнѣе было бы возложить такое почетное порученіе на Нелединскаго-Мелецкаго или Карамзина, на стихотворцевъ патентованныхъ, тѣмъ болѣе, что оба были близки ко двору вдовствующей императрицы-матери, которая собственно и была непосредственно заинтересована въ этомъ дѣлѣ; но муза того и другого, видимо, уже отяжелѣла, вдохновеніе перестало посѣщать ихъ — и на выручку понадобился Пушкинъ. Черезъ два часа стихи были готовы и, послѣ нѣкоторыхъ „перемѣнъ“ (поправокъ?) Карамзина, доставлены по назначенію.

Съ этой поры Пушкинъ, и въ лицейскомъ мундирѣ, и позже, по выходѣ изъ Лицея, въ модномъ свѣтскомъ фракѣ — свой человекъ въ домѣ Карамзиныхъ: въ царскосельскомъ ли, гдѣ Карамзины проводили лѣто изъ года въ годъ, въ петербургскомъ ли — одинаково. Тамъ вообще рады видѣть его: онъ „остроуменъ“, онъ „смѣшитъ своимъ добрымъ простосердечіемъ“.¹⁾ Справляютъ ли Карамзины свой семейный праздникъ, именини близкихъ родственниковъ, — тутъ же и „маленькій Пушкинъ“: вмѣстѣ съ ними онъ пьетъ здоровье этихъ родственниковъ „отъ всего сердца“;²⁾ ѣдутъ ли Карамзины въ Петергофъ кататься на катерѣ по морю, смотрѣть иллюминацію и фейерверкъ, они не забываютъ взять съ собою и Пушкина.³⁾

Въ домѣ Карамзиныхъ Пушкинъ постоянно въ обществѣ Жуковскаго и Александра Тургенева; здѣсь, конечно, онъ и дружбу свою съ ними свелъ. Это — лучшіе друзья Карамзиныхъ. Если среди нихъ нѣтъ Вяземскаго, брата Карамзиной, то это потому, что въ тѣ годы князь живетъ или въ Москвѣ или въ Варшавѣ, на службѣ. Но мысленно и онъ тутъ, съ ними.

¹⁾ Старина и Новизна, I, 11.

²⁾ П. П. Вяземскій, Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ. М. 1885, стр. 10.

³⁾ Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Спб. 1866, стр. 243.

„Сейчасъ у меня сидятъ Тургеневъ и Пушкинъ, — пишетъ Екатерина Андреевна брату и его женѣ, — они вась обнимаютъ и шлютъ наилучшія пожеланія“.¹⁾ „Сейчасъ, — пишетъ Тургеневъ тому же Вяземскому, — возвратился изъ Петергофа, гдѣ провелъ время съ Карамзинымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ, слѣдовательно, пріятно“.²⁾ „Жуковский и Пушкинъ вчера были въ Царскомъ Селѣ“, пишетъ онъ же въ другой разъ ему.³⁾ — „Въ воскресенье, — продолжаетъ Тургеневъ свою бесѣду, — Жуковский, Пушкинъ, братъ и я ѣздили пить чай въ Царское Село, и историографъ прочелъ намъ прекрасную рѣчь, которую написалъ онъ для торжественнаго собранія Русской Академіи, по порученію корешковаго ея президента“.⁴⁾ „Думаемъ къ 7 октября, — пишетъ въ свою очередь Карамзинъ своему шурину, — переѣхать въ городъ, читать корректуры, дѣлать визиты, большею частью пустые, пить чай съ Тургеневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, одинъ разъ въ недѣлю кричать съ глухимъ канцлеромъ“.⁵⁾

Послѣдній годъ пребыванія въ Лицеѣ, весь петербургскій періодъ жизни — это время постояннаго общенія Пушкина съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Тургеневымъ, Вяземскимъ. Эти пять лицъ, реально или духовно, постоянно вмѣстѣ; эти пять именъ, можно сказать, неразрывно связаны: это товарищескій кружокъ, въ центрѣ котораго самый старшій изъ нихъ — Карамзинъ. И въ этомъ кружкѣ Пушкинъ — на равной ногѣ съ остальными. Его талантъ признанъ и оцѣненъ всѣми.

Еще въ апрѣлѣ 1815 г. Тургеневъ шлетъ черезъ Вяземскаго поклонъ „Пушкинымъ-поэтамъ“, шутиливо добавляя: „но не обидѣлся бы одинъ изъ двухъ близкимъ сосѣдствомъ“;⁶⁾ т. е. не задѣтъ бы самолюбія Василя Львовича: онъ поэтъ, давно уже признанный, — ловко ли ставить на одну доску съ нимъ поэта, едва начинающаго, лишь подающаго надежды стать большой величиной?

Также и Карамзинъ: говоря о Васильѣ Львовичѣ, онъ именуеть его „дядя-поэтъ“, молчаливо заявляя этимъ выраженіемъ, что для него существуетъ другой поэтъ-племянникъ.⁷⁾ Не даромъ, узнавъ, что Пушкинъ, передъ тѣмъ опасно захворавшій, наконецъ, выздоровѣлъ, онъ спѣшитъ подѣлиться радостной вѣстью съ Дмитриевымъ: „Пушкинъ спасень музами“.⁸⁾

Этому 18-тилѣтнему поэту 50-тилѣтній Карамзинъ, какъ мы сейчасъ видѣли выше, не считаетъ ниже своего литературнаго достоинства читать, а слѣдовательно, и отдавать на его судъ, приготовленную для Академіи рѣчь. Ему же читаль онъ въ рукописи отрывки своей „Исторіи“ и не только читаль, но и прислушивался къ его мнѣнію.

¹⁾ Старина и Новизна, I, 55.

²⁾ Остафьевскій Архивъ, I, 108.

³⁾ Тамъ же, I, 122.

⁴⁾ Тамъ же, 123.

⁵⁾ Старина и Новизна, I, 63; П. П. Вяземскій, 11.

⁶⁾ Остаф. Арх., I, 31.

⁷⁾ Старина и Новизна, I, 16.

⁸⁾ Письма Карамзина къ Дмитриеву, 269.

Первыя слова предисловія онъ измѣнилъ (переставивъ слова?) по его указанію. Въ 1824 году Пушкинъ пишетъ: „Библія для христіанина — то же, что исторія для народа. Этой фразой (наоборотъ) начиналось преждѣ предисловіе Исторіи Карамзина. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ“.¹⁾ Повидимому, Пушкинъ имѣлъ полное основаніе говорить это: предисловіе къ книгѣ Карамзина начинается, какъ извѣстно, словами: „Исторія въ нѣкоторомъ родѣ есть священная книга народовъ“.

Отзвукъ карамзинскихъ чтеній слышится и въ позднѣйшихъ словахъ Льва Сергѣевича Пушкина, младшаго брата поэта: „Въ свободное время онъ любилъ посѣщать Н. М. Карамзина, проводившаго ежегодно лѣтнее время въ Царскомъ Селѣ; Карамзинъ читалъ ему рукописный текстъ свой и дѣлился съ нимъ досугомъ и сужденіями“.²⁾

И чѣмъ безалабернѣе проводилъ Пушкинъ свое время въ компаніи случайныхъ собутыльниковъ, чѣмъ глупѣе прожигалъ свою жизнь за картами и виномъ, въ обществѣ легкомысленныхъ Лаисъ, платясь за это здоровьемъ, чѣмъ въ большія крайности впадалъ онъ на засѣданіяхъ „Зеленой лампы“, въ бесѣдахъ на политическія темы, тѣмъ ярче выступала на этомъ смутномъ фонѣ уравновѣшенная, умиротворяющая, высококультурная среда, какую молодой Пушкинъ нашель въ домѣ знаменитаго родоначальника русскаго сентиментализма и новоявленнаго баяна сѣдой старины, подвиговъ ея сказочныхъ героевъ и строителей Русской земли. Пушкинъ-юноша, весь отдавшійся, при самомъ вступленіи въ жизнь, порывамъ и страстямъ своей кипучей африканской природы, нашель въ домѣ Карамзиныхъ нравственную чистоту и сдержку — въ чемъ онъ особенно нуждался — и духовную атмосферу, содѣйствовавшую развитію и болѣе здоровому направленію его генія. А что самъ Пушкинъ счумѣлъ оцѣнить великое воспитательное значеніе семьи Карамзиныхъ, это доказала вся его послѣдующая жизнь и поведеніе.

Дѣло въ томъ, что въ домѣ Карамзиныхъ онъ нашель не только добрыхъ, радушныхъ хозяевъ, но и заботливую опеку, предостереженіе, а подчасъ и гнѣвный упрекъ, откровенно брошенную въ лицо правду. Предостереженій и поученій, вѣроятно, наслушался Пушкинъ немало и отъ Тургенева, но, кажется, далеко не всегда имѣли они желанный успѣхъ. Въ такихъ случаяхъ Тургеневъ возилъ молодого повѣсу на судъ высшей инстанціи — къ Карамзинымъ. Про одну изъ такихъ поѣздокъ онъ оставилъ слѣдующее любопытное свидѣтельство: „Третьяго дня ѣздилъ я къ животворному источнику, т. е. къ Карамзинымъ въ Царское Село. Тамъ долго и сильно доносилъ я на Пушкина. Долго спорили меня, и онъ возвращался, хотя тронутый, но врядъ ли исправленный“.³⁾

Исправится Пушкинъ, дѣйствительно, не исправился; но тронуть былъ несомнѣнно. Тотъ же Тургеневъ въ послѣдствіи вспоми-

¹⁾ Переписка Пушкина, I, 155.

²⁾ Майковъ, Пушкинъ, стр. 5.

³⁾ Остаф. Архивъ, I, 119.

наль, какъ „Пушкинъ плакалъ — и не разъ — за столомъ“ у Карамзина.¹⁾ Эти слезы — лучшее свидѣтельство тому, насколько свободно, по-сынвену чувствовалъ себя Пушкинъ въ домѣ Карамзиныхъ, насколько близка была для него эта семья, пригрѣвшая, приласкавшая его, такого одинокаго, такого бездомнаго.

На фонѣ этихъ сердечныхъ отношеній тѣмъ непонятнѣе представляется прискорбный случай, грозившій, чего добраго, совершенно замутиль ихъ кристальную воду. Я говорю объ эпиграммѣ Пушкина на „Исторію“ Карамзина. Впослѣдствіи, оправдываясь передъ Вяземскимъ, Пушкинъ утверждалъ, что написалъ онъ ее „въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбилъ и мое честолюбіе и сердечную къ нему привязанность“. Что это было за оскорбленіе, — мы не знаемъ; равно не знаемъ, какая именно эпиграмма была написана Пушкинымъ. Эпиграммъ, связанныхъ съ именемъ историографа, приписывалось ему нѣсколько; но онъ съ негодованіемъ отрекался отъ нихъ, какъ отъ „глупыхъ и бѣшеныхъ“. Въ настоящее время принято пушкинскими считать слѣдующія двѣ:

1. „Послушайте: я вамъ скажу про старину,
Про Игоря и про его жену;
Про Новгородъ, про время золотое,
И, наконецъ, про Грознаго Царя“.
— Эхъ, бабушка, затѣяла пустое:
Окончи лучше намъ Илью-богатыря.“
*
2. „Въ его „Исторіи“ изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута“.

Между тѣмъ самъ Пушкинъ категорически признаетъ себя авторомъ лишь одной; и если необходимо выбирать непременно одну изъ этихъ двухъ, то, конечно, только вторую, а не первую. Свою эпиграмму Пушкинъ называлъ „одною изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ“ (вообще), считалъ ее „острою“, и дѣйствительно, въ то время какъ первая скорѣе благодупна, чѣмъ „убійственна“ (намекъ на неоконченную Карамзинымъ сказку въ стихахъ: „Илья-богатырь“), вторая, наоборотъ, ядовита, ѣдка, тонкимъ стилетомъ вонзается въ грудь противника.

Какъ могла возникнуть такая эпиграмма? Мы знаемъ, какую высокою чувствительностью обладала та фотографическая пластинка, на которой отпечатлѣвалась пушкинская мысль, даже случайная, даже мимолетная; какіе красочные, сильные образы извлекала она изъ его души; какъ достаточно было малѣйшаго къ ней прикосновенія, чтобы случайно брошенная кѣмъ-нибудь мысль уже находила въ немъ свое яркое выраженіе, и чѣмъ сильнѣе эта мысль въ данную минуту гармонировала съ душевнымъ настроеніемъ поэта, тѣмъ скульп-

¹⁾ Тамъ же, III, 117.

турнѣ выливался вызванный ею образъ, тѣмъ неотразимѣ становился онъ по своей силѣ и яркости. Отчего не допустить, что на одномъ изъ пресловутыхъ засѣданій „Зеленой лампы“, въ пріятельской шумной компаниі „либералистовъ“, такъ охотно будировавшихъ и высмѣивавшихъ реакціонное направленіе тогдашняго правительства, новый трудъ Карамзина подвергался язвительной критикѣ, и эпиграмма Пушкина явилась отзвукомъ господствовавшаго общаго настроенія? Не убѣжденіе свое выражалъ Пушкинъ въ этой эпиграммѣ, а именно настроеніе, летучую мысль. Мало ли какихъ остротъ, ѣдкихъ словъ не срывалось у него съ языка и раньше и позже, именно въ зависимости отъ настроенія, отъ минуты? И если въ данномъ случаѣ общее настроеніе совпало съ чувствомъ личнаго раздраженія и обиды на Карамзина, то тѣмъ болѣзненнѣе, тѣмъ злѣе должно было заговорить его оскорбленное сердце.

А что самая мысль (хотя и успѣла уже найти свой яркій образъ) лишь скользнула въ умъ Пушкина, не оставивъ въ немъ прочныхъ слѣдовъ, доказываетъ то, что ею онъ не подѣлился даже съ самыми близкими къ нему друзьями, хорошо понимая, что его друзья, будучи также и друзьями Карамзина, сами почувствуютъ себя оскорбленными. Александръ Тургеневъ узналъ о существованіи эпиграммы лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Надо думать, эпиграмма, подхваченная собесѣдниками, уже по самому содержанію своему опасная въ цензурно-политическомъ отношеніи, оставалась первое время достояніемъ лишь небольшого круга знакомыхъ и въ широкую публику просачивалась медленно и исподоволь.

Здѣсь, думается, умѣстно напомнить слова кн. Вяземскаго, чело-вѣка наблюдательнаго, связаннаго съ Пушкинымъ тѣсною дружбою, хорошо знакомаго съ интимною стороною его жизни, съ ея сложными душевными переживаніями. „Либеральная, молодая пора его поэзіи“ — говоритъ онъ — „сливается съ порою либерализма, который, какъ повѣтріе, охватилъ многихъ изъ тогдашней молодежи. Нервное, впечатлительное созданіе, какимъ обыкновенно родится поэтъ, еще болѣе, еще скорѣе, чѣмъ другое, бываетъ подвержено дѣйствию повѣтрія. Многіе изъ тогдашнихъ либеральныхъ стихотвореній его были болѣе отголоскомъ того времени, нежели отголоскомъ, исповѣдью внутреннихъ чувствъ и убѣжденій его. Онъ часто былъ Эолова арфа либерализма на торжествахъ молодежи и отзывался тѣми голосами, которые налетали на него“.¹⁾

Не слѣдуетъ упускать изъ виду еще и другого обстоятельства. Вопросъ о томъ, что именно обиднаго для Карамзина вложилъ Пушкинъ въ свою эпиграмму, неизбѣжно останется спорнымъ, пока предварительно мы не установимъ критерія для сужденія о томъ, что именно считать за обидное въ двухъ вышеприведенныхъ эпиграммахъ. А такой критерій, повидимому, еще не отысканъ. Мы только-

¹⁾ Вяземскій, Сочиненія, I, 323.

что назвали первую из приписываемых Пушкину эпиграмм „скорѣе благодушной, чѣмъ убійственной“, „ядъ“ же, значеніе „тонкаго стилета“ относимъ ко второй. Однако, мы не имѣемъ права замолчать діаметрально противоположнаго взгляда такого авторитетнаго пушкиниста, какъ Лернеръ: бѣшеною, съ точки зрѣнія Пушкина, эпиграммою онъ какъ разъ считаетъ первую („Послушайте...“), а вторую („Въ его Исторіи...“) находитъ добродушною, веселою, острой и ничуть не обидной.¹⁾

Наконецъ, еще одно замѣчаніе. Кто не знаетъ другой эпиграммы Пушкина, на этотъ разъ, несомнѣнно ему принадлежащей, не только рѣзкой, но и грубой, даже выходящей за предѣлы литературной чистоплотности, — эпиграммы, написанной на Каченовскаго — и по какому же поводу? По поводу нападокъ послѣдняго на „Исторію Г. Р.“

„Безсмертною рукой раздавленный зоиль,
Позорнаго клейма ты вновь не заслужил!
Безчестью твоему нужна ли перемѣна?
Нашъ Тацитъ на тебя захочетъ ли взглянуть?
Уймись и прежнимъ ты стихомъ доволенъ будь,
Плюгавый выползокъ изъ гузна Лафонтена“.

Пушкинъ явился въ этой эпиграммѣ горячимъ защитникомъ русскаго „Тацита“, негодующимъ на тѣхъ, кто осмѣливался принижать заслуги Карамзина. И намъ извѣстно, что эпиграмма эта выражала собою негодованіе длительное, прочное, отнюдь не была плодомъ минутнаго настроенія или мимолетной вспышки.

Вообще мы еще далеки отъ окончательнаго вывода. Мы лишены основнаго: даже не знаемъ съ точностью, что именно подлежитъ нашему сужденію,²⁾ а потому любой выводъ можетъ имѣть значеніе лишь простой догадки и предположенія, — не болѣе. Къ тому же едва ли когда Карамзинъ и узналъ о существованіи пушкинскаго экспромпта.

Впрочемъ, Пушкинъ и безъ эпиграммъ на Карамзина подвергалъ въ достаточной мѣрѣ испытаніямъ доброе къ себѣ расположеніе своего руководителя и духовнаго опекуна разнаго рода выходками, постоянными дуэлями, несдержаннымъ языкомъ, одами „На вольность“ и эпиграммами на царя и всеильнаго Аракчеева. Одно время Карамзинъ совсѣмъ было махнулъ рукой на него и, „истощивъ всѣ способы образумить эту безпутную голову, предалъ несчастнаго Року и Немецидѣ“. Однако, когда волна, настоящая волна, захватила и понесла его въ пучину; когда надъ этой „безпутной головой“ разразилась

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. Венгерова, II, 535.

²⁾ Про эпиграмму „Въ его Исторіи изящность“ кн. Вяземскій категорически заявлялъ: „Я убѣжденъ, что стихи не Пушкина“ (Старина и Новизна, VIII, 37), а про другую: „Послушайте, я вамъ скажу“ говорилъ, что Пушкинъ, „при всемъ своемъ уваженіи и нѣжной преданности къ Карамзину могъ легко написать эту шалость; она, вѣроятно, заставила бы усмѣхнуться самого Карамзина“ (Сочиненія Вяземскаго, VII, 341).

бѣда, грозя совершенно искалѣчить его жизненный путь, загубить его творческія силы; когда Карамзину не на словахъ, а на дѣлѣ предстала дилемма: спасать ли талантъ, или дѣйствительно предоставить его „Року и Немезидѣ“,¹⁾ тогда онъ не задумался ни на минуту, поспѣшно бросилъ свои книги, побѣждалъ къ вдовствующей императрицѣ и, при ея содѣйствіи, добился замѣны „Соловковъ“ простымъ переводомъ Пушкина изъ Петербурга въ Екатеринославъ.²⁾

Не разувѣрился въ талантъ Пушкина Карамзинъ и позже, хотя и отдѣлялъ его отъ произведеній, имъ порожденныхъ. Въ „Русланъ и Людмилъ“ онъ находилъ „живость, легкость, остроуміе, вкусъ“, но отсутствіе „искуснаго расположенія частей“, недостатокъ интереса: „все сметано на живую нитку“, да притомъ и „любовныхъ похощеній“ чересчуръ много. „Южныя“ поэмы тоже не увлекли Карамзина: ихъ романтизмъ, а тѣмъ болѣе байронизмъ остались ему чужды; онъ не нашель въ нихъ „порядка“, „силы и связи“, однако, призналъ „живописный слогъ, прекрасныя черты“. Талантъ покрывалъ недостатки, и Карамзинъ готовъ упрекнуть своего стараго друга и соратника по перу И. И. Дмитріева, за то, что тотъ отказывался „отдать справедливость таланту.“³⁾

Можно спросить: почему Карамзинъ, въ 1820 году такъ горячо принявшій къ сердцу бѣду, нависшую надъ Пушкинымъ, и сдѣлавшій все отъ себя зависимое, чтобы отвести нанесенный на него ударъ, — почему въ 1824 году, когда Пушкина выслали изъ Одессы въ деревню, и пальцемъ не пошевелилъ въ защиту „прекраснаго таланта“? Упущено ли было благопріятное для того время? Рѣшеніе ли было приведено въ исполненіе прежде, чѣмъ до Карамзина дошла о немъ вѣсть? Возможно, что такъ; но возможно и другое. Въ 1820 году Пушкинъ далъ ему слово вести себя „разсудительнѣе“ въ теченіе двухъ лѣтъ,⁴⁾ а теперь... теперь вотъ что писалъ Карамзинъ Дмитріеву про своего протеже: „Онъ не сдержалъ слова, мнѣ имъ даннаго въ тотъ часъ, когда мысль о крѣпости ужасала его воображеніе; не переставалъ врать словесно и на бумагѣ, не могъ ужить даже и съ графомъ Воронцовымъ, который совсѣмъ не деспотъ.“⁵⁾

Какъ примирить заявленіе о двухлѣтнемъ срокѣ съ поведеніемъ Пушкина въ Одессѣ уже по истеченіи этого срока, мы не знаемъ, да и самая оригинальность такой срочности, не удивительная въ Пушкинѣ, но въ самой основѣ своей мало серьезная, не позволяетъ думать, чтобы и Карамзинъ понималъ обѣщаніе буквально. Какъ бы то ни

---

¹⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, 286.

²⁾ Майковъ, Пушкинъ, 326. По словамъ Лонгинова, Карамзинъ, по просьбѣ Чаадаева, обратился съ ходатайствомъ за Пушкина къ графу Каподистріа (Письма Карамзина, стр. 0124).

³⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, 290, 337, 370; Старина и Новизна, I, 131.

⁴⁾ „Авось будетъ разсудительнѣе; по крайней мѣрѣ далъ мнѣ слово на два года“. Письма Карамзина къ Дмитріеву, 290.

⁵⁾ Старина и Новизна, I, 156.

было, но вся обстановка отнимала надежду на успѣхъ ходатайства. Карамзинъ, видимо, не захотѣлъ рисковать очутиться въ неловкомъ положеніи, и въ этотъ разъ онъ, дѣйствительно, предоставилъ бѣдную „путанную голову“ Року и Немезидѣ.

Между тѣмъ жизнь на Югѣ и послѣдовавшая затѣмъ ссылка въ Михайловское внесли новые оттѣнки въ отношенія Пушкина къ Карамзину. На разстояніи онъ отчетливѣе и яснѣе созналъ, какую великую моральную силу потерялъ онъ, лишившись непосредственнаго и постоянного общенія съ своими царскосельскими и петербургскими друзьями. Это сознаніе проявляется то въ формѣ тревоги — что съ Карамзиными, или въ благодарности Тургеневу за то, что онъ „успокоилъ“ его „на щетъ Николая Михайловича и Катерины Андревны“;¹⁾ то въ заявленіи, обращенномъ къ Жуковскому: „Ты увидишь Карамзиныхъ... тебя да ихъ люблю страстно. Скажи имъ отъ меня, что хочешь“.²⁾ Что хочешь!... Говоря это, Пушкинъ въ ту минуту и словъ не находитъ равноцѣнныхъ для выраженія своего чувства! „Приличія“ не позволяютъ ему писать непосредственно Карамзинымъ, но онъ „любитъ ихъ отъ всего сердца“ и хочетъ быть постоянно освѣдомленнымъ о нихъ.³⁾ Семья Карамзиныхъ у него въ числѣ тѣхъ „немногихъ“, кого ему хочется вспоминать и кому хочется напомнить о себѣ.⁴⁾

Въ глухомъ уединеніи Михайловскаго Пушкинъ пережилъ впечатлѣнія, представившія ему Карамзина нѣсколько въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ въ какомъ онъ привыкъ его видѣть до сей поры. Еще раньше, въ 1818 году, тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ „Исторіи Г. Р.“, Пушкинъ прочелъ ихъ „съ жадностью и со вниманіемъ“; теперь (1824) онъ ознакомился съ продолженіемъ этого монументальнаго труда, и высокій драматизмъ событій эпохи послѣднихъ двухъ Юриковичей съ наступившей затѣмъ Смutoю настолько захватилъ Пушкина, что неожиданно, можетъ быть, для него самого далъ жизнь знаменитой „Комедіи о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ“.

„Борисъ Годуновъ“ составилъ настоящую эпоху въ исторіи пушкинскаго творчества. Съ нимъ Пушкинъ не только вступилъ на новую дорогу — „Борисъ Годуновъ“ раскрылъ ему истинные размѣры, глубину и мощь его собственнаго творчества. „Это лучшее мое произведеніе“, отзывался о немъ авторъ. Здѣсь все ново, ничего похожаго на прежняго „Руслана“, ни на одну изъ „южныхъ“ поэмъ, и это новое всецѣло навѣяно чтеніемъ Карамзина. Если форму Пушкинъ заимствовалъ у Шекспира; если въ расположеніи отдѣльныхъ частей чувствуется вліяніе Шлегеля, то содержаніемъ онъ обязанъ „Исторіи Г. Р.“ и лѣтописямъ; не надо только забывать, что не лѣтописи при-

¹⁾ Переписка Пушкина, I, 91.

²⁾ Тамъ же, I, 153.

³⁾ Тамъ же, I, 259.

⁴⁾ Тамъ же, I, 124.

вели Пушкина къ Карамзину, а Карамзинъ привелъ его къ лѣтописямъ, и что на вопросъ Вяземскаго о планѣ его „Комедіи“ Пушкинъ отвѣчалъ: „Ты хочешь плана? Возьми конецъ X-го и весь одиннадцатый томъ — вотъ тебѣ и планъ“.

Что изъ того, если та или иная подробность взята Пушкинымъ не у Карамзина, что нѣкоторыя имена дѣйствующихъ лицъ совсѣмъ у Карамзина не встрѣчаются? — Было бы нелѣпо предполагать, будто пушкинскій геній могъ строить свое произведеніе, раболѣпно замкнувъ себя въ двухтомныя рамки „Исторіи“; но какъ бы мы ни расширили матеріалъ, привлеченный авторомъ для своего труда, все же трудъ-то самый выросъ на почвѣ, взрыхленной Карамзинымъ. И даже тамъ, гдѣ „имена“ у Пушкина не-карамзинскія, — даже и тамъ слышится отзвукъ Карамзина. Взять, напримѣръ, Пимена. Его нѣтъ въ „Исторіи Г. Р.“, но вотъ что говоритъ про него Пушкинъ въ письмѣ къ Н. Н. Раевскому: „Мнѣ казалось, что сей характеръ все вмѣстѣ: новъ и знакомъ для русскаго сердца; что трогательное добродушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь живо постигнутое Карамзинымъ и отраженное въ его безсмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателя“.

Не слышится ли въ этихъ словахъ молчаливаго указанія на то, что и образъ Пимена навѣянъ чтеніемъ карамзинской книги?

Чѣмъ внимательнѣе всматривался и вдумывался Пушкинъ въ обстановку и условія своей жизни, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что Карамзинъ и Жуковскій — это главная, наиболѣе прочная, вѣрная (да притомъ и не единственная ли?) опора его. Въ наиболѣе трудныя минуты онъ прибѣгаетъ къ нимъ за совѣтомъ или поддержкой, увѣренный, что они не откажутъ въ ней.

Первое время по пріѣздѣ изъ Одессы въ деревню онъ весь подъ гнетомъ сразившаго его удара; и тутъ, на новомъ мѣстѣ, его встрѣчаютъ раздоръ съ отцомъ, „повелѣніе“ губернатора явиться въ Псковъ. Все это волнуетъ его; онъ готовъ „всего ожидать“; „однако, пишетъ онъ брату, поговори съ Жуковскимъ и съ Карамзинымъ“.¹⁾

Да, онъ знаетъ, онъ увѣренъ, что Карамзинъ и Жуковскій для него истинные геніи-покровители. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не къ нимъ обращается за совѣтами и указаніями его мать, собираясь подать прошеніе государю съ ходатайствомъ за сына?²⁾ И развѣ не самъ онъ обращается къ нимъ въ тревожную минуту, предвидя возможность привлеченія его къ дѣлу о декабристахъ? Бесѣдуя, письменно, съ Жуковскимъ на эту щекотливую и опасную тему, перечисляя по пунктамъ, что именно можно было бы поставить ему въ вину, развѣ не самъ онъ заканчивалъ свое признаніе словами: „преждѣ чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его еще Карамзину и посоветуйся съ

¹⁾ Тамъ же, I, 140.

²⁾ Тамъ же, I, 277, 283.

нимъ“? ¹⁾ Да, отъ Карамзина у Пушкина нѣтъ и не можетъ быть тайнъ; наоборотъ, его душа передъ нимъ всегда раскрыта.

Извѣстіе о болѣзни Карамзина глубоко волнуетъ Пушкина: „Карамзинъ боленъ! милый мой, это хуже многого. Ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты“.²⁾ Первое время послѣ его смерти онъ носится съ мыслью почтить „тѣнь“ усопшаго историографа большою статьею, нарисовать цѣльный, но сложный образъ человѣка, ученаго, литератора, политика; „бѣсится“, читая статьи, появившіяся въ печати о скончавшемся: „какъ они холодны, глупы и низки! Не ужъ то ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти?... Карамзинъ принадлежитъ исторіи“, говоритъ онъ кн. Вяземскому, убѣждая его взяться поскорѣй за перо.³⁾ Съ перваго наброска, однако, ему становится ясно, что для полного синтеза, широкаго обобщенія не пришло еще время.

Смерть Карамзина не только не порвала узъ, связывавшихъ Пушкина съ его семьей, но можно сказать, еще прочнѣе закрѣпила ихъ. Пѣтетъ къ старшему другу и покровителю Пушкинъ сосредоточилъ теперь на его женѣ, на дѣтяхъ. Въ ихъ домѣ онъ попрежнему желанный и постоянный гость и, какъ раньше, на родственномъ положеніи члена семьи. Если иногда онъ и „пропадаетъ безъ вѣсти“, ⁴⁾ то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда несчастная страсть къ картамъ держитъ его у себя въ плѣну; но если онъ „свободенъ“, то вотъ что пишетъ Карамзина Дмитріеву: „Мы, по обыкновенію, мало выѣзжаемъ: дома видимъ нѣсколько пріятелей, оставшихся вѣрными воспоминаніямъ прошедшаго: Жуковскаго, Дашкова, Пушкина и др.; послѣдній ежедневно у насъ; итакъ, не повѣсничаетъ“.⁵⁾ Если, въ проѣздъ черезъ Петербургъ, торопясь въ Москву, онъ удѣлялъ Карамзинымъ времени менѣе обычнаго, то тамъ уже говорили: „здѣсь онъ былъ для насъ почти невидимъ“.⁶⁾

Если Вяземскій дѣлится съ сестрой новостями, то не считаетъ нужнымъ повторять ихъ Пушкину: къ чему? „Ты у Карамзиныхъ видишь наши московскіе рапорты, и потому не пишу тебѣ особенныхъ.“⁷⁾ Если Пушкинъ ѣдетъ въ Москву, то Карамзины надѣляютъ его порученіями туда.⁸⁾ Черезъ Карамзиныхъ Пушкинъ шлетъ свои поклоны Дмитріеву,⁹⁾ а Дмитріевъ, въ свою очередь, избираетъ его своимъ посредникомъ для поклоновъ „Катеринѣ Андреевнѣ съ ея семьею“.¹⁰⁾

Вспомнимъ слова А. О. Смирновой про Пушкина: „Я наблюдала

¹⁾ Тамъ же, I, 318.

²⁾ Тамъ же, I, 330: письмо Плетневу.

³⁾ Тамъ же, I, 357.

⁴⁾ Тамъ же, II, 69: письмо Вяземскаго.

⁵⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, 430.

⁶⁾ Письма Карамзина, 432.

⁷⁾ Переписка Пушкина, II, 343.

⁸⁾ Письма Карамзина, 437.

⁹⁾ Тамъ же, 439.

¹⁰⁾ Переписка Пушкина, III, 187.

за его обращеніемъ съ г-жей Карамзиной: это не только простая почтительность по отношенію къ женщинѣ уже старой, — это нѣчто болѣе ласковое. Онъ чрезвычайно дружески почтителенъ съ княгиней Вяземской, съ М-те Хитрово, но его обращеніе съ Карамзиной совсѣмъ не то¹⁾

Напомнимъ и „Акростихъ“ Пушкина старшей дочери Карамзина, Екатеринѣ Николаевнѣ, будущей княгинѣ Мещерской:²⁾

„Земли достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный Провидѣньемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ.
Такъ посвящаю съ умиленьемъ
Простой, увядшій мой вѣнецъ
Тебѣ, высокое свѣтило
Въ эфирной тишинѣ Небесъ,
Тебѣ, сіяющей такъ мило
Для нашихъ набожныхъ очесъ“.

Мадригаловъ и разнаго рода стихковъ въ дамскіе альбомы писалъ Пушкинъ на своемъ вѣку немало; значительная часть ихъ по содержанію довольно поверхностны, неглубоки, носятъ шуточный характеръ; иногда это простая салонная любезность: на этотъ разъ, однако, онъ нашелъ и мысль и образы болѣе возвышенные, не такіе ординарные. Я не касаюсь чисто художественной стороны произведенія; не стану разбираться въ вопросѣ, насколько адресатъ соотвѣтствовалъ образу, созданному поэтомъ; какъ въ произведеніи „альбомномъ“, и въ этомъ восхищеніе и хвала нѣсколько приподняты; но характерно, что, попадая въ атмосферу карамзинской семьи, Пушкинъ невольно поддавался влиянію ея благородства, — влиянію, какое онъ испытывалъ еще съ юныхъ лѣтъ, и ему становилось невозможнымъ спуститься до уровня шаблоннаго мадригала. А еще характернѣе сопоставленіе пловца съ самимъ собою. Дѣйствительно, развѣ и онъ не былъ пловцомъ, котораго бури безжалостно метали по морю житейскому, который тонулъ, и развѣ не въ семьѣ Карамзиныхъ находилъ онъ въ критическія минуты спасительную пристань и отдыхъ отъ тяжелыхъ душевныхъ переживаній? Въ лицѣ Екатерины Николаевны Пушкинъ обращался, въ сущности, ко всей семьѣ Карамзиныхъ въ ея настоящемъ и прошломъ составѣ. Эта семья, подобно „высокому свѣтилу“, освѣщала его жизненный путь.

На этомъ фонѣ дружескихъ отношеній, скрѣпленныхъ „тѣнью“ историографа, для иныхъ могутъ прозвучать диссонансомъ слова Пушкина къ Плетневу въ письмѣ 21 января 1831 г.: „Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ“.³⁾ Слова эти остались безъ поясненія, но, ка-

¹⁾ Сѣверный Вѣстникъ 1894, № 4, стр. 159 (заимств. изъ „Дневника Пушкина“, подъ ред. Модзалевскаго, стр. 34).

²⁾ Пушкинъ и его современники, XXVIII, 2.

³⁾ Переписка Пушкина, II, 220.

жется, надлежащій ихъ смыслъ найти будетъ возможно. Пушкинъ писалъ подѣ свѣжимъ, гнетущимъ впечатлѣніемъ смерти лицейскаго товарища Дельвига. Онъ потерялъ въ немъ самага сердечнаго друга; никого, кажется, не любилъ онъ такъ горячо, такъ беззаветно. На фонѣ тяжелой утраты всѣ остальные болѣе раннія привязанности невольно блѣднѣли, дѣлались „чуждыми“. Притомъ не слѣдуетъ забывать о долговременной разлукѣ: послѣднія шесть лѣтъ жизни Карамзина они не видались. Эта разлука еще рѣзче проявила и безъ того уже чувствовавшееся расхождение двухъ поколѣній, „отцовъ“ и „дѣтей“: уравновѣшеннаго консерватизма Карамзина и негодующаго протеста поэта, который, въ своемъ вынужденномъ изгнаніи, былъ не въ силахъ забыть и простить тѣмъ, кто сковалъ свободу его дѣйствій и мысли.

Характерно однако, что, дѣлясь съ Плетневымъ своимъ горемъ, Пушкинъ вспоминаетъ, для сопоставленія съ Дельвигомъ, не кого иного, а именно Карамзина. Что это значить? Это значить, что сравненія съ Дельвигомъ не можетъ выдержать даже Карамзинъ; что даже онъ въ данную минуту остается чужимъ человѣкомъ наряду съ тѣмъ, чья смерть такъ больно ранила его сердце.

Годы шли, Пушкинъ мужаль, возникали новыя знакомства, новыя интересы, измѣнялась прежняя обстановка, но чувства къ Карамзинымъ оставались неизмѣнными. „Сказывалъ ли ты Катеринѣ Андр. о моей помолвкѣ“, спрашивалъ Вяземскаго Пушкинъ: „Я увѣренъ въ ея участіи, но передай мнѣ ея слова: онѣ нужны моему сердцу, и теперь несовсѣмъ щастливому“.¹⁾

Какъ много сказано въ этой короткой, выразительной фразѣ! Въ комментаріяхъ она не нуждается...

Наступаютъ послѣдніе годы жизни. Тревожныя минуты подходят все чаще и чаще; поэтъ, видимо, чувствуетъ приближеніе безжалостнаго „Рока и Немезиды“ и, какъ раньше, въ юные годы, онъ свободно раскрывалъ передъ старымъ Карамзинымъ тайники своей молодой мятущейся души, такъ и теперь, въ зрѣлые годы, онъ повѣряетъ свои тайны Екатеринѣ Андреевнѣ, ставшей для него второю матерью: открыться — на душѣ станетъ легче. Я имѣю въ виду первое столкновеніе съ Геккереномъ въ ноябрѣ 1836 года. Даже Жуковский призналъ неосторожнымъ поступкомъ эту откровенность: „Я запретилъ имъ крѣпко на крѣпко говорить о томъ, что слышали отъ тебя, убѣдивъ ихъ, что вамъ неперемѣнно надобно будетъ драться, если тайна теперь или даже и послѣ откроется“.²⁾

Характерно, что въ предсмертныя минуты Пушкинъ пожелалъ не только видѣть Карамзину, но и получить отъ нея благословеніе. „Благословите меня“, обратился онъ къ ней и, не довольствуясь тѣмъ, что она благословила его издали, позвалъ ее къ себѣ ближе, самъ поло-

¹⁾ Переписка Пушкина, II, 145.

²⁾ Переписка Пушкина, III, 402.

жилъ ея руку себѣ на лобъ и, когда Карамзина исполнила его просьбу, Пушкинъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.¹⁾

Благословеніемъ, напутствіемъ началось для Пушкина его общеніе съ Карамзинымъ въ Лицеѣ; благословеніемъ, напутствіемъ его жены оно и кончилось тутъ, у смертнаго одра. Въ сложной гаммѣ душевныхъ переживаній нашего великаго поэта образъ Карамзина сопотствуеъ имъ съ перваго момента до послѣдняго.

II. НАСЛѢДІЕ АФРИКИ.

Когда говоришь или думаешь о происхожденіи Пушкина, то не бередить ли наше ухо, не кажется ли черезчуръ уродливымъ, несообразнымъ такое сочетаніе словъ: Пушкинъ и арапъ Ибрагимъ, его предокъ по женской линіи? Вѣдь противоположность между правнукомъ и прадѣдомъ поистинѣ глубокая, коренная! Одинъ — творецъ Пророка, Анчара, Каменнаго Гостя, Скупого Рыцаря; создатель благородныхъ, прелестныхъ образовъ, изваянныхъ такимъ тонкимъ, деликатнымъ рѣзцомъ! А другой... Что такое этотъ другой? Если мы привыкли представлять его себѣ по портрету, нарисованному гениальнымъ правнукомъ, то, вѣдь, не слѣдуетъ забывать, что „Арапъ Петра Великаго“ — произведеніе не историческое: здѣсь истина, живая правда смѣшана съ художественнымъ вымысломъ. Близость къ великому царю наложила на „Арапа“ печать извѣстнаго благородства; во Франціи, у Пушкина, онъ ведетъ себя, какъ самый записной cavalier galant: обольщаетъ красавицъ, заставляеъ ихъ страдать, получаетъ отъ нихъ нѣжныя письма... Реальный же арапъ, Абрамъ-Ибрагимъ Петровичъ Ганнибалъ, на дѣлѣ, самый обыкновенный черномазый, въ лучшемъ случаѣ шоколадный африканецъ, вродѣ тѣхъ, кого и сейчасъ хотъ цѣлыми караванами сгоняй съ окраинъ африканскаго материка на показъ европейцу.

Сынъ мелкаго абиссинскаго князька, онъ навсегда сохранилъ свои племенные черты: натура сильная, но необузданная, вспыльчивая, въ основѣ совершенно дикая, лишь слегка прикрытая тонкимъ налетомъ внѣшней цивилизаціи. Изъ него вышелъ недурной инженеръ; онъ научился служить государству, ставшему его второю родиной; съ природнымъ умомъ, онъ умѣло приспособился къ обстановкѣ, въ какую забросила его судьба: усиленно поднимался по служебной лѣстницѣ, падалъ съ нея и снова лѣзъ вверхъ. Всесильный Меншиковъ собирался было сгноить его въ далекомъ Селенгинскѣ; Долгорукіе не подпускали его къ Москвѣ ближе Тобольска; но онъ вынырнулъ, переждалъ бурю, скрываясь на своей ревельской мызѣ, и умеръ генераль-аншефомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. При всемъ томъ, „африканецъ“ продолжалъ сидѣть въ немъ до конца

¹⁾ Пушкинъ и его современники, VI, 95.

жизни. Онъ истязалъ свою жену, какъ истый дикарь; пять лѣтъ держалъ ее взаперти на Госпитальномъ дворѣ, потомъ бросилъ, женился на другой. Что для него плети? Вполнѣ натуральный, почти необходимый исходъ кипящимъ страстямъ, своего рода клапанъ въ Папиновомъ котлѣ. Что ему двоеженство, если тамъ, на родинѣ, люди его крови открыто держатъ по нѣсколько женъ?..

Характерно, что его сынъ Петръ тоже не ужился съ женою; другой сынъ Осипъ, родной дѣдъ нашего поэта, былъ „сорви-голова и ужасъ семьи“,¹⁾ притомъ настоящій мавръ-Отелло. „Африканскій характеръ“, „пылкія страсти“, „ужасное легкомысліе“ — вотъ какими чертами рисуетъ Пушкинъ своего дѣда.²⁾ И этотъ тоже бросилъ свою жену съ трехлѣтней дѣвочкой Надей и по фальшивому свидѣтельству обвинчался съ другой. Да и эта самая Надя, Надежда Осиповна, мать поэта, „красавица-креолка“, какъ ее называли въ обществѣ, когда она выросла, она проявила себя такою же вспыльчивою, упрямою, капризно-властолюбивою. Въ минуту раздраженія она способна ударить по лицу свою взрослую тридцатилѣтнюю дочь на балу, на виду у всѣхъ. Разсердившись на сына, она цѣлый годъ дуется на него и не разговариваетъ.

Ставъ русскими помѣщиками, Ганнибалы не перестали быть арапами и особенно легко усвоили ту сторону помѣщичьяго права, которая открывала широкій просторъ ихъ необузданнымъ порывамъ. Въ минуты гнѣва и раздраженія, людей у Ганнибаловъ выносили на простыняхъ. Смыслъ этого крѣпостного термина, замѣчаетъ Анненковъ,³⁾ достаточно понятенъ и не нуждается въ комментаріяхъ.

Вообще, это люди особаго, не нашего темперамента; въ рамкахъ европейской жизни имъ тѣсно, имъ постоянно хочется освободиться отъ нихъ. Еще не приладились, еще не освободились отъ абиссинской закваски. Дереву, пересаженному въ новую, чуждую ему почву, обыкновенно требуется много времени на то, чтобы переродиться и приспособиться къ новымъ условіямъ существованія.

Африка слышится и въ ихъ плодовитости. „Арапъ“ народилъ 11 дѣтей; у его сына Исаака ихъ было 15. Это не лѣнивое бездѣлье людей, ожирѣвшихъ въ провинціальномъ, захолустномъ углу, на своихъ пуховикахъ и мягкихъ перинахъ — это прямо клокотанье крови, бурной, страстной, неутолимой, это настоящій крикъ темперамента. Притомъ темпераментъ рука объ руку съ физическимъ здоровьемъ. „Арапъ“ прожилъ 83 года, по другому подсчету — даже 92; сынъ Иванъ 70, а Петръ 75 лѣтъ; и только Осипъ да Исаакъ не пошли дальше: 63-хъ одинъ, 57 лѣтъ — другой.

Повторяю, какая противоположность между духовнымъ, утонченнымъ обликомъ нашего поэта и этими... скажемъ, во избѣжаніе бо-

¹⁾ Анненковъ, Пушкинъ въ Александровскую эпоху, 13.

²⁾ „Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ“.

³⁾ Анненковъ, Пушкинъ въ Александровскую эпоху, 12.

лѣ яркихъ и рѣзкихъ опредѣленій, чувственникови-Ганнибалами! По-
годите, однако. Можетъ быть, именно въ области чувственности разница
и окажется не настолько ужь громадною. Смягчатся, облагородятся
формы, но наслѣдство крови прорвется наружу, несмотря ни на что.
Да всегда ли и формы предстанутъ предъ нами болѣе деликатными
и облагороженными? Развѣ не про себя сказалъ Пушкинъ:

„Взрощенный въ дикой простотѣ,
Любви не вѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній?...“¹⁾

И развѣ не о Пушкинѣ оставили свидѣтельство его товарищи по Ли-
цею, говоря, что онъ „былъ до того женолюбивъ, что, будучи еще
15-ти или 16-ти лѣтъ, отъ одного прикосновенія къ рукѣ танцующей,
во время лицейскихъ баловъ, взоръ его пылалъ, и онъ пыхтѣлъ, со-
пѣлъ, какъ ретивый конь среди молодого табуна“?...²⁾

И это наслѣдство крови еще дастъ себя знать! Не Пушкинъ ли

„Въ долгіе часы безсонной ночи,
На ложѣ медленно терзаемый тоской“, —

не онъ ли

„Звалъ обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья“?...³⁾

Нѣсколько позже та же страсть заставитъ его въ холодную ночь,
подъ дождемъ, настойчиво ломиться въ двери больной прелестницы,
которая, его же оберегая, отказывается пустить къ себѣ, и онъ пла-
тится за свои пылкія чувства тяжелой горячкой. Та же страсть, нераз-
борчивая въ поискахъ, не разъ загрязнитъ его не только духовно.
Зато она же — и съ какой силою, какъ ярко и вдохновенно — помо-
жетъ ему изобразить томленія и переживанія влюбленнаго сердца:
приступы безумнаго отчаянія, радость пылкаго свиданія, горечь об-
манутыхъ надеждъ!...

Не будь Пушкинъ сангвиникъ, могъ ли бы онъ написать свои эле-
гіи: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты?“, „Ненастный день потухъ“,
„Сожженное письмо“? Или эту неподобную „Ночь“, которая вся тре-
петаніе, томленіе и нѣжность любящаго сердца? Или „Я помню чуд-
ное мгновенье“, такое простое, благородное и возвышенное, — эту сим-
фонію проснувшейся души, неожиданно для самой себя вновь ощу-
тившей и познавшей утраченный было міръ красоты, вдохновляю-
щей, творческой, облагораживающей?...

Кровь говоритъ въ немъ на каждомъ шагу. Онъ женатъ, но жены
ему мало. Не разъ со старыми пріятелями онъ проводитъ время, какъ

¹⁾ Къ Ф. Ф. Юрьеву, 1818.

²⁾ Я. Гротъ, записка Комовскаго.

³⁾ Мечтателю, 1818.

и раньше, по-холостому. Жена беременна, ходитъ послѣдній мѣсяць, и лакей, при уборкѣ его постели, находитъ въ ней натѣльный крестъ бариновой свояченицы. Значитъ ли, что онъ разлюбилъ свою жену? Нисколько; онъ по-прежнему любитъ ее до безумія.

Онъ страстенъ, влюбчивъ — вспомнимъ его „Донъ-Жуанскій списокъ“; вспомнимъ, что и самъ онъ говоритъ про себя: „болѣе или менѣе я былъ влюбленъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, которыхъ зналъ“.

„Африка“ сказывалась и въ его вспыльчивости, нерѣдко доходившей до бѣшенства. Въ гнѣвѣ онъ не помнилъ себя. Онъ постоянно подъ въздѣйствіемъ перваго минутнаго настроенія; чувства мѣры, казалось, у него не существовало. Чувства мѣры!.. Какъ странно и дико выговаривать такія слова, отрицать его у того, кто въ своемъ художественномъ творествѣ лучше, чѣмъ кто иной, чувствовалъ эту самую мѣру и далъ такіе поразительные образцы строгаго соблюденія ея! Можно подумать, что въ жизни, въ общеніи съ людьми, Пушкинъ намѣренно хотѣлъ вознаградить себя за проявленную въ моменты творчества сдержанность и умѣренность и потому нарочно хваталъ черезъ край!

Стоитъ въ дѣтскихъ играхъ обогнать его или однимъ ударомъ повалить кегли, вообще превзойти его, — и имъ уже овладѣваетъ припадокъ бѣшенства. Разсерженный тѣмъ, что ему помѣшали работать, онъ схватываетъ со стола бумагу, на которой писалъ, комкаетъ ее и швыряетъ въ лицо вошедшему. Въ минуту гнѣва схватить подсвѣчникъ и замахнуться имъ; повздоривъ за картами, снять сапогъ и подошвой ударить въ лицо играющаго; дать пощечину человѣку, пришедшему къ нему (правда, вынужденно) съ извиненіемъ, найдя форму извиненія насмѣшливой для себя; въ пьяномъ видѣ, изъ-за пустого замѣчанія своего же пріятели вскипѣть, надѣлать глупостей и вызвать этого самого пріятеля да, въ придачу, еще другого добраго знакомаго — это все выходило у Пушкина само собой, какъ совершенно естественное, вполне нормальное. Что мѣра превзойдена, что человѣкъ переступилъ всѣ предѣлы благоразумія — потомъ это онъ самъ первый же признаетъ, но все дѣло въ томъ, что это только потомъ; въ минуту же совершенія дѣйствія онъ не разсуждаетъ, онъ весь во власти крови, которая бѣшено кипитъ и негодуетъ, не позволяя разсуждать.

Пробѣжалъ же онъ (въ Одессѣ), въ припадкѣ бѣшенства, пять верстъ съ обнаженной головой подъ палящимъ солнцемъ, въ тридцатипятиградусную жару! Возбужденіе вызывало приливъ къ головѣ, и ее приходилось освѣжать водою. На балу, значить, на людяхъ, узнавъ, что царь сдѣлалъ его камеръ-юнкеромъ, онъ пришелъ въ такое бѣшенство, что друзья вынуждены были увести его въ кабинетъ хозяина и тамъ успокаивать. Вспомнимъ роковое письмо Пушкина къ Геккерену-отцу, приведшее къ роковой дуэли — каждая строка въ немъ дышетъ кипучимъ негодованіемъ, безграничной ненавистью;

каждое слово сознательно отравлено оскорбительнымъ ядомъ презрѣнія; оно пугаетъ насыщенностью своей злобы, силою мстительнаго чувства. И, кажется, явись передъ Пушкинымъ въ тѣ минуты самъ старый Геккеренъ, его рука нервнымъ движеніемъ отбросила бы въ сторону перо и бѣлый листъ бумаги и судорожно впилась бы въ горло ненавистнаго человѣка. Даже черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, при чтеніи письма графу Соллогубу, губы Пушкина дрожали, глаза налились кровью, и на него страшно было смотрѣть.

Въ 1820 году, передъ высылкой Пушкина изъ Петербурга на Югъ, въ городѣ распустили слухъ, будто за вольнодумство его подвергли тѣлесному наказанію (розгамъ). Гнусная клевета привела его въ бѣшенство. Внѣ себя, обуреваемый гнѣвомъ, и не будучи въ силахъ побороть его, онъ въ первую минуту, какъ самъ потомъ признавался, рѣшилъ было нарочно выказать въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ максимумъ наглости и буйства, чтобы заставить правительство поступить съ нимъ, какъ съ дѣйствительнымъ преступникомъ. „Я жаждалъ ссылки въ Сибирь (говорилъ онъ), видя въ ней единственное средство возстановить свою честь“. Къ счастью, припадокъ бѣшенства въ-время прошелъ, африканская кровь улеглась, разсудокъ вступилъ въ свои права, и злосчастное намѣреніе (которое, въ самомъ дѣлѣ, погубило бы его) приведено въ исполненіе не было. Однако, и пять лѣтъ спустя Пушкинъ все еще дрожалъ отъ негодованія при воспоминаніи о позорной молвѣ, какую распустили тогда на его счетъ.

Та же „Африка“ сказывается и на живости его темперамента, на его впечатлительности. „Живой вулканъ“, опредѣлялъ его Федоръ Глинка. Никогда не посидитъ онъ на мѣстѣ — отзывались лица, знавшія близко его въ домашней обстановкѣ. „Егоза“ — звали его въ Лицеѣ. „Неуимчивый“ — опредѣляла его няня Арина Родіоновна. Его нервы, по словамъ родной сестры, были точно на шарнирахъ: всегда ходили. Рѣчь его была быстра, порывиста; разговаривалъ онъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ. „Тамъ, гдѣ танцовали, онъ отъ всей души предавался пляскѣ; гдѣ былъ легкій разговоръ — онъ былъ неистощимъ въ островахъ“ (Липранди). Весь во власти минутнаго настроенія — опредѣлялъ онъ самъ себя, вспоминая впослѣдствіи лицейскіе годы:

„Когда порой бывалъ прилежень,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ“.¹⁾

Подвигъ, въ которомъ жизнь ставилась, какъ онъ выражался, на карту, приводилъ его въ восхищеніе. Какой либо случай самоотверженности вызывалъ въ немъ самую живую радость. Съ рас-

¹⁾ Строки, не вошедшія въ окончательную редакцію восьмой главы „Евгенія Онѣгина“.

краснѣвшимися лицомъ, съ блестящими глазами слѣдилъ онъ за разсказами изъ военной жизни (Липранди): въ эти минуты онъ былъ весь слухъ и напряженное вниманіе.

И Пушкинъ не только слушалъ. Предоставьте ему случай, и онъ не ограничится ролью простаго „слушателя“. Развѣ не онъ, подъ Эрзерумомъ, во время одной схватки, въ увлеченіи, забывъ все, бросился подъ турецкія пули? Чуть только слышались первые выстрѣлы, онъ вскакиваетъ на лошадь; одинъ мигъ — и онъ на аванпостахъ, а тамъ, отдѣлившись отъ своихъ, бросается, съ саблею наголо, на турокъ, которые летятъ на него. Мысль о ранѣ, о смерти, о плѣнѣ (въ который онъ въ этотъ разъ, дѣйствительно, едва не попалъ) чужда ему въ эту минуту. Не даромъ въ своемъ „Пиру во время чумы“ съ такимъ жаромъ говоритъ онъ объ „упоеніи въ бою“...

Живой, пылкій и раздражительный, онъ легко переходилъ отъ гомерическаго смѣха къ тоскѣ, отчаянію, и наоборотъ. Отказъ въ разрѣшеніи поступить юнкеромъ въ дѣйствующую армію на Дунаѣ приводитъ его въ отчаяніе; онъ не спитъ, теряетъ аппетитъ; у него разливается желчь, и онъ вынужденъ лечь въ постель. И тутъ же сообщеніе, что его не пускаютъ въ армію опасаясь за него, дорожа его поэтическимъ гениемъ; поданная надежда попасть на Дунай, если не юнкеромъ, то приспавшись къ походной канцеляріи, сразу возвращаетъ ему и здоровье и веселое настроеніе.

Впечатлительность иной разъ толкаетъ его на поступки, отъ которыхъ онъ потомъ самъ готовъ отказаться. Въ самые зрѣлые годы онъ способенъ дѣйствовать опрометчиво: подать прошеніе государю объ отставкѣ и чуть не на другой день взять его обратно. „Въ минуту огорченія и слѣпой досады“ (по собственному признанію) онъ пишетъ оскорбительное для министра Уварова стихотвореніе („На выздоровленіе Лукулла“) и потомъ самъ сожалѣетъ объ этомъ, сознавая, что не имѣлъ права наносить обиду. Безденежье вынуждаетъ его и семью невѣсты отложить свадьбу на неопредѣленное время, и онъ уже готовъ отказаться отъ самой свадьбы, задумываетъ ѣхать въ Польшу, — и все это подъ впечатлѣніемъ первой минуты.

Необдуманное слово, особенно если оно ѣдкое или явно несоответствующее ни положенію ни моменту и звучитъ насмѣшкой, всегда готово слетѣть съ его устъ. Читаетъ онъ Евангеліе и на вопросъ подошедшаго ректора семинаріи, архимандрита, отвѣчаетъ (конечно, только потому, что спрашивающій былъ лицо духовное): „читаю исторію одной особы (статуи)“. Потомъ онъ сейчасъ же спохватится, отлично понимая, что такой отвѣтъ грозитъ ему, въ его положеніи ссыльнаго (дѣло происходило въ Кишиневѣ), очень и очень большими неприяностями: доносомъ, обвиненіемъ въ безбожии..., но опять же его сознаніе приходитъ только „потомъ“, въ первую же минуту онъ всецѣло во власти своихъ бурныхъ страстей.

Въ Лицеѣ многіе изъ товарищей сильно недолюбливали его. Оно и неудивительно: рѣзкій, заносчивый, задира, Пушкинъ точно искалъ

случаевъ поспориться, точно нарочно создавалъ ихъ. Въ театрѣ, проходя межъ рядовъ кресель, онъ останавливается, должно быть, разглядывая кого-нибудь (вспомнимъ Онѣгина, какъ онъ „входитъ, идетъ межъ кресель по ногамъ, двойной лорнетъ, косясь, наводитъ на логи незнакомыхъ дамъ“). Понятно, тому, передъ кѣмъ онъ остановился и по чьимъ ногамъ, если не по ступнямъ, то по колѣнкамъ онъ, можетъ быть, прошелся, это неудобно; сидящій въ креслѣ проситъ его отодвинуться, пройти дальше; но Пушкинъ, вмѣсто извиненія, ему же преподноситъ коробъ грубостей.

Онъ постоянно ищетъ сильныхъ ощущеній. Въ поискахъ за ними онъ мечтаетъ о Дунаѣ, объ участи въ турецкой войнѣ, пробирается въ дѣйствующую армію Паскевича въ Закавказьѣ, бродитъ съ цыганскимъ таборомъ по бессарабскимъ степямъ, „всякій день“, какъ гиперболически выражалась Карамзина, дерется на дуэляхъ, проводитъ бессонныя ночи за картами.

Потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ у него органическая, вплоть до самыхъ грубыхъ, физическихъ. Напарившись въ банѣ, онъ затѣмъ бросается въ ледяную ванну и, окунувшись, снова влѣзаетъ на полокъ стегать себя, въ горячемъ пару, вѣшникомъ. Зимой, прямо съ постели, идетъ, на этотъ разъ, въ нетопленную баню, пробиваетъ кулакомъ легкой слой льда въ заготовленной съ вечера ваннѣ, оказывается водой и, наскоро одѣвшись, вскакиваетъ на лошадь, гоняя ее по лугу, пока не взмылитъ и не согрѣется самъ.

А сколько у него было дуэлей, иногда изъ-за самыхъ пустяковъ, что называется, съ бухту барахту, здорово живешь! Что причины и поводы были не серьезны, это онъ самъ потомъ сознавалъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда его самолюбіе не подвергалось риску быть задѣтымъ, охотно шель на примиреніе.

Стоитъ во время танцевъ, въ котильонѣ, отбить у него даму, за которой онъ ухаживалъ, и противникъ, его же родственникъ, двоюродный братъ матери (Павель Исааковичъ Ганнибалъ), уже вызванъ. Правда, десять минут спустя все кончается мировой, даже объятіями, и танцы, веселье продолжаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Вызванный на дуэль, онъ тѣмъ болѣе никогда не откажется отъ нея; и когда противникъ, испытанный вояка (полковникъ Ставровъ), видя его хладнокровіе у барьера, говоритъ ему послѣ дуэли комплиментъ: „вы такъ же хорошо стоите подъ пулями, какъ хорошо пишете“, — Пушкинъ, приведенный этою похвалою въ восторгъ, кидается обнимать своего „врага“ и съ той поры считаетъ своимъ долгомъ отзываться о немъ съ великимъ уваженіемъ. Тѣмъ не менѣе, на днѣ души шевелится червякъ: ему досадно, что ихъ помирили, что дуэль не была доведена до конца и что упущенъ прекрасный случай еще разъ подрасть съ противникомъ, извѣстнымъ своею храбростью.

Онъ не зналъ, что такое опасность; онъ встрѣчалъ ее съ открытымъ челомъ. Становясь лицомъ къ лицу со смертью, онъ проявлялъ рѣдкостную невозмутимость, и когда дѣло доходило до барьера, онъ

являлся къ нему „холоднымъ, какъ ледь“ (Липранди). Подъ пулей противника онъ, дѣйствительно, никогда не терялъ хладнокровія, и, конечно, именно это хладнокровіе породило легендарный разсказъ о томъ, будто на поединокъ съ офицеромъ Зубовымъ (въ Кишиневѣ) Пушкинъ явился съ черешнями и ѣлъ, пока тотъ стрѣлялъ (дуэль происходила зимою, и никакихъ черешенъ тогда не было).

Что это такое? Отнюдь не страсть къ дуэлямъ. Отнюдь не бреттерство; совсѣмъ не презрѣніе къ жизни или глумленье надъ смертью — это игра со смертью, это клокотаніе крови, это потребность испытать наслажденіе въ рискѣ своей жизнью. Не даромъ Пушкинъ былъ такой страстный игрокъ въ карты — до самозабвенія. Въ Папиновомъ котлѣ необходимо открыть предохранительный клапанъ, иначе его взорветъ, иначе человѣкъ задохнется подъ напоромъ клокочущихъ въ немъ силъ. Бреттеръ хладнокровно и безсердечно, безъ малѣйшаго содраганія убиваетъ противника; у Пушкина — неутомимая жажда взввинтить до послѣдняго винтика нервы, свои и противника, заставить послѣдняго пережить минуту наивысшаго напряженія духа, полюбоваться, можетъ быть, блѣднымъ лицомъ дуэлянта, но никакъ не убивать. Если мысль объ убійствѣ когда и захватила его, если онъ и лелѣялъ страстное желаніе отправить къ праотцамъ своего врага, то едва ли не единственный разъ въ жизни — это когда направлялъ свою незадачливую пулю въ грудь Дантеса. Вспомнимъ, что говоритъ онъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ (гл. 6-я, стр. 33-я):

„Пріятно дерзкой эпитафмой
Взбѣситъ оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Неволью въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится.
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: „это я!“
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;
Но отослать его къ отцамъ
Едва-ль пріятно будетъ вамъ!“

Да, Пушкинъ любилъ жизнь, но онъ также любилъ и играть съ нею: имъ владѣла — повторимъ его собственное выраженіе — страсть все поставить на карту. Это было наслѣдіе Африки.

III. ПЕРВЫЕ УСПѢХИ НА ЛИТЕРАТУРНОМЪ ПОПРИЩѢ.

12-тилѣтнимъ мальчикомъ поступивъ въ Лицей, Пушкинъ какихъ-нибудь три года спустя, т. е. все еще далеко не взрослымъ, и если уже юношей, то юношей все еще не сформировавшимся даже физически, не только духовно, уже выступаетъ на литературное поприще. Лѣтомъ

1814 года впервые объявился онъ въ печати. Еще робѣя, конфузясь. Это такъ естественно. Первое произведеніе нашего пера, отданное въ печать, невольно вызываетъ смѣшанное чувство сладостной тревоги: одновременно и хочется и пугаешься совершить этотъ первый шагъ. Это состояніе невѣсты, идущей подъ вѣнецъ, молодого пѣвца или пѣвицы, впервые выступающихъ на сценѣ передъ многочисленнымъ собраніемъ. Не хватаетъ смѣлости подписаться полнымъ именемъ, подставить себя подъ возможные удары безжалостной критики, а въ то же время такъ хочется заявить передъ цѣлымъ свѣтомъ о томъ, что это твореніе твое, не кого иного, погордиться своею музою; такъ хочется, отдавая свое дѣтище въ чужія руки, не оторваться отъ него, сохранить родственную связь свою съ нимъ!...

Выходъ Пушкинъ нашель въ обычномъ для начинающихъ компромиссѣ: подъ шестистопнымъ ямбомъ своего довольно тяжеловѣснаго стихотворенія „Къ другу стихотворцу“ онъ ставитъ подпись „Александръ Н. К. Ш. П.“. Забрало опущено, но не совсѣмъ. Пожалуй, это даже не забрало, а скорѣе всего полупрозрачная вуаль. Ребусъ не особенно сложенъ. Кто не догадается, что, читая эти согласныя въ обратномъ порядкѣ, легко напасть на рѣшеніе? Конечно, ПШКН можетъ скрывать не только Пушкина, но и Пышкина, Пѣшкина: не заключетъ ли, однако, прелесть игры въ самой этой завуалированности, въ допустимости подобныхъ комбинацій? И мое, и не мое — какъ угодно вамъ, какъ захочу я!...

Во всякомъ случаѣ, первый шагъ сдѣланъ. А черезъ полгода наступитъ время и для второго. „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, прочитанныя на публичномъ экзаменѣ, вызвали всеобщія похвалы, чуть не перешедшія въ бурю восторговъ. Самъ русскій Аполлонъ на русскомъ Парнассѣ — Державинъ — самъ онъ, верховный и заслуженный жрецъ поэзіи, „въ слезахъ обнялъ дрожащею рукой“ молодого поэта „и счастье предрекъ“ ему. Положеніе сразу измѣнилось: еще вчера НКШП конфузливо прятался въ уголъ, а сегодня его выводятъ на середину залы и показываютъ всѣмъ. Скрываться, очевидно, болѣе нечего; шифръ, по крайней мѣрѣ для данного случая, потерялъ всякій смыслъ, — и подъ „Воспоминаніями“, вызвавшими такое одобреніе, авторъ смѣло ставитъ теперь уже полную подпись: „Александръ Пушкинъ“.

Съ этой минуты, т. е. съ апрѣля 1815 года, Пушкинъ, еще не проживъ на свѣтѣ и полныхъ 16 лѣтъ, навсегда свяжетъ свое имя съ русской литературой, сдѣлается неотъемлемымъ ея достояніемъ. Съ этой же поры начнется и тотъ безконечно-длинный рядъ похвалъ и одобреній, что неустанно будутъ сопутствовать его имени вплоть до нашихъ дней. Измайловъ, издатель „Россійскаго Музеума“, помѣщая въ немъ „Воспоминанія въ Ц. Селѣ“, снабдилъ ихъ примѣчаніемъ такого содержанія: „за доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, талантъ котораго такъ много общаетъ“. А Дельвигъ — милый, вѣрный товарищъ! Какое любящее

сердце! — восхищенный успѣхомъ своего друга, пишетъ ему и печатаетъ особое посланіе, полностью, en toutes lettres, надписывая: „А. С. Пушкину“, полностью же именуя его и въ заключительныхъ строфахъ:

„Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется:
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.“

Впрочемъ, второй шагъ на пути самообнаженія пока еще не привелъ непосредственно къ третьему, четвертому. Пушкинъ и послѣ „Воспоминаній“ еще не рѣшается снять своего вуаля; какъ и раньше, онъ остается, въ новыхъ своихъ произведеніяхъ, прежнимъ НКШП или просто П.; правда, моментами онъ чуть совсѣмъ не сброситъ съ себя вуаля („А. Аннибаль-Пушкинъ“ подъ стих. „Козакъ“), но чаще всего ему недостаточно и этого покрывала, и онъ пользуется настоящимъ забраломъ — прячется за стѣну сложныхъ цифровыхъ комбинацій: „1... 14—16“; „1... 17—14“; или „1... 16—14“, гдѣ неизмѣнная цифра „14“ означаетъ номеръ его лицейской комнаты. Только въ годъ выпуска изъ Лицея поэтъ сброситъ маску и открыто выступитъ, какъ авторъ своихъ произведеній.

Въ концѣ марта 1816 года Лицей былъ обрадованъ посѣщеніемъ Карамзина. Карамзинъ возвращался изъ Петербурга къ себѣ въ Москву съ тѣмъ, чтобы взять тамъ семью и окончательно переселиться изъ Первопрестольной на берега Невы. Онъ ѣхалъ туда вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ и Вас. Львов. Пушкинымъ, коренными москвичами; до Царскаго ихъ провожали Жуковскій, Батюшковъ, Ал. Тургеневъ, и всѣ они заглянули въ Лицей. Молодой Пушкинъ сразу очутился, хотя и на самое короткое время, въ кругу литературныхъ знаменитостей, признанныхъ королей русскаго литературнаго міра. Весь Лицей съ гордостью и волненіемъ готовился къ встрѣчѣ Карамзина. Родоначальникъ яркаго литературнаго направленія, давшій ему свое имя, Карамзинъ, помимо всего, предсталъ предъ лицеистами еще и въ завидномъ ореолѣ русскаго историографа, только-что закончившаго 8 томовъ монументальнаго труда. Въ Лицеѣ знали, что Карамзину имя Пушкина не безызвѣстно, что онъ „интересуется“ имъ. Самъ Пушкинъ, конечно, тоже ждалъ его появленія; и, надо думать, радостно забилось сердце юноши, когда знаменитый гость почтилъ его словами: „Пари, какъ орелъ, но не останавливайся въ полетѣ“. Значитъ, онъ можетъ парить, подобно орлу? И не только парить, но и взлетать все выше и выше? Excelsior! Excelsior!...

Черезъ два мѣсяца Карамзинъ вернулся изъ Москвы, устроился на лѣто въ Царскомъ, и Пушкинъ сталъ нерѣдкимъ, всегда желаннымъ посѣтителемъ его дома. Въ ту пору при Дворѣ справляли веселую свадьбу: младшую сестру государя, вел. княжну Анну Павловну, выдавали за принца Оранскаго, будущаго короля Нидерландскаго. Надо было сочинить привѣтственные стихи жениху — къ кому обратиться?

Старики — Нелединскій-Мелецкій — отказывались; имъ уже стала не по силамъ такая, въ сущности, незамысловатая задача: они уже не находили вдохновенія. Карамзинъ рекомендовалъ Пушкина, и тотъ черезъ два часа принесъ ему, а кто говоритъ, тутъ же, въ его присутствіи составилъ заказанное посланіе. Стихи были положены на музыку, пѣлись за параднымъ ужиномъ, а императрица-мать отблагодарила юнаго поэта золотыми часами съ цѣпочкой.

Чувствовалось, что восходитъ новое солнце. Восходило же оно какъ разъ, когда закатывалось старое: мѣсяцъ спустя послѣ Пушкинскихъ свадебныхъ стиховъ скончался Державинъ (9 іюля 1816 г.). На Пушкинѣ его смерть не оставила замѣтнаго слѣда. Позже онъ радостно вспомнитъ, какъ свѣтлое явленіе въ своей жизни, день 8 января 1815 года, — тотъ день, когда онъ читалъ свои „Воспоминанія“ передъ маститымъ „пѣвцомъ Екатерины“, когда предсталъ предъ нимъ на его судъ со своей еще неопытной музой, и, вспоминая, съ благодарностью скажетъ:

„Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ“;

позже, на разстояніи, онъ сумѣетъ лучше разсмотрѣть Державина, глубже понять и оцѣнить его, — сейчасъ же онъ весь полонъ жизни, самимъ собою; сейчасъ, у Карамзиныхъ, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ ихъ семейныхъ празднествахъ, ѣздитъ съ ними въ Петергофъ, катается по морю, любитъ иллуминаціей. Про себя онъ то же думаетъ, что и Жуковскій:

„Мертвый мирно спи во гробѣ,
Жизнью пользуйся живущій“.

Этого мудраго правила онъ будетъ неуклонно держаться въ теченіе всей своей жизни; тѣмъ болѣе захваченъ онъ имъ теперь, въ молодые годы. Державинъ сдѣлалъ свое дѣло; въ сущности, онъ уже пережилъ себя; чего-нибудь большаго, новаго, по сравненію съ тѣмъ, что онъ далъ, ждать отъ него было бы напрасно, а потому и смерть его не могла вызвать ощущенія великой потери, какою она станетъ для образованнаго русскаго общества нѣсколько позже, когда умретъ Карамзинъ, тѣмъ болѣе, когда умретъ самъ Пушкинъ.

Да и какъ думать о смерти, когда сама она становится орудіемъ напоминанія о жизни, о будущемъ, о томъ великомъ, что, повидимому, ожидаетъ его и что просвѣчиваетъ уже теперь даже сквозь траурный покровъ ея? Вонъ тотъ же Дельвигъ, правда, тѣми же влюбленными, пристрастными устами, уже спѣшитъ печатно назвать его преемникомъ ушедшаго старца-поэта!

Кто жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирою? Кто? Пушкинъ! — говоритъ онъ и, обращаясь къ нему, продолжаетъ:

„Молися Каменамъ! и я за друга молю васъ, Камени!
Любите младаго пѣвца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный умъ, окрыляйте юные персты!“

Да, старое солнце закатилось; восходитъ новое, и если оно только лишь показалось, еще не все вышло изъ-за горизонта, все же первые лучи его пали на землю гораздо дальше Царскаго Села и Павловска: въ Петербургѣ Арзамасъ избираетъ Пушкина, еще лицеиста, своимъ сочленомъ, а въ Москвѣ дядя читаетъ его стихотворенія въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности и печатаетъ ихъ въ его „Трудахъ“.

А потомъ, развѣ тѣ пять журналовъ, что помѣстили у себя, за время лицейской школы, свыше 30 его стихотвореній,¹⁾ развѣ они читаются въ Россіи въ одной только Москвѣ, въ одномъ Петербургѣ?... На рукахъ оставался еще большой неиспользованный рукописный багажъ,²⁾ но придетъ время и ему... если только новые, болѣе совершенные плоды его музы не вытѣснятъ старыхъ и не заставятъ забыть ихъ.

Въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина наглядно и убѣдительно проявилась сила и красота его поэтическаго творчества. Ниспосланный ему даръ юноша вполне осозналъ уже въ эти годы; онъ уже напоенъ волшебной водой Иппокрены; онъ уже чувствуетъ присутствіе божественной гостии: муза посѣтила его, и вмѣстѣ съ нею онъ паритъ надъ смертнымъ міромъ. Доказательство этого сознанія та изумительная по красотѣ и изяществу картинка, завидная и для болѣе зрѣлаго пера, какую нарисовалъ онъ въ 15 лѣтъ, говоря о ночномъ посѣщеніи его геніемъ поэзіи:

„Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ,
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной;
И я въ тиши ночной
Сливаю голось свой
Съ пастушеской волынкой“.

(Городокъ, 1814)

Такъ говорить могъ только настоящій поэтъ, — поэтъ Божьею милостію. Какая яркость въ изображеніи! Какое согласіе между формой и содержаніемъ! Такія выраженія, какъ „тихо“, „шорохъ“, „плывутъ“, „дремлютъ“, „летаетъ невидимкой“, — текутъ одно за другимъ, въ полной гармоніи и въ органическомъ единствѣ съ полнымъ тре-

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1814 г.: 5 стихотвореній; Россійскій Музеумъ 1815 г.: 18 стих.; Сынъ Отечества 1815 г.: 1 стих.; Сѣверный Наблюдатель 1817 г.: 5 стих., всѣ за полною подписью; Труды Вольнаго Общества Любит. Росс. Словесн. 1817: 3 стих. тоже всѣ за, полною подписью (впрочемъ, третье было напечатано уже по выходѣ Пушкина изъ Лицея).

²⁾ За время пребыванія въ Лицеѣ Пушкинъ написалъ до 130 стихотвореній, крупныхъ и мелкихъ.

пета ощущеніемъ того вдохновенія, что несетъ съ собою таинственный, чудный гость, — вдохновенія, глазомъ не уловимаго, слухомъ не ощутимаго и, тѣмъ не менѣе, сильнаго, неотразимаго. Легкая, свѣтло-прозрачная дымка обвѣяла невѣсомымъ покровомъ созданный поэтомъ образъ, и намъ становится понятнымъ восхищеніе, какое вызывали въ современникахъ Пушкина его даже первыя, сравнительно еще слабыя стихотворенія.

Такъ постепенно царскосельскій лицеистъ преобразовывался въ литератора-поэта, пока еще не подозрѣвая, что на русскомъ Парнасѣ ему уготовано первое, самое почетное мѣсто, еще никогда никѣмъ не бывшее занятымъ, всецѣло дѣвственное, исключительно для него предназначенное.

ЗАВѢТЫ ПУШКИНА.

Творенія Пушкина не только цѣнны въ художественномъ отношеніи, но еще, какъ замѣтилъ Достоевскій, содержатъ пророчество и указаніе. Посему теперь, когда мы пребываемъ во искушеньяхъ долгой кары и жаждемъ услышать жгущій сердца пророческій глаголь, мы въ священной тревогѣ о судьбѣ нашего отечества естественно вопрошаемъ Пушкина. И вопрошаемъ мы его не просто какъ поэта, а какъ и учителя.

Пушкинъ учитель! Не странно ли это? Вѣдь онъ былъ чистый поэтъ, далекій и отъ житейскаго волненія, и отъ корысти, и отъ битвъ. Да, онъ былъ поэтъ. Но, какъ онъ самъ выразился, онъ не былъ только стихоткачъ или риѣмотворъ. Онъ былъ поэтъ „союза волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ“. Онъ не былъ только творцомъ красивыхъ звуковъ, не былъ декадентомъ. И посему у него форма еще не была изящною оболочкою для ничтожнаго содержанія или совершенной пустоты. Онъ не походилъ на Флобера, этого, по словамъ Дюма, „великана, который рубилъ цѣлый лѣсъ, чтобы изготавить коробочку“. Несравненному совершенству литературной формы у него соотвѣтствовало также и совершенство содержанія, всегда значительнаго и идейнаго. Какъ замѣтилъ Мериме, въ его стихахъ всегда больше содержанія, чѣмъ словъ. Своею лирою онъ пробуждалъ и чувства и мысли. Чувства были добрыя. А мысли были мудрыя, ибо Пушкинъ былъ очень уменъ. Недаромъ императоръ Николай I называлъ его умнѣйшимъ чловѣкомъ въ Россіи. Пушкина не привлекала „глупость въ золотыхъ очкахъ“, ибо онъ принадлежалъ не къ ученымъ, которыхъ много, а къ умнымъ, которыхъ мало. Онъ не былъ „чиномъ отъ ума избавленъ“ и не стремился „себѣ присвоить умъ чужой“. Убѣжденный, что „другъ истины — поэтъ“, онъ хотѣлъ жить, чтобы мыслить. И за свою краткую жизнь онъ накопилъ немало ума холодныхъ наблюденій. Онъ умѣлъ „говорить языкомъ высшей истины“, но такъ, чтобы его поняли „всѣ отъ мала до великаго“. Его „строгія заботы“ касались не только современности, но и предбудущихъ вѣковъ. Онъ думалъ, что его мысли могутъ пригодиться и нашему поколѣнію:

Съ моей, быть можетъ, тѣню
Мой правнукъ просвѣщенный
Бесѣдовать придетъ.

Такъ какъ „нынче всѣ умы въ туманѣ“, то не мѣшаетъ намъ, правнукамъ Пушкина, откликнуться на этотъ призывъ, побесѣдовать съ его тѣню и усвоить тѣ завѣты, которые онъ намъ оставилъ.

Первый завѣтъ — неунывающая бодрость духа несмотря ни на какія невзгоды. Пушкину пришлось прикоснуться къ той порѣ, когда

Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Онъ пережилъ Наполеоново нашествіе, это, какъ выразился митрополитъ Филаретъ, „устремленіе слянныхъ силъ едва ли не цѣлой Европы на единую Россію“. Онъ пережилъ бунтъ декабристовъ, обрекшій его друзей на „скорбный трудъ“ „во глубинѣ сибирскихъ рудъ“ и „въ мрачныхъ пропастьяхъ земли“. Онъ пережилъ воодушевившее клеветниковъ Россіи трагическое столкновеніе двухъ славянскихъ народовъ. Все это у многихъ вызывало смятеніе и уныніе. Но Пушкинъ не унывалъ. Бодро несъ онъ и крестъ своей личной жизни. А она была не легка. Недаромъ поэтъ такъ жадно, съ такою благодарностью принималъ перепадавшія на его долю крупичицы счастья. Его жизненный путь былъ тернистъ и каменистъ. Это былъ „рядъ горестей“ и миллионы терзаній. Какъ Моцартъ, Пушкинъ постоянно боролся съ денежными затрудненіями. И онъ однажды написалъ: „о чемъ я думаю: чѣмъ намъ жить“?

Я весь дрожу... Однако жъ деньги
Мнѣ нужны.

Въ его творческіе порывы грубо вторгался экономическій материализмъ съ его коммерческими вычисленіями:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

И поэтъ, считавшій себя рожденнымъ для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ, сознававшій, что у „немногихъ, родившихся поэтами“, „поэзія объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни“, объяснявшій женѣ: „писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу“, долженъ былъ, какъ онъ самъ выразился, пуститься въ журнальную спекуляцію и оправдывать свое божественное призваніе корыстными соображеніями: „оно, стихотворство, просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость“.

Отношенія Пушкина и къ отцу и къ женѣ были глубоко драматичны, болѣе того — трагичны. Недаромъ передъ вѣнцомъ, когда поютъ

„Исаія, ликуй“, онъ писалъ : „горести входятъ въ мои домашніе рас-
счеты ; всякая радость будетъ мнѣ неожиданною“. „Милый мой ангелъ,
— писалъ онъ однажды женѣ—я было написалъ тебѣ письмо на четы-
рехъ страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его
тебѣ не послалъ“. Въ заботахъ суетнаго вѣка ему приходилось раз-
мѣниваться на мелочи и только урывками отдаваться своему священ-
ному призванію. Для близкихъ и родныхъ Пушкинъ былъ не Божіею
милостью геній, а неудачникъ, не сдѣлавшій настоящей служебной и
придворной карьеры. Для далекихъ и чужихъ, для дѣтей ничтожныхъ
міра, онъ былъ не великимъ поэтомъ, а „коадьюторомъ великаго
мастера ордена рогоносцевъ“. Вѣчный скиталецъ, онъ не ждалъ без-
болѣзненной, непостыдной и мирной кончины живота своего :

На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судиль.

И его трудная жизнь кончилась тѣмъ, что послѣ мучительной ду-
шевной пытки онъ палъ на поединкѣ, точнѣе, былъ разстрѣлянъ
у барьера, разстрѣлянъ ничтожнымъ иностранцемъ, которому до Рос-
сіи не было никакого дѣла, и который еще очень долго преблагопо-
лучно жилъ во Франціи, успѣшно дѣлая карьеру сенатора второй
имперіи.

Словомъ, хотя Пушкинъ и не переживалъ такихъ ужасовъ, какъ
мы, тѣмъ не менѣе его жизнь была тяжела и протекала трагически.
Сознаніе какой-то обреченности прорывалось у него даже во дни ли-
кующей молодости :

Дышать уныньемъ мой удѣлъ.
Вся жизнь моя печальный мракъ ненастья.
Передъ собой одну печаль я вижу.
Остались мнѣ одни страданья.

Это не была рисовка или байронизмъ. Это были слезы сквозь
смѣхъ. Это былъ вопль „души усталой, волненьемъ жизни утомлен-
ной“. Но не этотъ мотивъ преобладалъ въ творчествѣ Пушкина. Онъ
не былъ поэтомъ грусти, какъ назвалъ Лермонтова проф. Ключевскій.
Совсѣмъ напротивъ, онъ былъ поэтъ бодрости и даже радости. Онъ
оставилъ завѣтъ здоровой и свѣтлой радости, преодолюющей вся-
кія невзгоды объективнымъ и гармоническимъ отношеніемъ къ бы-
тію, а также творческимъ трудомъ и блаженствомъ вѣры.

Пушкинъ оставилъ завѣтъ объективности, умѣнія не забиваться
въ пещеру субъективной неудовлетворенности. Ему далеко не чужда
была тревога и о личномъ и объ общемъ, и о близкомъ и о дале-
комъ. Но онъ преодолевалъ ее тѣмъ, что съ высоты взиралъ на жизнь.
Оттуда виденъ не только гадъ морскихъ подводный ходъ, но также
и горній ангеловъ полетъ. „На высотахъ созданія“ все личное и все
текущее кажется маленькимъ и мелкимъ. Здѣсь нѣтъ невольничьихъ
тревогъ. Сюда не поднимаются удушливые газы. Здѣсь дышется легко,

свободно, глубоко. Отсюда открываются начала и концы, и бурная рѣка времени пріобрѣтаетъ видъ недвижной серебристой ленты. Пушкинъ далъ намъ живой примѣръ такой именно созерцательности. И если бы мы послѣдовали этому его завѣту, мы легче бы справлялись съ „жизни мышьею бѣготней“ и научились бы прислушиваться къ голосу вѣковъ. Тогда бы мы пріобрѣли и ту гармонію, которую намъ Пушкинъ завѣщалъ.

Гармонія это одно изъ самыхъ удивительныхъ свойствъ его генія. Удивительна она потому, что шла вразрѣзъ и съ собственною натурою поэта и съ преобладающимъ настроеніемъ русскихъ писателей. По природѣ Пушкинъ былъ порывистъ, склоненъ къ крайностямъ и даже неистовъ. Недаромъ въ его жилахъ текла африканская кровь. И онъ самъ себя называлъ „потомкомъ негровъ безобразнымъ“, въ которомъ сидѣлъ „бѣсъ арабскій“. Естественно было ожидать, что его творчество окажется во власти необузданной фантазіи, какъ у Дюма-отца, писателя тоже полуафриканскаго происхожденія. Между тѣмъ Пушкинъ сумѣлъ такъ обуздать свой талантъ, какъ это не всегда удавалось другимъ классическимъ поэтамъ. Такъ, на примѣръ, хотъ Гете и провозгласилъ :

In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister,

однако онъ не ввелъ всего своего „Фауста“ въ чеканные предѣлы. У Пушкина совѣмъ не было той чрезмѣрности, въ которую впадали позднѣйшіе властители русскихъ думъ. Они то забирались на сверхъестественную высоту, откуда все земное кажется уже не только не существеннымъ, но даже и не существующимъ ; то растекались такъ безбрежно, что расплывалось и тонуло все, что близко и возможно ; то спускались въ темное подполье, гдѣ ихъ поджидалъ когтистый звѣрь, скребящій сердце — совѣсть. Послѣ Пушкина появились „жестокіе таланты“, писавшіе съ надрывомъ, наносившіе и еще растравлявшіе душевныя раны. Во всемъ этомъ сказывалась безформенность и непомѣрность. У Пушкина же этого не было. Онъ въ высочайшей степени владѣлъ тѣмъ, что французы называютъ формою. А это предполагаетъ сосредоточенность, мѣру и прежде всего гармонію. Этотъ примѣръ Пушкина и этотъ его завѣтъ особенно цѣнны теперь, когда хранина русской культуры разсыпана, и предстоитъ напряженная работа по введенію въ берега разбушевавшейся и расплескавшейся стихіи.

Работа, трудъ — это тоже одинъ изъ завѣтовъ Пушкина. Самъ онъ трудился. Трудился много и напряженно. Это явствуетъ хотя бы изъ его черновиковъ. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что его стихи далеко не были просто „плоды веселаго досуга“, а представляли „плоды постояннаго труда“. Хотъ Пушкинъ и набрасывалъ на свое творчество покровъ „безплодной лѣности“ и „счастливаго бездѣйствія“, однако онъ вовсе не былъ „счастливою лѣнни вѣрный сынъ“. Давно замѣчено, что геній это терпѣніе. Конечно, это не значитъ, что и обратнo — одно терпѣніе это уже и геній. Но это значитъ, что безъ ве-

ликаго труда нѣтъ и крупныхъ произведеній, и что кому много дано, съ того и много взыскивается. Пушкинъ это понималъ. Онъ понималъ, что безъ „постояннаго труда“ нѣтъ „истинно великаго“. И посему у него былъ „жаръ къ трудамъ“. Его трудъ былъ многолѣтній, молчаливый спутникъ ночи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ свободный и вдохновенный трудъ, не подневольный и постылый ремесленный, а радостный, творческій, артистическій. Трудъ производительный и не кипящій въ дѣйствиі пустомъ. Трудъ какъ отдыхъ отъ усталости:

Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ.

Какъ Кольцовъ воспѣлъ радость физическаго, земледѣльческаго труда, такъ Пушкинъ воспѣлъ радость труда духовнаго. Въ трудѣ онъ видѣлъ не проклятіе, а благословеніе. Всѣмъ трудящимся и обремененнымъ онъ давалъ живой примѣръ бодрости. А тѣхъ, кому былъ тошенъ трудъ упорный, онъ призывалъ къ дѣлу, предлагая имъ „живой и постоянный, хоть малый трудъ“. Маниловщина, обломовщина — все это было ему чуждо. Онъ осуждалъ, что „мы лѣнны и не любопытны“, что „разговоры принять мы рады за дѣла“. У него совсѣмъ не было того отвращенія къ труду, какъ къ несчастію, которое проявили иные наши заступники трудящихся. Его завѣтъ труда полонъ глубокаго значенія и для насъ, которые такъ часто „въ напрасной скукѣ тратимъ судьбой отсчитанные дни“ и повторяемъ слова иного поэта, не Пушкина: „суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано“.

Самый упорный трудъ становится безсмысленнымъ, если онъ не вдохновляется вѣрою въ идею, во имя которой стѣитъ и слѣдуетъ трудиться. Трудъ Пушкина былъ воодушевленъ великою идеею, дававшей ему блаженство вѣры. Эта идея, эта вѣра была Россія. Пушкинъ не только любилъ ее, любилъ такъ искренно, такъ нѣжно, какъ дай ей Богъ любимой быть другими. Онъ еще вѣрилъ въ нее и надѣялся на нее, надѣялся такъ прочно, что самое слово Россія было для него равнозначно неколебимости вообще: „неколебимо какъ Россія“. Такое отношеніе къ отечеству является драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ завѣтовъ Пушкина. И его вѣщія рѣчи объ этомъ таковы, что имъ безъ волненія внимать невозможно.

Съ арабскою кровью въ жилахъ, съ французскимъ воспитаніемъ, со всемірною отзывчивостью Пушкинъ былъ глубоко русскій человѣкъ, неразрывно связанный не только съ вершинами нашей культуры, но и съ народною стихіею, гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ. Онъ любилъ „передъ избушкой двѣ рябины, калитку, сломанный заборъ... да пьяный топотъ трепака передъ порогомъ кабака“. „Клянусь вамъ честью, — писалъ онъ Чаадаеву, — что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы переимѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ“. Любя Россію сыновнею любовью, Пушкинъ, какъ и Петръ Великій, не пре-

зираль страны родной: онъ зналь ея предназначенье. И онъ не послѣдовалъ ни за угрюмымъ Радищевымъ ни за высокоумнымъ Чаадаевымъ: „что же касается нашего историческаго ничтожества, я положительно не могу съ вами согласиться. Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ходъ къ единству... какъ, неужели это не исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ — цѣлая всемірная исторія?“

Пушкинъ любилъ Россію, какъ живое отечество съ прочными корнями въ родной почвѣ, любилъ ее въ „дѣлахъ давно минувшихъ дней, преданьяхъ старины глубокой“. Питая „любовь къ отеческимъ гробамъ“, онъ утверждалъ, что „неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости“, и что только „дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь передъ однимъ настоящимъ“. Онъ сознательно разбирался „во вкусѣ умной старины“. Не проповѣдая насильственнаго поворота вспять и высоко цѣня преобразованія Петра Великаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ безконечно далекъ отъ позднѣйшаго нигилизма, отметавшаго наслѣдіе прежде почившихъ отцовъ и братій.

Пушкинъ завѣщаль намъ любить не просто Россію и не только Великороссію, а великую Россію, сильную и державную, объемлющую „всякъ сущій въ ней языкъ“. Его не убѣдила попытка Полевого замѣнить Карамзинскую „Исторію государства Россійскаго“ исторією „русскаго народа“. Онъ не проповѣдывалъ безгосударственной или даже противогосударственной общественности. И онъ цѣнилъ единство русской стихіи, крѣпко спаянной металломъ мощной государственности. Ея границы начертаны не кичливостью или своекорыстіемъ иноплемениковъ, а самую природою и историческимъ призваніемъ страны. Онъ твердо помнилъ географію Руси великой, раскинутой

отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая.

И онъ далъ гордый отпоръ притязующимъ на русскую землю:

Куда отвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?...
Нашъ Кіевъ, дряхлый, златоглавый,
Сей прашуръ русскихъ городовъ...

Такова великая Россія Пушкина. Это не только великая, но и славянская Россія. У Пушкина былъ не только русскій, но и „славянскій духъ“. Задолго до официальнаго переименованія онъ уже называлъ Санктъ-Петербургъ Петроградомъ. Онъ угадалъ гораздо глубже, чѣмъ Мериме, подлинный духъ югославянской музыки. Къ ненавистникамъ славянства онъ обращался съ грознымъ предостереженіемъ:

Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь,
Но тяжко будетъ имъ похмѣлье.

Онъ вѣрилъ, что русское море не изсякнетъ, и что пути славянскихъ ручьевъ и рѣкъ ведутъ именно къ нему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что, неся свои волны въ море, и ручьи и рѣки не перестаютъ существовать и обновляться своими собственными источниками и притоками. Къ славянству въ первую очередь относились его благородныя мечты

о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

Для столь, къ сожалѣнію, свойственной славянамъ семейной вражды Пушкинъ искалъ не „пѣснь обиды“, а слово примиренія или по крайней мѣрѣ разумѣнія :

Издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена.
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою.

Россія Пушкина это культурная Россія. Недаромъ онъ съ такимъ сочувствіемъ отнесся къ всеобъемлющей душѣ и пребыванію въ работѣ Петра Великаго. Онъ далъ проникновенные образы той поры, когда „Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ“, и когда она,

Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ гениемъ Петра.

Онъ былъ убѣжденъ, что врагамъ задуманной Петромъ культурной Россіи никогда не удастся ихъ злое дѣло, и они

тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра.

Всѣхъ ихъ должно постигнуть то, что случилось съ безумцемъ, вздумавшимъ пригрозить Мѣдному Всаднику :

„Добро, строитель чудотворный!
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ,
Ужо тебѣ!“ И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился.

Пушкинъ спасался отъ унынія, вспоминая Петра. Этимъ онъ далъ также и намъ примѣръ видѣть не только воспоминаніе прошлаго, но и залогъ добраго будущаго въ Петрѣ, о которомъ Неплюевъ сказалъ: „что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“.

Въ культурной Россіи Пушкинъ завѣщалъ намъ хранить и беречь непреложныя цѣнности и совершенствовать цѣнности, творимыя и преобразуемыя. Хранить и беречь вѣру и языкъ. Совершенствовать просвѣщеніе, а черезъ него технику и гражданственность.

Пушкинъ прошелъ черезъ маловѣріе и даже невѣріе. И тогда ему казалось, что „чистый аѳеизмъ, къ несчастію, болѣе всего правдоподобенъ“, что жизнь — это „даръ напрасный, даръ случайный“, и что „безвѣріе одно влечетъ несчастнаго до хладныхъ вратъ могилы“. Прошелъ онъ и черезъ исканія, когда „умъ ищетъ Божество, а сердце не находитъ“. Но кончилъ онъ обращеніемъ къ христіанству. Именно его онъ призналъ планетарнымъ явленіемъ, ибо, писалъ онъ „великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство“, и „исторія новѣйшая есть исторія христіанства“. Въ противоположность Бѣлинскому, твердившему объ атеизмѣ русскаго народа, Пушкинъ не представлялъ себѣ Россіи безъ христіанства. О томъ, чтобы она могла стать совершенно безбожною, какъ мечтаютъ тѣ, которые, какъ „нѣкимъ хіосскимъ жителемъ“, дозволено „паковать всенародно“, и которые въ своемъ комсомольскомъ усердіи такъ раздуваютъ его легкомысленную, но не злостную Гавриіаду, поэтъ и не помышлялъ: для этого онъ былъ слишкомъ „крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ“. Но онъ высказался о другой возможности, именно объ окатоличеніи Россіи, чѣмъ хвалился Самозванецъ:

Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся восточна церковь
Признають власть намѣстника Петра.

Пушкинъ рѣшительно отвергъ эту возможность. Безъ изувѣрства, безъ ханжества, безъ назойливаго оказательства онъ ревновалъ о православіи. Онъ съ глубокимъ пониманіемъ оцѣнилъ дѣло Георгія Конисскаго. И онъ опровергалъ Чаадаева: „мы приняли отъ грековъ Евангеліе и преданія, но не приняли отъ нихъ духа ребяческой мелочности и преній“.

Не менѣе бережно, чѣмъ къ вѣрѣ отцовъ относился Пушкинъ къ родному языку. Его не привлекали „чужихъ нарѣчій погремушки“. Онъ предпочиталъ прислушиваться къ „удивительно чистому и правильному языку“ московскихъ просвиренъ. Онъ былъ такъ строгъ къ собственнымъ выраженіямъ, такъ стремился „въ слогъ поправляться“, что его алмазный, какъ выразился Вогюе, стиль все еще казался ему недостаточно чистымъ:

Мой бѣдный слогъ
Пестрѣтъ бѣ гораздо меньше могъ
Иноплеменными словами.

Онъ возмущался тѣмъ, что „сокровища роднаго слова безумно пренебрегли мы“, а также тѣмъ, что „ученость, политика и философія по-русски еще не изъяснились; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ“, ибо „лѣнность наша охотно выражается на языкѣ чужомъ, котораго механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны“. Не относится ли этотъ упрекъ еще и къ намъ, которые такъ мало боремся съ тѣмъ, что Ломоносовъ называлъ „дикими нелѣпостями слова“?

Пушкинъ училъ не только хранить, но и приумножать русскія культурныя цѣнности. Посему онъ не подводилъ преждевременныхъ итоговъ и имѣлъ мужество критическаго патриотизма, который впередъ глядитъ и безъ боязни. Осуждая высокомеріе Чаадаева, онъ все же писалъ ему: „нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и человѣческому достоинству дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе“. Понималъ Пушкинъ и зло крѣпостнаго права: „здѣсь барство дикое... здѣсь рабство тощее“. Настоящая Россія еще не готова. Она требуетъ еще большой работы. И Пушкинъ призывалъ къ ней, призывалъ „отчизнѣ посвятить души прекрасныя порывы“. Не въ разрушеніи видѣлъ онъ это призваніе, а въ созиданіи. Знатокъ исторіи Пугачева и авторъ „Капитанской дочки“, онъ хорошо понималъ, что такое „русскій бунтъ, бессмысленный и безпощадный“. Не привлекала его и французская революція, этотъ „союзъ ума и фурій“, для коего „убійство — простое тѣлодвиженіе“. Чуждый демагогіи и не припадая „къ ногамъ народнаго кумира“, онъ стремился угадать назрѣвшія нужды:

И неподкупный голосъ мой
Быль эхо русскаго народа.

Насущнѣйшею задачею современности Пушкинъ призналъ преодолѣніе непросвѣщенности народа: „вездѣ невѣжества губительный позоръ“. „Одно просвѣщеніе — писалъ онъ — въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія“ и преодолѣть „губительное время, когда невѣжества несли Россію бремя“. Плодами просвѣщенія онъ считалъ усовершенствованіе техники и гражданственности:

Когда благому просвѣщенію
Отдвинемъ болѣе границы,
Шоссе Россію здѣсь и тутъ
Соединивъ пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой,
Раздвинемъ горы, подъ водой
Пророемъ дерзостные своды.

Усовершенствованіе гражданственности Пушкинъ видѣлъ въ приобщеніи народа къ „свободѣ просвѣщенной“. И посему возславилъ онъ свободу. Но онъ и тутъ остался мастеромъ гармоніи и формы. Онъ осудилъ ту стихійную и анархическую свободу, которая „для себя лишь хочетъ воли“. „У трона вѣрный гражданинъ“, онъ стоялъ за гражданственность,

Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье.

И онъ предупреждалъ всѣхъ безъ различія властителей: „вѣчный выше васъ законъ“. Прославивъ въ свой жестокой вѣкъ закономѣр-

ную свободу, Пушкинъ протянулъ руку Петру Великому, который „не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія“, и Сперанскому, утверждавшему, что Россія „безъ сомнѣнія имѣеть прямое направленіе къ свободѣ“.

Таковы главные завѣты Пушкина. Какъ далеки они отъ того, что теперь переживаетъ наше отечество! Гдѣ неунывающая бодрость и гармонія? Гдѣ радостный и привлекательный трудъ? Гдѣ вѣра въ Бога и Россію? Гдѣ уваженіе къ прошлому, къ чистотѣ родного языка, къ культурѣ, свободѣ и законности? Нѣтъ этого всего. Но значить ли это, что слѣдуетъ приходить въ отчаяніе? Значить ли это, что если и не вся „вселенная на гибель предана“, то погибаетъ наша родина? Значить ли это, что все потеряно — и русское отечество, и русская культура, и русская честь и даже самое русское имя? Пушкинъ отвѣтилъ намъ и на эти тревожные вопросы. Онъ отлично понялъ одну особенность развитія Россіи, именно то, что разъ въ сто лѣтъ она испытываетъ потрясенія. И тогда получается впечатлѣніе старческаго одряхлѣнія и конца. Но въ дѣйствительности это только юношескіе переломы, за которыми наступаетъ новый расцвѣтъ. Такова смута въ началѣ XVII вѣка, мастерски изображенная въ „Борисѣ Годуновѣ“. Такова зловѣщая пора начала XVIII вѣка, когда вздернутая на дыбы Россія глухо волновалась, а сосѣди уже готовились дѣлать ее. Тогда бывали такія трудныя положенія, что гибель казалась неминуемою. Но тяжкій млатъ, дробя стекло, коваль булатъ. И правъ былъ Петръ, твердившій: несчастья бояться — счастья не видать.

Прошло сто лѣтъ — и что жъ осталось
Отъ сильныхъ гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.

Но въ началѣ XIX вѣка опять струсилась бѣда: „увы! на башняхъ галлъ Кремля“; „Москва въ уныніи, какъ степь въ полночной мглѣ“. Опять казалось, что все погибло. Но это только такъ казалось. Галлы и съ ними прочіе языки были изгнаны изъ Москвы и Россіи. И Пушкинъ пріѣтствовалъ освобожденіе первопрестольной столицы:

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.

Онъ же вопрошалъ:

Сильна ли Русь? Война и миръ,
И бунтъ, и внѣшній буръ напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жъ: все стоитъ она!

Прошло еще сто лѣтъ. И наступили наши дни. Опять Россія пошатнулась. Опять отечество въ бѣдѣ. Для ея изображенія мы найдемъ

яркія краски и живые образы у Пушкина же, тамъ, гдѣ онъ живописуетъ прежнія потрясенія. Надо только „межъ печатными строками читать духовными очами другія строки“. Вотъ онѣ:

Москва, сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ!

Она опять въ уныніи. Опять явились самозванцы и „въ красную Москву кажутъ врагамъ завѣтную дорогу“. „Государство шатнулось будто подъ грозой“. Воздвигли было „знамя вольности кровавой“. Но эта „новорожденная свобода, вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ“. „Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами единый властвуетъ топоръ“. Произошло это такъ, что „мы свергнули царей. Убийцу съ палачами избрали мы въ цари“. „Встрѣчали торжествомъ властителей чужихъ и вольныя главы подъ иго преклоняли“. Чего же дождались мы?

Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленіе.
О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
И въ сердцѣ жалость умерла.

Народъ уже не безмолвствуетъ. Но у него пока хватаетъ силъ для одного лишь ропота.

Народъ нетерпѣливый,
Досадуя, влачитъ позорный свой яремъ
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
Уныніе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
Встревожены умы — и пламя глѣбеть въ нихъ.

И вотъ многіе дрогнули. Неужто, отдавъ своихъ лучшихъ сыновъ, что „нашей кровью искупали Европы вольность, честь и миръ“, истощена наша Россія? Неужто ея уже нѣтъ и болѣе не будетъ, а будетъ или мрачная пустыня, или союзъ социалистическихъ совѣтскихъ республикъ, точнѣе, союзъ пугачевщины и интернационала съ псевдонимными властителями, которые держатъ въ рукахъ не скипетръ, а серпъ и молотъ, стремясь дробить булатъ и ковать стекло, а также засорять ниву русской культуры плевелами пролеткульта?

Но есть ли дѣйствительное основаніе для такого малодушія? Вотъ тутъ то намъ особенно необходимо помнить Пушкина, его убѣжденіе, что Россія это символъ непоколебимости и, что изъ cadaго потрясенія она выходитъ еще болѣе окрѣпшею. Если бы онъ былъ съ нами, его не запугали бы ни пугачевщина, ни интернациональ. Онъ изучилъ исторію Пугачевского бунта. И онъ показалъ, что пугачевщина не только прекращается, но и сама себя осуждаетъ, какъ это сдѣлалъ и самъ Пугачевъ, заявившій: „Богу было угодно наказать Россію черезъ мое окаянство“. Что же касается интернационала, то авторъ „Бориса Годунова“ показалъ намъ, что ворамамъ и самозванцамъ иногда удается захватить власть надъ Россією, но что это оказывается недолговѣчнымъ. Къ тому же, спрашивалъ Пушкинъ, „какой народъ ввѣритъ права свои тайнымъ обществамъ?“ „Должны — увѣрялъ онъ — еще

произойти великія перемѣны“, „и въ тьмѣ возникшіе“ будутъ „низвергнуты во тьму“.

Таково пророчество Пушкина. Таково его указаніе. Если мы вѣримъ нашему поэту, если мы дѣйствительно считаемъ его глаголь пророческимъ, то мы должны также раздѣлить надежду славы и добра, съ которой онъ глядѣлъ впередъ и безъ боязни, былъ убѣжденъ, что „взойдетъ она, заря плѣнительнаго счастья, Россія вспрянетъ ото сна“, и провозгласилъ: „исчезни, краткій нашъ позоръ“, „Россія встань и возвышайся!“

В. А. ФРАНЦЕВЪ.

ПУШКИНЪ И ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ 1830—1831 г.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО КОММЕНТАРІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ: „КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ“
И „БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА“.

Едва ли какое-либо изъ такъ наз. мелкихъ стихотвореній Пушкина вызвало столько разнообразныхъ, часто противорѣчивыхъ толкованій, неосновательныхъ упрековъ, рѣзкихъ нападокъ на поэта и озлобленныхъ споровъ о смыслѣ и значеніи его выступленія, какъ стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“ и послѣдовавшая за нимъ „Бородинская годовщина“. Оба стихотворенія были написаны по поводу польскаго возстанія 1830—1831 года, но направлены были исключительно противъ современной Франціи, парламентскіе представители которой выступали въ Палатѣ депутатовъ съ рѣчами весьма рѣзкими и исполненными прямыхъ угрозъ по адресу Россіи. И въ одномъ и въ другомъ случаѣ Пушкинъ обращается къ французскимъ депутатамъ, народнымъ „легкоязычнымъ витіямъ“, „мутителямъ палаты“, къ нимъ направляетъ свои негодующіе вопросы и имъ выражаетъ свой протестъ противъ неумѣстнаго вмѣшательства въ семейную вражду, въ „домашній старый споръ“, существа котораго они не понимаютъ и посему не могутъ быть безпристрастными судьями въ вспыхнувшей междоусобной борьбѣ двухъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ.

Оба стихотворенія были написаны поэтомъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій: первое — 2 августа 1831 г., второе — 5 сентября. Къ нимъ по содержанію примыкаетъ въ известной степени третье стихотвореніе, тоже относящееся къ 1831 г.: „Къ тѣни полководца“ (Передъ гробницею святой...), посвященное специально воспоминанію о кн. М. Л. Кутузовѣ - Смоленскомъ въ тягостные дни неуспѣховъ русскаго оружія въ борьбѣ съ поляками. Всѣ три стихотворенія удачно объединилъ Венгеровъ въ наименованіи ихъ лирико-патріотической трилогіей, посвященной русско-польской войнѣ 1831 года (Сочиненія Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, томъ VI, стр. 408).

Однако при всей значительности ихъ содержанія первыя два стихотворенія этой трилогіи въ русской критической литературѣ оста-

вались долго и остаются до сихъ поръ безъ необходимаго историческаго освѣщенія. Даже самая исторія возникновенія обоихъ стихотвореній излагается иногда совершенно невѣрно. Отмѣтимъ одинъ примѣръ такого изложенія. Въ большой монографіи В. Сиповскаго (Пушкинъ. СПб., 1907, стр. 357), посвященной жизни и творчеству Пушкина, написаніе ихъ связывается съ рѣчью Лелевеля, превозносившаго поэта (въ 1834 г.) за его оппозиціонныя настроенія; Пушкинъ поспѣшилъ де стать въ этихъ стихотвореніяхъ (1831 года) на правительственную точку зрѣнія подъ вліяніемъ рѣчи Лелевеля, т. е. пожелалъ отгородить себя отъ похвалъ польскаго историка, выразить такимъ путемъ свой протестъ противъ нихъ. Подобныя грубыя фактическія ошибки не исчезаютъ и изъ болѣе позднихъ работъ объ этихъ произведеніяхъ, а въ истолкованіи ихъ значенія и подлиннаго смысла встрѣчаемъ тоже много ошибочнаго и произвольнаго.

Тотъ глубокой историческій фонъ, на коемъ единственно оба стихотворенія и вся трилогія могутъ приобрѣсти свой ясный смыслъ, былъ какъ-то мало или, лучше сказать, весьма поверхностно захватываемъ комментаторами ея, а между тѣмъ только болѣе тщательное, въ глубь и въ ширь этой исторической основы направляемое изученіе трилогіи дастъ твердую почву для вѣрной оцѣнки поэтическихъ откликовъ Пушкина на волновавшія его политическія событія, для характеристики поэта, какъ политическаго мыслителя, для правильнаго пониманія его историческихъ взглядовъ и славянскихъ идеаловъ.

Въ послѣднее время трилогія стала предметомъ спеціальнаго вниманія молодого польскаго ученаго Вацлава Ледницкаго, въ своихъ очеркахъ (Aleksander Puszkín. Studja. Kraków, 1926, str. 36—161), посвятившаго большую главу стихотвореніямъ Пушкина, названную: „Вокругъ противопольской лирической трилогіи Пушкина“ (Dookoła przeciwpolskiej trylogji lirycznej Puszkina). Эту главу своей книги В. Ледницкій въ концѣ 1928 г. издалъ и на французскомъ языкѣ (Pouchkine et la Pologne. A propos de la trilogie antipolonaise de Pouchkine. Paris, 1928, 210 стр.). Авторъ обнаруживаетъ широкое знакомство съ русской пушкинской литературой, съ большимъ умѣніемъ и критическимъ чутьемъ въ ней разбирается, онъ предпринялъ даже самостоятельныя разысканія въ французскомъ государственномъ архивѣ для объясненія нѣкоторыхъ моментовъ дипломатической исторіи 1830—1831 г. г., но не сумѣлъ устоять на строго объективной почвѣ, занялъ сразу по отношенію къ Пушкину непримиримую позицію, впадаетъ часто въ тонъ и стиль публициста, безъ нужды и во вредъ научной цѣнности своей работы, притягивающаго къ сравненію событія новѣйшей политической жизни; и въ конечномъ результатѣ его отношеніе къ выступленію Пушкина осталось тѣмъ же, какимъ оно было у всѣхъ его предшественниковъ, польскихъ историко-литературныхъ изслѣдователей этой темы. Г. Ледницкій, посвятивъ обширный этюдъ „антипольской трилогіи“ Пушкина съ очевиднымъ намѣреніемъ дать польскому читателю исторію генезиса ея и объясненіе истиннаго смы-

сла, какъ онъ его понимаетъ, создалъ въ сущности большой обвинительный актъ противъ поэта и съ рѣзкостью необыкновенною выражается и о мнимо „хвалебныхъ гимнахъ“ и о нравственной личности его. Для него стихотворенія Пушкина это — „*polakożercze wiersze*“, т. е. поэтъ въ нихъ представляется ему ненавистникомъ, „пожирателемъ поляковъ“, они — враждебный актъ по отношенію къ Польшѣ, и отношеніе Пушкина къ ней было всегда враждебнымъ; Пушкинъ грубо (*brutalnie*) понималъ соперничество Россіи и Польши, и стихи его были актомъ солидарности съ Николаемъ I, были политической программой поэта; въ нихъ проявился ужасающій націоналистическій эгоизмъ его, и вообще они являются гадкой публикаціей (*brzydka publikacja*) 1831 г., въ коей Пушкинъ занялъ непримиримую, ультранационалистическую точку зрѣнія, подчеркнутую при этомъ въ безвкусной формѣ (*stanowisko w niesmacznej formie zaakcentowane*). Столько тяжелыхъ предрѣшеній лежитъ на великомъ русскомъ поэтѣ. Для г. Ледницкаго стихотворенія Пушкина послѣ всѣхъ длинныхъ экскурсовъ въ область исторіи и литературы остались „гимномъ торжествующаго хама“ — ничѣмъ больше! А между тѣмъ онъ неоднократно приближается къ пониманію истинной мысли Пушкина и какъ будто видитъ ее, но въ тотъ моментъ, когда ему слѣдовало бы опредѣлить ее точнѣе и посвятить ей нѣсколько больше спокойнаго вниманія, онъ уходитъ отъ нея, какъ бы пренебрегая этой недостойной темой.

Вторая работа, касающаяся тѣхъ же событій, это статья М. Д. Бѣляева: „Польское возстаніе по письмамъ Пушкина къ Е. М. Хитрово“, вошедшая въ изданныя Пушкинскимъ Домомъ (Труды Пушкинскаго Дома, вып. XVIII): „Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово“ (СПб., 1927, стр. 257—300). Она составляетъ какъ бы комментарий къ тѣмъ незначительнымъ строкамъ, которыя поэтъ удѣлялъ польскому возстанію въ перепискѣ съ Е. М. Хитрово, и интересна именно въ связи съ этими новыми строками недавно опубликованной переписки; въ остальномъ она содержитъ матеріалъ извѣстный и привлеченный безъ большой надобности во всѣхъ подробностяхъ для полноты картины. По поводу писемъ Пушкина къ Хитрово написанъ и другой очеркъ этого изданія, статья Б. В. Томашевскаго: „Французскія дѣла 1830 — 1831 г.“, дающая картину общественныхъ и политическихъ отношеній во Франціи въ эпоху іюльской революціи, по существу являющаяся такимъ же историческимъ комментариемъ, какъ и статья М. Д. Бѣляева. Но ни одинъ, ни другой изъ авторовъ статей, возникшихъ съ спеціальною цѣлью, а проросъ многочисленныхъ и небольшихъ по объему и содержанию писемъ Пушкина къ Е. М. Хитрово, въ своихъ обширныхъ экскурсахъ не коснулись стихотвореній Пушкина, какъ выраженія его историческихъ взглядовъ, какъ оцѣнки поэтомъ и пониманія имъ историческихъ событій, глубоко пережитыхъ и пережитыхъ, какъ цѣльнаго историческаго міровоззрѣнія, сложившагося значительно раньше этихъ событій и только по поводу ихъ высказаннаго въ весьма сжатой, но яркой поэтической формѣ.

Какъ образчикъ весьма упрощеннаго комментарія оды „Клеветникамъ Россіи“ приведемъ первую часть странички поясненія, предпосланнаго ей Л. Поливановымъ въ его школьномъ изданіи (Сочиненія Пушкина, I, 357). Здѣсь, въ этомъ прекрасномъ изданіи, весьма распространенномъ въ свое время уже благодаря специальному его назначенію, находимъ такія строки: „Польское возстаніе и мѣры, принятыя противъ него русскимъ правительствомъ, вызвали цѣлую бурю во французской политической журналистикѣ и на трибунѣ (парламентской). Всевозможныя обвиненія и угрозы сыпались тамъ противъ русскаго народа и правительства. Передавались слухи о возможности большой европейской войны, которая должна измѣнить всѣ трактаты, благопріятныя Россіи. Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непомѣрнаго озлобленія умовъ. Ему и Жуковскому стало ясно, что пришло время выразить нравственное право Россіи въ рѣшеніи „домашняго стараго спора“ и указать всю неумѣстность притязанія враговъ Россіи подчинить ее ихъ волѣ. Плодомъ этого размышленія была ода Пушкина, которую скоро знала наизусть вся образованная Россія. Она какъ нельзя лучше выразила народное чувство собственнаго достоинства“. Поэтъ былъ въ этомъ стихотв. „глашатаемъ народнаго чувства“. Въстѣ съ тѣмъ во второй строфѣ (въ стихахъ: „Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ? Оно ль изсякнетъ? — Вотъ вопросъ“) былъ поставленъ „впервые съ полною ясною и прямою коренной вопросъ русской исторіи“. Все это, быть можетъ, и близко къ истинѣ, однако, въ чемъ этотъ коренной вопросъ состоитъ, объ этомъ комментаторъ не сказалъ ничего точнаго и яснаго. „Истинный смыслъ нашихъ правъ въ славянскомъ вопросѣ“, который освѣтилъ де поэтъ, слѣдовало бы опредѣлить конкретно, пояснить примѣрами, хотя, какъ мы убѣдимся, Пушкинъ вовсе не ставитъ вопроса о правахъ Россіи, а имѣетъ въ виду лишь ея призваніе, ея возможную или желанную роль въ Славянствѣ.

Нѣтъ надобности доказывать, что даже въ изданіи, предназначенномъ для семьи и школы, такой краткій и весьма туманный комментарий ярко убѣжденныхъ строкъ Пушкина является слишкомъ недостаточнымъ, не освѣщающимъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, всѣхъ сторонъ того сложнаго вопроса, который затронулъ поэтъ. Точно такъ же и въ краткой вступительной замѣткѣ къ стихотв. „Бородинская годовщина“ не находимъ необходимѣйшаго историческаго комментарія къ строфамъ, полнымъ большого внутренняго содержанія и глубокаго смысла и мало понятнымъ для неподготовленнаго читателя безъ подробнаго анализа отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій.

Первое стихотвореніе, какъ мы видѣли, Поливановъ считаетъ плодомъ размышленія, но въ немъ надо видѣть скорѣе стихійный взрывъ негодованія противъ вмѣшательства и угрозъ Европы, вспышку пламеннаго темперамента поэта, оскорбленнаго въ своихъ національныхъ чувствахъ, чѣмъ результатъ холодныхъ размышленій. Въ одѣ въ самомъ дѣлѣ трудно отыскать мысли и выраженія, которыя были бы ре-

зультатомъ спокойнаго, уравновѣшеннаго размышленія, и весь стиль ея, порывистый, рѣзкій, мѣстами несдержанный, изобличаетъ гнѣвное волненіе поэта. Ода „Клеветникамъ Россіи“ есть при этомъ смѣлый, внушенный сознаніемъ правоты и національнаго долга отвѣтъ Франціи, къ которой поэтъ прежде всего обращается съ вопросомъ, почему ея народные представители такъ ополчаются противъ Россіи, за что они ненавидятъ ее. Поэтъ не затрагиваетъ здѣсь чести и достоинства противника, — возставшей Польши. Онъ желаетъ лишь, чтобы домашній споръ рѣшенъ былъ безъ чужого вмѣшательства, которое могло бы быть вреднымъ для обѣихъ сторонъ. Стихотвореніе „Бородинская годовщина“, написанное 5-го сентября, немедленно послѣ полученія въ Петербургъ извѣстія о взятіи Варшавы, въ день Бородинской битвы 26 августа, обращено къ тѣмъ же „легкоязычнымъ витіямъ“, „мучителямъ палатъ“, „клеветникамъ“ и „врагамъ Россіи“, которые угрожаютъ ей, не давая себѣ отчета, изъ-за чего ведется борьба между русскими и поляками. Повидимому, въ немъ отразились особенно рѣзкія выступленія въ Палатѣ въ августѣ 1831 г. Это второе стихотвореніе требуетъ еще болѣе обширнаго и тщательнаго истолкованія, ибо въ немъ Пушкинъ съ большою ясностью поставилъ на разрѣшеніе проблему необычайной важности, выраженную въ стихахъ: „Куда отвинемъ строй твердынь“ и пр., проблему о естественныхъ и поэтому справедливыхъ рубежахъ русскаго государства и, такимъ образомъ, о наилучшемъ пути къ устраненію недоразумѣній и вражды между двумя наиболѣе значительными славянскими народами.

Третье стихотв.: „Передъ гробницею святой“, предшествуетъ по времени написанія и по содержанію первымъ двумъ; оно написано было въ самомъ концѣ мая или въ началѣ іюня 1831 г. подъ впечатлѣніемъ серьезныхъ неудачъ русскаго оружія въ Польшѣ и является отраженіемъ тѣхъ тревожныхъ мыслей, которыя въ лѣтніе мѣсяцы 1831 г. волновали поэта, какъ свидѣтельствуютъ его письма за это время, и вызывали опасенія въ большомъ русскомъ обществѣ. Какъ военачальникъ, Дибичъ проявилъ, по выраженію декабриста Лунина, „баснословную неспособность“; общество роптало на неуспѣшность его дѣйствій, и смерть его отъ холеры въ разгарѣ военныхъ событій не огорчила никого. „Потеря Дибича должна быть чувствительна для поляковъ“, иронизировалъ Пушкинъ 1 іюня 1831 г. въ письмѣ къ Нашокину, а Вяземскій занесъ въ свою записную книжку еще болѣе насмѣшливыя строки о бездарномъ вождѣ: „Sur la mort du Feld-Maréchal Dibitch. Paix à ses cendres; le peuple polonais peut même le pleurer, car militairement parlant, il ne lui fit jamais de mal“ (Полное собр. сочин., IX, стр. 162).

Пушкинъ въ этотъ тяжелый моментъ, „когда можно было утратить бодрость“, какъ выразился онъ въ письмѣ къ Е. М. Хитрово (Письма, стр. 126), въ сумракѣ Казанскаго собора, осѣненнаго наполеоновскими знаменами, у гробницы Кутузова вспомнилъ о „маститомъ стражѣ“ Россіи, спасшемъ ее по призыву голоса народа въ тяжелую годину, и къ нему обратилъ свой молящій призывъ:

„Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спаси царя и насъ!...
Явись и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!“

Вѣсть о смерти Дибича вызывала настоятельно этотъ вопросъ о преемникѣ ему. Поэтъ просто и естественно выразилъ то тревожное желаніе, которое подсказывалось сердцемъ и приходило на умъ всякому, жаждавшему скорѣйшаго окончанія затянувшейся братоубійственной войны. О полякахъ здѣсь нѣтъ рѣчи, и это третье (по времени написанія—первое) стихотв. Пушкина никакимъ образомъ нельзя причислить къ „антипольскимъ“ произведеніямъ русской политической музы. Оно выражаетъ мысль весьма простую и естественную, въ тонѣ чрезвычайно спокойномъ и мягкомъ и въ формѣ ни для кого не обидной. Только одинъ Дибичъ въ гробу могъ бы остаться недоволенъ мольбой поэта.

Мы имѣемъ въ виду остановиться на первыхъ двухъ стихотвореніяхъ и попытаться приложить къ нимъ тотъ историческій комментарий, безъ котораго, какъ мы сказали, они получаютъ окраску какого-то грубо-враждебнаго, исполненнаго злобы и ненависти акта противъ поляковъ и ихъ борьбы за свободу. Приводя ниже разнообразные взгляды прежнихъ комментаторовъ и по мѣрѣ надобности излагая подробно ихъ мнѣнія, съ которыми русскому почитателю Пушкина всегда интересно ознакомиться, мы желаемъ собрать во-едино по возможности все, что было сказано о вступленіи поляковъ въ братоубійственную войну, а въ связи съ этимъ — и о выступленіи Пушкина. Внимательный читатель страницъ нашихъ замѣчаній легко убѣдится, что они возникли не ради полемики съ антагонистами Пушкина и его политической музы. Матеріаль для очерка, предлагаемаго вниманію русскаго читателя подбирался годами и съ опредѣленною цѣлью — объяснить отношеніе, въ связи съ протестующимъ голосомъ русскаго поэта, къ событіямъ 1830—1831 гг. современныхъ славянскихъ ученыхъ и поэтовъ (о политическихъ дѣятеляхъ въ эти годы не приходится говорить) и указать на нѣкоторые позднѣйшіе отзвуки въ Славянствѣ этихъ печальныхъ событій, особенно — на пониманіе славянами смысла спора Польши съ Россіею, отразившагося громкимъ и огорчительнымъ эхомъ на славянскомъ Западѣ. И въ протестующемъ голосѣ русскаго поэта, и въ славянскихъ отголоскахъ на русско-польскую распрю, и въ цѣломъ рядѣ фактовъ исторіи русско-польскихъ и вообще славянскихъ взаимоотношеній мы находимъ драгоцѣнный матеріаль для правильнаго опредѣленія и уразумѣнія той великой мысли, которая волновала и нашего поэта и въ разное время славянъ западныхъ, и тѣхъ источниковъ, изъ коихъ она родилась.

Мы не углубляемся въ исторію 1830—1831 гг., не останавливаемся на подробностяхъ дипломатическихъ отношеній Россіи и Франціи въ эту эпоху, ибо они достаточно подробно изложены и выяснены, какъ въ

трудъ Ледницкаго, такъ и въ статьѣ Бѣляева, и въ этомъ отношеніи для комментарія къ стихотвореніямъ Пушкина сдѣлано уже много. Нѣсколько выдержекъ, которыя въ подлинномъ видѣ мы извлекаемъ изъ рѣчей, произнесенныхъ „народными витіями“ въ теченіе 1831 г. въ французской Палатѣ депутатовъ, прежде всего, пояснятъ читателю, почему Пушкинъ столь горячо и рѣзко выразилъ свой протестъ, почему великій гражданинъ не могъ молчать и сказалъ въ трагическій моментъ славянской усобицы не только свое мужественное слово осужденія ея, но и смѣлый взглядъ свой на наилучшее рѣшеніе роковой смуты. Онъ подошелъ къ той идеѣ, которая волновала въ различныя эпохи славянскіе умы и сердца, горѣвшіе тѣмъ же пламеннымъ желаніемъ устроенія общаго славянскаго мира и братскаго согласія.

I.

Взрывъ ноябрьскаго возстанія 1830 г. въ Варшавѣ вызвалъ всюду, гдѣ недавніе дни іюльскаго переворота во Франціи успѣли произвести свое дѣйствіе, проявленія живѣйшаго вниманія и сочувствія. Они создавались прежде всего той обстановкой, въ которой началось возстаніе. Въ воззваніяхъ, которыя поляки распространяли въ Европѣ, они говорили, что подняли оружіе не противъ своихъ братьевъ русскихъ, сыновей одной съ ними великой славянской семьи, не противъ русскаго народа, великаго и благороднаго, но противъ царской тиранніи. Они боролись за общую свободу русскаго и польскаго народа и на знаменахъ своихъ начертали: „*Za waszą i naszą wolność*“. Такія торжественныя заявленія о смыслѣ поднятаго возстанія должны были особенно располагать къ полякамъ европейское общественное мнѣніе.

За событіями, происходившими въ Польшѣ, напряженно слѣдили во всей Европѣ. По городамъ Франціи, Бельгіи и Англіи происходили сочувственные манифестаціи, возникали комитеты помощи возставшимъ, собирали деньги и требовали отъ правительства вооруженнаго вмѣшательства (Artur Śliwiński. Mickiewicz jako polityk, 1908, str. 61, 599). „Два принципа, — заявлялъ во французской Палатѣ Лафайетъ по поводу возстанія Польши, — раздѣляютъ Европу: суверенное право народовъ и божественное право королей; съ одной стороны — свобода и равенство, съ другой — деспотизмъ и привилегіи“. Борьба съ деспотизмомъ была повсюду особенно популярна. Она создавала естественное сочувствіе къ борющимся съ нимъ полякамъ.

Палата депутатовъ неоднократно выражала свои симпатіи возставшей Польшѣ, указывала на опасность, которая грозитъ со стороны деспотической Россіи только-что завоеваннымъ свободамъ французскаго народа, отмѣчала великую роль Польши, задерживающей русское нашествіе. Этотъ взглядъ на Польшу, какъ на передовую стѣну (*przedmurze, antemurale*), охраняющую европейскую культуру отъ русскаго варварства, внушался усиленно польскими рѣчами, воззваніями и обращеніями къ Европѣ.

Манифестъ сейма съ гордостью говорилъ объ этой высокой роли и призваніи Польши, которая никогда де не проявляла агрессивныхъ намѣреній по отношенію къ сосѣднимъ народамъ и составляла, наоборотъ, основу равновѣсія и стѣну, ограждающую миръ европейскихъ народовъ.

Профессоръ и поэтъ Казимиръ Бродзинскій въ торжественной рѣчи (Mowa o pogodowości polaków), читанной въ дни возстанія въ 1831 г., въ этотъ моментъ видѣлъ „идею польскаго народа“ въ томъ, что онъ призванъ „бодрствовать въ бурѣ на границѣ варварскаго и цивилизованнаго міра“. Какъ нѣкогда свободные, такъ и въ неволѣ поляки обречены были страдать для Европы. Они были издавна защитниками Европы (obrońcy Europy).

Мицкевичъ въ „Księgach Pielgrzymstwa“ (1832) въ аллегорической притчѣ о христіанинѣ-лѣсникѣ, разбойникѣ и евреяхъ еще разъ повторилъ сказку объ опасности, которою угрожала Россія (разбойникѣ) европейскимъ народамъ (еврей), и о той роли, какую сыграла Польша (лѣсникѣ), вступившая въ борьбу съ захватными покушеніями Россіи. Европа не хотѣла однако понять его предостереженій.

Надо отмѣтить здѣсь же, что Пушкину, слѣдившему за европейской печатью, хорошо были извѣстны эти взгляды на Польшу, какъ на *antemurale christianitatis* и европейской культуры, и онъ не оставилъ ихъ безъ возраженія, заступившись за честь Россіи. Въ замѣткахъ (1834 г.) „О русской литературѣ съ очеркомъ французской“ (Сочиненія подъ ред. Венгерова, V, стр. 292) онъ даже опредѣленно указалъ на свой источникъ освѣдомленія: „Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали европейскіе журналы; но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна“.

Представители Франціи восхищались въ Палатѣ героическими усиліями польскаго народа, его побѣдами и ожидали крушенія Россіи подъ ударами Польши. Особенно часты были выступленія и упоминанія о Польшѣ въ теченіе 1831 года.

Официальный органъ *Moniteur Universel* даетъ подробные отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ и о тѣхъ рѣчахъ, которыя раздавались здѣсь въ защиту Польши. Пушкинъ былъ знакомъ съ ними, и по нѣкоторымъ выдержкамъ изъ рѣчей „народныхъ витій“ мы можемъ заключать, что собственно вызвало отвѣдъ поэта.

Уже въ засѣданіи 29 января 1831 г. депутатъ Mauguin говорилъ объ обязанности Франціи вмѣшаться въ кровавый споръ и оказать покровительство и защиту Польшѣ, задерживающей нашествіе Россіи:

„La Russie veut marcher sur la France: c'est encore la Pologne qui l'arrête. MM. nous sommes heureux, les Polonais sont dans l'infortune, c'est à nous de les protéger, de les couvrir de notre égide“... .

Извѣстно, что въ январѣ 1831 года герцогъ де Мортемаръ (duc de Mortemart) отправленъ былъ въ Россію чрезвычайнымъ посланникомъ и съ порученіемъ ему „спеціальной миссіи“ — предстательство-

вать предъ Николаемъ I за его возставшихъ польскихъ подданныхъ. Луи Филиппъ обращался къ великодушію и милосердію русскаго государя, но его шагъ былъ встрѣченъ несочувственно. Конечно, эта мѣра была безтактна, говоритъ С. С. Татищевъ (Николай I и іюльская монархія. Истор. Вѣстн., 1887, т. XXX, стр. 309), потому что задѣвала за живое законную щекотливость государя, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ Парижѣ не отдавали себѣ въ томъ яснаго отчета и искали лишь согласовать искреннее желаніе возстановить прерванную іюльскими событіями дружественную связь съ Россіей съ требованіями общественнаго мнѣнія, шумно высказывавшагося въ пользу поляковъ. Отсюда истекала нескрываемая враждебность русскаго двора къ Франціи и ея королю. Пушкинъ относился къ Луи Филиппу, буржуазному королю „съ зонтикомъ подъ мышкой“, съ тѣмъ же нерасположеніемъ, — онъ былъ у него „бѣльмомъ на глазу“.

Неожиданный и странный отвѣтъ Николая I на письмо къ нему Луи Филиппа осудилъ ген. Лафайетъ въ рѣчи, произнесенной въ Палатѣ 19 марта 1831 г. Онъ говорилъ:

„ММ. Je ne parlerai pas de la singulière lettre de l'Empereur de Russie en réponse à celle du Roi de France qui, sans doute, pleine des sentiments et des émotions que devait exciter dans son cœur la gloire française de la grande semaine, n'avait pas du provoquer une pareille réponse. Je voudrais que la lettre de notre monarque eût été connue et je suis sûr qu'elle rendrait celle de l'Empereur russe encore plus déplacée“...

Гизо въ рѣчи 31 марта 1831 г. обращалъ вниманіе на опасность притязаній деспотической Россіи и Австріи вмѣшиваться въ дѣла другихъ народовъ:

„... J'ai voulu dire que depuis quinze années c'étaient les Etats despotiques, la Russie et l'Autriche, qui s'étaient montrés plus empressés d'intervenir dans les affaires d'autres peuples“...

Депутатъ Могенъ (12 апрѣля 1831 г.) смѣло и уже совершенно опредѣленно приписывалъ Россіи намѣреніе выступить войной противъ Франціи, хотя до такого рѣшенія было очень далеко:

„... Maintenant l'intention de la Russie nous est connue: nous savons qu'elle était décidée à la guerre.“

Черезъ два дня тотъ же Могенъ (14 апрѣля) требовалъ, чтобы Франція заговорила энергичнымъ языкомъ и заняла рѣшительную позицію по отношенію къ Россіи, дабы спасти Польшу отъ поглощенія ею, а также по отношенію къ Австріи и Пруссіи, оберегая Италію и Бельгію:

„... Nous devons prendre un langage et une attitude assez hauts pour que la Pologne ne s'engloutisse pas dans la Russie, l'Italie dans l'Autriche, la Belgique dans la Prusse.“

Въ рѣчи короля при открытіи засѣданій Палаты (24 апрѣля) сдѣлано было заявленіе о его усиліяхъ остановить кровопролитіе въ Польшѣ, о его предложеніи посредничества, о чувствахъ живѣйшей симпатіи Франціи къ борющимся полякамъ:

„... Une lutte sanglante et acharnée se prolonge en Pologne. Cette lutte en-

trétiement de vives émotiоns au sein de l'Europe. Je me suis efforcé d'en hâter le terme. Après avoir offert ma médiation, j'ai provoqué celle des grandes puissances. J'ai voulu arrêter l'effusion du sang, préserver le midi de l'Europe du fléau de la contagion que la guerre propage et surtout assurer à la Pologne, dont le courage a réveillé les vieilles affections de la France, cette nationalité qui a résisté au temps et à ses vicissitudes." (Sensation prolongée.)

Когда до Парижа начали доходить вѣсти о неудачахъ польской арміи, французское общество все рѣшительнѣе и настойчивѣе стало требовать отъ правительства помощи для возставшей Польшы. Луи Филиппъ подъ давленіемъ этихъ требованій торжественно заявилъ 23 іюля 1831 г. въ парламентѣ, что народъ польскій не долженъ погибнуть, что онъ сдѣлалъ все, чтобы обезпечить Польшѣ свободу.

Въ проектѣ адреса королю (Projet d'adresse au Roi. Réponse de la Chambre des Députés au Roi, 10 Août 1831) Палата опять заявила о своихъ глубокихъ симпатіяхъ къ несчастной и геройской Польшѣ, о необходимости возвращенія ей независимости:

"... Il est un autre sentiment qui remplit, qui remue profondément tous les cœurs c'est celui qu'inspire le sort de la malheureuse et héroïque Pologne. La France rend grâce à votre Majesté d'avoir offert sa médiation. La voix de votre diplomatie ne pouvait se faire entendre trop tôt et avec trop d'énergie en faveur d'un peuple dont le rétablissement au rang des nations est si vivement désiré par les âmes généreuses et par tous les vrais amis de la civilisation européenne."

Одилонъ-Барро (Odilon-Barrot), какъ бы предвидя неизбѣжный исходъ борьбы, говорилъ (10 августа) о необходимости поддержки Польшы не силою оружія, а силою протеста противъ признанія факта уничтоженія Польшы. Франція не должна никогда подписать такого акта. Онъ потребовалъ внесенія въ отвѣтъ Палаты королю фразы о томъ, что польскій народъ не погибнетъ:

"... La Pologne résiste encore; pourra-t-elle résister longtemps? Messieurs, je le sais, quand nous voudrions lui prêter l'appui de nos armes, nous ne pourrions pas le faire demain, après-demain; et cependant elle peut succomber dans l'intervalle; mais dès aujourd'hui nous pouvons lui prêter l'appui de notre voix, nous pouvions protester d'avance contre sa ruine temporaire, déclarer que, si on veut l'effacer du rang des nations, nous n'y souscrirons jamais.

Je demande que dans notre réponse après le passage qui s'y trouve sur la Pologne, on ajoute la phrase suivante: „Dans les paroles touchantes de Votre Majesté sur les malheurs de la Pologne, La Chambre des Députés aime à trouver une certitude qui lui est bien chère: la nationalité polonaise ne périra pas."

Въ дни, когда участь польскаго возстанія достаточно выяснилась, по адресу поляковъ было сдѣлано Палатою особенно много сочувственныхъ заявленій. Тьеръ (11 августа) опять заговорилъ о симпатіяхъ Франціи къ Польшѣ. Сочувствіе французовъ къ ней понятно и законно, — нельзя не питать уваженія къ народу, нѣкогда оказавшему Европѣ столько услугъ. Но въ политикѣ чувство никогда не должно брать верхъ надъ разумомъ. Единственный стимулъ разумныхъ политическихъ рѣшеній есть государственная польза. Тьеръ доказывалъ, что Польшѣ помочь невозможно. Недаромъ онъ возбуждалъ въ Мицкевичѣ ненависть къ себѣ, какъ къ врагу польскаго дѣла (С. С. Татищевъ, ор. с.). Наканунѣ предсѣдатель совѣта министровъ (10 августа)

еще разъ подчеркнулъ общее безпокойство французовъ за судьбу Польши, столь тѣсно связанной судьбами съ Франціей, упоминалъ о попыткѣ короля остановить военныя дѣйствія. Но посредничество не принесло желанныхъ результатовъ, а начать войну было бы со стороны Франціи безуміемъ:

„Plus forte et plus menacée que l'Italie, la Pologne préoccupe bien autrement le monde. Témoins de son héroïque courage, inquiets de ses périls, nous partageons cette sympathie profonde que la France éprouve pour une nation dont la gloire et le malheur ont si souvent unis les destinées aux siennes; sympathie dont l'expression a été hautement professée dans un acte solennel (Sensation).

Mais des vœux ne seraient qu'un stérile hommage. Au 13 mars aucune médiation n'avait été offerte encore pour la Pologne. Nous avons conseillé au Roi d'offrir la sienne, le premier. Ses alliés ont été pressés de s'unir à lui pour arrêter le combat, pour assurer à la Pologne des conditions de nationalité mieux garanties. . . Ainsi, pendant qu'on nous accusait d'une prétendue indifférence, chaque jour nous voyait tenter de nouveaux moyens d'intercession (Sensation).

Quel autre moyen pouvions nous recourir, Messieurs. Fallait il, comme nous l'avons entendu dire, reconnaître la Pologne? Mais en supposant même que la foi des traités, que le respect de nos relations nous eussent donné le droit de faire cette reconnaissance, elle eut été illusoire si des effets ne l'eussent suivie et alors c'était la guerre. J'en appelle à la raison de cette Chambre, car ici ce n'est pas l'émotion et l'enthousiasme qui doivent prononcer, c'est la raison. La France doit-elle chercher la guerre? Doit-elle recommencer la campagne gigantesque où se perdit la gloire de Napoléon. Cette guerre qu'on nous demande y pense-t-on? C'est la guerre à travers toute la largeur du continent européen, c'est la guerre universelle — objet de tant d'ambitions délirantes, de tant de chimères que passions.

Si du moins on nous prouvait que cette croisade héroïque eut sauvé la Pologne. Mais non, MM., car si la France fut sortie un moment de sa neutralité c'en était fait de la neutralité qu'observent d'autres puissances et quatre jours de marche seulement séparent leurs armes de cette capitale en peril qui se défend à 400 lieux de nous (Très vive sensation).

En présence de tels faits qui donc ose demander la guerre non pour sauver la Pologne, mais pour la perdre (marques très vives d'assentiment) . . . sans la France la Pologne eût été depuis longtemps écrasée par les efforts réunis de trois puissances qui l'entourent“ . . .

Въ выраженіяхъ стараго воина и борца за національную свободу маршала Клозеля (Clauzel) слышалось (11 августа) неизмѣнное сочувствіе полякамъ и ободреніе ихъ усилій: въ шумѣ битвъ они должны были услышать призывный голосъ сестры своей Франціи, которая вѣрить въ грядущее освобожденіе Польши:

„ . . . Ce que je demande aussi c'est qu'une phrase formelle explique nettement la sympathie du peuple français pour la cause polonaise. Ce n'est pas à nous vieux soldats de l'indépendance nationale de rester spectateurs silencieux du combat prodigieux qui teint de sang les campagnes de la Vistule et jusqu'à ce que nous puissions à côté d'eux entrer pour vaincre dans le cirque où l'on dit qu'ils sont renfermés pour mourir, applaudissons du moins du geste et des regards que nos vœux soutiennent leur efforts et qu'à travers le bruit de leurs combats ils entendent la voix de la France, leur soeur qui leur crie: „Polonais vous êtes des braves. Vous savez reconquérir votre indépendance“.

Съ особеннымъ усердіемъ обрушился въ тотъ же день (11 авг.) на русскія „варварскія орды“, на ожесточеннаго врага Франціи, угрожающаго ей, въ случаѣ вторженія въ предѣлы ея, всякими бѣдствіями (французы боялись занесенія къ нимъ холеры) депутатъ Лараби (La-

gabit), требовавший поддержки поляковъ всѣми средствами, вплоть до переброски войскъ по морю въ Литву :

„... Si la Prusse n'attend pas pour que la Russie puisse marcher sur le Rhin pour nous attaquer à notre tour... Si des garanties nous sont refusées, marchons immédiatement sur le Rhin et joignons nos ennemis avant que la Russie soit en mesure de les défendre, avant que ses armées nous apportent un fléau dix fois plus terrible que la guerre.

Un mot sur la malheureuse Pologne. En ce moment nos plus fidèles alliés entourés de toutes parts d'ennemis puissants, sans ressources, sans retraite expient peut-être le généreux courage avec lequel ils ont arrêté les hordes barbares de la Russie... Quant à la Russie qu'avions nous besoin de la ménager? N-t-elle jamais pris la peine de déguiser ses intentions hostiles contre nous? Et croyez-vous qu'elle soit moins irritée du mode de nationalité que vous avez prononcée que d'une rupture éclatante? Soyez sûrs que ces mots de votre médiation ne vous seront jamais pardonnés. Vous en avez fait assez pour vous donner un ennemi acharné: il fallait donc braver cet ennemi et encourager la résistance polonaise par tous les moyens possibles; il fallait par la Baltique jeter des armes dans la Samogitie; il fallait déclarer à la Prusse que si les Russes passaient la Vistule au-dessous de l'embouchure du Bug cette opération ne pouvait se faire qu'avec son assistance, vous marcheriez à l'instant contre elle sur le Rhin. Vous auriez, sans doute, évité de grands désastres...“

Ламеннэ въ своей газетѣ L'Avenir, повторяя старые отзывы, уже раньше называлъ русскихъ татарами.

Въ томъ же засѣданіи (въ четвергъ 11 августа) Одилонъ-Барро говорилъ о правѣ Польши на независимое національное существование, о томъ, что она уже не есть и впредь не желаетъ быть болѣе областью Россіи, протестуя противъ всѣхъ связывающихъ ее договоровъ :

„... On pouvait dire à la Russie: Non, la Pologne n'est plus et ne veut plus être désormais une province de la Russie. Sa nationalité a protesté contre toute espèce de traités; elle a survécu à la conquête; elle a marqué par des combats et des résistances tout le temps qui s'est écoulé.

Le droit de la Pologne n'est point prescrit. Il est bien moins que ne l'était celui de la Grèce. Lorsque une population a résisté à la conquête, qu'elle s'est conservée entière, qu'elle n'a jamais renoncé à la nationalité, qu'elle a subsisté et dans ses mœurs et dans son langage et dans ses armées, cette nation a le droit d'entrer dans le droit des gens, c'est ce qui vous avez reconnu à l'égard de la Grèce, et la Russie l'avait fait elle-même; et c'est ce qui ne peut être méconnu à l'égard de la Pologne. La Pologne est nation; elle l'est par le fait. Vous ne pouvez pas faire qu'un fait ne soit pas un fait. Et bien. C'est en raison de ce fait que nous intervenons; c'est en considérant la Pologne comme nation, comme étant entrée par huit mois d'héroïsme, en vertu de ses droits imprescriptibles de peuple dans le droit des gens, et par conséquent comme devant être l'objet d'une médiation. Telle est mon opinion sur la question de la Pologne.“

Генераль Лафайетъ въ засѣданіи (27 августа), когда рѣшалась уже судьба самой Варшавы, требовалъ болѣе энергическихъ средствъ для спасенія Польши, говорилъ о необходимости протеста противъ нарушенія Россіей въ теченіе пятнадцати лѣтъ договоровъ 1814 и 1815 г., доказывалъ возможность активной помощи Польшѣ посылкой судовъ съ вооруженіемъ въ Балтійское море и открыто называлъ даже одинъ моментъ такой помощи :

„... Et c'est pour cela que nous avons souhaité que l'on employât, non seu-

lement les prières, mais des moyens plus énergiques pour sauver la Pologne (Mouvement). Je ne cherche point à faire naître de nouveaux murmures en rappelant ce qui s'est passé à l'égard de la Pologne; je dis seulement que nous avons le droit de réclamer au moins contre la violation des traités de 1814 et 1815, à l'égard de la Pologne; car depuis quinze ans la Pologne souffrait de cette violation.

Nous avons le droit de reconnaître le gouvernement polonais, nous avons le droit d'envoyer des vaisseaux dans la Baltique et de favoriser les envois du commerce, en faisant un acte de haute justice ainsi que de l'humanité: qu'aurait-on pu dire si le commerce français avait porté des munitions et des secours en Pologne?

On a dit que cela était impossible; nous avons démontré le contraire: un rapport de notre comité polonais vous prouvera qu'un bâtiment envoyé par nous, avec des armes et des munitions, est arrivé sur la côte lithuanienne. Il était trop tard, mais tous les Polonais assurent que si une pareille mesure, tant demandée par nous, avait été prise plus tôt, l'insurrection lithuanienne se serait soutenue, la Pologne n'aurait pas péri; et néanmoins nous n'aurions fait ce que faisaient les Prussiens à Dantzic, lorsqu'ils ouvraient ce port aux Russes."

* * *

Такія рѣчи раздавались во французской Палатѣ. Эти выступленія возмущали Пушкина, и противъ нихъ онъ протестовалъ. Онъ былъ о нихъ хорошо освѣдомленъ, ибо читалъ, какъ мы точно знаемъ, и *Le Temps*, и *Le Globe*, и *Journal des Débats* и многія другія французскія газеты и журналы.

Однако, не всѣ французы были сторонниками вмѣшательства въ русско-польскій споръ. Казимиръ Перье, министръ внутреннихъ дѣлъ послѣ паденія кабинета Лафитта (въ мартѣ 1831 г.), при обсужденіи въ Палатѣ польскаго вопроса неоднократно въ своихъ рѣчахъ заявилъ себя сторонникомъ самаго откровеннаго національнаго эгоизма: Франція могла бы начать войну только въ интересахъ французскихъ, но никоимъ образомъ не должна оказывать содѣйствіе какому бы то ни было возстанію. Въ раздраженіи Мицкевичъ готовъ былъ считать французское правительство и политическія партіи „шайкой безнравственныхъ эгоистовъ“, а Франція напоминала ему Лейны въ эпоху Демосѳена. Это она есть тотъ разочаровавшій его „западный вѣтеръ“, о коемъ онъ говоритъ въ „Книгахъ скитаній“; она не оправдала его великихъ надеждъ. Прямой укоръ такому двуличному отношенію Палаты депутатовъ къ польскому дѣлу содержитъ „Смотръ войскамъ“ (*Przegląd wojska*) въ III-ей части *Dziadów*. Мицкевичъ зло обличаетъ здѣсь этотъ грѣхъ, высмѣиваетъ шумные дебаты парламента, гдѣ кричать о свободѣ, о страданіяхъ несчастныхъ народовъ, о деспотахъ, царяхъ, гдѣ рѣчи о либерализмѣ льются изъ устъ ораторовъ, какъ изъ помпы; но вдругъ появляются, словно съ дубиной, министръ финансовъ съ огромнымъ извлеченіемъ изъ бюджета, и дебаты получаютъ иной характеръ, — всѣ заговорили о процентахъ, пошлинахъ и налогахъ, и всѣ высокія слова и порывы разомъ забыты. Къ состраданію европейскихъ народовъ, плакавшихъ о Польшѣ, какъ дѣвы іерусалимскія плакали о Христѣ, Мицкевичъ отнесся съ пренебреженіемъ и въ предисловіи къ III-ей части *Dziadów* отвергъ эти фальши-

выя заботы друзей, напомнивъ имъ слова Спасителя : „Дщери іерусалимскія, не плачьте обо мнѣ, но о самихъ себѣ“. Единственный французъ, который плакалъ о Польшѣ искренно, былъ Ламеннэ.

Въ широкихъ общественныхъ кругахъ, въ печати, въ литературѣ польское дѣло было принято болѣе искренно и непосредственно, безъ дипломатическихъ ухищреній и необходимой осторожности тонкой политики парламента и правительства.

Въ Комитетѣ помощи Польшѣ, подъ предсѣдательствомъ Лафайета, принимаютъ участіе выдающіеся поэты : Беранже, Гюго, Делавинь и др. Беранже издаетъ въ пользу Комитета свои стихотворенія : „Poniatowski“, „Hâtons nous“ и „A mes amis, devenus ministres“. Перваго марта 1831 г. въ пользу поляковъ былъ устроенъ большой концертъ, въ которомъ была исполнена кантата Обера на текстъ Казимира Делавиня, съ участіемъ хора подъ управленіемъ Нурри (Ad. Nourrit). Много дамъ изъ знатнѣйшихъ фамилій Парижа участвовали въ хорѣ, а среди присутствовавшихъ на концертѣ былъ и Лафайетъ. Эта торжественная кантата Делавиня, озаглавленная „La Varsoivienne“, была призывнымъ кличемъ блага орла къ борьбѣ за свободу :

„Il s'est levé, voici le jour sanglant;
Qu'il soit pour nous le jour de délivrance!
Dans son essor voyez notre aigle blanc
Les yeux fixés sur l'arc-en-ciel de France;
Au soleil de Juillet, dont l'éclat fut si beau,
Il a repris son vol, il fend les airs, il crie;
Pour ma noble patrie,
Liberté, ton soleil, ou la nuit du tombeau!
Polonais, à la baïonnette!
C'est le cri par nous adopté,
Qu'en roulant, le tambour repète:
A la baïonnette!
Vive la liberté.“

Подъ предсѣдательствомъ Лафайета, явившагося въ поднесенной ему особой депутаціей формѣ „перваго гренадера польской національной гвардіи“, состоялся 10 марта торжественный обѣдъ, устроенный Комитетомъ. Въ этой французско-польской манифестаціи принимали участіе ген. Князевичъ, гр. Людвику Плятеръ, въ качествѣ представителей польскаго народа въ Парижѣ, Леонардъ Ходзько, Теодоръ Моравскій, пресловутый крикунъ и демагогъ, впослѣдствіи заклеянный именемъ предателя графъ Адамъ Гуровскій и др. Лафайетъ произнесъ рѣчь и закончилъ ее тостомъ за славу, благо, свободу и независимость Польши, за ея храбрую армію.

Но вотъ Варшава пала. Правительственный Moniteur объявилъ Франціи объ этомъ событіи только 16 сентября. На слѣдующій день парижскія газеты вышли въ траурныхъ рамкахъ и повторили сообщеніе оффиціоза. Вѣсть о взятіи Варшавы поразила Парижъ ужасомъ и скорбью. Выраженіемъ этой скорби были, между прочимъ, стихи, появившіеся въ Némésis (Barthélemy), перепечатанные затѣмъ въ нѣмец-

комъ журналъ *Das Ausland* (1 Okt. 1831, Nr. 274), съ примѣчаніемъ къ нимъ, обличавшимъ безсовѣстную трусость дипломати, допустившей избіеніе храбрѣйшаго народа въ его домъ.

„Destinée à périr! l'oracle avait raison.
Faut-il accuser Dieu, le sort, la trahison?
Non, tout était prévu, l'oracle était lucide,
Qu'il tombe sur nos fronts le sceau du fratricide!
Noble sœur, Varsovie! elle est morte pour nous,
Morte un fusil en main, sans fléchir les genoux,
Morte en nous maudissant à son heure dernière,
Morte en baignant de pleurs l'aigle de sa bannière!
Sans avoir entendu notre cri de pitié,
Sans un mot de la France, un adieu d'amitié
Tout ce que l'univers, la planète des crimes,
Possédait de grandeur et de vertus sublimes,
Tout ce qui fut géant dans notre siècle étroit,
A disparu; tout dort dans le sépulcre froid!
Cachons-nous! Cachons-nous, nous sommes des infâmes!
Rasons nos poils, prenons la quenouille des femmes;
Jetons bas nos fusils, nos guerriers oripeaux.
Nos plumets citadins, nos ceintures de peaux,
Le courage à nos cœurs ne vient que par saccades;
Ne parlons plus de gloire et de nos barricades;
Que le teint de la honte embrasse nos fronts;
Vous voulez voir venir les Russes! Ils viendront!“

Поэтъ, какъ и парламентскіе ораторы, пугаль французовъ русскимъ нашествіемъ.

Французы поняли, что паденіе Варшавы возвѣщало конецъ возстанія. Столица Франціи погрузилась въ глубокой трауръ (С. С. Татищевъ, Николай I и іюльская монархія. Истор. Вѣстн., 1887, т. XXX, стр. 311—312). Толпы народа появились на улицахъ, и по всѣмъ концамъ Парижа раздавались клики: *Vive la Pologne! A bas la Russie!* Огромныя массы, собравшіяся передъ зданіемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, поносили кабинетъ и его политику и камнями выбили стекла въ министерствѣ. Возгласы въ честь Польши смѣнились подъ окнами королевскаго дворца неожиданнымъ кликомъ: *Vive la République!* Въ театрахъ публика не позволяла начинать представленія; поднятіе занавѣса встрѣчалось крикомъ: *Vive la Pologne!* Въ саду *Palais Royal* на одномъ изъ деревьевъ появилось воззваніе, окаймленное чернымъ крепомъ. Оно гласило: „Геройская Польша, подло покинутая, является для насъ страшной угрозой. Граждане! Не ждите послѣдствій! Къ оружію!“ Печать, за исключеніемъ нѣсколькихъ газетъ, продавшихся карлистамъ, клеймила поведеніе правительства и требовала немедленнаго вооруженнаго вмѣшательства. Мицкевичъ свидѣтельствуеетъ, что французскіе крестьяне требовали отъ своихъ представителей въ парламентѣ не жалѣть средствъ на войну и на поддержку поляковъ, ибо Польша это есть Франція (*Artur Śliwiński, Mickiewicz jako polityk*, стр. 61). Возбужденіе распространилось и на Палату депутатовъ, такъ недавно еще заявлявшую въ адресѣ королю, что поль-

ская національність не погине. Обвиненія и нападки посыпались на правительство; послѣдовали страстные запросы со стороны членов оппозиціи. Но министерство оставалось чуждо всѣмъ этимъ демонстраціямъ. „Порядокъ господствуетъ въ Варшавѣ!“ таковы были жестока слова, коими министр иностранныхъ дѣлъ объявилъ Палатѣ о подавленіи возстанія. Нѣмцевичъ съ укоромъ обращался къ Франціи, конечно, официальной, за этотъ холодъ и неблагодарность въ отношеніи къ ея прежнимъ защитникамъ и ихъ заслугамъ:

„O Francyo! wdzięczność kładła na cię prawo
Za Polakami chwycić się do broni...
A ty nieczuła i zimna i twarda
Opuściłaś twych obrońców“...

Симпатіи къ польскому возстанію проявляются не только въ одной Франціи. Польскій вопросъ становится популярнымъ особенно потому, что онъ входитъ въ политическую игру западно-европейскихъ державъ. Въ Англіи, Швейцаріи, Бельгіи, Норвегіи, въ Америкѣ возникаютъ комитеты помощи, всюду ведется пламенная агитація въ пользу польскаго дѣла, собираются для поддержки его деньги.

Особенно горячо откликнулись нѣмецкіе поэты, прославлявшіе въ многочисленныхъ гимнахъ и одахъ геройство польскихъ войскъ, ихъ горячую любовь къ родинѣ и высокое самопожертваніе. Платень пишетъ свои знаменитыя *Polenlieder*, Уландъ, Ленау, Мальтитцъ, Рейхлинъ, Вейссъ, Ортлеппъ и мн. др. воспѣваютъ подвиги поляковъ и горькую долю эмигрантовъ (А. Śliwiński, *op. c.*, p. 64). Собрание такихъ *Polenlieder*, посвященныхъ событіямъ 1831 г., издалъ въ двухъ объемистыхъ томахъ St. Leonhard: *Polenlieder Deutscher Dichter* (I u. II Bd. Krakau-Podgórze, 1911, 1917). Сюда вошли и нѣкоторыя другія стихотворенія о событіяхъ 1830—1831 гг.; въ переводѣ съ русскаго языка здѣсь помѣщены стихотворенія Пушкина: 1. *An Russlands Lästere* и 2. *Der Jahrestag von Borodino*; Жуковскаго: *Russisches Lied auf Warschau Einnahme*; Хомякова: *Der Polenkrieg*, и Тютчева (*Fedor Iwanowitsch*): *Worte eines Russen an die Deutschen. Zur Erinnerung an die vergangene und jetzige Zeit*. Нѣмецкія газеты перепечатаваютъ изъ Газеты Варшавской воззваніе Польши къ Германіи (*Polen an Deutschland*), изъ коего узнаемъ о различныхъ проявленіяхъ симпатій къ полякамъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и городовъ и даже цѣлыхъ областей Германіи, о пожертвованіяхъ и помощи Гамбурга, Саксоніи и т. д. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ органахъ печатаются въ переводѣ польскія „*Nationallieder*“ (напр., въ *Das Ausland*, 1831, S. 357, 449, 577, 629, 633, 637, 673: „*Sammlung verschiedener zur Zeit des Aufstandes der polnischen Nation ausgegebener Schriften*“, Warschau, 1831, и изъ др. изданій). Правда, среди нихъ встрѣтится и „*Russisches Siegeslied auf den Fall von Warschau*“ (изъ Сѣв. Пчелы, 1831 г.), но лишь какъ исключеніе; преобладающій же тонъ всѣхъ статей и поэтическихъ откликовъ нѣмецкой печати — сочувствующій полякамъ.

О большемъ интересѣ къ русско-польской войнѣ въ Германіи свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что уже въ 1832 г. появилась большая нѣмецкая монографія: „Geschichte des Aufstandes des polnischen Volks in den Jahren 1830—1831“ (3 Bände, Altenburg), принадлежащая перу извѣстнаго переводчика „Pana Tadeusza“ (1836) Д. Рихарда Отто Шпацера (Spazier). Написанная на основаніи богатаго документальнаго матеріала, доставленнаго автору главнымъ образомъ участниками возстанія, исторія эта, при всемъ спокойствіи и видимомъ безпристрастіи изложенія, была въ сильной степени проникнута настроеніемъ, враждебнымъ Россіи. Авторъ обвинялъ русское правительство въ стремленіи уничтожить всѣ признаки самостоятельности, дарованной Польшѣ вѣнскимъ конгрессомъ, какъ это говорили и французскіе ораторы.

Враждебныя выступленія противъ Россіи въ радикальной нѣмецкой печати были столь рѣзки и многочисленны, что на нихъ обращала вниманіе правительства русская дипломатія въ Германіи. Баронъ И. О. Анстегъ (1770—1835), чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Германскомъ Союзѣ въ Франкфуртѣ на Майнѣ и при дворахъ Штутгартскомъ и Гессенъ-Кассельскомъ, препровождая графу Нессельроде въ началѣ 1832 г. переводъ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ (An Russlands Lästere, см. въ назв. сбор. Leonharda: Polenlieder), помѣщенный въ какомъ-то нѣмецкомъ журналѣ, какъ отрадное явленіе въ нѣмецкой печати, обращалъ его вниманіе на клеветническія статьи разныхъ газетъ и особенно на зажигательныя писанія баварской West-Vote (См. ст. П. Щеголева, Пушкинъ и его современ., VII, стр. 60—64).

Проживавшій въ дни польскаго возстанія въ Парижѣ нѣмецкій писатель Людвигъ Берне съ волненіемъ слѣдилъ за событіями въ Польшѣ и отмѣчалъ въ письмахъ изъ Парижа (Briefe aus Paris) свои переживанія и мысли. Онъ записываетъ во вторникъ 14-го декабря 1830 г.: „Ночь мести въ Варшавѣ должна была быть ужасною... Да, это день пришествія Господня... Но что же станется съ несчастными поляками? Выйдутъ ли они изъ борьбы побѣдителями? Сомнѣваюсь; впрочемъ, это безразлично, — кровь, ими пролитая, не пропадетъ бесплодно“. Въ среду 5-го марта: „Дрожу за судьбу поляковъ и подготовленъ ко всему... Побѣда русскихъ будетъ для нихъ однако большимъ несчастіемъ, чѣмъ пораженіе“... Въ субботу 5-го марта: „Бѣдныя поляки должны быть теперь мертвы. Съ третьяго дня я не нахожу силъ для писанія; я не могъ ни читать, ни думать, не могъ даже ни плакать, ни молиться; я способенъ былъ только проклинать“... Берне постоянно волнуется судьбою поляковъ; онъ негодуетъ на „людоѣдство“ Россіи. Подъ 11 марта онъ отмѣчаетъ „неописуемую“ грусть Парижа. Молодежь съ траурными знаменами шествуетъ по городу. Въ русскомъ посольствѣ выбиты стекла. „Очевидно, правящія сферы изъ трусости начнутъ теперь приносить извиненія. Ни одинъ ребенокъ не боится такъ трубочиста, какъ Луи Филиппъ Николая“ (Выдержки изъ писемъ Л. Берне, писанныхъ въ 1830 и 1831 годахъ, приводитъ Wł. Mickiewicz, Legion Mickiewicza, str. 402—403. Ср. О. Wagner, Börne a Poláci. Slov. Přehled, II, 175).

Тютчевъ въ послѣдствіи укорялъ „нашу вѣрную союзницу Германію“ за эту моральную поддержку поляковъ, обличая союзницу въ томъ, что она „служила съ большимъ безкорыстіемъ, чѣмъ справедливостью, подкладкой для польской эмиграціи, чтобы возстановлять противъ насъ общественное мнѣніе цѣлой Европы“ (См. его брошюру „Россія и революція“, по-франц. въ Парижѣ 1849, по-русски въ Р. Арх., 1873; Сочиненія 1886, стр. 442).

Борьбѣ поляковъ горячо сочувствовала и Италія, сама переживавшая тяжелые годы подъ австрійскимъ владычествомъ. Даже мадьяры предлагали поставить сто тысячъ войска въ помощь возставшей Польшѣ (Wł. Mickiewicz, op. c., str. 376).

Погодинъ какой-то слухъ объ этомъ мадьярскомъ заступничествѣ, дошедшій до Москвы, записываетъ въ дневникъ своемъ со словъ Геништы (вѣроятно, того чеха-музыканта, который писалъ романсы на слова Пушкина). Онъ сообщаетъ, что „венгерцы подали австрійскому императору адресъ, въ которомъ представили ему всевозможныя причины, по коимъ австрійскому двору слѣдуетъ вступить за Польшу“. Это былъ очевидный отголосокъ дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто выступленій мадьяръ. Въ день 3-го мая 1831 г. представители тековскаго комитата на собраніи въ Араньошъ Маротъ приняли текстъ адреса имп. Францу I, поручая его благоволенію ту Польшу, которая нѣкогда спасла трепетавшую передъ турками столицу Австріи (въ 1683 г.), возвратила Габсбургамъ тронъ, народамъ ихъ свободу и отечеству надежду на лучшее будущее. Мадьярскіе депутаты требовали оказанія немедленной помощи Польшѣ, дабы внуки ихъ когда-нибудь въ подобной опасности не плакали горько, что нѣтъ уже Собѣскаго. Съ подобными адресами выступили также и другіе комитаты Венгріи, Прессбургъ, Земплинь, Арадъ, Боршодъ и др. Въ окруженіи самого императора создавались планы новой тройственной монархіи изъ коронъ венгерской, австрійско-чешской и польской (Szymon Askenazy, *Apel do Austrii*, 1830—1831, въ газетѣ *Kurjer Warsz.*, 1921).

Когда война съ паденіемъ Варшавы кончилась, и части польской арміи потянулись на Западъ, нѣмцы устраивали торжественныя встрѣчи эмигрантамъ. Населеніе выходило на встрѣчу уходившимъ въ изгнаніе, кое-гдѣ встрѣчали ихъ ряды выстрѣлами изъ мортиръ, въ иныхъ мѣстахъ выносили знамена польскихъ національныхъ цвѣтовъ, оркестры играли революціонный гимнъ: „*Jeszcze Polska nie zginęła!*“ Клики „*Hoch Polen!*“ раздавались по всей Германіи (Śliwiński, op. c., str. 64). Впрочемъ, и здѣсь по началу разоруженнымъ отрядамъ пришлось кое-гдѣ встрѣтить пріемъ недружелюбный, но общественное сочувствіе къ Польшѣ было велико.

Протестующій голосъ Пушкина раздался не только противъ французскихъ парламентскихъ дѣятелей, враждебно настроенныхъ противъ Россіи и посылавшихъ ей угрозы; повидимому, на выступленіе русскаго поэта повліяли и тѣ произведенія французской политической музы, съ которыми онъ былъ знакомъ. Они, какъ это ни странно,

были не столь многочисленны, какъ нѣмецкія „польскія пѣсни“, но съ тою же искренней симпатіей и свойственнымъ французамъ жаромъ откликались на событія и защищали польское дѣло.

П. А. Осипова даетъ намъ указаніе на такія стихотворенія, по ея мнѣнію, повліявшія на отвѣтъ Пушкина. Въ письмѣ къ поэту 25 января 1832 г. она увѣдомляетъ его, что отправила въ Варшаву сыну своему Алексѣю стихи, написанные Пушкинымъ „въ отвѣтъ Беранже“, и добавляетъ при этомъ: „Онъ очарованъ ими, какъ и лучшіе изъ его однополчанъ“. И. А. Шляпкинъ (Изъ бумагъ А. С. Пушкина, стр. 159) поясняетъ, что стихи, написанные въ отвѣтъ Беранже, это есть именно стихотворенія „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, а стихотвореніями Беранже, на которыя намекаетъ Осипова, были, какъ онъ доказываетъ: „Hâtons nous“ (отъ февраля 1831 г.) и „Poniatowski“ (отъ іюля 1831 г.). Шляпкинъ находитъ въ первомъ изъ нихъ строфы, которыя, по его мнѣнію, могли вызвать отвѣтъ въ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“. Беранже отражалъ, несомнѣнно, общее настроеніе Парижа и Франціи, знакомыя намъ рѣчи Палаты, подѣйствовавшія на Пушкина, какъ обида, нанесенная Россіи, какъ оскорбительное вмѣшательство. Французскій поэтъ говоритъ о томъ, какъ помогъ бы онъ полякамъ, если бы онъ былъ могущественнымъ королемъ или хоть на одинъ день богомъ:

„Pour eux, si j'étais roi puissant
.....
Mes vaisseaux, du Sund au Bosphore
Iraient réveiller le Croissant,
Des Suédois réchauffer le sang;
Criant: Pologne, on te seconde!
Un long sceptre au bout d'un bon bras
Peut attendre aux bornes du monde.
Hâtons nous; l'honneur est là-bas!
Si j'étais un jour, un seul jour,
Le Dieu que la Pologne implore,
Sous ma justice, avant l'aurore,
Le czar palirait dans sa cour:
Aux Polonais tout mon amour“...

Во второмъ стихотвореніи, описывая смерть Понятовскаго, трагически утонувшаго въ Эльстерѣ, Беранже изображаетъ предсмертныя его грезы объ освобожденіи родины:

„Que vois-je? enfin l'aigle blanc se réveille,
Vole, combat, de sang russe abreuvé;
Un chant de gloire éclate à mon oreille
Bien qu'une main Français, je suis sauvé!“

Общаго съ мыслями Пушкина въ приведенныхъ Шляпкинымъ отрывкахъ весьма немного. Быть можетъ, больше совпаденій найдемъ въ нѣкоторыхъ строфахъ „Клеветн. Россіи“ съ стихотв. Делавиня „La Varsovienne“ (Сf. Lednicki, op. c., p. 111 — 112), или даже, при усиліи и съ натяжкой, съ нѣкоторыми стихами Байрона (Донъ Жуана, The

Age of Bronze). Мы опредѣленно знаемъ, что произведенія Беранже были распространены въ русской читательской средѣ, столь же были ей знакомы и стихотв. Делавиня. Однако, пушкинскій отвѣтъ прежде всего направленъ былъ противъ крикуновъ Палаты; поэтому онъ заключалъ возраженія на ихъ рѣчи, и съ этими рѣчами у него должно быть наибольшее точекъ соприкосновенія, близость же отдѣльных картинъ и образовъ (они однако не совпадаютъ у обоихъ поэтовъ) можно считать тѣми общими мѣстами, которыя неизбѣжно должны были повториться при воспоминаніи объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ и лицахъ (Наполеонъ и его походахъ).

Вполнѣ естественнымъ было желаніе поэта, чтобы стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“ распространилось прежде всего среди французовъ, членовъ Палаты депутатовъ, къ которымъ оно было обращено, и Пушкинъ искалъ съ этою цѣлью переводчика. Ему хотѣлось имъ дать „щелчокъ по носу“. О. С. Павлищева (Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Л. Павлищева, М. 1890, стр. 258) писала своему мужу въ Варшаву: „Братъ... непременно хочетъ отыскать между истыми русскими патриотами такого знатока французской поэзіи, который могъ бы перевести „Клеветникамъ Россіи“, иначе дальше Россіи обличеніе это не пойдетъ, что и будетъ даромъ потраченной для господъ иностранцевъ риторикой (et cela sera une rhétorique en pure perte pour messieurs les étrangers)“. Поэтъ не хотѣлъ и не могъ взять на себя эту задачу по вполнѣ понятнымъ соображеніямъ, хотя, вѣроятно, выполнилъ бы ее наилучшимъ образомъ, который вполнѣ удовлетворилъ бы его.

Два наиболѣе раннихъ перевода относятся къ началу октября 1831 г. Относительно одного мы достовѣрно знаемъ, что онъ принадлежитъ С. С. Уварову. Въ письмѣ отъ 8 октября онъ писалъ Пушкину изъ Москвы (Переписка, II, стр. 233): „Инвалидъ, давно забывшій путь къ Парнассу, но восхищенный прекрасными, истинно народными стихами вашими, попробовалъ на дѣлѣ сдѣлать имъ подражаніе на французскомъ языкѣ“. Свой опытъ (Aux calomnieux de la Russie, trad. d' A. Pouchkine) онъ при письмѣ доставилъ поэту. Второй переводъ, сдѣланный приблизительно около того же времени, слѣдуетъ приписать Е. М. Хитрово, которой Пушкинъ въ началѣ октября писалъ: „Благодарю Васъ за изящный переводъ оды“... Надо полагать, что онъ благодарилъ ее за ея собственный переводъ, а не за чужой, ибо тогда поэту незачѣмъ было бы отмѣчать ей неточности самаго перевода и описки переписчика, — указанія важныя для переводчика, но не для посредника, доставляющаго чужой опытъ (См. Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 131, 133). Эти два перевода, если они распространились какимъ-нибудь путемъ во Франціи, могли удовлетворить горячему желанію поэта. Остальные опыты перевода на французскій языкъ относятся ко времени болѣе позднему, когда острота отповѣди Пушкина притупилась, и выступленіе потеряло уже первоначальное значеніе. Переводъ барона П. А. Вревскаго сдѣланъ былъ, повиди-

тому, не раньше конца 1834 г. (См. Пушкинъ и его соврем., вып. XXI—XXII, стр. 386—388), а кн. Н. Б. Голицыну, музыканту и писателю, ветерану 1812 г., принадлежитъ переводъ, сдѣланный въ 1836 г. и изданный отдѣльной брошюрой въ 1839 г. въ Москвѣ. Въ письмѣ къ Голицыну Пушкинъ выразилъ сожалѣніе, что переводъ не былъ сдѣланъ во время (*en temps opportun*) и не могъ быть въ надлежащій моментъ посланъ во Францію. Къ 1839 г. относится переводъ А. Цурикова, вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ (Москва, 1839); наконецъ, имѣется еще одинъ рукописный французскій переводъ, или свободное подражаніе, сохранившееся въ Тургеневскомъ архивѣ въ библиотекѣ Академіи наукъ (*Aux détracteurs de la Russie. Imitation libre de Pouchkine*), безъ точной даты (См. Письма П. къ Е. М. Хитрово, стр. 132; Сочиненія П., подъ ред. Венгерова, VI, стр. 574, 598).

Стихотвореніе „Бородинская годовщина“, какъ и стихи Жуковскаго, по свидѣтельству О. С. Павлицевой (въ письмѣ къ мужу отъ 10 сентября 1831 г.), также приводило всѣхъ „въ восторгъ необычайный“, и „нашлось много охотниковъ переводить ихъ по-французски и по-нѣмецки и коверкать ихъ самымъ жестокимъ образомъ“. Въ числѣ этихъ „переводчиковъ или исказителей“ былъ, между прочимъ, ея бывший поклонникъ (*mon ex-adorateur*), ближе намъ неизвѣстный Бакунинъ, а на нѣмецкій языкъ „Бородинскую годовщину“ перевелъ какой-то учитель (*Schulmeister*). Экземпляры этого стихотворенія Ольга Сергѣевна, по порученію брата, пересылала „на всякій случай“ мужу для военныхъ друзей поэта, сражавшихся въ Польшѣ.

Въ теченіе 1831 г. появилось еще нѣсколько произведеній русскихъ писателей, откликнувшихся на польское возстаніе. Библиографическое прибавленіе къ Сѣверной Пчелѣ (№ 13 и 14) отмѣчаетъ между прочимъ еще такія изданія: Дверницкій со своими героями, или національная храбрость поляковъ. Комическое сочиненіе Н. Д. М.; Ода на усмиреніе бунта въ Польшѣ. Сочин. А. Волкова, Москва, 1831; На взятіе Варшавы. Чувствованія Русскаго при громѣ кремлевскихъ пушекъ. А. Шишкова, Москва 1831 г.

Повидимому, ни одинъ изъ отмѣченныхъ выше переводовъ не достигъ цѣли, — не сдѣлался извѣстнымъ французамъ. При общемъ сочувствіи польской борьбѣ они не могли, конечно, появиться въ французской печати. По крайней мѣрѣ, объ этомъ распространеніи мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ.

II.

Пушкинъ не былъ политическимъ дѣятелемъ, — въ его эпоху, съ его складомъ ума и темпераментомъ трудно было и мечтать объ этомъ, но онъ живо и всесторонне откликался на всѣ важнѣйшіе моменты современной жизни и былъ весьма освѣдомленъ въ вопросахъ европейской политики. Онъ былъ политически образованнымъ и „раціонально-мыслящимъ“ русскимъ гражданиномъ, вѣрно слѣдовавшимъ

завѣту, выраженному Рылѣевымъ въ одномъ изъ писемъ къ нему: „Будь поэтъ и гражданинъ“. Всею литературною дѣятельностью, по прекрасному выраженію О. Ѳ. Миллера, онъ былъ „поэтическимъ органомъ нашего народнаго самосознанія“. Справедливо онъ былъ названъ „поэтомъ синтеза общественности и государственности“, воспѣвшимъ русскую государственность, ея героевъ, ея побѣды, ея созданія, вообще — „труды державства и войны“. Онъ глубоко задумывался надъ этими трудами, понималъ ихъ значеніе, и проблемы русской государственной жизни представлялись ему во всей широтѣ и ясности.

Мицкевичъ въ некрологѣ Пушкина авторитетно отмѣтилъ эту широкую, всестороннюю отзывчивость генія русскаго друга своего и, зная поэта близко, могъ засвидѣтельствовать, что онъ не былъ представителемъ исключительно г. н. чистаго искусства, что ему противно было артистическое равнодушіе Гете ко всему, вокругъ него происходящему, что онъ презиралъ писателей, не имѣющихъ цѣли, направленія. По словамъ Мицкевича, Пушкинъ изумлялъ слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума, былъ одаренъ необыкновенною памятью, вѣрностью сужденій, утонченнымъ вкусомъ. „Когда онъ разсуждалъ о политикѣ иностранной и внутренней, вспоминалъ польскій поэтъ, то казалось, что слушаешь человѣка посѣдѣвшаго въ государственныхъ дѣлахъ и пропитаннаго ежедневнымъ чтеніемъ парламентскихъ преній. Рѣчь его, въ которой можно было замѣтить зародыши будущихъ его произведеній, становилась и болѣе серьезною. Онъ любилъ разбирать великіе религіозные и общественные вопросы, самое существованіе которыхъ было, повидимому, неизвѣстно его соотечественникамъ“ (Спасовичъ, Сочиненія, II, стр. 265).

Весьма показателенъ въ этомъ отношеніи взглядъ его на историческую роль Константинополя, на особенность его, какъ центра византійскаго христіанства. Въ бесѣдѣ съ фрейлиною А. О. Россетъ онъ высказывался за полную нейтрализацію его (изъ-за св. Софіи), съ освобожденіемъ отъ власти турокъ. Онъ не соглашался съ рѣшеніемъ этого вопроса, какъ оно рисовалось Хомякову (св. Софія должна быть русскою святынею), который, по его мнѣнію, слишкомъ былъ увлеченъ турецкими пашами, а также дунайскими и адриатическими славянами и слишкомъ теоретично и научно разсматривалъ вопросъ о нихъ. „Наше историческое дѣло — оберегать наши политическіе интересы“, вотъ его трезвая, совершенно практическая, реальная политическая программа. По словамъ Россетъ, Пушкинъ умѣлъ трактовать большія проблемы о Римѣ, Царьградѣ, Іерусалимѣ, христіанствѣ съ большимъ увлеченіемъ. Вспоминаая одну изъ такихъ бесѣдъ съ нимъ, она говоритъ, что онъ весь тогда горѣлъ, глаза сіяли, блѣдное лицо оживилось румянцемъ. Все лицо представляло сосредоточенный видъ мудреца и философа; въ такой моментъ онъ былъ олицетвореніемъ уравновѣшенности, спокойствія и глубокой исторической мысли.

Очевидно, такая разносторонность Пушкина была плодомъ большихъ трудовъ, усердной книжной работы, изученія прошлаго и посто-

янного чуткаго наблюденія современности. Художественное творчество не исключало этой ученой работы.

„Исторія народа принадлежит поэту“, говорилъ Пушкинъ со-всѣмъ въ духъ своего времени. Слова эти, поясняетъ Котляревскій (Пушкинъ, стр. 180), можно понимать въ томъ смыслѣ, что поэтъ во-лень брать свои темы изъ лѣтописи старины, но можно ихъ понять и въ смыслѣ болѣе широкомъ: поэтъ призванъ воскрешать старину, и ему данъ особый даръ ея пониманія и истолкованія. Но была еще и другая исторія, живая, бьющая ключемъ, творившаяся на глазахъ поэта, одинаково увлекательная и даже, быть можетъ, болѣе захватывающая, чѣмъ старина, — волнующая исторія его дней, не нашедшая еще своего истолкователя. Къ дѣламъ и днямъ, коихъ онъ самъ былъ участникомъ, поэтъ относился съ настороженнымъ вниманіемъ, подчасъ болѣзненно реагируя на важнѣйшія событія, удивительно тонко схватывая сущность совершавшагося и анализируя творцовъ исторіи. Онъ изучалъ прошлое потому, что любилъ его, потому, что былъ убѣжденъ, что лишь „дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго“, и прошедшее для нихъ не существуетъ; онъ учился русской исторіи у лучшихъ учителей своего времени и дѣйствительно зналъ великія страницы ея, глубоко проникъ въ смыслъ ея и рѣшительно отвергалъ презрительное отношеніе къ прошлому Россіи Чаадаева, всю его концепцію русской исторіи, когда писалъ ему: „Что касается нашего историческаго ничтожества (nullité historique), то я положительно не могу съ вами согласиться... Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, стремленіе къ единству (sa marche vers l'unité), къ русскому, конечно, единству — какъ, неужели это не исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ есть цѣлая всемірная исторія? А Екатерина, которая помѣстила Россію на порогъ Европы, а Александръ I?...“ Пушкинъ жилъ великими традиціями русской исторіи, цѣнилъ „очарованіе древности“ и хранилъ „благодарность къ прошедшему“. Особенно слѣдуетъ отмѣтить интересъ Пушкина къ исторіи Западной Руси, такъ мало знакомой русскому обществу и въ его годы и въ позднѣйшее время. Еще въ „Историческихъ замѣчаніяхъ“, писанныхъ юношескою рукою въ Кишиневѣ въ 1822 году и содержащихъ сужденія поэта о новѣйшей русской исторіи (Сочиненія подъ ред. Венгерова, IV, стр. 473), онъ, строго осуждая все царствованіе Екатерины II, ея прегрѣшенія и ошибки, ставитъ все-таки ей въ заслугу возвращеніе исконныхъ русскихъ земель: „Униженная Швеція и уничтоженная Польша — вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа“. Впослѣдствіи этотъ взглядъ свой на „уничтоженную“ Польшу онъ формулировалъ точнѣе въ замѣчаніяхъ, посвященныхъ „Собранію сочиненій Георгія Конисскаго, архіепископа Бѣлорусскаго“, изданному извѣстнымъ археографомъ протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ (СПБ., 1835). О раздѣлѣ 1772 года Пушкинъ выражается такъ: „Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены, — и въ 1773 г. Георгій явился предъ Ека-

териною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя избавительницу и законную владычицу Бѣлоруссіи“. Знакомый съ исторіей борьбы Западной Руси за ея національныя и религіозныя права, Пушкинъ правильно оцѣнилъ мужественную борьбу Конисскаго и „диссидентовъ“ за православіе въ бѣлорусской епархіи и назвалъ его однимъ изъ самыхъ достопамятныхъ мужей XVIII столѣтія, а изъ книги его онъ выбралъ для своихъ замѣчаній, очевидно, съ специальною цѣлью, какія выдержки, которыя особенно убѣдительно могли бы подѣйствовать на читателя и напомнить ему мрачныя страницы тяжелыхъ испытаній русскаго населенія подъ польскимъ владычествомъ (о введеніи униі, о казни Острицы и др.). На опасность католическаго вліянія для православной Руси Пушкинъ указалъ уже въ „Борисѣ Годуновѣ“, и Самозванца онъ изобразилъ здѣсь, какъ орудіе папскихъ замысловъ, избранное куріей для насажденія католичества на Руси. Его Димитрій въ этомъ прямо признается :

„Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся восточна церковь
Признають власть намѣстника Петра.“

Современность русская много огорчала поэта; онъ мрачно смотрѣлъ на внутреннее состояніе Россіи и, съ юныхъ лѣтъ „краевъ чужихъ неопытный любитель и своего всегдашній обвинитель“, обличая ея пороки, подобно Хомякову, онъ тѣмъ не менѣ „ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы перемѣнить отечество или имѣть иную исторію, чѣмъ исторія нашихъ предковъ, какою ее намъ далъ Богъ“. Презираемая и хулимая иностранцами и весьма часто своими собственными дѣтьми, мать Россія была ему дорога въ томъ видѣ и состояніи, какою онъ ее зналъ и видѣлъ, со всѣми ея недостатками; высоко понимая свой гражданскій долгъ, онъ не могъ простить соотечественникамъ равнодушія къ долгу, правдѣ и справедливости, циническаго презрѣнія къ мысли и достоинству человѣческому. Эти общественныя грѣхи были явленіемъ прискорбнымъ.

Пушкинъ не могъ не интересоваться событіями, развивавшимися въ Польшѣ. За ними съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило все русское общество, волновалось ими и съ трепетомъ ждало ихъ конца. Чаадаевъ въ письмѣ къ Пушкину называлъ ихъ всеобщимъ горемъ и погибелью мира. Польское возстаніе было вѣдь не революціонною вспышкою, а настоящею внутреннею русско-польскою войною; это было горестное славянское междоусобіе, въ которомъ гибли сыны двухъ братскихъ народовъ. Погадинъ, отмѣчая чрезвычайное озлобленіе русскаго общества („Наши всѣ въ остервенѣніи противъ поляковъ“), очевидно, круговъ ему близкихъ, со скорбью записывалъ въ дневникъ своемъ (въ апрѣлѣ и маѣ 1831 г.): „Боже мой! какое кровопролитіе!“ Оно не могло не огорчать русскихъ людей.

О постоянномъ интересѣ и поразительной осведомленности Пушкина относительно французскихъ дѣлъ, быть можетъ, кое въ чемъ и

односторонне окрашенной, свидѣтельствуютъ нѣкоторыя строки его писемъ къ Е. М. Хитрово, напр., въ письмѣ отъ 11 декабря 1830 г., въ которомъ онъ высказываетъ свое сужденіе о новомъ французскомъ избирательномъ законѣ; замѣчанія о французской политической жизни, разсѣянные въ другихъ произведеніяхъ его, обнаруживаютъ знакомство съ политической литературой (См. весьма цѣнные указанія въ статьѣ Б. В. Томашевскаго, ор. с., стр. 63, 301—361).

Событія въ Варшавѣ приняли къ началу 1831 г. такой оборотъ, что русское общество, задумываясь надъ ними, не могло оставаться лишь равнодушнымъ и спокойнымъ зрителемъ. Уже въ первые дни возстанія, въ декабрѣ 1830 г. вожди его ведутъ переговоры съ австрійскимъ консуломъ въ Варшавѣ Экснеромъ о поддержкѣ поляковъ Австріей и о предложеніи польской короны Габсбургамъ. Были и сторонники французской кандидатуры. На слѣдующій день послѣ взрыва возстанія инженеръ Жираръ, въ французскомъ мундирѣ, окруженный толпой, развѣзжалъ верхомъ по городу и кричалъ: „Да здравствуетъ Наполеонъ II, король польскій!“ Герцогъ Рейхштадскій, пребывавшій въ Вѣнѣ, выдвигался въ качествѣ кандидата на польскій престолъ. Національное правительство (Rząd Narodowy), съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ во главѣ, вступило въ сношенія и съ Австріей и съ Пруссіей, стараясь расположить ихъ въ пользу поднятаго возстанія, но безъ успѣха. Въ Вѣну былъ посланъ специальный делегатъ кн. Константинъ Чарторыйскій съ порученіемъ вести переговоры. Между тѣмъ 20 января 1831 г. депутатъ Романъ Солтыкъ предложилъ внести въ манифестъ сейма отъ 20 декабря дополненіе: польскій народъ, провозглашая свою полную независимость, считаетъ династію Романовыхъ утратившею право на польскую корону и отрицаетъ ея суверенныя права по отношенію къ польскому народу. „Нѣтъ Николая!“ (Niema Nikołaja) воскликнулъ депутатъ Янъ Ледоховскій, и за нимъ повторила этотъ возгласъ вся палата. Сеймъ послѣдовательно объявилъ 8 февраля 1831 г. польскій престолъ вакантнымъ; польская корона ожидала достойнаго претендента.

Мицкевичъ посвятилъ этому отважному и рѣшительному шагу сейма нѣсколько пламенныхъ стиховъ, уже послѣ паденія Варшавы, въ патріотическомъ прославленіи геройскаго подвига защитника одного изъ укрѣпленій Вольскаго предмѣстья, въ стихотвореніи „Reduta Ordona“ (w Lipsku, 1833). Обращаясь къ Николаю I, „государю, мощному, какъ Богъ, и злomu, какъ сатана“, онъ говоритъ: „Въ то время, когда оружіе твое уничтожило за Балканами турокъ, когда парижское посольство лизало твои стопы, единственно Варшава воспротивилась твоей силѣ, подняла на тебя руку и сорвала съ твоей мерзкой головы корону Казимировъ, ибо ты укралъ ее и обагрилъ кровью...“

„Gdy turków za Bałkanem twoje zniosły spiże,
Gdy poselstwo paryzkie twoje stopy liże,
Jedna Warszawa twojej mocy się urąga,
Podnosi na cię rękę i koronę ściąga,

Koronę Kazimierzów z ochydnej twej głowy,
Boś ją ukradł i skrwawił, synu Wasylowy!

Революційонныя выступленія бушевавшея Варшавы тревожнымъ эхомъ отзывались въ Петербургѣ, гдѣ они, конечно, были широко извѣстны изъ разныхъ источниковъ.

Графъ Е. Е. Комаровскій рассказывалъ, что во время возстанія онъ какъ-то встрѣтилъ на прогулкѣ Пушкина, угрюмаго и взволнованнаго. „Отчего вы невеселы, Александръ Сергѣевичъ?“ спросилъ онъ его. „Да все газеты читаю“. — „Что жъ такое?“ — „Развѣ вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, какъ въ 1812 году!“ отвѣтилъ Пушкинъ (Н. Лернеръ, Пушкинъ и Лелевель. Истор. Вѣстн., 1905, авг., стр. 622). Е. М. Хитрово 9 декабря 1830 г. онъ такъ же взволнованно писалъ: „Извѣстіе о польскомъ возстаніи меня совершенно перевернуло. Наши исконные враги, очевидно, будутъ въ конецъ истреблены“... (Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 68—69). Онъ предчувствовалъ, что наступающая война будетъ войною до истребленія или, по крайней мѣрѣ, должна быть такою, но онъ сожалѣлъ о роковомъ шагѣ поляковъ, ихъ выступленіе печалило его и потому, что Россія януждалась во внутреннемъ покоѣ вслѣдствіе начавшейся холеры и „нелѣпыхъ мятежей“ населенія. Съ глубокимъ пониманіемъ поэты оцѣнивалъ значеніе вспыхнувшей усобицы.

Уже съ конца 1830 г. Пушкинъ въ письмахъ къ друзьямъ касается, хотя бы и вскользь, польскихъ дѣлъ. Кн. П. А. Вяземскому во второй половинѣ декабря 1830 г. онъ лаконически, видимо озабоченный отсутствіемъ вѣстей, пишетъ: „О Польшѣ не слыхать“. Очевидно, онъ желалъ бы узнать что-нибудь отъ Вяземскаго. Въ январѣ 1831 г. Пушкинъ опять пишетъ князю изъ Москвы: „О Польшѣ нѣтъ ни слуху ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre“. Въ обществѣ по этому вопросу спорили, и были такіе, которые бились объ закладъ, что Варшаву возьмутъ безъ выстрѣла. Отмѣтимъ, что возстаніемъ поляковъ интересовались и въ далекой сибирской ссылкѣ. Увѣренность въ неизбежности побѣды надъ ними сообщили изгнанникамъ - декабристамъ пріѣзжавшіе къ нимъ изъ Россіи. Въ дневникѣ Медокса (запись отъ 9 апрѣля 1831 г.) переданъ разговоръ княжны Варвары Шаховской и жены декабриста А. Н. Муравьева съ ѣхавшей изъ Петербурга въ Петровскъ къ Трубецкимъ Бѣловой. При рѣчи о польскихъ дѣлахъ кн. Шаховская спросила, какъ думаютъ въ Россіи, — покоряютъ ли поляковъ? „Какъ не покорить, — отвѣчала гостья, — совсѣмъ разобьютъ“ (С. Я. Штрайхъ, Провокація среди декабристовъ. Самозванецъ Медоксъ въ Петровскомъ заводѣ. М. 1925, стр. 42). Но успѣхи пришли не сразу.

Какое-то отчаянное „политическое“ письмо, полученное поэтомъ изъ Петербурга, привело его къ заключенію, что неудачи на театрѣ войны произвели, повидимому, на петербургское общество сильное дѣйствіе, и его, очевидно, радовало такое отрезвленіе безцвѣтнаго и равнодушнаго Петербурга. Онъ добавляетъ: „Если бъ я былъ холостъ,

то съѣздилъ бы туда“, т. е. въ Польшу, на театръ войны (Сочиненія Пушкина. Переписка, II, 203, 207, 209).

О такомъ намѣреніи Пушкина имѣется и другое свидѣтельство. Еще въ исходѣ 1830 г., наскучивъ тѣмъ, что свадьба его оттягивалась вслѣдствіе разныхъ препятствій, онъ говорилъ Нащокину, что бросить все и уѣхать драться съ поляками (П. И. Бартеневъ, Десятилетіе, I, 386). Онъ этого не сдѣлалъ, но хлопоталъ о переводѣ въ армію брата. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ играли роль соображенія особаго свойства.

Извѣстія о положеніи дѣлъ въ Польшѣ Пушкинъ почерпаетъ не только изъ современной печати, но также изъ частныхъ источниковъ. Онъ повторяетъ въ письмѣ отъ 1 іюня 1831 г. кн. Вяземскому нѣкоторыя подробности о битвѣ подъ Остроленкой, извѣстныя ему изъ писемъ съ театра войны: „Ты читалъ извѣстіе о послѣднемъ сраженіи 14 мая (т. е. 26-го по н. ст.). Не знаю, почему не упомянуты въ немъ нѣкоторыя подробности, которыя знаю изъ частныхъ писемъ и, кажется, отъ вѣрныхъ людей: Крженецкій (т. е. Скржинецкій) находился въ этомъ сраженіи. Офицеры наши видѣли, какъ онъ прискакалъ на своей бѣлой лошади, пересѣлъ на другую, бурую и сталъ командовать; видѣли, какъ онъ, раненый въ плечо, уронилъ палашъ и самъ свалился съ лошади, какъ вся его свита кинулась къ нему и посадила опять его на лошадь. Тогда онъ запѣлъ. Еще Польша не сгинела, и свита его начала вторить, но въ ту самую минуту другая пуля убила въ толпѣ польскаго маіора, и пѣсни прервались. Все это хорошо въ поэтическомъ отношеніи. Но все-таки ихъ надобно задушить, и наша медленность мучительна“. Въ этомъ письмѣ мы встрѣчаемъ уже мысль, почти буквально повторенную (2 августа) въ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“: „Для насъ мятежь Польши есть дѣло семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можемъ судить ее по впечатлѣніямъ европейскимъ, каковъ бы ни былъ впрочемъ нашъ образъ мыслей“.

Этотъ взглядъ на чисто внутренней характеръ русско-польскаго спора высказалъ безбоязненно и польскій историкъ Лелевель, который въ своихъ воспоминаніяхъ о 1831 г. (по рукописи варшавскаго Архива старыхъ дѣлъ ихъ цитируетъ Мосцицкій, *Pod berłem sąow, str. 273*, примѣч.) выразился, что вслѣдствіе включенія Польши въ составъ Россійской имперіи польское возстаніе и споръ изъ-за губерній давней Польши не могли быть въ политикѣ Европы разсматриваемы иначе, какъ только домашній, внутренней въ Россіи споръ и какъ внутренняя война (*powstanie polskie i zatarga o gubernje dawniej Polski nie mogło być w polityce Europy inaczej uważane, tylko jako domowe wewnętrzne w Rosji zatarga i wojna*). Пушкинъ взглядъ свой подкрѣпилъ болѣе широкой исторической основой.

Стоя твердо на русской точкѣ зрѣнія на это роковое наследіе и основныя причины распри и борьбы, Пушкинъ допускаетъ расхожденіе въ „образѣ мыслей“ русскихъ людей по этому вопросу, каковое, какъ ему было хорошо извѣстно, обнаруживалось въ русскомъ обще-

ствѣ. Постоянный борець за свободу, онѣ понималъ стремленія свободолюбивыхъ поляковъ, но онѣ не могъ примириться съ самымъ способомъ осуществленія этихъ стремленій и съ предѣлами чрезмѣрныхъ польскихъ притязаній. „Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились“, рѣшительно заявлялъ Пушкинъ, и этими словами опредѣляется его отношеніе и къ польскому возстанію. Это былъ бы первый пунктъ его политической статьи о немъ, если бы онѣ ее написалъ.

Отмѣтимъ, что Пушкинъ въ тридцатые годы, изобиловавшіе всякими смутами на Западѣ и у насъ, въ цѣломъ рядѣ произведеній разрабатываетъ проблему бунта, революціи: онѣ трудится надъ „Исторіей пугачевского бунта“ (1834), пишетъ „Капитанскую дочку“ (1833—1836), „Дубровскаго“ (1832—1833); тотъ же мотивъ бунта содержать и „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“ (1835) и въ X главѣ „Евгенія Онѣгина“ строки о разговорахъ декабристовъ (1830—1831). Даже скромный герой „Мѣднаго всадника“ — бунтарь противъ державца полуміра (П. Н. Сакулинъ, Пушкинъ и Радищевъ, М. 1920, стр. 49—50).

Извѣстно, что Пушкинъ интересовался французской революціей и задумывалъ было написать о ней даже специальное изслѣдованіе (Письмо къ Хитрово въ іюнѣ 1831 г., стр. 117). Но можно увѣренно сказать, что къ великой революціи, со всѣми ея потрясеніями и ужасами и ко всѣмъ революціямъ вообще, какъ къ проявленію насилія, и къ „мятежнымъ правамъ“ онѣ относился отрицательно. Пушкинъ былъ совершенно опредѣленнымъ сторонникомъ эволюціи и мирнаго прогресса и взглядъ свой ясно сформулировалъ въ „Капитанской дочкѣ“, гдѣ въ гл. VI-ой (Пугачевщина) говоритъ: „Молодой человекъ! если записки мои попадутся въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній“. Въ концѣ опущенной части тринадцатой главы онѣ еще разъ высказываетъ свое порицаніе революціи, по крайней мѣрѣ русской: „Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердные, коимъ и своя шейка — копейка, и чужая головушка — полушка“. Пушкина пугалъ нашъ „русскій бунтъ, безсмысленный, безпощадный“, и онѣ сурово осудилъ Радищева за его революціонныя мысли, „дерзкія мечтанія“, за его „сатирическое воззваніе къ возмущенію“. Даже молодой Пушкинъ, въ пору своего декабризма, въ сущности не пѣлъ гимновъ революціи, а только свободѣ. Революціонные акты онѣ сопровождаетъ эпитетами „преступный“, „безславный“ и зоветъ всѣхъ, а прежде всего царей „подъ сѣнь надежную закона“ (Сакулинъ, ор. с., стр. 42, 46).

Взгляды различныхъ круговъ русской интеллигенціи на кровавую русско-польскую трагедію были до такой степени противорѣчивы и непростительно сумбурны, что естественно возникалъ вопросъ, какъ въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ смотрѣть на эту распрю, какъ опредѣлить отношеніе къ ней русскаго общества. Это отношеніе обнаружилось въ извѣстной части общества уже въ самомъ началѣ войны. Погодинъ

въ дневникѣ своемъ подѣ 7 января 1831 г. записаль: „Кѣ Пушкину, и занимательный разговоръ, кто русскіе и не русскіе. Какъ воспламенился Пушкинъ, — и видишь восторженнаго“ (Пушкинъ и его соврем., XXIII—XXIV, стр. 111). Нѣсколько словъ этой записи краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о глубоко-вдумчивомъ отношеніи поэта-гражданина къ роковымъ событіямъ, раздѣлившимъ русское общество на два лагеря, изъ коихъ одинъ въ пониманіи поэта и его друга-историка представлялся уже нерусскимъ.

Кн. П. А. Вяземскій (Полное собраніе соч., т. VIII, стр. 168) вспоминаетъ объ одномъ эпизодѣ, характеризующемъ гражданскія чувства его друга и идейнаго противника: „Однажды Пушкинъ между пріятелями сильно руссофильствовалъ и громилъ Западъ. Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятельствамъ, а частью и по склонности. Онъ горячо оспариваль мнѣнія Пушкина“... Этотъ странный космополитизмъ „по обстоятельствамъ и частью по склонности“ справедливо возмущаль душу поэта, неспособнаго вовсе на такую національную безличность. „Въ Москвѣ нѣтъ народнаго общаго мнѣнія; нынѣ бѣдствія или слава отечества не отзываются въ этомъ сердцѣ Россіи. Грустно было слышать толки московскаго общества во время возмущенія; гадко было видѣть бездушныхъ читателей французскихъ газетъ, улыбающихся при вѣсти о нашихъ неудачахъ“, писалъ онъ съ негодованіемъ. Пушкинъ запечатлѣль эту печальную безличность русскаго общества и въ черновомъ наброскѣ: „Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ“, относящемся къ эпохѣ русско-польской войны. Съ укоризной обращается поэтъ къ неизвѣстному и неразгаданному соотечественнику, который жарко возлюбилъ чуждые народы и возненавидѣль свой; который „пилъ здоровье Лелевеля“ (вѣроятно, за его обращеніе къ русскимъ) въ тотъ моментъ, когда началось возстаніе въ Варшавѣ, и когда на каедрѣ ревѣль французскій пустомеля; который потираль руки отъ нашихъ неудачъ, слушаль съ лукавымъ смѣхомъ вѣсти о нихъ, когда гибло знамя нашей чести. Во-истину было отъ чего придти въ содроганіе и ужась!

Надо здѣсь упомянуть еще, что это настроеніе извѣстныхъ общественныхъ слоевъ сообщилось и студенческой молодежи въ Москвѣ. Погодинъ снисходительно и кратко отмѣтилъ въ дневникѣ своемъ (Барсуковъ, ор. с., III, стр. 273, 329) ея выступленія: „У насъ кое-какія шалости случились, вслѣдствіе коихъ нѣсколько студентовъ засадили“. Въ Москвѣ было несомнѣмъ спокойно по случаю холеры, а тутъ еще прибавились какія-то „дурачества“, какъ выразился Максимовичъ въ письмѣ къ Погодину, Петрашкевича (Онуфрія, кандидата философіи виленскаго университета) и другихъ поляковъ, своими выступленіями наводившихъ „новые поклепы на опальный университетъ“. Было „взято“ до шестидесяти студентовъ и два профессора. „Это значить Ежовскій“ (Иосифъ, тоже виленскій кандидатъ философіи), заключаль Максимовичъ. Петрашкевичъ и классикъ Ежовскій были товарищами Мицкевича по изгнанію; по приговору комитета, разсматривавшаго

дѣла о безпорядкахъ въ виленскомъ университетѣ въ августѣ 1824 г., они были высланы въ Россію и предназначены для педагогической дѣятельности. Подробностей этихъ выступлений въ московскомъ университетѣ мы не знаемъ, но „шалости“ и „дурачества“ молодежи создавали непріятности университету и настроеніе противъ студенчества.

Говорятъ, что Пушкинъ, громогласно и сурово порицая польское возстаніе, совсѣмъ не желалъ вникать въ его мотивы (Котляревскій Н., Пушкинъ, стр. 140). „Если бы его спросили въ частной бесѣдѣ, имѣеть ли народъ культурный, въ продолженіе многихъ вѣковъ жившій самостоятельной жизнью, народъ вложившій свой немалый трудъ во всемірную литературу, имѣеть ли этотъ народъ право на независимую политическую жизнь, — Пушкинъ, конечно, отвѣтилъ бы утвердительно, онъ, который такъ недавно восторгался борьбой Греціи за независимость. Но къ Польшѣ Пушкинъ былъ несправедливо суровъ“. Также и Пыпинъ упрекаетъ Пушкина въ томъ, что онъ не проявилъ сочувствія къ тяжелому историческому положенію поляковъ, родственнаго славянскаго народа; что у него проявляется почти тотъ же, если не совершенно тотъ же, державинскій взглядъ, что Польша есть гидра и „тристаты злобы“; что поэтъ не можетъ забыть Кремля и Праги и продолжаетъ въ своемъ стихотв. историческое преданіе, обязывающее къ отместкѣ! Но при самомъ напряженномъ желаніи найти у Пушкина подобные взгляды и призывы къ мести ихъ добросовѣстно нельзя отыскать, какъ не восторгается онъ и воинственными кликами, штыками, торжествами (Вѣстн. Евр., 1880, февр., стр. 714, 716). Съ обоими заключеніями нельзя согласиться и потому, что они слишкомъ поверхностно касаются серьезнаго, глубокаго взгляда Пушкина на основы русско-польскихъ недоразумѣній и игнорируютъ, какъ это особенно рѣзко замѣтно у Пыпина, смыслъ цѣлаго, строятъ обвиненія шаткія и необоснованныя. Поэтъ былъ прямолинеенъ и рѣзокъ, но онъ говорилъ, хотя бы и рѣзкія слова, обдуманно и убѣжденно.

Въ этомъ отношеніи Пушкинъ оказался болѣе прозорливымъ и основательнымъ въ оцѣнкѣ событій, чѣмъ официальные круги, которые въ своихъ поверхностныхъ освѣдомительныхъ извѣщеніяхъ въ печати не сумѣли подняться выше пустыхъ фразъ и представляли большое національное движеніе какой-то вспышкой, не имѣвшей сколько-нибудь прочныхъ корней ни въ массѣ народной, ни въ широкихъ кругахъ польскаго общества (См. Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 271). Пушкинъ былъ слишкомъ уменъ и образованъ, чтобы не видѣть глубокихъ историческихъ основъ возстанія, его исключительнаго національнаго значенія, — совершенно вѣрно замѣчаетъ М. Д. Бѣляевъ, авторъ статьи „Польское возстаніе по письмамъ Пушкина къ Е. М. Хитрово“. Справедливо также замѣчаніе, что Пушкинъ призывалъ къ рѣшительной борьбѣ съ возстаніемъ, потому что былъ глубоко убѣжденъ въ вредѣ его для Россіи и, можетъ быть, въ отдаленномъ будущемъ для общеславянскаго дѣла. Но если принять это положеніе, особенно въ части, относящейся къ Славянству, то никакъ

нельзя согласиться съ тѣмъ, что здѣсь мы встрѣчаемся у Пушкина яко бы съ ясно выраженнымъ убѣжденіемъ въ суровой исторической необходимости уничтоженія Польши, какъ самостоятельнаго государства. Такого убѣжденія Пушкинъ никогда не высказывалъ, и стремиться въ интересахъ общеславянскаго дѣла къ уничтоженію самостоятельности одного изъ важнѣйшихъ факторовъ Славянства было бы безуміемъ. Не объ уничтоженіи думалъ Пушкинъ, и не въ буквальномъ смыслѣ слѣдуетъ принимать его выраженіе въ письмѣ къ Е. М. Хитрово: *delenda est Varsovia* (Письма къ Е. М. Хитрово, стр. 89). Эту фразу онъ повторилъ и въ другомъ случаѣ, въ примѣненіи къ русской цензурѣ, какъ привелъ также и латинскій стихъ „*una salus victis nullam sperare salutem*“, и эти цитаты надо разсматривать лишь, какъ крылатая слова, подсказанныя школьными воспоминаніями, какъ результатъ классическаго образованія. Поэтъ имѣетъ въ виду лишь неизбѣжное взятіе Варшавы и окончательное подавленіе возстанія. Эта печальная и суровая необходимость была лишь, какъ увидимъ дальше, предпосылкой для будущаго новаго лада и устроенія взаимоотношеній сосѣдей на иныхъ принципахъ.

Пушкинъ отлично понималъ, — и уроки Погодина для него въ этомъ отношеніи не прошли безслѣдно, — что борьба хотя и ведется подъ знаменемъ „за вашу и нашу свободу“, однако имѣетъ истинною цѣлью реставрацію Польши въ границахъ 1772 года. Это поляки заявляли совершенно открыто. Границы Польши 1772 года для нихъ были неприкосновенны. Въ разговорѣ съ отступавшимъ съ русскими войсками в. кн. Константиномъ Павловичемъ въ Сцишковскомъ мон. у Пулавъ посланный къ нему делегатъ Валицкій (5 дек. н. ст. 1830 г.) неожиданно повторилъ общее желаніе поляковъ, чтобы Россія не позволила Европѣ возсоздать прежнюю Польшу между Вислой и Днѣпромъ, какъ плотину противъ сѣвернаго колосса, а сдѣлала бы это сама: „Если независимое политическое положеніе будетъ намъ дано самой Россіей, тогда мы навсегда останемся друзьями и союзниками родственнаго намъ народа, которому нынче мы должны отказать въ нашихъ симпатіяхъ, не вслѣдствіе національной ненависти, которой въ сущности и нѣтъ, но просто потому, что мы должны сохранить свое устройство и свое благосостояніе“ (Русск. Стар., 1878, январь; J. Pervolf, *Os vĕta*, 1879, стр. 543; ср. К. Военскій, Имп. Николай и Польша въ 1830 г., СПб., 1905, стр. 123). И даже въ тотъ трагическій заключительный моментъ борьбы, когда русскія войска стояли уже подъ Варшавой и готовились брать штурмомъ Вольскія укрѣпленія, поляки не отступили отъ своихъ требованій. Паскевичъ пригласилъ командовавшаго польскими силами ген. Круковецкаго на свиданіе для переговоровъ, — онъ считалъ нужнымъ спросить его объ условіяхъ, на которыхъ поляки согласны прекратить бесполезное кровопролитіе. И что же? Польскій генераль объявилъ, что единственное условіе капитуляціи есть возстановленіе польскаго государства въ границахъ 1772 г., съ Бѣлоруссіей, Литвой и Украиной. Польскій историкъ этой борьбы (Sokołowski A.,

Dzieje powstania listopadowego, str. 277, 279) подтверждает, что отвѣтъ, выработанный на пропозиціи, представленныя Паскевичемъ черезъ ген. Данненберга, пригласившія прекратить дальнѣйшее сопротивление и гарантировавшія полякамъ сохраненіе конституціи, при условіи оставаться подъ скипетромъ Россіи, былъ отрицательнымъ. Отвѣтъ былъ составленъ однимъ изъ неисправимыхъ и неистовыхъ доктринеровъ, депутатовъ сейма въ такомъ тонѣ, какъ-будто польская армія находилась въ побѣдоносномъ шествіи по меньшей мѣрѣ подъ Оршей, и заключался въ томъ, что поляки взялись за оружіе съ цѣлью завоеванія независимости въ границахъ, нѣкогда отдѣлявшихъ ихъ отъ Россіи.

Такая непримиримая точка зрѣнія раздѣлялась, очевидно, большинствомъ поляковъ. Мицкевичъ въ замѣткѣ 1833 г. (O posiedzeniu Towarzystwa ziem Ruskich i o konstytucji powstańców), какъ одну изъ статей неписанной конституціи возставшихъ, повторилъ: „Między powstańcami i Mikołajem niema żadnych układów, paktów, konwencji, armistycji, korespondencji i t. d.“. Не могло быть рѣчи о переговорахъ и соглашеніи съ противникомъ. Мицкевичъ до конца дней своихъ не переставалъ страстно тосковать, что „не пробилъ еще великій часъ, и польскіе орлы у Храбраго границы побѣдной стаею еще не собрались и кровію враговъ еще не напились“ (Перев. А. Н. Сиротинина, Россія и Славяне, стр. 56). У Храбраго границы — это значило: у Кіева, у Днѣпра, у тѣхъ легендарныхъ желѣзныхъ столбовъ, которые по преданію Болеславъ Храбрый забилъ въ дно Днѣпра, какъ пограничные между Польшей и Русью. Впрочемъ, въ очеркахъ польской исторіи (Pierwsze wieki hist. pol.) Мицкевичъ выразился болѣе осторожно: Болеславъ по обычаю вбилъ столбъ при впаденіи Сулы въ Днѣпръ, обозначая скорѣе свои притязанія на Русь, чѣмъ настоящія границы (wedle zwyczaju wbił słupek przy ujściu Suły do Dniepru, oznaczając raczej swoje pretensje do Rusi, niżeli właściwe granice).

Въ лекціяхъ своихъ (II, стр. 221) Мицкевичъ публично свидѣлствовалъ, что тайныя польскія общества имѣли въ виду исключительно эти большія національныя цѣли, и эти именно стремленія разъединили поляковъ съ національно настроенною фракціей декабристовъ. Объ этомъ возстановленіи старыхъ границъ рѣшительно заявлялъ манифестъ обѣихъ палатъ сейма Королевства Польскаго, изданный во исполненіе постановленія отъ 20 декабря 1830 г. и въ числѣ различныхъ прегрѣшеній русскаго правительства, вызвавшихъ возстаніе, отмѣчавшій, что провинціи, ранѣе (т. е. по раздѣламъ) присоединенныя къ Россіи, не только не были возвращены Польшѣ, не только населеніе ихъ (въ воззваніи говорилось вообще „bracia nasi“, очевидно, имѣя въ виду не исключительно поляковъ) не получило національныхъ учрежденій, гарантированныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ, но даже національныя воспоминанія, пробудившіяся въ немъ обѣщаніями, поощреніями и потомъ ожиданіями, считались государственнымъ преступленіемъ, а король польскій въ бывшихъ провинціяхъ Польши преслѣдовалъ поляковъ, которые дерзали называть себя поляками.

То, чего такъ не желалъ въ интересахъ русскаго народа Н. И. Тургеневъ, весьма расположенный къ полякамъ и радостно встрѣтившій ихъ конституцію, послѣ рѣчи Александра I въ сеймѣ 1818 г. высказавшій однако опасеніе, что свобода можетъ придти въ Россію „черезъ Польшу“, то теперь совершенно откровенно выдвигалось, какъ цѣль, въ воззваніи польскаго сейма (1830). „Нами, — говорили представители возставшаго народа, — отнюдь не руководила національная ненависть къ русскимъ, великой, какъ и мы, вѣтви славянскаго племени. Напротивъ, мы услаждали первыя минуты вновь вырванной у насъ независимости тою мыслью, что соединеніе подъ однимъ скипетромъ, хотя и вредное для насъ, принесетъ сорокамилліонному (русскому) народу возможность быть участникомъ конституціонныхъ свободъ, которыя во всемъ цивилизованномъ мірѣ сдѣлались потребностью одинаково какъ правителей, такъ и управляемыхъ“. Такъ говорилъ сеймъ. Бродзинскій повторилъ это обѣщаніе: „Въ теченіе столѣтій мы были щитомъ цивилизованной Европы, нынче мы понесемъ цивилизацію милліонамъ братьевъ одного племени.“ (Byliśmy przez wieki tarczą ucywilizowanej Ewropy, dziś poniesiem cywilizacyą milionom braci jednego szczepu.)

Но, вопреки заявленію сейма о братствѣ русскихъ и поляковъ, поэтъ революціи и воинъ ея (Rajnold Suchodolski) въ стихотвореніи „Полонезъ Костюшки“ гнѣвно протестовалъ противъ этого братанія съ москалями, угрожая выпалить въ лобъ тому, кто это осмѣлился сказать, что москали — братья лехитовъ :

„Kto powiedział, że Moskale
Są to bracia nas, Lechitów,
Temu pierwszy w łeb wypalę
Pod kościołem Karmelitów“...

Приближеніе роковой развязки естественно должно было радовать Пушкина, не какъ триумфъ оружія и побѣда надъ противникомъ, а какъ прекращеніе бесплоднаго кровопролитія, отдалявшаго возможность братскаго согласія. Окончанія войны жаждали всѣ теченія русскаго общества. Пушкина постоянно тревожило при этомъ опасеніе, какъ бы изъ „домашняго спора“ не возникла война европейская, которая къ испытаніямъ этого года (холера, бунты военныхъ поселеній) присоединила бы еще новыя бѣдствія. „Съ часу на часъ, — писалъ онъ въ іюль 1831 г. Нащокину, — ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется безъ европейской войны. Дай-то Богъ!“ (Переписка, II, стр. 285). Вслѣдъ за тѣмъ онъ дѣлится своими тревожными думами о вмѣшательствѣ Европы съ Вяземскимъ. Онъ пишетъ ему 3 августа изъ Царскаго Села, передавая, вѣроятно, общія политическія соображенія: „Кажется, дѣло польское кончается; я все еще боюсь: генеральная баталія, какъ говорилъ Петръ I, дѣло зѣло опасное. А если мы и осадимъ Варшаву, то Европа будетъ имѣть время вмѣшаться не въ свое дѣло. Впрочемъ, Франція одна не сунется, Англіи не для чего съ нами ссориться, такъ авось-ли выкараб-

каемся“. Но вскорѣ, подѣ впечатлѣніемъ новыхъ вѣстей изъ Польши, онъ совершенно успокаивается и 14 августа тому же Вяземскому, съ очевиднымъ въ самомъ стилѣ волненіемъ, сообщаетъ: „Наши дѣла польскія идутъ, слава Богу: Варшава окружена, Крженецкій смѣненъ нетерпѣливыми патріотами. Дембинскій, невзначай явившійся въ Варшаву изъ Литвы, избранъ въ главнокомандующіе. Крженецкаго обвиняли мятежники въ бездѣйствіи. Слѣдственно они хотятъ сраженія; слѣдственно они будутъ разбиты, слѣдственно интервенція Франціи опоздаетъ“... (Переписка, II, стр. 29, 301).

Пушкинъ въ концѣ концовъ убѣдился, что для всѣхъ правительствъ все-таки выгоднѣе въ такихъ случаяхъ „держаться правила non-intervention, т. е. избѣгать въ чужомъ пиру похмѣлья“; смущали его только страсти народныя; ему чудилось издалека, что „народы такъ и рвутся, такъ и лаятъ, — того и гляди навяжется на насъ Европа“. И онъ считалъ счастьемъ, „что мы прошлаго году (1830) не вмѣшались въ послѣднюю французскую передрагу. А то былъ бы долгъ платежомъ красенъ“. Здѣсь онъ, очевидно, касается тѣхъ же слуховъ о русской интервенціи во Франціи, которые отразились и въ извѣстномъ манифестѣ польскаго сейма (Manifest obu izb sejmowych Król. Polskiego): какъ одну изъ причинъ возстанія онъ отмѣчалъ приказъ о приведеніи польскихъ войскъ на военное положеніе и говорилъ объ отправкѣ ихъ въ походъ и замѣнѣ ихъ русскими частями (Przy rozkaz towarzyszących się wieściach o wojnie przeciw swobodom ludów rozpocząć się mającej, nadeszły rozkazy postawienia na stopie wojennej wojsk Polskich, przeznaczonych do wymarszu: a natomiast Rosyjskie wojska kraj nasz zalać miały).

Въ замѣтки: „Отклики на событія 1831 года“ (Сочиненія, подѣ ред. Венгерова, V, стр. 432), Пушкинъ также заноситъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ходѣ польскихъ дѣлъ: „Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ раненъ въ бокъ... Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Скржинецкій скрывается. Лелевель при Ромарино“. Далѣе Пушкинъ записываетъ „Мнѣніе Жомини о польской кампаніи“, останавливается на ошибкахъ Дибича и причинахъ успѣха Паскевича, ошибкахъ Скржинецкаго и пр.

Вмѣшательства Европы онъ какъ-будто опасается и послѣ паденія Варшавы; онъ все еще беспокоенъ, что скажетъ по этому поводу Европа, и откровенно говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ П. А. Осиповой (17 сент. 1831 г.): „Je ne vous parle pas de la prise de Varsovie. Vous jugez avec quel enthousiasme nous l'avons apprise, après 9 mois de désastre. Que dira l'Europe? Voila la question, qui nous occupe“ (Переписка, II, стр. 322).

Однако опасенія его были напрасны: Европа не вмѣшалась активно въ споръ двухъ братскихъ народовъ. Напротивъ, на Западѣ наступило какое-то затишье и невольное успокоеніе. Когда вѣсть о взятіи Варшавы достигла Рима, Шевыревъ, въ это время жившій въ вѣчномъ городѣ, выразилъ свою патріотическую радость въ письмѣ къ

Веневитинову въ Петербургъ: „Какую радостью закипѣла душа при извѣстїи о взятїи Варшавы! Это даетъ какую-то увѣренность въ нашей мощи непобѣдимой и вселяетъ въ Европу уваженіе къ нашей волѣ“. Побѣда русская радовала его потому, что съ этого времени „крикуны“ перестали кричать въ журналахъ и говорить о небывалыхъ побѣдахъ. „Какая-то гора теперь отлегла, и наше будущее яснѣе“ (Барсуковъ, ор. с., III, 332).

Негодованіе Пушкина на тѣхъ русскихъ, которые, выражая свои симпатїи только-что пронесшейся іюльской бурѣ во Франціи, открыто связывали съ польской революціей надежды на русское пораженіе и на неизбѣжный переворотъ и сочувствовали поэтому возстанію Польши, едва ли въ самомъ дѣлѣ можно осуждать.

Герценъ въ воспоминанїяхъ своихъ (Былое и Думы, I, 158) откровенно повѣствуетъ, какъ въ кругу того радикальнаго русскаго общества, въ коемъ онъ, тогда едва девятнадцатилѣтній юноша, вращался, слѣдили „шагъ за шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ событіемъ, за смѣлыми вопросами и рѣзкими отвѣтами, за генер. Лафайетомъ и за генер. Ламаркомъ“; какъ эти революціонно настроенные круги наши не только подробно знали, но горячо любили всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей, разумѣется, радикальныхъ, и хранили у себя ихъ портреты. „Среди этого разгара, — вспоминаетъ Герценъ, — вдругъ какъ бомба, разорвавшаяся возлѣ, оглушила насъ вѣсть о варшавскомъ возстанїи. Это ужъ недалеко, это дома, и мы смотрѣли другъ на друга со слезами на глазахъ, повторяя любимое: Nein! es sind keine leere Träume! Мы радовались каждому пораженію Дибича, не вѣрили неуспѣхамъ поляковъ, и я тотчасъ прибавилъ въ свой иконостасъ портретъ Еаддея Костюшки.“

Какимъ великолѣпнымъ къ этому признанію комментариемъ Пушкина является черновой набросокъ стихотворенїя: „Ты просвѣщенїемъ свой разумъ освѣтилъ“... , обличающаго неизвѣстнаго современника, возлюбившаго чуждые народы и возненавидѣвшаго свой родной, пившаго здоровье Лелевеля, славившаго его имя въ то время, когда русская кровь проливалась въ Польшѣ, и радостно потиравшаго руки при неудачахъ Дибича! Граждански возмутительное пораженчество, преступный дефетизмъ былъ для поэта знаменїемъ грознаго моральнаго развала русскаго общества, упадка его національной совѣсти, и можно было всецѣло стоять за свободу Польши, какъ стоялъ, напримѣръ, и Погодинъ и др. современники, но недопустимо было для русскаго гражданина злорадствовать надъ неудачами русской арміи. Такія явленїя волновали и глубоко огорчали патріотическое чувство поэта, и онъ безбоязненно высказалъ свои мысли и чувства.

Вспомнимъ, какъ спустя почти три четверти столѣтїя другой великій художникъ и мыслитель Л. Н. Толстой встрѣтилъ вѣсть о паденїи Портъ-Артура. Онъ осудилъ сдачу и предпочелъ бы видѣть крѣпость взорванною, чѣмъ сданною непрїятелю. Въ своемъ дневникѣ 31 декабря 1904 г. онъ записалъ: „Сдача Портъ-Артура огорчила меня. Мнѣ

больно. Это патриотизмъ. Я воспитанъ въ немъ, несвободенъ отъ него такъ же, какъ не свободенъ отъ эгоизма личнаго, отъ эгоизма семейнаго, даже аристократическаго патриотизма. Всѣ эти эгоизмы живутъ во мнѣ "... Этимъ эгоизмомъ патриотизма, безъ всякой ненависти къ врагу, проникнуты и кавказскіе „Набѣги“, и „Севастопольскіе рассказы“, и страницы „Войны и мира“.

* *

Пушкина глубоко возмущала грубо недоброжелательное, вѣрнѣе — какое-то безотчетно враждебное отношеніе Западной Европы къ Россіи. Онъ подчеркнул эту враждебность Европы въ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ въ стихъ: „И ненавидите вы насъ“. Не останавливаясь на разсмотрѣніи или выясненіи историческихъ причинъ этого явленія, онъ однако очень тонко опредѣлилъ одну изъ нихъ, созданную самими же русскими, подмѣтивъ съ удивительною пронизательностью ту печальную страсть къ самоуничуженію или, грубѣе выражаясь, самооплеванію, которая въ русской литературѣ нашла столь широкое отображеніе.

Въ письмѣ къ Вяземскому (въ маѣ 1826 г.), рассказывая о пріѣздѣ въ Петербургъ ничѣмъ неизвѣстнаго француза, нѣкоего Ancelot (автора книги Six mois en Russie, Paris, 1827) и о чествованіи его объѣдомъ въ кружкѣ тридцати „словесниковъ“, Пушкинъ съ чувствомъ омерзенія говоритъ объ отсутствіи достоинства въ русскомъ обществѣ по отношенію къ иностранцамъ, намекая на опредѣленные, конкретные факты, возмущавшіе его. „Мы въ сношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда, — при англичанахъ дурачимъ Василья Львовича (дядя Пушкина); передъ M-me de Stäel заставляемъ Милорадовича отличатся въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку (датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко“. И съ изумительною правдою искренняго негодованія поэтъ протестовалъ противъ права такихъ заѣзжихъ иностранцевъ оскорбительно судить о Россіи: „Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство“. Такъ же мѣтко и гнѣвно осмѣялъ и Герценъ эту отвратительную черту русскаго общества, въ недостойномъ поклоненіи всему западному доходившаго до полнаго униженія всего своего предъ лицомъ иностранцевъ, прежде всего французовъ. „Нужно было видѣть, — вспоминалъ онъ, — почтеніе, благоговѣніе, низкопоклонство, изумленіе молодыхъ русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ... На другой же день неприступные бояре, наглецы, грубияны совершали свое поклоненіе волхвовъ, ухаживали за всѣми знаменитостями, — все равно, какого рода и какого пола, начиная отъ Дезирабоды, зубнаго врача, до Ма-па, пророка. Самые ничтожные лаццарони литературной Къяйя, всякій фельетонный ветошникъ, всякій

журнальный кропатель внушалъ имъ уваженіе, и они спѣшили предложить ему даже въ десять часовъ утра Редерера или вдовы Клико и были счастливы, если онъ принималъ предложеніе. Бѣдняги, они были жалки въ своей маніи удивленія. Дома имъ было нечего уважать, кромѣ грубой силы и ея внѣшнихъ знаковъ, чиновъ и орденовъ. Поэтому молодой русскій, какъ только переходилъ границу, былъ поражаемъ острымъ идолопоклонствомъ.“ (Н. Страховъ, Борьба съ Западомъ, I, изд. 2-ое, стр. 60—61.)

Ненависть къ Россіи на Западѣ была явленіемъ давнимъ; она систематически прививалась общественной совѣсти Запада многочисленными псевдо-историческими трактатами и имѣетъ свою весьма для насъ поучительную исторію (см. В. И. Ламанскаго, Объ исторіи изученія слав. міра, СПб., 1872). Это отношеніе къ Славянству германскаго Запада съ негодованіемъ отмѣчалъ Шафарикъ, а Колларъ, перечисливъ культурныя заслуги славянъ, указалъ на неблагодарность Европы, наградившей ихъ „вънкомъ клеветы и презрѣнія“. Русскіе историки и политическіе мыслители также давно подмѣтили и установили этотъ фактъ. Хомяковъ въ статьѣ „Мнѣніе иностранцевъ о Россіи“ (Сочиненія, I, стр. 4) съ изумленіемъ указалъ не него: „Странно, что Россія одна имѣетъ какъ будто привилегію пробуждать худшія чувства европейскаго сердца...“ Чаадаевъ послѣ революціонныхъ движеній 1848 и 1849 г. (усмиренія Венгріи) въ письмѣ къ Хомякову объяснялъ это враждебное къ намъ отношеніе Европы тѣмъ, что она „намъ завидуетъ“, и полагалъ, что, если бы она знала насъ лучше, если бы видѣла, какъ счастливы мы дома, — она еще болѣе бы намъ завидовала. Съ этимъ зломъ необходимо было бороться, надо было парализовать его вредныя для насъ послѣдствія.

Укоряя Европу за то, что она не понимаетъ значенія Россіи, не имѣетъ цѣнить ее, Погодинъ (1832 г.) возмущался западно-европейскими невѣждами, „крикунами и болтунами въ парламентахъ и палатахъ“, страшавшими дѣтей Россіею, какъ пугаломъ. Уже тогда онъ попрекнулъ русское общество, что оно не даетъ отвѣта на ихъ дикіе вопли, и далъ ему хорошій совѣтъ: „Пора сражаться намъ съ Европой не на одихъ штыкахъ, а на словахъ“. И. С. Аксаковъ въ одной изъ статей въ „Днѣ“ (1861, № 1) обращалъ вниманіе на важность этой борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, „державой могущественной и наиболѣе намъ враждебной“. Онъ также находилъ, что для отраженія этого врага Россіи недостаточно одной военной силы, — „тутъ необходимы въ особенности крѣпкія убѣжденія, свободно горящій и свободно творящій духъ жизни, щитъ нравственной идеи, орудія духовныя — мысль, слово, печать“. Онъ осуждалъ русскую робость предъ общественнымъ мнѣніемъ Запада, упрекалъ русскихъ людей, что мы, какъ грѣха, стыдимся „подозрѣнія въ патріотизмѣ“, что съ жадностью ловимъ всякую улыбку снисходительнаго благоволенія, всякій сколько-нибудь милостивый отзывъ западнаго писака и съ восторгомъ перепечатаваемъ данные ими аттестаты у себя въ газетахъ.

„Что выиграли мы отъ этого обильно расточеннаго и расточаемаго низкоклонничества, этого добровольнаго рабства, этого колоссальнаго душевнаго холопства?“ съ горечью спрашивалъ Аксаковъ.

Погодинъ, постоянно слѣдившій за европейскою печатью и знавшій хорошо ея настроенія, возмущался ея злобною лживостью по отношенію къ Россіи. Въ началѣ Восточной войны въ 1854 г., когда европейскія газеты особенно рѣзко стали нападать на Россію, онъ писалъ гр. А. Д. Блудовой (Историко-политическія письма, стр. 73) объ оскорбительныхъ выходкахъ ихъ и о той, выводившей его изъ терпѣнія особой „западной логикѣ“, которая допускалась въ отзывахъ о Россіи и Славянствѣ. Разбираясь въ теченіяхъ западно-европейской мысли, Погодинъ заключалъ, что есть двѣ Европы: Европа газетъ и журналовъ и Европа настоящая. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже не похожи одна на другую. Въ настоящей Европѣ большинство думаетъ о своихъ дѣлахъ, о процентахъ и объ акціяхъ, о нуждахъ и удовольствіяхъ, не заботится ни о войнѣ, ни о мирѣ, ни о Турціи, развѣ въ отношеніи къ своимъ непосредственнымъ выгодамъ. Что же касается европейской публицистики, то Погодинъ выдаетъ ей весьма нелестную аттестацію и объясняетъ, что она ненавидитъ Россію потому, что не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія, руководствуясь въ своихъ сужденіяхъ сочиненіемъ какого-нибудь Кюстина и двухъ-трехъ нашихъ выходцевъ, которые знаютъ свое отечество еще хуже его. Они осуждаютъ въ Россіи все: „Церковь, во имя которой мы обнажили теперь мечъ, называется ересью, всѣ учрежденія считаются дикими, личность — беззащитною, литература — безгласною и вся исторія — вчерашнею. На мѣстѣ закона они видятъ произволь“.

Какъ и Аксаковъ, Погодинъ понималъ, что съ этимъ зломъ надо бороться самому русскому обществу, что не слѣдуетъ пренебрегать „общимъ мнѣніемъ“, ибо наше молчаніе, глубокое, могильное, лишь утверждаетъ европейцевъ въ ихъ нелѣпыхъ сужденіяхъ: „Они не могутъ понять, чтобы можно было такія капитальныя обвиненія оставлять безъ возраженія, и потому считаютъ ихъ положительными и истинными“.

Шевыревъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ (15 іюля 1859 г.) къ Погодину тоже коснулся этой вражды Европы къ Россіи и опять подтвердилъ давно отмѣченный фактъ: „Когда Наполеонъ (III), по чувству мщенія, довольно низкому, шелъ на Россію за Турцію, Европа ему рукоплескала и сочувствовала“... На презрительное, насмѣшливое и враждебное отношеніе Европы къ русскимъ обратилъ вниманіе и Достоевскій, впрочемъ, не задумывавшійся глубже надъ этимъ печальнымъ давнимъ явленіемъ и пытавшійся объяснить его лишь поведеніемъ самихъ россянъ, странствующихъ по Европѣ. Въ этомъ объясненіи была доля правды, но оно не исчерпывало сложной темы.

Пушкинъ понималъ, что бороться съ этимъ зломъ можно только тѣмъ же оружіемъ, какимъ оно распространялось, и въ своемъ благородномъ стремленіи служить родинѣ онъ обращается во второй поло-

винъ іюля 1831 г. къ гр. Бенкендорфу съ прошеніемъ о разрѣшеніи издавать Политическій и Литературный журналъ. Въ черновомъ наброскѣ прошенія онъ говорилъ: „Нынѣ, когда (общее) справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противу польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покаместъ на Россію не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою — конституціонныя правительства хотятъ міра, а молодыя поколѣнія, волнуемая журналами, требуютъ войны... Пускай позволяютъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ“.

Въ чистовомъ текстѣ Пушкинъ былъ сдержаннѣе: онъ говорилъ о желаніи соединить вокругъ своего журнала „писателей съ дарованіями“ и такимъ образомъ приблизить къ правительству „людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію“. Въ журналѣ печатались бы „политическія и заграничныя новости“; строки спеціально о полякахъ и западно-европейской клеветѣ на Россію онъ здѣсь исключаетъ.

Такимъ образомъ, его занимаетъ мысль создать органъ русскаго національнаго общественнаго мнѣнія, онъ ждетъ отъ правительства довѣрія къ писателю и желаетъ, чтобы и писатель въ то же время не пребывалъ въ отчужденіи отъ правительства, не дичился его, не видѣлъ въ немъ врага. Для общественнаго служенія на поприщѣ журнальномъ Пушкинъ стремится создать атмосферу взаимнаго довѣрія, и въ такихъ условіяхъ работа печати могла бы оказать услуги не меньшія, чѣмъ дипломатическія ноты. Однако, планъ созданія журнала русскаго общественнаго мнѣнія поэту не удалось осуществить. Съ вопросами русской исторіи, спеціально съ нѣкоторыми сторонами русско-польскихъ и славянскихъ отношеній и недоразумѣній знакомилъ русское общество Погодинъ.

III.

Онъ (род. въ 1800 г.) былъ лишь годомъ моложе Пушкина, и ихъ можно считать ровесниками. Обоихъ связывала близкая дружба со времени ихъ знакомства въ 1826 году. Историческіе труды Погодина имѣли несомнѣнно большое вліяніе на взгляды Пушкина по нѣкоторымъ вопросамъ, занимавшимъ его въ годы сближенія съ московскимъ ученымъ. Погодинъ постоянно интересуется другомъ-поэтомъ и слѣдитъ за его трудами. Пушкинъ читаетъ ему свои народныя пѣсни, записанныя въ Болдинѣ, ведетъ съ нимъ „презанимательные разговоры“ о русской исторіи, о Наполеонѣ, объ Александрѣ I; Погодинъ въ свою очередь читаетъ ему свою „Марю“ и выслушиваетъ его похвалы и замѣчанія. Въ дневникѣ Погодина за 1829, 1830 и 1831 годы находимъ много замѣчаній, относящихся къ Пушкину и трагическимъ событіямъ въ Польшѣ (см. Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина,

III, стр. 226; М. А. Цявловскій, Пушкинъ по документамъ Погодинскаго архива. Пушкинъ и его современники, XXIII—XXIV, стр. 112—113).

Когда первая вѣсть о ноябрьскомъ возстаніи 1830 г. въ Варшавѣ достигла Москвы, Погодинъ писалъ: „Съ тоскою думаль о Европѣ, прочя о Варшавѣ. Какъ ненадежно зданіе Австріи и Пруссіи, а Польша начинается за Смоленскомъ. Страшно. Какъ дорого родъ человѣческой покупаетъ всѣ опыты. Сколько крови еще прольется. Англія и Франція рады будутъ случаю ослаблять Россію“. Это недовѣріе къ западнымъ державамъ, которыя встрѣчали злорадствомъ внутреннія затрудненія Россіи, сообщилось и Пушкину. Въ это время у Погодина явилась мысль „написать о правахъ Россіи на Литву и послать къ Бенкендорфу“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, III, стр. 271—272).

Познакомившись съ какими-то переводными статьями „Сѣверной Пчелы“, касавшимися, очевидно, польскаго вопроса и написанными въ защиту „нашего дѣла“, Погодинъ рѣшилъ, „какъ русскій, въ общемъ дѣлѣ подать и свой голосъ“, подкрѣпленный исторіей. „И въ самомъ дѣлѣ, — волновался онъ, — доколѣ иностранцы будутъ надумливать насъ, какъ намъ защищать права, добытыя нашею кровью?“ Онъ подходилъ къ острому вопросу безъ предвзятой мысли, какъ безпристрастный ученый, съ честнымъ намѣреніемъ выяснитъ истину. „Да прильпнетъ языкъ къ моей гортани, — писалъ онъ, — если я подумаю когда-либо святое имя науки умысленно представлять въ ложномъ свѣтѣ для частныхъ видовъ, хотя бы это было въ пользу моего Отечества.“ Въ декабрѣ 1830 года Погодинъ записываетъ въ своихъ замѣткахъ: „Къ Пушкину... Говорили о Димитріи, потомъ о Франціи, Польшѣ, литературѣ“. Въ апрѣлѣ 1831 г. задуманная статья о польскихъ дѣлахъ была готова. Въ дневникъ свой Погодинъ заноситъ: „Цензурныя поправки статьи о польской исторіи. Пушкинъ отъ нея въ восторгѣ. „Никто нынѣ, — сказалъ онъ, — не тревожитъ души моей, кромѣ васъ“. Статья Погодина напечатана была въ Телескопѣ (1831, № 7, стр. 295—311), подъ заглавіемъ: „Историческія размышленія объ отношеніи Польши къ Россіи“, и появилась „по поводу разныхъ статей о томъ же предметѣ, помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ“ (впослѣдствіи она вошла въ сборникъ статей „Польскій вопросъ“. 1831—1867. М., 1867, стр. 1—10).

Размышленія Погодина произвели въ обществѣ сильное впечатлѣніе. „Я читаль“, писалъ ему одинъ изъ друзей (Любимовъ) изъ Петербурга, „статья вашу о Польшѣ. Она чудесна! Въ ученомъ отношеніи, конечно, я не судья, но какъ русскій не могу не чувствовать ея достоинства. Съ начала до конца преисполнена она самаго чистѣйшаго и священнѣйшаго чувства, которое невольно расшевеливаетъ душу всякаго читающаго. Видно, что неподкупная рука водила перомъ. И какъ она кстати!“... Статью, внимательно читаль Государь и остался ею доволенъ. „Все, чтѣ доселѣ писалось въ этомъ родѣ, какъ будто писалось наемниками, кромѣ того, что не имѣло ученаго достоинства и не основывалось ни на какихъ доводахъ“.

Эти разсужденія, прочитанныя авторомъ Пушкину, очевидно должны были повліять на поэта и открыть ему истинный смыслъ русско-польскаго соперничества, русскую точку зрѣнія на старыи семейный споръ, который принялъ теперь столь острую форму.

Погодинъ прежде всего коснулся здѣсь давняго и неизлѣчимаго недуга Западной Европы: ужасающаго невѣжества ея во всемъ, что касается Славянства и упорнаго традиціоннаго предубѣжденія въ отношеніи къ Россіи. Западные писатели, — говорилъ онъ, — не имѣютъ надлежащаго понятія о славянскихъ народахъ; даже крупные ученые въ своихъ историческихъ трудахъ уклоняются отъ славянской исторіи общими мѣстами или даже проходятъ ее молчаніемъ; таковъ, на пр., Гизо, въ своихъ лекціяхъ пропустившій имя Славянъ. Этимъ незнаніемъ и игнорированіемъ Славянства Погодинъ объясняетъ, почему „въ краснорѣчивыхъ выходкахъ палатскихъ членовъ во Франціи и Англіи слышатся иногда такія кривыя толкованія, такія грубыя ошибки обо всемъ, касающемся, на примѣръ, до насъ, что поневолѣ краснѣешь за непростительное невѣжество ученыхъ ораторовъ“.

Съ этимъ зломъ русскому національному самолюбію приходилось считаться, но трудно было парализовать его. „Однако, — говоритъ Погодинъ, — всего больнѣе бываетъ русскому сердцу, когда сіи защитники перенесятся къ намъ, приводятъ въ затрудненіе самихъ защитниковъ нашихъ, находятъ неискусныхъ поборниковъ или легкомысленныхъ послѣдователей“. Погодинъ намекалъ, очевидно, и на отдѣльныхъ, знакомыхъ ему легкомысленныхъ представителей русской либеральной или либеральничавшей интеллигенціи и на настроенія извѣстныхъ круговъ московскаго общества. Имѣя въ виду прежде всего „иностранныхъ ораторовъ“, противниковъ Россіи въ польскомъ вопросѣ, Погодинъ поучалъ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ невѣжественныхъ соотечественниковъ, защитниковъ польскихъ притязаній: „И въ 1772, и въ 1793, и въ 1795 г. Россія не сдѣлала никакихъ похищеній, какъ обвиняютъ наши враги, не сдѣлала никакихъ завоеваній, какъ говорятъ наши союзники, а только возвратила себѣ тѣ страны, которыя принадлежали ей искони по праву перваго занятія, наравнѣ съ коренными ея владѣніями, по такому праву, по какому Франція владѣетъ Парижемъ, а Австрія Вѣною“. Что касается соединенія чисто-польскихъ земель Царства Польскаго (въ 1815 г.) съ Россіей, то русская династія на польскомъ престолѣ была для него явленіемъ ничуть не „страннымъ“: вѣдь сидѣли же на польскомъ престолѣ и литовскіе и семиградскіе князья, и французскіе и шведскіе принцы, и саксонскіе курфюрсты; тѣмъ болѣе, что подъ русскимъ скипетромъ, въ періодъ шестнадцати лѣтъ, поляки стали едва-ли не счастливѣе своихъ предковъ, въ эпоху ихъ величія и славы. Ту же мысль Погодинъ повторилъ и въ рецензіи на русскій переводъ „Исторіи Государства Польскаго“ Г. С. Бандтке, напечатанной въ томъ же „Телескопѣ“ за 1831 г.: „Великодушному посредничеству императора россійскаго Александра Польша одолжена возвращеніемъ къ политической жизни и такимъ

благоденствіемъ, котораго давно она не имѣла при самыхъ знаменитыхъ своихъ государяхъ, по собственному признанію многихъ благо-разумныхъ гражданъ“. Россія завела въ Польшѣ училища, обучила войска, устроила финансы, установила суды, возбудила промышленность, облегчила судьбу поселянъ (Ср. Польскій вопросъ, стр.11—28).

Въ оцѣнкѣ безспорныхъ заслугъ Александра I по отношенію къ Польшѣ Погодинъ не былъ одинокимъ. Подобные взгляды высказывались неоднократно до него и послѣ него. Въ нихъ совпадали и русскіе, и поляки, съ ними раздѣляли это признаніе и другіе славяне.

Декабристъ М. С. Лунинъ объ отношеніи Александра I къ Польшѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ писалъ въ своей запискѣ (Взглядъ на дѣла Польши): „Польша получила благодѣяніе государственнаго устройства, о которомъ она даже и не мечтала въ 1813 г., когда депутація отъ воеводства явилась на Рейнъ умолять императора Александра управлять поляками такъ, какъ онъ того пожелаетъ, только бы они не подпали подъ иго нѣмцевъ, такъ какъ польскій народъ имѣетъ происхожденіе общее съ русскимъ“. Въ польскихъ журналахъ послѣ 1815 г. восторженныхъ отзывовъ объ Александрѣ I разсѣяно очень много, они раздавались не только изъ устъ поэтовъ, но и государственныхъ мужей. Многое въ переводѣ отмѣчалось и въ русскихъ журналахъ, какъ от-радный голосъ желаннаго примиренія и будущаго соединенія.

Поэтъ-романтикъ Казимиръ Бродзинскій такъ опредѣлялъ заслуги Александра I для польскаго просвѣщенія въ пору медоваго мѣсяца новыхъ русско-польскихъ отношеній (K. Brodziński, Nieznane poezje, Kraków, 1910):

„Pod tarczą Aleksandra miejmy sen spokojny...
W monarsze każdy ojca dobrego posiada,
On daje wolność druku, wszechnice zakłada,
Dobre syny, dajmy się życiu ukołysać;
Wolno pod jego tarczą i działać i pisać“.

Это признаніе отражается и въ одахъ Каэтана Козьмяна и Евсевія Словацкаго, въ знаменитомъ „Гимнѣ“ Алоизія Фелинскаго, въ проповѣдяхъ еп. Воронича и многихъ иныхъ произведеніяхъ тогдашней польской литературы. Пусть въ этихъ хвалебныхъ гимнахъ, одахъ и торжественныхъ славословіяхъ кое-что надо отбросить, какъ неизбѣжную дань требованіямъ риторики, однако основныя мысли ихъ были вѣрны, согласны и создавались дѣйствительностью и реальнымъ пониманіемъ интересовъ эпохи.

Популярная въ Славянствѣ личность Александра I и особенно его отношеніе къ Польшѣ вызывали повсюду отзывы сочувственные. Въ чешской литературѣ встрѣтимъ единодушное признаніе заслугъ Александра I. Шафарикъ въ своей Исторіи славянскихъ литературъ (Geschichte der Slaw. Sprache und Literatur, 1826, S. 402) причисляетъ его къ величайшимъ благожелателямъ Польши за дарованную ей свободную конституцію. Чешскій историкъ Палацкій, въ молодые годы инте-

ресовавшийся русской исторіей, въ дневникѣ своемъ (Fg. Palackého Korespondence a zápisky, str. 51 и сл.) восхищается Александромъ I, государемъ вообще весьма популярнымъ въ Чехіи, восхваляетъ его благородство въ отношеніи къ полякамъ и называетъ дарованныя имъ Польшѣ либеральныя установленія дѣяніемъ, неслыханнымъ въ лѣтописяхъ міра. Колларъ въ поэмѣ „Дочь Славы“ (IV, сон. 40) помѣстилъ Александра I въ славянскомъ небѣ не только за то, что онъ сокрушилъ козни Наполеона, но и за то, что „воскресилъ несчастныхъ поляковъ“ (zkřísil oplakané Polachy). Александръ для него — жемчужина Славянства (Slávy perla).

Обращаясь къ судьбѣ славянскихъ государствъ, потерявшихъ свою независимость, Погодинъ въ томъ фактѣ, что только одна Россія устояла противъ всѣхъ ударовъ судьбы, мистически усматривалъ провиденціальное предназначеніе ея къ выполненію особой миссіи въ Славянствѣ: „Искушенная собственными долговременными бѣдствіями, какъ будто искупленная смертію однородныхъ государствъ, она возвышаетъ величественную главу свою надъ ихъ могилами и стремится къ зениту своего могущества, воззывая къ новой жизни тѣ, которыя Провидѣніе къ ней присоединило“. „Дѣйствіе Провидѣнія“ проявилось въ соединеніи Польши съ Россіей. Погодину казалось, что руками колосса, воздвигнутаго надъ противоположными океанами, Оно какъ будто хочетъ разсыпая новыя сѣмена жизни, неизвѣстной въ ветшающихъ государствахъ европейскихъ... „Россія и Польша соединились между собою, кажется, по естественному порядку вещей, по закону высокой необходимости для собственнаго и общаго блага“.

Заслуга Погодина состояла и въ томъ, что онъ тутъ же наставительно преподавалъ урокъ русскому обществу, издавна мало разбиравшемуся въ темномъ для него вопросѣ о западной границѣ русской народности, напомнивъ, что „Волынь, Подолія, Бѣлороссія издревле принадлежали къ русскимъ владѣніямъ“; что славянскія племена, здѣсь обитавшія, въ самыя первыя времена нашей исторіи вошли въ составъ русскаго государства; что „здѣсь было средоточіе, на этой сценѣ происходила, такъ сказать, наша исторія отъ временъ Владиміра и до монголовъ“; что большую часть населенія губерній минской, моголевской, витебской, волинской составляютъ русскіе; что русскій языкъ былъ въ Литвѣ „до позднѣйшихъ временъ“ языкомъ господствующимъ, гражданскимъ, письменнымъ. „Кто же можетъ сказать, что Россія имѣетъ на Литву меньшее право, чѣмъ Англія на Валлисъ или Франція на Бретань?“

Тѣ основныя мысли, которыя высказалъ здѣсь Погодинъ, были достояніемъ не только національно мыслившихъ историковъ, — ихъ вполне раздѣляли углублявшіеся въ исторію русскаго народа идейные противники ихъ, исходившіе изъ иныхъ принциповъ, но тѣмъ не менѣе оказывавшіеся въ національномъ лагерѣ, когда дѣло касалось цѣлости и достоинства Россіи.

Бакунинъ въ своей „Исповѣди“ (Bakunina zpověd caru Mikuláši I. V Praze, 1926), рассказывая о своемъ знакомствѣ съ Лелевелемъ въ 1844 г.

въ Брюсселѣ, вспоминаетъ, какъ здѣсь, въ бесѣдахъ съ польскимъ историкомъ впервые мысль его обратилась къ Россіи и Польшѣ. „Я былъ уже тогда совершеннымъ демократомъ и поэтою смотрѣлъ на Россію и Польшу демократическими очами, хотя доселѣ неясно и неопредѣленно: національное чувство, которое пробудилъ во мнѣ отъ долгаго сна споръ съ польскимъ народомъ, очутилось въ борьбѣ съ демократическими понятіями и заключеніями. Съ Лелевелемъ я часто видѣлся; онъ много излагалъ мнѣ о польской революціи, о ея цѣляхъ, надеждахъ на будущее, планахъ въ случаѣ побѣды, и не разъ мы спорили, особенно о Малороссіи и Бѣлой Руси, которыя согласно польскимъ взглядамъ должны бы принадлежать Польшѣ. Я же утверждалъ, что именно малорусы должны были бы ненавидѣть Польшу, какъ своего прежняго угнетателя“. И. С. Аксаковъ вспоминаетъ, что когда Герценъ, кажется, въ 1858 г. печаталъ въ „Колоколѣ“ свои письма къ полякамъ и отстаивалъ противъ нихъ Кіевъ и другія русскія области, то поляки такъ были поражены этими письмами, что сочинили о Герценѣ слухъ, будто бы онъ подкупленъ русскимъ правительствомъ и находится въ тайной перепискѣ съ императрицею (И. С. Аксаковъ въ своихъ письмахъ, ч. IV, т. II, стр. 260).

Чрезвычайно интересны воспоминанія извѣстнаго галицко-рускаго ученаго Я. О. Головацкаго, свидѣтельствующія, что не иначе смотрѣли на эти стремленія поляковъ и совершенно юные, но пожалуй болѣе, чѣмъ петербургскіе или московскіе либералы, освѣдомленные въ исторіи своего народа галицко-русскіе гимназисты. Головацкій рассказываетъ, что во время коронаціи имп. Николая I въ Варшавѣ въ 1829 г. поляки были въ восторгѣ, — они говорили: „Царь Николай отниметъ у нѣмцевъ Познань и возстановитъ польское королевство по желѣзные столпы (Болеслава Храбраго въ Днѣпрѣ). Тутъ столкнулись національныя преданія и желанія. Мы вѣрили, что царь отберетъ Познань, но ни за что не хотѣли отдать Польшѣ Волыни, Подолья, Бѣлой и Червоной Руси; мы отстаивали русскія земли, спорили съ ляхами, наконецъ порѣшили: „Не отдадимъ вамъ ни одной пяди русской земли. Поки церкви — все наше!“ (Вспоминки изъ дѣтскихъ лѣтъ. Литер. Сборн. Гал. Русской Матицы, 1885, вып. II—III, стр. 139).

Статья Погодина была прямымъ отвѣтомъ тѣмъ „постороннимъ ораторамъ“, врагамъ Россіи, которые на весь міръ лицемѣрно кричали, что „независимость народовъ священна“, однако вовсе не оглядываясь на Западъ и его грѣхи противъ этой заповѣди. Погодинъ къ нимъ обращалъ свой вопросъ: гдѣ же эти независимые народы? „Чѣмъ состояніе Шотландіи, Ирландіи, Ломбардіи, Этруріи, Венгріи, Богеміи, Моравіи, Греціи, Сербіи, Болгаріи, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи отличается въ этомъ смыслѣ отъ Польши?“ Отвѣтъ могъ получиться для нѣкоторыхъ враговъ Россіи въ сильной мѣрѣ непріятный.

Столь понравившаяся Пушкину мыслями своими и сужденіями, статья эта оказала несомнѣнное вліяніе на него, и взглядъ поэта на Польшу создавался и утверждался ею. Въ ней, какъ и въ родственныхъ

идеях Хомякова и декабристовъ, мы безъ всякой натяжки можемъ усмотрѣть предвѣстіе и начальный источникъ мысли Пушкина о главенствующей роли Россіи въ Славянствѣ, о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, о соединеніи славянскихъ народовъ на началахъ свободы и независимости отдѣльныхъ ручьевъ.

Погодинъ искренно искалъ путей разрѣшенія тяжелой, мучительной славянской, русско-польской проблемы и возвращался къ ней неоднократно въ разное время. Въ многообразныхъ попыткахъ освѣтить основы славянскаго единенія онъ доходилъ до мысли прямо парадоксальной и еретической въ его эпоху съ точки зрѣнія государственной: Россія должна отказаться отъ Польши, если долженъ существовать „Славянской союзъ“. Польша, по его убѣжденію, есть болѣзнь на нашемъ тѣлѣ. Это — одна изъ причинъ или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ предлоговъ европейской ненависти къ Россіи. Отъ такой жертвы, отъ добровольнаго отреченія отъ Польши онъ ожидалъ только добра для Россіи: въ Европѣ въ общественномъ мнѣніи, въ политикѣ произойдетъ „страшная диверсія“ въ нашу пользу. Поэтому онъ желаетъ возстановленія Польши. „Пусть существуетъ Польша!“ говоритъ онъ. „Прекрасный, святой, братскій даръ, достойный добраго и легкаго сердца русскаго, которое не помнитъ зла, — свободу дадимъ мы полякамъ за ихъ къ намъ слѣпую ненависть“... Но, конечно, Погодинъ не думаетъ о возстановленіи Польши въ томъ видѣ, въ какомъ это хотѣлъ сдѣлать, „неизвѣстно на какихъ основаніяхъ“, чрезмѣрно великодушный Александръ I: ни Литва, ни Волынь, ни Подолія и Бѣлоруссія, чистыя, издревле русскія области, не могутъ быть возвращены Польшѣ. Онъ допускаетъ возстановленіе ея лишь въ предѣлахъ польскаго языка: „Гдѣ говорятъ по-польски, тамъ и Польша, точно такъ, какъ тамъ Россія, гдѣ говорятъ по-русски!“ (См. Польскій вопросъ, стр. 36: Письмо о Польшѣ, 1854). Въ болѣе поздней „Запискѣ о Польшѣ“ (1856 г.) Погодинъ „умолялъ“ государя, доказывая ему необходимость возстановленія „несчастной Польши“, чтобы разъ навсегда рѣшить вопросъ объ отношеніяхъ Польши и Россіи „на пользу и славу Россіи“.

Вяземскій (Сочиненія, IX, 156, Старая записная книжка) такъ же, какъ Погодинъ, видѣлъ „одно средство“, какъ въ будущемъ, послѣ возстанія 1831 г. разрѣшить польскій вопросъ: ему казалось, что слѣдуетъ „бросить Царство Польское, какъ даемъ мы отпускную негодяю, котораго ни держать у себя не можемъ, ни поставить въ рекруты. Пускай Польша выбираетъ себѣ родъ жизни. До побѣды намъ нельзя было такъ поступать, но по побѣдѣ очень можно“... Онъ однако опредѣленно говорилъ о Царствѣ Польскомъ, — не больше.

Много лѣтъ спустя, въ дни назрѣвавшего новаго конфликта И. С. Аксаковъ въ письмѣ къ Н. И. Костомарову 30 октября 1861 г. (И. С. Аксаковъ въ своихъ письмахъ, ч. II, т. IV, стр. 261) присоединился безъ оговорокъ къ тому, что мы слышали изъ устъ Погодина и Вяземскаго: „Что касается до Польши, то мое мнѣніе и желаніе было и есть, чтобы правительство вывело всѣ войска и всѣ русскія начальства изъ Царства

Польскаго, предоставивъ полякамъ вѣдаться самимъ собою“... Но дальѣ слѣдовала весьма существенная оговорка: „Впрочемъ, разумѣется, кромѣ Царства Польскаго я бы не далъ имъ ни пяди Русской земли. Для этого надо было бы опредѣлить границы. Мнѣ хотѣлось давно поднять этотъ вопросъ въ литературѣ и совершить, такимъ образомъ, въ литературѣ полюбовное съ поляками размежеваніе“.

Съ большою искренностью и прямою, но и съ тою же твердостью повторилъ въ газетѣ Аксакова (День, 1861, № 2) русскій взглядъ на условія этого полюбовнаго размежеванія знаменитый славистъ В. И. Ламанскій: „Мы душевно любимъ и уважаемъ глубоко народность Польскую, не посягаемъ на Польскую землю, желаемъ ей всего того блага, какого она себѣ сама желаетъ, — но мы, Русскіе, не заслуживали бы отъ самихъ Поляковъ никакого уваженія, если бы мы готовили Россіи участь Польши XVIII вѣка. Мы бы заслужили презрѣніе самихъ Поляковъ, отъ нихъ же дождались бы себѣ страшнаго о нихъ отзыва Фридриха II, если бы отнеслись равнодушно къ идеѣ раздѣла Россіи, если бы сдались на ихъ приманки, признавъ законность дикихъ польскихъ притязаній на Малороссію по Днѣпру съ Кіевомъ“.

Когда въ началѣ міровой войны поднятъ былъ вопросъ о Польшѣ, русское общественное мнѣніе устами кн. Е. Н. Трубецкого (Смыслъ войны, М. 1914) заявило, что возрожденіе Польши будетъ днемъ свѣтлаго воскресенія и для самой Россіи.

Такъ въ русскомъ общественномъ сознаніи не угасала идея взаимнаго примиренія на началахъ полного осужденія и забвенія печальнаго прошлаго и утвержденія согласія на основахъ національно для обоихъ сосѣдей пріемлемыхъ и справедливыхъ.

Это разумное и честное размежеваніе выдвигалось постоянно и ближайшими сосѣдями поляковъ чехами, какъ условіе славянскаго мира. Они откликнулись при новой вспышкѣ объективно и спокойно.

Польское возстаніе 1863 г. привлекло вновь напряженное вниманіе и сочувствіе чешскаго общества. Чешскія газеты стояли на сторонѣ поляковъ, молодежь устремлялась въ ряды возстанцевъ, возставшимъ желали успѣха и огорчались ихъ неудачами. Только такіе великіе и дальновидные политическіе дѣятели, какъ Палацкій и Ригеръ, осуждали и второе возстаніе, которое по ихъ убѣжденію, не могло привести къ желанной цѣли. Палацкій считалъ его прямо славянскимъ несчастьемъ и заявилъ, что только революціонеры по инстинкту и враги Славянства, а затѣмъ люди, лишенные способности самостоятельно мыслить, могутъ радоваться событіямъ на польскомъ театрѣ борьбы. Въ статьѣ „Польскій вопросъ въ наше время“ (1863, въ сб. Radhost, III) онъ осудилъ и возваніе польскаго революціоннаго правительства къ народу, призывъ не слагать оружія, покуда не будетъ восстановлена Польша въ границахъ 1772 года, и безбоязненно усмотрѣлъ въ этомъ актѣ проявленіе польскаго имперіализма, стремленіе возвратитъ Подолье, Волынь и Украину, на которыя поляки не имѣли права. (Srb Ad., Politické dějiny národa českého, str. 64.) Еще разъ вернулся онъ къ этому

вопросу въ „Послѣсловіи“ къ сборнику своихъ статей (Doslov na místě předmluvy k Radhostu, 1872, стр. 50). О „несчастномъ взаимоотношеніи“ Россіи и поляковъ онъ писалъ здѣсь слѣдующее: „Поляки, или точнѣе — польская шляхта, значительно отойдя отъ Славянства (odslovanivše se valně), не желаютъ ни признать міровыхъ событій, виновниками коихъ въ извѣстной степени были ихъ предки, ни рѣшительно примириться съ русскими, развѣ если бы послѣдніе уступили имъ господство въ большой части исконной русской территоріи (въ такъ называемыхъ „забранныхъ областяхъ“) и сами подчинились бы имъ. Избирая, такимъ образомъ, своеобразную альтернативу, что покориться или погибнуть должны или москали или поляки, и не желая ни въ коемъ случаѣ погибнуть, они приняли и ведутъ предложенную имъ борьбу на жизнь и на смерть“. Палацкаго огорчало это взаимоистребленіе двухъ первѣйшихъ славянскихъ племень, и онъ, какъ славянскій историкъ и мыслитель, не могъ не осудить его.

Третій, послѣ Палацкаго и Ригра, выдающійся чешскій дѣятель, участникъ съ ними московскаго Славянскаго съѣзда 1867 г. д-ръ Фр. Браунеръ въ „Отвѣтъ на открытое посланіе чешскаго эмигранта І. В. Фрича“ (Слав. Заря, Вѣна, 1867, стр. 211), возстававшаго въ печати противъ участія чеховъ въ съѣздѣ, столь же рѣшительно осудилъ поляковъ за ихъ „мечтанія о забранномъ краѣ“, гдѣ народа польскаго никогда и не бывало, въ то время, когда они равнодушно смотрятъ на германизацию издревле польскихъ областей по Одрѣ и Вартѣ.

Въ томъ же духѣ высказался о препятствіи къ примиренію поляковъ и русскихъ чешскій ученый І. Первольфъ (Riegův Slovník Naučný 186, VIII, 632): „Главное и даже единственное препятствіе къ примиренію обоихъ народовъ заключается въ томъ, что поляки хотятъ возстановить прежнее Польское государство въ границахъ его до перваго раздѣла 1772 г. или даже до Андрусовскаго мира 1667 г. (Ср. его позднѣйшую статью: Slovanská myšlenka na Rusi, Osvěta, 1879, str. 542, гдѣ онъ пространнѣе повторилъ свой взглядъ.)

Это настойчивое требованіе поляковъ побудило Погодина еще разъ, въ декабрѣ 1870 г., коснуться волновавшаго его вопроса. Въ письмѣ къ Палацкому („Къ исторіографу Богеміи“, въ Собраніи статей, писемъ и рѣчей по поводу слав. вопроса, М. 1878, стр. 83—97) онъ съ огорченіемъ констатировалъ, что поляки все еще не могутъ исцѣлиться отъ своей мономаніи, отъ старыхъ заблужденій. Погодинъ писалъ тогда: „Вотъ въ послѣднихъ газетахъ читается объявленіе эмигрантовъ польскихъ въ Англіи, которые провозглашаютъ требованіе границъ 1772 г., т. е. порабощеніе поляками десяти милліоновъ русскихъ людей въ Бѣлоруссіи, Волыни, Подолии, Литвѣ... Скажите, есть ли смыслъ челоуѣчскій и гражданскій въ этихъ притязаніяхъ?“ Погодинъ все-таки желалъ бы найти и теперь путь къ примиренію, звалъ поляковъ къ сближенію съ Россіей, доказывалъ всю неосновательность ихъ прежнихъ надеждъ на Францію и время первой республики, и первой имперіи, и Людовика Филиппа, и второй республики, и второй имперіи и убѣждалъ

въ который разъ: „Только въ соединеніи съ Россією Польша можетъ возродиться, расцвѣсть и прославиться!“ Погодинъ искалъ помощи въ этомъ дѣлѣ у политически испытанныхъ славянскихъ братьевъ — чеховъ; онъ хотѣлъ бы, чтобы братскій безпристрастный голосъ ихъ „во имя Славянства“ оказалъ на поляковъ благотѣльное дѣйствіе и просиль ихъ: „Попытайтесь, а мы отчаялись! Не будете ли вы счастливѣе?“

IV.

Не слѣдуетъ однако думать, что взгляды Пушкина и на Польшу и на ея извѣчное соперничество и борьбу съ Россіей сложились исключительно подъ вліяніемъ уроковъ Погодина. Пушкинъ отражалъ въ своихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ по поводу польскаго возстанія, въ значительной степени общественное настроеніе своего времени и среды, традиціонно хранившей пережитки старины.

Польское возстаніе и вызванныя имъ стихотворенія Пушкина встрѣтили въ русскихъ общественныхъ кругахъ различное отношеніе: одни рукоплескали Пушкину, другіе осуждали и хулили его выступленіе, считали стихи его „огромнымъ пятномъ въ его поэтической славѣ“. Извѣстно, что къ польскому возстанію нѣкоторая часть русскаго общества отнеслась съ первыхъ дней движенія сочувственно. Когда въ январѣ 1831 г. Пушкинъ писалъ Плетневу по поводу толковъ и критическихъ сужденій о „Борисѣ Годуновѣ“, онъ рядомъ съ презрительнымъ словомъ по адресу французовъ тонко выразилъ этимъ сочувствовавшимъ свое осужденіе: „Жду переводовъ и суда нѣмцевъ, а о французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ варшавскому бунту и скажутъ мнѣ, какъ наши: „Помилуйте-съ!“ (Переписка, II, стр. 211). Раньше другихъ рѣзко осудилъ Пушкина кн. П. А. Вяземскій, и его отзывъ о патріотическихъ стихотвореніяхъ друга, очевидно, былъ предметомъ разговоровъ и споровъ въ кругу людей, обоимъ поэтамъ близкихъ. Вяземскій (Полное собр. сочин., IX, стр. 158) 15 сентября 1831 г. въ записной книжкѣ отмѣтилъ свои наблюденія надъ общественными настроеніями и назвалъ виновниками такихъ выступленій, какія сдѣланы были Пушкинымъ и Жуковскимъ, какъ бы желая найти оправданіе для друзей, тѣ условія русской жизни, ту петербургскую высокую атмосферу, въ которой „невидимыя силы нашептывали мысли, сужденія, вдохновенія, чувства“. Онъ былъ увѣренъ, что, „будь у насъ гласность печати, никогда Жуковскій не подумалъ бы, Пушкинъ не осмѣлился бы воспѣть побѣды Паскевича. Во-первыхъ, потому, что этотъ родъ восторговъ — анахронизмъ... Во-вторыхъ, потому, что курамъ на смѣхъ быть внѣ себя отъ изумленія, видя, что льву удалось, наконецъ, наложить лапу на мышъ“. Вяземскій словно умышленно не замѣчалъ, что въ обоихъ стихотвореніяхъ Пушкина центръ тяжести лежалъ вовсе не въ строкахъ, относившихся къ побѣдѣ надъ поляками. Черезъ недѣлю (22 сентября) Вяземскій опять возвращается къ стихо-

творенію Пушкина и рассматриваетъ его съ точки зрѣнія цѣлесообразности и пользы такихъ выступленій, какъ будто не желая признать за поэтомъ права на свободный порывъ, на вольное изліяніе чувствъ и мыслей и требуя отъ него холоднаго расчета въ оцѣнкѣ совершавшихся событій. Онъ писалъ : „Пушкинъ въ стихахъ своихъ „Клеветникамъ Россіи“ кажетъ имъ шишъ изъ кармана. Онъ знаетъ, что они не прочтутъ стиховъ его, слѣдовательно и отвѣчать не будутъ на вопросы, на которые отвѣчать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что возрождающейся Европѣ любить насъ?... Мнѣ также уже надоѣли эти географическія фанфаронады наши „Отъ Перми до Тавриды“ и пр. Что же тутъ хорошаго, чѣмъ радоваться и чѣмъ хвастаться, что у насъ отъ мысли до мысли пять тысячъ верстъ... „Вы грозны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ“... Неужели Пушкинъ не убѣдился, что намъ съ Европою воевать была бы смерть? Зачѣмъ же говорить нелѣпости и еще противъ совѣсти и болѣе всего безъ пользы“.

По этому поводу у Пушкина были съ Вяземскимъ споры и объясненія въ кругу друзей. А. И. Тургеневъ писалъ объ этомъ по выѣздѣ изъ Россіи (2-го октября изъ Мюнхена) брату Николаю Ивановичу : „Твое заключеніе о Пушкинѣ справедливо : въ немъ точно есть еще варварство, и Вяземскій очень гонялъ его въ Москвѣ за Польшу... Пушкинъ—варваръ въ отношеніи къ Польшѣ. Какъ поэтъ, думая, что безъ патріотизма, какъ онъ его понимаетъ, нельзя быть поэтомъ, и для поэзіи не хотеть выходить изъ своего варварства. Стихи его „Клеветникамъ Россіи“ доказываютъ, какъ онъ сей вопросъ понимаетъ. Я только въ одномъ Вяземскомъ замѣтилъ справедливый взглядъ и на эту поэзію, и на весь этотъ нравственно-политическій міръ (или—безнравственно). Слушалъ споры ихъ, но самъ молчалъ, ибо Пушкинъ началъ обвинять Вяземскаго, оправдывая себя, а я страдалъ за обоихъ, ибо люблю обоихъ“ (Вересаевъ. Пушкинъ въ жизни, III, стр. 57). А. И. Тургеневъ выше выступленіе Жуковскаго и старался въ извѣстной степени оправдать его выступленіе : „Жуковскій — иное дѣло : онъ ошибается исторически и умомъ : душа его точно святая. У насъ была сильная сшибка въ Ганноверѣ наканунѣ разлуки ; но его не должно трогать съ сей стороны : онъ страдаетъ и физически и морально и отъ того, что видитъ и слышитъ, въ его стихахъ о Польшѣ тотъ же смыслъ“.

„Споръ, очевидно, шель по вопросу о патріотизмѣ, которымъ были полны оба стихотворенія Пушкина“, — предполагаетъ В. М. Истринъ (Ж. М. Н. Пр., 1913, мартъ, стр. 22). Вяземскій не былъ настроенъ такъ патріотически, какъ Пушкинъ, онъ былъ еще въ періодѣ либерализма. А. И. Тургеневъ въ этомъ письмѣ къ брату вообще рѣшительно высказывается противъ такихъ воинственныхъ выступленій поэтовъ и называетъ „словами“ такого рода стихи. „Я бы спросилъ его, — съ укоризной говоритъ онъ о Пушкинѣ, — что бы онъ подумалъ о себѣ, если бы энтузіазмъ его къ геройству кровопролитія былъ личнымъ свидѣтелемъ того, что стоитъ намъ и имъ это геройство? Я дѣлаюсь врагомъ поэзіи, когда она не святое дѣло, не челоуѣчество защищаетъ и превозно-

силь...“ И Жуковского, и Пушкина онъ безъ основанія причисляетъ одинаково къ сонму тѣхъ русскихъ, которые „ненавидятъ“ европейское просвѣщеніе. Пушкинъ не постигъ будто бы истиннаго смысла его и, по мнѣнію Александра Ивановича, — просто варваръ.

Николай Ивановичъ 17-го сентября изъ Версаля отвѣчалъ на это мнѣніе брата о Пушкинѣ презрительнымъ и полнымъ самомнѣнія отзывомъ о поэтѣ и его взглядѣ на патріотическій долгъ писателя; не желая распространяться на эту тему, онъ напомнилъ только о поведеніи Байрона: „Byron était certes un poète — et bien il n'était ni dans les principes ni dans son habitude de se vautrer dans la boue“. Къ Жуковскому онъ былъ снисходительнѣе, но въ общемъ присоединился къ мнѣнію брата о русскомъ обществѣ: „il n'y a pas là de lumières, de civilisation!“ Братя совпадали въ презрительной оцѣнкѣ его.

Однако въ черновомъ наброскѣ „Теоріи политики“ (Архивъ бр. Тургеневыхъ, вып. V, стр. 38) Николай Ивановичъ разсуждаетъ о завоеваніяхъ вообще, какъ о необходимости, и оправдываетъ „уничтоженіе Польши“, не понимая, впрочемъ, истиннаго смысла и значенія присоединенія западно-русскихъ земель. Онъ считаетъ завоеваніе справедливымъ, „когда нѣтъ другого средства сохранить безопасность государства“. Всѣ завоеванія Петра I-го носятъ на себѣ печать справедливости и пользы государственной. Завоеванія Екатерины II-ой также имѣли основаніемъ безопасность и пользу Россіи. Онъ высказалъ далѣе ту мысль, которую мы встрѣчали уже и у Пушкина: „Печально для друга человѣчества видѣть уничтоженіе Польши; но сіе уничтоженіе сблизило тогда Россію съ Европою... Чувство къ отечеству должно быть въ гражданинѣ сильнѣе чувства къ человѣчеству“ (Ibid., стр. 396—397).

Совершенно въ томъ же духѣ высказался и декабристъ Лунинъ по поводу событій 1831 г.: „Конечно, нельзя не согласиться, что русское правительство, хотя и виновное въ происхожденіи безпорядковъ, не могло поступить иначе, какъ строго наказатъ виновниковъ мятежа и возстановить свою попоранную власть...“ Вооруженное возстаніе дало ему право на насиліе. Лунинъ рѣшительно при этомъ отвергъ „путь легальнаго преслѣдованія“, т. е. репрессіи послѣ войны, военные суды, конфискаціи и т. п. мѣры русской власти по отношенію къ полякамъ.

Спеціально о Жуковскомъ Вяземскій 14 сентября 1831 г. заноситъ въ свою записную книжку (Сочиненія, IX, стр. 155) такую замѣтку: „Охота ему была писать шинельные стихи“... Они напомнили ему тѣхъ стихотворцевъ, которые въ Москвѣ „ходятъ въ шинелѣ по домамъ съ поздравительными одами“, очевидно, снискивая благоволеніе и благодарность поздравляемыхъ. Онъ попрекнулъ пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ и за самое дерзновеніе сравнить взятіе Варшавы съ Бородинымъ („Тамъ мы бились одинъ противъ десяти, а здѣсь, напротивъ, десять противъ одного“) и находилъ, что если дѣло борьбы съ Польшей весьма важно въ государственномъ отношеніи, то въ немъ все-таки нѣтъ ни на грошъ поэзіи. Упрекъ, конечно, въ равной степени относился и къ Пушкину, который въ стихахъ своихъ защищалъ „не

святое дѣло, не человѣчество“, т. е. измѣнилъ высокому призванію поэта. Вяземскій все это изложилъ было въ письмѣ къ нему, хотѣлъ его „оцарапнуть“, но не послалъ письма по соображеніямъ во всякомъ случаѣ не высокаго достоинства: „не отъ нравственной вѣжливости“, не изъ деликатности по отношенію къ другу-поэту, а единственно страха ради іудейска, „чтобы не сдѣлать хлопотъ отъ распечатаннаго письма на почтѣ“, разумѣется, прежде всего не надѣлать хлопотъ самому себѣ! Однако, онъ какъ будто раздѣлялъ мнѣніе Пушкина о необходимости скорѣйшаго подавленія возстанія: „Можно было дивиться, что оно долго не дѣлается, но почему въ восторгъ приходитъ отъ того, что оно сдѣлалось“, возражалъ Вяземскій. Чрезвычайно странно и неожиданно грубо прозвучала изъ устъ либеральнаго и просвѣщеннаго князя такая мотивировка его мнѣнія: „Очень хорошо и законно дѣлаетъ господинъ, когда приказываетъ высѣчь холопа, который вздумаетъ отыскивать незаконно и нагло свободу свою, но все нѣтъ тутъ вдохновеній для поэта“. Едва ли тѣ, кого князь какъ будто силился оградить отъ обидныхъ патріотическихъ восторговъ Пушкина, могли быть признательны ему за такую своеобразную защиту. Единственно заключительныя слова кн. Вяземскаго: „Зачѣмъ перекладывать въ стихи то, что очень кстати въ политической газетѣ“, могли бы быть признаны справедливыми. Они были близки по существу къ извѣстнымъ словамъ Гете, отрицавшаго вообще политическую поэзію и охарактеризовавшаго ее, какъ „Ein garstig Lied! Pfui! ein politisch Lied! Ein leidig Lied!“

Однако, политическая пѣсня Пушкина не была неожиданностью въ литературѣ, — она явилась лишь параллелью къ длинной цѣпи политическихъ стихотвореній нѣмецкихъ и французскихъ, высказывавшихъ симпатіи къ полякамъ, но при этомъ съ большою рѣзкостью и грубымъ непониманіемъ основъ спора отзывавшихся на событія, которыя больно затрагивали русское общество.

Пушкинъ, конечно, не могъ раздѣлять взглядовъ Вяземскаго; они крѣпко запали въ его душу, и спустя годъ (5 іюля 1832 г.) при случаѣ онъ вспомнилъ о нихъ и опять отвергъ ихъ. Н. А. Мухановъ (Изъ дневника, въ Русск. Арх. 1897, 1, стр. 657) рассказываетъ объ этомъ: „Пришелъ Ал. Пушкинъ. Говорили долго о газетѣ его. О Погодинѣ. Онъ его жалуется. О Вяземскомъ онъ сказалъ, что онъ человѣкъ ожесточенный, айгі, который не любитъ Россію, потому что она ему не по вкусу. . .; (говорили) о несчастномъ уничиженіи, съ которымъ писатели наши говорятъ объ отечествѣ, что въ нихъ оппозиція не правительству, а отечеству. Пушкинъ сіе очень апробовалъ и говорилъ, что надо объ этомъ сдѣлать статью журнальную. Пушкинъ говорилъ долго. Квасной патріотизмъ“. Пушкинъ, конечно, огорчился этой недопустимой „оппозиціей отечеству“, какъ явленіемъ опаснымъ и пагубнымъ.

Вяземскій, какъ и другіе, естественно задумывался надъ вопросомъ, что будетъ послѣ окончанія „кровоавой драмы“, какъ уладятся взаимныя отношенія Россіи и Польши. Увы, онъ не видѣлъ впереди ничего хорошаго и мрачно вѣщаль: „При первой войнѣ, при первомъ

движеніи въ Россіи, Польша возстанетъ на насъ, или должно будетъ имѣть русскаго часового при каждомъ полякѣ“. Онъ находилъ, какъ уже было сказано, только одинъ выходъ изъ этого положенія, одно радикальное средство исправить прежнія наши ошибки: „бросить Царство Польское, какъ даемъ мы отпускную негодаю, котораго ни держать у себя не можемъ, ни поставить въ рекруты. Пускай Польша выбираетъ себѣ родъ жизни. До побѣды намъ нельзя было такъ поступить, но по побѣдѣ очень можно“.

Вяземскій предлагалъ такое рѣшеніе польскаго вопроса, которое неоднократно рекомендовалъ и Погодинъ, но ясно, что вольнодумецъ-князь самъ не вѣрилъ въ осуществимость своего государственнаго проекта. Онъ не безъ основанія опасался, что такая идея окажется слишкомъ широкою для головы „какого-нибудь Нессельроде“, для политика и дипломата профессионала, но мысль полюбовнаго „развода“, какъ мы сказали, жила постоянно въ умахъ выдающихся русскихъ общественныхъ дѣятелей, вплоть до шестидесятыхъ годовъ. Вяземскій однако не давалъ отвѣта на одинъ большой и неотвратимый вопросъ: что можно было и что слѣдовало бы отдать Польшѣ? Онъ говоритъ, правда, о Царствѣ Польскомъ, но умалчиваетъ, что поляки категорически и ясно заявляли о своихъ правахъ на все, что имъ принадлежало до 1772 г. Возразить противъ этого требованія имѣли мужество лишь Карамзинъ, Погодинъ, а подъ ихъ вліяніемъ и Пушкинъ. Вяземскій, какъ можно думать, имѣлъ въ тѣ годы, подобно большинству русскаго общества, недостаточно ясное представленіе объ этнографическомъ западномъ русскомъ рубежѣ, и для него даже Минскъ былъ все еще Польшей.

Полнымъ одобреніемъ и съ чувствомъ удовлетворенія встрѣтилъ пушкинскій протестъ П. Я. Чаадаевъ, привѣтствовавшій въ Пушкинѣ глубокомысленнаго національнаго поэта, обрѣтшаго, наконецъ, свое призваніе. Уже 18 сентября 1831 г. онъ писалъ Пушкину: „Voilà que je viens de voir vos deux pièces de vers. Mon ami, jamais vous ne m'avez fait tant de plaisir. Enfin, vous voilà poète national; vous avez enfin deviné votre mission. Je ne puis vous exprimer la satisfaction que vous m'avez fait éprouver. Nous en reparlerons une autre fois, et beaucoup. Je ne sais si vous m'entendez bien? La pièce aux ennemis de la Russie est surtout admirable; c'est moi qui vous le dit. Il y a là plus de pensées que l'on n'en a dit et fait depuis un siècle en ce pays“... (Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева, подъ ред. М. Гершензона, т. I, Москва, 1913, стр. 166; ср. Русск. Арх., 1881, т. I, стр. 431—5; см. также Переписку Пушкина, т. II, стр. 324—8).

Чаадаевъ предвидѣлъ, что не всѣ будутъ одного съ нимъ мнѣнія, но къ противникамъ относился равнодушо. „Пусть ихъ говорятъ, а мы пойдемъ впередъ“, ободрялъ онъ Пушкина. Его одобрителный отзывъ сталъ широко извѣстенъ въ кругу московскихъ либераловъ и вызвалъ своею неожиданностью нѣкоторое смущеніе въ ихъ средѣ. А. И. Тургеневъ 26 сентября 1831 г. писалъ изъ Москвы брату Николаю: „На прошедшей недѣлѣ мы обѣдали въ Англійскомъ клубѣ съ Чаадаевымъ....

а послѣ мы и заспорили и крѣпко о достоинствѣ стиховъ Пушкина и другихъ, кои здѣсь во всю недѣлю читались всѣми, — „На взятіе Варшавы“ и „Посланіе клеветникамъ Россіи“. Мы немного нападали на Чаадаева за его мнѣніе о стихахъ“ (Ж. М. Н. Пр., 1913, мартъ, стр. 21).

Вскорѣ, однако, самъ А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ Вяземскому изъ Франкфурта на М. (27 іюля 1832 г.) выступилъ съ защитой Пушкина. Для этого понадобился внѣшній толчокъ. Онъ познакомился случайно съ „книжкой одного нѣмецкаго якобинца“ Штейнманна (Friedr. Arnold Steinmann, Briefe aus Berlin, 1832), въ которой нашель отвѣтъ нѣмецкаго писателя русскому поэту на его стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“. Штейнманнъ зналъ произведеніе Пушкина по нѣмецкому переводу (Was tobt ihr auf den Rednerbühnen, Woher der Groll, mit dem ihr gegen Russland schäumt?), призналъ его продуктомъ истиннаго поэтическаго воодушевленія (ein Produkt wahrer Dichterbegeisterung), но отвѣтилъ на него рѣзко и грубо въ стихотв.: An Russlands Apologeten (Erwiderung an Puschkin). Тургеневъ назвалъ и книгу нѣмецкаго антагониста Пушкина и его стихи „богомерзкими“ (Архивъ бр. Тургеневыхъ, т. VI, стр. 100, 456). Нѣмецкій поэтъ на первые два стиха Пушкина возражалъ ему такими контръ-вопросами:

„Was schiltst du so in dem Gedichte?
Woher der Groll 'gen menschliches Gefühl?“...

На основательное требованіе Пушкина: „Оставьте насъ: вы не читали сіи кровавыя скрижали“ — онъ отвѣчаетъ поэту лишь пустыми фразами, но не по существу вѣрной его мысли:

„O schweig! Nicht sind uns fremd geblieben
Die Bluturkunden jener Zeit,
Die sich vor unsern Augen hat erneut,
Mit Flammenschrift sind sie geschrieben.“

Онъ упрекаетъ Пушкина въ пустой похвальбѣ русскою храбростью (Was prahlest du mit Russland's Muthe?) и мощью, не видитъ никакихъ великихъ русскихъ дѣяній и заканчиваетъ свой отвѣтъ, пользуясь образами пушкинскаго стихотворенія, такими стихами:

„Von Don bis zu Sibiriens Wüsten,
Von China's Mau'r bis zum Ural,
Von Kolchis Hain bis zu des Eismees Küsten
Millionen seufzen ob des Lebens Quaal,
Des Engels harrend, wen er ruft
Zu Ruh' und Freiheit in der stillen Gruft“.

Пушкинъ получилъ выраженія сочувствія и похвалы своимъ стихамъ не только отъ Чаадаева. Графъ Д. И. Хвостовъ, освѣдомившись о томъ, что стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ не всѣмъ одинаково понравилось, принялъ поэта подъ свое покровительство и написалъ ему длинное посланіе, озаглавленное: „А. С. Пушкину, члену Россійской Академіи, 1831 года, при слушаѣ чтенія стиховъ его о клеветникахъ Россіи“

(Переписка Пушкина, II, стр. 339—340; послание напечатано въ „Стихотвореніяхъ“ Хвостова, VII, СПб., 1834, стр. 99). При этомъ однако Хвостовъ, убѣдившись опытомъ въ печальной истинѣ, „что развращенныя сердца завистливыхъ крамольниковъ ожесточены, и слухи ихъ не внемлютъ прелестей гармоніи сыновъ Аполлона“, высказалъ желаніе, чтобы лира Пушкина „предпочтительно воспѣвала богатырей русскихъ давняго и послѣдняго времени“. Графъ, повидимому, имѣлъ здѣсь въ виду тѣхъ соотечественниковъ, которые не одобряли творенія Пушкина и не желали понять его значительнаго смысла.

Слѣдуетъ напомнить, что негодованіе Пушкина повторилъ въ стихотвореніи 1831 года и Лермонтовъ, выступившій вслѣдъ за Пушкинымъ по какому-то опредѣленному случаю враждебнаго заявленія французской палаты. Лермонтовъ вѣрно понялъ смыслъ обличительнаго стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ и такъ же, какъ и Пушкинъ, направилъ свое возмущеніе исключительно по адресу французскихъ депутатовъ, не обмолвившись ни единымъ словомъ противъ поляковъ. Онъ началъ свой протестъ почти тѣми же словами, что и Пушкинъ :

„Опять, народные вити,
За дѣло падшее Литвы
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы!
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна,
И порицанія покровомъ
Одѣлъ онъ ваши имена“...

Студентъ московскаго университета въ годы польскаго возстанія (1830—1831), Лермонтовъ отразилъ въ этомъ стихотвореніи чувства извѣстной части русской молодежи, патріотически настроенной и освѣдомленной о направленіи западно-европейской политики въ русско-польскомъ спорѣ. Слѣдуя Пушкину, онъ далъ столь же энергичную отвѣдь французамъ, осудилъ ихъ „надменный вызовъ“ и „бѣшенный призывъ“ на битву, указалъ на причину этой вражды къ Россіи, назвалъ рѣчи ихъ голосомъ „смущенной зависти“, „ехидной хитрой зависти“ Западу русскому величію. Не надо подробнѣе на разсмотрѣніи этой оды останавливаться, чтобы увидѣть ея прямую зависимость отъ оды Пушкина и тождество патріотическаго гнѣва юнаго поэта съ негодованіемъ Пушкина. Но пушкинскія мысли о значеніи и сущности русско-польскаго спора не оставили слѣда въ одѣ юнаго Лермонтова, какъ будто не были имъ поняты.

Восемнадцатилѣтній юнкеръ артиллерійскаго училища, извѣстный впослѣдствіи революціонеръ М. А. Бакунинъ въ восхищеніи писалъ 20 сентября 1831 г. родителямъ изъ Петербурга, посылая имъ стихотвореніе Пушкина: „Эти стихи прелестны, не правда ли?... Они полны огня и истиннаго патріотизма, вотъ каковы должны быть чувства русскаго! Пушкинъ ихъ озаглавилъ сначала: „Стихи на рѣчь, говоренную

генераломъ Лафайетомъ“, но цензура измѣнила этотъ заголовокъ и поставила: „Клеветникамъ Россіи“. Этотъ старикъ Лафайетъ — большой болтунъ и геній-разрушитель: бывъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей революціи въ Соединенныхъ Штатахъ и въ двухъ французскихъ революціяхъ, онъ хотѣлъ бы поколебать и русскихъ! Но нѣтъ! рускіе не французы, они любятъ свое отечество и обожаютъ своего государя, его воля для нихъ законъ, и между ними не найдется ни одного, который поколебался бы пожертвовать самыми дорогими своими интересами и даже жизнью для его блага и для блага родины“ (Корниловъ А. А., Молодые годы М. Бакунина, М. 1915, стр. 47; Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 289).

Приведемъ, наконецъ, интересную выдержку изъ письма декабриста Александра Бестужева (Марлинскаго), какъ еще одно указаніе на враждебное отношеніе военной молодежи къ возмущенію Польши. Бестужевъ, недавно еще мечтавшій съ друзьями-единомышленниками объ освобожденіи Польши, теперь писалъ матери (изъ Дербента 5 января 1831 г.): „Третьяго дня, получивъ Тифлисскія газеты, я былъ чрезвычайно огорченъ и раздосадованъ извѣстіемъ объ измѣнѣ варшавской. Какъ жаль, что мнѣ не удастся промѣнять пулю... съ панами добродѣями. Впрочемъ, вѣроятно, когда придутъ къ вамъ эти строки, въ Польшѣ уже все будетъ кончено, ибо мятежъ былъ частный. Одно только замѣчу, что Поляки никогда не будутъ искренними друзьями Русскихъ, какъ ни корми волка“... Бестужевъ повторялъ далѣе знакомыя общія мысли о томъ, что Царство Польское никогда не было такъ хорошо управляемо, какъ подъ русскимъ владычествомъ, что массы народныя выиграли отъ этого, но дворянство польское не забыло еще своихъ „своевольныхъ вольностей“ и является постоянною угрозою спокойствію въ странѣ. „Кровь зальетъ ихъ, но навсегда-ли? Дай Богъ“, тревожною мыслью и желаніемъ заканчивалъ онъ письмо. Кровавую борьбу онъ считалъ неизбѣжною, какъ и Пушкинъ, и такъ же, какъ и Пушкинъ, желалъ бы, чтобы цѣною этой крови купленъ былъ прочный миръ между обоими славянскими народами (См. статью М. Д. Бѣляева въ изд. Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 267—268).

Немедленно послѣ паденія Варшавы Надеждинъ (въ Телескопѣ, 1831, № 16) привѣтствовалъ „достойныя пѣснопѣнія“, плоды патріотической музы Жуковскаго и Пушкина, какъ отрадное явленіе, исполненное благороднаго патріотическаго восторга. Онъ находилъ, что стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ отличается силою мыслей, достойныхъ русскаго духа, а въ „Бородинской годовщинѣ“, по замѣчанію критика, поэтъ счастливо выразилъ истинное свойство русскаго духа, который любитъ торжествовать кротостію и милосердіемъ. Надеждинъ съ полнымъ признаніемъ возвышенной мысли Пушкина повторилъ стихи :

„Кто уступилъ (sic!), тотъ невредимъ;
Враговъ мы въ прахъ не топтали...
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,

И не услышать пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца“.

Наиболѣе существенная сторона этого патріотическаго пѣснопѣнія осталась однако незамѣченною или — не отмѣченною имъ. Странно, что создатель русской исторической этнографіи прошелъ мимо историческихъ мыслей и аргументовъ Пушкина.

Полное высокаго благородства отношеніе къ побѣжденному врагу, столь тонко подчеркнутое Надеждинымъ, есть вообще отличительная черта характера Пушкина. Уже въ стихотв. „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ (1814) юный поэтъ прекрасно выразилъ ту же мысль о великодушіи побѣдителя къ побѣжденнымъ французамъ, о стремленіи его къ утвержденію благотворнаго мира на землѣ:

„Въ Парижѣ Россѣ! гдѣ факель мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой...“

Поэтъ „не пылалъ жаждою мести“ къ врагу и за сожженную Москву, великую жертву русскаго народа, и лишь духъ его „вотще пылалъ гнѣвомъ“ къ французамъ. Таково было подлинное проявленіе характера его русской души. Съ такимъ же рыцарскимъ благородствомъ Хомяковъ въ стихотв. „Ritterspruch — Richterspruch“ (1841 г.), написанномъ по поводу извѣстнаго дѣла польскаго революціонера Конарскаго, казненнаго въ Вильнѣ въ 1839 году, ставитъ строгое требованіе человѣческаго отношенія къ побѣжденному и плѣнному врагу, бившемуся съ дикимъ неистовствомъ, но упавшему и подъемяющему молящія длани. Съ истиннымъ великодушіемъ и Александръ I предавалъ забвенію участіе поляковъ въ войнѣ 1812 г., въ „провозвѣщеніи“ къ жителямъ герцогства Варшавскаго, написанномъ А. С. Шишковымъ, заявлявшій: „Вы опасаетесь мщенія, — не бойтесь, Россія умѣетъ побѣждать, но никогда не мститъ“.

Спустя два съ небольшимъ десятка лѣтъ Вяземскій, столь рѣшительно отвергшій оды Пушкина, въ годы новыхъ испытаній Россіи самъ выступилъ съ рядомъ патріотическихъ стихотвореній, въ которыхъ было въ сущности очень мало поэзіи и много тяжеловѣснаго бомбаста, въ которыхъ онъ не поднялъ ни одного значительнаго вопроса европейской политики, какъ это сдѣлалъ Пушкинъ, откликнувшись на русско-польскую усобицу и иностранное вмѣшательство въ нее. Вяземскій счелъ нужнымъ дать энергичную отвѣдь французской, англійской, австрійской и пр. печати, постоянно оскорблявшей Россію, въ Письмахъ ветерана 1812 г. (по-французски), и это была его заслуга. Въ 1854 г. онъ издалъ въ пользу раненыхъ на войнѣ сборникъ стихотвореній: „Къ ружью!“ Тутъ мы встрѣтимъ тѣ „географическія фанфаронады“, которыя ставились имъ въ упрекъ Пушкину, напр., въ стихахъ:

„Со льдовъ Двины до береговъ Дуная,
Съ Алтайскихъ горъ за рубежи Днѣпра
Да грянетъ кликъ по гласу Николая...“

Здѣсь найдемъ и такіе стихи („Пѣснь русскаго ратника“), которые слѣдуетъ признать хуже „шинельныхъ“, ибо они грубая поддѣлка подъ солдатскую пѣсню, никогда не хвастающую кровопійствомъ:

„Мой булатъ, наслѣдство дѣдовъ,
Кровью Крымцевъ, кровью Шведовъ
Распотѣшился въ бою.
Жаждетъ онъ опохмѣлиться,
Кровью свѣжей вновь упиться,
Счистить ржавчину свою“...

Столько же казенной, мнимо-патріотической похвалы и въ стихотвореніи: „Нахимовъ, Бебутовъ, побѣды близнецы“. Лубочной картинкой въ стилѣ Ростопчина отзывается стихотв. „Современныя замѣтки“, напоминающее „и французу изъ Бордо, и заносчивому лорду, всѣмъ, въ орлиное гнѣздо не спросясь уткнувшимъ морду“, какъ Русь встрѣтила честныхъ гостей, какъ „по русскому уставу баню жаркую гостямъ затопили мы на славу, а потомъ на упокой, чтобъ голубчики остыли, мы березинской водой студено ихъ окатили“... Въ „Дунайскихъ пѣсняхъ“ онъ упомянулъ и „Варшавскаго-Эриванскаго“, который на Дунаѣ третьихъ ждетъ себѣ крестинъ: „Братцы! мы пилавъ Дуная русской кашей заваримъ и подъ нозѣ Николая супостатовъ покоримъ“. Въ высокой общей оцѣнкѣ заслугъ Николая I, царя-рыцаря, Вяземскій въ 1855 г. благодарилъ его отъ имени Россіи „за миръ и за побѣды“, какъ будто имѣя въ виду и побѣду польскую.

Строгий, но несправедливый судья Пушкина въ 1831 г. теперь, въ 1854 г., покраснѣлъ бы передъ своимъ другомъ за эти столь же „шинельныя“ творенія, какими для него были стихотворенія 1831 г.

* * *

Выступленіе Пушкина по польскому вопросу нѣкоторые современники злобно связывали съ мнимымъ утилитаризмомъ поэта, овладѣвшимъ имъ послѣ женитьбы, съ какими-то практическими расчетами его. Н. А. Мельгуновъ (21 декабря 1831 г.), познакомившись съ мнѣніемъ С. П. Шевырева о стихотв. Пушкина на взятіе Варшавы, возражалъ ему: „Мнѣ досадно, что ты хвалишь Пушкина за послѣдніе его вирши. Онъ мнѣ такъ огадился, какъ человѣкъ, что я потерялъ къ нему уваженіе даже какъ къ поэту... Теперешній Пушкинъ есть человѣкъ, остановившійся на половинѣ своего поприща, и который, вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ лицо Аполлону, оглядывается по сторонамъ и ищетъ другихъ божествъ, для принесенія имъ въ жертву своего дара. Упаль, упаль Пушкинъ, и — признаюсь — мнѣ весьма жаль этого. О, честолюбіе и златолюбіе!“ О томъ же мнимомъ любостыжаніи поэта и приспособленіи къ обстоятельствамъ много позже вспоминалъ С. А. Соболевскій въ письмѣ къ Шевыреву: „Пушкинъ столь же уменъ, сколь практиченъ; онъ практикъ и большой практикъ; даже всегда писалъ то, что отъ него просило время и обстоятельства“ (Письмо отъ 14 ноября 1842 г., Русск. Арх., 1909, II, 508).

Пресловутый Булгаринъ говорилъ о какомъ-то ползаніи Пушкина „изъ-за шитаго кафтана“, а другой злой на языкъ современникъ дивился метаморфозѣ, происшедшей съ Пушкинымъ, который „прежде вольность проповѣдалъ, царей съ народомъ звалъ на судъ, но только царскихъ шей отвѣдалъ — и сталъ придворный лизоблюдь“... „Холопскій отсѣдъ“, который Вяземскій находилъ въ стихотв. Жуковского, и сравненіе обоихъ поэтовъ съ дворнею, которая въ лакейской поетъ и поздравляетъ барина съ именинами, съ пожалованіемъ чина и пр., были недостойными выпадами противъ друзей.

Пушкинъ держалъ себя по отношенію къ двору независимо. Въ тягостные для него дни начала 1826 г. онъ писалъ Жуковскому о своемъ желаніи вернуться въ Петербургъ, признавалъ свои вины („былъ въ связи съ большею частью нынѣшнихъ заговорщиковъ“ и др.) и не только не искалъ защиты, но и ставилъ гордо свое условіе: „Мое будущее поведеніе будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства“. Извѣстно, съ какою смѣлостью онъ отстаивалъ „Бориса Годунова“ отъ замѣчаній имп. Николая о „нѣкоторыхъ слишкомъ свободныхъ и шутовскихъ мѣстахъ“ и не соглашался на исключеніе мнимо предосудительныхъ мѣстъ. Въ письмѣ къ Бенкендорфу (черновикъ отъ 16 апр. 1830 г.) онъ говорилъ: „Я понимаю, что оппозиція поэта очень забавна, но клянусь вамъ, что это дѣло задѣваетъ меня за живое“ — и просилъ разрѣшить напечатать трагедію такъ, какъ онъ ее понимаетъ (Шляпкинъ, ор. с., 79—80).

О Пушкинѣ усердно плели ту скверную сплетню, какую сочинили впоследствии о Гоголѣ, попрекая его по поводу „Переписки съ друзьями“ намеками на стремленіе попасть въ воспитатели къ наслѣднику. „Гимнъ властямъ предрержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора“, безъ нужды съязвилъ о немъ Бѣлинскій. Но тому же Гоголю онъ писалъ, очевидно, осуждая порицателей Пушкина: „Разительный примѣръ Пушкинъ, которому стоило написать только два-три вѣрноподданническихъ стихотворенія и надѣть камеръ-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви“. Въ Пушкинѣ не было ни малѣйшаго прихлебательства, никакого недостойнаго угодничества, лира его и въ дни тяжелыхъ личныхъ переживаній оставалась свободною, неподкупною. Онъ несъ ее чистую, незапятнанную и съ полнымъ сознаніемъ могъ отнести и къ себѣ тѣ строки, которыя въ апрѣлѣ 1825 г. написалъ А. А. Бестужеву къ чести русской литературы: „Наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы“...

Говорятъ и часто повторяютъ, что Пушкинъ искалъ сближенія съ дворомъ, что онъ, такъ сказать, продалъ свою свободу и добровольно надѣлъ на себя то ярмо, которое потомъ его столь тяготило. Многіе, въ томъ числѣ и нѣкоторые его друзья, толковали это сближеніе, какъ измѣну идеаламъ юности. Въ этомъ отношеніи, какъ говорятъ нѣкоторые біографы его, весьма значительную и при этомъ отрицательную

роль сыграло его сближеніе съ Жуковскимъ, подъ вліяніемъ коего яко бы сложилось міросозерцаніе поэта, какъ оно выразилось къ началу тридцатыхъ годовъ. П. Е. Щеголевъ (Дуэль и смерть Пушкина, Петроградъ, 1916, стр. 032—035. Ср. Дневникъ Пушкина, изд. Румянцовскаго Музея, стр. 95—99) изображаетъ Пушкина столь слабодушнымъ, что онъ во всемъ подчиняется вліянію Жуковскаго — и въ чисто житейскихъ дѣлахъ своихъ, и въ политическихъ и нравственныхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Первые мѣсяцы своей женатой жизни по отъѣздѣ изъ Москвы Пушкинъ провелъ въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Жуковскимъ и подвергся длительному вліянію его личности, его политическаго и этическаго міросозерцанія. . . Вмѣстѣ съ Жуковскимъ Пушкинъ дышалъ воздухомъ придворной атмосферы. Въ томъ освѣщеніи, которое создавалъ прекраснодушный Жуковскій, воспринималъ Пушкинъ и личность императора. Подъ его вліяніемъ, по его совѣтамъ Пушкинъ сталъ искать разрѣшенія житейскихъ задачъ и затрудненій около двора и отъ государя. Жуковскій былъ инициаторомъ царскихъ милостей и царскаго расположенія. Онъ докладывалъ государю о Пушкинѣ и говорилъ Пушкину о государѣ. . . Жуковскій мощно вліялъ и на политическое міросозерцаніе Пушкина. Такъ широко и сильно было его вліяніе! Щеголевъ увѣряетъ, что въ 1831 г. убѣжденія Пушкина достигли зенита своей правизны; послѣ 1831 г. они подвергались колебаніямъ, но всегда влѣво. Политическія обстоятельства этого года дали большую пищу для размышленій на политическія темы; мысли Жуковскаго и Пушкина совпали удивительнѣйшимъ образомъ. Не даромъ ихъ политическія стихотворенія появились въ одной брошюрѣ. Очевидно, безъ Жуковскаго такого поворота Пушкинъ не совершилъ бы.

Впрочемъ, Щеголевъ полагаетъ, что въ политическихъ взглядахъ Жуковскаго и Пушкина были общія черты и раньше, но не было полного тождества: оно было создано подчиненіемъ Пушкина политической мысли Жуковскаго. Но такое преувеличенное мнѣніе о предѣлахъ вліянія Жуковскаго не оправдывается ни характеромъ Пушкина, ни извѣстными намъ моментами его біографіи. Щеголеву справедливо возражаютъ, что Пушкинъ по природѣ своей не принадлежалъ къ натурамъ, отличающимся легкой внушаемостью: взгляды и убѣжденія его могли съ теченіемъ времени измѣняться, иногда даже весьма рѣзко, но эти измѣненія всегда бывали результатомъ сложной внутренней работы, въ которую постороннія вліянія входили лишь на правахъ сопутствующихъ ингредиентовъ.

Насколько невольное приближеніе ко двору, а затѣмъ обидное для его возраста назначеніе камеръ-юнкеромъ (въ концѣ 1833 г.) были для поэта тягостны, мы видимъ изъ его писемъ. Считаая оскорбительнымъ для себя новое званіе, онъ съ омерзеніемъ думаетъ о предстоящихъ придворныхъ обязанностяхъ, напр., ходить въ церковь „парами, какъ институтки“; онъ избѣгаетъ придворныхъ торжествъ и предпочитаетъ сидѣть дома, чтобы не показываться въ придворномъ мундирѣ, не исполнять этой для него „несчастной роли“. Съ очевиднымъ сознаніемъ своего

безсилія боротыся противъ создавшагося положенія онъ пишетъ женѣ (въ январѣ 1834 г.): „Видѣлъ я трехъ царей: первый (Павелъ I) велѣлъ съ меня снять картузъ и пожурилъ за меня мою няньку; второй меня не жаловалъ; третій хотъ и упекъ меня въ камеру-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить съ порфиороднымъ своимъ тезкой; съ моимъ тезкой я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ“. Въ этихъ словахъ выражена цѣлая трагедія личности Пушкина, безпомощно, съ какимъ-то фатализмомъ примирившагося съ обстоятельствами. И это ему ставилось въ вину.

Когда Наталія Николаевна пожелала пристроить при дворѣ своихъ сестеръ, Пушкинъ рѣшительно воспротивился такому намѣренію. „Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ“, съ укоризною писалъ онъ. Онъ боялся „скверныхъ толковъ“ общественныхъ круговъ „свинскаго Петербурга“ и совѣтовалъ Наталіи Николаевнѣ „быть подалѣ отъ двора: въ немъ толку мало“. Если бы его матеріальное положеніе было лучше, если бы Полотняные заводы (имѣніе Гончаровыхъ) были его, въ Петербургъ его бы „не заманили и московскимъ калачомъ“. Петербургскій свѣтъ былъ ему противенъ, и онъ открыто выражалъ свое презрительное къ нему отношеніе: „Я золь на Петербургъ и радуюсь каждой его гадости“. Ему хочется „плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить баринкомъ! Непріятна зависимость, особенно, когда лѣтъ двадцать человекъ былъ независимъ“. Служебная зависимость его особенно тяготила: „Зависимость, которую мы налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды унижаетъ насъ“.

Уже въ юности (1817), прощаясь съ Лицеємъ и друзьями въ стихотв. „Промчались годы заточенья“, Пушкинъ высказываетъ свое полное равнодушіе ко всякой чиновничьей карьерѣ. И этой карьеры онъ не могъ сдѣлать до конца своей жизни, ибо къ ней не стремился; ему, какъ Чацкому, было тошно прислуживаться, а принципомъ его было: „для власти, для ливреи не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи“. Особенно его терзало то, что наверху на него, въ его маленькомъ положеніи смотрѣли, „какъ на холопа“, съ которымъ можно поступать, какъ угодно. Опала была для него „легче презрѣнія“, и онъ, какъ Ломоносовъ, не хотѣлъ „быть шуткомъ ниже у Господа Бога“.

Пушкинъ сдѣлалъ было попытку выйти изъ мучительнаго положенія: въ концѣ іюня 1834 г. онъ подалъ въ отставку, но просьба его была принята имп. Николаемъ съ неудовольствіемъ (Сочиненія, изд. Венгерова, VI, стр. 130, особенно письмо къ Жуковскому); поэтъ „вструхнулъ“ и Христомъ Богомъ просилъ, чтобы отставки не давали. Вообще, послѣдніе годы жизни поэтъ живетъ „въ тревогѣ пестрой и безплодной большого свѣта и двора“, но выходъ изъ этого положенія нелегко было найти. Онъ рвется вонъ изъ душной петербургской атмосферы и жаждетъ одного: „Ухъ, какъ бы мнѣ удрать на чистый воздухъ“.

Мы знаемъ, что невольное приближеніе Пушкина къ имп. Николаю началось много раньше женитьбы поэта. Мицкевичъ приписалъ пагубное вліяніе на Пушкина уже катастрофѣ съ декабристами: поэтъ потерялъ де съ этого времени прежнее мужество и пылъ (*odwaga i zapał*), — онъ началъ упадать. Онъ не признавался еще самому себѣ въ своихъ заблужденіяхъ, но это видно уже въ его твореніяхъ (*poematach*). Иногда даже въ интимномъ кругу (*w zaufanem towarzystwie*) онъ осмѣивалъ своихъ прежнихъ друзей, по крайней мѣрѣ — ихъ идеи. Впрочемъ, онъ искренно желалъ бы ненавидѣть царя, но не зналъ, какъ убѣдить себя, какъ обосновать эту ненависть. Вскорѣ начали обвинять его въ измѣнѣ прежнимъ идеаламъ. Николай призвалъ его къ себѣ. Со времени существованія Россіи, впервые государь изволилъ бесѣдовать съ человѣкомъ, который по своему положенію не имѣлъ никакого права на такое отличіе... Пушкинъ ушелъ глубоко растроганный. Мицкевичъ передаетъ дальше нѣчто, какъ-будто лично отъ поэта слышанное. Своимъ друзьямъ-чужеземцамъ, — ибо русскимъ онъ въ этомъ не дерзнулъ признаться, — Пушкинъ передавалъ, что послѣ бесѣды съ царемъ онъ не могъ не подчиниться ему. „Ахъ, какъ я желалъ бы его ненавидѣть, повторялъ онъ, но что мнѣ дѣлать? За что я буду его ненавидѣть?“ Съ этого времени онъ становится какъ-будто болѣе прозаичнымъ (*niejako prozaiczniejszym*) въ своей поэзіи, высмѣиваетъ энтузіазмъ, философію и либерализмъ. О немъ кричали, что онъ продать себя правительству, и это наполняло горечью его душу, — онъ началъ ненавидѣть общество, бросалъ въ лицо ему и друзьямъ ядовитыя эпиграммы, считалъ себя покинутымъ, всѣми преданнымъ (*zdradzonym*), поссорился со всѣмъ свѣтомъ (Лекція 28-ая, 7 іюня 1842 г.).

Оковы царскаго благоволенія были для Пушкина тяжеле тѣхъ оковъ, въ которыхъ нравственно мучился польскій поэтъ-изгнанникъ, не испытывавшій этого порабоженія мысли и слова. Мицкевичъ въ обращеніи „Къ друзьямъ-москалямъ“ (*Do przyjaciół Moskali*) говоритъ о себѣ: „Пока я былъ въ оковахъ, я ползалъ молча, какъ змѣя, и обманывалъ деспота, но вамъ я открылъ тайны, сокрытыя въ моей душѣ, и къ вамъ относился съ голубиной чистотой“. Пушкинъ, по словамъ Мицкевича, могъ повѣдать терзавшія его муки только друзьямъ-чужеземцамъ, въ томъ числѣ и ему самому, — польскому поэту; въ положеніи Пушкина невысказанно было играть игру мудрой молчащей змѣи.

V.

Свое отношеніе къ полякамъ Пушкинъ высказывалъ уже въ годы молодости, всегда открыто и прямо, не скрывая своего нерасположенія къ нимъ, какъ къ цѣлому, но въ то же время онъ умѣлъ быть выше предубѣжденій и не переносилъ своихъ чувствъ на отдѣльныхъ лицъ, съ которыми его сводила судьба. Въ стихотв. „Графу О.“, отрывкѣ, посвященномъ графу Густаву Филипповичу Олизару, скромному поэту, члену общества Соединенныхъ славянъ, кievскому губернскому маршалу,

человѣку прогрессивнаго образа мыслей, искавшему въ 1823 г. руки Маріи Николаевны Раевской, онъ какъ будто впервые коснулся этой щекотливой темы (Сочин. Пушкина, подъ ред. Венгерова, II, стр. 261).

„Единственная“ любовь Пушкина вышла, какъ извѣстно, замужъ за декабриста кн. С. Г. Волконскаго. Старикъ отецъ, по причинамъ религіознымъ и національнымъ, не могъ принять предложенія Олизара, который былъ пламеннымъ польскимъ патріотомъ, игралъ роль посредника между русскими и польскими тайными обществами на югѣ и, вѣроятно, не скрывалъ своихъ политическихъ взглядовъ. Пушкинъ познакомился съ нимъ въ семьѣ Раевскихъ и, естественно, не питалъ къ своему сопернику, какъ и онъ, впрочемъ, отвергнутому, никакого расположенія, но мысли, высказанныя Пушкинымъ въ этомъ отрывкѣ, надо признать не только личнымъ достояніемъ поэта, но и отраженіемъ тѣхъ общественныхъ взглядовъ или предразсудка, которые не позволили Раевскому отцу выдать дочь за поляка. Полякъ для поэта есть „народный врагъ“, и съ болью душевной Пушкинъ долженъ былъ констатировать исконность этой вражды между сосѣдями и братьями. Онъ говорилъ Олизару:

„Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена.
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою“.

Пушкинъ сильно и, можетъ быть, съ излишней даже рѣзкостью повторилъ въ обращеніи къ сопернику-поляку предразсудокъ, но не одинокую въ тогдaшнемъ русскомъ обществѣ мысль о несочетаемости сердець, раздѣленныхъ религіей и національными историческими антипатіями:

„И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ.
(И наша дѣва молодая),
Привлекши сердце поляка,
Не приметъ гордою душою
Любовь народнаго врага“...

Съ этою мыслью въ болѣе широкой постановкѣ, какъ съ выраженіемъ взгляда извѣстнаго общественнаго круга, мы встрѣчаемся и у Хомякова въ стихотвореніи „Иностранкѣ“ (А. О. Россетъ, 1832 г.). Поэтъ-славянофилъ распространяетъ взглядъ Пушкина вообще на всякую иностранку, и хотя онъ способенъ восторженно созерцать красоту ея, однако „никогда онъ дѣвъъ милой своей любви не посвятитъ“, ибо ей чужда Россія, милѣе страны другія, другія лучше небеса, и сердце ея не задрожитъ глубокимъ трепетаніемъ при словахъ: „Русь Святая!“ Пушкинская недостаточно обоснованная мысль выражена Хомяковымъ мягче, но столь же рѣшительно, и мотивировка его глубже и убѣдительнѣе.

По разсказу П. И. Бартенева, Пушкинъ уже въ Одессѣ избѣгалъ польскаго общества и не обнаруживалъ ни малѣйшаго сочувствія къ

полякамъ. Онъ вообще отзывался о Польшѣ дурно, очевидно, подъ вліяніемъ стараго и рокового наслѣдственнаго предрассудка. Тутъ могло, конечно, сказаться вліяніе воспитанія и той семейной обстановки, о которой вспоминаетъ и Л. Н. Толстой въ разговорѣ съ Гусевымъ („Во мнѣ съ дѣтства развивали ненависть къ полякамъ“). Когда началось польское возстаніе, этотъ взглядъ еще болѣе утвердился въ поэтѣ, какъ будто находя себѣ поддержку въ дѣйствительности (Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Л. Павлищева, Москва, 1890, стр. 256). Ольга Сергѣевна Павлищева въ письмѣ къ мужу, Николаю Ивановичу Павлицеву, вспоминала объ этомъ упорномъ нерасположеніи своего брата къ Польшѣ: „Александръ точно такъ же, какъ я, очень сквернаго мнѣнія о Польшѣ; называетъ онъ ее краемъ сумасшедшихъ; надѣется, что мятежниковъ скоро усмирятъ“... Неоднократно въ письмахъ она повторяетъ нелестныя, очевидно, общія семейныя сужденія о Польшѣ и полякахъ. Когда она собиралась въ Варшаву къ мужу, Пушкинъ совѣтовалъ сестрѣ „пока туда ноги не ставитъ“, даже въ томъ случаѣ, если бы мужъ ея, попавшій въ Польшу на службу, и болѣе года не являлся оттуда. Онъ писалъ ей: „Пусть твой мужъ рисуетъ тебѣ, сколько ему угодно, счастье проживать въ Польшѣ, вдали отъ родины; не вѣрь заманчивымъ картинамъ, самъ не знаетъ, что говорить. Уѣхать на время изъ Петербурга, гдѣ климатъ, правда, никуда не годится, — другое дѣло, но разстаться съ Россіей навсегда — не допускаю и повторяю правило Вольтера: *le mieux est l'ennemi du bien*“.

Пушкинъ, впрочемъ, не былъ противникомъ упорнымъ: онъ искалъ пути, чтобы примириться съ поэтомъ-полякомъ, не желалъ вообще переносить національную вражду двухъ славянскихъ народовъ въ отношенія личныя и счастливо нашелъ поле, на которомъ враждующіе могутъ сойтись безъ злобы и взаимнаго отвращенія; это поле — поэзія, и „огнь поэзіи чудесной“ можетъ примирить враждебныя сердца. Тогда же (1824) въ отрывкѣ изъ посланія къ Языкову онъ повторилъ ту же высокую мысль, какъ будто вспомянувъ о непріятной встрѣчѣ съ Олизаромъ:

„Издравле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ Музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ,
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью“...

И другъ поэта кн. П. А. Вяземскій раздѣлялъ этотъ взглядъ на поэзію и на литературу вообще, какъ на моральную силу, которая умиротворяетъ страсти и приводитъ народы къ единенію. Онъ писалъ: „Есть высшіе умственные слои, куда не должны достигать неистовыя страсти семейныхъ междоусобій... Политика есть сила разъединяющая, а поэзія должна быть всегда примиряющею и скрѣпляющею силою“. Говоря о „семейныхъ междоусобіяхъ“ и опредѣляя различіе между политикою и поэзіею, Вяземскій какъ будто повторялъ свой укоръ политической музѣ Пушкина. Эту мысль столь же естественно,

просто и съ такую же глубокою вѣрою въ умиротворяющую силу литературы высказалъ впослѣдствіи и Мицкевичъ, имѣя въ виду спеціально славянскіе народы и ихъ взаимоотношенія, въ первой своей лекціи (22 декабря 1840 г.) въ Парижѣ: „Литература есть поле, куда всѣ славянскіе народы несутъ плоды своей моральной и умственной дѣятельности, безъ отталкиванія другъ друга, безъ взаимнаго отвращенія. Дай Богъ, чтобы эта мирная встрѣча на этомъ прекрасномъ поприщѣ была символомъ ихъ объединенія въ другой области“. Объединеніе славянское мыслилось, какъ широкое культурное соединеніе. Съ обѣихъ сторонъ былъ такъ выразительно и искренно указанъ высокій путь и нравственный долгъ поэзіи и литературы вообще.

Исполненный этою вѣрою въ возвышенную роль литературы и высокое призваніе писателя, Пушкинъ сохраняетъ неизмѣнно теплое, благожелательное отношеніе къ великому польскому поэту; съ одинаковыми чувствами говорилъ и Мицкевичъ о своемъ русскомъ другѣ. Раздѣляла политика и примиряла литература.

Отношенія между обоими поэтами въ годы ихъ знакомства, съ начала 1827 г. въ Москвѣ и до марта 1829 г. въ Петербургѣ, были самыя дружественныя. Во время пребыванія своего въ Москвѣ и въ Петербургѣ Мицкевичъ нерѣдко видался съ Пушкинымъ. Пушкинъ принималъ его въ Петербургѣ и у себя, въ Демутовой гостиницѣ, встрѣчалъ его и у общихъ знакомыхъ, напр., у бар. Дельвига, у К. А. Собаньской, у графа И. С. Лавалея, вѣроятно, и у Жуковского и у Козлова. Познакомившись съ Мицкевичемъ, Пушкинъ слышалъ, конечно, изъ устъ поэта живую, вдохновенную поэтическую родную рѣчь его. Онъ интересовался польскимъ языкомъ и, повидимому, занимался имъ. Подъ вліяніемъ Мицкевича онъ могъ расширить этотъ интересъ на польскую литературу и на всю вообще польскую культурную жизнь. Увлеченіе польскимъ языкомъ у Пушкина было вполне естественнымъ развитіемъ его прежнихъ славянскихъ интересовъ, особенно пробудившихся въ періодъ невольнаго пребыванія на югѣ, гдѣ онъ познакомился съ южными славянами, съ сербской пѣсней. Польскій языкъ былъ вообще въ модѣ; имъ занимались и другіе писатели: Карамзинъ раньше другихъ изучалъ его, чтобы познакомиться съ историческими трудами Нарушевича; Рылѣевъ былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Нѣмцевичемъ, читалъ его „Историческія пѣсни“ и подражалъ имъ; А. Бестужевъ-Марлинскій учился польскому языку у Сенковского. Мицкевичъ въ одной изъ лекцій въ Парижѣ (14 дек. 1841 г.), говоря о ростѣ славянской идеи, о развитіи сознанія славянскаго единства, констатировалъ общее отрадное явленіе—распространеніе знанія славянскихъ языковъ и литературъ у братскихъ сосѣднихъ народовъ („Odtąd nie uchodź już literatom dwóch krajów nieznać narzecza pogranicznego i utworów mających z sobą styczność“). Онъ могъ имѣть въ виду тѣ факты, которые его, несомнѣнно, радовали въ русской литературной средѣ, близко ему знакомой. Въ библиотекѣ Пушкина сохранились книги на разныхъ славянскихъ языкахъ: польскія, чешскія, сербскія, даже лужицко-сербская

грамматика; однѣ изъ нихъ — подношенія почитателей славянскихъ (на нѣкоторыхъ книгахъ есть надписанія бібліотекаря Чешскаго Музея Вячеслава Ганки), другія, вѣроятно, — приобрѣтенія самого поэта. Изъ польскихъ книгъ въ сохранившемся собраніи имѣются: Konrad Wallenrod, петербургское изданіе 1828 г., Poezye Adama Mickiewicza, Petersburg 1829 г., парижское изданіе стихотвореній Мицкевича (1832 г.); далѣе отмѣтимъ двѣ грамматики польскаго языка (краковское изданіе 1794 г. для народныхъ школъ, грамматика на нѣмецкомъ языкѣ Карла Поля, 1829 г.), знаменитый Словарь польскаго языка Линде, словарь М. А. Троча (въ трехъ экземплярахъ); есть книги историческаго содержания (напр., Г. С. Бандтке, Исторія государства Польскаго, русской переводъ 1831 г.), а также и специально касающіяся русско-польскаго вопроса, напр.: Schnitzler J. H., La Pologne et la Russie, Paris, 1831, съ motto: Jechtché Polska nie pjepadła. Non, la Pologne n'est pas encore perdue, № 1358 и 1359, оп. с., р. 331), Адама Гуровскаго La verité sur la Russie et sur la révolte des Provinces Polonaises (Paris, 1834) и др.

Можно предполагать, что нашъ поэтъ изучилъ родственнѣе славянскій языкъ въ такой мѣрѣ, что разбирался въ польскомъ поэтическомъ текстѣ, но едва ли онъ могъ знать этотъ труднѣе языкъ основательно. Извѣстно, что Пушкинъ принялся за переводъ „Конрада Валленрода“ тотчасъ по выходѣ его въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1828 г. и мастерски перевелъ начало его („Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ“); онъ зналъ и другія произведенія своего друга, и русскій изслѣдователь (П. О. Морозовъ) усматриваетъ, напр., въ „Русалкѣ“ реминисценціи изъ „Rybki“ и „Switezianki“ Мицкевича, а отраженіе „Конрада Валленрода“ находитъ Третьякъ въ замыслѣ „Полтавы“. Мицкевичъ перевелъ (1828) пушкинское „Воспоминаніе“ (Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день), а въ эпиграммѣ „Na Jana Czyńskiego“ (1832—1834) явно вспомнилъ извѣстное четверостишіе Пушкина на гр. Воронцова (Полугерой, полуневѣжда). Въ эти годы Пушкинъ подарилъ Мицкевичу свою „Полтаву“, какъ только она появилась въ печати; вѣроятно, въ это же время онъ получилъ отъ Мицкевича экземпляръ сочиненій Байрона, изданія 1826 г., съ надписью на польскомъ языкѣ: „Байрона Пушкину посвящаетъ поклонникъ обоихъ — А. Мицкевичъ“ (См. каталогъ Пушкинской библ. въ изд. Пушкинъ и его соврем., вып. IX—X. Ср. Пушкинъ въ мировой литературѣ, 1926, статья Н. Яковлева, Изъ разысканій о литературныхъ источникахъ въ творчествѣ Пушкина, стр. 118 и сл.). Это — прочные свидѣтели несомнѣннаго интереса Пушкина къ Славянству и взаимнаго расположенія обоихъ поэтовъ.

Съ необыкновенно цѣннымъ документомъ для исторіи этихъ взаимоотношеній, съ смѣлымъ ходатайствомъ нашего поэта за изгнанника и друга познакомилъ насъ Б. Л. Модзалевскій въ замѣткѣ „Пушкинъ — ходатай за Мицкевича“ (Пушкинъ и его соврем., вып. XXXVI, 1923 г., стр. 26—33). Оно относится къ 7 января 1828 г. Для характеристики нравственной личности Пушкина, принявшаго въ судьбѣ польскаго поэта живѣйшее сердечное участіе, оно имѣетъ большое значеніе.

Среди бумаг фонь-Фока, управлявшего III Отдѣленіемъ канцеляріи Е. В., Модзалевскій нашель записку Пушкина, представленную поэтомъ, вѣроятно, при личномъ ходатайствѣ въ качествѣ памятной записки и написанную „не безъ дипломатической ловкости“, въ выраженіяхъ весьма осторожныхъ, но явно внушающихъ мысль о разрѣшеніи Мицкевичу вернуться на родину. Достигнуть этой цѣли Пушкину, правда, не удалось, но ходатайство его все-таки помогло Мицкевичу, какъ думаетъ Модзалевскій, освободиться отъ столь несвойственной ему роли чиновника гражданской канцеляріи московскаго генералъ-губернатора.

Эти дружескія отношенія оставались неизмѣнными до самаго конца пребыванія польскаго поэта въ Россіи, и только отъѣздъ Мицкевича за границу въ маѣ 1829 года прервалъ личныя его связи съ русскими друзьями, а разразившееся въ ноябрѣ 1830 г. возстаніе неизбѣжно привело Мицкевича въ станъ противниковъ и отдалило его отъ прежнихъ друзей окончательно. Но и война не могла уничтожить въ памяти обоихъ друзей тѣхъ высокихъ, добрыхъ чувствъ и радостныхъ воспоминаній, которыми оба были исполнены.

Вспыхнувшій въ Польшѣ пожаръ застигъ польскаго поэта въ Римѣ, гдѣ онъ въ первыхъ числахъ декабря получилъ депешу о началѣ войны. Поэтъ рѣшилъ ѣхать въ Польшу. Весною 1831 г. С. А. Соболевскій, узнавши отъ Мицкевича, что возставшіе зовуть его на родину, рѣшилъ помочь непрактичному и неопытному въ житейскихъ дѣлахъ польскому поэту. Онъ размѣнялъ ему деньги, устроилъ его паспортныя дѣла, закупилъ для него дорожныя вещи и самъ сѣлъ съ нимъ въ дилижансъ. Они выѣхали изъ Рима 19-го апрѣля въ обществѣ еще нѣсколькихъ русскихъ друзей Мицкевича (А. К. Виноградовъ, Просперъ Мериме, стр. 251, гдѣ воспроизведена страница дневника Соболевскаго). Поэтъ, какъ извѣстно, на театрѣ военныхъ дѣйствій опоздалъ и участія въ нихъ не принялъ. Пушкинъ уже въ началѣ 1831 г. имѣлъ, повидимому, какія-то непосредственныя свѣдѣнія о Мицкевичѣ и его сборахъ, когда съ тревогой за судьбу его и грядущія горестныя переживанія писалъ Е. М. Хитрово (21 января): „Изъ всѣхъ поляковъ меня интересуеть только Мицкевичъ. Онъ былъ въ Римѣ въ началѣ возстанія. Боюсь, какъ бы онъ не пріѣхалъ въ Варшаву — присутствовать при послѣднихъ судорогахъ своего отечества“ (Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, стр. 14 и 82).

Разгромъ возстанія и взятіе Варшавы глубокою болью отозвались въ сердцѣ польскаго поэта, но на событія 1830—1831 г. Мицкевичъ откликнулся непосредственно лишь спустя нѣкоторое время и то только по частному случаю: онъ воспѣлъ, какъ мы видѣли, геройскій подвигъ Ордона, взорвавшаго Вольскій редутъ и не сдавагося русскимъ войскамъ. Какъ бы опомнившись отъ придавившихъ его ужасныхъ потрясеній, поэтъ коснулся затѣмъ событій молодости своей въ предисловіи къ III-ей части „Dziadów“, посвященной памяти друзей и товарищей по заточенію и изгнанію, погибшихъ отъ тоски по родинѣ въ Архангель-

скѣ, Москвѣ и Петербургѣ, излилъ здѣсь свои мысли о Россіи въ знаменитомъ „Отрывкѣ“ (Ustęp), посвященномъ „друзьямъ москалямъ“, и трогательно помянулъ русскаго поэта, своего друга Пушкина (Pomnik Piotra W.). Въ первомъ стихотвореніи „Отрывка“ (Do przyjaciół Moskali), обращенномъ ко всѣмъ русскимъ друзьямъ, Мицкевичъ, нѣкогда дѣлившійся съ ними завѣтными мыслями, вспомнилъ, какъ полагають польскіе комментаторы этого обращенія, не только о русскихъ друзьяхъ вообще, но имѣлъ въ виду въ частности Пушкина. Стихотвореніе содержитъ естественный въ такую минуту вопросъ: вспоминають ли польскаго поэта его прежніе русскіе друзья, какъ онъ вспоминаетъ ихъ на далекомъ Западѣ? Гдѣ они теперь?

„Wy czy mnie wspominać? — Ja ilekroć marzę
O mych przyjaciół śmierciach, wgnaniach, więzieniach;
I o was myślę; wasze cudzoziemskie twarze
Mają obywatelstwa prawo w mych marzeniach.
Gdzież wy teraz?...“

Но далѣ слѣдовалъ еще другой, болѣе тягостный и мучительный вопросъ, на который поэтъ, ушедшій на Западъ, потерявшій связи съ Петербургомъ и русскими друзьями, желалъ бы имѣть отвѣтъ. Онъ вспомнилъ погибшаго на вистлицѣ Рылѣва и прикованнаго къ тачкѣ въ сибирскихъ рудникахъ Бестужева, — обоихъ постигла жестокая судьба; но тѣ, кто уцѣлѣлъ въ бурѣ, можетъ быть, испытали еще болѣе суровую кару небесъ, муки не физическія, а душевныя: можетъ быть, кое-кто изъ нихъ, опозоренный служебнымъ положеніемъ или орденномъ, продалъ на вѣки свободную душу благоволенію царя и нынче отбиваетъ поклоны на его порогахъ?

„Innych może dotknęła sroższa niebios kara —
Może kto z was, urzędem, orderem shańbiony,
Duszę wolną na wieki sprzedał w łaskę cara,
I dziś na progach jego wybija pokłony.“

Можетъ быть, среди нихъ есть и такіе, которые продажнымъ перомъ прославляютъ царскіе триумфы и радуются мученичеству своихъ друзей; можетъ быть, они въ отчизнѣ поэта обгагрятъ себя его кровью и гордятся передъ царемъ проклятіями, словно заслугами?

„Może płatnym językiem tryumf jego sławi,
I cieszy się ze swoich przyjaciół męczeństwa;
Może w ojczyźnie mojej moją krwią się krawi,
I przed carem, jak z zasług, chlubi się z przekleństwa...“

Мицкевичъ обѣщаетъ русскимъ друзьямъ радостную вѣсть: „Если къ вамъ издалека, отъ вольныхъ народовъ донесутся на сѣверъ эти печальныя пѣсни, то пусть онѣ принесутъ вамъ предвѣстіе свободы, какъ журавли возвѣщаютъ весну“... Третьякъ (Puszkין i Mickiewicz, str. 249—250) полагаетъ, не безъ нѣкоторыхъ однако колебаній и сомнѣній, что Мицкевичъ имѣлъ здѣсь въ виду Пушкина и Жуковскаго, хотя Мицкевичъ до написанія посвященія „Отрывка“ (Ustęp), т. е. вступитель-

наго стихотворенія „Do przyjaciół Moskali“, не зналъ торжественныхъ гимновъ Пушкина русскимъ побѣдамъ (Ibid., p. 263). Подозрѣнія или опасенія Мицкевича относительно своихъ русскихъ друзей возникли, такимъ образомъ, безъ этого внѣшняго импульса, путемъ глубокой интуиціи поэта. Новѣйшій польскій изслѣдователь, подвергшій стихотв. „Do przyjaciół Moskali“ анализу „изнутри“ (Rafał Blüth, „Do przyjaciół Moskali“. Geneza od wewnątrz. Ruch literacki, 1927, № 2, str. 40), ставитъ вопросъ Мицкевича въ тѣсную связь съ воспоминаніями, которыя поэтъ сохранилъ о томъ днѣ (3-го апрѣля 1829 г.), когда русскіе друзья торжественно прощались съ нимъ въ Москвѣ, передъ его отъѣздомъ изъ Россіи. Съ большими усилями, на основаніи двухъ незначительныхъ записей въ дневникѣ Погодина о прощальномъ завтракѣ и о томъ „хаотическомъ разговорѣ“, который велся тогда присутствовавшими, о какомъ-то диспутѣ Пушкина съ Мицкевичемъ, о „холодномъ предубѣжденіи“ одного и „горячей вѣрѣ“ другого участника собранія и на основаніи болѣе ранней отмѣтки Погодина о посѣщеніи имъ 21 марта 1829 г. Мицкевича, о бесѣдѣ съ нимъ „о нашемъ просвѣщеніи“, о томъ, что Россія безусловно должна поддерживать „всѣ славянскія партіи“, ибо этимъ она привлечетъ народы больше, чѣмъ военными захватами, — Блютъ старается доказать, что польскій поэтъ, потрясенный кровавыми событіями 1831 г., невольно долженъ былъ вспомнить о недавнихъ увлечательныхъ и возвышавшихъ душу бесѣдахъ друзей, о чувствахъ расположенія къ нему, которыя такъ прекрасно выражены были въ мастерскомъ стихотвореніи И. В. Кирѣвскаго, поднесенномъ польскому поэту вмѣстѣ съ серебрянымъ стаканомъ на память; онъ долженъ былъ, быть можетъ, вновь прочесть, и самые стихи и предъ лицомъ горестныхъ событій вознегодовать и отвѣтить прежнимъ друзьямъ то-стомъ изъ той же чаши, наполненной нынѣ ядомъ, который долженъ разѣдать и жечь ихъ оковы, но не ихъ самихъ. Поэтъ только съ болью сердечною могъ написать такіе стихи :

„Teraz na świat wylewam ten kielich trucizny —
Zraça jest i pałaca mojej gorzyc mowy,
Gorzyc wyssana ze krwi i z łez mej ojczyzny;
Niech żre i pali — nie was, lecz wasze okowy“...

Эти слова Мицкевича, думается, не должны были имѣть оскорбительнаго смысла для друзей, — это не могло входить въ его намѣренія.

Пушкинъ въ половинѣ 1833 г. уже читалъ „Ustęp“, и въ черновикахъ его имѣются переписанныя имъ части : „Oleszkiewicz“, „Pomnik Piotra Wielkiego“ и „Do przyjaciół Moskali“. Венгеровъ (Сочиненія Пушкина, т. VI, стр. 466) въ комментарий къ этому стихотворенію склоненъ думать, что едва ли Мицкевичъ свой ядовитый намекъ на тѣхъ, кто продалъ себя царю, относилъ къ Пушкину, но соображенія его неубѣдительны : приводимые имъ факты дружественнаго отношенія къ памяти Пушкина относятся ко времени болѣе позднему, послѣ смерти поэта, когда Мицкевичъ не считалъ бы достойнымъ, во имя обязательнаго „de mortuis“...

дѣлать какіе-либо намеки на недалекое прошлое, относительно котораго ихъ взгляды разошлись. Но мы имѣемъ еще нѣкоторое подкрѣпленіе въ пользу перваго мнѣнія (Третьяка и др.), усматривающаго здѣсь намеки именно по отношенію къ Пушкину.

Послѣ четырехъ лѣтъ разлуки Пушкинъ получилъ впервые извѣстіе о Мицкевичѣ отъ вернувашагося изъ-за границы въ концѣ іюля 1833 г. С. А. Соболевскаго. Онъ разсказалъ Пушкину о своихъ заграничныхъ знакомствахъ, о встрѣчахъ съ Мериме, о Пѣсняхъ западныхъ Славянъ, о выходѣ книжки Мицкевича „Книги народа польскаго и польскихъ скитаній“ и вручилъ ему по секрету III-ю часть „Dziadów“, въ которой Пушкинъ прочелъ какъ бы упрекъ себѣ въ первомъ же стихотвореніи „Отрывка“, т. е. „Do przycisioł Moskali“. Но въ томъ же „Отрывкѣ“ Пушкинъ нашель другое замѣчательное по мысли стихотвореніе Мицкевича: „Pomnik Piotra Wielkiego“, напомнившее ему о недалекомъ прошломъ, объ искренней дружбѣ съ польскимъ поэтомъ, о бесѣдахъ на волновавшія друзей темы, о попыткахъ рѣшенія большихъ проблемъ, о Петрѣ Великомъ и „каскадѣ тиранніи“ въ русской исторіи. „Однажды вечеромъ, — вспоминаеть Мицкевичъ, — двое юношей, взявшись за руки, стояли на дождѣ подъ однимъ плащомъ: одинъ былъ странникъ, пришелецъ съ Запада, невѣдомая жертва царскаго насилія; другой былъ поэтъ русскаго народа, прославившійся своими твореніями на всемъ сѣверѣ. Они были знакомы другъ съ другомъ недолго, но много и съ недавняго времени они уже были друзьями. Ихъ души, возносясь надъ земными препятствіями, были двѣ родственныя вершины Альпъ, хотя и разъединенныя на вѣки воднымъ потокомъ: онѣ едва слышать шумъ своего недруга, склоняя другъ къ другу свои поднебесныя верхушки...“

Эти стихотворенія оживили въ памяти еще не столь далекіе минувшіе, болѣе радостныя дни. Впрочемъ, здѣсь необходимо сдѣлать небольшую оговорку: по мнѣнію проф. А. Брикнера (А. Brückner, *Historja lit. rosyjskiej*, 1922, I, 536), вполне принятому и В. Ледницкимъ (Puszkini, str. 398), разговоръ у памятника Петра В. могъ вести Мицкевичъ съ Рылѣвымъ, но никакъ не съ Пушкинымъ. Не входя въ обсужденіе ихъ соображеній въ пользу такого шаткаго предположенія, укажемъ, что Мицкевичъ едва ли могъ бы назвать Рылѣва поэтомъ, въ его пору прославившимся своими пѣснями на всемъ сѣверѣ (sławny pieśniami na całej północy). Къ тому же рѣчь о Петрѣ Вел., вложенная Мицкевичемъ въ уста русскаго поэта въ „Памятникѣ Петра В.“ и въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ нашедшая свое ясное отраженіе, могла быть знакома и понятна только Пушкину, только ему напомнить о прежней дружбѣ съ польскимъ поэтомъ и вызвать, такимъ образомъ, его отповѣдь-реплику въ цѣломъ большемъ произведеніи.

Пушкинъ не могъ оставить безъ отвѣта хотя бы только намека, достаточно обиднаго по формѣ и содержанію. Но отвѣтить было нелегко, — разсуждаетъ Третьякъ. Нетрудно было, правда, не измѣняя разъ занятой точки зрѣнія, отвѣтить Мицкевичу тономъ официальнаго не-

годованія, — это былъ бы даже удобный случай снискать царское благоволеніе! Но Пушкинъ, продолжаетъ снисходительно Третьякъ, былъ слишкомъ искрененъ и благороденъ, чтобы удовлетвориться такою отповѣдью, — онъ чувствовалъ, что она была бы фальшью. Нѣтъ, онъ хотѣлъ излить все волненіе чувствъ и мыслей, вызванныхъ потрясающимъ ударомъ, и въ этомъ изліяніи найти облегченіе для сердца и отвѣтъ великому противнику-другу. Такъ возникъ „Мѣдный Всадникъ“, по единодушному въ настоящее время взгляду литературныхъ изслѣдователей, какъ отвѣтъ, какъ выраженіе взгляда Пушкина на Петра и какъ оправданіе русскаго пѣвца.

Въ каждой строкѣ „Отрывка“ Пушкинъ читаль укоризну столицѣ Петербургу, обличеніе мертвящей и холодной, величавой русской дѣйствительности, обреченной на вѣчное роковое принесеніе въ жертву частныхъ интересовъ интересамъ огромнаго, но никому не дающаго счастья государства. И вотъ получились три отклика поэта: первый— „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“ (1833). Въ этомъ стихотвореніи чувствуется головокруженіе, охватившее Пушкина при мысли о русской свободѣ, о той свободѣ, къ которой звалъ и которую предвѣщаль Мицкевичъ. Второй откликъ: „Онъ между нами жилъ“, посвященный воспоминанію о Мицкевичѣ, написанъ былъ 10 августа 1834 г., т. е. годъ спустя послѣ полученія отъ Соболевскаго III-ей части „Dziadów“ и подлинныхъ, непосредственно отъ близкаго лица вѣстей о Мицкевичѣ. Третій, болѣе ранній отвѣтъ, касающійся прямо той части, которая называется „Romnik Piotra Wielkiego“, данъ былъ Пушкинымъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ (1833). Интересно, что въ Болдинѣ въ эту пору (1833) онъ занялся переводомъ двухъ балладъ Мицкевича: „Воевода“ (Czaty) и „Будрысь и его сыновья“ (Trzech Budrysów), постоянно возвращаясь мыслью къ далекому другу, входя съ нимъ этимъ путемъ въ духовное общеніе и не прерывая связи съ нимъ.

Не будемъ касаться подробностей генетической связи „Мѣднаго Всадника“ Пушкина и частей „Отрывка“ (Олешкевичъ, Памятникъ Петра Вел.) Мицкевича, вызвавшаго своимъ тезисомъ о „каскадѣ тиранніи“, какъ характерномъ признакѣ русской исторіи отъ Петра до времени Николая, отвѣтъ русскаго поэта; изложимъ лишь вкратцѣ взглядъ Третьяка на эту тему. Чѣмъ является „Мѣдный Всадникъ“ по отношенію къ „Олешкевичу“ и „Памятнику Петра Вел.“? Въ отношеніи къ первому произведенію онъ есть только нѣкоторое эхо его; по отношенію ко второму онъ есть не только эхо, но и прямой отвѣтъ на него. Въ произведеніи Мицкевича Пушкинъ встрѣтился съ вызовомъ: помнить ли онъ тѣ времена, когда онъ смотрѣлъ на русское государство, какъ на каскадъ тиранніи, и остался ли онъ вѣренъ этимъ взглядамъ? А можетъ быть, онъ примирился съ этимъ каскадомъ и прославляетъ его триумфы? Отвѣтъ, данный Пушкинымъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, можно изложить приблизительно такъ: да, я былъ и остаюсь исповѣдникомъ свободы, былъ и остаюсь врагомъ тиранніи, но развѣ не было бы безуміемъ вступать въ открытую борьбу съ нею? Живя въ Россіи, необходимо подчиниться

всесильной, всепокоряющей идеѣ государства, въ противномъ случаѣ — она будетъ меня преслѣдовать, какъ преслѣдовала безумскій кри-

тикъ. Это толкованіе Третьяка принимаетъ безъ оговорокъ А. К. Виноградовъ (ор. cit., p. 254) въ новѣйшей работѣ, посвященной отчасти взаимоотношеніямъ: Мицкевичъ—Пушкинъ—Соболевскій. Онъ признаетъ, что въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ нашъ поэтъ строчка за строчкой возражаетъ Мицкевичу. Его Евгений, грозящій кулакомъ гиганту на бронзовомъ конѣ, это протестъ личнаго страданія, принесеннаго въ жертву ледяной и мертвящей идеѣ императорской Россіи. Пушкинъ увидѣлъ въ этомъ индивидуальномъ обывательскомъ протестѣ безуміе. Маленькій герой „Мѣднаго Всадника“ Евгений сходитъ съ ума. И тѣснѣйшимъ образомъ связано съ „Мѣднымъ Всадн.“ написанное въ одно время съ нимъ въ Болдинѣ (октябрь 1833 г.) стихотв. „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“, являющееся дополненіемъ и поясненіемъ поэмы. Пушкинъ боится мысли о томъ, что его могло бы постигнуть такое бѣдствіе, ибо оно привело бы его за рѣшетку, на цѣпь. Онъ и безъ того, очевидно, узникъ, свободное творчество его стѣснено, и онъ съ мольбою грезитъ:

„Когда бѣ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.“

Но поэтъ лишень счастья пѣть объ этихъ грезахъ, мечтать о свободѣ. Безуміе, о коемъ говоритъ Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи, есть безуміе поэта, который желалъ бы пѣть о свободѣ въ Россіи, — поясняетъ Третьякъ (ор. cit., p. 281). И онъ, Пушкинъ, сумѣлъ бы пѣть такъ же, какъ поетъ Мицкевичъ, какъ поютъ свободные поэты, но развѣ онъ можетъ это сдѣлать? Практическій разумъ велитъ ему не забывать, гдѣ онъ живетъ, и настраивать лиру свою не согласно своимъ желаніямъ, а сообразуясь съ обстоятельствами. И здѣсь та же мысль, что и въ „Мѣдномъ Всадникѣ“: то же, какъ и тамъ, безуміе, то же отступленіе и беспомощность передъ мощью „каскада тиранніи“.

Мицкевичъ счастливо избѣжалъ этого конфликта. Въ дни невольнаго пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ онъ, „рожденный въ неволѣ, скованный еще въ пленкахъ“, вынужденно мудро молчалъ, лишь наблюдая русскую дѣйствительность отъ ея верховъ и до низу и не участвуя въ ней активно; но, уѣхавши за границу, въ минуту, когда нельзя было уже молчать, онъ высказался чистосердечно, не боясь упрековъ въ двуличіи, ибо онъ никогда не скрывалъ своихъ чувствъ передъ друзьями, съ голубиной простотой открывая имъ свое сердце; инымъ было его отношеніе къ деспоту, котораго онъ обманывалъ, ползая предъ нимъ, молча, какъ змѣй:

„... Pókim był w okuciach,
Pełzając milczkiem jak wąż, łudziłem despotę,
Lecz wam odkryłem tajnie zamknięte w uczuciach
I dla was miałem zawsze gołębią prostotę“.

Пушкинъ не могъ прибѣгнуть къ этому способу поведенія, къ этой утонченной тактикѣ затаеннаго молчанія мудраго змѣя. Онъ весь былъ наружу, даже въ связывавшихъ его узахъ, по существу еще болѣе тягостныхъ, чѣмъ муки и въ изгнаніи внутренне болѣе свободнаго и независимаго въ творческой работѣ Мицкевича.

Все, чтò пережилъ поэтъ въ Болдинѣ въ осенніе дни 1833 г., прочитывая строки драгоцѣннаго подарка Соболевскаго и задумываясь надъ тяжкими упреками и подозрѣніями польскаго поэта, вѣроятно, долго волновало его мысль, но не нарушило его душевнаго равновѣсія. Онъ страдалъ много, но про себя. Въ августѣ 1834 г. онъ излилъ наболѣвшія чувства и простился съ великимъ другомъ въ замѣчательномъ величіемъ духа и красотой слова стихотворенія, полнымъ сердечной грусти, кротости и всепрощенія:

„... Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили“...

Невольно чувствуется при чтеніи этихъ стиховъ, что Пушкинъ воспроизводитъ въ нихъ живую рѣчь дружеской бесѣды и дѣйствительные моменты своей жизни.

Очевидно, что здѣсь недостаетъ начала отвѣта Пушкина, что поэтъ какъ-будто не пожелалъ вспоминать объ огорченіи, пережитомъ по прочтеніи обращеннаго къ русскимъ друзьямъ стихотворенія Мицкевича. Съ грустью повторяетъ Пушкинъ слова Мицкевича: „в а ш и ч у ж е з е м н ы я л и ц а“ (*wasze cudzoziemskie twarze*), сказанныя польскимъ поэтомъ о его московскихъ и петербургскихъ друзьяхъ, и сожалѣетъ, что всѣ они были для Мицкевича „чужимъ племенемъ“, а не родственнымъ, близкимъ, если ужъ не братскимъ. Реплика Мицкевичу была элегіей, полной задушевныхъ воспоминаній о прекрасномъ невозвратномъ прошломъ, когда лучшіе люди съ обѣихъ сторонъ полагали основанія сближенію двухъ славянскихъ народовъ и вѣрили въ приходъ его, въ его возможное осуществленіе. Съ чужихъ словъ, конечно, П. П. Дубровскій (Отеч. Зап., 1858, сент., стр. 39) свидѣтельствуемъ,

что мысль о той далекой эпохѣ вождельнной любви, которая нѣкогда должна связать народы въ единую семью, выражена была Мицкевичемъ въ его рѣчи на французскомъ языкѣ, которую онъ однажды импровизировалъ въ дружескомъ кругу русскихъ литераторовъ въ Петербургѣ. Мицкевичъ, какъ онъ изображенъ Пушкинымъ, срисованъ съ натуры. Анненковъ подтверждаетъ, что всѣ подробности этого стихотворенія отражаютъ дѣйствительность.

Изъ словъ: „Мирный, благосклонный, онъ посѣщаль бесѣды наши...“, бесѣды, въ коихъ друзья мечтали „о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“, польскій комментаторъ этого отрывка (Ruch liter., 1927, 43) дѣлаетъ свободное предположеніе, что Мицкевичъ въ острыхъ спорахъ мирилъ антагонистовъ, своихъ русскихъ друзей, и въ то же время выдвигалъ свою идеологію славянскаго объединенія, болѣе широкую и возвышенную, чѣмъ частичныя концепціи спорившихъ. Польскій поэтъ будто бы излагалъ свои мысли о будущей федераціи свободныхъ и независимыхъ славянскихъ племенъ, но эта идея въ русскомъ обществѣ получила уже раньше свои начала, свою достаточно ясную формулировку, смѣлое выраженіе и развитіе. Этого не слѣдуетъ забывать.

Стихотв. Пушкина напечатано было въ посмертномъ изданіи 1838 г. въ редакціи Жуковскаго. Печатный текстъ значительно отличается отъ рукописнаго (Исторію текста далъ М. Л. Гофманъ въ изд. Пушкинъ и его соврем., XXXIII—XXXIV, стр. 367—371. Ср. возраженія Гофману Ледническаго, Puszkín, p. 194 и сл.). Чтеніе Жуковскаго, какъ оказывается, значительно строже отзывается о Мицкевичѣ, чѣмъ чтеніе чистоваго автографа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оригинала Пушкинъ былъ мягче: въ печатномъ текстѣ „угодникъ черни буйной“ поетъ ненависть въ своихъ стихахъ; въ рукописи (и въ черновой и въ чистой) польскій поэтъ „въ угоду черни буйной“ (что не совсѣмъ одно и то же) ядомъ напоеть свои стихи; повидимому, и вмѣсто „озлобленная душа“ Пушкинъ имѣлъ намѣреніе выразиться: „незлюбивая“. Только въ послѣднихъ строкахъ Пушкинъ какъ будто воспоминаетъ о прочитанномъ „Отрывкѣ“ (Ustępie), о гнѣвныхъ стихахъ нѣкоторыхъ частей его, о безотрадныхъ, леденящихъ душу картинахъ русской жизни, о томъ каскадѣ тираниі, которою яко бы наполнена новая русская исторія. Едва ли можно отвергнуть предположеніе, что именно эти стихотворенія, составляющія „Отрывокъ“ (Ustęp), поэтъ имѣетъ въ виду, когда говоритъ о Мицкевичѣ: „Издалека знакомый голосъ злобнаго поэта доходитъ къ намъ!“

Пушкинъ, говорятъ намъ (Tretiak, op. c., 300), не оправдался передъ Мицкевичемъ въ тѣхъ упрекахъ или подозрѣніяхъ, которые высказалъ его польскій другъ въ стихотвореніи: „Къ друзьямъ москалямъ“. Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ и въ стихотв. „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“ онъ оправдывалъ свое пассивное отношеніе къ деспотизму сокрушающею мощью послѣдняго, признаваясь, такимъ образомъ, въ своемъ безсиліи бороться съ нимъ, но ни въ одномъ изъ нихъ, по мнѣнію Третьяка, онъ не очистилъ себя отъ обвиненія самаго тяжкаго, которое

умышленно или бессознательно бросил Мицкевичъ, а именно — что продажнымъ перомъ (płatnym językiem) онъ возславилъ торжество царя надъ народомъ, борющимся за свободу и пораженнымъ въ борьбѣ за эту свободу

Нѣтъ спора, — говоритъ польскій ученый, — трудно требовать отъ Пушкина, чтобы онъ на польское возстаніе смотрѣлъ очами польскаго поэта; легко простить, что польскія притязанія относительно границъ независимой Польши русскій поэтъ считалъ преувеличенными; легко понять, что нельзя же было русскому поэту радоваться поражению русской арміи; что конфликтъ слѣпото національнаго эгоизма съ чувствомъ справедливости могъ привести его въ скорбно настроеніе. Но польскій критикъ, высказавши такія чистыя признанія и найдя столько вѣскихъ мотивовъ для оправданія Пушкина, желалъ бы, чтобы величайшій русскій поэтъ и другъ Мицкевича удержался по крайней мѣрѣ на той высотѣ, съ какой взирали на возстаніе менѣе выдающіеся поэты той же эпохи, какъ, напр., Тютчевъ и Хомяковъ, проклявшіе братоубійственную войну. Третьякъ упустилъ однако изъ виду, что и Тютчевъ, и Хомяковъ, и многіе другіе, сочувственно къ полякамъ настроенные русскіе писатели, въ одинаковой мѣрѣ, хотя и въ различное время, считали первопричиною неразрѣшимости или трудной разрѣшимости тяжелаго семейнаго спора, прежде всего, территориальныя притязанія поляковъ, такъ наз. историческія права Польши. Необходимо еще разъ подчеркнуть, что Пушкинъ по существу меньше всего славословилъ побѣду, что онъ главнымъ образомъ обращалъ свой голосъ противъ вмѣшательства чужеземцевъ („Клеветникамъ Россіи“) и дальновидно, съ поразительною ясностью подчеркнул важность такого рѣшенія спора, при которомъ не были бы нарушены національныя права Россіи („Бородинская годовщина“).

На упреки и вопросы Мицкевича онъ не отвѣтилъ сразу и немедленно и поступилъ осторожно, мудро и тактично, — отвѣтъ подъ первымъ впечатлѣніемъ, въ моментъ раздраженія нанесенною обидою, могъ бы получиться нежеланный, а Пушкинъ глубоко уважалъ и любилъ („мы его любили“) своего недолговременнаго друга. Онъ проявилъ нравственную выдержку, хотя рѣзкое выступленіе Мицкевича должно было глубоко огорчить его. „Огнь поэзіи священный“ примирилъ его и съ острымъ укоромъ польскаго генія.

Мицкевичъ въ тѣхъ собраніяхъ, въ коихъ въ Петербургѣ и Москвѣ онъ и русскіе друзья его дѣлились и чистыми мечтами и пѣснями, въ поэтическихъ бесѣдахъ о временахъ грядущихъ, когда народы забудутъ старыя распри и соединятся въ одну семью, могъ узнать, конечно, истинное настроеніе и подлинныя взгляды того круга, въ коемъ онъ вращался (Погодинъ, Хомяковъ, С. Т. Аксаковъ, И. В. Кирѣевскій, Веневитиновъ, Боратынскій, Венелинъ и др.); онъ могъ убѣдиться, что всѣ его знакомые и друзья серьезно и искренно мечтали о славянскомъ единеніи, мирѣ и братствѣ, что идея эта не угасала въ русскомъ передовомъ обществѣ, несмотря на гибель ея глашатаевъ-декабристовъ, —

и у него должно было сложиться вполне определенное представление о тех формах и основах, на которых думали строить новые между-славянскія отношенія его русскіе друзья, хотя бы, напримѣръ, декабристы. Мицкевичъ именно объ этомъ согласіи и братствѣ народовъ мечталъ постоянно, и его кафедра въ Collège de France была, по его собственному заявленію, „эмблематическимъ ковчегомъ будущаго соединенія славянскихъ народовъ“. Поэтому, выливая на міръ чашу яда (Do przyjaciół Moskali), который долженъ жечь оковы его русскихъ друзей, поэтъ вмѣсто стиха, въ коемъ говорится „о разъѣдающей и палящей горечи его словъ“ (Zraça jest i paląca mojej goręcy mowy), имѣлъ иной, болѣе мягкой и высокой вариантъ: „Dla zgody ludów stawiam ten kielich godowy“, т. е. поднимаю эту пиршественную чашу во имя согласія народовъ (R. Blüth, Ruch liter., 1927, № 2, стр. 44), и этотъ стихъ болѣе отвѣчалъ бы истинному настроенію поэта. Выше мы видѣли, что такъ же мучился и Пушкинъ подысканіемъ наиболѣе отвѣчающихъ его мыслямъ словъ.

Пушкинъ напомнилъ въ обращеніи къ Мицкевичу объ общемъ стремленіи къ миру и согласію, о чистыхъ мечтахъ русскихъ друзей поэта и его самого. Мицкевичъ живо вспомнилъ бы и собранія и высокія рѣчи ихъ участниковъ, читая эти стихи. И Пушкину не въ чемъ было оправдываться передъ другомъ, съ которымъ онъ простился такъ сердечно, нѣжно и тепло, пожалѣвъ только, что гнѣвные стихи его проникнуты ненавистью. Онъ, несомнѣнно, читалъ ихъ и субъективно могъ, конечно, воспринять ихъ, какъ личную обиду себѣ. Теперь онъ лишній разъ могъ съ горечью вспомнить о дружбѣ, вообще не впервые заплатившей ему обидой „за жаръ души довѣрчивой и нѣжной“ (1835 г.).

Ничто однако въ личныхъ отношеніяхъ друзей не измѣнилось. Пушкинъ помнитъ всегда о польскомъ поэтѣ, при случаѣ справляется о немъ и даже на балу въ Аничковскомъ дворцѣ заводитъ разговоръ съ камергеромъ полякомъ А. О. Лэнскимъ о Мицкевичѣ и о Польшѣ (Дневникъ Пушкина, 18 декабря 1834 г.). Русское общество продолжало связывать съ именемъ Мицкевича тѣ отрадныя воспоминанія и хранить въ памяти неизмѣнно тѣ высокія, привлекательныя черты характера его, о которыхъ говоритъ Пушкинъ.

Послѣ трагической смерти русскаго поэта распространился въ кругахъ друзей его фантастическій, но чрезвычайно показательный слухъ, что Мицкевичъ рѣшилъ вызвать на дуэль Дантеса и даже будто бы объявилъ о своемъ намѣреніи въ французскихъ газетахъ. Со словъ А. И. Тургенева объ этомъ записалъ 13 марта въ своемъ дневникѣ В. А. Мухановъ. Самъ Тургеневъ 20 марта 1837 г. писалъ изъ Петербурга другу своему А. Я. Булгакову, московскому почтъ-директору: „Кажется, вѣрно, что Мицкевичъ вызывалъ письмомъ Дантеса на дуэль“. Слуху хотѣли вѣрить, какъ трогательному проявленію высокаго благородства польскаго поэта, и уже въ совершенно категорической формѣ его повторилъ вскорѣ Хомяковъ въ письмѣ къ Н. М. Языкову (14 апрѣля): „Мицкевичъ вызвалъ Дантеса на дуэль“ (См. Московскій

Пушкинистъ, І. Никитинскіе субботники, стр. 40, 66; ср. P. Ettinger, Mickiewicz a Rosja. I. Mickiewicz — mściciel Puszkina, Wiadom. Liter., 1928, № 6; дополнит. замѣтка *ibid.*, 1928, № 9, письмо А. Елагина). А. А. Елагинъ шель еще дальше и сообщалъ въ письмѣ къ матери нѣкоторыя подробности, что Мицкевичъ прислалъ Дантесу „картель“, при этомъ будто бы писалъ ему, что считаетъ себя обязаннымъ драться съ убійцею Пушкина, своего перваго друга, что если онъ не трусь, то поэтъ явится къ нему въ Парижъ. „Письмо напечатано въ иностранныхъ журналахъ, и убійца уже ѣдетъ въ Парижъ. Передъ глазами всей Европы нельзя было ему никоимъ образомъ отказаться отъ дуэли“, увѣренно заканчивалъ Елагинъ свое письмо (Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово, СПб., 1927, стр. 264; Русск. Арх., 1905, кн. 11, стр. 607). Для характеристики неизмѣнно добраго отношенія русскихъ друзей Мицкевича къ поэту и къ памяти его интересно напомнить, что много лѣтъ спустя, въ августѣ 1857 г. кн. Вяземскій, какъ товарищъ министра народнаго просв., ходатайствовалъ передъ государемъ о признаніи за наслѣдниками польскаго поэта правъ литературной собственности въ Ц. Польскомъ (Дѣло Канц. Министра, 21 авг. 1857 г., № 1390. Объ отношеніи Вяземскаго къ полякамъ и Мицкевичу см. Спасовича, Сочиненія, VIII).

Когда два года спустя послѣ смерти Пушкина Погодинъ, совершавшій вторую заграничную (1839 г.) поѣздку, пріѣхалъ 4-го іюня въ Парижъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ, тоже давнимъ знакомымъ Мицкевича, особенно сблизившимся съ нимъ въ Римѣ, то оба они сочли долгомъ посѣтить поэта, жившаго въ отдаленной части города, за Palais de Luxembourg. Мицкевичъ встрѣтилъ московскихъ друзей чрезвычайно привѣтливо и удивился, какъ они нисколько не перемѣнились, очевидно, имѣя въ виду ихъ внѣшній обликъ. На это Погодинъ ему сказалъ: „Да, мы не перемѣнились, а зачѣмъ же вы перемѣнились?“ Онъ намекалъ, понятно, на ту внутреннюю перемѣну, совершившуюся въ польскомъ другѣ, о которой скорбѣлъ Пушкинъ въ знакомомъ, конечно, всѣмъ тремъ собесѣдникамъ стихотвореніи.

Уже въ Римѣ Погодинъ узналъ отъ кн. З. А. Волконской, что Мицкевичъ „раскаивается“. Погодинъ не договариваетъ, въ чемъ раскаивался польскій другъ его, но, судя по дальнѣйшимъ строкамъ, это раскаяніе касалось его отношенія къ Россіи. Погодинъ пожелалъ лично въ этомъ убѣдиться при свиданіи, въ бесѣдѣ съ поэтомъ. Объ этой встрѣчѣ онъ писалъ: „Ахъ, какъ бы я желалъ броситься къ нему на шею и сказать ему, чтобъ онъ предался великодушію Русскаго Государя, но не могъ выговорить и рѣшился въ умѣ написать когда-нибудь къ нему письмо въ защиту русской исторіи передъ польскою и доказать ему необходимость соединенія Польши съ Россіей“ (Барсуковъ, *op. c.*, V, стр. 279). Но этого письма онъ никогда не написалъ. Русскій историкъ, такимъ образомъ, собирался повторить бесѣду на ту тему о примиреніи и соединеніи славянъ, которая бывала предметомъ дружескихъ дебатовъ при участіи Мицкевича въ Москвѣ и Петербургѣ, которая давно увлекала поэта и тревожила до конца дней.

Въ 1854 г., подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ извѣстія о выступленіи Мицкевича въ рядахъ турецкой арміи, Погодинъ (Польскій вопросъ. 1831—1867. М., 1867, стр. 43: Посланіе къ полякамъ), какъ старый служитель исторіи, „душою Русскій и Славянинъ“, вновь заговорилъ на тему онеобходимости примиренія русскихъ и поляковъ, вновь звалъ поляковъ на Востокъ, убѣжденный въ томъ, что только на Востокъ можетъ загорѣться для нихъ звѣзда спасенія. Онъ признавалъ, что въ взаимномъ спорѣ вины были на обѣихъ сторонахъ, такъ какъ обѣ стороны находились попеременно въ счастливыхъ и несчастныхъ обстоятельствахъ. . . „Вы завоевали у насъ прежде всю страну почти до Москвы, — мы возвратили ваше завоеваніе и пошли далѣе. Явленія обыкновенныя въ исторіи всѣхъ смежныхъ государствъ!“ Погодину, повидимому, не были тогда извѣстны Записка (Nota) Мицкевича о положеніи г. Риги, представленная Наполеону III въ 1854 г., и латинская ода на взятіе Бомарсунда (Ad Napolionem III. Ode in Bomarsundum captum), которыя еще болѣе могли бы удручить его славянское сердце.

Въ пламенныхъ бесѣдахъ Пушкина и Мицкевича, Погодина и большой группы русскихъ славянофиловъ, писателей и ученыхъ, говорили много и честно, смѣло и откровенно о томъ, что волновало и мучило обѣ стороны, и сердечно желали найти пути и средства для разрѣшенія великой славянской проблемы.

*   *

Одновременно съ Пушкинымъ откликнулись на польскія событія Тютчевъ и Хомяковъ. Ихъ отклики обыкновенно сравниваются съ стихотв. Пушкина, и всегда выводы изъ сравненія получаются для него неблагоприятные. Между тѣмъ, по существу взгляды всѣхъ трехъ поэтовъ на первопричину и суть русско-польской распри не расходятся.

Ө. И. Тютчевъ (род. въ 1803 г.) былъ нѣсколькими годами моложе Пушкина. Съ юныхъ лѣтъ (съ 1822 г.) онъ служилъ за границей и пережилъ непосредственно революціонныя вспышки тридцатаго года на Западѣ. Отвергая первоначально всякіе вообще революціонныя замыслы и въ частности осудивъ декабристовъ („О, жертвы мысли безразсудной!“), онъ подъ впечатлѣніемъ событій 1830 года измѣняетъ это отношеніе къ революціи. Мы видѣли, что Пушкинъ отрицалъ революцію въ принципѣ, будучи сторонникомъ мирныхъ путей прогресса. Для Тютчева въ самой сущности ея, въ ея глубинныхъ нѣдрахъ таилось нѣчто, глубоко его привлекавшее. Схваченная внѣ ея текущихъ и временныхъ проявленій, революція въ своемъ метафизическомъ планѣ соотвѣтствовала какой-то коренной сущности его души и полнымъ тономъ отвѣчала на ея завѣтнѣйшіе вопросы (Л. Гроссманъ, Три современника, стр. 30). Зрѣлый взглядъ свой онъ высказалъ при первомъ случаѣ съ изумительною смѣлостью и прямою.

Къ польскому возстанію 1831 г. Тютчевъ отнесся уже съ безспорнымъ сочувствіемъ, какъ къ радостному предвѣстію, и въ стихотвореніи

„На взятіе Варшавы“, глубоко потрясенный послѣднимъ актомъ кроваваго спора, онъ излилъ свою печаль о страданіяхъ Польши. Защищая свершеніе того, что представлялось ему однако исторической необходимостью, онъ оплакиваетъ роковой ударъ, нанесенный „горестной Варшавѣ“, и, не ликуя, а съ отчаяніемъ Агамемнона, несущаго богамъ „дочь родную на закланіе“, обращается къ истекающей кровью Польшѣ съ словомъ утѣшенія:

„Ты палъ, орель одноплеменный,
На очистительный костеръ!“

Польскій орель, пронзенный братскою стрѣлою, принесенъ въ жертву во имя сохраненія мира и цѣлости государства („Да купимъ сей цѣной кровавой Россіи цѣлость и покой“), для того, чтобы „Славянь родныя поколѣнья подъ знамя русское собрать и вестъ на подвигъ просвѣщенія единомысленную рать“, чтобы соединить въ единомысліи славянскихъ братьевъ, и пепель этой жертвы будетъ залогомъ грядущаго радостнаго объединенія и общей свободы, общаго счастья. Поэтъ даетъ клятву отъ имени русскаго народа:

„Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пепель мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!“

Тютчевъ страстно желаетъ примиренія Польши съ Россіей, — онъ считаетъ это примиреніе необходимымъ, какъ основу, какъ *conditio sine qua non* общаго славянскаго умиротворенія и устроенія:

„Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ славянской міровой громадѣ
Строй вождельный водворится,
Какъ съ Русью Польша примирится.“

А „помиряются эти двѣ“, по его убѣжденію,

„Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ...“

Съ Москвою и Петербургомъ въ исторіи взаимоотношеній Руси и Польши связано было много тягостныхъ воспоминаній, и Тютчевъ не питаетъ довѣрія къ обѣимъ столицамъ. Впрочемъ, его сложная мысль въ подробномъ развитіи насъ въ данный моментъ не занимаетъ.

Пушкинъ былъ прямолинейнѣе и реальнѣе смотрѣлъ на разыгравшуюся на его глазахъ трагедію: онъ, быть можетъ, нѣсколько холодно и сухо отнесся къ ней, поставивъ просто и рѣзко, безъ лишнихъ словъ тотъ же вопросъ о сохраненіи цѣлости государства, о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, объ объединеніи свободнаго Славянства подъ главенствомъ Россіи. Тютчевъ оплакиваетъ польскую жертву, оказавшуюся необходимою для осуществленія той же идеи цѣлости Россіи и единства Славянь. Русско-польская война есть не

только борьба за независимость Польши, но и борьба Россіи за ея цѣлость, за ея существованіе.

Увы, Тютчеву пришлось пережить горечь тягчайшаго разочарованія въ своихъ славянскихъ надеждахъ и мечтаніяхъ. Когда черезъ тридцать два года (въ 1863 г.) Польша возстала вновь, поэтъ, взволнованный и потрясенный общей ненавистью къ Россіи, всемірнымъ кличемъ къ „неистойвой борьбѣ“, увидѣвшій слѣпое сочувствіе къ возставшимъ и угрозы его родинѣ, страхнулъ съ себя кошмарный сонъ и призывалъ Россію къ твердости, мужеству и одолѣнію:

„Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами,
Ужасный, безобразный сонъ:
Въ крови до пятъ, мы бьемся съ мертвецами,
Воскресшими для новыхъ похоронь...

О, край родной! — такого ополченья
Міръ не видалъ съ первоначальныхъ дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крѣпись и одолѣй!“

Тяжелыя страданія причинило возстаніе Польши и сердцу другого поэта-славянофила. А. С. Хомяковъ осудилъ объ воевавшія стороны и предалъ проклятію братоубійственную усобицу, бессмысленный позоръ старой, въ поколѣніяхъ прочно живущей, традиціонной вражды въ извѣстномъ стихотвореніи „Ода (На польскій мятежь)“, относящемся къ самому началу польскаго возстанія въ 1830 г.:

„Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды бессмысленной позоръ.
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья —
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!“

Объ этой неисцѣлимой или, по крайней мѣрѣ, не залѣчивавшейся въ теченіе первыхъ трехъ десятилѣтій XIX в. ранѣ съ скорбнымъ чувствомъ вспомнилъ Мицкевичъ въ первой лекціи въ Парижѣ, 22 декабря 1840 г., въ поэтически набросанной яркой картинѣ неумолимаго участія поляковъ въ походахъ Наполеона и кончая послѣднимъ возстаніемъ. Не углубляясь въ минувшіе вѣка этого историческаго соперничества и кровавой борьбы, Мицкевичъ изобразилъ только времена ближайшія, когда одну славянскую армію, русскую, видѣли на всѣхъ поляхъ битвъ, во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Эта армія повсюду, куда ни направляла она стопы свои, встрѣчала другую славянскую ар-

мію, польскую, которая, какъ мстительная тѣнь, появлялась изъ-подъ земли, вставала передъ нею въ Италіи, шла за нею потомъ отъ Нѣмана до Москвы, преграждала ей дорогу у Березины и подъ стѣнами Парижа; когда же кумирь вѣка палъ, когда все успокоилось, она, какъ полчище, свалившееся съ облаковъ, нападаетъ на врага въ тихихъ обиталищахъ, начинается ужасную борьбу, наполняетъ міръ шумомъ, потрясаетъ братскіе и чужіе народы, воспламеняетъ ихъ чувства горячей ненависти, но еще большей симпатіи къ себѣ, наконецъ исчезаетъ, оставляя по себѣ долгое эхо страданій и славы. Всюду орелъ имперіи Россійской встрѣчался съ орломъ Польши, постоянно послѣ русскаго ура раздавался военный кличъ поляковъ, и если мы обратимъ слухъ нашъ къ прошлому, то многократно повторится намъ эхо этой борьбы, взаимныхъ нападеній, вѣчнаго преслѣдованія, которое одинъ русскій поэтъ назвалъ Эиваидой безъ конца“. И для Мицкевича и для русскаго поэта (кн. Вяземскаго) эта Эиваида, это взаимное истребленіе братскихъ народовъ было явленіемъ печальнымъ, и къ устраненію этого славянскаго бѣдствія должны были направляться общія усилія.

Въ тяжелыя минуты изгнанничества, въ дни душевныхъ мукъ и тяжелыхъ думъ о будущемъ своей отчизны, Мицкевичъ невольно возвращался къ этой безконечной славянской трагедіи. Ему хотѣлось вѣрить, что устраненіе взаимной распри и вражды и устройство новой лучшей жизни двухъ сосѣднихъ родственныхъ народовъ вполне осуществимо. Путей къ этому миру должны были искать обѣ стороны, и иного выхода не было. Мы можемъ отмѣтить наканунѣ тѣхъ роковыхъ событій, которыя вновь и надолго углубили пропасть между поляками и русскими, два если не значительныхъ, то во всякомъ случаѣ знаменательныхъ факта, свидѣтельствующихъ о такомъ стремленіи одной стороны.

Жуковскій въ 1829 г. представилъ Государю записку о томъ, что для вел. кн. Александра Николаевича „настало время имѣть при себѣ челоуѣка, знающаго хорошо польскій языкъ, польскую литературу и вообще Польшу“. Онъ писалъ объ этомъ съ большимъ расположеніемъ къ Польшѣ, убѣжденный въ великомъ значеніи своего плана: „Дѣло важное. Будущаго царя Польши надобно познакомить съ Польшею и заставить полюбить ее; надобно, чтобы онъ узналъ ее такую, какова она есть, безъ предубѣжденій, безъ односторонности; надобно, чтобы онъ узналъ, что она теперь, чего ей недостаетъ, что ей имѣть можно; чтобы онъ, познакомившись съ ея прошедшимъ и настоящимъ, могъ полюбить ея будущее, какъ слѣдуетъ царю, которому надлежитъ на небѣ, простертомъ надъ двумя подвластными ему народами, поставить свѣтлую радуго союза“.

Обученіе наслѣдника русскаго престола польскому языку, какъ радостное славянское знаменіе, привѣтствовало львовскій полякъ, большой чехофилъ Адамъ Юноша Росцишевскій въ письмѣ къ Ганкѣ 19-го апрѣля 1830 г. Онъ писалъ ему: „Въ нашей львовской газетѣ Rozmańtości № 16 с. г. я прочелъ отрадное сообщеніе, что выходящая въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ газета Tygodnikъ съ нѣкотораго времени

принадлежитъ къ числу журналовъ, предназначенныхъ для чтенія наследникомъ престола, который говоритъ по-польски... Слѣдуетъ надѣяться, что всѣ славянскіе языки найдутъ въ немъ сильную поддержку, что онъ ихъ возвыситъ и распространитъ“.

Въ это же время имп. Николай I заявилъ о своемъ расположеніи къ польскому народу, уваженіи къ его историческимъ героямъ, о стремленіи способствовать сближенію обоихъ народовъ. Будемъ вѣрить искренности его словъ и намѣреній въ этотъ моментъ. Послѣ взятія русскими войсками Варны (въ 1828 г.), въ рескриптѣ на имя гр. Воронцова онъ высказалъ желаніе почтить память своего „предшественника“ на польскомъ тронѣ и въ освободительной борьбѣ съ турками, короля Владислава III, т. н. Варненчика, погибшаго подъ Варной въ 1444 г. Съ этою цѣлью онъ предписалъ отправить въ Варшаву для постановки памятника „мужественному сыну Ягайла“ двѣнадцать орудій изъ взятыхъ въ Варнѣ въ распоряженіе Константина Павловича. Онъ писалъ брату о своемъ намѣреніи: „Я жалуя Варшавѣ двѣнадцать орудій, какъ замѣчательное историческое воспоминаніе, ибо достойно вниманія, что здѣсь явилась именно русская армія съ польскимъ королемъ, чтобы отомстить смерть другого польскаго короля. Да сблизятся поляки и русскіе все болѣе другъ съ другомъ. Вотъ въ чемъ цѣль всѣхъ моихъ желаній и всѣхъ стремленій разума. Быть можетъ, подаренныя пушки покажутъ то, что я высказываю вамъ здѣсь этими словами“ (Н. Шильдеръ, Имп. Николай I и Вост. вопросъ. Русск. Стар., 1901, янв., стр. 41—42). Слова эти остались, къ сожалѣнію, только словами, а мысль о памятникѣ пришла въ забвеніе. Историческія ближайшія событія разбили и самый проектъ памятника и мечты о сближеніи и мирѣ.

Съ другой стороны былъ сдѣланъ геройскій и, несомнѣнно, искренній шагъ нѣсколько позже. Мы имѣемъ исторически-значительное письмо друга Мицкевича Андрея Товяньскаго (отъ 15 августа 1844 г.) къ имп. Николаю I, написанное подъ отвѣтственностью поэта, освященное его авторитетомъ и содержащее обращеніе Польши къ Россіи, не какъ къ исконному врагу, а какъ къ славянскому народу, убивающему духъ свой извѣчнымъ своимъ отношеніемъ къ Польшѣ. Обращеніе воистину знаменательное. Шагъ къ примиренію былъ сдѣланъ.

Объ умиротвореніи Славянъ, прежде всего поляковъ и русскихъ, о согласіи ихъ и соединеніи всѣхъ въ дружномъ полетѣ къ одной великой цѣли, но непремѣнно съ старшимъ „Сѣвернымъ Орломъ“ во главѣ, думаютъ одинаково и Хомяковъ и Тютчевъ. Но неожиданно ода Хомякова, имѣвшая въ заголовкѣ, какъ оберегавшее отъ покушеній цензуры motto: „Прошу васъ поляковъ не ненавидѣть“, слова имп. Николая, не была разрѣшена, „какъ относящаяся къ переменамъ въ Царствѣ Польскомъ“. Мотивировка цензурнаго запрещенія выражена недостаточно ясно; повидимому, признавалось одинаково нежелательнымъ и прикасаться къ сочившейся кровью ранѣ и возбуждать несбыточныя надежды на какую-то славянскую федерацію, ибо, какъ извѣстно, мысль о соединеніи славянъ считалась самимъ государемъ преступною (См.

Пушкинъ и его соврем., XXIX-XXX, 1918, стр. 128—130. Литературныя дѣла архива Ценз. Комитета. А. И. Егоркина и И. А. Шляпкина. Дѣло о стихотв. Хомякова начато 30 декабря 1830 г., кончено 23 января 1831 г. Судя по помѣткѣ карандашомъ: „№ 144 Сѣв. Пч.“, стихотвореніе предназначалось для этой газеты).

Еще ярче эта мысль о руководящемъ призваніи „Орла Полночи“ выражена въ знаменитомъ стихотв. Хомякова „Орель“. Здѣсь нѣтъ рѣчи о полякахъ и оплаканной имъ преступной русско-польской усобицѣ. Кровавый споръ кончился, поэтъ предалъ его проклятію и къ больной темѣ уже не хочетъ возвращаться (въ 1832 г.), Но онъ ни на минуту не поколебался высказать свое отношеніе къ тѣмъ историческимъ польскимъ притязаніямъ, которыя столь рѣшительно отвергъ и Пушкинъ. Вспомнимъ стихотв. „Кіевъ“ (1839 г.), обнимающее цѣлую политическую программу Хомякова, изумительнымъ образомъ также подвергнушуюся гоненію цензуры, но совершенно совпадающую съ извѣстными намъ взглядами нашихъ историковъ Карамзина и Погодина.

Поэтъ собираетъ у кіевскихъ святынь „полкъ молящихся дѣтей“, сыновей разныхъ концовъ Руси, но, озираясь вокругъ и не видя всѣхъ ихъ въ сборѣ, скорбно вопрошаетъ:

„Братцы, гдѣ жъ сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?“

Поэтъ даетъ отвѣтъ для его русскаго сердца горестный, напоминающій о мрачныхъ страницахъ исторіи Западной Руси, на которыхъ какъ-то остановился и Пушкинъ:

„Горе, горе! Ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры.
Мечь и лестъ, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими править чуждый гласъ!“

Кіевъ, колыбель русской славы, долженъ вновь проснуться и созвать отторженныхъ дѣтей на свое святое лоно, въ свой родительскій пріютъ. „Пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнью“, писалъ Хомяковъ М. А. Максимовичу, для сборника коего онъ эти стихи написалъ. Скорбь поэта о дѣтяхъ, нѣкогда отторженныхъ уніей отъ православной церкви и нынѣ возвратившихся на лоно ея національно сильно обезличившимися (1839), сочеталась въ этомъ стихотвореніи съ мыслью о тѣснѣйшемъ не только духовномъ сліяніи ихъ въ общей старой вѣрѣ, въ отчетѣ домѣ съ остальными сынами Руси, но и о необходимомъ прочномъ ихъ объединеніи подъ русскимъ національнымъ знаменемъ. Вопросъ о западныхъ національныхъ рубежахъ, о „строѣ твердынь“ русскихъ и о ихъ прочной установкѣ раньше и съ большею ясностью и рѣшительностью былъ поставленъ Пушкинымъ въ „Бородинской годовщинѣ“. Теперь къ нему пришелъ и Хомяковъ.

Позже другихъ могъ откликнуться на событія 1831 г. декабристъ кн. А. И. Одоевскій, въ далекой Сибири сблизившійся съ ссыльнымъ полякомъ Адольфомъ Янушкевичемъ и не перестававшій интересоваться вопросомъ объ устроеніи русско-польскихъ взаимоотношеній, занимавшихъ у декабристовъ въ ихъ программахъ будущаго преобразования Россіи столь видное мѣсто. Подробности о ноябрьской вспышкѣ въ Варшавѣ, о томъ, какъ польская молодежь молитвенно помянула его казненныхъ друзей, онъ могъ узнать только отъ ссыльныхъ поляковъ, участниковъ событій 1830—1831 гг. Онъ встрѣтилъ извѣстіе о польскомъ возстаніи съ чувствомъ прежняго, общаго декабристамъ живого участія въ судьбахъ Польши:

„Едва дошелъ съ далекихъ береговъ
Небесный звукъ спадающихъ оковъ,
И вздрогнули въ сердцахъ живыя струны —
Всѣ чувства вдругъ въ созвучіе слились...
Нѣтъ, струны въ нихъ еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцемъ юны!
И въ комъ оно отъ чувствъ не задрожитъ?
Вы слышите: на Вислѣ брань кипитъ!
Тамъ съ Русью ляхъ воюетъ за свободу
И въ шумѣ битвъ поетъ за упокой
Несчастныхъ жертвъ, пролившихъ лучъ святой
Въ спасенье русскому народу“...

Для Одоевскаго возстаніе поляковъ было тоже предвѣстіемъ освобожденія, но не только одной Польши, — оно сулило спасеніе и русскому народу. Къ этому освобожденію стремились одинаково и декабристы и возставшіе подъ знаменемъ „за вашу и нашу свободу“ поляки. Однако, и Одоевскій представлялъ себѣ освобожденіе лишь средствомъ къ достиженію такого объединенія обоихъ народовъ, въ которомъ первенствующая роль должна принадлежать Россіи. Какъ Хомяковъ поэтически рисовалъ согласный полетъ славянскихъ орловъ во главѣ съ „Орломъ Сѣвернымъ“, такъ Одоевскій мечтаетъ о дружномъ славянскомъ хороводѣ, со старшей сестрой единой семьи славянской впереди его. Слѣдуетъ признать, что по существу мечта обоихъ поэтовъ была одна и та же, и Пушкинъ съ ними въ основной части ихъ мысли всецѣло совпадаетъ, когда ставитъ вопросъ о сляніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ во имя общаго славянскаго блага объединенія. Необходимо глубже вникнуть во внутреннее значеніе вопроса и отрѣшиться отъ той формы, въ которую онъ былъ облеченъ. Теперь вѣдь Пушкинъ передъ нами не участникъ прежняго мирнаго обсуждения въ дружескомъ кругу темы о грядущемъ братствѣ народовъ, о соединеніи ихъ въ единой семьѣ, а выразитель охватившаго общество негодованія, оскорбленный рѣчами французскихъ депутатовъ, угрожающихъ Россіи, вторгающихся въ споръ внутренній и давній, который сосѣди и братья могутъ и должны рѣшить полюбовно. Если вѣра ихъ на время пошатнулась отъ пережитыхъ испытаній, то это не значитъ, что они отказываются навсегда отъ мысли примиренія и согласія. Славянская идея живетъ и не прерывается.

VI.

Естественно было бы ожидать, что оба стихотворения: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, привлекутъ преимущественное вниманіе польскихъ литературныхъ критиковъ, найдутъ откликъ въ современной польской литературѣ. Но этого не случилось. Старыхъ откликовъ на нихъ мы не знаемъ; не отозвался на нихъ и Мицкевичъ въ своихъ парижскихъ лекціяхъ (1840—1843), быть можетъ, не желая бередить старыя раны. Только въ значительно болѣе позднее время сдѣланы были попытки подойти ближе къ названнымъ произведеніямъ и дать имъ оцѣнку съ польской точки зрѣнія.

Подробному разбору подвергъ оба стихотв., прежде всего, В. Спасовичъ въ лекціи „Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго“. Она появилась въ двухъ текстахъ, русскомъ и польскомъ (первый: Сочиненія, т. II, стр. 225; второй: Pamiętnik Tow. im. Mickiewicza, I), въ которыхъ мѣстахъ сильно отличающихся другъ отъ друга; повидимому, изъ уваженія къ русскому литературному міру, къ которому онъ самъ принадлежалъ, авторъ предусмотрительно сдѣлалъ нѣкоторые пропуски и измѣненія въ русскомъ изданіи своей рѣчи.

Сборникъ „На взятіе Варшавы“, изданный въ концѣ 1831 г. и содержащій три стихотворенія: одно Жуковскаго и два Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, былъ, по мнѣнію Спасовича, истиннымъ выраженіемъ тогдашняго настроенія обоихъ поэтовъ. Къ написанію послѣднихъ двухъ произведеній, говоритъ Спасовичъ, привели Пушкина разнообразныя побужденія: раздраженный патріотизмъ, вспышка этого чувства въ русскомъ обществѣ, солидарность поэтовъ и народа въ этомъ отношеніи съ правительствомъ, которое даже тогда, когда они находились въ либеральной оппозиціи къ нему, не переставало быть для нихъ правительствомъ своимъ, національнымъ; наконецъ, по ничѣмъ не подкрѣпленной догадкѣ Спасовича, тутъ сыгралъ роль и извѣстный расчетъ на то, что такимъ выступленіемъ можно будетъ достигнуть нѣкоторыхъ льготъ, большей свободы для литературы, систематически испытывавшей стѣсненія въ эпоху Николая I. Стихи эти были написаны Пушкинымъ въ первые дни начинавшагося изгнанничества и скитаній побѣжденныхъ поляковъ, и этотъ моментъ особенно учитывается Спасовичемъ при нравственной оцѣнкѣ ихъ.

Спасовичъ признаетъ, что Пушкинъ чрезвычайно бережно, съ большою деликатностью (*z wielką delikatnością*) касается ранъ поляковъ, но далѣе неожиданно дѣлаетъ поэту нѣсколько незаслуженныхъ упрековъ. Въ истолкованіи отдѣльныхъ мѣстъ стихотвореній онъ допускаетъ при этомъ промахи, которыхъ при болѣе внимательномъ чтеніи долженъ былъ бы избѣгать. Такъ, стихъ: „Мы не сождемъ Варшавы ихъ“ Спасовичъ считаетъ самымъ неподходящимъ въ мірѣ намекомъ (*pajniestosowniejszą w świecie aluzją*) на сожженіе въ 1812 г. Москвы. По его мнѣнію, это — или *lapsus calami*, простая описка, или, что хуже, — явная несообразность (*niedorzeczność*), ибо Пушкинъ не разъ съ гор-

достью признавалъ (въ отрывкѣ „Рославлевъ“, одѣ „Наполеонъ“, 19 октября 1831 г. въ годовщину Лицея: „Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу...“), что русскіе сами спалили Москву. Удивительно, что Спасовичъ не вчитался внимательно въ слова Пушкина, совершенно ясно касающагося русско-польскихъ взаимоотношеній въ далекомъ прошломъ. Поэтъ говоритъ, имѣя въ виду поляковъ:

„Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ,
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ“,

какъ сожгли поляки въ апрѣлѣ 1611 г. Москву, начавъ съ Бѣлаго и Земляного города. Москва, какъ извѣстно, выгорѣла тогда вся какъ разъ передъ приходомъ земской рати кн. Пожарскаго. Пушкинъ, усердно изучавшій эпоху Смутнаго времени, производившій для „Бориса Годунова“ настоящія ученые разысканія, съ привлеченіемъ весьма многихъ источниковъ (Н. А. Котляревскій, Пушкинъ, стр. 181), не могъ сдѣлать того промаха, о которомъ говоритъ Спасовичъ. И стихъ: „Для васъ безмолвны Кремль и Прага“, обращенный къ французамъ, которые едва ли понимали что-либо въ сути исконной семейной вражды, которыми ничего не говорили „кровавыя скрижали“ печальныхъ русско-польскихъ взаимоотношеній, имѣетъ такое же значеніе указанія на отдаленное прошлое, на древность спора. Спасовичъ утверждаетъ далѣе, что въ душѣ Пушкина задолго до 1830 г. таились сѣмена тѣхъ чувствъ, которыя онъ излилъ потомъ въ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, не замѣчая или не желая замѣтить, что здѣсь меньше всего можно говорить о какихъ-либо злобныхъ чувствахъ поэта по отношенію къ полякамъ, и что не въ этихъ чувствахъ, если и признать ихъ проявленіе, сущность и сила гнѣвнаго стиха поэта. Защищая Пушкина отъ нападокъ кн. Вяземскаго, онъ однако справедливо подчеркиваетъ тотъ безспорный моментъ, что поэтъ и послѣ войны 1831 г., послѣ борьбы и побѣды никогда не переставалъ признавать въ побѣжденныхъ людей близкихъ и родныхъ, что онъ скорбѣлъ объ этой борьбѣ, считалъ эту войну однимъ изъ эпизодовъ той вѣковой семейной вражды, которая должна кончиться когда-нибудь исцѣленіемъ ранъ и примиреніемъ. Удивительно, что при этомъ Спасовичъ (слѣдуемъ здѣсь польскому тексту его рѣчи) все-таки упрекнулъ Пушкина въ отсутствіи безпристрастія и такта, въ особенности въ отношеніи къ врагамъ-полякамъ: „Воспѣвая русскую побѣду, нельзя было не оскорбить знаменъ противника, нельзя было не обрызгать грязью тѣхъ, которые не отдали ихъ Россіи и уносили на груди своей въ изгнаніе окровавленные ихъ полотнища, скорбя о томъ, что сами они остались въ живыхъ и не пали за отечество“. Въ русской редакціи этой рѣчи онъ выпустилъ цѣлую тираду упрековъ Пушкину. „Побѣжденные противники, говоритъ онъ, не были въ дѣйствительности тѣмъ полкомъ, который „въ прахъ бросаетъ стягъ кровый“. Ради своихъ отношеній къ Мицке-

вичу Пушкинъ могъ бы въ своемъ триумфальномъ гимнѣ пощадить самолюбіе поляковъ и не рисовать имъ призракъ Суворова, обогрениаго братскою кровью въ пражской рѣзнѣ. Безвкусной въ опредѣленіяхъ и эпитетахъ антитезой, яко бы долженствующей характеризовать обѣ борющіяся за существованіе стороны, онъ считаетъ выраженія Пушкина „кичливый ляхъ“ и „вѣрный россъ“; возражая противъ эпитета „кичливый“, являющагося, быть можетъ, только отраженіемъ извѣстнаго пренебрежительнаго народнаго мнѣнія о полякахъ, Спасовичъ весьма тонко подчеркиваетъ причины спора и говоритъ о томъ, что обѣ стороны въ одинаковой степени, до трагизма были вѣрны въ этой борьбѣ своимъ историческимъ принципамъ. Это — весьма важное признаніе, и совершенно трудно при такой постановкѣ вопроса понять, почему весь этотъ стихъ Пушкина можетъ служить будто бы убѣдительнѣйшимъ указаніемъ, на чьей сторонѣ было превосходство въ кичливости. Въ дальнѣйшемъ Спасовичъ позволяетъ себѣ со стихами и выраженіями Пушкина совершенно недопустимыя въ толкованіи ихъ извращенія. Мы, — говоритъ онъ, — не имѣемъ къ Пушкину никакой претензіи за то, что, изображая отечество свое въ видѣ огромнаго дикаго кабана (w postaci olbrzymiego dzika), сверкающаго стальной щетиной на пространствахъ отъ Кремля до неподвижнаго Китая, и справедливо гордясь тѣмъ, что на пожарищѣ Москвы русскіе не признали самовластиа Наполеона, сокрушили мощь этого кумира и искупили свободу, честь и миръ Европы, поэтъ рѣзко и выразительно опредѣлилъ, изъ-за чего бились противники на поляхъ Грохова и Остроленки въ этомъ смертномъ бою. Борьба велась за политическое бытіе обоихъ. Пушкинъ, въ самомъ дѣлѣ, безъ колебаній поставилъ открыто и ясно вопросъ: „За кѣмъ останется Вольтъ, за кѣмъ наслѣдіе Богдана“ и т. д., безъ колебаній формулировалъ въ этихъ стихахъ всю сущность историческаго спора и заслуживаетъ поэтому, какъ честный противникъ, полного уваженія, а не снисходительнаго „мы не имѣемъ претензій...“

Подмѣнивъ картину Пушкина (русская земля сверкаетъ стальною щетиною штыковъ) своимъ грубымъ измышленіемъ и сравнивъ Россію съ дикою свиньею, Спасовичъ позволилъ себѣ безцеремонное обращеніе со стихомъ поэта, вольность въ истолкованіи его образовъ и большое безвкусіе, какъ критикъ. На него, очевидно, повліялъ разсказъ-анекдотъ о Брюлловѣ, который, яко бы, конечно — въ шутку, выразился, что слова: „стальной щетиною сверкая“ напоминаютъ ему свинью! Это оригинальное толкованіе Спасовичъ, къ чести его, посоветился поднести русскому читателю его литературныхъ очерковъ, сохранивъ его только въ польскомъ изданіи своего чтенія. Разсматривая оба стихотворенія Пушкина, какъ одно цѣлое, и перенося свободно стихи изъ „Бородинской годовщины“ въ „Клеветникамъ Россіи“, Спасовичъ упрекаетъ Пушкина, что его вопросы („Что взяли вы? Еще ли россъ — большой, разслабленный колосъ? Еще ли сѣверная слава пустая притча, лживый сонъ? Скажите, скоро ль намъ Варшава предпишетъ гордый свой законъ?“) въ сущности являются только ловкимъ діалектическимъ

ухищреніемъ (wybiegiem dyalektycznym); что поэтъ, протестуя противъ чужого вмѣшательства, не указываетъ выхода изъ тягостной русско-польской распри (waśni), словно не желаетъ ея рѣшенія на основѣ, приемлею для обоихъ враждующихъ народовъ. Междуплеменная рознь, семейная, хроническая, неизлѣчимая, не поддающаяся даже въ мысляхъ разрѣшенію при помощи взаимнаго искренняго согласія, по необходимости становится вопросомъ внѣшнимъ, касающимся и сосѣдей. Когда братъ,— развиваетъ Спасовичъ свои основанія для чужого вмѣшательства во внутреннее, какъ полагалъ Пушкинъ, славянское семейное дѣло,— одолѣлъ брата и держитъ ногу на выѣ побѣжденнаго, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія установить болѣе достойной modus vivendi и угрожая окрикомъ: „не смѣйте вмѣшиваться въ нашъ домашній споръ“, — то такое братство перестаетъ быть братствомъ, становится лишь покровомъ, прикрывающимъ совершенно небратское обхожденіе, ловкимъ средствомъ избавиться отъ вмѣшательства сосѣдей. Обвиненіе по отношенію къ Пушкину несправедливое, ибо поэтъ вѣрилъ искренно въ грядущія времена, когда народы, позабывъ раздоры, соединятся въ одну семью, мечтавъ объ этомъ примиреніи такъ же, какъ вѣрилъ въ это радостное будущее и Мицкевичъ, которому эту вѣру въ высокія достиженія челоуѣчества Спасовичъ ставитъ въ похвалу, забывая, что то же самое онъ сказалъ о Пушкинѣ.

Статья Спасовича, написанная знатокомъ русской литературы, вызвала неожиданныя глоссы совершенно случайнаго критика Пушкина, краковскаго профессора, извѣстнаго историка польской литературы графа Станислава Тарновскаго. Въ осужденіи Пушкина онъ пошелъ много дальше Спасовича. Его вниманіе привлекъ, прежде всего, извѣстный отзывъ кн. Вяземскаго о стихотвореніяхъ Пушкина, и Вяземскій заслужилъ признательное одобреніе польскаго критика. Онъ становится въ позу строгаго, но весьма шаткаго въ своихъ основаніяхъ моралиста и глубокомысленно и пресерьезно поучаетъ: „Намъ отлично извѣстно, что москаль не можетъ мыслить и чувствовать такъ же, какъ полякъ! Намъ говорили много разъ, и мы убѣдились собственнымъ опытомъ, что людей слѣдуетъ мѣрить мѣрою, употребляемою въ ихъ странѣ и средѣ. Хотя мы и не усвоили еще въ совершенствѣ здравомыслія и разсудительности, которыя сдѣлались столь модными въ концѣ XIX вѣка, однако мы въ этомъ отношеніи уже сдѣлали (за это мы ручаемся) значительные успѣхи. Но все-таки намъ постоянно приходится на мысль, что кромѣ этой временной и мѣстной мѣры, которую мы согласны признать и которою мы стараемся, по возможности, пользоваться, существуетъ еще другая мѣра, абсолютная и неизмѣнная, которую также можно примѣнять къ людямъ и дѣяніямъ, когда приходится судить о ихъ нравственныхъ достоинствахъ и нравственномъ значеніи. Эта мѣра основывается, главнымъ образомъ, на различіи между добромъ и зломъ, между моимъ и твоимъ и ставитъ непремѣннымъ требованіемъ, кромѣ другихъ условій, чтобы дурные поступки отнюдь не смѣшивались съ хорошими, чтобы зло признавалось зломъ, даже

въ томъ случаѣ, если оно наше“. Не смотря на то, что Пушкинъ въ отвѣтъ на стихи Мицкевича „Къ друзьямъ-москалямъ“ откликнулся благороднѣйшимъ по мысли и тону обращеніемъ къ польскому поэту-другу, и не взирая на множество другихъ стихотвореній, достаточно опредѣляющихъ нравственныя воззрѣнія русскаго поэта, гр.Тарновскій тѣмъ не менѣе не соглашается, хотя бы отчасти, приложить указанное имъ высокое мѣрило къ Пушкину. Онъ, нимало не обвиняясь, стараясь лишь морально унизить русскаго поэта, утверждаетъ: „Разумѣется, мы не ожидали встрѣтить въ немъ тотъ здравый смыслъ и ту честность, съ какими капитанъ Рыковъ (въ „Panie Tadeuszu“) заявлялъ: „Moskwa dla Moskala, Polska dla Lacha“, но мы полагали, что одинъ, надо думать, изъ глубочайшихъ мыслителей своего народа, поэтъ, уже по самому существу своему обязанный обладать возвышенными чувствами, долженъ былъ бы думать и судить о польскомъ вопросѣ иначе, чѣмъ большинство его соотечественниковъ. Мы были въ правѣ дѣлать такое предположеніе, ибо во всякой другой странѣ, если ужъ не кто иной, такъ несомнѣнно поэтъ почувствовалъ бы, что раздѣлъ Польши былъ безправіемъ, и что управление въ ней было самое безсовѣстное и жестокое“. Но Пушкинъ ничего иного и не желалъ, какъ только справедливаго опредѣленія и утвержденія правъ Москвы и Польши, чѣмъ положень былъ бы конецъ всѣмъ историческимъ раздорамъ.

Удивительно, что только статья Спасовича, какъ признается гр. Тарновскій, раскрыла ему глаза, объяснила ему истинную моральную цѣнность величайшаго русскаго поэта. Къ сожалѣнію, онъ использовалъ эту статью непозволительнымъ для большого ученаго способомъ. „Все, что г. Спасовичъ сказалъ о Пушкинѣ, все, что онъ изъ Пушкина приводитъ, показало, что Пушкинъ былъ дѣйствительно поэтъ глубоко-національный, совершеннѣйшій выразитель понятій и чувствъ своего народа, которыя онъ всецѣло раздѣлялъ“. Въ этомъ, — желаетъ убѣдить насъ безмѣрно строгій судья поэта, — его великій недостатокъ, тутъ онъ морально столь же ничтоженъ, какъ и его народъ! Польскій ученый уходитъ въ область опасныхъ сравненій и заключаетъ свой отзывъ о Пушкинѣ такимъ, вызывающимъ изумленіе выпадамъ: „Онъ былъ народнымъ поэтомъ въ томъ же смыслѣ, какъ Катковъ былъ народнымъ публицистомъ, и чувства у него были тѣ же, что и у Каткова, съ тою только разницею, что въ его время уровень національной вражды стоялъ нѣсколько ниже“ (Статья гр. Тарновскаго о польскомъ чтеніи Спасовича въ ж. Kwartalnik Histor., 1887; отчетъ о ней: Любопытный отзывъ польскаго критика гр. Тарновскаго о Пушкинѣ, въ Изв. Слав. Благотв. Общ., 1888, мартъ, стр. 170—175).

Тарновскій многого не прощаетъ Пушкину, особенно — мнимой его измѣны убѣжденіямъ, его отношеній къ декабристамъ и Николаю I. Впрочемъ, прикрываясь ссылкой на Спасовича, онъ оговаривается: „Мы не обвиняемъ Пушкина въ подлости и въ холопствѣ, — мы только склонны думать, на основаніи словъ г. Спасовича, что послѣ 14-го декабря поэтъ пережилъ глубокое душевное потрясеніе, подобное тому,

какое выпало на долю героя его „Мѣднаго Всадника“, о которомъ такъ пространно трактуетъ статья Спасовича“. Въ заключеніе онъ не находитъ въ Пушкинѣ даже сколько-нибудь человѣческихъ чувствъ, ибо поэтъ безъ содроганія вспоминаетъ о дѣтяхъ, поднятыхъ на штыки и брошенныхъ въ огонь во время штурма Праги Суворовымъ; онъ не видитъ въ Пушкинѣ и „высокой благородной души“, ибо образъ поэта, какъ начерталъ его въ своемъ чтеніи Спасовичъ, не только не вызываетъ никакихъ симпатій къ поэту, но даже не даетъ возможности, при всемъ желаніи, вызвать въ польскомъ ученомъ уваженіе къ нему. Мѣшаетъ ученому критику въ этомъ его несчастное, но авторитетно высказываемое предубѣжденіе, что въ русскомъ народѣ „все, даже души и характеры поэтовъ, все иное, чѣмъ въ нашемъ (т. е. польскомъ) мірѣ“. Это та самая, знакомая намъ теорія двухъ полярно-противоположныхъ міровъ, та система глубокаго контраста Польши и Россіи, міра добра и свободы и міра рабства и зла, которую выставлялъ уже въ началѣ своихъ чтеній Мицкевичъ, смотрѣвшій на Польшу, какъ на вмѣстилище всѣхъ творческихъ цѣнностей славянской души, и отрицательно относившійся къ Россіи, какъ къ прямой антитезѣ Польши (См. А. Э. Гильфердинга статью: За что борются русскіе съ поляками; ср. Z. Kłopotnia, Słowianofilstwo polskie, стр. 175, 183 и др.).

Большой ученый признался въ заключеніе, къ стыду своему, что онъ въ сущности не знаетъ сочиненій Пушкина, ибо читалъ изъ нихъ лишь кое-что, да и то въ переводахъ. Весь его выпадъ противъ Пушкина построенъ, такимъ образомъ, исключительно на польской, академически задуманной, но тенденціозно окрашенной лекціи Спасовича, не доведшаго, однако, своихъ разсужденій до тѣхъ крайнихъ выводовъ, къ какимъ пришелъ гр. Тарновскій.

Онъ нашель, однако, вѣрнаго послѣдователя своихъ поразительныхъ по смѣлости измышлений и хулы на великаго русскаго поэта. Анонимный авторъ брошюры „Mickiewicz i Puszkina oraz społeczeństwa polskie i rosyjskie“ (Kraków, 1899), изобилующей политическими экскурсами, выпадами и параллелями изъ эпохи новѣйшихъ русско-польскихъ отношеній, повторяетъ совершенно неосновательное мнѣніе о томъ, что послѣ 1830 г. Пушкинъ яко бы вполнѣ вступаетъ на путь реакціи, и все чаще въ твореніяхъ его будто бы слышится нота шовинизма, все чаще прославляетъ онъ царя и штыкъ. Его неодолимо влечетъ къ себѣ государственная русская идея (idea państwowo-rosyjska), культъ Петра, соединившаго азіатскій деспотизмъ съ внѣшнимъ европейскимъ лоскомъ и на чухонскихъ болотахъ построившаго твердыню этого деспотизма. Эта идея господствуетъ въ умѣ поэта. Культъ дикой силы и щекотаніе хвастливаго шовинизма проявляется въ поэмахъ его отъ „Полтавы“ до „Мѣднаго всадника“, въ лирикѣ отъ „Стансовъ“ до оды на взятіе Варшавы. По увѣренію анонима, правительство Николая I для возбужденія (rozdzgania) московскаго шовинизма готово было прибѣгнуть къ крайнему средству: оно желало ввѣрить Пушкину ту роль, которую съ такимъ успѣхомъ во время слѣдующаго возстанія 1863 г. исполнялъ Кат-

ковъ, — роль гонителя (*szczwacza*) поляковъ и носимыхъ ими либеральныхъ идей. Съ политическимъ памфлетомъ анонима, явившимся въ юбилейный годъ своеобразнымъ знакомъ почитанія гениальнаго русскаго поэта, едва ли слѣдуетъ серьезно считаться, но отмѣтить его надо, какъ одинъ изъ голосовъ судей предвзятыхъ, не ищущихъ разумныхъ и объективныхъ аргументовъ для своихъ сужденій и приговоровъ.

Весьма строго отнесся къ Пушкину и другой польскій ученый проф. I. Третьякъ въ большомъ трудѣ, основанномъ на тщательномъ знакомствѣ съ твореніями Мицкевича и Пушкина (*Józef Tretiak, Mickiewicz i Puszkina, Warszawa, 1906*). Критикъ хочетъ доказать, что въ обоихъ стихотвореніяхъ Пушкина („Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“) отразилось не столько преклоненіе (*uwielbienie*) его передъ Россіей, сколько раздраженная національная честь, чувство коей было весьма сильно, но въ то же время очень односторонне развито въ поэтѣ. Пушкинъ, правда, уважалъ героевъ и великихъ людей Польши (вспомнимъ его эпиграмму на Булгарина, гдѣ жалкой фигурѣ этого писателя противопоставляются высокіе образы Костюшка и Мицкевича), но онъ тѣмъ не менѣе не удержался на высотахъ благороднаго безпристрастія. Третьякъ, какъ и другіе поляки, утверждаетъ, что оба стихотворенія въ высокой мѣрѣ насыщены духомъ шовинизма. Поэтъ, пѣвецъ свободы, прославляя триумфъ оружія своего народа, не задается вопросомъ о правотѣ дѣла, во имя котораго это оружіе было поднято, не обращаетъ вниманія на то, что этотъ триумфъ является торжествомъ деспотизма надъ свободой, и для того, чтобы угодить царю, отъ котораго ожидаетъ благъ для себя лично и либеральныхъ облегченій для народа, восхваляетъ штыкъ русскаго солдата, забывая, что этотъ штыкъ въ одинаковой степени является тюремщикомъ подъяремныхъ народовъ, какъ и опорой деспотическаго строя Россіи. Источникъ официально-патріотическихъ восторговъ поэта слѣдуетъ искать въ Царско-сельскомъ лицейѣ, воспитывавшемъ молодежь въ духѣ преклоненія передъ Екатериной, блескомъ ея побѣдъ и ея вождями, въ восхваленіи подвиговъ 1812 года. Пушкинъ выросъ въ этой атмосферѣ. Послѣднее замѣчаніе, конечно, въ основѣ своей вѣрно. Вяземскій въ стихотв. „Пушкинъ“ давно отмѣтилъ это вліяніе Царскаго Села и связанныхъ съ нимъ воспоминаній о Екатеринѣ и ея времени на лицейскую молодежь:

„Той эпохи величавой
Блескъ еще тамъ не потухъ,
И поэзіей и славой
Все питало юный духъ“...

Однако, дальнѣйшія заключенія Третьяка слишкомъ поверхностно связаны съ этой предпосылкой. Въ дни польскаго возстанія, говоритъ онъ, въ Пушкинѣ проснулись школьныя воспоминанія, а близость его послѣ женитьбы къ двору, „когда ему прямо въ глаза засіяло солнце царскаго благоволенія“, привела его на этотъ старый путь. Поэтъ вступилъ со дворомъ „въ тѣсный союзъ“, выразилъ готовность служить ему

по мѣрѣ своихъ способностей, готовъ былъ создать политическую и литературную газету, чтобы въ ней объединить талантливыхъ писателей, которые сторонились правительства, и прежде всего желалъ бороться съ злобной клеветой разгнѣванной Европы, защищавшей польскихъ „бунтовщиковъ“, противъ которыхъ всѣхъ русскихъ людей объединило нынѣ справедливое возмущеніе и старая національная вражда. Поэтъ исполнилъ свое обѣщаніе и написалъ стихотворенія: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“. Столь простымъ представляется Третьяку генезисъ твореній Пушкина, въ коихъ поэтъ яко бы прославляетъ побѣду Россіи, величаетъ мощь царя и, главнымъ образомъ, на разные лады угрожаетъ той самой либеральной Европѣ, воздухомъ которой еще такъ недавно онъ жаждалъ подышать, куда такъ недавно еще бесплодно порывался. О Пушкинѣ Третьякъ находитъ возможнымъ повторить слова Л. Н. Толстого о томъ внутреннемъ переворотѣ, который произошелъ въ немъ на рубежѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ лѣтъ жизни: все, что было по лѣвой сторонѣ его пути, вдругъ оказалось на правой, а все, бывшее справа, оказалось съ лѣвой стороны. Поэтъ измѣнилъ либеральнымъ идеямъ и увлеченіямъ своей молодости, потому что либерализмъ не наполнялъ всей духовной сути его и способенъ былъ удивительнымъ образомъ сжиматься; съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ уживался грубый національный эгоизмъ, коему совершенно чуждо нравственное правило: не дѣлай другому того, что тебѣ неприятно. Съ этимъ взглядомъ на отсутствіе въ русскомъ поэтѣ твердыхъ нравственныхъ принциповъ мы уже встрѣчались у польскихъ судей его.

Спасовичъ (О Пушкинѣ. Рѣчь 31 января 1887 г. Сочиненія I, стр. 209, 213), подобно Третьяку, который утверждаетъ, что въ Пушкинѣ не было того духовнаго матеріала, изъ котораго могъ бы создаться великій гражданинъ, также разрушаетъ обычное представленіе о Пушкинѣ, не хочетъ видѣть въ немъ образецъ великаго гражданина, образецъ героя, ибо для героизма необходимы два условія: устойчивость въ убѣжденіяхъ и рѣшимость отстаивать свое убѣжденіе до конца, хотя бы пришлось очутиться въ совершенномъ одиночествѣ. Онъ усматриваетъ всѣ признаки смѣлаго героическаго протеста въ дѣйствіяхъ Чаадаева, но Пушкинъ, по его мнѣнію, по натурѣ не былъ способенъ плыть противъ теченія, его уносила съ собою всякая поступательная общественная волна. Въ гражданскомъ смыслѣ онъ не всегда былъ вѣренъ тому, что написалъ было въ одномъ изъ своихъ первоначальныхъ набросковъ „Памятника“: „въ слѣдъ Радищеву возславилъ я свободу.“

Третьякъ желалъ бы уразумѣть и объяснить причину протестующаго выступленія Пушкина, но онъ, какъ и всѣ польскіе комментаторы, не можетъ сойти съ позиціи, споръ о которой можетъ быть рѣшенъ только обѣими враждующими сторонами, ихъ доброй волей, согласными усиліями, — онъ просто отвергаетъ точку зрѣнія русскаго поэта. Пушкинъ смотрѣлъ, по его мнѣнію, на Польское государство, какъ на узурпатора Литвы и Руси, забывая при этомъ, что если Русь досталась Литвѣ путемъ завоеванія, то Литовско-русское государство

соединилось съ Польшей добровольно. Пушкинъ, однако, не говоритъ нигдѣ ни о какой узурпаціи, ибо онъ знаетъ исторію. Третьякъ увѣряетъ, что въ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“ Пушкинъ будто бы выдвигаетъ, какъ самый сильный аргументъ въ пользу правоты дѣла, которое онъ защищаетъ, огромныя пространства Россіи, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды ошетилившіяся штыками (pa-jezone bagnetaми). Это прекрасный аргументъ въ дипломатіи, но очень слабый въ поэзіи, обращающейся къ совѣсти. Пушкинъ, очевидно, по мнѣнію Третьяка, не только наивенъ въ защитѣ своей точки зрѣнія на суть спора, но и лишень чувства совѣсти. Слѣдуетъ пожалѣть, что Третьякъ не вникъ глубже въ стихотв. „Бородинская годовщина“. Не бѣда, что въ обоихъ стихотвореніяхъ Пушкина, въ ихъ тонѣ польскій судья не находитъ искренняго воодушевленія, чувствуетъ искусственность паэоса, подмѣчаетъ настроеніе, заимствованное у Державина, — хуже то, что ему кажется, будто бы поэтъ, желая заглушить въ себѣ либерализмъ, который исповѣдывалъ въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ, силится нынѣ опьянить, одурманить (odurzyć się) себя патриотическимъ гнѣвомъ. Очевидно, онъ не былъ искреннимъ въ своемъ выступленіи. Третьякъ полагаетъ, что большое значеніе имѣли въ этомъ отношеніи не угасшія еще воспоминанія объ отношеніяхъ къ Мицкевичу, о тѣхъ бесѣдахъ, которыя оба поэта вели о высокихъ политическихъ и религіозныхъ матеріяхъ, и поэтому въ стихахъ Пушкина онъ чувствуетъ извѣстную стыдливость поэта, какое-то, не соответствующее его гнѣвной вспышкѣ желаніе не трогать поляковъ, а броситься на ихъ европейскихъ защитниковъ. Третьякъ подошелъ такъ близко къ истинѣ, но не развилъ своей мысли до конца! Мы знаемъ, что Пушкинъ совершенно опредѣленно обрушился только на „клеветниковъ“, парламентскихъ ораторовъ Франціи, и нѣтъ поэтому никакой надобности употреблять такія усилія для обнаруженія той очевидной истины, что поляковъ поэтъ въ этомъ стихотвореніи вовсе не желалъ затрагивать. Стихъ „Бородинской годовщины“: „И не услышатъ пѣснь обиды отъ лиры русскаго пѣвца“, свидѣтельствуетъ, какъ думаетъ Третьякъ, что поэтъ чувствовалъ потребность успокоить свою поэтическую совѣсть, хотя гораздо проще было бы усмотрѣть здѣсь прямое выраженіе чистой совѣсти и благородства поэта. Но Третьякъ идетъ еще дальше. Официально-патриотическая муза Пушкина, яко бы поступившая на службу двора, несла въ себѣ съ этого времени (1831) что-то трагическое, словно надъ нею тяготѣло какое-то проклятіе: поэтъ сталъ писать мало, да и то, что онъ создалъ въ этотъ періодъ, было незначительно, — все это были главнымъ образомъ переводы, подражанія, мелкіе отрывки начатыхъ и незаконченныхъ твореній. Въ поэтической карьерѣ Пушкина это былъ не прогрессъ, а движеніе вспять, возвращеніе къ тому положенію, какое онъ занималъ, какъ начинающій романтической поэтъ. Однако, Третьякъ не можетъ установить одинаго, цѣльнаго взгляда на Пушкина, который у него то человѣкъ, преданный идеѣ самодержавія, отбивающій ему поклоны въ своихъ стихахъ, какъ на это, повидимому,

намекнулъ уже Мицкевичъ въ III-ей части „Dziadów“ (Ustęp), то онъ, наоборотъ, мужъ стойкій и человѣкъ сильной воли, котораго ни жалованье, ни придворное званіе, ни подарки, ни обильныя пособія не въ силахъ были сломать и расположить въ пользу идеи самодержавія (ор. cit., p. 322, 328). Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что Третьякъ добросовѣстно изучилъ творенія Пушкина и толкуетъ ихъ безъ злобы и предвзятости, хотя и впадаетъ въ ошибки.

Въ группѣ польскихъ строгихъ судей поэта особенною рѣзкостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поверхностностью отличается I. Кухаржевскій. Въ своемъ большомъ политическомъ памфлетѣ „Od białego caratu do czerwonego“ (I, Warszawa, 1923) онъ удѣляетъ немного мѣста отношенію Пушкина къ борьбѣ поляковъ за независимость. О Пушкинѣ онъ говоритъ съ большимъ деспектомъ въ такихъ выраженіяхъ: „Аспирантъ въ издатели полуофициальной газеты, платный синекуристъ, нѣчто въ родѣ казеннаго историографа, онъ не только не сочувствовалъ войнѣ поляковъ, но даже требовалъ скораго и строгаго подавленія ея. Отношеніе Пушкина къ войнѣ польскаго народа за свободу ничѣмъ не отличалось отъ отношенія Николая, Бенкендорфа, Паскевича“. И для Кухаржевскаго стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ проникнуто рѣзкимъ (zaciętym) шовинизмомъ (ср. еще болѣе рѣзкое выраженіе Мосцицкаго: „пресловутое клеветническое стихотвореніе“. Mościcki, Pod berłem carów, 1924, str. 284). Онъ обвиняетъ Пушкина въ грубой безтактности, проявившейся въ томъ, что оба „противопольскія“ стихотворенія поэтъ написалъ будто бы въ отвѣтъ на „объятіе“ Лелевеля, адресованное Пушкину въ составленномъ польскимъ историкомъ проектѣ воззванія сейма къ братьямъ русскимъ. На самомъ дѣлѣ исторія съ отвергнутыми русскимъ поэтомъ объятіями жившаго уже въ эмиграціи польскаго ученаго относится къ 1834 году, и Пушкинъ по совершенно личнымъ причинамъ могъ быть недоволенъ свободнымъ обращеніемъ Лелевеля съ его именемъ (см. Н. Лернера: „Пушкинъ и Лелевель“, Истор. Вѣстн., 1905, августъ, стр. 620; ср. еще Дневникъ Пушкина, подъ ред. Модзалевскаго, стр. 152—154).

Лелевель 25 января 1834 г. произнесъ въ Брюсселѣ рѣчь въ годовщину низложенія Николая I съ польскаго престола, а также въ память возстанія декабристовъ въ 1825 г. и гибели русскихъ патриотовъ (см. Polska, dzieje i rzeczy jej rozpatrywane przez Joachima Lelewela. Tom XX. Mowy i pisma polityczne. Wyd. przez Rykaczewskiego, Poznań, 1864).

Получивъ 11 апрѣля 1834 г. отъ графа Гр. Строганова, родственника своей жены, листокъ Франкфуртской газеты, въ которой была напечатана корреспонденція изъ Петербурга отъ 27 февраля по поводу названной рѣчи Лелевеля, Пушкинъ былъ такъ взволнованъ этой статьей, что не только отмѣтилъ сейчасъ же полученіе журнала въ своемъ дневникѣ, но даже переписалъ для себя эту статью. Она помѣщается обыкновенно во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій среди уцѣлѣвшихъ отрывковъ изъ его дневника.

Статья Франкфуртской газеты была рѣзкимъ отвѣтомъ на „выдумку“ польскаго патриота и историка, приписавшаго Пушкину въ одной изъ своихъ филиппикъ противъ русскаго правительства какія-то „строфы“, проникнутыя революціоннымъ духомъ. Лелевель привель, какъ говоритъ написанная ему въ отвѣтъ статья, мнимыя „пушкинскія строфы“ для того, чтобы иллюстрировать съ помощью ихъ политическое направленіе русской молодежи. Петербургская корреспонденція франкфуртскаго журнала заступалась, однако, за Пушкина крайне неумѣло и безтактно. „Не знаемъ, — говорилось здѣсь, — сложилъ ли Пушкинъ строфы, приведенныя Лелевелемъ, въ тѣ времена, когда его замѣчательный талантъ еще не перебродилъ и не избавился отъ накипи, но можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ увѣрить, что со временемъ онъ раскается въ первыхъ опытахъ своей музыки, давшихъ врагу его отечества право видѣть въ немъ своего собрата по идеямъ и намѣреніямъ. Что касается до мнѣнія Пушкина о польскомъ возстаніи, то оно выражено въ его пьесѣ: „Клеветникамъ Россіи“.

Лелевель въ своей рѣчи, дѣйствительно, дважды упомянулъ о Пушкинѣ, выставляя его выразителемъ убѣжденій русской молодежи, и приписалъ ему аллегорическія сказочки, которыя будто бы поэтъ послалъ царю. Негодованіе Пушкина было понятно, но оно никакъ не могло излиться въ стихахъ, написанныхъ имъ еще въ 1831 году.

Таково было неизмѣнное отношеніе польскаго общества къ произведеніямъ Пушкина, порицаемымъ и осуждаемымъ его антагонистами прежде всего за русскую точку зрѣнія поэта на основную причину „домашняго спора“, настойчиво и послѣдовательно отвергаемую всей польской исторической литературой и общественностью. Нѣтъ нужды приводить дальнѣйшія доказательства живучести въ польскомъ общественномъ сознаніи воззрѣній, діаметрально противоположныхъ взглядамъ, высказаннымъ Пушкинымъ и созданнымъ подъ вліяніемъ не только русской исторической науки, но и вытекавшимъ изъ естественнаго источника его глубокой русской души. Расхожденіе оставалось долго и остается понынѣ непримиримымъ. Перекинуть хотя бы слабый мостикъ черезъ эту пропасть, признать объективно извѣстное основаніе во взглядахъ Пушкина польскіе критики его не сумѣли или не хотѣли и не хотятъ.

Когда въ маѣ 1867 г. чешскіе дѣятели Ригерь и Палацкій выѣзжали изъ Парижа въ Москву на Этнографическую выставку, парижскіе поляки (13 мая) адресовали „представителямъ чешскаго народа“ на этой выставкѣ и сѣздѣ славянъ обширное письмо, въ которомъ опять вернулись къ старой открытой ранѣ. Они предостерегали чеховъ отъ опасности московскаго пониманія славянской идеи, указывали на неславянскія чувства русскихъ и напоминали и о прегрѣшеніяхъ Карамзина, „убившаго добрыя намѣренія царя и отклонившаго его отъ расположенія къ народу, коему была нанесена обида“, и о Державинѣ, написавшемъ оду, прославлявшую взятіе Варшавы, и о Пушкинѣ, который не дерзнулъ осудить имп. Николая, нанесшаго смертельный ударъ сердцу Славянства, какъ назвалъ Польшу Колларъ. Обида, связывавшаяся съ

именемъ Пушкина, крѣпко помнилась и въ новомъ изгнаніи польскомъ, послѣ второй братоубійственной вспышки (См. Dr. Jan Heidler, *Přispěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegro, Díl I., v Praze, 1924, str. 175*). Объ этой обидѣ вновь заговорили польскіе историки нашихъ дней, упорно отстаивающіе прежніе взгляды на выступленіе русскаго поэта.

VII.

Въ кругахъ чешской интеллигенціи, изнывавшей въ австрійскомъ нѣмецко-мадьярскомъ ярмѣ и радовавшейся каждому проблеску славянской свободы, польское возстаніе встрѣтило совершенно определенное сочувствіе. Война съ Россіей сулила возвращеніе этой свободы Польшѣ, а съ свободой ея связывались ожиданія общей славянской новой жизни, о которой мечтали страстно издавна.

Наряду съ большимъ и старымъ руссофильскимъ теченіемъ, мощнымъ въ Чехіи уже съ конца XVIII в., нынѣ обнаруживается весьма яркое движеніе полонофильское. Чехи искренно желали полякамъ лучшей доли, вспоминая о великомъ прошломъ Польши и о радостныхъ дняхъ недавняго возрожденія ея подъ скипетромъ Александра I. Разрывъ между русскими и поляками, однако, болью отозвался въ сердцахъ нѣкоторыхъ чешскихъ патріотовъ, тѣмъ болѣе, что созданіе автономнаго Царства Польскаго подъ русскимъ главенствомъ было для нихъ какъ бы идеаломъ политическихъ стремленій всей Славянщины въ будущемъ (Первольфъ, *Слав. движеніе въ Австріи. Русская Рѣчь, 1879, кн. VII, стр. 188*). Наболѣе дальновидные чехи, ученые и писатели, мечтавшіе о славянскомъ культурномъ объединеніи, хорошо понимали гибельную для всего Славянства сторону этого разрыва, разрушавшаго прекрасныя мечты и вбивавшаго острый клинъ въ междуславянскія отношенія. Поэтому вмѣстѣ съ чувствомъ огорченія и сожалѣнія о выступленіи поляковъ противъ Россіи слышится даже голосъ радости за Славянство, которое этимъ разрывомъ лишалось наихудшаго своего врага — внутренняго. Такъ смотрѣлъ на событія, напр., Юнгманъ, поэтъ и ученый, горячій руссофилъ, готовый на большія національныя жертвы ради славянскаго единства. Ему представлялось возможнымъ, что русскіе зальютъ половину Европы и соединятъ, такимъ образомъ, значительную часть славянъ, и это соединеніе онъ готовъ былъ признать желательнымъ. Вообще, старшее поколѣніе дѣятелей чешскаго пробужденія, стремившееся къ осуществленію славянскаго единства, видѣло въ соединеніи Польши съ Россіей значительный шагъ къ этому объединенію и считало счастьемъ сляніе подъ однимъ скипетромъ двухъ большихъ славянскихъ народовъ. Это было начало реализаціи ихъ большихъ мечтаній. Другой руссофилъ, поэтъ Антонинъ Марекъ въ одномъ изъ писемъ къ Юнгману (1833 г.) отнесся поэтому неодобрительно къ нѣкоторымъ поэтическимъ твореніямъ Мицкевича (*Dziady*), какъ къ проявленію ненависти поляковъ къ русскимъ, — онъ не желалъ даже

ихъ читать, ибо считалъ ихъ новымъ прискорбнымъ „зablужденіемъ своихъ братьевъ славянъ“ (J. Jakubec, Česká poesie polit. do Havlíčka, Naše Doba, XI, 1904, str. 586).

Но надо признать, что въ общемъ на сторонѣ Россіи въ этотъ моментъ симпатій было мало. „Съ какимъ энтузіазмомъ здѣсь говорятъ о богатырскихъ бояхъ благородныхъ поляковъ, — писалъ изъ Праги корреспондентъ одной изъ нѣмецкихъ газетъ, — вы съ трудомъ можете себѣ представить; пожалуй, съ большимъ даже, чѣмъ въ Берлинѣ“ (St. Souček, Dvě pozdní mystifikace Hankovy, Praha 1924, str. 28).

Однако, нѣкоторые чешскіе писатели недостаточно глубоко оцѣнивали событія. Мало знакомые съ сущностью историческаго русско-польскаго спора во всемъ его сложномъ объемѣ и въ его обостренности, они подходили къ нему лишь съ одной стороны, — видѣли въ немъ только борьбу порабожденныхъ съ поработителями, судили послѣднихъ рѣзко, скорбя, впрочемъ, истинно о горестной междуславянской распрѣ, отдалявшей осуществленіе ихъ мечтаній.

Въ то время, когда въ Варшавѣ вспыхнуло въ ноябрѣ 1830 г. пламя возстанія, Россійская академія съ А. С. Шишковымъ во главѣ вела еще давніе переговоры съ группой чешскихъ ученыхъ, приглашенныхъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ на службу въ Россію. Дѣло тянулось долго и налаживалось съ трудомъ, были колебанія и сомнѣнія съ обѣихъ сторонъ. Въ письмахъ къ друзьямъ чешскіе ученые высказывали свои тревожныя мысли откровеннѣе, чѣмъ въ осторожной официальной перепискѣ съ Академіей. Пользовавшійся уже въ двадцатые годы извѣстностью въ русскихъ ученыхъ кругахъ П. І. Шафарикъ, другъ нашего наиболѣе ранняго славянскаго путешественника П. И. Кеппена, впоследствии (въ 1835 г.) заключившій прочный дружескій союзъ съ М. П. Погодинымъ, неоднократно касался русско-польской кровавой борьбы и, скорбя о ней, совершенно откровенно выражалъ свое нерасположеніе и недовѣріе къ русскому правительству, которое считалъ виновникомъ разрыва и которое называлъ не славянскимъ, а „нѣмецко-скандинавско-монгольскимъ“.

Въ междоусобной борьбѣ его симпатіи были на сторонѣ поляковъ. „Признаюсь Вамъ, — писалъ онъ поэту Яну Коллару въ январѣ 1831 г., т. е. въ самомъ началѣ русско-польской войны, — что я непрестанно молю Господа Бога, чтобы онъ какъ-нибудь неожиданно (ex machina) помогъ этому несчастному народу; эта мысль волнуетъ меня денно и ночью, и я съ каждой почтой съ трепетомъ ожидаю газетныхъ сообщеній“. Пѣвцу славянской взаимности, другу Коллару онъ доказываетъ, что славянское единеніе, осуществимое только духовно и въ любви, немислимо между двумя ополчившимися другъ противъ друга народами. Къ сожалѣнію, и Шафарикъ не обнаружилъ въ этомъ случаѣ знанія исторіи Россіи, и его выпады противъ русскихъ и отзывъ о нихъ были неожиданны въ устахъ историка древнѣйшаго Славянства, который столь рѣшительно возмущался невѣжествомъ и грубыми измышленіями нѣмецкихъ ученыхъ въ ихъ сужденіяхъ о славянахъ.„ Въ самомъ дѣлѣ,

— писалъ Шафарикъ о русскихъ, — эти наполовину онѣмеченные и наполовину (что касается характера) отатаренные сѣверяне плохо поняли это единеніе, полагая, что заговоромъ Екатерины и союзомъ съ предателями и естественными, главными и кровожадными врагами славянскаго племени и затѣмъ расчлененіемъ благороднѣйшаго и истинно-рыцарскаго славянскаго народа можетъ быть положено основаніе будущему соединенію славянъ! Зло, содѣянное отцами, и ихъ грѣхи слѣдовало исправить сыновьямъ, и послѣдніе могли это сдѣлать, но нѣтъ, — они довершили этотъ грѣхъ! Мы всѣ вѣчно и горько должны оплакивать судьбу этого рыцарски-благороднаго и геройскаго народа. “Для Шафарика полякъ и полька — идеаль славянина и славянки; всѣ прочіе славяне, и независимые и подневольные, по его мнѣнію, лишь „бастарды“.

Вообще, Шафарикъ, все еще не закончившій переговоры съ Академіей о переѣздѣ въ Петроградъ и какъ-будто склонный переселиться на сѣверъ, смотрѣлъ безотрадно-мрачно на славянскую роль Россіи. „Если вы, — продолжаетъ онъ свое письмо другу, — полагаете, что подъ шестидесятымъ градусомъ разовьется и расцвѣтетъ когда-либо настоящая славянская жизнь, то тогда я не могу и не хочу спорить съ вами, ибо я къ этому мнѣнію никогда не присоединюсь. Величіе, которому мы всѣ удивляемся, есть въ сущности ужасающій военный деспотизмъ, только формою своею сильно отличающійся отъ римскаго деспотизма временъ Нерона и др. или отъ нынѣшняго турецкаго, но по существу своему онъ мало отъ нихъ отличается. Вы сами хорошо знаете, что во многихъ отношеніяхъ (что касается свободы мысли и слова) турецкое правительство гораздо либеральнѣе, чѣмъ правительство сѣверное“. Ученый идеалистъ смѣло находилъ даже, что многія явленія русской общественной жизни напоминаютъ режимы вавилонскій, египетскій и др. Въ своемъ мрачномъ скептицизмѣ, отрицаніи славянскихъ началъ въ настоящемъ и возможности развитія ихъ въ будущемъ русской жизни Шафарикъ шель еще дальше. Онъ самоувѣренно утверждалъ: „Роскошные плоды генія Батюшкова, Жуковского, Пушкина и пр. и пр. суть цвѣты диллетантизма; садъ, въ коемъ они произрасли, не есть народъ славянскій. Безъ политической жизни народы — нули; на сѣверѣ народъ — ничто, рѣшительно ничто и даже еще меньше, чѣмъ ничто. Подъ шестидесятымъ градусомъ никогда не возникнутъ славянскія Аѳины, ибо безъ свободы нѣтъ Аѳинъ!“

Въ паденіи Польши Шафарикъ оплакивалъ паденіе всего Славянства, оно было для него крушеніемъ всѣхъ его славянскихъ идеаловъ. Въ письмѣ къ Шишкову (въ апрѣлѣ 1832 г.) онъ называлъ польское возстаніе „die unglückselige Revolution in Polen“, имѣя въ виду прежде всего, конечно, несчастный исходъ его, но можетъ быть, онъ просто разочаровался въ цѣлесообразности гибельной войны и этой фразой осудилъ ее. Ударъ былъ для него тѣмъ тяжелѣе, что, по его убѣжденію, здѣсь, т. е. въ Польшѣ, должно было и могло осуществиться то, къ чему стремились всѣ славяне, и до чего ни современники его ни потомки ихъ не доживутъ никогда. Онъ говорилъ объ общей славянской свободѣ

и въ созиданіи ея отводилъ Польшѣ первое мѣсто, какъ это особенно часто высказывалось и въ литературѣ польской эмиграціи.

Еще разъ вернулся онъ къ скорбной славянской темѣ о Россіи и Польшѣ въ декабрѣ 1831 г., когда опять писалъ Коллару о томъ, что русское правительство заботится не только объ утвержденіи или увѣковѣченіи своего военного деспотизма, а для высокихъ идей, которыми жили оба чешскихъ писателя, оно отводитъ „сибирскіе сады“. Шафарикъ увѣрялъ своего друга, что это не фантазіи, а подлинныя слова одного изъ высокопоставленныхъ русскихъ чиновниковъ, которыя онъ вычиталъ гдѣ-то „не безъ дрожи и сердечнаго трепета“.

Впослѣдствіи, когда связи его съ большой русской ученой семьей, благодаря Погодину, съ конца тридцатыхъ годовъ особенно расширились, когда онъ глубже познакомился съ русскимъ міромъ и блестяще въ трудахъ своихъ использовалъ всѣ цѣннѣйшія достиженія русской исторической и филологической науки, онъ убѣдился въ ошибочности своего отрицательнаго отношенія, по крайней мѣрѣ, къ русской культурной жизни, въ его эпоху достигшей, несомнѣнно, высокаго развитія.

Къ Шафарикау близко стоитъ идеализаціей Польши и поляковъ моравскій поэтъ и философъ Клацель (M. Fr. Klácel). Онъ воспѣваетъ подвиги поляковъ, бой подъ Гроховомъ — польскій Марафонъ и польскихъ Мильтиадовъ; поляки для него образецъ свободолюбиваго народа; Польша, проливающая свободную кровь, для него „любимица Славии“ (Slavie miláček); онъ оплакиваетъ смерть своего школьнаго товарища Эммануила Миллера, геройски сражавшагося въ рядахъ польской арміи за свободу „славянской отчизны“ (slavské vlasti); герои польскаго возстанія вдохновляютъ его неоднократно. Но на русско-польскій споръ, въ коемъ русскій убилъ брата, какъ завистливый Каинъ (bratřa zabil jako Kain závistný), онъ смотритъ своеобразно, съ тайною возвышенною надеждою: споръ для него завершится, повидимому, тѣмъ, что Славянство, прежде всего — его наиболѣе могучая вѣтвь, возвратитъ свободу не только полякамъ, но освободитъ и Россію и весь міръ (St. Souček, K dějinám naší politické poesie. Z dějin české lit., sborník statí věnovaný Jar. Vlčkovi, 1920, str. 150, 155).

Мрачныхъ взглядовъ Шафарика и его единомышленниковъ не раздѣляли нѣкоторые изъ его ближайшихъ друзей-современниковъ, какъ, напримѣръ, библиотечаръ Чешскаго Музея, большой и наивно-восторженный руссофилъ Ганка или извѣстный поэтъ Челаковскій, въ юные годы восхитившійся ростомъ русской науки и литературы и мечтавшій о переселеніи въ Россію; къ нимъ принадлежалъ и ближайшій соплеменникъ Шафарика, словакъ Янъ Колларъ. Но и для нихъ славянская усобица была явленіемъ горестнымъ. Оплакавши три дня великой всеславянской скорби, — гибель сербскаго царства на Косовѣ полѣ, разгромъ чешской независимости на Бѣлой горѣ и „Finis Poloniae“ съ плѣненіемъ Костюшка подъ Мацѣвицами, — Колларъ съ болью смотрѣлъ на новое истребленіе славянъ славянами. Въ „Дочери Славы“ (Lethe, сон. 412) онъ выразилъ свое огорченіе, что въ рядахъ

возставшихъ оказалась воспѣтая Мицкевичемъ (*Śmierć rólkownika*) „дѣвица-герой“, графиня Эмилиа Плятеръ, что сестра-славянка пошла на брата-славянина, поляка противъ русскаго:

„...v záhubném šla klusu
Sestra proti bratru, Slavenka
Proti Slavu, Polka proti Rusu.“

Онъ внесъ полностью въ „Дочь Славы“ (*Lethe*, сон. 428) извѣстныя слова имп. Николая I: „Прошу васъ поляковъ не ненавидѣть“, усматривая въ нихъ выраженіе его славянскаго чувства, но не осудилъ самаго подавленія имъ возстанія:

„...slyšte milí Rusové,
Poláci jsou naši bratrové,
Neslušno k nim mítí nepřátelství.“

Напротивъ, отъ себя онъ прибавилъ къ этимъ словамъ, что ни одинъ изъ государей, „намѣстниковъ Славы“, не былъ проникнутъ національнымъ, т. е. славянскимъ, духомъ въ такой мѣрѣ, какъ Николай:

„Žádnému snad Slávy naměstniku
Tolik národnosti nevyšlo
Ještě z úst, co tomu panovníku.“

Только позже противъ такихъ поклонниковъ дѣятельности Николая I появилась (1858) эпиграмма I. В. Фрича, поэта-революціонера, пугавшая увлеченныхъ „патріотическою вѣрою“ въ царя св. Николаемъ и чертомъ, которые раздають дѣтямъ подарки въ чулки. Этимъ наивнымъ чешскимъ „николаевцамъ“ (*Mikulašencům*) и „чулочникамъ“ они несутъ въ подарокъ оковы:

„Jen se mučte, buďte hezky pilní
a zůstaňte v té víře vlastenecké silní,
že za dveřmi je blízký Mikuláš!
Blaze největším pak punčochám,
blaze punčochářům! — Běda — nám!
Slyšíte řetězy? to on — a za ním — satanáš.“

Знаменитый Карль Гавличекъ такъ же осмѣивалъ чешскихъ царистовъ-русофиловъ въ своихъ язвительныхъ эпиграммахъ.

Недостатокъ славянскаго сознанія въ извѣстной части польскаго общества пѣвецъ славянской взаимности Колларъ отмѣтилъ и въ позднѣйшемъ „Путешествіи въ верхнюю Италію“ (*Cestopis do Horní Italie*, 1843, стр. 249). На обратномъ пути изъ Италіи, на пароходѣ изъ Линца въ Вѣну Колларъ познакомился съ какимъ-то полякомъ Фр. Закржевскимъ и съ его сыномъ Валентиномъ, образованнымъ молодымъ челоукомъ и ревностнымъ патріотомъ. Въ отвѣтъ на прочитанную ему выдержку изъ статьи извѣстнаго въ эмиграціи публициста Н. Боньковскаго (въ *Revue Slave*, 1840, р. 70) о взаимномъ расположеніи и дружбѣ поляковъ и мадьяръ, Колларъ, испытавшій на себѣ мадьярскій гнетъ и ненависть къ славянамъ, выразилъ польскимъ сопутникамъ сожа-

лѣніе, что многіе изъ братьевъ-поляковъ дѣйствуютъ такъ не по-славянски. „Причиною вашего несчастія, — наставляя оныхъ своихъ случайныхъ знакомыхъ, — была невзаимность славянская: вы охотнѣе шли къ французамъ, мадьярами и другими иноземцами — и потому вы должны были придти къ паденію. Вы не хотите быть разумными всеславянами (Všeslavové) и поэтому останетесь офранцузившимися псевдославянами (Paslavové).“

Челаковскій, какъ и другіе соотечественники его, внимательно слѣдилъ за военными дѣйствіями въ сосѣдней съ австрійскими предѣлами Польшѣ. Вѣроятно, подѣ влияніемъ событій, происходившихъ въ польскомъ сеймѣ, постановленія его о низложеніи династіи Романовыхъ и слуховъ о таинственныхъ переговорахъ поляковъ съ Габсбургами, онъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ (въ январѣ 1831 г.) о томъ, что будто бы „изъ частей Польши возникнетъ опять королевство“. Уже въ началѣ января 1831 г. кн. Константинъ Чарторыйскій представилъ австрійскому двору проектъ уніи Польши съ Австріей. Челаковскій радовался довольно наивно такому плану: „Я желалъ бы этого, — пишетъ онъ, — въ Европѣ было бы по крайней мѣрѣ однимъ славянскимъ дворомъ больше, а русскіе при этомъ много бы не потеряли“. На это другъ его, поэтъ-священникъ Камаритъ отвѣчаетъ: „Дай Богъ счастья Бѣлому Орлу!“ Въ мартѣ того же года Челаковскій, очевидно, слѣдившій за ходомъ дѣла на русско-польскомъ театрѣ войны, пишетъ: „Не подлежитъ сомнѣнію, что съ обѣихъ сторонъ совершается страшное кровопролитіе, — какъ жаль гибели такого множества славянъ! Но отчего же они падаютъ и погибаютъ? Все изъ-за гордой мысли одного человѣка. вмѣсто того, чтобы уступить польскому народу въ томъ, что ему по святому праву принадлежало, онъ предпочитаетъ истребить значительную часть прекраснѣйшаго войска обѣихъ сторонъ.“ Поэтъ предвидитъ, что теперь русскіе не будутъ уже уступчивы въ отношеніи къ полякамъ, даже если бы пришлось пожертвовать всѣмъ. „Но какая польза отъ этого? Разоренная страна, изнуренная армія и порабощенный народъ, который всегда будетъ питать ненависть къ своимъ угнетателямъ. Несчастный польскій народъ! Въ исторіи нельзя назвать другого подобнаго факта, чтобы какой-либо народъ защищалъ свое дѣло при столь неравныхъ силахъ съ такимъ геройствомъ, какъ поляки.“ (Korespondence a zápisky Fr. L. Čelakovského, II, str. 154). Въ июль 1831 г., когда событія въ Польшѣ приближались къ неизбѣжному концу, Челаковскій съ волненіемъ писалъ Камариту: „Развязка или разсѣченіе польскаго узла уже близко. Литва опять вся въ рукахъ русскихъ, и русская армія съ трехъ сторонъ подходитъ къ Варшавѣ. Только бы все это закончилось благополучно и великодушнымъ образомъ.“ Это было желаніе и надежда и другихъ чеховъ. Однако, объ истинной причинѣ возстанія, т. е. о стремленіи поляковъ возстановить Польшу 1772 года или даже 1667 г., Челаковскій, какъ и другіе чехи, умалчивалъ, такъ какъ не имѣлъ объ этомъ яснаго представленія (Ср. Pervolf, Osvěta, 1879, str. 545). Въ 1835 году Челаковскій, подѣ влияніемъ широкихъ

симпатій къ полякамъ, публично, въ официальномъ органѣ Чешскаго намѣстничества (Pražské Noviny) еще разъ не побоялся высказать свои польскія симпатіи и сравнить рѣчь имп. Николая I къ польской депутаціи въ Варшавѣ съ тѣми рѣчами, съ которыми когда-то татарскіе ханы обращались къ русскимъ князьямъ. Этотъ заключительный аккордъ рѣзко, но смѣло прозвучалъ въ его большой руссофильской поэмѣ, оборвавшейся нынѣ навсегда.

Когда, вскорѣ послѣ разгрома возстанія, чешскіе студенты въ Прагѣ получили письмо, адресованное философской коллегіи, съ просьбою оказать помощь полякамъ, ухидившимъ въ изгнаніе, то однимъ изъ первыхъ отозвался на это обращеніе поэтъ-романтикъ Карлъ И. Маха, организовавшій съ друзьями своими дѣло помощи. Онъ привѣтствовалъ прибытіе эмигрантовъ горячею рѣчью въ трактирѣ „У города Страсбурга“, за городскими воротами, и раздавалъ бѣженцамъ бѣлье, платье и деньги, собранныя имъ среди друзей (См. J. Máchal, Mickiewicz a Cechy, ССН., 1898, str. 360; Prelog, Slavenska genesansa, 1780—1848. Zagreb, 1924, str. 89; K. Krejčí, První krise českého slovanství, Slov. Přehl., R. XX, 1928, březen, str. 196). На философскомъ факультетѣ возникъ въ эти дни чешскій клубъ республиканскаго направленія, и вождемъ его сдѣлался Карлъ Сабина (Sabinský), поэтъ и историкъ литературы, горько оплакивавшій судьбу Польши. Онъ и его другъ Лешановскій братались съ поляками и всячески имъ помогали; возникъ особый кружокъ молодежи, облегчавшей польскимъ эмигрантамъ ихъ скорбный путь въ родственной славянской землѣ. Чешская молодежь устраивала политическія демонстраціи, и Сабина при этомъ даже поплатился арестомъ. Онъ отозвался на эти событія въ стихотвореніи „Polan“, написанномъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ одной изъ полонофильскихъ элегій (Polenflüchtling) Николая Ленау, оплакалъ горькую судьбу сыновъ разгромленной Польши, очутившихся то въ оковахъ въ Сибири, то странствующихъ въ пустынѣ съ вольными бедуинами и горюющихъ о томъ, что имъ не пришлось погибнуть за свободу отчизны. Ихъ не радуютъ раздающіяся со всѣхъ сторонъ пустыя слова утѣшенія разныхъ народовъ, — и только блѣдная фигура, поднявшаяся на могилахъ Остроленки и произносящая завѣтные слова: „Jeszcze Polska nie zginęła“, ободряетъ ихъ духъ и укрѣпляетъ вѣру, что не все еще погибло (J. Jakubec, op. c., Naše Doba, XI, 1904, str. 587).

Кромѣ круга этой радикальной полонофильской молодежи, вокругъ католическаго священника, поэта Вацлава Штульца группируется кружокъ умѣренныхъ молодыхъ людей, тѣмъ не менѣе яркихъ полонофиловъ. Самъ Штулецъ переводитъ на чешскій языкъ „Конрада Валленрода“ (1837), часть „Dziadów“ и одинъ экземпляръ своего перевода шлетъ Мицкевичу, „пророку славянъ, сыну дорогой и предъ нашими взорами распятой Польши“. Чешская молодежь съ увлеченіемъ читаетъ въ эти годы Мицкевича пророчествующія „Księgi narodu polskiego“. Изъ этихъ старыхъ корней выростаетъ вскорѣ новое полонофильство, во главѣ съ Гавличкомъ, который у Штульца знакомился съ

поляками, потомъ съ Ригромъ и др. (Ср. Osvěta, 1903, I, 494). Польскіе эмигранты, борцы за свободу, находили сочувственный пріемъ и среди такихъ опредѣленныхъ руссофиловъ, какими были „крконошскіе казаки“ съ знаменитымъ Антониномъ Маркомъ во главѣ, священникомъ-поэтомъ, привѣтствовавшимъ приходъ русскихъ войскъ въ Чехію еще въ Наполеоновскую эпоху.

Что касается тогдашней пражской чешской печати, то она могла лишь въ весьма слабой степени реагировать на польскія событія; еще болѣе сдержанною и осторожною была печать нѣмецкая. О свободѣ мнѣнія не могло быть рѣчи. Оффиціозы, Pražské Noviny и Prager Zeitung, сухо и осторожно излагаютъ событія въ Варшавѣ и Польшѣ, по существу стоятъ на строго консервативной или просто казенно-лояльной точкѣ зрѣнія и, естественно, относятся къ бунту отрицательно. Тонъ давался, конечно, сверху, изъ Вѣны, а отношеніе властей къ возстанію было, по крайней мѣрѣ внѣшне, отрицательное. Австрійская дипломатія въ эти годы демонстративно и въ официальныхъ проявленіяхъ отрещивалась отъ преступнаго, революціоннаго Царства Польскаго, поддерживая, однако, въ немъ броженіе путями тайными, но сваливая въ то же время всю отвѣтственность на Варшаву и любезно представляя къ свѣдѣнію русскихъ властей болѣе интересныя извлеченія изъ переписки польскаго революціоннаго правительства, перехваченной австрійскою почтою (Ср. Sz. Askenazy, въ Bibl. Warsz., 1903, styczeń, str. 255). При такомъ двуличномъ образѣ дѣйствій официальной Австріи не могли быть самостоятельными и высказывать свои подлинныя мысли ея органы печати.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ руссофильской Прагѣ чрезвычайно добросовѣстно отмѣчали факты хорошаго отношенія русскихъ воиновъ и генераловъ къ разбитымъ полякамъ и тщательно слѣдили за всѣми попытками мирнаго улаженія спора между двумя славянскими народами (К. Krejčí, op. c., Slov. Přehl., R. XX, 1928, leden, str. 13 — 22: Il. Polské povstání a pražské časopisy).

Симпатіи къ возставшимъ полякамъ проявлялись иногда и прямымъ участіемъ славянскихъ братьевъ въ борьбѣ за свободу. Словакъ Само Халупка, восемнадцатилѣтній студентъ богословія, извѣстный впоследствии поэтъ, уходитъ добровольцемъ въ ряды польскихъ войскъ, правда, уже въ послѣдній моментъ угасающей борьбы, а затѣмъ откликается на героическіе подвиги поляковъ въ нѣкоторыхъ наброскахъ (Malachovský, Hrob na Tatře) и въ стихотвореніи: Polska (Teče voda dolu Vislou, teče mutná, Polská otčina při Visle pláče smutná), оплакивающимъ польскія страданія (См. Krčméry Št., Z rukopisov Sama Chalupku, Sborník Matice Slov., R. V, soš. 3—4, 1927, str. 105: Il. Samo Chalupka a polské povstanie r. 1830). Въ ряды польскихъ возстанцевъ поспѣшилъ въ 1830 г. и другой словакъ І. П. Белла и чехъ Фр. Захъ, впоследствии участникомъ войны сербовъ съ турками (1876 г.) и сербскій генералъ, хотя и ему не пришлось дѣятельно принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ. Участники польскаго возстанія, чехи и словаки и особенно польскіе бѣженцы, приносили съ собою въ Чехію польскія революціон-

ныя пѣсни, ставшія популярными среди молодежи. Польскія пѣсни распѣвались въ послѣдствіи въ собраніяхъ чешскословенской молодежи пресбургскаго лиція, а въ 1840 г. моравскіе патриоты-писатели и студенты въ Брнѣ почтили русскаго ученаго путешественника И. И. Срезневскаго собраніемъ, въ которомъ молодежь пѣла польскія пѣсни, даже антирусскаго содержанія. Молодые люди, по свидѣтельству современника, были вообще расположены къ полякамъ, считали, что русскіе съ ними поступали несправедливо и даже жестоко; однако, о Россіи они имѣли весьма ничтожныя познанія, а то, что знали, черпали изъ источниковъ нѣмецкихъ и нѣмецко-польскихъ, пристрастныхъ и невѣрныхъ. Изъ русскихъ пѣсенъ студенты не знали ни одной, но зато очень много знали пѣсенъ польскихъ (St. Souček, Dvě pozdní mystifikace, str. 34). Словакъ Само Томашикъ извѣстную пѣсню польскихъ легионовъ, мазурку Домбровскаго „Jeszcze Polska nie zginęła“ сдѣлалъ (1838) народнымъ гимномъ словаковъ: „Hej, Slováci“. Позднѣе съ замѣной: „Hej, Slováne“, она стала какъ бы славянскою марсельезою.

За ближайшимъ рубежомъ, въ сосѣдней съ Царствомъ Польскимъ Галичинѣ настроенія въ русской и польской частяхъ ея населенія были различны. Галицко-русскій ученый, извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси Я. Ѳ. Головацкій рассказываетъ, что въ 1830—1831 г. г. галицкіе русскіе (русины) были рѣшительно противъ Польши, всѣ же поляки, естественно, сочувствовали возставшимъ. Студенты поляки сотнями переходили за Вислу, туда посылались отъ поляковъ деньги, оружіе, корпія и пр. Съ жадностью читались газетныя извѣстія, возбуждая въ однихъ радость, въ другихъ уныніе. Нѣмцы казались нейтральными, но въ душѣ радовались временнымъ удачамъ польскихъ полководцевъ. Даже мѣстныя нѣмецкія (австрійскія) власти смотрѣли сквозь пальцы на то, какъ комитеты полуявно собирали деньги, вооружали повстанцевъ и посылали ихъ за кордонъ. Паденіе Варшавы разомъ измѣнило настроеніе. Поляки пали духомъ: „Все пропало!“ Но неудачи свои они объясняли измѣною Круковецкаго. Наши соплеменники, говорили они, сами стали измѣнниками! Головацкій принесъ отцу во время вакацій радостную новость, что Паскевичъ взялъ штурмомъ Варшаву. Всѣ этимъ извѣстіемъ, рассказываетъ онъ, заинтересовались: „Сами селяне громадно приходили спрашивать: „Правда, що москаль побивъ поляковъ и добувъ Варшаву?“ (Я. Ѳ. Головацкій, Воспоминки изъ дѣтскихъ и школьныхъ лѣтъ. Литер. Сборн. Гал.-Русской Матицы, 1885, вып. II—III, стр. 139). Однако, и при такомъ раздѣленіи настроеній много русскихъ поповичей Галицкой Руси приняли участіе въ польскомъ возстаніи. Они шли проливать кровь за Польшу, но при этомъ должны были переносить насмѣшки своихъ товарищей, называвшихъ ихъ „русскими галилеянами“ (guscy Galilejczycy).

Галицко-русскій изслѣдователь, вопреки мнѣнію польскихъ писателей, утверждающихъ, что въ эту пору не было еще русско-польскаго антагонизма (Иванъ Франко, Обяви русько-польского антагонизму 1831 р. Житѣ і Слово, II, 1895, стр. 111—114), полагаетъ, что антиполь-

ская традиція была на галицкой почвѣ давнею, уже съ конца XVIII в., при этомъ она органически связана была съ sui generis москвофильствомъ. Польское возстаніе 1830—1831 г. г. въ кругу русской молодежи, студентовъ духовныхъ семинарій Львова и Вѣны, наряду съ ревностными сторонниками его встрѣтило и горячихъ противниковъ. Среди русскихъ студентовъ на эту тему велись жаркіе споры. Противъ польскаго возстанія появляются стихотворенія на польскомъ языкѣ, высмѣивающія возстанцевъ, написанныя русскими антагонистами поляковъ. Къ числу такихъ противниковъ возставшей Польши принадлежалъ извѣстный галицко-русскій дѣятель, впоследствии митрополитъ Спиридонъ Литвиновичъ, вѣнскій воспитанникъ, яко бы даже доносившій полиціи на своихъ товарищей, симпатизировавшихъ возстанію. Франко сообщилъ одну такую пѣсню, сочиненную Сп. Литвиновичемъ, направленную противъ притязаній поляковъ и прославляющую побѣду Паскевича. Въ 1832 г. еще одна подобная пѣсня была напечатана въ Вѣнѣ въ типографіи мехитаристовъ, но, какъ полагаетъ Франко, это не была сообщенная имъ пѣсня Литвиновича. Пѣсня Литвиновича, очевидно, предназначавшаяся для пѣнья, озаглавлена „Argya“ и начинается строфой:

„Kto Lach, ma strach:
Car zdrajców żwawo przypiera,
Wolność zmyśloną wydziera
Obrońcom praw — lby pustych paw,
Wyniszcza dumy szczęt.
Paskiewicz niech żyje!
Na zgubę — na czyję?
Lachów, Lachów, Lachów, Lachów!“

Рефренъ „Paskiewicz niech żyje“ повторяется послѣ каждой строфы. Авторъ скептически отзываясь о выдуманной, мнимой польской свободѣ; польское возстаніе для него есть проявленіе польской гордыни, а не права; право польской народности на самостоятельное политическое бытіе для него не существуетъ. Онъ, очевидно, легитимистъ (говорить Франко): поляки присягали на вѣрность русскому царю, и гибель возстанія есть кара за нарушение клятвы.

Галицко-русскій священникъ Ник. Васильковскій (1792—1863) отозвался стихами, пародирующими извѣстную пѣсню „Jeszcze Polska nie zginęła“ и оканчивающимися строфой безпощаднаго осужденія виновниковъ возстанія: „Bodaj ci nie żyli, co ten bunt radzili“. Въ тридцатыхъ годахъ распространено было также стихотвореніе неизвѣстнаго поэта, съ тѣмъ же чувствомъ недоброжелательства пророчествовавшего о гибельныхъ послѣдствіяхъ разрыва съ русскими: „Hej, Polaki nieboraki, wytrzebie was Moska!“ (См. у Коцовскаго, Литер. хроника, Зоря, 1885, стр. 191). Были, конечно, особыя мѣстныя причины этого явнаго несочувствія Галицкой Руси польскому возстанію, но отрицательное отношеніе къ нему проявилось даже среди той части населенія Русскаго Прикарпатя, которая не имѣла прямыхъ основаній для такого отношенія, а именно въ нынѣшней Подкарпатской, или б. Угорской Руси.

О таких противоположных произведениях вспоминалъ много лѣтъ спустя „Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы“ (Вѣна, 1851, ч. 3, отъ 5—17 января) въ статьѣ, касавшейся насмѣшекъ и глумленій мадьярской печати (Magyar Hírlap) надъ „русинами“, ихъ политическую безхарактерность, проявившеюся въ томъ, что они въ 1849 г. выступили противъ мадьяръ и распѣвали пѣсни, привѣтствовавшія приходъ казаковъ: „Не бойтесь, русски дѣти, ужъ можете спочивати, веселитесь, гуррага, ступай козакъ“ и т. д. Такіе же „вѣрные русины“ въ 1831 году писали въ честь Дибича и Паскевича торжественные стихи: „Сгорбилася луна Османова“ и пр. Рѣчь идетъ, какъ видно, о „русинахъ“ угорскихъ, въ далекомъ Закарпатьѣ отозвавшихся на славянскую расприю и опредѣленно занявшихъ въ этомъ спорѣ позицію русскую.

Въ „правобережной Украинѣ“, въ предѣлахъ Россіи нашлись также, какъ свидѣтельствуегъ М. Драгомановъ (Нові українські пісні про громадські справи. 1764 — 1880. Женева 1881, стр. 39 и прим.), люди „старосвѣтской, поповской школы“, которые писали украинскіе вирши противъ польскаго возстанія (1831), за Русь; при этомъ они, какъ обыкновенно попы, укоряегъ ихъ Драгомановъ, считали „за одно“ Русь Украинскую съ Русью Московскою. Онъ приводитъ одну такую пѣсню (изъ Подолья) противъ польскихъ пановъ Ржевускаго и Собаньскаго, кончающуюся стихами, въ коихъ обнаруживается извѣстное пониманіе составителемъ пѣсни исторической основы борьбы:

„Правда, все пропало, бо не ваше,
Намъ вернулося, бо наше,
Захотілось вамъ руської крови,
Але і далі панамъ, якъ лихому псові.
Теперъ будете знати, што то єсть руський,
Во вікъ будете пам'ятати, пане Ржевущький.“

Во время возстанія 1831 г. богатый панъ Вацлавъ Ржевускій пошелъ на войну со своими казаками (крѣпостными); другіе паны (напр., Собаньскій) тоже пытались заставить своихъ крѣпостныхъ присягнуть себѣ, а нѣкоторые объявили волю тѣмъ крестьянамъ, которые присоединятся къ нимъ. Украинскіе крѣпостные (крѣпаки) не вѣрили, однако, панамъ-полякамъ и по большей части не только не „повставали“ съ ними, но даже передавали ихъ „московскимъ“, т. е. русскимъ, властямъ (Драгомановъ, *ibid.*, стр. 38). Такъ относились къ возстанію народныя массы Украины.

Ученый и поэтъ Артемовскій-Гулакъ тоже радостно привѣтствовалъ подавленіе польскаго возстанія „Хведоровичемъ“ — Паскевичемъ. Какъ нѣкогда Гораций (Lib. II, ode IX: ad Valgium) совѣтовалъ Вальгію успокоить скорбь свою по утратѣ сына мыслью объ успѣхахъ оружія цезаря Августа, такъ Артемовскій въ своемъ подражаніи Горацию (25 лютого 1832) подаетъ совѣтъ лѣчить скорбь о сынѣ Власѣ радостью, вызванною подавленіемъ польскаго возстанія (К. Студинський, Літературні замітки, Львів 1901, стр. 68):

„Воно-б не вадило сьогодні й підгулять...
Хиба-ж нас Білий цар до себе позове „служити“?
Звелів не некрута, а козаків давати!
Тепер то будем Ляхів і Турків бити!

*

А тут до Репніна прибіг гонець на двір
Та й каже: Поминай тепер Ляхів, як звали!
Вже Хведорович наш з їх видавив весь жир,
Вже, каже, й могорич в Варшаві запивали.“

Отмѣтимъ еще одно произведение, возникшее въ предѣлахъ русскаго государства и свидѣтельствующее еще разъ о непримиримо-враждебномъ отношеніи украинской интеллигенціи къ возстанію. Событіями 1831 г. вызвана была большая малорусская поэма неизвѣстнаго поэта, вѣрнѣе стихослагателя, впервые появившаяся въ печати въ Кіевской Старинѣ еще въ 1887 г. (№ 6—7), а въ недавнее время по другому списку изданная Вл. Науменкомъ (Нові матеріали для історіі початків української літератури XIX віку. Збірник історично-філологічного відділу Укр. акад. наук. Вип. 5, Київ, 1923; см. еще сб. Украинські Пропілеї, Кіевъ, 1928). Поэма называется „Варшава“, направлена вся противъ поляковъ, ихъ политической неугомонности, ихъ постоянной враждебности къ Москвѣ—Россіи, въ которой въ сущности, на взглядъ автора, имъ обезпечены были всѣ данныя для свободнаго культурнаго преуспѣянія. Поэма была написана лицомъ, хорошо знавшимъ выдающіеся моменты історіи польской и вообще славянской, чѣмъ въ эпоху ея появленія слѣдуетъ признать явленіемъ у насъ рѣдкимъ, пожалуй, даже исключительнымъ. Авторомъ ея, какъ мы полагаемъ, могъ быть знаменитый в послѣдствіи русскій славистъ, профессоръ московскаго университета О. М. Бодянский (род. въ 1808 г.), издавшій въ 1837 году разсужденіе на степень магистра „О народной поэзіи славянскихъ племенъ“, обнаружившее хорошее знакомство молодого ученаго съ славянскою народною пѣснью и судьбами славянскихъ народовъ. Бодянский до этого, въ 1835 г., издалъ въ Москвѣ маленькій сборникъ своихъ поэтическихъ опытовъ, подъ заглавіемъ „Насъкы Украинскы казкы запорозьця Иська Матырынкы“, содержащій три малорусскія сказки въ стихотворной обработкѣ. Позже скромная лира его обратилась къ политическимъ темамъ. Во время славянскаго путешествія (въ 1839 г.) онъ написалъ въ Чехіи, на память библіотекарю Чешскаго Музея Вячеславу Ганкѣ стихотвореніе „Русскій къ братьямъ своимъ соплеменникамъ“, обнаруживающее и эрудицію ученаго славяновѣда, и вліяніе славянскихъ поэтическихъ мечтаній Коллара и идей Хомякова, а въ 1854 г., подъ вліяніемъ политическихъ событій, онъ написалъ два стихотворенія: „Политика Европы“ и „Опека“, съ тенденціею враждебною коалиціи, ополчившейся въ эту эпоху на Россію (впервые ихъ напечаталъ проф. А. А. Кочубинскій въ ст.: „О. М. Бодянский въ его дневникѣ“. Историч. Вѣстн., 1887, дек., стр. 505—537).

На польскія событія 1831 г. Бодянский (Бодя-Варвинець) отозвался въ 1831 г. стихотвореніемъ „Козацкая пѣсня“ (написана 20 мая 1831 г.

въ Переяславѣ и напечатана впервые въ „Молвѣ“, 1833, № 99; отсюда ее перепечаталъ Вл. Каллашъ въ статьѣ: „Къ исторіи малорусской лит. 20-ыхъ и 30-ыхъ гг. XIX стол.“, въ Кіевск. Стар., 1900, т. 69, стр. 149—159; ср. К. Студинський, Літер. замітки, Львів 1901, стр. 88).

Поэтъ, привѣтствуя сформированіе указомъ имп. Николая I (отъ 6-го мая 1831 г.) изъ малороссійскихъ казаковъ восьми кавалерійскихъ полковъ, призываетъ земляковъ:

„...боронити Украину,
Як матір подобає сину.
Скорій ходімо на Ляхів,
Да станем битъ з усіх шляхів!
Ще не забули ми Богдана,
Козацького свого гетьмана,
Як з війском він їх тормошив,
Як їх, де не піймав, душив...
Дамо ся знать свою уроду,
Всіх к чорту з мосту прямо в воду!“

Воинственное настроеніе Бодянскаго явно создавалось подъ вліяніемъ польскаго возстанія, и весьма вѣроятно, что онъ посвятилъ ему затѣмъ особое произведеніе, какъ онъ откликнулся и позже, напр., по поводу событій 1854 года, въ столь же тревожные дни русской жизни.

Польскія событія уже съ декабря 1830 г. предметъ неоднократныхъ упоминаній въ письмахъ его къ родителямъ. Онъ пишетъ имъ: „Слышали-ль вы о несчастіи, вновь постигшемъ наше отечество, именно о возникшемъ бунтѣ въ вѣроломной Польшѣ?“ Подѣлившись съ ними нѣкоторыми подробностями о началѣ возстанія, Бодянской далѣе предсказываетъ: „О, бѣда будетъ ляхамъ! Съ русскими нечего шутить! Слышно также и о войнѣ съ австрійцами. Быть великому кровопролитію въ слѣдующемъ годѣ!... Но намъ ли, сынамъ Россіи, страшиться войнъ и жалѣть принести въ даръ своему отечеству все, что ни имѣемъ. Мы всегда торжествовали и будемъ торжествовать“... Въ своемъ патриотическомъ негодованіи на поляковъ Бодянской въ это время доходилъ до того, что въ маѣ 1831 г. въ письмѣ къ родителямъ выражался о нихъ грубо и съ зловѣщими предсказаніями: „Подляковъ сильно наши колотятъ; скоро, скоро падетъ съ шумомъ Варшава и на вѣки! Самое имя полякъ истребится — и подѣломъ. Котюзи по заслуги!“ Вслѣдъ за этимъ (18 іюля 1831 г.) изъ Переяслава Бодянской пишетъ родителямъ о томъ, что „Дибичъ успе“. И въ далекой провинціи повторилось общее несочувствіе къ безсчастному вождю: „Одни говорятъ, что отъ холеры, а другіе, что такъ нужно было сдѣлать. Мѣсто его заступилъ нашъ хохландецъ Паскевичъ, который 8 іюня добрымъ порядкомъ уже пощелкалъ ляховъ... Скоро будетъ всему конецъ“ (См. Чтенія И. О. Ист. и Др. Росс., 1893, III; Кіевск. Стар., 1903, февр., стр. 299, 300).

Если къ этому содержанію писемъ и приведеннаго стихотворенія прибавимъ нѣкоторыя общія черты стили, повторяющіяся и въ большой поэмѣ „Варшава“, то все это дастъ намъ извѣстное основаніе и эту большую поэму считать плодомъ политической музы Бодянскаго.

Въроятно, на поэта оказало нѣкоторое вліяніе стих. Пушкина, но въ поэмѣ мы встрѣтимъ и несомнѣнные отголоски взглядовъ и статей Погодина (въ Телескопѣ 1831 г.) и даже совпаденія съ ними въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; видны здѣсь и слѣды большой начитанности автора въ исторической литературѣ. Патріотически настроенный поэтъ довольно подробно касается событій 1831 г. и прославляетъ конечную побѣду Паскевича. Онъ упрекаетъ поляковъ въ неблагодарности къ Россіи за все, что она для нихъ сдѣлала :

„Достався Польщи по розділі
Россіи добрый шмат на часть,
А ви сидіти в їй не вміли...
Вам оддані ваши закони,
Вам ваша віра, ваш языкъ,
Ваши строї, ваши науки...“

Царь русскій устроилъ Царство Польское, организовалъ польское войско, торговлю, высшую школу, отъ поляковъ ожидалъ только „вѣрности й покори“, но они не оцѣнили дарованныхъ имъ благъ.

„За що-ж враги ви москалям?“ — спрашиваетъ ихъ обличитель-поэтъ. Поляки воспользовались миромъ и пятнадцать лѣтъ готовились начать мятежъ :

„Московської власти ненавидя,
Посміли против ней возстать.
Варшава, те гніздо мятежнихъ,
Хватилась мислю ненадежныхъ,
Що можно москаля побить...“

Далѣе поэтъ строго осуждаетъ „безпокойныя души“, которыя склонили къ бунту чернь, напавшую „на домъ царевича“ и растерзавшую своихъ же поляковъ за вѣрность ихъ царю. Наконецъ, онъ прославляетъ Паскевича :

„Прославсь, Паскевич Ериванський!
По тяжкій праці віддыхай!
Нехай почувствує Варшава,
Що сильна руськая держава,
Карать уміє и простить...“

Въ заключеніе поэтъ обращается съ осужденіемъ къ неугомоннымъ полякамъ и спрашиваетъ ихъ :

„Ляхи! Чи вам поволі жити
І знову вам зачать брикати,
Чи вам сусідів колотити,
Спокою людям не давати?“

Урокъ французовъ долженъ былъ бы образумить поляковъ, которые не могутъ сидѣть спокойно, думаютъ о мести и прусакамъ, и австрійцамъ, и Москвѣ „за давнее“, готовы связаться и съ туркомъ и обливаться христіанскою кровью, но только бы не сидѣть тихо. Узнавши въ мартѣ 1839 г. изъ вѣнскихъ газетъ „печальную новость“ о закрытіи по распоряженію Государя кіевскаго унив. вслѣдствіе студенческихъ волненій, Бодянской, сидя въ Пештѣ, съ презримъ гнѣвомъ на поляковъ,

не обинуясь, назвалъ ихъ виновниками безпорядковъ: „Эти поляки всюду колобродятъ и не даютъ покоя намъ“. Но спустя нѣкоторое время, въ началѣ 1840 г., Бодянский въ бесѣдѣ съ хорватскимъ баномъ въ Загребѣ коснулся, по заявленію сановника, отношеній Россіи и Польши въ такой деликатной формѣ, что удивилъ его своими сужденіями: онъ не ожидалъ отъ русскаго такого снисходительнаго тона.

Наконецъ укажемъ, что въ 1831 году вышелъ самостоятельнымъ изданіемъ и русскій „Голосъ Украинца при вѣсти о взятіи Варшавы“ О. М. Сомова (СПБ. Въ типогр. Н. Греча. 1831. 8°, 16 стр.). Экземпляръ этого „Голоса“ имѣется въ библіотекѣ Пушкина, съ такимъ надписаніемъ: „Ясневельможному пану Гетманичу найяснѣшаго Аполлона Александрю Сергіевичу Пушкину одъ найнижшого пидножка Парнасъкого Порфірія Байського“ (См. Пушкинъ и его соврем., вып. IX—X, каталогъ библ. Пушкина, стр. 98). Содержанія его мы не знаемъ, но нельзя сомнѣваться, что „Голосъ“ Сомова звучалъ согласно съ протестомъ Пушкина.

Такъ широко и разнообразно отозвалась русская общественность Украины на старый споръ славянъ между собою. Она видѣла перво-причину его въ стремленіи поляковъ возстановить т. н. историческія права и отвергла ихъ.

*

Стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“ имѣетъ въ славянскихъ литературахъ свою небольшую исторію. Хорватскій поэтъ эпохи „иллиризма“ Станко Вразъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ своихъ русскихъ друзей И. И. Срезневскаго или О. М. Бодянскаго, перевелъ его подъ заглавіемъ: *Klevetnikom Ruske* (*Děla*, IV, 82—83); переводъ другого хорватскаго поэта Меда Пуцича появился въ альманахѣ *Dubrovník* (sv. II za god. 1850, str. 252—254, Zagreb, 1851) подъ загл.: *Klevetnicima Rusije*; потомъ появились еще два хорватскихъ перевода: Эда Юсифовича Асангера въ газетѣ *Narodne Novine*, 1862, № 44, а въ 1893 г. Ст. Шпанича въ загребскомъ журналѣ *Prosvjeta* (№ 5). Интересно отмѣтить, что въ томъ же альманахѣ *Dubrovník* (sv. II, str. 256), рядомъ съ переводомъ стихотв. Пушкина, помѣщенъ переводъ извѣстнаго уже намъ стихотв. Беранже: *Hâtons nous* (*Pospiešimo se*). Для хорватскаго читателя одинаково интересны были голоса обѣихъ сторонъ, и онъ выслушивалъ ихъ спокойно. Два словинскихъ перевода Весела-Веснина (*Vesel-Vesnín*), подъ заглавіемъ „*Obrekovalcem Ruske*“, и Янеза Менцингера (*Janez Mencinger*) напечатаны въ сб. „*Pesmarica d-ra Razlaga*“ (Ljubljana, 1873). Во второмъ переводѣ опущены, по непонятнымъ соображеніямъ, два стиха, 13-ый и 14-ый, т. е. именно тѣ, которые вызывали столько споровъ. Въ переводѣ Весела они сохранены. Словацкій писатель Виліамъ Паулини-Тотъ въ своемъ ярко славянофильскомъ журналѣ *Sokol* (III, 1864, стр. 261) напечаталъ стихотвореніе это цѣликомъ въ русскомъ оригиналѣ, конечно, не съ цѣлью обличенія Пушкина, а очевидно, какъ

выраженіе славянской идеи поэта. Хорватскій поэтъ Августъ Шеноа (A. Šenoa), несомнѣнно, подѣ впечатлѣніемъ стихотв. Пушкина написалъ свое „Klvetnikom Hrvatske“, имѣющее специально хорватское содержаніе. Въ болгарской литературѣ отголосокъ пушкинскаго стихотворенія можно усмотрѣть въ неуклюжихъ виршахъ педагога Т. Н. Шишкова (Элементарна Словесность, Цариградъ 1873, стр. 93 и 173), возстающаго противъ притѣсненій болгаръ и ихъ національныхъ стремленій греческимъ духовенствомъ (См. И. Д. Шишмановъ, Русское вліаніе и Пушкинъ въ болгарской литературѣ. Пушкинъ въ югослав. литерат., I, 36, Сборникъ отд. рус. яз. и слов., т. LXX):

„Що закрѣпѣхте, тронове Митрополитскы?
Що зашумѣхте, пастыри Византійскы?
Защо ли сте така станали,
Или зашото са прѣбуди въ насъ народенъ духъ — за това ли?“

Новѣйшая работа, посвященная творчеству поэта-словака Андрея Сладковича (1820—1850), большого цѣнителя и почитателя поэзіи Пушкина, усматриваетъ вліаніе русскаго поэта въ стихотв. „Nehaňte ľud mōj“ (Не осуждайте народа моего); въ композиціи этого стихотв. поэтъ слѣдуетъ „Клветникамъ Россіи“ (Fl. Kleinschnitzová, Andrej Sladkovič a jeho doba, Praha, 1928, str. 162). Такимъ образомъ, повсюду въ Славянствѣ стихотв. Пушкина постепенно сдѣлалось извѣстнымъ, и нигдѣ мысли его не вызывали возраженій или порицанія.

Что касается литературы чешской, вообще рано познакомившейся съ музой Пушкина, то стихотв. „Клветникамъ Россіи“ сдѣлалось извѣстнымъ у чеховъ позже другихъ произведеній Пушкина. Когда оно въ подлинникѣ проникло въ чешское общество и стало извѣстнымъ въ большомъ кругу чеховъ, любителей русской литературы, мы не можемъ сказать, но надо думать, что его знали, въ виду большой популярности твореній Пушкина въ Чехіи, раньше въ оригиналѣ, чѣмъ въ переводѣ. Первый переводъ его, рядомъ съ оригиналомъ, напечатаннымъ чешскимъ правописаніемъ, появился въ самомъ концѣ 1849 г. въ фельетонѣ газеты Národní Noviny (22 декабря, № 308), издававшейся знаменитымъ чешскимъ публицистомъ и поэтомъ Карломъ Гавличкомъ Боровскимъ (см. J. P. Koubka Sebrané spisy, III, 227). Въ новѣйшее время стихотв. Пушкина перевела Е. Красногорская (Sborník svět. poesie, č. 27).

Гавличекъ, приглашенный, по рекомендаціи Шафарика, Погодинымъ въ началѣ сороковыхъ годовъ (1843—1844) въ Москву въ качествѣ воспитателя его дѣтей, очутился по измѣнившимся условіямъ въ домѣ извѣстнаго профессора С. П. Шевырева. Вращаясь преимущественно въ кругу московскихъ славянофиловъ, ученыхъ и литераторовъ, молодой чехъ имѣлъ рѣдкую для иностранца возможность познакомиться съ настроеніями и взглядами, прежде всего, этой части русской интеллигенціи; въ этомъ кругу онъ могъ основательно изучить русскую литературу, дабы познакомить потомъ съ плодами ея чешское общество; дѣйствительно, онъ былъ первымъ переводчикомъ произ-

веденій Гоголя на чешскій языкъ. Къ сожалѣнію, всѣ замѣчанія юнаго, едва двадцатидвулѣтняго (род. въ 1821 г.) славянскаго гостя о русскихъ писателяхъ и ихъ творчествѣ были поверхностны и болѣе смѣлы, чѣмъ основательны. Гавличекъ уѣхалъ изъ Россіи съ явнымъ предубѣжденіемъ противъ всей нашей, безспорно блестящей въ эту эпоху литературы и ея замѣчательныхъ представителей и съ пренебрежительнымъ осужденіемъ всей русской общественности.

Появленіе перевода стихотворенія Пушкина, котораго Гавличекъ какъ-то причислилъ къ сонму ничтожныхъ подражателей, въ его боевой политической газетѣ слѣдуетъ, повидимому, объяснить тѣмъ, что это произведеніе касалось большой славянской проблемы, большого вопроса о русско-польскихъ отношеніяхъ. Переводъ принадлежалъ перу незначительнаго поэта Яна Православа Коубка (1805—1854), профессора чешской литературы въ пражскомъ университетѣ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ жилъ во Львовѣ, познакомился въ Галичинѣ съ литературой польской и русской, переводилъ съ русскаго и польскаго языковъ, былъ вообще настроенъ славянофильски. Коубекъ, въ годы пребыванія въ Галичинѣ, заинтересовался вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ поляковъ и галицкихъ русскихъ (русиновъ) и вообще отношеніями Россіи и Польши. Этихъ темъ онъ коснулся въ статьѣ „Slovo o panslavismu“ (Sebr. spisy, IV, str. 75—155). Славянскую взаимность, какъ и его предшественники, онъ понималъ въ смыслѣ исключительно ученоемъ и литературномъ, но не въ политическомъ. Присоединенія славянъ къ Россіи онъ не желалъ, и „панславизмъ“ въ этомъ смыслѣ не былъ для него страшенъ. Переводу стихотв. „Клеветникамъ Россіи“, многозначительно озаглавленному въ чешской газетѣ: „Les progrès confessions d'Alexandre Pouchkine“, предпослано небольшое предисловіе, очевидно, самого переводчика. Здѣсь онъ касается знакомой намъ темы о большомъ невѣжествѣ Западной Европы во всемъ, что касается Россіи, какъ коснулся ея и въ упомянутой статьѣ о панславизмѣ (1847 г.). Неудивительно, что въ самыхъ лучшихъ иностранныхъ журналахъ встрѣчается такъ много ложныхъ сужденій не столько о русскомъ правительствѣ, сколько, вѣрнѣе, о русскомъ народѣ. Но это игноранство наблюдается, къ сожалѣнію, въ достаточной мѣрѣ и среди славянъ. Авторъ предисловія отмѣчаетъ лживые отзывы о русскихъ, только-что въ союзѣ съ австрійцами воевавшихъ противъ мадьяръ, распространяемые нѣмецкою и французскою печатью. Ученые французы и нѣмцы знаютъ, конечно, больше о сѣверной Америкѣ, о Техасѣ, о Бразиліи, Индіи, Персіи, чѣмъ о Европейской и Азіатской Россіи. Къ сожалѣнію, къ этимъ нелѣпымъ разсказамъ о Россіи съ незаслуженнымъ довѣріемъ отнеслись и многіе славяне. Правда, болѣе образованный славянинъ никогда не вѣрилъ и не можетъ повѣрить тѣмъ старымъ клеветникамъ, чужеземнымъ псевдоученымъ и публицистамъ, которые отводятъ мѣсто русскимъ рядомъ съ башкирами, калмыками, остяками, вогулами, черемисами и иными зауральскими некультурными инородцами (nevzdělanci), однако опытъ насъ учить, что многія изъ

таких сказокъ и злобныхъ вымысловъ о русскихъ изъ неславянскихъ журналовъ попадали въ славянскіе и принимаемы были съ довѣріемъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ своей газеты *Národní Noviny*, закрытой австрійской цензурой въ январѣ 1850 г., Гавличекъ какъ-будто повторилъ устами своего сотрудника въ общей формѣ свои прежнія наблюденія о невѣжествѣ Европы и враждебномъ ея отношеніи къ славянамъ. Нельзя не усмотрѣть здѣсь и протеста противъ тѣхъ псевдонаучныхъ историко-этнографическихъ теорій о туранизмѣ, монголизмѣ или вообще азіатизмѣ великорусовъ, которыя такъ усердно распространяли въ трудахъ своихъ пресловутый Духинскій и разные легкомысленные французы (см. Ламанскаго, Объ историч. изученіи греко-слав. міра, 279 и сл.). Нелѣпныя теоріи Духинскаго повторялъ еще въ концѣ шестидесятаго года (въ *Revue Contempor.*, 1860, 31 Décembre), Paul de St. Vincent въ статьѣ: „La Poésie Oukraïnienne“, увѣрявшій, что „les Moskovites sont de race Ouralienne“. Но уже въ 1866 году Вл. Мицкевичъ, издавая чтенія своего отца о Славянахъ (*Les Slaves, histoire et litterature etc.*, Paris 1866), осудилъ и отвергъ взгляды Духинскаго.

Вступительная замѣтка чешскаго переводчика стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ заканчивалась слѣдующими словами: „Стихотвореніе, которое мы сообщаемъ въ нашей газетѣ, написанное во время войны русскихъ противъ поляковъ (1830—1831) Александромъ Пушкинымъ и восторженно принятое всѣми русскими, даетъ намъ нѣкоторое представленіе объ идеѣ славянской взаимности, которая не перестаетъ прокладывать себѣ далѣе широкій путь, хотя преподаваніе славянской филологіи въ русскихъ университетахъ, какъ говорятъ иностранные журналы, было будто бы царскимъ указомъ прекращено“. Въ концѣ сороковыхъ годовъ подъ вліяніемъ политическихъ событій наши большія связи съ Прагою ослабѣли, и неудивительно, что чешскій писатель сообщалъ по иностраннымъ источникамъ такія невѣрныя свѣдѣнія.

Читатель газеты Гавличка долженъ былъ составить себѣ на основаніи стихотворенія Пушкина представленіе о томъ, какъ понимали и понимаютъ идею славянской взаимности на Руси. Въ этихъ вступительныхъ строкахъ авторъ, очевидно, хотѣлъ обратить вниманіе чешскаго читателя на русскихъ славянофиловъ и на ихъ концепцію славянской идеи, и недаромъ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ разсматривалось имъ, какъ *les propres confessions d'Alexandre Pouchkine*. Это есть исповѣданіе вѣры Пушкина, и великій поэтъ, какъ слѣдуетъ заключать, причисляется къ тѣмъ русскимъ писателямъ, которые могутъ считаться носителями и яркими выразителями великой идеи славянской взаимности, столь много занимавшей и Гавличка и Коубка.

Добавимъ еще, что тотъ же Коубекъ въ послѣднемъ номерѣ газеты Гавличка (*Národní Noviny*, 1850, č. 17, отъ 18 января, стр. 63) помѣстилъ большое стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Слово и дѣло“ (*Slovo a čin*), въ коемъ обращается къ славянамъ съ призывомъ объединить свои силы и способствовать этимъ соединеніемъ созданію славянской мощи, а тѣмъ самымъ и славянской свободы. Особенно знаменательно

обращение его къ бѣлому орлу братьевъ-ляховъ, который долженъ соединиться со своею „матерью Славой“, дабы, блуждая въ одиночествѣ по кривымъ путямъ, не погибнуть отчаянною смертью Каина. Тѣнь Яна III (Собѣскаго) призываетъ своихъ милыхъ сыновъ болѣе вдумчиво относиться къ идеѣ славянскаго единства :

„Zoufajících bratří Lechů slavný orel bílý
Se svou matkou Slávou svoje musí spojit síly,
Hledme, aby osamělec cestou bloudě křivou,
Nezahynul bratr smrtí Kaina zoufánlivou.
Lech byl štítem Němců v hrozném boji Bisurmanském,
Za to trpěl jako Kristus v sadě Jetsemanském,
Jana Třetího stín na své milé volá syny,
Aby lépe dbali slovenské své prarodiny...“

Стихотворение это, помѣченное въ газетѣ Гавличка только особымъ знакомъ, какъ и переводъ „Клеветникамъ Россіи“, но не подписанное авторомъ, не вошло въ собраніе сочиненій Коубка; оно перепечатано было въ собраніи статей Гавличка (*Duch Národních Novin*, 1851, стр. 279—281), а потомъ въ изданіи его политическихъ статей (*K. Havlíčka Spisy politické. Vyd. Zd. Tobolka*), безъ указанія имени автора, но принадлежность его Коубку не подлежитъ никакому сомнѣнію. Объ этомъ мы имѣемъ документальныя данныя.

Такимъ образомъ, Коубекъ, сочувствуя вполне страданіямъ братьевъ-поляковъ (*lechů*), съ горестью взиралъ на ихъ грѣхи и заблужденія въ отношеніи къ Славянству, звалъ ихъ опомниться и искать опоры въ славянской семьѣ. Путей къ такому объединенію и способовъ осуществленія его онъ здѣсь, конечно, не касается, — они подсказывались самой идеей.

Самъ Гавличекъ нѣсколько раньше въ своей газетѣ (*Nár. Noviny* 1849, ч. 264, 8 ноября), въ статьѣ, вызванной русской интервенціей въ австрійско-мадьярскомъ конфликтѣ, возражая нѣмецкой и чешской офиціозной печати, увѣрявшей, во исполненіе намѣреній австрійской дипломатіи, что панславянскія стремленія являются общимъ врагомъ и Австріи и Россіи, въ чемъ, какъ извѣстно, всегда усердно убѣждала русскую дипломатію Вѣна, съ свойственной ему рѣшительностью утверждалъ, что Россія не можетъ быть, конечно, причисляема къ врагамъ панславизма, т. е. идеи соединенія всего Славянства подъ русскимъ главенствомъ, хотя мы знаемъ достоверно, какъ лойяльно русское правительство въ эту эпоху отрекалось отъ выраженія простыхъ славянскихъ сочувствій русскаго общества. Въ доказательство этого утвержденія о давности панславянскихъ замысловъ Россіи Гавличекъ даетъ пространную историческую справку.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ, приводя въ порядокъ бібліотеку московскаго генераль-губернатора, Гавличекъ нашель въ ней напечатанную въ 1806 году въ Петроградѣ въ правительственной типографіи „Пѣснь объ освобожденіи Сербіи“ (*Píseň o osvobození Srbska*), на сербскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ. Въ ней неизвѣстный

поэтъ величаетъ Александра I, „преславнаго государя, великаго славянскаго царя, милой Сербіи любезнаго господаря“, и призываетъ двуглавыхъ орловъ (сербскій гербъ, какъ и русскій — двуглавый орелъ) вознестись надъ Альпами, Ураломъ и Кавказомъ: „Пусть все славянство носитъ нынѣ въ сердцѣ своемъ ему предназначеннаго героя наслѣдника, пусть любитъ его и гордится имъ. Сестрамъ своимъ пусть сообщить радостную вѣсть, чтобы онѣ не теряли времени, ибо дни бѣгутъ, солнце сіяетъ, — пусть же онѣ прозрятъ, пусть не лежатъ на вѣки во мракѣ! Вся русско-славянская сила на морѣ и на землѣ поднимается на помощь, чтобы освободить сестеръ своихъ отъ тиранніи“... Сестры эти, по замѣчанію Гавличка, переименованы здѣсь съ исключительной основательностью, дабы не недоставало ни одной изъ нихъ. Это—Польша, Поруссія, Саксонская Мишень (Meissen), Силезія, Угрія, Чехія, Штирія, Иллирія, Тироль, Венеція, Корошъ (Коринѳія), Далмація, Рагуза, Черногорія, Албанія, Алаунія, Эпиротія, или Малая Русь, Боснія, Болгарія, Семиградія, Молдавія, Валахія, Галиція, или старыи русскій Галичъ, однимъ словомъ — „всѣ племена и народы славянскаго происхожденія“. Анонимный, несомнѣнно нерусскій поэтъ нагромоздилъ здѣсь горы географическихъ и этнографическихъ несообразностей.

Гавличекъ остановился, однако, на этомъ тяжеломъ произведеніи нерусской музы съ цѣлью доказать, что здѣсь мы имѣемъ совершенно отчетливое проявленіе панславистскихъ вождельній Россіи. Онъ съ большимъ авторитетомъ заявляетъ: „Если бы сейчасъ у насъ было время просмотрѣть наши выписки (excerpta), то мы могли бы доказать, что уже въ царствованіе Екатерины Великой такіе взгляды господствовали среди образованнѣйшихъ людей Россіи“. И далѣе совершенно безосновательно, словно воспроизводя какіе-то слухи австрійско-нѣмецкой печати, утверждаетъ: „Что касается нынѣшняго государя, то намъ извѣстно, что въ его царствованіе въ русскихъ университетахъ были учреждены панславистскія (panslavistické) профессуры, что много русскихъ филологовъ было послано за границу, особенно въ Австрію, которые съ удивительною основательностью описали въ Журналѣ министерства народн. просвѣщенія и, кромѣ того, какъ намъ хорошо извѣстно, еще и въ особыхъ частныхъ донесеніяхъ современное положеніе австрійскихъ славянъ“. Гавличекъ, конечно, имѣетъ въ виду, прежде всего, отчеты М. П. Погодина, а затѣмъ ученія донесенія нашихъ молодыхъ славистовъ О. М. Бодянскаго, П. И. Прейса и И. И. Срезневскаго. Если Погодинъ дѣйствительно говорилъ въ своихъ докладахъ о положеніи славянъ вообще, не только австрійскихъ, то отчеты названныхъ славистовъ были строго-учеными филологическими разсужденіями и не касались вовсе вопросовъ политическихъ. Это ихъ отличительная черта, Гавличку совершенно неизвѣстная.

Въ царствованіе имп. Николая, по увѣренію Гавличка, изученіе всѣхъ славянскихъ нарѣчій, т. е., главнымъ образомъ, чешскаго, польскаго и югославянскихъ (jihoslovanština), сдѣлано было обязательнымъ предметомъ въ русскихъ университетахъ. Гавличекъ, какъ мы знаемъ,

былъ лично и близко знакомъ съ профессоромъ славянскихъ языковъ въ московскомъ университетѣ О. М. Бодянскимъ, присутствовалъ у него на экзаменахъ и долженъ былъ составить себѣ ясное представленіе объ истинномъ назначеніи и дѣйствительномъ характерѣ новыхъ славянскихъ каедръ, между тѣмъ онъ ограничивается недвусмысленнымъ, но необоснованнымъ намекомъ: „Какую цѣль имѣло при этомъ правительство имп. Николая Павловича, я конечно не могу опредѣлить, но всякій легко объ этомъ можетъ догадаться. Впрочемъ, что касается общественнаго мнѣнія въ Россіи по этому предмету, то я, имѣя въ виду истинную правду, могу завѣрить, что тамъ существуетъ сильная партія, культивирующая этотъ большой панславизмъ единственно изъ русскаго патриотизма, не какъ нѣчто запрещенное и подпольное, не какъ нѣкій заговоръ, а совершенно явно, въ общественной жизни и печати“. Гавличекъ увѣряетъ, что доказать это онъ могъ бы сообщеніемъ многихъ чрезвычайно интересныхъ цитатъ. Къ сожалѣнію, онъ ихъ не привелъ. Едва ли ихъ было бы много, да и значеніе ихъ, какъ выраженія панславянскихъ замысловъ, весьма сомнительно. Такое ни на чемъ не основанное подозрѣніе касательно истинной цѣли ученыхъ поѣздокъ по славянскимъ землямъ первыхъ русскихъ славяновѣдцовъ повторилъ въ пятидесятихъ годахъ хорватскій писатель Никола Томмасео (См. Пыпинъ, Панславизмъ въ прошломъ и наст., 1913, стр. 13). Эти подозрѣнія можно, прежде всего, опровергнуть тѣми инструкціями, которыя давались въ руководство молодымъ ученымъ. Но въ атмосферѣ австрійской подозрительности сомнѣнія держались крѣпко.

Славянская идея дѣйствительно жива была въ русскомъ общественномъ сознаніи не только въ кругу славянофильскомъ въ годы пребыванія Гавличка въ Москвѣ, — она ярко проявилась въ политическихъ программахъ тайныхъ обществъ въ эпоху Александра I, она искренно волновала декабристовъ, и нѣкоторые проблески ея мы можемъ подмѣтить дѣйствительно и въ русской поэтической литературѣ конца XVIII ст. Такъ, поэтъ екатерининской эпохи В. П. Петровъ въ „Одѣ на присоединеніе польскихъ областей къ Россіи“ (1793) зоветъ славянъ къ единенію и совершенно въ духѣ польскаго поэта Трембецкаго или Воронича напоминаетъ имъ о единствѣ ихъ происхожденія и такъ же, какъ Колларъ, который статую объединеннаго Славянства отливаетъ изъ разныхъ славянскихъ металловъ и Россію дѣлаетъ головою ея (Rusko bych hned v její hlavu skulil), главою объединеннаго Славянства желаетъ видѣть Россію:

„Къ ружью! о храбрые Славяне...
Родоначальникъ нашъ единъ...
Придетъ нѣкогда то время,
Въ которо все Славянско племя
Въ честь Норда препояшетъ мечъ,
Россъ будетъ тѣлеси главою,
Тронувъ свой родъ побѣдъ молвою,
Онъ, каждый въ расточеньи членъ
Собравъ, въ едино совокупитъ

И, твердъ родствами, гордо ступить
Межь всѣхъ въ подсолнечной колѣнѣ!“

Въ стихотвореніи на смерть в. кн. Александры Павловны, жены венгерскаго палатина Іосифа, безвременно скончавшейся въ Пештѣ въ 1801 г., весьма любимой сербскимъ православнымъ населеніемъ венгерской столицы и ея окрестностей, ту же мысль о кровномъ и духовномъ единствѣ Славянства высказалъ и Державинъ, и воображенію его рисовалось даже фантастическое объединеніе въ формѣ „славяно-русско-сербскаго царства“ (Сочиненія Державина, акад. изд., т. II, стр. 588, ср. еще т. I, стр. 787, 588 и др.):

„Не раздѣляетъ тѣхъ пространство,
Въ комъ кровь и умъ, и духъ одинъ!
Славяно-русско-сербско царство.“

Для установленія извѣстной связи славянскихъ мечтаній первой четверти XIX ст. и такой же мысли Пушкина объ объединеніи или сліяніи славянъ въ этихъ поэтическихъ изъясненіяхъ можно было бы найти нѣкоторую опору.

По недоразумѣнію Гавличекъ основалъ свои разсужденія о яко бы давнихъ и широкихъ панславистскихъ замыслахъ русскаго правительства на источникѣ весьма сомнительной цѣны. „Пѣснь объ избавленіи Сербіи“ была написана извѣстнымъ въ новой сербской литературѣ писателемъ и философомъ Досиѣемъ Обрадовичемъ и впервые напечатана была въ Вѣнѣ еще въ 1789 г. (Пѣсна о избавлѣнію Сербіе. Візнѣ. При Іосифѣ благородномъ от Курцбекѣ), и тогда она воспѣвала австрійскаго императора Іосифа II („Сербіе миле, мили Господару!“) и Екатерину II, Кобурга и Суворова за ихъ борьбу съ турками („Васъ ѣе славить премнога племена, зацо крозь васъ турска сила гине“). Очевидно, новое русское изданіе 1806 года, сдѣланное послѣ пребыванія Обрадовича въ главной квартирѣ русской арміи въ Букурештѣ, съ особой миссіей сербскаго Правительствующаго Совѣта, было имъ соотвѣтственно новымъ обстоятельствамъ измѣнено и никоимъ образомъ не можетъ считаться выразителемъ истинныхъ славянскихъ намѣреній Россіи. Оно есть отголосокъ чаяній лишь сербскаго народа.

Приведенныя нами замѣчанія Коубка и Гавличка достойны вниманія и имѣютъ прямое отношеніе къ той легендѣ о панславистскихъ замыслахъ Россіи, стремившейся яко бы поглотить прочія славянскія племена, которая издавна творилась и вокругъ разсматриваемыхъ нами произведеній Пушкина, по широко распространенному мнѣнію, отражающихъ въ поэтической формѣ именно эти мечтанія.

Стихотворенія Пушкина были долго и неизмѣнно какимъ-то пугаломъ не только для нашихъ враговъ, — ихъ не понимали и извращенно толковали и много позже, казалось, безпристрастные и объективные наблюдатели историческаго спора, какими были чехи. Когда въ 1871 г. Москва торжественно справляла пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности Погодина, и одинъ изъ ораторовъ (кн. Черкасскій) въ рѣчи своей, при-

зывавшей славянь и русскихъ къ самопознанію, процитироваль стихъ Пушкина: „Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ“, то въ чешскихъ газетахъ заговорили вновь о „панславянскомъ призракъ въ политическомъ смыслѣ“. На эти опасенія Погодинъ отвѣчалъ чешскимъ редакторамъ: „Они могутъ успокоиться: ни мы, частные люди, ни мнимая старо-русская, или московитская партія, которой нигдѣ слѣдовъ не видать, ни правительство (оно всѣхъ менѣе) не имѣли и не имѣемъ никакихъ панславянскихъ намѣреній и стремленій въ политическомъ смыслѣ, въ смыслѣ преобладанія Россіи надъ славянскими племенами“. Особенно замѣчательны дальнѣйшія строки историка: „Самъ Пушкинъ, писавъ посланіе къ клеветникамъ Россіи, котораго происхождение или зарожденіе извѣстно мнѣ болѣе, нежели кому-нибудь другому, думаль только о Польшѣ, которая тогда возмутилась, и о которой раздавались неистовыя восклицанія во французской палатѣ депутатовъ. О племенахъ славянскихъ, ихъ исторіи и настоящемъ положеніи онъ имѣлъ понятія очень темныя и, какъ поэтъ, видѣлъ только съ одной стороны неизмѣримое пространство Россіи съ безчисленнымъ населеніемъ, а съ другой тѣсныя и малолюдныя славянскія, и выразилъ, вдохновенный, свое впечатлѣніе сравненіемъ ихъ съ моремъ и ручьями, имѣя въ мысли все-таки одинъ притокъ польскій“. И въ доказательство полного отсутствія въ русскомъ обществѣ панславянскихъ поглощающихъ стремленій и въ „вящее ободреніе“ и успокоеніе чешскихъ публицистовъ Погодинъ добавилъ интересную деталь: при произнесеніи кн. Черкасскимъ стиховъ Пушкина: „Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ“ въ залѣ послышалась успокаивающая и поясняющая истинный смыслъ словъ поэта поправка: „Въ общемъ морѣ! Въ общемъ морѣ!“

Погодинъ заявилъ еще разъ о дѣйствительномъ стремленіи своемъ и единомышленниковъ къ единству только „духовному, нравственному и литературному“ (Рѣчь, произнесенная М. П. Погодинымъ на обычномъ обѣдѣ, въ память перваго Слав. съѣзда въ Москвѣ 1867 г., 16 мая 1872 г. См. Собраніе статей, писемъ и рѣчей по поводу Славянскаго вопроса. М. 1878, стр. 109—110).

И въ другомъ случаѣ Погодинъ, съ тою же увѣренностью добросовѣстнаго наблюдателя и участника русской общественной жизни, повторилъ, что панславянскихъ стремленій въ Россіи нѣтъ. „Но гдѣ же они есть?“ спрашиваль онъ. „Развѣ Сербія, Чехія, Кроація, Болгарія желаютъ политическаго соединенія съ Россіей?“ Онъ хорошо зналъ западно-европейскую печать, особенно австрійскую, зналъ, какъ наша дипломатія открещивалась отъ Славянства, съ какимъ равнодушіемъ принимались его записки по славянскимъ дѣламъ, и могъ поэтому завѣрить, что панславянскія стремленія находятся только въ дипломатическихъ портфеляхъ, откуда по временамъ выпускаются, на примѣръ, во Франціи, какъ пугало для Европы, въ Австріи, какъ предлогъ къ ограниченію или смиренію славянь, въ Турціи, какъ средство для возбужденія противъ Россіи (*ibid.*, стр. 119).

Но сила предубѣжденія и рабская зависимость отъ укоренившихся

предразсудковъ въ отношеніи къ лицамъ и ихъ большимъ мыслямъ такова, что старыя заблужденія живутъ и упорно не исправляются.

Въ новѣйшемъ трудѣ по исторіи польскаго славнофильства (Z. Klarnerówna, *Slowianofilstwo w literaturze polskiej, 1800—1848*, Warszawa, 1926, str. 136) авторъ опять, не колеблясь, утверждаетъ, что идея панславизма была въ 1831 г. формулирована въ „официальномъ“ стихотвореніи Пушкина „Клеветникамъ Россіи“, яко бы предвѣщающемъ (zarowiadajacym) сляніе славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ.

VIII.

Идея славянскаго объединенія въ началѣ XIX ст. нашла достаточно ясное отраженіе въ русской политической мысли. Мы видѣли нѣкоторыя проблески ея и въ нашей литературѣ XVIII в. Точно такъ же она нашла своихъ выдающихся глашатаевъ въ литературѣ польской съ конца XVIII ст., особенно въ моменты тревожные и роковые для государственнаго бытія польскаго народа.

Въ первые годы XIX вѣка знаменитый основатель харьковскаго университета В. Н. Каразинъ сочинилъ проектъ созданія особаго „царства Словень“, во главѣ котораго былъ бы поставленъ кто-либо изъ братьевъ имп. Александра I (интересная записка Каразина кн. Чарторыйскому о славянахъ напечатана въ Р. Стар., 1871, іюнь). Это новое царство, по его мысли, должно было объединить балканскія земли и югославянскія области австрійской монархіи. Вскорѣ затѣмъ русскій морякъ В. Б. Броневскій, имѣвшій возможность лично ознакомиться съ славянскими народами и ихъ настроеніями, краснорѣчиво развиваетъ мысль объ организациі большого славянскаго союза— федерациі, которая должна стать противовѣсомъ замысламъ Наполеона; онъ доказываетъ, что Россія въ своихъ интересахъ должна позаботиться о сохраненіи Славянства (См. его Записки морского офицера, 1818—1819; Путешествіе отъ Триеста до Петербурга въ 1810 г., 1828 г.).

Для исторіи славянской идеи особенное значеніе имѣетъ его записка „О пользѣ освобожденія славянъ Россією“, составленная въ августѣ 1807 г. и напечатанная впервые проф. В. Богишичемъ (Отчетъ о XIII присужденіи наградъ гр. Уварова, СПб., 1872). Броневскій предполагалъ соединеніе всѣхъ славянъ съ Россією. Начало такому соединенію желали положить сами южные славяне. Къ имп. Александру I поступила просьба сербовъ о присоединеніи ихъ къ великой славянской державѣ: на Россію они смотрѣли, какъ на родину-мать и просили у нея помощи для замышляемаго, вмѣстѣ съ сербами Баната и Срѣма, освобожденія отъ ига турецкаго и нѣмецкаго. „Россія, говорилось въ этой запискѣ, есть нравственный центръ славянъ, которые всюду томятся подъ чужеземнымъ игомъ, испускаютъ стоны, подавляемые только страхомъ, и не ждутъ ничего иного, какъ только генія-освободителя. Въ интересахъ Россіи присоединить къ своимъ силамъ силы славянскія. Славяне со-

храняют свой национальный характер долго и потому не сольются съ другими народами. Они могут на время подчиниться иноплеменникамъ, но никогда не перестанутъ мечтать о бывшей независимости. Эта упругость характера ихъ есть лучшее ручательство будущей свободы всѣхъ славянъ“. (Объ этой Запискѣ см. въ статьѣ Первольфа въ ж. Osvěta, 1878, VI, str. 424; чешскій переводъ ея въ газетѣ Pokrok, 1876, č. 28; ср. его же: Die slawisch-orientalische Frage, S. 87.)

Объединеніе Славянства въ этихъ русскихъ проектахъ мыслится, какъ обыкновенно и у другихъ славянъ, всегда съ Россіей во главѣ. Александръ I въ рѣчи, произнесенной при открытіи польскаго сейма 15—27 марта 1818 г., самъ внушалъ полякамъ эту мысль о необходимости тѣснѣйшей связи ихъ судьбъ съ Россіей и убѣждалъ ихъ, что въ этомъ спасительномъ союзѣ они обрѣтутъ всѣ данныя для своего возрожденія: „Поляки! Освободясь отъ гибельныхъ предубѣждений, причинившихъ вамъ толикія бѣдствія, отъ васъ нынѣ самихъ зависитъ дать прочное основаніе вашему возрожденію. Существованіе ваше неразрывно соединено съ жребіемъ Россіи. Къ укрѣпленію сего спасительнаго и покровительствующаго васъ союза должны стремиться всѣ ваши усилія“.

Въ польской ученой и поэтической литературѣ XVIII и начала XIX в. можемъ назвать довольно большую числомъ и значительную именами лицъ группу писателей-славянофиловъ, которые обращаютъ взоры свои на Россію, высказываютъ открыто мысль о необходимости союза съ родственнымъ русскимъ народомъ и готовы признать за Россіей пріамать въ Славянствѣ.

Придворный поэтъ короля Станислава-Августа Трембецкій въ XVIII стол. выступаетъ какъ убѣжденный сторонникъ Россіи, и ему грезится возможность объединенія русскихъ и поляковъ подъ однимъ скипетромъ. Просвѣщеннѣйшій ученый и политическій мыслитель Станиславъ Сташиць приходитъ къ заключенію, что великая славянская федерація народовъ и государствъ создастся подъ главенствомъ Россіи. Мысль о необходимости для Польши соединиться съ державою Александра I постоянно проводится въ различныхъ воззваніяхъ князя Адама Чарторыйскаго (1807 г. и др.). „Воскресеніе Польши“ и соединеніе значительной части польскихъ земель подъ властью Россіи, подъ именемъ Царства Польскаго, много способствовало усиленію этого настроенія. Славянская идея въ польской поэтической литературѣ находитъ своего пѣвца и въ лицѣ епископа Яна П. Воронича, короновавшего въ 1829 г. Николая I польскою короною. Онъ радовался (Hymn do Boga) соединенію несчастной Польши съ „побратимской“ Россіей, опорой новаго бытія поляковъ. Въ другомъ произведеніи (Zjawienie Etmilki) Вороничъ въ мессіанистическомъ духѣ говорилъ о такомъ же призваніи Польши, которая должна естественнымъ звеномъ соединить всѣхъ славянъ (przugođniem ogniemъ wszystkichъ związaćъ braci).

Въ день принесенія поляками присяги Александру I въ Варшавѣ (20 іюня 1815 г.) членъ временнаго правительства Вавржецкій въ рѣчи,

произнесенной въ каедральномъ соборѣ, выразилъ не только радость по поводу соединенія наибольшей части Польши съ Россіей, но и сожалѣніе о томъ, что это соединеніе не состоялось сорока годами раньше, т. е. до раздѣловъ Польши, ибо тогда миллионы братьевъ (т. е. остальные части Польши) не были бы отдѣлены и не попали бы подъ чуждыя славянамъ правительства, не подчинились бы чуждымъ законамъ и чужому языку. Поэтому и кс. Копчинскій, привѣтствовавшій Александра I латинской одой и радовавшійся соединенію „части Лехіи“ съ Россіей, звалъ въ этотъ союзъ все прочее Славянство, увѣренный въ томъ, что „духъ Александра“ повсюду будетъ дѣйствовать благотворно, создастъ благоприятныя условія для преуспѣянія славянскихъ народовъ:

„Niech reszta — ziemia Sławian niech cała przybędzie,
Działać duch Alexandra nie przestanie wszędzie“...

Юліанъ У. Нѣмцевичъ называетъ поэтому Александра I въ одной изъ своихъ торжественныхъ рѣчей (1828 г.) „Цезаремъ Славянъ“ (Cezar Sławianów).

Въ бурные дни 1831 г. въ Варшавѣ вышла большая поэма Мартина Мольскаго: „Stanisłaida albo uwagi nad panowaniem Stanisława Augusta Króla Polskiego, obejmujące wydarzenia w Polsce aż po rok 1796“, выражающая ту же мысль о пользѣ объединенія. Коснувшись большого вопроса о причинахъ раздѣловъ Польши, поэтъ обращаетъ взоры на сѣверъ, подобно тому, какъ въ концѣ XVIII и особенно въ началѣ XIX ст. взирали туда съ тайными надеждами и чешскіе писатели. Онъ влагаетъ въ уста королю слѣдующія мысли о путяхъ спасенія отчизны:

„Niech inni patrzą w zachód, ja w północnej lidze
Najpewniejsze narodu bezpieczeństwo widzę.
Stosunek państw obojga i wspólność języka
Najbliżej się z krajowym interesem styka.“

Точнѣе онъ развиваетъ свою мысль въ дальнѣйшихъ стихахъ. Положеніе Польши среди трехъ государствъ, противъ коихъ ей собственными силами нельзя было устоять, указывало на необходимость союза съ сильнѣйшимъ сосѣдомъ, т. е. съ Россіей, соприкасавшейся съ Польшей и на югѣ, и на сѣверѣ, и на востокѣ:

„Radziła polityka tęższego sprzymierzyć,
Kto nas sięgał z południa, północy a wschodu,
Dawał więcej nad kogoś do związku powodu,
Taką to była Rossja...“

Не будемъ останавливаться здѣсь на проявленіяхъ идеи культурнаго единенія Польши и Россіи и славянофильскихъ стремленій писателей послѣреволюціоннаго періода и времени польской эмиграціи (Ржевускій, Грабовскій, Крашевскій, Мацѣвскій, Гуровскій), когда подъ впечатлѣніемъ пережитаго потрясающаго удара 1831 г. польская политическая мысль вольно или невольно совершила извѣстное преобразеніе, когда неожиданныя метаморфозы и большіе идейные сдвиги произошли и въ нѣкоторой части самой эмиграціи.

Польская политическая литература смутной эпохи тридцатых и сороковых годовъ часто обращается къ вопросу о роли Россіи въ объединеніи Славянства. Идея славянскаго единства постоянно живетъ и въ средѣ эмиграціи польской, въ какихъ бы подчасъ неожиданныхъ формахъ она ни проявлялась. Знаменитое Towarzystwo Demokratyczne трактуетъ вопросъ объ объединеніи славянъ на демократическихъ основахъ (1832); по мысли Мицкевича (1834) учреждается общество „Соединенныхъ братьевъ“ (Bracia zjednoczeni); по инициативѣ Богдана Залѣскаго возникаетъ (1835) Towarzystwo Słowiańskie, именемъ своимъ опредѣляющее свои славянскія стремленія и заданія.

Панславянскія мечтанія Адама Гуровскаго, сначала виднаго дѣятеля революціи 1831 г., потомъ очутившагося въ лагерѣ ея противниковъ, проекты Вацлава Яблоновскаго, Генриха Ржевускаго и Михаила Грабовскаго, беспощадно отвергаемые въ польской литературѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе невысокихъ моральныхъ качествъ ихъ глашатаевъ, всегда направляются въ сторону Россіи, усматриваютъ въ ней, — съ существенной, впрочемъ, оговоркой: при условіи измѣненія строя ея жизни, — всѣ данныя для дальнѣйшаго свободнаго развитія славянскихъ народовъ въ единомъ всеславянскомъ государствѣ (См. Z. Kłag-perówna, op. c., p. 100, 105 etc.).

И въ панславянскихъ мечтаніяхъ ученаго математика и философа Гене-Вронскаго Россія отводится первое мѣсто во главѣ славянскихъ народовъ. Уже въ Священномъ союзѣ имп. Александра I онъ видитъ предшественника будущей мессіанистической лиги. Подъ покровительствомъ Россіи образуется братство св. Духа, которое дастъ окончательное направленіе человѣчеству, возникнетъ славянская федерація, въ которой, при полномъ уваженіи къ особенностямъ каждаго славянскаго племени, осуществится идея всеславянскаго объединенія.

Что касается спеціально русскихъ раннихъ выраженій славянской идеи, то она совершенно опредѣленно и въ весьма разнообразныхъ формахъ проявляется въ кругахъ участниковъ тайныхъ обществъ въ эпоху Александра I и въ планахъ декабристовъ, хотя, надо признать, что, приступая къ рѣшенію большой проблемы славянскаго объединенія, они имѣли о дѣйствительномъ Славянствѣ, его исторіи и этнографіи, о предѣлахъ распространенія отдѣльныхъ вѣтвей и объ отношеніи ихъ къ сосѣдямъ-неславянамъ весьма неясныя представленія.

Походы Александровской эпохи и въ особенности Освободительная война 1813—1814 гг., когда русскія войска приходили въ близкое соприкосновеніе съ бытомъ и строемъ политической жизни западныхъ народовъ, отразились значительно въ нашемъ обществѣ первой четверти XIX ст. Военная дворянская молодежь принесла изъ Германіи и Франціи новыя идеи, вольныя мечты и свободолюбивыя стремленія. Въ ней пробудилось въ сильной степени и національное сознаніе, какъ оно поднялось въ эту эпоху въ Германіи, и чувство личнаго достоинства. Западно-европейская культура произвела на русскую передовую молодежь вновь сильнѣйшее впечатлѣніе, и подъ этимъ вліяніемъ рож-

даются усилія переустройства русской государственности и общественной жизни на новыхъ, лучшихъ началахъ. Тайныя общества и кружки первой четверти XIX стол. обнаруживаютъ вмѣстѣ съ стремленіями къ преобразованію русской государственной жизни и широкіе славянскіе планы; они мечтаютъ не только о всеобщемъ братствѣ и единеніи, — въ ихъ проектахъ видное мѣсто занимаетъ мысль о большомъ союзѣ славянскихъ народовъ.

Декабристы, выдвигая на первое мѣсто начала національныя, посвящаютъ много вниманія широкимъ славянскимъ стремленіямъ и проектамъ. Представители національнаго теченія графъ Мамоновъ и Каховскій, составившіе планъ преподаванія въ орденѣ „русскихъ рыцарей“ и стремившіеся утвердить въ Россіи торжество русскихъ началъ (вплоть до „конечнаго паденія и если возможно — и смерти иноземцевъ, государственные посты занимающихъ“), соединяютъ съ ними болѣе широкую общеславянскую идею. Мамоновъ находилъ, что Россія должна объединить подъ своимъ скипетромъ всѣ славянскіе народы, въ томъ числѣ Польшу, для чего нужно отобрать польскія земли, находящіяся въ рукахъ Пруссіи и Австріи, а для того, чтобы объединеніе было полнымъ, Россія должна окончательно рѣшить и восточный вопросъ: изгнать турокъ изъ Европы и возстановить греческія (т. е. греческой вѣры славянскія) государства подъ своимъ протекторатомъ (В. Вальденбергъ, Предшественники славянофиловъ. Декабристы. Слав. Изв. 1914, № 4). Такіе грандіозные замыслы требовали исключительныхъ средствъ. Ими обладала Россія. Согласно съ этимъ, Горбачевскій показывалъ на слѣдствіи о Соединенныхъ Славянахъ, что они имѣли цѣлью рано или поздно, по добру или даже насильственно соединить всѣ славянскіе народы въ одну федерацію.

Но и такое насильственное объединеніе не предполагало въ дальнѣйшей жизни союза поглощающаго, какъ бы безслѣднаго политическаго уничтоженія отдѣльныхъ членовъ его, — оно должно было быть лишь средствомъ къ достиженію болѣе высокой цѣли. Лунинъ за всѣхъ декабристовъ могъ съ увѣренностью сказать, что никогда русскіе не думали о покореніи своихъ братьевъ, никогда не предполагали предписывать имъ законы и не претендовали на какое-либо соціальное или политическое превосходство надъ ними. Они предлагали имъ „не благодѣтельную опеку, а согласованность воли и соединеніе усилій къ одной цѣли“, которую они провозгласили. „Это мнѣніе было выражено естественными представителями русскихъ, которыхъ власть погубила рукою палача или разсылача въ ссылкѣ“... Лунинъ подтверждаетъ, что декабристы рассказывали полякамъ бесплодность ихъ обособленныхъ усилій, доказывали имъ, что ихъ единственный шансъ на успѣхъ заключается въ тѣсномъ союзѣ съ русскими, и что надежды ихъ на помощь западныхъ державъ несбыточны. Онъ сожалѣлъ объ этой розни, о непониманіи поляками своихъ истинныхъ интересовъ и тѣмъ не менѣе горячо вѣрилъ, что объединеніе осуществится, ибо и природа, и нравы, и обычаи, привычки, языкъ и религіозныя вѣрованія русскихъ и поля-

ковъ столь близки, что все, кажется, должно бы склонять оба народа къ братскому союзу. Такъ соединились бы первые два звена большой славянской цѣпи.

Быть можетъ, и въ той предпочтительной любви Грибоѣдова къ соплеменникамъ-славянамъ, о которой свидѣтельствуемъ близко знавшій его Булгаринъ, можно усмотрѣть вліяніе общаго настроенія декабристовъ. Булгаринъ даетъ въ этомъ смыслѣ интересное указаніе. По его словамъ, Грибоѣдовъ вообще не любилъ раздѣленія между славянскими племенами и почиталъ ихъ одною семьею. Ему нравилась мысль, которую присваиваетъ себѣ Булгаринъ, что всѣ славянскія поколѣнія родныя сестры, изъ которыхъ одна замужемъ за единоплеменникомъ, другая — за нѣмцемъ, третья — за туркомъ, но это не должно препятствовать родственной любви и согласію. Такимъ образомъ, писатель этой эпохи, горячій защитникъ національныхъ началъ русской жизни, близкій къ кругу декабристовъ, исповѣдуетъ идею славянскаго сближенія.

По нѣкоторымъ, недостаточно, впрочемъ, достовѣрнымъ указаніямъ, сохранившимся въ перепискѣ чешскихъ писателей этой эпохи національнаго возрожденія, большихъ руссофиловъ, издавна смотрѣвшихъ на Россію, какъ на естественную защитницу угнетаемаго Славянства, идеи декабристовъ проникли и въ чешскіе патріотическіе круги и были имъ хорошо извѣстны. Во всякомъ случаѣ, о декабристахъ въ Чехіи говорили, ихъ проекты обсуждали. Мы знаемъ отрицательный взглядъ поэта Ф. Л. Челаковскаго на ихъ идею федеративнаго устройства Россіи и объединенія Славянства. По воспоминаніямъ „старога патріота“, чешскаго литератора Якова Малаго, съ проектами декабристовъ наиболѣе горячія головы въ Чехіи связывали разные планы, или вѣрнѣе — ничѣмъ не оправдываемыя фантастическія надежды. Власти австрійскія будто бы встревожены были связями чеховъ съ южно-русскими тайными обществами и вели по дѣлу „заднѣпровцевъ“ разслѣдованіе. Такъ велика была популярность ихъ славянской программы.

Вслѣдствіе исторической и географической близости особое вниманіе и преимущественный интересъ нашей интеллигенціи должны были привлекать въ эту эпоху ближайшіе сосѣди и братья — поляки.

Большая польская территорія, включенная послѣ Вѣнскаго конгресса въ 1815 г. подъ именемъ Царства Польскаго въ составъ Россійской имперіи, подъ скипетромъ Александра I получила особое, отличное отъ русскихъ областей политическое устройство, съ весьма либеральной конституціей, которая, естественно, сдѣлалась предметомъ общей зависти русскаго свободомыслящаго общества. Вяземскій, на примѣръ (изъ Варшавы 3 апр. 1818 г.), откровенно выразилъ ревнивое желаніе, „чтобы и на нашей улицѣ былъ праздникъ“ (Остаф. арх., I, 97), а Н. И. Тургеневъ (23 мая 1818 г.) въ письмѣ къ Вяземскому съ огорченіемъ и осужденіемъ отмѣтилъ оказанное полякамъ предпочтеніе: „Нельзя... русскому не пожалѣть, что, между тѣмъ какъ поляки посылаютъ представителей, судятъ и отвергають проекты законовъ,

мы не имѣемъ права говорить о ненавистномъ рабствѣ крестьянъ...“ (Ibid., 103). Для него было „чувствительно видѣть поляковъ, получившихъ то, чего нѣтъ у русскихъ“.

Пушкинъ, какъ и многие его современники, считалъ всѣ эти предпочтенія государя и заботы о благѣ Польши „великою ошибкою“ и, ознакомившись съ отзывомъ гр. Поццо ди Борго о польскихъ дѣлахъ, занесъ въ свою записную книжку: „Когда въ 1815 году дѣло шло о возстановленіи Польши, тогда графъ Поццо ди Борго прислалъ государю свое мнѣніе. Графъ противился всѣми силами исполненію сей великой ошибки. Государь, прочитавъ его, сказалъ кн. Козловскому: *Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire*“. (А. С. Пушкинъ, *Table Talk*. Рассказы за столомъ. Берлинъ, 1923, стр. 63). Къ варшавской рѣчи Александра I поэтъ отнесся скептически и въ святочной пѣсенкѣ „Сказки“ (Noël), написанной въ 1818 г. въ подражаніе французскимъ рождественскимъ пѣсенкамъ, не повѣрилъ его конституціоннымъ обѣщаніямъ, но въ то же время не вѣрилъ и прочности польскихъ пріобрѣтеній.

Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Е. М. Хитрово (9 декабря 1830 г.), уже въ дни разгоравшагося возстанія Пушкинъ, ожидавшій неизбежнаго разгрома Польши, высказывалъ определенную увѣренность, что съ пораженіемъ поляковъ необходимо исчезнетъ все то, чтò Александръ сдѣлалъ для нихъ, потому что ничто не было основано на дѣйствительныхъ нуждахъ Россіи, а лишь на соображеніяхъ личнаго тщеславія, театральномъ эффектѣ и т. д. (Письма къ Е. М. Хитрово, стр. 69). Правда, Александръ I въ рѣчи, произнесенной при открытіи перваго польскаго сейма 15—27 марта 1818 г., обѣщаль распространить въ будущемъ и на русскія области „либеральныя установленія“, дарованная Царству Польскому, но обѣщаніе его осталось пустымъ словомъ до конца царствованія, и это имѣло роковыя послѣдствія.

Въ началѣ возстанія манифестъ обѣихъ палатъ Польскаго сейма (20 декабря 1830 г.) указывалъ на эту роковую ошибку соединенія абсолютной имперіи съ конституціоннымъ королевствомъ и на неизбежныя вредныя послѣдствія такого неестественнаго сожительства: „Соединеніе на одномъ челѣ коронъ самодержца и конституціоннаго короля было политическимъ уродомъ (*potworem politycznym*), который не могъ долго существовать. Всякій предвидѣлъ, что королевство Польское или будетъ завязью (*związkiem*) либеральныхъ учреждений для всей Россійской имперіи, или оно должно будетъ покориться желѣзной десницѣ самодержцевъ“. Нѣкоторые предвидѣли и болѣе грозныя для Польши послѣдствія этого „четвертаго“ раздѣла. Польскій поэтъ Казимиръ Бродзинскій въ рѣчи „*O pogodowości Polaków*“ (3 мая 1831 г.) заявилъ, что уже Вѣнскій конгрессъ посѣялъ сѣмя войнъ за права и свободу. Что касается Польши, то конгрессъ, несомнѣнно, подготовилъ ее къ будущему, вполнѣ національному возстанію.

Въ русскомъ обществѣ невольнo создалоcь прочное убѣжденіе

въ томъ, что государю болѣе близки интересы только-что присоединеннаго Царства, чѣмъ всей Россіи („Государь влюбленъ въ Польшу“!), и недовольство такимъ предпочтеніемъ и преимушественной заботливостью были явленіемъ натуральнымъ. Національное чувство было оскорблено, и смѣлымъ, исторически обоснованнымъ выраженіемъ такого протеста было, прежде всего, письмо по польскому вопросу, представленное Александру I (18 октября 1819 г.) Карамзинымъ въ Царскомъ Селѣ (См. Русскій Загран. Сб., т. I, тетр. VI, 1858, стр. 13—18).

Послѣ разговора съ Государемъ знаменитый историкъ наставительно поучалъ его, отвѣчая, между прочимъ, и на его сеймовую рѣчь 1818 г., столь взволновавшую русское общество.

„Вы думаете, писалъ Карамзинъ, возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Вы думаете возстановить древнее Королевство Польское, но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ вашими священными обязанностями, съ вашею любовью къ Россіи?“... Карамзинъ, встревоженный слухами о намѣреніяхъ Александра, спрашивалъ его, рѣшится ли онъ „съ мирною совѣстью“ отнять у своего народа Бѣлоруссію, Литву, Волынь, Подолье, „утвержденную собственностью“ Россіи. Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? „Сіи земли уже были за Россією, когда митрополитъ Платонъ вручилъ вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами называли Великою. Скажутъ ли, что она незаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще незаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи... Для васъ Польша есть законное Россійское владѣніе.“ Карамзинъ отрицалъ всякія пожелтѣлыя хартіи, основаніе такъ называемыхъ историческихъ правъ, нарушающихъ право естественное, право народовъ. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ, — заявлялъ онъ, — ибо иначе пришлось бы возстановить Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и т. д. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынь, Подолье вмѣстѣ съ Галиціею были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. „Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди ни врагу, ни другу.“

Письмо было первымъ громкимъ предупрежденіемъ противъ посягательства на цѣлость Россіи, съ чьей бы стороны они ни обнаружились; оно было граждански-смѣлымъ протестомъ противъ всякихъ попытокъ и мысли идти на уступки пользовавшейся большими свободами Польшѣ. Протестъ этотъ, пытается утверждать Алексѣй Н. Веселовскій (Сочиненія Пушкина, подъ ред. Венгерова, I, стр. 556), имѣлъ источникомъ не желаніе потребовать для всей Россіи одинаковыхъ политическихъ нормъ, а яко бы стремленіе къ всеобщему, равному подчиненію старому порядку. Карамзинъ, будто бы, выступилъ въ своей „Запискѣ о древней и новой Россіи“ и въ меморандумѣ по польскому

вопросу апостоломъ поворота назадъ, рѣзкимъ порицателемъ нововведеній, нетерпимымъ націоналистомъ, защитникомъ крѣпостничества. Но Веселовскій построилъ свое неосмотрительное, широкое заключеніе, сведя въ одно цѣлое два разныя по существу выступленія Карамзина. О консерватизмѣ его не можетъ быть разногласія, но въ вопросѣ о національныхъ правахъ русскаго народа Карамзинъ стоялъ на точкѣ зрѣнія правильной и неоспоримой. Это положеніе необходимо было отмѣтить особо. Карамзинъ при этомъ вовсе не былъ врагомъ Польши, и гр. Блудовъ былъ правъ, докладывая впослѣдствіи Николаю I: „Мнѣніе Карамзина — пусть Польша существуетъ. Но пусть существуетъ также и Россія“. Польша древняя, какъ предсказывалъ Карамзинъ, т. е. Польша историческая, всегда была бы угрозою Россіи и источникомъ постоянныхъ потрясеній (А. Фатѣевъ, Судьба Записокъ Карамзина о Россіи и Польшѣ при имп. Николаѣ I. Записки Русск. Ист. Общ. въ Прагѣ, I, 1927, стр. 114—119). На эту опасность указывалъ историкъ. Въ духѣ письма Карамзина отвѣтилъ Николай I польскому депутату гр. Езерскому предъ самой вспышкой революціи, рѣшительно отвергнувъ требованія поляковъ присоединить къ Польшѣ т. н. „забранныя земли“.

Въ цѣляхъ спасенія отечества и борьбы съ такими опасными экспериментами и покушеніями патріотически настроенная и исполнѣ либеральная часть русскаго общества въ началѣ XIX ст. приступаетъ къ организаціи въ Россіи тайныхъ обществъ. Ген. М. Ѳ. Орловъ, соединившій съ просвѣщеннымъ либерализмомъ горячее чувство національнаго достоинства, доходившее подчасъ до того, что Н. И. Тургеневъ мѣтко назвалъ „патріотизмомъ рабовъ“ (Гершензонъ, Исторія молодой Россіи, стр. 4, 12), былъ такъ огорченъ и взволнованъ фактомъ созданія Царства Польскаго съ особой конституціей, что въ цѣляхъ борьбы, между прочимъ, и съ тайными польскими вліяніями на Александра I, составилъ рѣзкую записку государю, направленную противъ эмансипаціи Польши, и началъ собирать подписи въ кругу генераловъ и сановниковъ. Хотя основатель „Общества русскихъ рыцарей“ зашелъ въ своихъ патріотическихъ увлеченіяхъ и планахъ очень далеко, мечтая объ уничтоженіи навсегда самаго имени Польши (См. Wł. Jabłonowski, Dekabryści i ich stosunek do Polski. Przegl. Hist., IX, 1909, ноябрь—декабрь, стр. 300—301. Статья написана на основаніи русскихъ изслѣдованій), тѣмъ не менѣ основная мысль его, что возстановленіе Польши будетъ истиннымъ несчастіемъ для Россіи, нашла горячихъ приверженцевъ и среди болѣе умѣренныхъ въ отношеніи къ Польшѣ русскихъ круговъ.

Точно такъ же для другого кишиневскаго пріятеля Пушкина В. Ѳ. Раевскаго, гражданскаго поэта, „перваго декабриста“, однимъ изъ мотивовъ возникновенія оппозиціоннаго настроенія было „возстановленіе Польши“ (П. Е. Щеголевъ въ Вѣстн. Евр., 1903, іюнь, стр. 534). Недовольныхъ польской политикой Александра I было много. Объ этихъ настроеніяхъ лучше всего свидѣтельствуютъ позднѣйшія показанія декабристовъ, дающія довольно точное отраженіе ихъ взглядовъ на

польскій вопросъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ показаній слѣдуетъ познакомиться, чтобы хоть отчасти уяснить себѣ тѣ вліянія, подъ которыми должны были слагаться воззрѣнія Пушкина на русско-польскія политическія взаимоотношенія.

Въ годы юности своей поэтъ въ политическомъ смыслѣ, какъ извѣстно, примыкалъ къ либеральному кругу и движенію. Любовь къ свободѣ онъ вынесъ изъ Лицея, который считался разсадникомъ вольнодумства. Первый выпускъ Лицея далъ нѣсколькихъ декабристовъ, а съ многими изъ большой группы ихъ Пушкинъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Вліяніе идей ихъ на политическую мысль Пушкина едва ли можно отрицать.

Подполковникъ Поджіо въ своемъ показаніи заявилъ, что присоединеніе Польши къ Россіи по Вѣнскому конгрессу положило предѣлъ исконной враждѣ этихъ двухъ государствъ, но Александръ I даровалъ ей конституцію, а на нее то именно смотрѣло русское общество не безъ зависти. Въ самой рѣчи Александра I, произнесенной при объявленіи конституціи Польшѣ, общество усматривало выраженія, оскорбительныя для русскаго національнаго достоинства.

Декабристъ Завалишинъ тоже свидѣтельствовалъ, что дарованіе конституціи Польшѣ, которую считали непримиримымъ врагомъ Россіи, въ то время, когда побѣдительница не была признана достойною ея, посѣяло въ кругахъ членовъ тайныхъ организацій начала недовольства и недовѣрія къ правительству. Это недовольство правительствомъ и самимъ государемъ усиливалось еще слухами о предполагаемыхъ дальнѣйшихъ уступкахъ Польшѣ, а именно — объ отдѣленіи Литвы, т. е. западно-русскихъ земель, отъ Россіи и присоединеніи ихъ къ Польшѣ.

Политику Александра I считали прямо вредной интересамъ Россіи. Якушкинъ говорилъ, что члены тайныхъ обществъ помышляли даже о покушеніи на жизнь государя. Его обвиняли въ томъ, что онъ считаетъ Польшу несравненно болѣе просвѣщенной, чѣмъ свое отечество, и посему, очевидно, болѣе зрѣлою для воспріятія конституціонныхъ формъ правленія; что Россію онъ ненавидитъ; что онъ, наконецъ, намѣренъ отторгнуть нѣкоторыя области отъ имперіи и присоединить ихъ къ Польшѣ; что, ненавидя и презирая Россію, государь замышляетъ даже перенести свою столицу въ Варшаву. Въ русскихъ военныхъ кругахъ сильное неудовольствіе вызвало сформированіе особаго литовскаго корпуса. Надо замѣтить, что въ извѣстныхъ сферахъ существованіе польской арміи вообще признавалось лишнимъ. Разсуждая о положеніи Польши въ составѣ русскаго государства, о „излишнемъ числѣ войскъ“ ея, о ихъ прямой ненужности и о финансовомъ разстройствѣ вслѣдствіе этого бремени, Вяземскій (Сочиненія, IX, стр. 116. Старая записная книжка) задавался вопросомъ: „Что такое польское войско?“ И далѣе излагалъ свой взглядъ въ формѣ весьма рѣшительной: „Польшѣ, отдѣльно взятой, войска не надобно. Войско — ограда независимости: польская независимость опирается на Россію. Избытокъ польскаго войска утопаетъ въ громадѣ русскаго.“

Показанія декабристовъ на слѣдствіи свидѣтельствуя о томъ, что почти всѣ они неодобрительно отзывались о направленіи политики Александра I, унизительно для Россіи и оскорбляющей національнныя русскія чувства. Александру ставили въ вину, что онъ приносилъ жизненные интересы Россіи въ жертву интересамъ ея „исконнаго врага“. Польшу опредѣленно считали врагомъ даже тогда, когда съ нею желали установить миръ и согласіе. Военные люди особенно крѣпко помнили, что поляки недавно еще воевали съ ними подъ знаменами Наполеона. Пушкинъ при случаѣ напомнилъ Булгарину, какъ онъ „изъ злобы къ русскимъ“ бродилъ подъ французскимъ орломъ. Теперь все это великодушно было предано забвенію. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что наши вольнодумцы-реформаторы не имѣли яснаго и опредѣленнаго представленія о томъ, гдѣ начинаются неоспоримыя права Польши, и гдѣ можетъ и долженъ заявить о своихъ правахъ русскій народъ.

Изъ показаній С. И. Муравьева и Бестужева въ слѣдственной комиссіи можно убѣдиться, что члены „Южнаго союза“, ведя переговоры съ поляками, членами „Патріотическаго Общества“, на кievскомъ съѣздѣ во время контрактовъ 1824 г. о границахъ Россіи и Польши, намѣрены были возвратить Польшѣ „недостаточно обрусѣвшія области“, дабы онѣ „духовно могли быть привязаны для пользы Россіи“: впрочемъ, при разграниченіи должны были быть приняты во вниманіе „выгоды“ Россіи, т. е. имѣлась въ виду выгодная въ военномъ отношеніи граница. Въ этомъ только смыслѣ они проявили извѣстную политическую предусмотрительность. Поляки, во всякомъ случаѣ, могли получить губерніи гродненскую и части волынской, минской и виленской.

Полагая въ основу улаженія и устроенія нашихъ отношеній съ поляками яко бы этнографическое начало, наши реформаторы имѣли смутное представленіе объ этнографической картѣ русскаго племени. Это — давній и прочный, живучій грѣхъ русскаго общества. Погодинъ съ чувствомъ огорченія констатировалъ его въ простой, но многозначительной фразѣ о томъ, что „Польша начинается за Смоленскомъ“, — очевидно, для тѣхъ, кто не хотѣлъ знать этнографической правды. Декабристъ князь А. И. Одоевскій писалъ отцу съ похода изъ Великихъ Лукъ въ іюнѣ 1822 г.: „Какъ мы довольны, что миновали границы витебской губерніи. Какъ сильно чувствуется разница между Россіей и Бѣлоруссіей, тотчасъ же за межей, которая отдѣляетъ псковскую губернію отъ витебской! Я вдыхаю воздухъ моей страны и возрождаюсь къ новой жизни, къ поэзіи, къ занятіямъ, ко всѣмъ чувствамъ, которыя я питалъ въ глубинѣ моего сердца и которыя мало-по-малу исчезли во время нашего пребыванія въ еврейскомъ городѣ“ (Велижѣ). Россія, „моя страна“ для высокообразованнаго князя начиналась только въ псковской губерніи! Рѣдко среди этой неосвѣдомленности слышалось сужденіе правильное и ясное.

Рылѣевъ, какъ и члены „Сѣвернаго Союза“, не одобрялъ чрезмѣрныхъ уступокъ въ переговорахъ съ поляками. Онъ разсуждалъ объ этнографическихъ границахъ Польши: граница Польши начина-

ется тамъ, гдѣ кончаются малорусское и бѣлорусское нарѣчіе; гдѣ населеніе говоритъ на нихъ и исповѣдуетъ православіе или принадлежить къ уни, — тамъ Русь, исконное наше достояніе! На такихъ основаніяхъ онъ считалъ возможнымъ говорить о размежеваніи и примиреніи обоихъ народовъ и государствъ.

Политическія программы декабристовъ и другихъ тайныхъ обществъ, ихъ планы и стремленія, несомнѣнно, были знакомы Пушкину. Ихъ мечтанія о вольности находили въ душѣ его искренній откликъ; въ стихотв. „Аріонъ“ онъ отождествлялъ себя съ ними, онъ „пѣлъ пловцамъ“, ободряя ихъ, а въ лагерѣ Паскевича и на Кавказѣ онъ искалъ случая видѣться съ бывшими декабристами, сохраняя къ нимъ прежнія чувства и не обращая вниманія на непріятности отъ этого проекта. Однако, ко всей ихъ „мятежной наукѣ“ и къ той части проектовъ переустройства Россіи на новыхъ началахъ, которая касалась взаимоотношеній Россіи и Польши, выдѣленія послѣдней въ старыхъ, хотя бы частично историческихъ границахъ, вообще къ вопросу о территориальныхъ уступкахъ полякамъ Пушкинъ относился убѣжденно-отрицательно. Въ государственномъ смыслѣ онъ оказался выше декабристовъ, приступившихъ къ дѣленію Россіи и выкраиванію новыхъ ея границъ безъ знанія ея старой исторіи и необходимыхъ точныхъ представлений о ея этнографическихъ рубежахъ (см. карту Пестеля у Довнаръ-Запольскаго, Идеалы декабристовъ, М. 1907).

Мы имѣемъ интересный отзывъ Мицкевича объ этой малой подготовленности мечтательной русской молодежи къ великому перевороту, ею задуманному. Въ разговорахъ съ нею Мицкевича поражала ея наивность и политическая незрѣлость (*niewyrobienie*), и при всѣхъ симпатіяхъ къ декабристамъ онъ скептически, въ годы пребыванія въ Россіи, смотрѣлъ на будущее ихъ дѣла и на результаты заговора, не раздѣляя надеждъ друзей. Впослѣдствіи въ своихъ парижскихъ чтеніяхъ польскій поэтъ вспоминалъ съ нескрываемой ироніей о русскихъ тайныхъ обществахъ (сѣверномъ и южномъ) и характерѣ ихъ дѣятельности, о безтолочи ихъ собраній и рѣчей. Онъ рассказывалъ при этомъ въ своей лекціи о недостойномъ характерѣ собраній русской революціонной молодежи: члены тайныхъ обществъ распѣвали такія дикія пѣсни, отличавшіяся столь жестокимъ (*szorstym*), монгольскимъ и финскимъ характеромъ, что поляки не могли ихъ слушать безъ отвращенія!

Признавая честность (*uczciwość*) всѣхъ заговорщиковъ, въ теченіе десяти лѣтъ хранившихъ тайну организаціи, Мицкевичъ удивлялся, что они не знали, съ чего начинать имъ свое активное выступленіе, не могли рѣшить, когда надо приступить къ исполненію плановъ. Къ тому же не было согласія между русскими и поляками: заговорщики польскіе присылали своихъ делегатовъ къ русскимъ, и въ этихъ переговорахъ одни обманывали другихъ. Поляки не скрывали передъ довѣренными лицами, что для нихъ важно только поднять движеніе въ Россіи и воспользоваться удобнымъ моментомъ для своихъ цѣлей; русскіе же признавались друзьямъ, что хотя они и обѣщали независимость Польшѣ,

однако, низложивши у себя династію, они немедленно постарались бы объ удержаніи Польши въ своихъ рукахъ. Обманывали другъ друга и русскіе, ибо весь этотъ заговоръ основанъ былъ на идеѣ отрицательной, на ненависти (Лекція XXVIII, 7 іюня 1842 г. Kurs drugoletni liter. słow., Paryż, 1842, str. 221). О взаимномъ недовѣріи русскихъ (южанъ) и поляковъ при переговорахъ и совѣщаніяхъ уже въ 1822 г. свидѣтельствуеъ декабристъ М. А. Фонвизинъ (Лунинъ, Взглядъ на дѣла Польши. Въ сб. Декабристы на каторгѣ и ссылкѣ, М., 1925, стр. 267).

Программу декабристовъ, со всѣми ея основами общественной и политической, государственной реформы изслѣдователи-историки согласнo признають необдуманною, незрѣлою, во многихъ отношеніяхъ практически неосуществимою. Пушкинъ ясно представлялъ себѣ эти недостатки ея и въ „Бородинской годовщинѣ“, очевидно, имѣеть въ виду декабристскіе проекты, неприемлемые и для той новой, свободной Россіи, о которой они мечтають, которой самъ поэтъ сочувствуетъ, но которая не должна нарушить единаго, твердаго и справедливаго принципа при размежеваніи съ поляками. Онъ ставитъ по существу одинъ большой и сложный вопросъ въ такой формѣ:

„Куда отвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волянь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?...“

Надо признать, что это не простой, для красоты стиха и риѣмы придуманный наборъ случайныхъ географическихъ именъ, не связанныхъ внутреннимъ значеніемъ, — это есть изложеніе цѣлой программы, въ которой каждый стихъ полонъ глубокаго смысла и исторически многозначителенъ.

Польскій поэтъ І. Андрей Морштынъ въ 1647 г., сочиняя свои любовныя пѣсни въ Сѣверской землѣ, на берегахъ Семи, Сулы, Псела и Ворсклы, могъ, конечно, сказать, что рѣки эти составляютъ границу Польши и Москвы, — онъ говорилъ о политической границѣ двухъ славянскихъ государствъ, проходящей тамъ,

„Gdzie Psoł, gdzie Worzkło soczą błotne wody,
I dwa słowiańskie graniczą narody.“

Для него граница государственная совпадала съ границей двухъ славянскихъ народовъ. Но для Пушкина, который взглянулъ на эти старые рубежи съ иной точки зрѣнія, въ эпоху пробужденнаго національнаго самосознанія не могло быть колебаній касательно недопустимости и естественной несправедливости такого далекаго продвигенія польской границы на востокъ.

Пушкинъ, надо думать, знакомъ былъ и съ „Русскою Правдою“ Пестеля, подробно касавшеюся вопроса будущаго устройства Польскаго государства и его отношенія къ Россіи, и съ конституціей Никиты Муравьева и съ его проектомъ „Сѣвернаго Союза“, и съ прочими замыслами декабристовъ и по отношенію къ нимъ онъ занялъ опредѣленную

точку зрѣнія. По плану Пестеля Польша должна была образовать большое независимое государство, оставаясь однако въ тѣсномъ союзѣ съ Россією на мирное и военное время. Этотъ проектъ подробно опредѣлялъ границы между Польшею и Россією, причемъ предлагалъ всю гродненскую губернію и бѣлостокскую область цѣликомъ включить въ составъ Польши, а виленскую, минскую и волынскую губерніи раздѣлить между Польшею и Россією. Такимъ образомъ, къ Польскому государству присоединялись части литовскихъ и русскихъ областей (В. И. Семевскій, Политич. и обществ. идеи декабристовъ, стр. 513).

„Сѣверный Союзъ“, согласно проекту конституціи Никиты Муравьева, не включалъ Польши въ составъ федеративнаго Россійскаго государства. Въ числѣ отдѣльныхъ тринадцати „державъ“ и двухъ „областей“, изъ коихъ, согласно конституціи Муравьева, должно было состоять Россійское государство, нѣтъ территоріи Царства Польскаго. Въ составъ этой федераціи входятъ: область Западная, съ столицей и сеймомъ въ Вильнѣ, область Бужская съ Кіевомъ, Украинская съ Харьковомъ, Черноморская съ Одессой и пр. Въ словахъ Пушкина нельзя не видѣть извѣстныхъ воспоминаній объ этихъ планахъ, яснаго требованія удержать этнографическіе издревле русскіе рубежи, протеста противъ аннексіонныхъ стремленій польскихъ „до моря“, до черноморскаго лимана. Онъ только теперь въ 1831 г., когда смыслъ всей борьбы Польши съ Россією столь опредѣленно выявился, публично высказалъ тѣ старыя мысли, которыя тревожили Карамзина, вылились въ его частномъ письмѣ къ Александру I и одинаково волновали русскихъ людей, задумывавшихся надъ мучительно-тяжелой русско-польской проблемой. Пушкинъ безъ колебаній отвѣтилъ имп. Николаю I на его вопросъ, что онъ бы сдѣлалъ, если бы 14-го декабря былъ въ Петербургѣ: „Былъ бы въ рядахъ мятежниковъ“. Но симпатіи его къ декабристамъ простирались, очевидно, никакъ не дальше ихъ программъ внутренняго переустройства Россіи и утвержденія взаимнаго согласія между свободною конституціонною Россією и такою же свободною Польшею; что же касается тѣхъ уступокъ Польшѣ, которыя предлагали нѣкоторые реформаторы, то къ нимъ Пушкинъ отнесся опредѣленно отрицательно, какъ къ недопустимому нарушенію суверенныхъ правъ и умаленію чести русскаго народа.

Федеративные замыслы декабристовъ не встрѣтили сочувствія среди чешской, славянски-настроенной молодежи. Поэтъ-руссофилъ Фр. Л. Челаковскій рѣзко осудилъ декабристовъ (въ письмѣ къ Камариту въ августѣ 1826 г.), уже *post factum*, послѣ гибели ихъ, получивъ свѣдѣнія о ихъ программѣ, и благодарилъ Бога, что эта затѣя кончилась для Россіи благополучно. Отъ переворота, по его мнѣнію, сильно бы пострадала прекрасная держава (*krásné mocnářství*) Россія. Особенно онъ не одобрялъ стремленій декабристовъ къ федераціи (*Bundesstaaten*), въ которой видѣлъ угрозу распадѣнія великой Россіи на мелкія княжества по нѣмецкому образцу. Онъ называлъ „ослами“ тѣхъ нѣмецкихъ публицистовъ, которые обвиняли чеховъ въ стремленіи къ

общеславянской федерации. Всякія внутреннія потрясенія въ Россіи, по его мнѣнію, были бы вредны для всего Славянства.

Объ отношеніи декабристовъ къ польскому вопросу чрезвычайно цѣнный матеріалъ содержитъ и письмо, или вѣрнѣе—цѣлый трактатъ М. С. Лунина: „Взглядъ на дѣла Польши“ (1840 г.), написанный много лѣтъ спустя послѣ пережитыхъ увлеченій, поэтому спокойный и объективный (См. сб. Декабристы на каторгѣ и въ ссылкѣ, Москва, 1925, стр. 265—280). Лунинъ служилъ въ Польшѣ, познакомился съ ея жизнью и обнаруживаетъ не только знаніе исторіи ея, но и пониманіе духа ея правящаго класса и народа. Возстанія поляковъ онъ рѣшительно не могъ одобрить, хотя и видѣлъ въ немъ проявленіе самоотверженности и патриотическаго порыва: „Ночь 29 ноября была освѣщена огнями свободы“. Но въ этой вспышкѣ онъ усматривалъ такіе моменты, которые не могли обезпечить ея успѣха.

Манифестъ польскаго народа, говоритъ онъ, указывалъ на рядъ неконституціонныхъ актовъ, которые послужили побудительной и рѣшающей причиной возстанія. Но конституція, по его мнѣнію, представляла законмѣрные способы протестовать противъ незаконности этихъ актовъ, одновременно покоряясь имъ. Такого поведенія, пассивнаго, но объщающаго успѣхъ, было бы достаточно для того, чтобы засвидѣтельствовать существованіе правъ, заставить ихъ уважать впоследствии, оказавъ имъ двойную поддержку принципа и прецедента. Великая хартія была послѣдовательно утверждаема присягой и ратификована тридцать пять разъ и, несмотря на это, попрана Тюдорами. Между тѣмъ англичане не прибѣгали къ оружію въ это время политической юности, чтобы обезпечить ея неприкосновенность.

Манифестъ польскаго сейма выдвигалъ братскую исключительную любовь къ жителямъ присоединенныхъ къ Россіи областей (т. е. Зап. Руси) и желаніе освободить ихъ отъ ига петербургскаго правительства. Между тѣмъ, говоритъ Лунинъ, жители этихъ областей почти не раздѣляли исключительнаго чувства, предметомъ котораго они являлись, и далекіе отъ того, чтобы способствовать усиліямъ своихъ мнимыхъ освободителей, они смотрѣли на ихъ непрошенное заступничество съ безразличіемъ и удивленіемъ. Литва, Волынь и Подолье не пошевелились даже въ то время, когда отряды варшавской арміи, проникнувъ въ эти провинціи, приглашали и заставляли мѣстное населеніе вооружаться для защиты Царства. Лунинъ не объяснилъ однако причины этого равнодушія населенія къ чужому дѣлу и только робко указалъ на его „болѣе тѣсную связь съ русскими“. Составителей манифеста онъ упрекнулъ въ томъ, что они, начавъ съ выраженія законнаго желанія добиться удовлетворенія за понесенныя обиды, кончили проектами расширенія границъ и завоеваній. Въ другомъ мѣстѣ онъ назвалъ эти стремленія „безпочвенными мечтаніями“, основы ихъ спорными и приходилъ къ безотрадному для поляковъ заключенію: „Если бы несбыточная мечта присоединенія русскихъ провинцій къ Царству Польскому сбылась, — дѣла Польши отъ этого не выиграли

бы. Ея мнимые друзья какъ бы не понимаютъ истинныхъ началъ ея возможнаго могущества и дѣйствуютъ, стараясь все свести къ вопросу о территоріи“. Вотъ нѣсколько мыслей этой замѣчательной записки.

Изъ приведенныхъ выдержекъ нельзя никакъ сдѣлать заключенія, что именно Лунинъ принадлежалъ къ числу декабристовъ, полностью (całkowicie) признававшихъ польскія права на литовскія земли (См. Mościcki, Pod berłem carów, str. 270; впрочемъ, онъ ссылается на статью Владислава Мицкевича въ Gazetta d'Italia, 1880, 8 марта).

Таковы были политическіе замыслы декабристовъ. Они даютъ достаточно драгоцѣннаго матеріала для комментарія къ отдѣльнымъ стихамъ и фразамъ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“ и особенно къ богатой исторической мыслью „Бородинской годовщинѣ“.

Политическое и духовное объединеніе славянъ есть тема, которую трактуютъ не только въ собраніяхъ тайныхъ обществъ, оно есть предметъ не только проектовъ государственныхъ мужей, — эта идея увлекаетъ одинаково поэтовъ и ученыхъ, и всѣ они согласно и съ полнымъ убѣжденіемъ говорятъ объ объединяющей роли Россіи, какъ фактора наиболѣе для этого призваннаго.

Для Пушкина Россія есть государство, обладающее мощью, необходимою для осуществленія славянскаго единства, для устраненія тѣхъ ходячествій, которыя этому великому начинанію воздвигаютъ враги его. Французско-польскій комитетъ въ Парижѣ пугаль Европу этою силою въ своемъ воззваніи: „Quelle est donc cette puissance colossale qui prétend vous anéantir? Tout s'agite et s'ébranle autour d'elle: le sol tremble sous ses pieds“, а князь Вяземскій въ своей записной книжкѣ (Сочиненія, IX, стр. 156) 14 сент. 1831 г., возвращаясь къ недавнему прошлому, посмѣивался надъ этимъ колоссомъ и утверждалъ, что неудачи наши въ борьбѣ съ поляками „унизили наше политическое достоинство въ глазахъ Европы, раздѣли наголо предъ нею этотъ колоссъ и показали всѣ язвы, всѣ немощи его“. Пушкинъ, очевидно, вспоминалъ какое-то ходячее выраженіе о колоссѣ, когда обращался въ „Бородинской годовщинѣ“ ко всѣмъ скептикамъ, французскимъ политическимъ крикунамъ и русскимъ хулителямъ Россіи и спрашивалъ ихъ:

„... Еще ли Россѣ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?“

Онъ вѣрилъ въ эту мощь Россіи, и она была для него залогомъ перваго успѣха въ великой объединительной миссіи, она давала ему право выдвигать Россію на первое мѣсто въ будущемъ союзѣ. Вѣдь эта сила единственнаго свободнаго славянскаго государства, пусть и призрачная по существу, импонировала славянамъ, когда они обращали взоры на великую родственную державу.

Декабристъ кн. А. И. Одоевскій, проникнутый самыми глубокими симпатіями къ борьбѣ поляковъ (1831 г.) за свободу, въ стихотв. „Славянскія дѣвы“, полною скорби о славянской разноголосицѣ, призы-

валь къ слянію всѣхъ голосовъ славянскихъ племень въ единый голосъ, въ далекой поэтической мечтѣ видѣль „старшую дочь въ семействѣ Славяна“ — Россію впереди большого хоровода меньшихъ сестеръ и желаль, чтобы она повела этотъ хороводъ за собою. Всеславянское объединеніе съ Россіей во главѣ есть основная мысль этого замѣчательнаго стихотворенія. Поэтъ возноситъ горячую мольбу о сляніи славянскихъ потоковъ въ одной рѣкѣ такъ же, какъ Пушкинъ говоритъ о возможности слянія ихъ въ русскомъ морѣ:

„Боже! Когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ?
Да потечетъ сей потокъ-исполинь,
Ясный какъ небо, какъ море широкій,
И, увлажая полміра собой,
Землю украситъ могучей красой!“

Одоевскому это сляніе рисуется, конечно, въ перспективахъ весьма отдаленныхъ такъ же, какъ и Пушкину, который не даетъ тутъ же отвѣта на свой вопросъ, ибо онъ слишкомъ сложенъ и требуетъ обсуждения. Одоевскій мечтаетъ о дружномъ хороводѣ славянскихъ дѣвъ, а его современникъ поэтъ-славянофилъ А. С. Хомяковъ въ своей „Одѣ“ на польское возстаніе (1831) вдохновенно видитъ гордый, согласный полетъ всѣхъ славянскихъ орловъ, склоняющихъ свою мощную главу предъ старшимъ сѣвернымъ орломъ; въ другомъ стихотв. его „Орелъ полночи“ (1832) призывается къ выполненію великой и возвышенной задачи — не забыть о младшихъ братьяхъ, любовно раскрыть надъ слабою главою окованныхъ свои мощныя крылья, согрѣть ихъ своею жаркою любовью и помочь имъ разорвать цѣпи, освободить ихъ и привести къ соединенію. Увеличимъ число такихъ поэтическихъ образовъ соединенія еще однимъ. На флагѣ русскаго корабля Хомяковъ много позже, въ напутствіе аксаковскому „Парусу“ (1859), начерталъ слова „правды судъ и миръ любви“ и, привѣтствуя его завидный путь, онъ еще разъ опредѣлилъ его высокое призваніе — повести рядомъ съ собою братскіе корабли: русскій корабль „готовъ всѣхъ братьевъ чолны прицѣпить къ крутымъ бокамъ“, конечно, не насиліемъ въ плаваніи по „ропшущимъ волнамъ“, а правдою и любовью, для достиженія общей славянской цѣли. Колларъ въ краткой эпиграммѣ (nápis) мечтаетъ о богатѣйшей и радостной свадьбѣ (Sňatek), когда Дунай возьметъ въ жены Влтаву, а Ураль Татру. Это еще одинъ, чрезвычайно ярко выраженный союзъ любви и родственнаго славянскаго единенія.

Картина согласнаго полета славянскихъ орловъ, какъ одна изъ формъ выраженія идеи единства, давно знакома намъ въ славянской поэзіи. Возможность, въ виду политическаго момента, такого общаго взлета, выступленія двухъ наиболѣе сильныхъ славянскихъ орловъ рисовалась уже въ XVII вѣкѣ православному черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу, который въ польскихъ стихахъ (въ полемическомъ сочиненіи Nowa miara starej wiary, 1675 г.), оплакивая руину южной Руси, непрестанно терзаемой поляками и русскими, татарами и турками, от-

вѣчалъ тѣмъ, кто пустилъ въ оборотъ извѣстныхъ слова о невозможности братскаго примиренія русскаго и поляка (Nie będzie jako świat światem Rusin Polakowi bratem), и призывалъ „сарматскихъ сыновъ“ къ согласію ради побѣды надъ турками. Картину примиренія и согласныхъ дѣйствій орловъ московскаго и польскаго онъ рисуетъ въ слѣдующихъ, назидательныхъ для потомства стихахъ :

„Moskiewski z polskim orłem się zlecieli,
Gołębia z roszczką do siebie przyjęli...
Moskiewski orzeł z polskim gdy na Turka leci,
Pazurmi mu gdy oczy wydrze, wnet oszpeci.
Moskiewski z polskim orłem gdy polecą,
Za nimi polecą i ojcy i dzieci!“

Въ сороковые годы XIX в. идея славянскаго объединенія, большой федерации увлекаетъ членовъ кievскаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства: они мечтаютъ объ осуществленіи духовнаго и политическаго соединенія славянъ въ такой формѣ, чтобы каждое славянское племя сохраняло свою самостоятельность, чтобы каждый народъ образовалъ особую Речь Посполитую, съ особымъ ея языкомъ, литературой, общественнымъ устройствомъ (См. Е. Рыхликъ, Славянофильство Кирилло-Меѳодіівців, Київ, 1926). Шевченко, участникъ этихъ проектовъ, въ сущности высказалъ ту же идею, что и Пушкинъ,— послѣдній только вопрошалъ о судьбѣ славянскихъ ручьевъ, о сліяніи ихъ въ русское море или изсякновеніи его самого, тогда какъ украинскій поэтъ, подобно Одоевскому, опредѣленно желалъ, чтобы славянскія рѣки потекли въ одно море, очевидно, въ то море, которое объединило бы славянъ на началахъ кирилло-меѳодіевцевъ. Въ „Посланіи славному П. І. Шафарикові при поемі Іванъ Гусъ, або Еретикъ“ Шевченко сравниваетъ значеніе славянской будительской дѣятельности чешскаго ученаго съ словомъ пророка Іезекіиля, оживившаго трупы, и пророческими взорами видитъ такую картину славянскаго сліянія :

„И, о диво! трупы встали
И очи раскрыли!
И братъ зъ братомъ обнялися
И проговорили
Слово тихой любви
На віки и віки!
И потекли въ одно море
Славьянскіі ріки!“

Шевченко, какъ и Пушкинъ, не шель дальше, не развивалъ плана созданія и устроенія этого сліяннаго, любовнаго объединенія, не говорилъ о роли Россіи въ этомъ морѣ-союзѣ, ибо значеніе ея опредѣлялось всѣми данными ея политическаго размаха и территоріальными размѣрами, „по естеству вещей“, какъ выразился Погодинъ.

Не иначе представлялъ себѣ рѣшеніе этого вопроса М. А. Бакунинъ. Въ „Исповѣди“, представленной имп. Николаю I, говоря о своихъ выступленіяхъ на Славянскомъ съѣздѣ въ 1848 г. въ Прагѣ, онъ вспо-

минаетъ, какъ тогда онъ указывалъ въ своихъ рѣчахъ, что безъ Россіи славянское единство было бы неполнымъ, что безъ нея оно лишено было бы силы. Но было бы безуміемъ ожидать помощи и спасенія отъ тогдашней Россіи. Поэтому Бакунинъ призывалъ всѣхъ славянъ объединиться сначала безъ Россіи, но не исключая ея изъ этого союза, а лишь въ ожиданіи ея скорого освобожденія. Россія послѣдуетъ примѣру славянъ, — и они будутъ освободителями русскаго народа, который въ свою очередь будетъ поддержкою и защитою Славянства. Очевидно, въ этомъ объединеніи ей будетъ принадлежать роль первенствующаго члена. Бакунинъ предоставлялъ въ этомъ союзѣ отдѣльнымъ славянскимъ вѣтвямъ много простора для ихъ провинціальныхъ особенностей и административнаго строя, но въ то же время полагалъ, что вся внутренняя и иностранная политика была бы сосредоточена въ рукахъ какого-то центрального правительства. Согласно этому проекту, всѣ польскія и чешскія властолюбивыя и честолюбивыя притязанія исчезли бы въ общеславянскомъ союзѣ. Объединяющая всѣхъ славянъ политическая система предполагала, какъ видно, добровольное подчиненіе отдѣльныхъ частей единому руководящему центру. Мысль объ объединеніи была имъ высказана и въ Воззваніи къ славянамъ (*Aufruf an die Slaven*, Koethen 1848, S.19), изданномъ тотчасъ послѣ Пражскаго съѣзда. Бакунинъ опредѣленно призывалъ славянъ объединиться въ федерацию свободныхъ племенъ: „Brüder! Ich bin ein Russe, ich spreche zu Euch als Slave . . . Ihr wisset, dass ich, als Russe, das Heil meiner Landsleute nur in der Gemeinsamkeit mit allen übrigen Brüdern, nur in der Verbindung aller slavischen Völker als einer Föderation freier Stammgenossenschaften erblicke. Ihr wisset, dass ich mir die Beförderung dieses grossen und heiligen Zwecks zur Aufgabe meines Lebens gemacht habe.“

Даже пресловутый Духинскій, враждебно относившійся къ великорусамъ, какъ къ туранцамъ, и требовавшій отдѣленія Польши отъ Россіи, между прочимъ, и на томъ основаніи, что смѣшеніе двухъ разнородныхъ расъ вредно для обѣихъ сторонъ, не отвергалъ, однако, возможности сожитія поляковъ съ русскими, если бы великорусы были славяне, ибо чего естественнѣе и, такъ сказать, современнѣе народамъ одной расы, близкимъ соплеменникамъ жить въ государственномъ союзѣ и сообща трудиться для взаимнаго благополучія и благоденствія (Ламанскій, *Объ изученіи греко-славянскаго міра*, стр. 301).

Всѣ мечтанія славянъ объ объединеніи, и въ самые ранніе моменты ихъ выраженія и въ позднѣйшіе дни, никогда не отрицали правъ отдѣльныхъ народовъ на ихъ обособленность, на культурное самоопредѣленіе и свободное развитіе; политическіе планы и рѣчи объ объединеніи не угрожали уничтоженіемъ самобытности объединяемыхъ частей, поглощеніемъ ихъ индивидуальныхъ правъ и особенностей.

Въ одной изъ своихъ рѣчей послѣднихъ лѣтъ (1900 г.) чешскій политикъ Фр. Л. Ригеръ, блестяще разбивая всѣ вымыслы враговъ Славянства о пугалѣ панславизма, стремящагося яко бы къ образованію всеславянскаго государства, вспомнилъ о тѣхъ словахъ, которыя онъ

произнесъ въ 1867 г. въ Москвѣ: „На банкетѣ въ Сокольникахъ я говорилъ о славянскихъ взаимоотношеніяхъ. Я сказалъ, что о всеобъемлющемъ славянскомъ государствѣ не можетъ быть и рѣчи; что мы вовсе не думаемъ слить всѣ славянскіе народы въ одинъ громадный царь-колоколъ, который въ этомъ случаѣ, пожалуй, также раскололся бы. Мы хотимъ, однако, чтобы славянскіе колокола слились въ одинъ гармоническій звонъ“.

Въ своемъ дневникѣ чешскій политическій мыслитель столь же рѣшительно высказался противъ ошибочно приписываемой Коллару идеи соединенія всѣхъ славянскихъ вѣтвей въ одинъ великій народъ-государство. Прежде всего, онъ не намѣренъ приносить въ жертву какой-либо славянской утопіи самостоятельность и самобытность чешскаго народа и, очевидно, послѣдовательно сохраняетъ эту точку зрѣнія и въ отношеніи къ другимъ славянскимъ племенамъ. Въ разговорѣ и спорѣ со Штуромъ въ 1847 г. въ Братиславѣ Ригеръ твердо стоялъ на томъ, что чехи никогда не принесутъ въ жертву панславизму свою самобытность и подлинность, и что мечты словаковъ о какомъ-то соединеніи и сліяніи всѣхъ вѣтвей являются просто утопіей. Другое дѣло — объединеніе или сближеніе на попрещъ культурномъ свободныхъ, независимыхъ славянскихъ народовъ.

Въ этомъ смыслѣ Палацкій могъ радоваться результатамъ Славянскаго съѣзда 1867 г., только объ этомъ культурномъ сближеніи и разсуждавшего, и его слова: „Мы уже не ручеекъ, теряющійся въ пескѣ, — предъ нами лежитъ славянское море“, обращенныя къ чехамъ, не допускали и намека на возможность исчезновенія этого ручейка въ большомъ морѣ Славянства, а имѣли болѣе высокой смыслъ: они говорили о значеніи идеи такого великаго моря, въ которое всѣ славянскія племена несутъ свои духовныя воды, о морѣ, охраняющемъ жизнь изолированнаго ручья, обреченнаго иначе на гибель.

И русскіе мыслители, позднѣйшіе славянофилы стояли на той же точкѣ зрѣнія. И. С. Аксаковъ въ одномъ письмѣ къ В. И. Ламанскому (Русская Мысль, 1916, октябрь) заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ подчиненія Славянства Россіи: „Сохрани меня Богъ отъ мысли присоединять Славянъ къ Россіи: мы только ихъ испортимъ. Нѣтъ, пусть всѣ славянскія племена, сколько бы ихъ ни было, составятъ союзъ конфедеративный, оставаясь вполне независимыми, сохраняя каждое свою личную самостоятельность“. Въ другомъ случаѣ, касаясь взаимоотношеній Россіи и Польши и обсуждая пути устройства ихъ, Аксаковъ высказалъ увѣренность, что такъ какъ къ тѣснѣйшему и полнѣйшему, искреннему соединенію Славянской Польши съ Славянской же Россіей ведетъ непреложный ходъ исторіи, то обоимъ народамъ лучше всего было бы, „покаясь взаимно въ историческихъ грѣхахъ своихъ, соединиться вмѣстѣ братскимъ тѣснымъ союзомъ противъ общихъ враговъ ихъ и всего Славянства“ (День, 1861, № 6). Какая отрадная страница славянской исторіи открылась бы такимъ всенароднымъ покаяніемъ и примиреніемъ братьевъ и враговъ!

По отъѣздѣ изъ Москвы славянскихъ гостей въ 1867 г. Погодинъ въ своихъ замѣткахъ (Собраніе статей, писемъ и рѣчей, М. 1878, стр. 50) писалъ подѣ впечатлѣніемъ всѣхъ рѣчей и торжественныхъ заявленій участниковъ съѣзда: „Я оставилъ давно панславянскія (всеславянскія) мечтанія и давно не думаю ни о какихъ соединеніяхъ, но, смотря на славянъ, я невольно чувствовалъ, что это радіусы, которые должны стремиться къ одному центру, если не хотятъ потерять своей народности“. Центръ этотъ рисовался ему совершенно ясно, о немъ онъ неоднократно говорилъ открыто и опредѣленно.

Такъ понимали эту идею различные представители славянской мысли. Немного позже Достоевскій еще разъ формулировалъ ее отъ имени русской общественности въ годы особеннаго подъема ея въ Россіи. Россія, разсуждалъ онъ въ кровавые дни возстанія Сербіи и Черной Горы противъ Турціи и наканунѣ надвигавшагося русскаго выступленія, не можетъ измѣнить великой, завѣщанной ей столѣтіями идеѣ, которой она до сихъ поръ была вѣрна. Идея эта есть между прочимъ и объединеніе славянъ. Но объединеніе это не есть захватъ, не есть насиліе, оно должно принести пользу человечеству, и тутъ Россія проявила большое политическое безкорыстіе, а въ этомъ безкорыстіи обнаружилась вся ея сила, ея своеобразіе, ея будущее значеніе.

Великій свободолоубецъ и постоянный борецъ за правду, свободу и человѣчность, Пушкинъ не могъ иначе смотрѣть на дѣло сліяннія „славянскихъ ручьевъ“, чѣмъ смотрѣли и до него и послѣ него выдающіеся славянскіе умы. Онъ воспринялъ и отразилъ общую славянскую мысль и мечту. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ автографѣ (1831 г.) стихотв. „Клеветникамъ Россіи“, сохранившемся въ архивѣ С. А. Юрьевича, одного изъ воспитателей цесаревича Александра Николаевича, стихъ 13-ый читается такъ: „Славянскіе-ль ручьи [изч] сольются въ Русскомъ морѣ“... Поэтъ первоначально желалъ сказать: „исчезнутъ“, но потомъ зачеркнулъ начатое слово (три буквы: изч), ибо оно, очевидно, не соответствовало подлинной мысли его, — онъ думалъ не объ исчезновеніи славянскихъ ручьевъ, а о сліянніи ихъ въ русскомъ морѣ, что далеко не одно и то же (В. Якушкинъ, Автографъ стихотв. „Клеветникамъ Россіи“. Пушкинъ и его соврем., XVII—XVIII, стр. 1—2).

Поэтому разъ навсегда слѣдовало бы оставить то толкованіе стиха, которое обычно даютъ ему не только противники поэта, но и тѣ, кто не желаетъ вдуматься въ смыслъ этихъ словъ. Онъ не думалъ, несомнѣнно, о чисто-политическомъ сліянніи, о поглощеніи малыхъ и слабыхъ большими и сильными, не говорилъ о томъ материалистическомъ панславизмѣ, который столь рѣшительно, но не основательно приписывалъ и Коллару Мицкевичъ, — онъ могъ мечтать лишь объ объединеніи въ одной большой идеѣ, всеобщей духовной сущности, вытекающей изъ славянскаго духа, изъ основъ славянскаго прошлаго, какъ представлялъ себѣ возможнымъ объединеніе на этихъ основахъ и Мицкевичъ. Пушкинъ былъ, конечно, націоналистомъ, но его націонализмъ былъ возвышеннымъ, сочетался съ честнымъ признаніемъ національ-

ныхъ правъ и идеаловъ другихъ народовъ и не былъ лишь стремленіемъ къ политической мощи и величію Россіи и русскаго народа, какъ утверждаетъ русской историкъ (В. Водовозовъ, Политическіе и общественные взгляды Пушкина, Сочиненія Пушкина, подъ ред. Венгерова, VI, стр. 376). Впрочемъ, онъ оговаривается и добавляетъ далѣе: если изъ этихъ стремленій Пушкина и вытекало желаніе политическаго пораженія другихъ народовъ, съ которыми Россія вступала въ открытую войну, то никоимъ образомъ оно не несло съ собою угнетенія, культурнаго подавленія другихъ народностей. Этимъ уже сказано много. Пушкинъ не сочувствовалъ „возрожденію“, т. е. возстановленію Польши Александромъ I, лишь постольку, поскольку оно было соединено съ извѣстными предпочтеніями государя и явнымъ игнорированіемъ правъ русскаго народа, и въ періодъ войны 1831 г. поэтъ опредѣленно высказался противъ неумѣренныхъ польскихъ притязаній, нарушавшихъ эти права. Только въ такомъ смыслѣ можно говорить о Пушкинѣ, что надежды поляковъ на возрожденіе Польши „не встрѣтили въ немъ сочувствія“ (Сочин. Пушкина, подъ ред. Венгерова, III, стр. 555). О свободѣ и независимости Польши онъ, конечно, высказался бы въ томъ смыслѣ, какъ высказался его учитель въ пониманіи важнѣйшихъ проблемъ русской исторіи М. П. Погодинъ.

Осторожно и съ досадной недомолвкой высказывается по этому предмету А. Н. Пыпинъ. Онъ правильно обращаетъ къ русскому обществу упрекъ въ томъ, что въ большинствѣ его „событія не были поняты въ ихъ болѣе широкомъ національномъ смыслѣ“, но самъ нимало не выясняетъ основы этого національнаго пониманія кроваваго спора. Такое разъясненіе дало бы необходимую точку опоры для оцѣнки отношенія Пушкина къ событіямъ 1831 г. Голосъ поэта, давашаго лишь отпоръ попыткамъ чужого вмѣшательства, не содержалъ вовсе угрозы полякамъ. Пушкинъ въ 1831 году коснулся домашняго славянскаго спора, т. е. только взаимоотношеній Польши и Россіи (эти отношенія, конечно, были споромъ домашнимъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣ времени и не ограничиваясь рѣшеніемъ только частнаго вопроса, онъ поставилъ большой, общаго и широкаго значенія вопросъ о слияніи ручьевъ въ славянскомъ морѣ, великую проблему славянскаго согласія и объединенія (Пыпинъ, Польскій вопросъ въ русской литературѣ. Вѣстн. Евр., 1880, февр., 711—714. Ср. его же Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ, СПб., 1913, стр. 85).

Въ роковомъ русско-польскомъ спорѣ Пушкинъ, стоя твердо на національныхъ принципахъ и отстаивая древнія права Россіи, не посягалъ на естественное право братьевъ — древнихъ сосѣдей и старыхъ соперниковъ. Для него „русское море“ было лишь выраженіемъ величія и силы, которыя должны были привлекать, притягивать къ себѣ болѣе слабые или совершенно беззащитные „славянскіе ручьи“, кои въ соединеніи создадутъ великое и могучее Славянство.

Пыпинъ считаетъ вопросъ Пушкина о славянскихъ ручьяхъ и русскомъ морѣ неяснымъ: „Онъ примыкаетъ къ вопросу о томъ, кто

устоить въ неравномъ спорѣ, кичливый ляхъ, или вѣрный россъ; но полагается обыкновенно, что передъ воображеніемъ поэта возставалъ вопросъ о будущемъ цѣлаго Славянства“. Пыпинъ полагаетъ, однако, что положеніе славянскаго міра заключается не въ этой дилеммѣ: послѣднюю часть ея поэтъ считаетъ, конечно, невозможностью; но первая можетъ состоять вовсе не въ одномъ сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, — тысячелѣтняя исторія западнаго Славянства говоритъ объ исчезновеніи этихъ ручьевъ въ морѣ германскомъ“... Но германское море поглощало славянъ насильственно и безслѣдно ихъ претворяя, Пушкинъ же говоритъ о сліяніи ручьевъ, а не о поглощеніи ихъ русскимъ моремъ. И во всякомъ случаѣ онъ никакъ не принадлежалъ къ тѣмъ, кто представлялъ себѣ сліяніе только съ военно-политической точки зрѣнія и не касался вопроса о внутренней сторонѣ національныхъ отношеній, — его мысль была серьезнѣе и глубже, и произвольное толкованіе Пыпинымъ вопроса Пушкина не выдерживаетъ строгаго объективнаго суда.

Мицкевичъ не въ осужденіе, а въ похвалу русскимъ поэтамъ и къ чести ихъ сказалъ о нихъ (лекція третья, 5 января 1841 г.), что они часто идутъ по путямъ, проложеннымъ французами, подражаютъ англичанамъ, но пусть только разразится надъ ними гроза національнаго значенія, какъ они тотчасъ же становятся русскими. Въ данномъ случаѣ это остроумное и лестное для русскихъ писателей наблюденіе оправдалось и на Пушкинѣ. Въ тяжелый для Россіи, какъ славянской державы, годъ кровавой усобицы, когда роковыя причины спора правильно понимались лишь немногими, онъ заговорилъ о нихъ безбоязненно, обрекая себя нападеніямъ и кривотолкамъ, шедшимъ извнутри и извнѣ. Споръ былъ не о Польшѣ, не о правѣ братскаго народа на политическую свободу, на самобытное существованіе, а о притязаніяхъ ея, о тѣхъ историческихъ правахъ, которыя переносили границы спора внутрь исконно-русскихъ земель, грозили Россіи разрушеніемъ ея единства, выковывавшагося усиліями столѣтій, отторженіемъ древняго достоянія Рюриковичей, недавно только возвращеннаго подъ общій русской кровъ. Святыни кievскія, могилы Ярослава и печерскихъ св. угодниковъ, кои Пушкинъ не можетъ себѣ представить связанными судьбою съ „буйною Варшавою“, для него имѣютъ высокій смыслъ и назидательное историческое значеніе, какъ онъ свидѣтельствуемъ въ письмѣ къ Хитрово. Историческое право Россіи на нихъ было изначальнѣе правъ Польши. Пушкинъ вовсе не касался вопроса о Польшѣ, — онъ началъ благо-разумно и основательно прямо съ т. н. Литвы и Югозападной Россіи; онъ видѣлъ опасность именно тамъ, гдѣ она всегда была особенно острой и гдѣ она вновь дѣйствительно обнаружилась. Волненіе Литвы, перенесеніе движенія революціи за Бугъ, стремленіе поднять Западную Русь во имя историческаго права Польши — вотъ что его тревожитъ, о чемъ онъ сокрушается и ищетъ отвѣта на смущающіе его душу вопросы. Здѣсь нѣтъ ни слова о царѣ, которому поэтъ яко бы желалъ угодить, — вся мысль его о Россіи, о ея благѣ и сохраненіи, о ея при-

звані въ Славянствѣ, о той великой роли, которую она сыграетъ въ немъ, какъ море, привлекающее отдѣльные ручьи и питающее ихъ водами, но не поглощающее ихъ безслѣдно.

И. С. Аксаковъ, всесторонній, по словамъ О. Э. Миллера, истолкователь вызвавшей столько споровъ мысли Пушкина, категорически отрицалъ (Русь, 1884, 15 марта) приписываемыя поэту грубыя, насильственныя вождельнія: „Никогда Пушкинъ не имѣлъ въ виду уничтоженія славянскихъ племенныхъ индивидуальностей, а только совокупленіе ихъ силъ для мірового значенія Славянства черезъ Россію“. Вотъ единственно допустимое пониманіе словъ поэта.

„Мы подчеркиваемъ эти слова, — говоритъ Миллеръ, — видя въ нихъ исповѣданіе и самого И. С. Аксакова и всего вообще славянофильства и считая особенно нужнымъ налегать на это.“ Въ Черное море, напримѣръ, — поэтически пояснялъ Аксаковъ, остававшійся истиннымъ поэтомъ и въ своемъ качествѣ публициста, — впадаютъ рѣки Дунай, Днѣстръ, Днѣпръ, Бугъ, Донъ, протекающія каждая свыше тысячи, а нѣкоторыя и по нѣскольку тысячъ верстъ. Уничтожается ли чрезъ впаденіе въ море ихъ рѣчная жизнь, самостоятельность и значеніе, со всѣмъ ихъ долгимъ, долгимъ побережьемъ? Не черезъ море ли, напротивъ, входятъ онѣ въ общеніе со вселенною и достигаютъ мірового значенія? Вотъ что, вѣроятно, представлялось поэту (См. рѣчь О. Э. Миллера: И. С. Аксаковъ и свобода слова. Извѣстія Сл. Слав. Благовѣ. Общ., 1887, № 3, стр. 148). Сходный образъ, возникшій какъ будто подъ впечатлѣніемъ пушкинскихъ стиховъ, истинный смыслъ которыхъ былъ ему совершенно ясенъ, повторяетъ Погодинъ въ донесеніи министру народнаго просвѣщенія о путешествіи своемъ по славянскимъ землямъ (1839 г.). Разсуждая о томъ, что русскій языкъ рано или поздно сдѣлается общимъ литературнымъ славянскимъ языкомъ, и что для этого всѣ нарѣчія славянскія должны принести ему дань своими словами, оборотами, формами, Погодинъ не желаетъ вовсе полнаго исчезновенія этихъ нарѣчій и заявляетъ: „Не надо сушить Оку или Каму, не надо и для того, чтобы полнѣе стала Волга“. Обѣ рѣки изливаются въ Волгу, сохраняя свое самостоятельное теченіе и принося ей въ то же время всю полноту своего воднаго богатства. И словенскій писатель Юсифъ Милославъ Гурбанъ, одинъ изъ творцовъ словенской литературной самостоятельности, доказывая (въ письмѣ отъ 23 мая 1880 г.) одному изъ чешскихъ друзей словаковъ выгоды писать ученые труды на русскомъ языкѣ, выражался въ той же образной формѣ: „Наши ручейки должны вытекать и вливаться въ океанъ Славянства“. Однако, поступить при этомъ завоеванною самостоятельностью словенскаго литературнаго языка онъ, конечно, не пожелалъ бы.

Предъ мысленными взорами нашего поэта рѣяла великая мечта о объединенномъ Славянствѣ, о томъ блаженномъ будущемъ, когда славянскіе народы, позабывъ распри, соединятся въ единую семью, — мечта, которая занимала мысль его друзей — декабристовъ, получила уже въ его время неоднократную формулировку, то неуловимо-рас-

пльвчатую, то выражаемую въ строгихъ и ясныхъ очертаніяхъ вдохновенными поэтами и холодными учеными, изслѣдователями и наблюдателями жизни Славянства. „Славянскіе ручьи“ это — несомнѣнное эхо той темы, которую обсуждали оба поэта, Мицкевичъ и Пушкинъ, въ дружескомъ кругу. Но мечтамъ о соединеніи нанесенъ былъ тяжелый ударъ роковыми для обоихъ главнѣйшихъ славянскихъ народовъ событіями 1831 года. Пушкинъ видѣлъ крушеніе своихъ славянскихъ идеаловъ, и голосъ его былъ не ликованіемъ о побѣдѣ, а грустнымъ признаніемъ неразрѣшимости важнѣйшей славянской проблемы въ условіяхъ печальной дѣйствительности и въ то же время убѣжденіемъ въ необходимости разрѣшить ее. Вѣра его въ свѣтлое будущее Славянства не была уничтожена этимъ испытаніемъ. Она жила въ немъ неизмѣнно, какъ онъ доказалъ это въ стихотвореніи, посвященномъ Мицкевичу (1834 г.), полномъ жажды примиренія славянскихъ народовъ, въ первую очередь — русскихъ и поляковъ; ее нерушимо сохранялъ и Мицкевичъ, хотя эта цѣль — вождельный русско-польскій миръ и свобода — казалась ему, быть можетъ, болѣе далекою, чѣмъ его русскому другу. Не даромъ въ одномъ изъ писемъ къ Товянскому Мицкевичъ выразился, что „полякъ и русскій легко сходятся, когда дѣло идетъ о благихъ пожеланіяхъ для всего рода человѣческаго, но другъ для друга каждый изъ нихъ желаетъ взаимно возможно скорой гибели“. Однако, этотъ мрачный скептицизмъ поэта не уничтожилъ его прочной вѣры въ великую мечту. Въ нее вѣрили и поколѣнія позднѣйшія, одинаково ожидавшія пришествія лучшихъ дней для Славянства. Спустя тридцать лѣтъ польскій поэтъ высказалъ не только надежду, но и увѣренность, что наступитъ пора примиренія русскихъ и поляковъ, что „братья, братьями поверженные, встанутъ и дружно потекутъ на всеславянскій пиръ“ (Стихотв. „Славянамъ“, переводъ съ польскаго, въ газетѣ И. С. Аксакова „День“, 1861, № 7).

Знаменитый польскій писатель І. И. Крашевскій на закатѣ дней (въ 1881 г.) писалъ одному изъ чешскихъ друзей своихъ, писателю Эд. Јелинку о необходимости для славянъ лучшаго взаимнаго знакомства и болѣе справедливаго отношенія другъ къ другу, какъ основныхъ задачахъ будущаго, ибо иначе великая федерація славянскихъ народовъ, на основахъ равенства и братства, никогда не осуществится. „Она въ настоящее время есть, быть можетъ, только мечта, но наша обязанность сдѣлать все, чтобы она когда-нибудь стала дѣйствительностью.“

„О святомъ согласіи славянскихъ братьевъ“ (О świętej zgodzie wśród słowiańskiej braci) пѣлъ съ тою же искреннею вѣрою участникъ новой вспышки кроваваго спора въ 1863 г. Адамъ Асныкъ, возвратившійся къ колларовскому гимну братства и единенія, въ юбилейномъ воспоминаніи (1893 г.), великому пѣвцу славянской взаимности посвященномъ, выразившій увѣренность, что наступитъ день, когда эти завѣтныя мечты осуществятся, и прежніе враги падутъ другъ другу въ объятія :

„Skryte marzenia czas urzeczywistni:
W objęcia sobie padną nienawistni“...

Никто изъ славянскихъ поэтовъ-идеалистовъ не приходилъ въ отчаяніе,—напротивъ, всѣ полны были вѣры въ примиреніе враждующихъ братьевъ. Всѣ они по существу стремились предать забвенію старыя взаимныя обиды и строить новую жизнь на любви и согласіи. Старый польскій поэтъ давно высказалъ благородное желаніе скоронить подъ развалинами забвенія взаимныя пораженія и удары :

„Niech w gruzie starych ruin niepamięć zawali
Kłęski, któreśmy wzajem i wzięli i dali!“

Этотъ призывъ одинаково обязательнъ къ осуществленію для обѣихъ сторонъ, и ему онѣ должны слѣдовать при устроеніи новой жизни, не возвращаясь къ печальному былому.

* * *

Пушкинъ проявилъ достаточно интереса къ Славянству, не уступая въ этомъ отношеніи русскимъ ученымъ современникамъ своимъ; онъ зналъ подлинную сербскую народную пѣсню, не только поддѣлки Проспера Мериме, переписалъ себѣ изъ собранія Вука Караджича одну изъ такихъ пѣсенъ; онъ привѣтствовалъ геній Мицкевича и далъ русскому читателю образцы егомузы въ своемъ переводѣ; онъ безстрашно поднялъ одну изъ важнѣйшихъ славянскихъ проблемъ, такъ много волновавшихъ славянъ западныхъ, — о славянскомъ объединеніи, о роли Россіи въ Славянствѣ. Поэтому съ полнымъ правомъ можно сказать, что идеѣ славянской взаимности, какъ понималъ ее создатель ея Янъ Колларъ, только въ годъ смерти русскаго поэта формулировавшей окончательно свои взгляды въ нѣмецкомъ разсужденіи „Ueber die litterarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slavischen Nation“ (1837 г.), Пушкинъ послужилъ убѣжденно и сознательно. Точно такъ же и Мицкевичъ въ одинаковой степени заинтересовался и сербскою пѣсней и стихотвореніями Пушкина, а въ своихъ французскихъ лекціяхъ по исторіи славянскихъ литературъ въ Collège de France онъ явилъ доказательство большого увлеченія этою областью научнаго изученія. Напрасно Колларъ высказалъ въ названномъ трактатѣ сожалѣніе, что оба поэта, и Пушкинъ и Мицкевичъ, не прониклись идеей славянской взаимности и не указали своимъ соотечественникамъ пути къ ней. Упрекъ былъ неоснователенъ и проистекалъ изъ незнакомства съ ихъ творчествомъ и идеалами.

Планы Мицкевича о служеніи идеѣ литературнаго сближенія русскихъ и поляковъ простирались далеко и рано получили весьма конкретное выраженіе. Подъ впечатлѣніемъ дружескихъ бесѣдъ о братскомъ единеніи народовъ Мицкевичъ задумываетъ въ годы изгнанія (въ 1828 г.) изданіе польскаго литературнаго журнала, подъ названіемъ „Ирида“ (Irys), одушевленный желаніемъ одинаково принести пользу какъ своимъ соотечественникамъ, такъ и русскому обществу. Мицкевичъ такъ, между прочимъ, мотивировалъ свое ходатайство: „Въ Москвѣ

издаваемый журналъ не можетъ не принимать участія въ увеличившемся богатствѣ російской литературы, въ успѣхахъ наукъ, искусствъ и художествъ, въ перемѣнахъ, которыя суть слѣдствіемъ постепеннаго хода образованія въ столь огромномъ государствѣ. Многократно повторено было непріятное замѣчаніе, что ложныя о нынѣшнемъ состояніи Россіи понятія поддерживаются донынѣ иностранными писателями, но еще непріятнѣе вспомнить, что тѣ же ложныя понятія поддерживаются донынѣ въ краяхъ, коихъ жители по сходству языка и первоначальныхъ обычаевъ столь много имѣютъ удобностей къ исправленію старыхъ или приобрѣтенію новыхъ о Россіи извѣстій“. Нельзя не усмотрѣть здѣсь отраженія тѣхъ протестующихъ голосовъ противъ ложныхъ и превратныхъ сужденій иностранцевъ о Россіи, на которыя указывали и русскіе писатели. Мицкевичъ, прежде всего, стремился способствовать сближенію обоихъ братскихъ народовъ на полѣ литературномъ, установить желанный обмѣнъ ученыхъ плодовъ и отмѣчалъ печальный фактъ взаимнаго незнанія въ этой области: „Литературы російская и польская, не смотря на столь многія и сильныя побужденія, не протянули до сихъ поръ другъ другу пріязненной руки. Богатства одной были и до сихъ поръ остаются неизвѣстными другой, и это равнодушіе едва не уничтожаетъ слѣды истиннаго сродства.“ Очевидно, поэтъ встрѣтилъ и въ близкомъ ему русскомъ писательскомъ кругу полное сочувствіе своему начинанію, если могъ заявить далѣе, что противъ этого равнодушія возставали „знаменитые російскіе и польскіе писатели“. Объ этомъ были живыя ихъ бесѣды. Достиженіе такой прекрасной цѣли было бы осуществленіемъ одного изъ идеаловъ славянской взаимности.

Оба славянскихъ поэта, какъ отмѣтилъ проф. Масарикъ (Naše Doba, 1894, 658), съ такою мощью выявили въ своемъ творствѣ національную идею, т. е. въ колларовскомъ пониманіи идею славянскую, что въ самомъ дѣлѣ они могутъ быть причислены къ тѣмъ, кто способствовалъ ея утвержденію. Оба поэта, какъ мы видѣли, мечтали объ устроеніи на идеальныхъ основахъ взаимоотношеній славянскихъ, и самое обращеніе къ этой проблемѣ, постановка и выдвигеніе вопроса не только для частичнаго рѣшенія, но и въ широкомъ его объемѣ есть ихъ безспорная заслуга въ исторіи славянской идеи.

А. Л. БЕМЪ.

„СКУПОЙ РЫЦАРЬ“ ПУШКИНА ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ ДОСТОЕВСКАГО.

(СХОЖДЕНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ)

„У насъ все вѣдь отъ Пушкина“.
Достоевскій.

I.

Во время работы надъ „Анной Карениной“ въ мартѣ 1874 года Л. Толстой писалъ П. Д. Голохвастову: „Давно ли Вы перечитывали прозу Пушкина? Сдѣлайте мнѣ дружбу — прочтите съ начала всѣ повѣсти Бѣлкина. Ихъ надо изучать и изучать каждому писателю. Я на дняхъ это сдѣлалъ и не могу Вамъ передать того благодѣтельнаго вліянія, которое имѣло на меня это чтеніе.“¹⁾ Въ томъ же году, во время мучительнаго обдумыванія плана своего будущаго романа „Подростокъ“, Достоевскій въ Эмсѣ перечитываетъ Пушкина. „Послѣ кофе утромъ я что-нибудь дѣлаю, до сихъ поръ читалъ только Пушкина и упивался восторгомъ, каждый день нахожу что-нибудь новое...“, пишетъ онъ женѣ 28/16 іюня 1874 г.²⁾ Могло ли пройти безслѣдно и для Толстого и для Достоевскаго такое вдумчивое чтеніе Пушкина, особенно въ періодъ ихъ наибольшаго творческаго напряженія? Мы думаемъ, что нѣтъ. Внимательное изученіе „Анны Карениной“ должно будетъ установить со временемъ слѣды пушкинскаго воздѣйствія на гениальное произведеніе Толстого. Изученіе „Подростка“ уже сейчасъ съ несомнѣнностью приводитъ изслѣдователя къ убѣжденію, что пушкинскіе образы владѣли художественнымъ воображеніемъ Достоевскаго въ періодъ обдумыванія и работы надъ этимъ произведеніемъ.³⁾

¹⁾ Въ неотосланномъ письмѣ къ Голохвастову отъ 30 марта 1874 г. Толстой еще опредѣленнѣе говоритъ объ этомъ впечатлѣніи на него отъ перечитыванія Пушкина: „Вы не повѣрите, что я съ восторгомъ, давно уже не испытываемымъ, читалъ это послѣднее время, послѣ Васъ — повѣсти Бѣлкина, въ седьмой разъ въ моей жизни. Писателю надо, не переставая, изучать это сокровище. На меня это новое изученіе произвело сильное дѣйствіе.“ См. Н. Гусевъ. „Толстой въ расцвѣтѣ художественнаго гения“. М. 1928, стр. 168.

²⁾ Письма Э. М. Достоевскаго къ женѣ. М. 1926 г., стр. 110.

³⁾ Въ своей работѣ „Гоголь и Пушкинъ въ творчествѣ Достоевскаго“, Slavia, т. VII, кн. I и т. VIII (печатается), я уже пытался показать, какъ въ „Подросткѣ“

„Я еще въ дѣтствѣ выучилъ наизусть монологъ „Скупого Рыцаря“ у Пушкина, — говоритъ Подростокъ, — выше этого, по идеѣ, Пушкинъ ничего не производилъ“. ¹⁾ Въ этихъ словахъ Подростка содержится не только прямое указаніе на извѣстную общность идеи „Скупого Рыцаря“ съ „идеей“, овладѣвшей его сознаниемъ, но и высокая оцѣнка самимъ Достоевскимъ идейнаго ядра драмы Пушкина. Намъ думается, что именно въ идейномъ содержаніи „Скупого Рыцаря“, а не въ совпаденіяхъ сюжетнаго характера надо искать отраженій Пушкина въ творчествѣ Достоевскаго. Внѣшнія отраженія только слѣдствіе этого болѣе глубокаго внутренняго сродства. Въ этомъ лежитъ характерная особенность Достоевскаго. Онъ глубоко проникалъ въ художественный замыселъ произведеній, чѣмъ-либо остановившихъ его вниманіе; онъ съ поразительной интуиціей вживался въ художественныя коллизіи, которыя ставились передъ нимъ въ творчествѣ другого писателя, и по своему переосмысливалъ ихъ. Для него чужое художественное творчество часто было отправной точкой собственныхъ построеній, какъ бы оселкомъ, на которомъ онъ пробовалъ свою силу.

Для насъ здѣсь становится на очередь одинъ вопросъ большой принципиальной важности. Обычно склонны утверждать большую зависимость творческаго развитія Достоевскаго отъ западныхъ писателей. Въ послѣднее время особенно сильно выдвигается именно эта точка зрѣнія. Вліяніе нѣмецкаго романтизма — Гофмана и Шиллера, вліяніе французскаго авантюрнаго романа, воздѣйствіе Гюго, Жоржъ Зандъ и Бальзака — вотъ кругъ темъ, которыми полны работы послѣднихъ лѣтъ о Достоевскомъ. ²⁾ Нельзя отрицать, что работы эти въ большинствѣ случаевъ опираются на большой фактическій матеріалъ, и многое въ нихъ весьма убѣдительно. И все же здѣсь что-то упущено, упущено то главное, безъ чего вообще нельзя понять литературнаго развитія.

скрестились вліянія „Пиковой Дамы“ и „Скупого Рыцаря“ Пушкина. Но, сосредоточивши свое вниманіе на отраженіяхъ „Пиковой Дамы“ въ творчествѣ Достоевскаго, я вынужденъ былъ въ этой работѣ тему о „Скупомъ Рыцарѣ“ оставить въ сторонѣ. Близость обѣихъ темъ вынуждаетъ меня, къ сожалѣнію, обращаться временами къ одному и тому же матеріалу. Во избѣжаніе повтореній я принужденъ отказаться отъ кое-какихъ цитатъ, уже использованныхъ въ предыдущей работѣ. Такимъ образомъ, обѣ статьи являются какъ бы дополняющими другъ друга.

¹⁾ Романъ „Подростокъ“ цитирую здѣсь и дальше по изд. „Полное собр. художеств. произв.“, Госуд. изд. М. 1927 г. т. VIII. См. стр. 77.

²⁾ См. напр. работы Л. П. Гроссмана: „Композиція въ романѣ Достоевскаго“, „Бальзакъ и Достоевскій“ (въ кн. „Творчество Достоевскаго“, М., изд. „Совр. Проблемы“ 1928 г.), В. В. Виноградова: „Изъ біографіи одного ‚неистоваго‘ произведенія (Послѣдній день приговореннаго къ смерти)“, въ книгѣ „Эволюція русскаго натурализма. Гоголь и Достоевскій“. Петерб. 1929 г., И. И. Лапшина „Красный кабачекъ“ Бальзака и „Братья Карамазовы“ Достоевскаго („Воля Россіи“ 1927 г. № 2), работа В. Комаровича о „Братьяхъ Карамазовыхъ“ („Die Brüder Karamasoff. Neue Untersuchungen u. Materialien“ въ кн. „Die Urgestalt der Brüder Karamasoff“. München, 1929). О Шиллерѣ и Достоевскомъ печатаеть работу Д. И. Чижевскій (въ Ztschr. für slav. Philol. VI, 1); о Гофманѣ см. Wolfango Giusti „Dostojevski ed il pensiero tedesco“ (Rivista d'Italia, 1926, XXIX, 5, стр. 692—718).

Я имѣю въ виду ту національную почву, на которой развивается литература, ту преемственность въ развитіи, которая неизбежно прежде всего опирается на родную почву. Какъ бы велико ни было вліяніе на формальное и идейное развитіе творчества Достоевскаго иностранных писателей, оно не можетъ идти въ сравненіе съ той силой воздѣйствія, которая оказывалась на него предшествующей русской литературой. Достоевскій прежде и раньше всего долженъ быть понять, какъ явленіе русскаго литературнаго развитія.

Самъ Достоевскій какъ нельзя лучше понималъ это. Онъ не переставалъ твердить, что „у насъ все отъ Пушкина“. Уже въ статьѣ „Г.-бовъ и вопросъ объ искусствѣ“ 1861 г. („Время“, февр. кн.) Достоевскій писалъ: „Вѣдь и мы къ современнымъ вопросамъ прошли черезъ Пушкина; вѣдь и для насъ онъ былъ началомъ всего, что теперь есть у насъ.“¹⁾ А въ замѣчательной статьѣ объ „Аннѣ Карениной“ въ „Дневникѣ писателя“ онъ прямо утверждаетъ эту преемственность въ литературномъ развитіи. „Безспорныхъ гениевъ, съ безспорнымъ ‚новымъ словомъ‘ во всей литературѣ нашей было всего только три: Ломоносовъ, Пушкинъ и частью Гоголь. Вся же плеяда эта, — говоритъ онъ о писателяхъ-современникахъ, — (и авторъ „Анны Карениной“ въ томъ числѣ) вышла прямо изъ Пушкина, одного изъ величайшихъ русскихъ людей, но далеко еще не понятаго и не растолкованнаго“. И дальше: „Вся теперешняя плеяда наша работала лишь по его указаніямъ, но ваго послѣ Пушкина ничего не сказала. Всѣ зачатки ея были въ немъ, указаны имъ. Да къ тому же она разработала лишь самую малую часть изъ указаннаго. Но зато то, что они сдѣлали, разработано ими съ такимъ богатствомъ силъ, съ такою глубиною и отчетливостью, что Пушкинъ, конечно, призналъ бы ихъ“...²⁾ Трудно съ большей ясностью высказать свое убѣжденіе въ прочной связи своей и своихъ современниковъ съ предшествующей русской литературой, въ частности съ Пушкинымъ. Всякій, кто хоть немного изучалъ литературно-критическіе взгляды Достоевскаго, отличающіеся большой цѣлостію и постоянствомъ, долженъ будетъ отнести къ этимъ показаніямъ его съ большимъ вниманіемъ.³⁾ Но и безъ этихъ прямыхъ указаній самого Достоевскаго, уже только на основѣ анализа одного его художественнаго творчества, все больше выясняется необходимость внимательнаго

¹⁾ Полн. собр. соч. 1895 г. изд. Маркса, т. IX, ч. I, стр. 86.

²⁾ Дн. пис. 1877 г. Июль—авг. Гл. II/3. Изд. Ладыжникова, стр. 316—317.

³⁾ Юр. Тыняновъ въ интересной работѣ своей „Достоевскій и Гоголь“ (П. 1921) склоненъ отрицать пушкинскую струю въ творствѣ Достоевскаго и даже взять подъ подозрѣніе правильность его собственныхъ указаній на эту связь. Для защиты этого убѣжденія ему пришлось выставить едва-ли защитимый тезисъ, что „почти вся русская литература XIX в. обходила Пушкина“ (стр. 6). Вопросы литературной преемственности нельзя свести къ одной „борьбѣ“ со старымъ, какъ это дѣлаетъ Ю. Тыняновъ („всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба“); остается въ полной силѣ и законъ дальнѣйшаго развитія и углубленія этого стараго. „Пушкинская“ и „гоголевская“ струи отнюдь не исключали другъ друга въ творствѣ Достоевскаго, а наличествовали одновременно, какъ я старался показать въ упомянутой своей работѣ.

сопоставленія не только однихъ творческихъ образовъ Достоевскаго, но и всей его проблематики съ его предшественниками въ русской литературѣ, и прежде всего съ Пушкинымъ и Гоголемъ.

Въ частности, именно это заставляетъ насъ съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ вышеприведеннымъ словамъ Подростка о „Скупомъ Рыцарѣ“: „выше этого, по идеѣ, Пушкинъ ничего не производилъ“.

2.

Тема бѣдности и связанныхъ съ нею страданій и униженій вошла и утвердилась въ творествѣ Достоевскаго, начиная съ его перваго романа — „Бѣдные люди“. На общемъ фонѣ „гуманистической“ литературы 40-ыхъ годовъ казалось, что Достоевскимъ руководили въ выборѣ этихъ темъ исключительно мотивы соціальной справедливости. Какъ-то мало замѣченнымъ осталось то, что уже съ перваго произведенія у Достоевскаго намѣчается особый мотивъ „бунта бѣдняка“, въ основѣ котораго лежитъ протестъ личности противъ несправедливости судьбы. Бѣдность воспринимается какъ нарушение права личности, какъ стѣсненіе тѣхъ возможностей, которыя въ ней заложены.

Уже Макаръ Алексѣвичъ, при всей своей робости и забитости, находится на грани бунта. „Отчего это такъ все случается, что вотъ хорошей-то человекъ въ запустѣнни находится, а къ другому кому счастье само напрашивается?“ спрашиваетъ онъ Вариньку и самъ ловитъ себя на томъ, что это „вольномудство“. И если онъ на протяжении своей переписки упорно твердитъ и убѣждаетъ Вариньку, что „во всемъ воля Божія“, что „воля то Божія непремѣнно должна быть“ и „Промыслъ Творца Небеснаго, конечно, и благъ, и неисповѣдимъ, и судьбы тоже, и они то же самое“, то за этими утвержденіями слишкомъ явно слышатся сомнѣнія, закравшіяся въ робкую душу Дѣвушкина.¹⁾ „Слишкомъ вольная мысль“ нѣтъ нѣтъ и прорвется у него, и ему приходится оправдываться въ своемъ вольномудствѣ: „эта мысль иногда бываетъ, иногда приходитъ, и тогда поневолѣ изъ сердца горячимъ словомъ выливается“.²⁾ Но не самъ Макаръ Алексѣвичъ явится настоящимъ „бунтаремъ“; онъ найдетъ свое воплощеніе въ наблюдателѣ чужого горя, Аркадіи Ивановичѣ, другѣ Васи Шумкова („Слабое сердце“), какъ я старался уже показать въ другомъ мѣстѣ, при постановкѣ вопроса объ отраженіяхъ „Пиковой Дамы“ въ творествѣ Достоевскаго.³⁾

Бунтъ противъ бѣдности только одинъ изъ частныхъ случаевъ бунтарства героевъ Достоевскаго противъ судьбы-рока, одного изъ постоянныхъ мотивовъ его романовъ-трагедій. Въ конечномъ счетѣ это

¹⁾ Ром. „Бѣдные Люди“ цитирую по „Полн. собр. худож. произв.“, изд. Госиздата, т. I. Пет. 1926. См. стр. 82 и 89.

²⁾ Т. ж., стр. 85—86.

³⁾ См. мою статью „Гоголь и Пушкинъ въ творествѣ Достоевскаго“, гл. II. Slavica, т. VIII, кн. I, стр. 84—85.

бунтъ противъ Промысла Божія, это бунтъ Ивана Карамазова съ „почтительнѣйшимъ возвращеніемъ билета“ Богу.

Въ „Скупомъ Рыцарѣ“ Пушкина мотивъ бѣдности и человѣческихъ страданій находится на заднемъ планѣ, но зато рѣзко выдвинута, благодаря отрыву этого мотива отъ вопросовъ соціального порядка, та сторона, которая особенно задѣвала художественное воображеніе Достоевскаго, а именно униженіе личности, связанное съ бѣдностью.

„... О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!...“¹⁾

Эти строки были несомнѣнно хорошо памяты и понятны Достоевскому. Бѣдные— это для него прежде всего „униженные и оскорбленные“, и сколько незабываемыхъ художественныхъ образовъ создалъ онъ, чтобы показать, какъ искажаетъ это униженіе человѣческую душу! Въ связи съ проблемою бѣдности Достоевскому особенно близка была основная идея пушкинской драмы — идея утвержденія своего могущества путемъ богатства. Если бѣдность унижаетъ человѣческую личность, то въ бунтѣ своемъ противъ этого униженія непременно разрастается убѣжденіе во власти денегъ. Деньги становятся въ представленіи бунтаря той силой, которая можетъ исправить несправедливость судьбы, можетъ возстановить случайное неравенство, созданное игрою случая. Понятно, что вопросъ о путяхъ достиженія могущества черезъ богатство долженъ былъ чрезвычайно занимать Достоевскаго. Такихъ путей было два — путь игры и путь накопленія. Они были между собою тѣсно связаны и у Пушкина и у Достоевскаго. Это видно хотя бы изъ того, какъ легко ихъ герои сбиваются съ одного пути на другой. Германъ въ „Пиковой Дамѣ“ начинается съ пути накопленія, чтобы сорваться на путь внезапнаго обогащенія, этому же соблазну подверженъ и герой „Подростка“: „... Мнѣ деньги были нужны ужасно, — говоритъ послѣдній, — и хоть это былъ и не мой путь, не моя идея, но такъ или этакъ, а я тогда все таки рѣшилъ попробовать въ видѣ опыта и этимъ путемъ.“²⁾ Мы знаемъ, что на искушеніи внезапнаго обогащенія путемъ игры построенъ и „Игрокъ“ Достоевскаго, связанный также съ мотивами пушкинской „Пиковой Дамы“.³⁾

Былъ еще другой путь внезапнаго обогащенія — путь преступленія. Онъ также намѣченъ былъ Пушкинымъ въ образѣ Германа, рѣшившаго силой вывѣдать тайну трехъ картъ у старухи графини, и затѣмъ былъ своеобразно переосмысленъ и углубленъ Достоевскимъ въ „Преступленіи и Наказаніи“. Оставался еще путь медленнаго накопленія; онъ ставилъ передъ Достоевскимъ во всемъ объемѣ проблему скупости.

¹⁾ „Скупого Рыцаря“ всюду цитирую безъ указанія страницъ по изданію Брокгауза п. р. Венгерова, т. III (1909 г.), стр. 110—117.

²⁾ „Подростка“ здѣсь и дальше цитирую по „Полн. собр. худож. произв.“, изд. Госиздата, т. VIII, Пет. 1927. См. стр. 239.

³⁾ См. мою работу „Гоголь и Пушкинъ въ творчествѣ Достоевскаго“, Slavia, т. VIII, кн. 2.

3.

Въ „Петербургскихъ сновидѣнїяхъ въ стихахъ и прозѣ“ 1861 г., отражающихъ творческіе сны Достоевскаго перваго періода его литературной дѣятельности, есть исключительно цѣнный для насъ сюжетъ неосуществленнаго произведенія о скупцѣ Соловьевѣ. Сюжетъ этотъ, осложненный образомъ „чиновника, возомнившего себя Гарибальди“, легъ въ основу разсказа „Господинъ Прохарчинъ“.¹⁾

Подъ вліяніемъ случайной встрѣчи страннаго старика на Невскомъ у Гостиного Двора въ мечтателѣ и фантастѣ, какимъ себя рисуетъ Достоевскій въ этомъ фельетонѣ, оживаетъ образъ отставнаго титулярнаго совѣтника Соловьева, надъ судьбой котораго онъ задумался послѣ прочтенія о немъ газетной замѣтки. Соловьевъ умеръ „на ломотьяхъ, посреди отвратительной и грязной бѣдности“, оставивъ послѣ себя спрятанными 169.022 р. с. кредитными билетами и наличными деньгами. Какъ разъ, когда Достоевскій раздумывалъ объ этомъ происшествіи, онъ увидѣлъ странную фигуру какого-то старика. „Фигура, скользнувшая передо мною, была въ шинели на ватѣ, старой и изношенной, которая непремѣнно служила хозяину вмѣсто одѣяла ночью, что видно было даже съ перваго взгляда. Исковерканная шляпа съ обломанными полями сбивалась на затылокъ. Ключки сѣдыхъ волосъ выбивались изъ подъ нея и падали на воротникъ шинели. Старичекъ подпирался палкой. Онъ жевалъ губами и, глядя въ землю, торопился куда-то, вѣроятно, къ себѣ домой. Дворникъ, сгребавшій съ тротуара снѣгъ, нарочно подбросилъ прямо на его ногу цѣлую лопату; но старичекъ этого даже и не замѣтилъ. Поровнявшись со мной, онъ взглянулъ на меня и мигнулъ мнѣ глазомъ, умершимъ глазомъ, безъ свѣта и силы, точно предо мной приподняли вѣко у мертвеца, и я тотчасъ догадался, что это тотъ самый Гарпагонъ, который умеръ съ полмилліономъ на своихъ ветошкахъ и ходилъ въ Максимиліановскую лѣчебницу. И вотъ (у меня воображеніе быстрое) передо мною нарисовался вдругъ образъ, очень похожій на пушкинскаго скупого рыцаря. Мнѣ вдругъ показалось, что мой Соловьевъ лицо колоссальное.“²⁾

Не трудно замѣтить, что образъ Соловьева въ этомъ отрывкѣ носить столь намъ знакомыя черты гоголевскаго Акакія Акакіевича и Плюшкина. Но не случайно Достоевскій вспоминаетъ въ связи съ нимъ и пушкинскаго Скупого рыцаря, ибо въ своемъ объясненіи этого образа онъ прямо примыкаетъ къ пушкинскому истолкованію скупости-страсти. Гарпагонъ и Плюшкинъ отгѣсняются въ сознаніи Достоевскаго „колоссальнымъ“ образомъ Скупого рыцаря, которымъ овладѣла страсть утвержденія своего могущества путемъ богатства.

Въ этомъ смыслѣ Достоевскій дальше и истолковываетъ образъ своего Соловьева. „Онъ ушелъ отъ свѣта и удалился отъ всѣхъ со-

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе см. въ упомянутой моей работѣ.

²⁾ „Петербургскія сновидѣнїя въ стихахъ и прозѣ“ здѣсь и дальше цитирую по „Полн. собр. соч.“, изд. „Просвѣщеніе“, т. XXII. См. стр. 187—188.

блзновъ его къ себѣ за ширмы. Что ему во всемъ этомъ пустомъ блескѣ, во всей этой нашей роскоши? Къ чему покой и комфортъ? Что ему за дѣло до этихъ лицъ, до этихъ лакеевъ, сидящихъ на каретахъ, до этихъ господъ и госпожъ, сидящихъ внутри каретъ, до этихъ господъ, бредущихъ пѣшкомъ, до этихъ очаровательныхъ молодыхъ людей, на лицахъ которыхъ написана ненасытная жажда камелій и рублей серебромъ?... Что ему за дѣло до этихъ камелій, Миннъ и Армансъ? Нѣтъ, ничего ему не надо, у него все это есть, — тамъ, подъ его подушкой, на которой наволочка еще съ прошлаго года. Пусть съ прошлаго года: онъ свистнетъ, и къ нему послушно приползетъ все, что ему надо. Онъ захочетъ, и многія лица осчастливятъ его внимательной улыбкой. Вотъ вино — оно бы согрѣло его кровь; оно бы помогло ему, и даже недорогое вино... Не надо никакого. Онъ выше всѣхъ желаній...¹⁾ Но тутъ Достоевскій вдругъ спохватывается и добавляетъ: „Но когда я фантазировалъ такимъ образомъ, мнѣ показалось, что я хватилъ не туда, что я обкрадываю Пушкина, и дѣло происходило совсѣмъ другимъ образомъ.“²⁾ Достоевскій былъ правъ — въ своемъ первомъ истолкованіи образа Соловьева онъ настолько приближался къ монологу Скупого рыцаря, что его можно было заподозрить въ „обкрадываніи“ Пушкина. Временами онъ доходилъ почти до буквального повторенія пушкинскихъ строкъ. „Онъ свистнетъ, и къ нему послушно приползетъ все, что ему надо“ до очевидности близко къ пушкинскому тексту:

„Я свистну — и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство...“

„Онъ выше всѣхъ желаній“ простое повтореніе знаменитаго мѣста монолога барона:

„Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...“

Ширма, за которую удалился Соловьевъ „отъ свѣта и всѣхъ его соблазновъ“, замѣнила собою погребъ барона, равно какъ подушка съ грязной наволокой заняла мѣсто баронскихъ сундуковъ.

Совершенно очевидно, что Достоевскій сознательно такъ вплотную подошелъ къ пушкинскому сюжету, чтобы этимъ рѣзче отдѣлать потомъ свое пониманіе скупости. Это свое пониманіе ведетъ насъ къ разказу „Господинъ Прохарчинъ“.

4.

Мнѣ придется сдѣлать небольшое отступленіе въ сторону отъ моей прямой темы для того, чтобы потомъ связь разказа „Господинъ Прохарчинъ“ съ пушкинскимъ „Скупымъ Рыцаремъ“ стала яснѣе. Дѣло

¹⁾ Упом. изд., стр. 188—189.

²⁾ Т. ж., стр. 189. Подчеркнуто здѣсь и выше мною.

въ томъ, что изъ раннихъ произведеній Достоевскаго „Господинъ Прохарчинъ“ до сихъ поръ остается мало разъясненнымъ и понятнымъ въ общей системѣ творчества Достоевскаго. Недавняя попытка біографическаго истолкованія этой повѣсти, сдѣланная К. Истоминымъ въ его интересной работѣ „Изъ жизни и творчества Достоевскаго въ молодости“, хотя и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на обстановку зарожденія этого произведенія, но все же, оставаясь исключительно въ сферѣ объясненій характера психологическаго, не даетъ ключа къ разъясненію идейнаго замысла Достоевскаго.¹⁾

Въ литературѣ о Достоевскомъ считается утраченной незаконченная имъ „Повѣсть объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ“, которую Достоевскій вмѣстѣ съ недошедшими „Сбритыми бакенбардами“ писалъ въ 1846 г. для предполагавшагося Бѣлинскимъ альманаха. Въ письмѣ отъ 1 апр. 1846 г. Достоевскій пишетъ брату Михаилу Михайловичу: Бѣлинскій „для поддержанія финансовъ издаетъ исполинской толщины альманахъ (въ 60 печат. листовъ). Я ему пишу двѣ повѣсти: 1-я) Сбритые бакенбарды, 2-я) Повѣсть объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ, обѣ съ потрясающимъ трагическимъ интересомъ и — уже, отвѣчаю — сжатые до нельзя. Публика ждетъ моего съ нетерпѣніемъ. Обѣ повѣсти небольшія. Кромѣ того, что нибудь Краевскому и [большой] романъ Некрасову. Все это займетъ меня годъ. Сбритые бакенбарды я кончаю.“²⁾

Надъ послѣднимъ произведеніемъ Достоевскій продолжалъ упорно работать и послѣ крушенія замысла Бѣлинскаго съ изданіемъ альманаха, предполагая помѣстить эту повѣсть либо въ „Современникъ“, либо въ „Отечественныхъ Запискахъ“.³⁾ Только осенью того же года онъ окончательно бросаетъ работу надъ этой повѣстью. „Я не пишу и Сбритыхъ Бакенбардъ“, пишетъ онъ въ октябрѣ того же года брату.⁴⁾ Весьма показательно, что, такъ часто возвращаясь въ письмахъ своихъ къ темѣ повѣсти „Сбритые бакенбарды“,⁵⁾ Достоевскій только единственный разъ упомянулъ о „Повѣсти объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ“. Не объясняется ли это тѣмъ обстоятельствомъ, что сюжетъ этотъ онъ использовалъ для другого произведенія, обѣщаннаго Краевскому? Если внимательно вчитаться въ рассказъ „Господинъ

---

¹⁾ К. Истоминъ видитъ біографическую основу „Господина Прохарчина“ въ томъ состояніи душевной депрессіи, которая создалась у Достоевскаго подъ влияніемъ неудачи его „Двойника“. „Неподвижная идея“ Прохарчина и „сочувствователи“, которые продѣлываютъ разныя шуточки надъ своимъ соквартирантомъ, не понимая его болѣзни, — стыдливо-робкій отвѣтъ молодого автора на крылатыя слова своихъ бывшихъ литературныхъ друзей“, говоритъ К. Истоминъ. См. сборн. „Творческій путь Достоевскаго“ п. р. Н. Бродскаго, П. 1924, стр. 27.

²⁾ „Письма“ подъ ред. А. С. Долинина, Гос. Изд. Т. I (Пет. 1928), стр. 89. Въ дальнѣйшемъ всюду письма цитирую по этому изданію съ указаніемъ: Письма, т. I и стр. Подчеркнуто Достоевскимъ.

³⁾ См. письмо отъ 17 окт. 1846 г. Т. ж., стр. 99.

⁴⁾ Т. ж., стр. 100. Подч. Достоевскимъ.

⁵⁾ См. Письма, т. I, стр. 95, 98, 99, 100.

Прохарчинъ“, то не трудно убѣдиться, что слѣды неосуществленнаго сюжета „объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ“ въ немъ сохранились и играютъ существенную роль для пониманія „трагическаго“ конца этой повѣсти.

Но это требуетъ отъ насъ уясненія идейнаго содержанія „Господина Прохарчина“, во многомъ загадочнаго и неразъясненнаго.

Что приводитъ Прохарчина къ трагическому концу? Сжато смыслъ его трагедіи можно бы передать формулой: „трагедія совѣсти робкаго человека“. Достоевскій самъ не разъ на протяженіи своего повѣствованія пользуется указаніемъ, что г. Прохарчинъ „оробѣлъ“, и эта робость привела къ необычайному для него поступку — бѣгству изъ-за своей ширмы и столкновенію съ жизнью. А это, какъ извѣстно, и вызвало затѣмъ трагическія для него послѣдствія. Г. Прохарчинъ, прожившій тихо и скромно пятнадцать лѣтъ за ширмами у одной и той же хозяйки, обезпечившій себя отъ всякихъ превратностей судьбы скопленнымъ солиднымъ капиталомъ, который онъ хранилъ въ своемъ таинственномъ сундучкѣ, вдругъ „заболѣлся“ и „оробѣлъ“ подъ вліяніемъ разговоровъ новыхъ своихъ соквартирантовъ о неустойчивости человѣческаго благополучія. А все его благополучіе было связано съ узкимъ кругомъ его сферы дѣятельности, съ канцеляріей. И вотъ одна мысль, что „начальство“ можетъ оказаться имъ недовольнымъ, одна эта мысль приводитъ его къ роковому шагу. „Наконецъ, никто уже болѣе не сталъ сомнѣваться въ фантастическомъ направленіи головы Семена Ивановича, когда, въ одно прекрасное утро, пронесся по канцеляріи слухъ, что господинъ Прохарчинъ испугалъ даже самого Демида Васильевича, ибо, встрѣтивъ его въ коридорѣ, былъ такъ чудень и странень, что принудилъ его отступить... Проступокъ Семена Ивановича дошелъ, наконецъ, до него самого. Услышавъ о немъ, онъ немедленно всталъ, бережно прошелъ между столами и стульями, достигъ передней, собственноручно снялъ шинель, надѣлъ, вышелъ — и исчезъ на неопредѣленное время. Оробѣлъ-ли онъ, влекло-ль его что другое — не знаемъ, но ни дома, ни въ канцеляріи на время его не нашлось...“¹⁾ И тутъ въ бредовыя фантазіи г. Прохарчина вплетаются отрывки идей, лежавшихъ въ основѣ повѣсти „объ утраченныхъ канцеляріяхъ“. Среди давившихъ сознание больного Прохарчина образовъ несчастій, готовыхъ свалиться на его побѣдную головушку, центральное мѣсто занимаетъ страхъ „закрытія канцеляріи“. Этотъ образъ стоитъ въ тѣсной связи съ идеей „своего мѣста“, которая играла такую роль въ путанномъ воображеніи г. Голядкина.²⁾ Въ спорѣ Марка Ивановича съ Прохарчинымъ, гдѣ первый беретъ подъ сомнѣнье даже право г. Прохарчина на боязнь, имѣется слѣдующее важное для насъ мѣсто:

¹⁾ Полн. собр. худ. произв. Гос. изд. Пет. 1926, т. I, стр. 255.

²⁾ См. объ этомъ въ упом. моей работѣ, ч. I: „Носъ“ и „Двойникъ“, журн. „Slavia“, т. VII, кн. I.

— „Ты, ты, ты глупъ! — бормоталь Семень Ивановичъ: — носъ отъѣдятъ, самъ съ хлѣбомъ съѣшь, не замѣтишь...¹⁾

— Каблукъ, пусть каблукъ, — кричалъ Маркъ Ивановичъ, не вслушавшись:²⁾ — каблукочный я человекъ, пожалуй. Да вѣдь мнѣ не экзамень держать, не жениться, не танцамъ учиться; подо мной, сударь, мѣсто не сломится. Что, батюшка? Такъ вамъ и мѣста широкаго нѣтъ? Полъ тамъ подъ вами провалится, что ли?

— А что? тебя что ли спросятъ? Закроютъ, и нѣтъ.

— Нѣтъ. Что закроютъ?! Что тамъ еще у васъ, а?

— А вотъ пьянчужку ссадили...

— Ссадили; да вѣдь то же пьянчужка, а вы да я человекъ!

— Ну, человекъ. А она стоитъ, да и нѣтъ...

— Нѣтъ! Да кто она-то?

— Да она, канцелярія... кан-це-ля-рія!!!

— Да, блаженный вы человекъ! да вѣдь она нужна, канцелярія-то...

— Она нужна, слышь ты; и сегодня нужна, завтра нужна, а вотъ послѣзавтра какъ-нибудь тамъ и не нужна. Вотъ, слышалъ исторію...³⁾

И вотъ эта недосказанная исторія и есть недошедшая до насъ повѣсть объ „уничтоженныхъ канцеляріяхъ“. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и дальше въ репликахъ Семена Ивановича „уничтоженное мѣсто“ снова всплываетъ: „... А я не по шуткамъ твоимъ говорю; а оно мѣсто такое есть, что возметъ да и уничтожается мѣсто. И Демидъ, слышь ты, Демидъ Васильевичъ говорить, что уничтожается мѣсто...“⁴⁾

Но въ трагическомъ концѣ Прохарчина играетъ роль не только гнѣть боязни за свое существованіе, подверженное—вопреки двадцатилѣтнему упорному копленію денегъ и отказу себѣ во всемъ—всякимъ случайностямъ, но и пробужденіе въ немъ при непосредственномъ столкновеніи съ подлинной жизнью чувства своей виноватости и отвѣтственности за чужое подлинное человеческое горе и страданія.

5.

Уже въ навязчивыхъ идеяхъ г. Голядкина чувство свой виновности и мотивы проснувшейся совѣсти играютъ довольно значительную, хотя и внѣшне мало выявленную роль. Въ бредовыхъ фантазіяхъ Прохарчина эти мотивы занимаютъ уже преобладающее мѣсто. Среди образовъ, преслѣдующихъ его въ болѣзненномъ бреду, выдѣляется „лысый человекъ“, у котораго на рукахъ семеро дѣтей малъ мала меньше. Онъ стоитъ на лѣстницѣ, считаетъ свои рубли, полученные по службѣ,

¹⁾ Въ этихъ словахъ г. Прохарчина содержится осколокъ сюжета гоголевскаго „Носа“.

²⁾ Ослышка Марка Ивановича построена на игрѣ риемой: „ты, ты глупъ“— „каблукъ“.

³⁾ Упом. изд., стр. 265.

⁴⁾ Т. ж., стр., 266. Подчеркнуто здѣсь и выше мною.

и, тряхнувъ головою, говоритъ г. Прохарчину: „денежки-съ!“ „Ихъ не будетъ и каши не будетъ-съ“, сурово прибавляетъ онъ, сходя съ лѣстницы, и уже на крыльцѣ заключаетъ: „а у меня, сударь, семеро-съ“. Тутъ пока еще бредъ г. Прохарчина связанъ съ навязчивой идеей крушенія своего благополучія, но дальше онъ вдругъ начинаетъ чувствовать свою виновность за тяжелую жизнь „лысаго человѣчка“. Послѣдній „съ негодованіемъ взглянувъ на Семена Ивановича, какъ будто-бы именно господинъ Прохарчинъ виноватъ былъ въ томъ, что у него цѣлыхъ семеро, нахлобучилъ на глаза свою шляпенку, тряхнулъ шинелью, поворотилъ налѣво и скрылся. Семень Ивановичъ весьма испугался, и хотя былъ совершенно увѣренъ въ невинности своей насчетъ непріятнаго стеченія числа семерыхъ подъ одну кровлю, но на дѣлѣ какъ будто-бы именно такъ выходило, что виноватъ никто другой, какъ Семень Ивановичъ. Испугавшись, онъ принялся бѣжать, ибо показалось ему, что лысый господинъ воротился, догоняетъ его и хочетъ, обшаривъ, отнять все возмездіе, опираясь на свое неотъемлемое число семерыхъ и рѣшительно отрицая всякое возможное отношеніе какихъ-бы то ни было золовокъ къ Семену Ивановичу. Господинъ Прохарчинъ бѣжалъ, бѣжалъ, задыхался...“¹⁾ Еще цѣлый рядъ навязчивыхъ образовъ преслѣдуетъ г. Прохарчина. „Наконецъ, господинъ Прохарчинъ почувствовалъ, что на него начинается нападать ужасъ; ибо видѣлъ ясно, что все это какъ будто не просто теперь дѣлается и что даромъ ему не пройдетъ. И дѣйствительно, тутъ же недалеко отъ него взмогилъ на дрова какой-то мужикъ, въ разорванномъ, ничѣмъ неподпоясанномъ армякѣ, съ опаленными волосами и бородой, и началъ подымать весь Божій народъ на Семена Ивановича. Толпа густѣла — густѣла, мужикъ кричалъ, и, цѣпенѣя отъ ужаса, господинъ Прохарчинъ вдругъ припомнилъ, что мужикъ — тотъ самый извозчикъ, котораго онъ ровно пять лѣтъ назадъ надулъ безчеловѣчнѣйшимъ образомъ, скользнувъ отъ него до расплаты въ сквозныя ворота и подбирая подъ себя на-бѣгу свои пятки такъ, какъ будто-бы бѣжалъ босикомъ по раскаленной плитѣ. Отчаянный господинъ Прохарчинъ хотѣлъ говорить, кричать, но голосъ его замиралъ. Онъ чувствовалъ, какъ вся разъяренная толпа обвиваетъ его подобно пестрому змѣю, давить, душить. Онъ сдѣлалъ невѣроятное усиліе и — проснулся.“²⁾

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бредовое сознаніе Прохарчина заполнено образами прошлаго, и что это прошлое гнететъ его. Проснувшаяся совѣсть вызвала въ его памяти образъ жертвы его „безчеловѣчнаго“ обмана и потянула за собою цѣлую вереницу другихъ образовъ. Теперь, подъ вліяніемъ ужаса передъ шаткостью и невѣрностью человѣческой судьбы, у него открылись глаза, и онъ увидѣлъ

¹⁾ Упом. изд., стр. 259—260.

²⁾ Т. ж., стр. 261. Проф. И. И. Лапшинъ въ преніяхъ по моему докладу на настоящую тему въ Семинаріи по изученію Достоевскаго при Русскомъ Народномъ Университетѣ въ Прагѣ высказалъ предположеніе о возможномъ вліяніи сна пушкинскаго Гробовщика на содержаніе бреда Прохарчина.

жизнь — въ ея неприкрашенной дѣйствительности. Это былъ одновременно и бунтъ бѣдняка, недаромъ товарищъ его походненій „пьянчужка“ Зимовейкинъ призываетъ его „смириться“, и метанія осознавашаго свою вину человѣка. Обманутый имъ пять лѣтъ назадъ извозчикъ сталъ во главѣ взбунтовавшихся призраковъ прошлаго.

Но объ этомъ прошломъ г. Прохарчина намъ почти ничего не извѣстно. О немъ мы можемъ лишь догадываться на основаніи второго истолкованія Достоевскимъ исторіи Соловьева, которое онъ далъ намъ, стараясь преодолѣть вліяніе образа пушкинскаго Скупого рыцаря. Вотъ какъ изложена эта вторая, анти-пушкинская версія „скупого чиновника“.

„Нѣтъ, это было вѣрно не такъ“, — пишетъ Достоевскій, мѣняя свой сюжетъ, боясь „обокрасть“ Пушкина. „Лѣтъ шестьдесятъ назадъ Соловьевъ вѣрно гдѣ-нибудь служилъ; былъ молодецъ, юнъ, лѣтъ двадцати. Можетъ быть и онъ тоже имѣлъ увлеченія, развѣзжалъ на извозчикахъ, зналъ какую-нибудь Лизу и ходилъ въ театръ смотрѣть „Жизнь игрока“. Но вдругъ съ нимъ что-нибудь случилось такое, какъ-будто подталкивающее подъ локоть, — одно изъ тѣхъ происшествій, которыя въ одинъ мигъ измѣняютъ всего человѣка, такъ что онъ даже самъ того не замѣтитъ. Можетъ-быть съ нимъ была какая-нибудь минута, когда онъ вдругъ какъ-будто во что-то прозрѣлъ и заробѣлъ передъ чѣмъ-то. И вотъ, Акакій Акакіевичъ копить гроши на куницу, а онъ откладываетъ изъ жалованья и копить, копить на черныи день, неизвѣстно на что, но только не на куницу. Онъ иногда и дрожитъ, и боится, и закутывается воротникомъ шинели, когда идетъ по улицамъ, чтобъ не испугаться кого-нибудь, и вообще смотритъ такъ, какъ-будто его сейчасъ распекли. Проходятъ годы, и вотъ онъ пускаетъ съ успѣхомъ гроши свои въ ростъ, по мелочамъ, чиновникамъ и кухаркамъ, подъ вѣрнѣйшіе заклады. Копится сумма, а онъ робѣетъ и робѣетъ все больше и больше. Проходятъ десятки лѣтъ. У него уже таятъ заклады тысячные и десятитысячные. Онъ молчитъ и копить, все копить. И сладостно, и страшно ему, и страхъ все больше и больше томить его сердце, до того, что онъ вдругъ осуществляетъ свои капиталы и скрывается въ какой-то бѣдный уголь. Онъ держалъ было у себя, въ заплѣсневѣлой квартирѣ своей, со стѣнами подъ желтой краской, кухарку и кошку; кухарка была глупа, но честная отъ глупости. А онъ все бранилъ и корилъ; ѣлъ картофель, пилъ цикорій и поилъ имъ и кухарку, безотвѣтную и послушную. Мясо покупалъ онъ только для кошки, въ мѣсяцъ по фунту, и она отъ этого страшно мяукала, и когда мяукала и жалобно смотрѣла въ его глаза, прося говядинки, и терлась около него, поднявъ хвостъ строкою, онъ гладилъ ее, называлъ ее Машей, а говядинки все-таки не давалъ... Но околѣла кошка, за кухаркой прислалъ мужъ изъ деревни... Старичекъ остался одинъ, осмотрѣлся, пожевалъ губами и продалъ за два гроша на толкучій свои три провалившіеся стула, ломберный столъ, съ котораго онъ уже давно придумалъ содрать сукно, чтобъ употребить его на внутреннюю подкладку халата, но не употребилъ, а пожевавъ губами, бережно сложилъ и спряталъ въ свой уголь.

Продать онъ и часы и отправился проживать по угламъ. По угламъ, за ширмами онъ спалъ, ѣлъ картофель, уменьшая каждый день его количество, трепеталъ и боялся, не доплачивалъ денегъ и, не заплативъ, переѣзжалъ въ другіе углы, чтобъ не заплатить потомъ и тамъ.“¹⁾

Такъ, отступая въ деталяхъ, исторія Соловьева непосредственно примыкаетъ къ повѣсти „Господинъ Прохарчинъ“, давая ключъ къ пониманію ея идейно-художественнаго смысла. Но мы не должны забывать, что вторая версія исторіи Соловьева создавалась Достоевскимъ въ желаніи дать свое, отличное отъ Пушкина, истолкованіе скупости-страсти. И вся оригинальность этого истолкованія лежитъ въ томъ, что „скупой чиновникъ“ въ отличіе отъ „скупого рыцаря“ не жаждетъ утвержденія своего могущества, а боится потерять и то скромное мѣсто подъ луной, которое ему дано превратной судьбой. Не „рыцарское“ чувство чести, пусть исковерканное и искаженное скупостью, а неотступная боязнь невѣрности и тщеты человѣческаго существованія легли въ основаніе трагедіи скупости у Достоевскаго.

Но Достоевскому все-же, какъ онъ ни стремился къ этому, не удалось вполне отойти отъ пушкинскаго „Скупого Рыцаря“ и въ этомъ, второмъ своемъ истолкованіи исторіи Соловьева. Преодолевъ такъ оригинально основную идею Пушкина, онъ невольно выдвинулъ впередъ побочные мотивы его драмы.

Уже въ описаніи чувства скупца Достоевскій почти текстуально совпадаетъ съ Пушкинымъ. „Онъ молчитъ и копить, все копить“, — говоритъ Достоевскій о Соловьевѣ. „И сладко, и страшно ему, и страхъ все больше и больше томить его сердце, до того, что онъ вдругъ осуществляетъ свои капиталы и скрывается въ какой-то бѣдный уголь“.²⁾ Это же двойное чувство страха и пріятности испытываетъ и баронъ передъ своими сундуками :

„Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ...“

Мысль о невѣрности достигнутаго благополучія, сыгравшая такую роковую роль для г. Прохарчина, дана уже у Пушкина. Она ярко выражена въ той части монолога, гдѣ баронъ думаетъ о судьбѣ выстрадавшаго имъ богатства. Непрочна его „держава“ :

„... Но кто вослѣдъ за мной
Пріметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой,
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ.
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,

¹⁾ „Петербургскія сновидѣнія въ стихахъ и прозѣ“, упом. изд., стр. 189—190.

²⁾ Уп. изд., стр. 189—190. Подч. мною.

Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопреть,
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы...“

Такъ омрачено горделивое сознание скупого рыцаря въ ожидании неизбывнаго крушенія своего выстраданнаго богатства.

Страхами за судьбу своихъ капиталовъ полна и душа г. Прохарчина. У него „былъ одинъ сундучекъ. Сундукъ этотъ стоялъ у него подъ кроватью и оберегаемъ былъ какъ зѣница ока“... Его соквартиранты слышали разъ, „какъ онъ, не довольствуясь своимъ старымъ, но довольно крѣпкимъ замкомъ, поговаривалъ завести другой, какой-то особенный нѣмецкой работы, съ разными затѣями и съ потайной пружиной“.¹⁾ Хотя этотъ нѣмецкій замокъ и былъ приобрѣтенъ, но содержимое сундука, очевидно, перешло для вящей безопасности въ тюфякъ. И въ запутанномъ спорѣ своемъ съ Маркомъ Ивановичемъ Прохарчинъ выдвигаетъ однимъ изъ доводовъ невѣрности человѣческаго благополучія мотивъ воровства: „воры придутъ, деньги возьмутъ“.²⁾ Безсмысленно кончаются жертвы Соловьева: „Для чего ему была жизнь? И предчувствовалъ ли онъ, что всѣ его полмилліона поступать на храненіе въ управу благочинія?“³⁾ безсмысленно погибли и усилія-жертвы г. Прохарчина. То, чего такъ опасался Скупой рыцарь, на яву пережилъ скупой чиновникъ. „Ключъ отъ сундука“ былъ преступной рукой пьянчужки Зимовейкина вытащенъ изъ кармана на-смерть испуганнаго Прохарчина, и его угасавшіе взоры были свидѣтелями того, какъ воры добрались до его сокровенныхъ денегъ.

Въ связи съ переосмысленіемъ трагедіи скупости, у Достоевскаго на первый планъ оказался выдвинутымъ побочный мотивъ пушкинской драмы. Мотивъ этотъ — муки совѣсти. Не прошли безслѣдно для Достоевскаго исключительныя по силѣ выразительности строки монолога барона:

„ . . . . . совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Займодавецъ грубый, эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...“

Г. Прохарчину, заболѣвшему такъ неожиданно болѣзнью совѣсти, могилы выслали своихъ мертвецовъ. И то, что баронъ только съ чувствомъ своеобразнаго наслажденія припоминалъ, перебирая свои сокровища, превращается въ бреду Прохарчина въ страшные мстительные образы. И лысый человѣчекъ съ семью дѣтьми, и старикъ съ геморoidalнымъ лицомъ, и баба съ костылемъ и, наконецъ, обманутый

¹⁾ Уп. изд., стр. 252.

²⁾ Т. ж., стр. 266.

³⁾ Уп. изд., стр. 191.

имъ мужикъ-извозчикъ— всѣ они возстали противъ несчастнаго г. Прохарчина. Въ своеобразномъ преломленіи осуществляютъ слова Скупого рыцаря :

, Да, если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бѣ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ“...

Г. Прохарчинъ не выдержалъ двойнаго испытанія, обрушившагося на его слабую голову: страха за свое существованіе и проснувашагося сознанія своей виновности. Онъ оказался при этомъ безъ вины виновать, ибо его преступленія были всѣ вродѣ обмана мужика-извозчика. Но эти преступленія выросли въ его сознаніи до огромныхъ размѣровъ, сдѣлавъ его виноватымъ за всѣ страданія униженныхъ и оскорбленныхъ. Не потому ли, что онъ прошелъ мимо чужаго страданія, спасаясь своею скупостью отъ возможнаго крушенія своего личнаго благополучія? Не потому ли, что въ отъединеніи чловѣка отъ „живой жизни“ со всѣми ея горестями и печальми уже скрыто преступленіе?

Достоевскій въ своихъ размышленіяхъ надъ скупостью подъ вліяніемъ „Скупого Рыцаря“ Пушкина далъ свое истолкованіе трагедіи скупого-чиновника, связавъ это истолкованіе съ кругомъ собственныхъ идей, еще только складывавшихся въ его художественномъ сознаніи. При этомъ онъ не могъ все же, какъ мы старались это показать, вполне освободиться отъ воздѣйствія на своего „Господина Прохарчина“ пушкинскихъ образовъ.

7.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Достоевскій съ особенной углубленностью вдумывается въ Пушкина. Его публицистическая и критическая дѣятельность заставляетъ его то и дѣло обращаться къ вопросу о значеніи Пушкина въ русской литературѣ и давать свою оцѣнку его творчеству.

Уже въ 1861 г. Достоевскій съ большой четкостью формулируетъ основныя положенія своей будущей пушкинской рѣчи. Въ анонимной статьѣ 1861 г. „Свистокъ“ и „Русскій Вѣстникъ“, напечатанной въ VI кн. „Времени“, Достоевскій пишетъ: „...Вы спрашиваете: „что такое русская литература?“ и отвѣчаетъ: „Она началась самостоятельно съ Пушкина. Возьмите только одно въ Пушкинѣ, только одну его особенность, не говоря о другихъ: способность всемірности, всечловѣчности, всеотклика. Онъ усваиваетъ всѣ литературы міра, онъ понимаетъ всякую изъ нихъ до того, что отражаетъ ее въ своей поэзіи, но такъ, что самый духъ, самыя сокровеннѣйшія тайны чужихъ особенностей переходятъ въ его поэзію, какъ бы онъ самъ былъ англичанинъ, испанецъ, мусульманинъ или гражданинъ древняго міра. Подражатель, — скажутъ намъ, — отсутствіе собственной мысли. Но вѣдь такъ не подражаютъ. Онъ является вездѣ en maître, такъ подражать, значить творить самому, не подражать,

а продолжать. Неужели такое явление кажется вамъ несамостоятельнымъ, ничтожнымъ, ничѣмъ? Въ какой литературѣ, начиная съ созданія міра, найдете вы такую особенность всепониманія, такое свидѣтельство о всечеловѣчности и, главное, въ такой высочайшей художественной формѣ? Это то и есть, можетъ быть, главнѣйшая особенность русской мысли; она есть и въ другихъ народностяхъ, но въ высочайшей степени выражается только въ русской, и въ Пушкинѣ она выразилась слишкомъ законченно, слишкомъ цѣльно, чтобъ ей не повѣрить.“¹⁾ Пушкинскому дару перевоплощенія отдаетъ Достоевскій дань восторга и въ своей замѣчательной оцѣнкѣ „Египетскихъ Ночей“ Пушкина, этого „самаго полнаго, самаго законченнаго произведенія нашей поэзіи“.²⁾ Отраженіе этой высокой оцѣнки попадаетъ позже (1863 г.) и на страницы „Зимнихъ замѣтокъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“ въ слѣдующихъ словахъ о Пушкинѣ: „А ужъ Пушкинъ ли не русскій былъ человекъ! Онъ, баричъ, Пугачева угадалъ и въ пугачевскую душу проникъ, да еще тогда, когда никто ни во что не проникалъ. Онъ, аристократъ, Бѣлкина въ своей душѣ заключалъ. Онъ художнической силой отъ своей среды отрѣшился и съ точки народнаго духа ее въ Онѣгинѣ великимъ судомъ судилъ. Вѣдь это пророкъ и провозвѣстникъ“.³⁾

Воскрешая въ своей памяти образы, въ которыхъ такъ гениально сказался этотъ даръ перевоплощенія Пушкина, Достоевскій, конечно, вспоминалъ и „Скупого Рыцаря“. Въ 1863 г., когда набрасывались первыя записи „на клочкахъ бумаги“ плана „Игрока“, Достоевскій пишетъ Н. Н. Страхову, характеризуя героя этого произведенія: „онъ, — игрокъ, и не простой игрокъ, также какъ скупой рыцарь Пушкина не простой скупецъ“.⁴⁾

Возможно, что слова Альбера :

„... пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышъ,
Рожденную въ подпольѣ“...

своеобразно преломились въ творческомъ сознаніи Достоевскаго, когда онъ обдумывалъ и писалъ свои замѣчательныя „Записки изъ подполья“ (1864 г.). За это говоритъ отчасти тематическая близость этого произведенія съ „Подросткомъ“, больше всего связаннымъ со „Скупымъ Рыцаремъ“. Но это, конечно, догадка, для доказательства которой мы не обладаемъ пока достаточнымъ объективнымъ матеріаломъ. Когда позже, въ 1865—66 гг. Достоевскій снова вернулся къ своему „Игроку“,

¹⁾ Полн. собр. соч., изд. „Просвѣщеніе“, т. XXIII, стр. 96. См. также „Введеніе къ „Ряду статей о русской литературѣ“ („Время“, янв. 1861 г.): „Мы поняли въ немъ (Пушкинѣ), что русскій идеалъ — всецѣлость, всепримиримость, всечеловѣчность“ — Полн. собр. соч., изд. Маркса, 1895 г., т. IX, ч. I, стр. 42.

²⁾ „Отвѣтъ „Русскому Вѣстнику“. — „Время“, 1861, кн. V. Полн. собр. соч., изд. „Просв.“, т. XXIII, стр. 62.

³⁾ Изд. Ладыжникова, Берл. 1922, стр. 356.

⁴⁾ Письмо отъ 18/30 сент. 1863 г. изъ Рима. Письма, т. I, стр. 333. Подчерк. мною.

то обстоятельства личного характера должны были особенно остро выдвинуть въ его сознаниі проблему денегъ и вопросъ о путяхъ обогащенія.¹⁾ Достоевскій какъ бы поставилъ своей задачей показать, что и игроку, „который гремитъ костью да груды заграбаетъ“, тоже не даромъ достается его богатство. Впрочемъ, и въ этомъ онъ шелъ по пути, уже проложенному Пушкинымъ въ „Пиковой Дамѣ“.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, во время работы надъ планомъ „Житія великаго грѣшника“ (1869—70 г.), у Достоевскаго окончательно со-зрѣваетъ мысль положить во главу угла своего романа идею, самымъ тѣснымъ образомъ связанную съ тѣмъ же „Скупымъ Рыцаремъ“ Пушкина. Я имѣю въ виду и идею могущества, утверждаемаго путемъ богатства. На этотъ разъ, снова вплотную приближаясь къ главной мысли пушкинской драмы, Достоевскій дѣлаетъ жертвой этой навязчивой идеи представителя молодого поколѣнія. Позже онъ используетъ это новое положеніе еще оригинальнѣе, заставивъ отца и сына перемѣниться, по сравненію съ сюжетомъ Пушкина, ролями. Это приведетъ къ антитезѣ: Версильовъ — расточитель и молодой Долгоруковъ — идейный стяжатель. Въ „Житіи великаго грѣшника“, хотя и имѣется уже намекъ на сюжетное противопоставленіе отца и сына, все же на первомъ планѣ остается единственный герой „житія“, съ рано созрѣвшей идеей всемогущества денегъ.

Первыя слова, которыми начинается планъ этого ненаписаннаго романа, связаны съ этой мыслью. „Накопленіе богатства“ стоитъ ниже даты: 28/8 декабря (1869 г.) и заглавія „Житіе великаго грѣшника“.²⁾ И дальше, черезъ всю рукопись проходитъ все тотъ же мотивъ: „воспитаніе себя мученіями и накопленіе денегъ“, „...увѣренъ, что все само придетъ, деньги разрѣшатъ всѣ вопросы“, „ни одна мечта о томъ: чѣмъ быть и къ чему онъ призванъ, не мѣшала накопленію богатствъ“, „...но сомнѣніе разрѣшаетъ всегда исходъ денегъ и накопленія богатствъ“, „деньги положили наживать честнымъ путемъ“, „...потому не надо не честно, что дѣйствуя и честно онъ еще даже лучше наживетъ деньги, потому что богатымъ всѣ льготы на всякое зло и безъ того даны“, „первая организовавшаяся мечта о значеніи денегъ“, „...онъ шелъ къ хроменькой и говорилъ ей то-то. Объ томъ, чѣмъ онъ будетъ, и о деньгахъ. Билъ ее за то, что не нарастали деньги“, „началъ собирать деньги. Копить (сообщаетъ Хроменькой)“, „Опять таки деньги кажутся ему во всякомъ случаѣ не лишними, вездѣ пригодною силою и онъ останавливается на нихъ“, „...То опять, кажется ему, что если онъ и не будетъ необыкновеннымъ,

¹⁾ Объ отраженіяхъ личныхъ мотивовъ въ „Игрокѣ“ см. мою статью: „Игрокъ“ Достоевскаго (Въ свѣтъ новыхъ біографическихъ данныхъ) въ „Совр. Запискахъ“ 1925 г., кн. XXIV, стр. 379—392 и А. С. Долининъ „Достоевскій и Суслѣва“ въ сборн. „Достоевскій“ п. р. Долинина, изд. „Мысль“. П. 1925, стр. 153—283.

²⁾ Планъ романа „Житіе великаго грѣшника“ цитирую по кн. „Документы по исторіи литературы и общественности“. Выпускъ первый. Ф. М. Достоевскій. М., изд. Центръархива. 1922. См. стр. 63. Подч. мною.

а самый обыкновенный, то деньги дадутъ ему все, — т. е. власть и право презрѣнія“...¹⁾)

Что идея накопленія, какъ самый надежный путь къ власти, должна была занимать весьма существенное мѣсто въ „Житіи великаго грѣшника“, видно изъ слѣдующаго, особо выдѣленнаго въ рукописи мѣста: „Главное Нота bene: Деньги онъ сталъ собирать съ идеи неясной, но идея эта все утверждалась и доказывалась ему дальнѣйшимъ ходомъ дѣла...“ И другая запись, чрезвычайно существенная, свидѣтельствуесть о томъ же: „... хотя деньги и страшно его устанавливаютъ на извѣстной твердой точкѣ и рѣшаютъ всѣ вопросы, но иногда точка колеблется (поэзія и много другого) и онъ не можетъ найти выхода. Это то состояніе к о л е б а н і я и составляетъ романъ“.²⁾)

Въ чемъ должна была заключаться идея самого романа, не трудно себѣ представить даже по отрывочнымъ записямъ сохранившагося плана. Въ героѣ-ребенкѣ „Житія“ необычайно развито властолюбіе: „Огромный замыселъ владычества“, „мечты о власти и непомерной высоты“—такими чертами Достоевскій награждаетъ своего героя. Путь къ достиженію могущества ведетъ черезъ самозакаленіе воли и самоотреченіе. „Усиленіе воли и внутренней силы“ предписываетъ онъ себѣ; „сила воли — главное себѣ поставилъ“, онъ „испытываетъ себя“ постоянно, „воспитываетъ себя мученіями“, отказываетъ себѣ во всемъ, даже, когда „укусили страсти“, рѣшаетъ и съ этимъ подождать: „Сладострастіе (хочетъ на этомъ ждать до денегъ)“. Онъ рано убѣждается, что самый вѣрный путь къ власти и могуществу — деньги: „... у меня будетъ оружіе деньги, такъ что они волей-неволей и хочешь не хочешь подойдутъ всѣ ко мнѣ и преклонятся“. Ему важно прежде всего не осуществленіе своей власти, а сознаніе своей мощи: „чтобъ всѣ поклонились, а я прощу“.

Врядъ ли надо доказывать, что намѣченная въ этихъ записяхъ психологія страсти накопленія во многомъ близка психологіи скупости, какъ она выражена у Пушкина. Я не буду сейчасъ дѣлать отдѣльныхъ сопоставленій, такъ какъ ихъ лучше отложить до разбора „Подростка“, гдѣ Достоевскій въ развернутомъ видѣ ставитъ проблему идейнаго накопленія. Здѣсь, въ заключеніе, хотѣлъ бы только указать, что врядъ ли случайно въ рукописи „Житія“ имѣются строки: „Онъ сильно развитъ и много кой-чего знаетъ. Гоголя знаетъ и Пушкина“.³⁾) При напряженномъ вниманіи къ идеѣ накопленія какъ разъ Гоголь со своимъ Плюшкинымъ и Пушкинъ съ Скупымъ Рыцаремъ должны были питать воображеніе героя „Житія“. Не является ли косвеннымъ указаніемъ на эту связь „Житія“ со „Скупымъ Рыцаремъ“ и первоначальное наименованіе будущаго Lambert'a—Albert'омъ, а „Французъ Пуго“

¹⁾ Т. ж., въ порядкѣ цитирования: стр. 64, 66 (три раза), 67 (два раза), 68, 70, 73, 74 (два раза). Подчеркн. Достоевскимъ.

²⁾ Т. ж., стр. 72 и 66—67. Подчеркн. Достоевскимъ.

³⁾ Т. ж., стр. 71. Подчеркн. мною.

и Шиб о рукописи „Житія“ въ такомъ случаѣ не далекіе-ли отголоски лѣтнихъ, плута „Тиб о“ изъ монолога барона? ¹⁾

Во всякомъ случаѣ, Пушкинъ очень сильно владѣлъ сознаниемъ Достоевскаго во время работы надъ планомъ „Житія“. „Одинъ Пушкинъ настоящей русской“ — влагаеть онъ въ уста Тихона Задонскаго, въ монастырь къ которому попадаетъ мальчикъ. Въ этотъ монастырь собирался Достоевскій привести и самого Пушкина, какъ видно изъ письма къ А. Н. Майкову отъ 25 марта (6 апр.) 1870 г. съ изложеніемъ плана 2-й части романа. Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ: „13-лѣтній мальчикъ, участвовавшій въ совершеніи уголовного преступленія, развѣтй и развращенный (я этотъ типъ знаю), будущій герой всего романа, посаженъ въ монастырь родителями (кругъ нашъ, образованный) и для обученія. Волченокъ и нигилистъ — ребенокъ сходится съ Тихономъ (вы вѣдь знаете характеръ и лицо Тихона). Тутъ же въ монастырь посажу Чаадаева (конечно подъ другимъ тоже именемъ)... Къ Чаадаеву могутъ прѣхать въ гости и другіе, Бѣлинскій на примѣръ, Грановскій, Пушкинъ даже“. ²⁾ Такъ подъ знакомъ постоянного обращенія къ Пушкину писался Достоевскимъ планъ романа, которому онъ придавалъ такое рѣшающее значеніе для всей своей литературной дѣятельности.

8.

„Рукописный конспектъ, Житія великаго грѣшника“, затѣмъ черновые наброски рукописи романа „Подростокъ“ и наконецъ законченный текстъ этого романа, при сопоставленіи, оказываются тремя фазами одинаго генетическаго процесса: замысль „Житія“ и первоначальный замысль „Подростка“ совпадаютъ“, говоритъ В. Комаровичъ, спеціально занимавшійся вопросомъ о связи этихъ двухъ произведеній Достоевскаго. ³⁾ Эта несомнѣнная связь обоихъ замысловъ рѣзче всего сказывается въ перенесеніи изъ „Житія великаго грѣшника“ въ романъ „Подростокъ“ идеи накопленія. Прямое же указаніе Достоевскаго въ „Подросткѣ“ на связь этой идеи съ образомъ „Скупого Рыцаря“ заднимъ числомъ подтверждаетъ наше положеніе о связи замысла „Житія“ съ драмой Пушкина.

Переходя къ „Подростку“, приходится прежде всего признать, что по отношенію къ этому произведенію можетъ быть было бы достаточно простою указанія на связь „идеи“ его героя съ монологомъ Ску-

¹⁾ Т. ж. стр. 63.

²⁾ „Біографія, письма и замѣтки изъ Записной книжки Достоевскаго“. Спб. 1883, отд. II, стр. 233. Подчеркн. мною.

³⁾ В. Комаровичъ. Достоевскій. Современныя проблемы историко-литературнаго изученія. П., изд. „Образованіе“ 1925 г., стр. 58. См. также работы того же автора: „Ненаписанная поэма Достоевскаго“ (сборн. „Достоевскій“ п. р. Долинина. I, 1922 г., стр. 177—207), „Генезисъ романа „Подростокъ“ (Литер. Мысль, III, стр. 366—386), „Романъ „Подростокъ“, какъ художественное единство“ (сборн. „Достоевскій“ п. р. Долинина. II, 1925 г., стр. 31—68).

пого рыцаря. Вѣдь уже самъ Достоевскій открыто призналъ въ самомъ романѣ эту зависимость. Въ литературѣ о Достоевскомъ утвердилось безоговорочно это мнѣніе. А. Долининъ въ своихъ комментаріяхъ къ письмамъ Достоевскаго такъ и говоритъ: „идея ‚Скупого Рыцаря‘ стала идеей ‚Подростка‘“.¹⁾ Но мы не склонны такъ безоговорочно принимать усвоеніе Достоевскимъ чужихъ идей, будь то даже и Пушкина.

Мы уже видѣли, какъ Достоевскій въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности пытался преодолѣть пушкинскую идею скупости и дать ей свое истолкованіе. Въ „Господинѣ Прохарчинѣ“ это стремленіе увѣнчалось если не вполнѣ художественнымъ, то во всякомъ случаѣ идейнымъ успѣхомъ. Вернувшись въ 60-хъ годахъ снова къ идеѣ „Скупого Рыцаря“, Достоевскій какъ-будто становится менѣе оригинальнымъ въ разработкѣ проблемы скупости, подпадая снова вліянію Пушкина. Но мы попытаемся показать, что эта близость весьма и весьма условная, что по существу Достоевскій даетъ дальнѣйшее углубленіе этой темы въ своемъ „Подросткѣ“.

Исходнымъ пунктомъ своихъ размышленій о страсти накопленія Достоевскій снова беретъ газетныя сообщенія о нищихъ-богачахъ. Здѣсь онъ какъ бы возвращается къ начальному періоду своего творчества: вѣдь такъ зародились его образы Соловьева-Прохарчина. „Нѣсколько лѣтъ назадъ, я прочелъ въ газетахъ, что на Волгѣ, на одномъ изъ пароходовъ,— говоритъ Подростокъ,— умеръ одинъ нищій, ходившій въ отрепѣ, просившій милостыню, всѣмъ тамъ извѣстный. У него, по смерти его, нашли зашитыми въ его рубищѣ до трехъ тысячъ кредитными билетами. На дняхъ, я опять читалъ про одного нищаго, изъ благородныхъ, ходившаго по трактирамъ и протягивавшаго тамъ руку. Его арестовали и нашли при немъ до пяти тысячъ рублей.“²⁾ Свое пониманіе страсти накопленія онъ тщательно отгораживаетъ отъ навязчивыхъ литературныхъ образовъ Мольера и Гоголя. „... Это были лишь Гарпагоны или Плюшкины въ чистѣйшемъ ихъ видѣ, не болѣе“, говоритъ онъ объ этихъ нищихъ-богачахъ.³⁾ Напомню, что и нищаго Соловьева Достоевскій называлъ „новымъ Гарпагономъ“ и „новымъ Плюшкинымъ“, когда передавалъ газетное сообщеніе о нищемъ, умершемъ на „грудахъ золота“.⁴⁾

Самъ Достоевскій излагаетъ „идею“ Подростка „стать Ротшильдъ“ въ двухъ послѣдовательныхъ фазахъ: сперва онъ объясняетъ, „какъ“ можетъ быть обезпечено достиженіе богатства, затѣмъ — „зачѣмъ“, „какая цѣль“ въ этомъ богатствѣ. Подобно Скупому Рыцарю, онъ убѣжденъ, что количество и время для успѣха не играютъ роли: главное — упорство и непрерывность. Скупой Рыцарь, всыпая „горсть золота накопленнаго“ въ шестой еще неполный сундукъ, говоритъ:

¹⁾ Письма, Гос. изд. 1928 г., т. I, стр. 468.

²⁾ Упом. изд., стр. 67.

³⁾ Т. ж., стр. 68.

⁴⁾ Упом. изд., стр. 186.

„Немного кажется, но понемногу
Сокровища растут...“

и далѣе рисуеъ себѣ величественный образъ холма, съ высоты котораго онъ будетъ взирать на свою державу; сознательный стяжатель — Подростокъ убѣжденъ, что „упорство въ накопленіи, даже копѣечными суммами, въ послѣдствіи даетъ громадныя результаты (время тутъ ничего не значитъ)“, и что „самая нехитрая форма наживанія, но лишь непрерывная—обезпечена въ успѣхѣ математически“.¹⁾ При нищенствѣ, какъ пути къ накопленію, нужна сила воли, нужны самоотреченіе и выдержка, но „на свѣтѣ силы многообразныя, силы воли и хотѣнія, особенно. Есть температура кипѣнія воды и есть температура краснаго каленія желѣза“, многозначительно добавляетъ Подростокъ.²⁾ Вотъ это то „чувство-идея“, овладѣвшая всѣмъ существомъ человѣка, и сближаетъ оба образа: идейнаго стяжателя и Скупого Рыцаря. Нельзя не отмѣтить, что для формулировки своей „идеи“ Подростокъ кое-что заимствовалъ и у Германа изъ „Пиковою Дамы“. Основное правило Германа „не жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее“ напоминаетъ „главное правило“ идейнаго стяжателя „не рисковать ничѣмъ“ и умѣтъ „предпочестъ вѣрныя деньги большимъ“; напоминаетъ онъ Германа и своимъ характеромъ и своимъ поведеніемъ. Вспомнимъ, что Пушкинъ говоритъ о Германѣ: „Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти. Впрочемъ онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостію. Онъ имѣлъ сильныя страсти и огненное воображеніе; но твердость спасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій“. Въ основѣ его страсти лежить тоже стремленіе къ независимости: „Нѣтъ, расчесть, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ что утроить, усмирить мой капиталъ и доставить мнѣ покой и независимость!“ восклицаетъ Германъ, борясь съ искушеніемъ внезапнаго обогащенія. Недаромъ пушкинское выраженіе „неподвижная идея“ изъ „Пиковою Дамы“ было такъ прочно усвоено Достоевскимъ,³⁾ и этимъ понятіемъ онъ пользуется въ „Подросткѣ“, чтобы передать состояніе „одержимости идеей“, которой такъ часто болѣны его герои. Какъ-бы въ параллель къ пушкинскому общему положенію, которымъ открывается VI глава „Пиковою Дамы“: „двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной природѣ...“, Достоевскій даетъ и свое обобщенное положеніе объ идеѣ-страсти: „...имѣя въ умѣ нѣчто неподвижное, всегдашнее, сильное, которымъ страшно занять —

¹⁾ Упом. изд., стр. 67. Подчеркн. Достоевскимъ.

²⁾ Т. ж., стр. 68.

³⁾ См. объ этомъ у К. Истомина, упом. работа, стр. 32.

какъ-бы удаляешься тѣмъ самымъ отъ всего міра въ пустыню и все, что случается, проходитъ лишь вскользь, мимо главнаго“.¹⁾

Скупой Рыцарь тоже находится во власти „неподвижной“ идеи. Вспомнимъ извѣстные строки монолога барона:

„Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обрѣсло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла...“

— и мы вмѣстѣ съ Подросткомъ вправѣ воскликнуть: „тутъ тотъ же монастырь, тѣ же подвиги схимничества. Тутъ чувство, а не идея!“ И какъ бы въ подтвержденіе связи этого мѣста съ приведенными строками, Достоевскій дальше ставитъ вопросъ о совѣсти: „Для чего? Зачѣмъ? Нравственно-ль это и не уродливо-ль ходить въ дерюгѣ и ѣсть черный хлѣбъ всю жизнь, таская на себѣ такія деньжища?“²⁾

Подростокъ страшно честолюбивъ и властолюбивъ: „... чуть ли не съ самага дѣтства, я иначе не могъ вообразить себя, какъ на первомъ мѣстѣ, всегда и во всѣхъ оборотахъ жизни“³⁾ и его мечта „о первомъ мѣстѣ“ вполне отвѣчаетъ тому „холму“, который въ мечтахъ воздвигъ себѣ баронъ, чтобы „съ высоты его взирать на все, ему подвластное“. И, подобно барону, Подростокъ убѣжденъ, что путь къ этой власти лежитъ черезъ деньги. Вѣра во всемогущество денегъ составляетъ самое ядро ихъ убѣжденія. „Въ томъ то и ‚идея‘ моя, въ томъ то и сила ея, что деньги—это единственный путь, который приводитъ на первое мѣсто даже ничтожество“. И совершенно въ духѣ памятнаго мѣста изъ монолога барона:

„Лишь захочу—воздвигнутся чертоги:
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И Музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный Геній мнѣ поработится,
И добродѣтель и безсонный трудъ
Смирненно будутъ ждать моей награды.
Я свистну, и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли...“, —

— совершенно въ духѣ этого мѣста протекають и мечты идейнаго стяжателя: „Я, можетъ быть, и не ничтожество, но я, напримѣръ, знаю, по зеркалу, что моя наружность мнѣ вредить, потому что лицо мое ординарно. Но будь я богатъ, какъ Ротшильдъ — кто будетъ справляться съ лицомъ моимъ, и не тысячи ли женщинъ, только свистни, на-

¹⁾ Упом. изд., стр. 81.

²⁾ Т. ж., стр. 68.

³⁾ Т. ж., стр. 75.

летятъ ко мнѣ со своими красотами . . . Я, можетъ быть, и уменъ. Но будь я семи пядей во лбу, непременно тутъ же найдется въ обществѣ человѣкъ въ восемь пядей во лбу — и я погибъ. Между тѣмъ, будь я Ротшильдомъ,—развѣ этотъ умникъ въ восемь пядей будетъ что-нибудь подлѣ меня значить? Да ему и говорить не дадутъ подлѣ меня! Я, можетъ быть, остроуменъ; но вотъ подлѣ меня Талейранъ, Пиронъ — и я затемненъ, а чуть я Ротшильдъ — гдѣ Пиронъ, да, можетъ быть, гдѣ и Талейранъ?“¹⁾

И снова, какъ уже было въ случаѣ съ сюжетомъ нищаго Соловьева, Достоевскій совѣмъ вплотную подходитъ къ „Скупому Рыцарю“ Пушкина, наконецъ самъ признавая власть этого образа надъ собою. Онъ на разные лады развѣиваетъ сжатое до предѣла четверостишіе Пушкина:

„Мнѣ все послушно, я же — ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...“,

чтобы затѣмъ впасть въ ритмическій потокъ послѣднихъ словъ.

„Мнѣ не нужно денегъ, или, лучше, мнѣ не деньги нужны; даже и не могущество; мнѣ нужно лишь то, что пріобрѣтается могуществомъ, и чего никакъ нельзя пріобрѣсти безъ могущества: это единеніе и спокойное сознаніе силы!“... „У меня сила, и я спокоенъ“,—продолжаетъ онъ. „Будь только у меня могущество, разсуждалъ я, мнѣ и не понадобится оно вовсе; увѣренъ что самъ, по своей волѣ, займу вездѣ послѣднее мѣсто. Будь я Ротшильдъ, я бы ходилъ въ старенькомъ пальто и съ зонтикомъ. Какое мнѣ дѣло, что меня толкаютъ на улицѣ, что я принужденъ перебѣгать въ припрыжку по грязи, чтобъ меня не раздавили извозчики. Сознаніе, что это я, самъ Ротшильдъ, даже веселило бы меня въ ту минуту. Я знаю, что у меня можетъ быть обѣдъ, какъ ни у кого, и первый на свѣтѣ поваръ, съ меня довольно, что я это знаю. Я съѣлъ кусокъ хлѣба и ветчины и буду сытъ моимъ сознаніемъ“. И дальше снова рисуется „картинка“, очень близко примыкающая къ пушкинскому монологу: „Не я буду лѣзть въ аристократію, а она полѣзетъ ко мнѣ, не я буду гоняться за женщинами, а онѣ набѣгутъ какъ вода, предлагая мнѣ все, что можетъ предложить женщина... Онѣ уйдутъ ни съ чѣмъ, увѣряя васъ, только развѣ съ подарками. Я только вдвое стану для нихъ любопытнѣе,

. . . „съ меня довольно
Сего сознанья“²⁾

Достоевскому, понятно, послѣ этого ничего другого не оставалось, какъ прямо указать на связь мечтаній своего героя съ пушкинскимъ „Скупымъ Рыцаремъ“. Онъ это и сдѣлалъ въ уже приведенныхъ въ началѣ нашей работы словахъ Подростка: „Я еще съ дѣтства выучилъ

¹⁾ Т. ж., стр. 75.

²⁾ Т. ж., ст. 75—76.

наизусть монологъ Скупого Рыцаря Пушкина; выше этого, по идеѣ, Пушкинъ ничего не производилъ! Тѣхъ же мыслей я и теперь“.

9.

Но въ своемъ истолкованіи страсти накопленія въ „Подросткѣ“ Достоевскій далеко не такъ зависитъ отъ Пушкина, какъ можетъ показаться послѣ приведенныхъ сопоставленій. Мимоходомъ уже было отмѣчено, что Достоевскій „сдвинулъ“ сюжетъ „Скупого Рыцаря“, перемѣнивъ психологическія роли отца и сына. Наградить сына „идеей“ отца, а сына сдѣлать идейнымъ „расточителемъ“ въ этомъ была оригинальность замысла Достоевскаго по сравненію со „Скупымъ Рыцаремъ“. Этотъ сдвигъ сюжета открывалъ Достоевскому новыя возможности. Постановка проблемы стяжательства выигрывала въ остротѣ и глубинѣ. Если Пушкинъ давалъ отвѣтъ на вопросы: какъ и за чѣмъ скупецъ накопляетъ свои богатства, то Достоевскій пошелъ дальше и показалъ, почему, т. е. благодаря какимъ условіямъ возникаетъ и укореняется самая идея-страсть. Конечно, баронъ Пушкина такой же фантастъ и мечтатель, какъ и Подростокъ, но мечтательство его не такъ бросается въ глаза, такъ какъ оно заслонено господствующей страстью — властолюбіемъ. Однако, эта послѣдняя страсть могла вырасти до такихъ размѣровъ только на почвѣ уязвленнаго самолюбія; въ душѣ скупца должна была наличествовать какая-то травма, оставшаяся скрытой отъ насъ. Эту-то сторону съ художественной тонкостью пріоткрываетъ намъ Достоевскій въ своемъ истолкованіи пушкинскаго образа.

„Яростная мечтательность“ вела къ отчужденности отъ жизни, къ „выходу изъ общества“. „Да, я жаждалъ могущества всю мою жизнь, могущества и уединенія. Я мечталъ о томъ даже въ такихъ еще лѣтахъ, когда уже рѣшительно всякій засмѣялся бы мнѣ въ глаза, если-бъ разобралъ, что у меня подъ черепомъ. — Вотъ почему я такъ полюбилъ тайну. Да, я мечталъ изо всѣхъ силъ и до того, что мнѣ некогда было разговаривать; изъ этого вывели, что я нелюдимъ...“¹⁾ Мы видимъ передъ собою типичнаго мечтателя и фантаста, создающаго причудливую жизнь въ своихъ мечтахъ и ушедшаго отъ реальной жизни въ міръ вымысла. „Особенно счастливъ я былъ, когда ложась спать и закрываясь одѣяломъ, начиналъ уже одинъ, въ самомъ полномъ уединеніи, безъ ходящихъ кругомъ людей и безъ единаго отъ нихъ звука, пересоздавать жизнь на новый ладъ“.²⁾

Уединеніе, „уходъ въ подполье“ становится навязчивой идеей мечтателя. „Вся цѣль моей ‚идеи‘ — уединеніе“, говоритъ Подростокъ. Въ „Скупомъ Рыцарѣ“ должно было плѣнить Подростка не только совпаденіе въ мечтѣ о властвованіи и могуществѣ, не только гордое сознаніе своей силы, но и „фантастичность“ самого образа барона.

¹⁾ Упом. изд. стр. 74.

²⁾ Тамъ же.

„Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль душой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ“, —

развѣ это не тотъ же „выходъ изъ общества“, о которомъ мечтаетъ юный стяжатель, развѣ это не тотъ же уходъ отъ жизни „подъ одѣяло“, куда скрывается страстный мечтатель и фантастъ? И кто знаетъ, можетъ и для Скупого Рыцаря не столь важны были накопленные имъ сокровища и сознание своего могущества, сколько возможность уйти отъ людей въ свой тайный подвалъ и, сидя на вѣрномъ сундукѣ, въ мечтахъ „пересоздавать жизнь на иной ладъ“. Недаромъ онъ такъ испугался, когда герцогъ его вновь призвалъ ко двору.

Но вѣдь мечтательство чаще всего есть протестъ противъ жизни, которая не удовлетворяетъ мечтателя, стремление вырваться изъ законовъ необходимости въ царство свободы. Мечтатель всегда пытается внести поправку въ свою жизнь, явно неудавшуюся. Въ конечномъ счетѣ это протестъ личности противъ насильственно навязанной ему судьбы. И тутъ естественный переходъ къ той философіи денегъ, которая играетъ такую большую роль у Достоевскаго. Деньги, обладаніе ими одинъ изъ способовъ преодолѣть слѣпой случай, подчинить себѣ судьбу, а не ей подчиниться. Вѣдь бѣдность — только игра случая, какъ богатство — „фортуна“. Къ игрѣ случая относятся и прирожденные качества, и за то, что человѣкъ не вышелъ лицомъ, что онъ обдѣленъ природой, не онъ несетъ отвѣтственность. Всякое не равенство, природное и социальное, въ основѣ своей несправедливо, ибо оно создано игрою случайности. И въ борьбѣ съ этимъ случаемъ обдѣленный хватается за деньги, какъ единственное средство возстановить справедливость. „Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но въ то же время и высочайшее равенство, и въ этомъ вся главная ихъ сила. Деньги сравниваютъ всѣ неравенства“.¹⁾

При остромъ сознании своей личности и мучительномъ убѣжденіи въ извѣстной обдѣленности и создается тотъ протестъ „ничтожества“, философію котораго пытается формулировать Подростокъ. „Въ томъ то и ‚идея‘ моя, въ томъ то и сила ея, что деньги это единственный путь, который приводитъ на первое мѣсто даже ничтожество“ и въ другомъ мѣстѣ: „Мнѣ нравилось ужасно представлять себѣ существо, именно безталанное и серединное, стоящее передъ міромъ и говорящее ему съ улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великіе и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспиры, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вотъ я — бездарность и незаконность, и все-таки выше васъ, потому что вы сами этому подчинились“.²⁾ Въ этомъ мѣстѣ Достоевскій приближается къ другому пушкинскому шедевру, къ „Монарху и Сальери“.

¹⁾ Тамъ же, стр. 75. Подч. мною.

²⁾ Т. ж. въ порядкѣ цитирования стр. 75 и 78.

„Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ — и выше...“ —

этотъ бунтъ Сальери противъ несправедливости судьбы во многомъ родствененъ бунту Подростка. Какъ и у Пушкина, герой Достоевскаго беретъ на себя смѣлость внести поправку въ игру случая, противопоставивъ судьбѣ упорство человѣческой воли. Медленное упорное накопленіе должно дать то, что „безумцу, гулякѣ праздному“ дается счастливой игрой случая. Отсюда понятенъ и интересъ Достоевскаго къ проблемѣ „игры“, гдѣ такъ наглядно рисуется эта слѣпота счастья и удачи. Не удивительно, что онъ и здѣсь пытается выработать свою систему несомнѣннаго выигрыша, основанную тоже на силѣ воли и выдержкѣ. Онъ убѣжденъ, что „въ азартной игрѣ, при полномъ спокойствіи характера, при которомъ сохранилась-бы вся тонкость ума и расчета, невозможно не одолѣть грубость слѣпого случая и не выиграть“.1) „Грубость слѣпого случая“ — вотъ тотъ врагъ, который долженъ и можетъ быть побѣжденъ упорствомъ и силой воли. Въ „Запискахъ изъ подполья“ борьба велась съ законами природы, съ „дважды два четыре“; въ „Подросткѣ“ она ведется съ игрой случая, съ Промысломъ Божиимъ, въ конечномъ счетѣ. Утвержденіе своей полной свободы, утвержденіе личности, освобожденной отъ всѣхъ связующихъ ее путъ — вотъ въ чемъ послѣдній смыслъ „идеи“ Подростка. Ему нужны не деньги, а свобода. „Мнѣ не нужно денегъ, или, лучше, мнѣ не деньги нужны; даже и не могущество; мнѣ нужно лишь то, что приобрѣтается могуществомъ, и чего никакъ нельзя приобрѣсти безъ могущества: это уединенное и спокойное сознаніе силы! Вотъ самое полное опредѣленіе свободы, надъ которымъ такъ бьется мѣръ! Свобода! Я начерталъ, наконецъ, это великое слово... Да, уединенное сознаніе силы — обаятельно и прекрасно. У меня сила и я спокоенъ“.2)

Такъ своими путями пришелъ Достоевскій къ проблемѣ страсти накопленія. Его пути встрѣтились съ путями Пушкина, но не совпали. „Скупымъ Рыцаремъ“ въ своемъ „Подросткѣ“ Достоевскій пользуется, какъ художественнымъ образомъ, удобнымъ для выявленія одной стороны своей идеи. Но его собственная идея не покрывается ею: она шире и связана со всѣмъ его творчествомъ. Она ведетъ насъ къ основнымъ проблемамъ, поставленнымъ въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Записки изъ подполья“, „Игрокъ“, „Преступленіе и Наказаніе“ и, наконецъ, „Братя Карамазовы“.

10.

Очень рано „Скупой Рыцарь“ Пушкина долженъ былъ привлечь вниманіе Достоевскаго и своей коллизіей между отцомъ и сыномъ. Къ этому вели его и личныя переживанія, связанныя съ тяжелымъ ха-

1) Т. ж., стр. 239. Подчеркн. мною.

2) Т. ж., стр. 75.

ракторомъ отца и его скупостью. Достаточно перечитать раннія письма Достоевскаго къ отцу и брату, чтобы почувствовать, какъ близки должны были быть Достоевскому переживанія молодого Альбера. Въ письмѣ къ отцу отъ 10 мая 1839 г., гдѣ имѣются памятные строки: „но все таки я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю“, Достоевскій прямо подчеркиваетъ одинъ изъ существенныхъ мотивовъ душевной драмы Альбера, а именно свое ложное положеніе въ обществѣ. „Папинька, вспомните, что я служу въ полномъ смыслѣ слова. Волей или неволей, а я долженъ сообразаться вполнѣ съ уставами моего теперешняго общества. Къ чему же дѣлать исключенье собою? Подобныя исключенья подвергаютъ иногда ужаснымъ непріятностямъ. Вы сами это понимаете, любезный Папинька. Вы жили съ людьми...“¹⁾

Пушкина Достоевскій уже подросткомъ „чуть не всего зналъ наизусть“²⁾ и смерть его была для него почти личной утратой. Позже, вспоминая свою поѣздку съ братомъ въ Петербургъ, Достоевскій писалъ: „Мы дорогой сговаривались съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, тотчасъ же сходить на мѣсто поединка и пробраться въ бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидѣть ту комнату, въ которой онъ испустилъ духъ“³⁾

При такомъ знаніи и отношеніи къ Пушкину легко допустить, что Достоевскій не разъ въ горькихъ раздумьяхъ своихъ отождествлялъ себя съ молодымъ Альберомъ и вмѣстѣ съ нимъ восклицалъ:

„ . . . . . о бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!“

Не разъ въ душѣ молодого Достоевскаго должно было подниматься недоброе чувство противъ скряги-отца, а трагическая смерть его (онъ былъ удушенъ своими крестьянами-крѣпостными въ 1839 г.) должна была вызвать чувство раскаянія и виновности, и можно предположить, что при нервно-мнительной душевной организаціи, эти переживанія могли принять характеръ самообвиненія, ощущеніе причастности своей — въ желаніяхъ — къ преступленію. Я не имѣю въ виду здѣсь развивать подробнѣе эту тему личнаго характера, тѣмъ болѣе, что она уже нашла въ литературѣ о Достоевскомъ свое отраженіе, временами даже слишкомъ далеко заходящее въ своихъ выводахъ,⁴⁾ но мнѣ важно здѣсь подчеркнуть, что личныя переживанія и

¹⁾ Письма, I, стр. 52.

²⁾ Біографія..., отд. I, стр. 24.

³⁾ Дневн. писателя за 1876 г. Янв., гл. III/I. Полн. собр. соч. 1895 г., т. X, ч. I, стр. 32.

⁴⁾ См. Т. К. Розенталя. „Страданіе и творчество Достоевскаго. Психогенетическое изслѣдованіе“. („Вопросы изученія и воспитанія личности“, 1919 г., № 1., стр. 88—107, работа неокончена), Jolan Neufeld. „Dostojewski. Skizze zu einer Psychoanalyse“. (Wien, Imago-Bücher IV, 1923), Sigm. Freud „Dostojewski und die Vätertötung“ („Die Urgestalt der Brüder Karamasoff“, Münch., Piper Verl. 1929, Ss. XIII—XXVI). Касаюсь я этой темы также въ своей работѣ о „Хозяинѣ“ (см. Alfred Vém. „Tajemství osobnosti Dostojevského“. Praha, nakl. Otto, 1928, str. 47—100).

воспоминанія прошлаго должны были поддерживать въ Достоевскомъ интересъ къ темѣ коллизіи отца и сына, а въ частности приковать его вниманіе къ постановкѣ этой проблемы въ „Скупомъ Рыцарѣ“ Пушкина. Объ извѣстной связи этой темы у Достоевскаго со „Скупымъ Рыцаремъ“ говоритъ и то обстоятельство, что то или иное отраженіе ея мы находимъ именно въ томъ ряду произведеній, которыя дали намъ матеріаль для нашихъ предыдущихъ размышленій.

Уже въ „Житіи великаго грѣшника“ всплываетъ тема о столкновеніи сына съ отцомъ („отецъ высѣкъ его — разрывъ — я васъ не считаю своимъ отцомъ“), а связь этой темы съ личными припоминаніями выдаетъ другая запись объ отцѣ, Альфонскомъ: „Тутъ (А-го), задурившаго въ деревнѣ могли убить крестьяне, чему мальчикъ могъ быть свидѣтелемъ...“¹⁾ Тема эта затѣмъ перекидывается въ ром. „Подростокъ“, гдѣ самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ мотивомъ „страсти-накопленія“. Сложныя взаимоотношенія Версилова-отца съ Долгоруковымъ-сыномъ являются дальнѣйшимъ усложненіемъ этой темы, выливаясь въ сложный комплексъ чувства „любви-ненависти“. Не разъ у Долгорукова прорывается чувство вражды къ отцу и, въ моменты его обостренія, онъ бросаетъ ему въ лицо: „Берегитесь, Версильовъ, не дѣлайте меня врагомъ вашимъ“.²⁾ Для насъ важно здѣсь отмѣтить, что уже въ „Подросткѣ“ вплетается въ эту коллизію тема о соревнованіи, о любви отца и сына къ одной женщинѣ. Это важно потому, что на этой двойной схемѣ—вражды отца и сына и соперничества строятся взаимоотношенія Федора Павловича Карамазова и сына Дмитрія въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“.

Такъ тянутся нити отъ „Скупого Рыцаря“ черезъ „Житіе великаго грѣшника“ и „Подростка“ къ роману „Братья Карамазовы“. Если это предположеніе вѣрно, то въ самомъ романѣ „Братья Карамазовы“ должны найтись конкретныя отраженія этой идейно-сюжетной связи.

Въ основѣ столкновенія Федора Павловича съ сыномъ Дмитриемъ лежать деньги. Старый Карамазовъ, хотя и не былъ скупцомъ въ обычномъ значеніи этого слова, но цѣну деньгамъ очень и очень зналъ. Онъ развилъ въ себѣ „особенное умѣніе сколачивать и выколачивать деньгу“. Подобно барону, онъ „всю жизнь боялся, что и сыновья, Иванъ и Алексѣй, тоже когда-нибудь придутъ да и попросятъ денегъ“.³⁾ Убѣжденіе во всемогуществѣ денегъ, въ ихъ магическую силу онъ высказываетъ неоднократно. Но въ немъ, развратникѣ и сластолюбцѣ, вся сила мечтаній сосредоточена на одномъ — женщинахъ. Изъ всего мнѣнія „Скупого Рыцаря“ онъ усвоилъ прочно только одно мѣсто:

„Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпой . . .“

¹⁾ Упом. изд. въ порядкѣ цитированія, стр. 66 и 74.

²⁾ Упом. изд., стр. 114, см. также стр. 319.

³⁾ Ром. „Братья Карамазовы“ здѣсь и всюду цитирую по изд. „Полн. собр. худож. произв.“ Госуд. издательство, т. т. IX и X. См. въ порядкѣ цитир. IX, стр. 24 и 19.

Сорвавъ всѣ оболочки высокаго поэтическаго стиля, Федоръ Павловичъ это свое убѣжденіе высказываетъ сюсюкающимъ тономъ развратника сыну своему Алексѣю: „Я, милѣйшій Алексѣй Федоровичъ, какъ можно дольше на свѣтѣ намѣренъ прожить, было бы вамъ это извѣстно, а потому мнѣ каждая копѣйка нужна, и чѣмъ дольше буду жить, тѣмъ она будетъ нужнѣе . . . Теперь я пока все-таки мужчина, пятьдесятъ пять всего, но я хочу и еще лѣтъ двадцать на положеніи мужчины состоять, такъ вѣдь состарѣюсь — поганъ стану, не придутъ онѣ ко мнѣ тогда доброю волей, ну вотъ тутъ-то денежки мнѣ и понадобятся. Такъ вотъ я теперь и подкапливаю все побольше, да побольше, для одного себя-съ, милый сынъ мой, Алексѣй Федоровичъ, было бы вамъ извѣстно, потому что я въ сквернѣ моей до конца хочу прожить, было бы вамъ это извѣстно . . .“¹⁾

Развѣ это не тотъ же, только исковерканный и изгаженный психологіей Федора Павловича, протестъ ничтожества противъ несправедливаго случая и законовъ природы, который уже былъ такъ ярко высказанъ въ „Запискахъ изъ подполья“ и „Подросткѣ“? У старика Карамазова въ его жаждѣ къ деньгамъ имѣется конкретная цѣль, цѣль эта — Грушенька, и въ этомъ его отличіе отъ идейныхъ стяжателей. Онъ не теоретикъ, а практикъ. Но убѣжденіе въ могуществѣ богатства онъ раздѣляетъ съ первыми въ полной мѣрѣ: „А на Грушкѣ сейчасъ женюсь, только захочу. Потому что съ деньгами стоитъ только захотѣть-съ, Алексѣй Федоровичъ, все и будетъ.“²⁾

Въ Дмитріи Карамазовѣ, въ свою очередь, ярко выражены черты „безумца и расточителя“. Онъ принадлежитъ къ тому разряду людей, кто „всю жизнь свою умѣютъ лишь тратить и мотать доставшіяся по наслѣдству деньги даромъ, а о томъ, какъ добываются деньги, не имѣютъ никакого понятія“. Всѣ его взаимоотношенія съ отцомъ свелись къ вопросу о его наслѣдствѣ. Въ ссорахъ со своимъ отцомъ изъ-за спорныхъ денегъ его раздраженіе достигаетъ крайняго напряженія. Нужда въ деньгахъ, которыя должны служить его страсти, приводитъ его къ униженію и позору. Все сгущается вокругъ „роковыхъ“ трехъ тысячъ, которыя Дмитрій считаетъ незаконно удержанными отцомъ. „Итакъ, гдѣ же взять средства, гдѣ взять эти роковыя деньги? Иначе все пропадетъ и ничего не состоится, и ,единственно потому, что не хватило денегъ, о позоръ“. Отецъ въ своихъ мстительныхъ мечтахъ готовъ раздавить Дмитрія „какъ таракана“. „А Митьку я раздавлю какъ таракана. Я черныхъ таракановъ ночью туплей давлю: такъ и щелкнетъ, какъ наступишь. Щелкнетъ и Митька твой . . .“, говоритъ онъ Алешѣ. Сынъ въ мысляхъ своихъ и открытыхъ высказываніяхъ не разъ договаривается до отцеубійства.³⁾

У Пушкина съ большой тонкостью уже заложено будущее ядро этой коллизіи отца и сына на почвѣ денегъ. Альбертъ, поставленный

¹⁾ Упом. изд. IX, стр. 171.

²⁾ Т. ж.

³⁾ Упом. изд. въ порядкѣ цитир., т. X, стр. 44, 43, IX, стр. 173.

въ ложное положеніе скупостью отца, доведенный нуждой до униженія и позора, втайнѣ мечтаетъ объ отцовскомъ наслѣдствѣ. Золото „когда нибудь послужитъ мнѣ, лежать забудетъ“, вырывается у него въ разговорѣ съ Соломономъ. Но вѣдь это признаніе равносильно желанію скорѣйшей смерти отца. Соломонъ только ловко подхватываетъ то, что ему подсказалъ самъ Альберъ. Своимъ „амен“, на пожеланіе Соломона „пошли Вамъ Богъ скорѣй наслѣдство“, Альберъ становится идейнымъ соучастникомъ преступнаго замысла Соломона.

У Достоевскаго этотъ замыселъ раздвоился. Роль непосредственнаго протеста, открытый бунтъ противъ отца онъ возлагаетъ на Дмитрія, идейное отцеубійство онъ связываетъ съ Иваномъ.

Сцена въ монастырѣ, соотвѣтственно съ этимъ, во многомъ отвѣчаетъ сценѣ во дворцѣ „Скупого Рыцаря“. Судьею въ спорѣ отца съ сыномъ, вмѣсто герцога, долженъ здѣсь явиться Зосима. Задуманное примиреніе превращается въ сцену бурнаго столкновенія между отцомъ и сыномъ. Ѳедоръ Павловичъ начинаетъ съ обвиненія сына Дмитрія, сравнивая его съ Францемъ Моромъ: „Божественный и святѣйшій старецъ! — вскричалъ онъ, указывая на Ивана Ѳедоровича. — Это мой сынъ, плоть отъ плоти моя, любимѣйшая плоть моя! Это мой почтительнѣйшій, такъ сказать, Карлъ Моръ, а вотъ этотъ, сейчасъ вошедшій сынъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, и противъ котораго у васъ управы ишу, — это ужъ непочтительнѣйшій Францъ Моръ, — оба изъ Разбойниковъ Шиллера, а я, я самъ, въ такомъ случаѣ ужъ Regierender Graf von Moog! Разсудите и спасите! Нуждаемся не только въ молитвахъ, но и въ пророчествахъ вашихъ“.¹⁾ А далѣе развиваются подробно слова барона о сынѣ изъ „Скупого Рыцаря“:

„Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ . . .“

Я не буду здѣсь подробно излагать эту сцену изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“. Мнѣ важно только выдѣлить нѣкоторыя детали въ ней, выдающія ея связь со сценой во дворцѣ изъ „Скупого Рыцаря“.

Со свойственной Достоевскому чертой сниженія стиля, переходящаго часто въ пародированіе, повторяетъ онъ въ этой сценѣ трагическій моментъ вызова отцомъ сына на дуэль. Напомню эту сцену: Альберъ бросается въ комнату, услышавъ изъ устъ отца обвиненіе въ томъ, что онъ хотѣлъ его обокрасть. Разыгрывается памятная сцена:

Альберъ.

Баронъ, вы лжете!

Герцогъ (сыну).

Какъ смѣли вы?

Баронъ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!

Ты мнѣ отцу такое слово молвить!

Я лгу! и передъ нашимъ Государемъ!

Мнѣ, мнѣ . . . иль ужъ не рыцарь я? . . .

¹⁾ Ч. I, кн. 2-я, гл. VI: „Зачѣмъ живетъ такой человекъ!“ Т. ж. IX, стр. 73.

Альберъ.

Вы лжець.

Баронъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми-жь, и мечъ насъ разсуди!

Альберъ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

Если схематически воспроизвести сцену „скандала“ въ кельѣ, то врядь ли можно будетъ усомниться въ сходствѣ ея со сценой столкновения барона съ сыномъ.

„ — Безстыдникъ и притворщикъ! — неистово рявкнулъ Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Это онъ отца, отца! . . . . .

— Ложь все это! Снаружи правда, внутри ложь! весь въ гнѣвѣ дрожалъ Дмитрій Ѳедоровичъ . . . . .

— Дмитрій Ѳедоровичъ! — завопилъ вдругъ какимъ то не своимъ голосомъ Ѳедоръ Павловичъ, — если бы только вы не мой сынъ, то я въ ту же минуту вызвалъ бы васъ на дуэль . . . на пистолетахъ, на разстояніи трехъ шаговъ . . . черезъ платокъ, черезъ платокъ! — кончилъ онъ, — топя ногами . . . . .

Дмитрій Ѳедоровичъ страшно нахмурился и съ невыразимымъ презрѣніемъ поглядѣлъ на отца.

— Я думалъ . . . я думалъ, какъ-то тихо и сдержанно проговорилъ онъ, — что приѣду на родину съ ангеломъ души моей, невѣстой моей, чтобы лелѣять его старость, а вижу лишь развратнаго сладострастника и подлѣйшаго комедіанта!

— На дуэль! — завопилъ опять старикашка, задыхаясь и брызгаясь съ каждымъ словомъ слюной.“

Повторяется до извѣстной мѣры и обвиненіе отцомъ сына въ его намѣреніи убить его :

„ — Зачѣмъ живетъ такой человекъ! — глухо прокричалъ Дмитрій Ѳедоровичъ, почти уже въ изступленіи отъ гнѣва, какъ-то чрезвычайно поднявъ плечи и почти отъ того сгорбившись, — нѣтъ, скажите мнѣ, можно ли еще позволить ему безчестить собою землю, — оглядѣлъ онъ всѣхъ, указывая на старика рукой . . .

— Слышите ли, слышите ли вы, монахи, отцеубійцу, набросился Ѳедоръ Павловичъ на отца Іосифа . . .“¹⁾

Обвиняетъ Ѳедоръ Павловичъ сына, подобно герцогу, и въ намѣреніи его обокрасть.

„Онъ тамъ въ спальнѣ у меня деньги укралъ“, воскликнулъ Ѳедоръ Павловичъ въ главѣ „Сладострастники“.²⁾

И, какъ бы въ желаніи подчеркнуть пародійность образа старика Карамазова по сравненію съ пушкинскимъ „Скупымъ Рыцаремъ“, Достоевскій заставляетъ Ѳедора Павловича воскликнуть: „Позвольте,

¹⁾ Тамъ же IX, стр. 74—76.

²⁾ Тамъ же IX, стр. 139.

отецъ игумень, я хотъ и шутъ, и представляюсь шутомъ, но я рыцаръ чести и хочю высказать. Да-съ, я рыцаръ чести“...¹⁾

Шутовское присвоение себѣ принадлежащей ему роли рыцаря служитъ здѣсь указаніемъ на отдаленную связь этой сцены въ монастырѣ со сценой, разыгравшейся нѣкогда во дворцѣ герцога въ пушкинской драмѣ.

Что самъ Достоевскій придавалъ большое значеніе именно всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, которыя послужили намъ опорными пунктами въ нашемъ сближеніи этихъ двухъ сценъ, свидѣтельствуютъ и черновыя замѣтки къ роману „Братья Карамазовы“, недавно опубликованныя. Среди этихъ записей дважды упоминается вызовъ на дуэль, дважды говорится о „рыцарѣ чести“, стоитъ отмѣтка: „Карль Моръ и Францъ Моръ.“²⁾ Еще тогда, когда Достоевскій только продумывалъ планъ романа, онъ уже построилъ схему этой сцены, въ процессѣ художественной обработки заполненной тѣми деталями, которыя придали ей художественную цѣльность и законченность. Но именно эти рукописныя записи освобождаютъ насъ отъ упрека въ произвольности нашего схематичнаго изложенія сцены въ кельѣ, сдѣланной нами въ цѣляхъ ея сопоставленія со сценой во дворцѣ изъ „Скупого Рыцаря“. Не является ли въ такомъ случаѣ и пародійнымъ отраженіемъ заключительныхъ словъ герцога:

„Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца“

сентенція, вложенная въ этой сценѣ въ уста Міусова:

„Отецъ ревнуетъ сына къ сквернаго поведенія женщины и самъ съ этою же тварью сговаривается засадить сына въ тюрьму . . . И вотъ въ такой-то компаніи меня принудили сюда явиться . . . Я обмануть, я заявляю всѣмъ, что обмануть не менѣе другихъ . . .“³⁾

„Хотѣлъ убить, но не убилъ“, такъ воспринимаетъ Дмитрій Федоровичъ свою вину передъ самимъ собою и Богомъ. „ . . . Въ крови отца моего не повиненъ! Принимаю казнь не за то, что убилъ его, а за то, что хотѣлъ убить, и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ убилъ бы,“⁴⁾ говоритъ онъ во время допроса. Но моральный убійца, подлинный соучаст-

¹⁾ Часть I, кн. 2, гл. VIII „Скандалъ“. Тамъ же IX, 90.

²⁾ Къ сожалѣнію, текстъ рукописей къ „Братьямъ Карамазовымъ“ опубликованъ пока только въ нѣмецкомъ переводѣ. Это лишаетъ насъ возможности войти въ болѣе детальное сопоставленіе рукописныхъ замѣтокъ съ окончательнымъ текстомъ. Во избѣжаніе обратнаго перевода съ нѣмецкаго на русскій, приведу соответствующія мѣста въ нѣмецкомъ переводѣ, какъ онъ данъ въ изданіи: „F. M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsch“. (Münch., Piper. Verl. 1929). Стр. 2 рук. Пушкинск. Дома: „Ich bin der Ritter, der Ritter der Ehre!“ (стр. 245); стр. 4 рук.: „Un chevalier d'honneur“ (стр. 248); стр. 5 рук.: „Ich bin ein Ritter der Ehre“ (стр. 250); стр. 3 рук.: „Dimitri Fjodorowitsch, in Hinkunft wollen Sie mich nicht kennen! Aber ich bin ja bereit, Sie zum Duell herauszufordern“ (стр. 247); стр. 4 рук.: „Auf Pistolen. Da ist meine Brust, schlage zu“ (стр. 250); стр. 4 рук.: „Karl Moor und Franz Moor“ (стр. 248); „Regierender Graf von Moor“ (стр. 249).

³⁾ Тамъ же стр. IX, стр. 75.

⁴⁾ Тамъ же X, стр. 181.

никъ преступленія — Иванъ; Смердяковъ беретъ на себя только истолкованіе и проведеніе въ жизнь его тайныхъ желаній. Сообразно такому перемѣщенію ролей, сцена между Альберомъ и Соломономъ, гдѣ заложена уже эта проблема моральной преступности, находится въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ свое соотвѣтствіе во встрѣчахъ Ивана Федоровича со Смердяковымъ. Въ этихъ сценахъ послѣдовательно развиты и углублены основные мотивы, уже имѣвшіеся въ зародышѣ въ пушкинской драмѣ. Иванъ не только въ минуты раздраженія, какъ Дмитрій, но въ спокойномъ состояніи и при полномъ сознаніи дошелъ до убѣжденія въ желательности смерти отца. Его нелюбовь къ Дмитрію приводитъ его къ извѣстной формулѣ: „одинъ гадъ съѣсть другую гадину, обоимъ туда и дорога“, что онъ и высказываетъ Алешѣ.¹⁾

Онъ оставляетъ за собою „полный просторъ въ желаніяхъ“, не замѣчая, какъ эти его желанія подхватываются его „Личардой вѣрнымъ“ — Смердяковымъ. Послѣдній играетъ роль Соломона, который угадываетъ тайную мысль Альбера и готовъ пойти ему навстрѣчу. Негодование Альбера, испугъ ростовщика и колебанія Альбера въ вопросѣ, брать-ли ему лудины червонцы — все это напоминаетъ четыре разговора Ивана со Смердяковымъ. Особенно любопытна здѣсь вся исторія съ отъездомъ Ивана въ Москву, на которую его подбиваетъ Смердяковъ. Это предложеніе до извѣстной мѣры отвѣчаетъ предложенію „яда“ со стороны Соломона. Альберъ преодолѣлъ въ себѣ искушеніе и прогналъ Соломона. Иванъ доводитъ свою роль до конца и своимъ отъездомъ въ Москву беретъ на себя вину соучастія въ отцеубійствѣ. Достоевскій осложнилъ едва лишь намѣченную Пушкинымъ тему моральной виновности за преступное желаніе смерти отца цѣлымъ клубкомъ сложныхъ идей и переживаній. Образъ Ивана связанъ съ глубочайшими идеями самого Достоевскаго, и эти идеи не находятся уже въ связи со „Скупымъ Рыцаремъ“. Но именно Пушкинъ въ „Скупомъ Рыцарѣ“ намѣтилъ въ проблематикѣ вины-отвѣтственности ту форму „преступленія въ желаніи“, которая роковымъ образомъ приводитъ къ трагедіи. И эту намѣченную Пушкинымъ проблему подхватилъ и гениально поставилъ Достоевскій своимъ образомъ Ивана Карамазова.

11.

Отъ „Господина Прохарчина“ къ „Братьямъ Карамазовымъ“ прослѣдили мы отголоски воздѣйствія „Скупого Рыцаря“ Пушкина на творчество Достоевскаго. Чѣмъ же объясняется такая сила притяженія пушкинской драмы на Достоевскаго? Нѣтъ ли какой нибудь внутренней связи между тѣми произведеніями, въ которыхъ мы обнаружили слѣды этихъ отраженій? А если эта связь есть, то не она-ли и явится тѣмъ основнымъ въ творествѣ Достоевскаго, что дѣлало для него столь притягательными образы пушкинскаго „Скупого Рыцаря“?

¹⁾ См. IX, стр. 141.

Одной из рано волновавших Достоевского тем, как мы уже отмѣчали, былъ вопросъ объ „униженной“ бѣдности и проблема оправданія зла, въ связи съ этимъ. На этой почвѣ возникалъ острый интересъ къ темѣ о страданіяхъ ребенка и отвѣтственности за эти страданія. Интересно отмѣтить, что „Петербургскія сновидѣнія въ стихахъ и прозѣ“, такъ тѣсно связанныя съ сюжетами первыхъ произведеній Достоевскаго, ставятъ довольно отчетливо этотъ вопросъ, выдвинутый потомъ съ такою остротою въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, и ставятъ его именно въ связи съ вопросомъ о бѣдности. „Бѣдность, конечно, фактъ... ну, положимъ такъ — исключительный, спорить не будемъ. Вѣдь есть же и богатые и достаточные люди; у нихъ есть дѣти милыя, умныя, воспитанныя; имъ покупаютъ зуавовъ, и зуавы, можетъ быть, не помѣшаютъ имъ быть очень хорошими людьми со временемъ... Вѣдь у насъ чрезвычайно все это странно; по неизвѣстному какому то закону дѣлается, а долженъ же быть законъ; вѣдь по законамъ же дѣйствуетъ природа и живетъ человѣкъ. А между тѣмъ, все таки странно... Но успокоимся; къ чему совершенно бесполезные вопросы. Бѣдность всегда исключеніе; всѣ живутъ кое какъ. Общество не можетъ быть все богато; общество не можетъ быть безъ случайныхъ несчастій. Не правда ли?“ Такимъ образомъ упирается проблема бѣдности и неоправданности дѣтскихъ страданій въ вопросы факта, факта слѣлого случая и фактовъ закона природы. Бунтъ бѣдности, какъ уже говорилось, связанъ съ острой переоцѣнкой могущества денегъ, а это ведетъ къ теоріи борьбы путемъ богатства. Такъ создается интересъ къ проблемѣ накопленія, какъ средства борьбы за возстановленіе справедливости. Мы видимъ, что между „Господиномъ Прохарчинымъ“, „Петербургскими сновидѣніями въ стихахъ и прозѣ“, „Записками изъ подполья“ и „Подросткомъ“ есть внутренняя связь, оправдывающая тяготѣніе всѣхъ этихъ произведеній къ проблематикѣ денегъ и накопленія, поставленной Пушкинымъ въ „Скупомъ Рыцарѣ“. Самостоятельная постановка Достоевскимъ проблемы личности и ея свободы оказалась связанной съ темой накопленія не случайной, а органической связью.

Но эта органическая связь можетъ быть установлена и между такими казалось-бы отдаленными между собою произведеніями, какъ „Господинъ Прохарчинъ“ и „Братья Карамазовы“. Эта связь дана въ проблемѣ вины, окрашивающей оба эти произведенія, находящіяся на разстояніи начала и конца литературной дѣятельности Достоевскаго.

Мы уже отмѣчали, что кошмарный сонъ Прохарчина насыщенъ не только муками совѣсти, но и сознаниемъ своей вины за чужія страданія. Сонъ этотъ уже ставитъ въ самомъ началѣ литературной дѣятельности Достоевскаго моральную формулу: „всякій за всѣхъ виновать“. Не случайно поэтому сонъ Дмитрія Карамазова послѣ допроса такъ напоминаетъ сонъ Прохарчина. Какъ и тамъ — дѣти, баба, му-

1) Полн. собр. соч., изд. „Просвѣщеніе“, т. XXIII, стр. 196—197. Подчеркн. мною.

жикъ, пожаръ—образы, гнетущіе сознание. Только у Прохарчина сонъ сгущается въ кошмаръ; онъ самъ въ своемъ непроясненномъ сознаниі не находитъ выхода и освобожденія. Смутно сознаетъ онъ свою виноватость за всѣхъ, за чужія страданія и горести, но принять вины на себя не согласенъ. Ужъ слишкомъ онъ заробѣлъ за себя самого, за свою ничтожную судьбу. У Дмитрія Карамазова сонъ принимаетъ символическое значеніе, онъ уже предчувствуетъ свое очищеніе въ предстоящемъ страданіи за несодѣянное преступленіе. Его „хорошій“ сонъ—свидѣтель наступившаго катарсиса. Но сродство обоихъ сновъ-видѣній несомнѣнно. И внутренній смыслъ этого сна связанъ все съ тѣмъ же вопросомъ о несправедливости дѣтскихъ страданій. Во снѣ Прохарчина — „семеро дѣтей“ лысаго чиновника, жизнь которыхъ зависитъ отъ денегъ, припрятываемыхъ для одного себя оробѣвшимъ передъ жизнью Прохарчинымъ, во снѣ Дмитрія Карамазова — плачущее, промерзшее „дитѣ“ на рукахъ у бабы-погорѣлки символизируютъ нестерпимость дѣтскихъ невинныхъ слезъ. Въ этомъ и смыслъ вопроса Мити и близость этого вопроса къ протесту Ивана Карамазова противъ Промысла Божія: „Ты скажи, — восклицаетъ Митя во снѣ — почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдны люди, почему бѣдно дитѣ, почему голая степь, почему они не обнимаются, не цѣлуются, почему не поютъ пѣсенъ радостныхъ, почему онѣ почернѣли такъ отъ черной бѣды, — почему не накормятъ дитѣ?“¹⁾ И онъ во снѣ постигаетъ, что является искупительной жертвой за человѣческія страданія, ибо прошелъ мимо нихъ, весь ушелъ въ свою страсть и безудержъ карамазовскую. „Всѣ мы жестоки, всѣ мы изверги, всѣ плакать заставляемъ людей, матерей и грудныхъ дѣтей, но изъ всѣхъ— пусть ужъ такъ будетъ рѣшено теперь— изъ всѣхъ я самый подлый гадъ . . . Принимаю муку обвиненія и всенароднаго позора моего, пострадать хочу и страданіемъ очищусь“.²⁾

Такъ проблема вины связываетъ въ одно преступленіе Прохарчина и преступленіе Дмитрія Карамазова. Уходъ въ свою скорлупу, замкнутость въ себѣ и погруженіе всецѣло только въ одну страсть, разрывъ мечтателя-фантаста съ „живой жизнью“ ведетъ къ трагической развязкѣ. Душа, уязвленная чужими страданіями, вырывается или силится вырваться изъ своего одиночества, но въ этихъ позднихъ судорожныхъ попыткахъ терпитъ крушеніе. Душа, плѣненная собственною страстью, доходитъ до преступленія и въ мукахъ страданія находитъ свое очищеніе. У Пушкина, въ его „Скупомъ Рыцарѣ“ вопросъ о виновности за человѣческія страданія прямо не поставленъ. Но у Достоевскаго было законное основаніе связать свои произведенія-трагедіи съ драмой Пушкина. Сны-видѣнія Прохарчина и Дмитрія Карамазова, такъ всколыхнувшіе ихъ совѣсть, примыкаютъ къ одному пушкинскому образу, такъ хорошо всѣмъ памятнаму. Это образъ вдовы съ тремя дѣтьми. О ней вспоминаетъ баронъ въ связи со стариннымъ дублономъ, прежде чѣмъ отправитъ его въ свой сундукъ:

¹⁾ Ч. III, кн. 9-я, гл. VIII: „Показаніе свидѣтелей. Дитѣ“. Упом. изд. X, стр. 178.

²⁾ Т. ж. X, стр. 180.

„ . . . Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шель дождь, и пересталь, и вновь пошель,
Притворщица не трогалась . . .“

А проблема вины легко находила свой откликъ въ образѣ „совѣсти—когтισταго звѣря“, съ такой удивительною силою даннаго Пушкинымъ. Тяжкое же раздуміе надъ образомъ самого барона и его столкновениемъ съ сыномъ, поддержанное личными переживаніями, давало пищу для волновавшихъ творческое воображеніе Достоевскаго вопросовъ о судьбѣ мечтателя-фантаста, плѣнненнаго „неподвижной“ идей-страстью, съ одной стороны, и проблемѣ отцовъ и дѣтей—съ другой. Эта внутренняя связь одного творческаго ряда произведеній, разобранныхъ нами выше, съ намѣченными въ „Скупомъ Рыцарѣ“ образами и проблемами, и объясняетъ намъ притягательную силу пушкинской драмы на протяженіи всей литературной дѣятельности Достоевскаго.

Прага, 30 мая 1929 г.

И. И. ЛАПШИНЪ.

ПУШКИНЪ И МОНТЕНЬ.

Мишель де Монтань, или де Монтень (1533—1588), своими „Опытами“ оказалъ мощное воздѣйствіе на развитіе европейской философской мысли отъ Декарта до Ницше, но онъ оказалъ также извѣстное вліяніе и на европейскую художественную литературу. „Опыты“ были цѣнимы Шекспиромъ и, какъ показываетъ Фоссъ въ своей книгѣ: „Shakespeare and Montaigne“, сохранился до нашихъ дней экземпляръ „Опытовъ“ съ подлиннымъ автографомъ Шекспира. Мысль объ относительности нашихъ моральныхъ сужденій, высказываемая Гамлетомъ, представляетъ цитату изъ „Опытовъ“; кое-что въ „Бурѣ“, какъ доказываетъ Робертсонъ, навѣяно Монтенемъ (См. его книгу: „Montaigne and Shakespeare“).

Victor Bouillier въ своей книгѣ: „Montaigne en Italie et en Espagne“ (1922) сообщаетъ, что у знаменитаго итальянскаго поэта Альфіери (1749—1803) „Опыты“ были любимымъ произведеніемъ. Альфіери говорить: „Sublimi Saggi del familiarissimo Montaigne“. „Опыты“ были вѣрнымъ спутникомъ Альфіери въ его путешествіяхъ. Эти десять томовъ, столь богатые содержаніемъ, были для него возбуждителями критической мысли, давая богатую пищу для размышленія. „Если я когда-либо размышлялъ, то я обязанъ этимъ томикамъ Монтеня. Они меня развлекали и поучали, я былъ къ тому же невѣжественъ и лѣнивъ, — открывая наудачу какой попало томъ, я прочитывалъ одну-двѣ страницы и закрывалъ его и затѣмъ предоставлялъ моему воображенію полный просторъ развиваться въ какомъ угодно направленіи по поводу этихъ двухъ страницъ“ (Bouillier, p. 27).

Равнымъ образомъ и нѣмецкая литература, съ Гете во главѣ, испытала на себѣ воздѣйствіе Монтеня. Кризисъ сомнѣній Фауста напоминаетъ кое въ чемъ скептическія идеи Монтеня.

Гете плѣняются въ Монтенѣ его широта мысли и его терпимость. Онъ пишетъ въ 1822 году въ предисловіи къ книгѣ, озаглавленной: „Der deutsche Gil Blas“ (Ch. Sachse) по поводу путешествія Монтеня: „Монтень, рыцарь преисполненный усердія и вѣрности по отношенію къ римско-католической церкви и по отношенію къ королевской власти, предпринимаетъ свое путешествіе восемь лѣтъ спустя послѣ Вар-

еоломеевской ночи, онъ ищетъ въ Германіи случаевъ имѣть свободныя собесѣдованія не только съ католиками, но и съ протестантами, пасторами и наставниками, по вопросу о расхожденіяхъ въ вѣрованіяхъ и религиозныхъ взглядахъ. Онъ пользуется для этой цѣли латинскимъ языкомъ, которымъ вполне владѣетъ; при этомъ онъ въ сущности, хотя и придерживается нѣкоторыхъ предразсудковъ и упорно держится нѣкоторыхъ привычекъ мысли, но въ то же время трактуетъ, проявляя полнѣйшую свободу духа и съ самой невозмутимой справедливостью и безпристрастіемъ, положенія столь ему чуждыя и настолько высоко цѣнить ихъ, что онъ отдаетъ полное предпочтеніе нѣмецкимъ нравамъ и обычаямъ передъ французскими“. (Bouillier: „M. en Allemagne“.)

Равнымъ образомъ и Пушкинъ¹⁾ причислялъ Монтеня къ своимъ любимымъ писателямъ, очевидно, находя въ немъ конгеніальныя себѣ мысли; онъ, въ самомъ дѣлѣ, кое въ чемъ конгеніаленъ идеямъ Монтеня, хотя глубочайшія различія въ ихъ натурахъ и взглядахъ на жизнь сами собой бросаются въ глаза.

Напускной, въ извѣстной мѣрѣ, эгоизмъ Монтеня напоминаетъ credo теоріи эгоизма, высказанной въ стихотвореніи „изъ Пиндемонте“: „никому отчета не давать, себѣ лишь самому служить и угождать“. Это стихотвореніе, какъ извѣстно, отнюдь не есть выраженіе подлиннаго моральнаго мірочувствія Пушкина, оно очень напоминаетъ нѣкоторыя мысли Флобера, высказываемыя имъ въ его „Перепискѣ“.

Для Монтеня всего цѣннѣе въ жизни „passer à son aise“, онъ на словахъ готовъ бѣжать отъ ударовъ судьбы, „fut ce sous la peau d'un veau“. Правда, Edme Champion въ своей книгѣ: „Introduction aux Essais de Montaigne“ (1900, p. 84) показываетъ, что въ этомъ принципіальномъ эгоизмѣ Монтеня была доля напускного чувства.

Пушкинъ судитъ объ эгоизмѣ слѣдующимъ образомъ: „Эгоизмъ можетъ быть отвратителенъ, но онъ не смѣшенъ, ибо отмѣнно благо-разуменъ. Однако, есть люди, которые любятъ себя съ такою нѣжностью, удивляются своему гению съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что у нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности“ (Отрывки изъ писемъ. Мысли и замѣчанія). Античная *ἀδιαφορία* несвойственна Пушкину еще въ гораздо большей степени, чѣмъ проповѣдывавшимъ ее Цицерону и Монтеню.

Чтобы полнѣе оцѣнить всю разницу идеаловъ Монтеня и Пушкина, лучше всего сопоставить воззрѣнія на раскаяніе и его нравственный смыслъ у Монтеня и Пушкина. Монтень, хотя и претендуетъ быть вѣрнымъ сыномъ католической церкви, не чувствуетъ потребности въ покаяніи, въ этой ненависти къ прежней жизни, „*veteris vitae odium*“, не сознаетъ въ покаяніи очищающаго душу страданія, „*verum et utilem*

¹⁾ Вольтеръ характеризуетъ Монтеня, какъ: „le moins méthodique, mais le plus sage et le plus aimable des philosophes“. Можетъ быть, именно эта высокая оцѣнка Монтеня Вольтеромъ привлекла къ Монтеню вниманіе Пушкина. См. полное собраніе соч. Вольтера XXV, 308.

dolorem“ . Для Пушкина чувство раскаянія ничѣмъ не связано съ идеями церковнаго традиціонализма, но оно является выраженіемъ глубокихъ внутреннихъ страданій, которыхъ поэтъ не заглушаетъ въ себѣ, но, наоборотъ, которыми онъ идетъ на встрѣчу. Монтень ограничивается тѣмъ, что выражаетъ желаніе быть другимъ вообще, „un autre en géneral“, но это нельзя назвать раскаяніемъ : „nommer cela du repentir non plus que le déplaisir d'estre un ange“ . Онъ добавляетъ затѣмъ : „Si j'avais à revivre, je vivrais comme j'ai vécu“ .

Это непохоже на чувства и думы Пушкина :

„Во тѣмъ ночной живѣй горять во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья,
Мечты кипятъ, въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ,
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ,
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.“

Скептикомъ Пушкина нельзя назвать ни въ какомъ отношеніи. Вѣра въ истину, красоту, добро, въ нравственный смыслъ жизни никогда не покидали его вполне, если же онъ иногда отдавалъ предпочтеніе цѣнностямъ художественнымъ передъ цѣнностями познавательными, передъ наукою, то это вполне естественно ожидать отъ поэта, не посвященнаго въ глубины научнаго творчества. Пушкинскій стихъ (въ „Фаустѣ“) : „Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ“, не выражающей, однако, убѣжденія самого Пушкина, могъ бы служить эпиграфомъ къ знаменитой XII главѣ II книги „Опытовъ“ — къ апологіи Раймунда Сабундскаго. Пушкинъ, подобно Монтеню и Юму, подчеркиваетъ преходящій характеръ астрономическихъ и философскихъ системъ, — Монтень отмѣчаетъ смѣну птоломеевской системы коперниковской въ доказательство измѣнчивости истинъ, которыя тысячелѣтіями считались безспорными. Таково же отношеніе обоихъ къ философскимъ системамъ : Монтень называетъ Платона „poète descousu“, Пушкинъ называетъ Идеи „химерами“ („Къ Лидѣ“ : „Платоновы химеры“).¹⁾ У Монтеня скепти-

¹⁾ Вотъ сопоставленіе мыслей Юма и Пушкина, которое было сдѣлано мною въ книгѣ „Эстетика Достоевскаго“ (1923, стр. 40—41) :

Пушк и н ѣ. Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны, между тѣмъ какъ представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣють, одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей молодости (Сочиненія, изданіе Суворина, VIII, 329).

Ю м ѣ. Въ то время какъ Платонъ, Аристотель, Эпикуръ, Декартъ властвуютъ, смѣняя одинъ другого, Теренцій и Виргилій очаровываютъ всѣ вѣка, и никто не оспариваетъ за ними этой чести. Философія Цицерона не пользуется популярностью, но мы еще восхищаемся его краснорѣчіемъ.

Эта мысль у Юма навѣяна, конечно, чтеніемъ Монтеня, — она совпадаетъ со взглядомъ Пушкина, поскольку въ ней подчеркивается непреходящій характеръ эстетическихъ цѣнностей.

цизмъ представляетъ оборотную сторону его церковнаго традиціонализма и политическаго консерватизма. Онъ полагаетъ, что чѣмъ безсмысленнѣе, нелѣпнѣе объектъ вѣры, тѣмъ болѣе заслугъ у вѣрующаго, онъ считаетъ, что наука бесполезна для жизни, что просвѣщеніе вредно для народа, что Франція должна брать примѣръ съ Турціи, охраняя народныя массы отъ разрушающаго дѣйствія просвѣщенія и культуры совершенно такъ же, какъ Леонтьевъ рекомендовалъ „заморозить Россію“. Все это безмѣрно далеко отъ идеала просвѣщенной свободы, который предносился Пушкину. Слѣпая приверженность Монтеня къ старымъ формамъ политической жизни и неподвижнымъ церковнымъ догмамъ и всему прошлѣму укладу общественной жизни, приверженность, въ которой онъ видѣлъ единственное спасительное средство отъ разрушающей силы „духа отрицанія и сомнѣнія“, все это совершенно чуждо натурѣ Пушкина. Религіозная вѣра Пушкина вовсе не была слѣпою приверженностью къ церковному традиціонализму, — онъ былъ совершенно равнодушенъ къ догматической сторонѣ положительныхъ религій, но онъ былъ глубоко религіозной натурой въ философскомъ смыслѣ этого слова, чего никакъ нельзя сказать о Монтенѣ. Если Пушкина охватывали сомнѣнія въ смыслѣ жизни :

„Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?“

то эти сомнѣнія все же имѣли преходящій характеръ.

Смыслъ жизни раскрывался Пушкину въ апофеозѣ человѣческой творческой воли. Монтень не цѣнитъ великаго значенія радостей творчества. Пушкинъ прославляетъ творческій порывъ человѣка во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности. Пушкинъ — единственный русскій писатель, давшій въ своихъ произведеніяхъ художественное изображеніе гармоничной творческой воли человѣка въ области моральнорелигіозной (Пименъ), въ области государственной (Петръ Великій) и въ области искусства (Моцартъ). Но этого мало. Пушкинъ прекрасно понималъ величіе научнаго генія и его могучую роль въ освобожденіи человѣчества отъ духовной косности и суевѣрій и въ его власти надъ природой, въ чемъ онъ сходится со стремленіями Шекспира въ „Бурѣ“. Доказательствомъ тому можетъ служить недавно опубликованный набросокъ къ „Сценамъ изъ рыцарскихъ временъ“. Бертольдъ Шварцъ, пытливый искатель истины, ломающій голову надъ открытіемъ „философскаго камня“, подвергается насмѣшкамъ Калибана, т. е. черни, неспособной понять возвышенности его стремленій. Шварца заключаютъ въ тюрьму, изъ которой онъ, повидимому, освобождается, избрѣвши порохъ, взрывомъ. Это — набросокъ сцены, гдѣ Мартынъ бесѣдуетъ съ пытливымъ искателемъ истины (см. Неизданный Пушкинъ, 1922 г., стр. 165—166).¹⁾

¹⁾ Монтень совершенно не цѣнилъ человѣческой изобрѣтательности и открытіе Шварца считалъ не имѣющимъ никакого значенія.

Въ скептицизмѣ Монтеня Пушкина могла еще привлекать высшая иронія надъ „ложной мудростью“, надъ діалектическими ухищреніями борющихся между собою философскихъ и литературныхъ партій:

„Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной,
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губяты,
И хоромъ про свои побѣды трубятъ.
Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И, ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими — верхъ земныхъ утѣхъ
Изъ-за угла смѣяться надо всѣми.“ („Домикъ въ Коломнѣ“,
XVI—XVII.)

Липранди сообщаетъ, что Пушкинъ любилъ стравливать спорящихъ и съ любопытствомъ слѣдить за перипетіями живой діалектики.

Монтень цѣнитъ многообразіе и многосложность человѣческихъ личностей, онъ отгѣняетъ въ человѣкѣ его духовную многоликость. Пушкинъ также въ себѣ и въ другихъ отмѣчаетъ многосложность духовной структуры и ея измѣнчивость. Онъ хвалитъ Шекспира за то, что онъ изображаетъ человѣческіе характеры „съ беззаботностію жизни“, не боясь приписывать имъ глубоко противоположныя психическія черты — противочувствія. У Монтеня общая съ Шекспиромъ манера изображать характеры человѣческіе во всей сложности и противоположности ихъ чувствъ и страстей. Именно это цѣнилъ въ Шекспирѣ Пушкинъ. И, наоборотъ, онъ осуждалъ Байрона за неумѣніе послѣдняго въ драматическихъ опытахъ живо представить „противочувствія“ сложныхъ характеровъ: „Когда . . . онъ (Байронъ) сталъ составлять свою трагедію, то каждому дѣйствующему лицу роздалъ онъ по одной изъ составныхъ частей сильнаго и сложнаго характера . . . и такимъ образомъ раздробилъ свое величественное созданіе на нѣсколько лицъ, мелкихъ и незначительныхъ“ (См. „О Байронѣ“, 1827 г.).

Аналогичныя мысли въ примѣненіи къ игръ актеровъ мы находимъ у Монтеня, который пишетъ слѣдующее:

„Il y a quelque apparence de faire jugement d'un homme par les plus communs traits de sa vie, mais, veu la naturelle instabilité de nos moeurs et opinions, il m'a semblé souvent que les bons acteurs mesmes ont tort de s'opiniâtrer à former de nous une constante et solide contexture; ils choisissent un air universel; et suyvnt cette image, vont rangeant et interpretant toutes les actions d'un personnage; et s'ils ne les peuvent assez tordre ils les renvoient à la dissimulation. Auguste leur est échappé, car il se trouve en cet homme une variété d'actions si apparente, souldaine et continuelle, tout le cours de sa vie, qu'il s'est fait lascher entier et indécis, aux plus hardis juges“ (Livre second, ch. I.: „De l'inconstance de nos actions“).

Монтень мастерски освѣщаетъ смѣшанныя чувства, которыя такъ тонко умѣлъ описывать Пушкинъ. Борисъ морщится передъ короной, „что пьяница предъ чаркою вина“. Онѣгину, по его собственному признанію, приходилось умирающему богатому дядѣ, отъ котораго ему

предстояло получить наследство, „печально подавать лекарство, вздыхать и думать про себя: когда же чортъ возьметъ тебя“. Монтень приводит стихъ изъ Публія Сира (P. Syrus, apud A. Gellium XVII): „Heredis fletus sub persona risus est“ и далѣе слѣдующіе стихи Лукана (IX):

..... „Tutumque putavit
Jam bonus esse socer; lacrymas non sponte cadentes
Effudit, gemitusque expressit pectore laeto“.

Отравивши Моцарта, Сальери плачеть:

„Эти слезы
Впервые лью: и больно, и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...“

„Неронъ, пишетъ Монтень, прощаясь съ матерью, обреченною имъ на утоплёніе, былъ все-же взволнованъ при вѣчной разлукѣ съ матерью, испытывая при этомъ заразъ и ужасъ, и жалость.“ „Мы стремимся съ полной рѣшимостью... къ отмщенію за какую-нибудь обиду и испытываемъ полное удовлетвореніе, достигнувъ побѣды, тѣмъ не менѣе мы плачемъ. Не о совершенной мести мы плачемъ, но наша душа взираетъ на происшедшее съ другой точки зрѣнія, ибо всякая вещь на свѣтѣ „a plusieurs biais et plusieurs lustres“ (См. Essais, I, XXXVII).

Въ „Египетскихъ ночахъ“ Пушкинъ описываетъ поразительное сочетаніе чувственности съ жестокостью, воспроизводя легенду, сообщаемую Аврелиемъ Викторомъ о Клеопатрѣ. У Монтеня мы находимъ исторію, которая также являетъ намъ чувственность, временною отчасти вытѣсненную жестокостью: „Atalante, fille de beaulté excellente et de merveilleuse disposition, pour se desfaire de la presse de mille poursuyvants, qui la demandoient en mariage, leurs donna cette loy: „qu'elle accepteroit celui, qui l'equaleroit à la course pourveu que ceulx qui y faudroient en perdissent la vie.“ Il s'en trouva assez qui estimerent ce prix digne d'un tel hazard et qui encoururent la peine de ce cruel marché. Hippomenes ayant à faire son essay aprez les aultres s'adressa à la déesse tutrice de cette amoureuse ardeur, l'appellant à son secours; qui exauceant sa prière, le fournit de trois pommes d'or et de leur usage. Le champ de la course ouvert, à mesure que Hippomenes sent sa maitresse lui presser les talons, il laisse eschapper, comme par inadvertance, l'une de ces pommes, la fille, amusée de sa beaulté, ne fault point de se detourner pour l'amasser... Autant en fait il, à son point, et de la seconde et de la tierce jusques à ce que par ce pourvoyement et divertissement l'avantage de la course lui demeura“ (См. IV главу III книги).

У Пушкина въ „Пирѣ во время чумы“, въ гимнѣ чумѣ Вальсингама говорится:

„Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таить
Неизъяснимы наслажденья,
Безсмертья, можетъ быть, залогъ“.

Эта замѣчательная строфа напрашивается на сопоставленіе со слѣдующимъ мѣстомъ въ „Essais“ Монтеня: „Mais on désire aussi quelque fois la mort pour l'espérance d'un plus grand bien: „Je désir, dict St. Paul, d'estre dissout pour estre avecques Jesus Christ“ et: „Qui me desprendra de ces liens?“ Cleombrotus Ambraciota, ayant leu le „Phaedon“ de Platon, entra en si grand appetit de la vie advenir, que, sans aultre occasion, il s'alla precipiter en la mer. Par où il appert combien improprement nous appellons desespoir cette dissolution volontaire, à la quelle la chaleur de l'espoir nous porte souvent et souvent une tranquille et rassise inclination du jugement. Jacques du Chastel, évesque de Soissons, au voyage d'oultremer que fait Saint Louis, veoyant le roy et toute l'armée en train de revenir en France, laissant les affaires de la religion imparfaites, print resolution de s'en aller plus tost en Paradis; et, ayant dict adieu à ses amis, donna seul à la vue d'un chascun dans l'armée des ennemis, où il feilt mis en pieces“. Далѣе Монтень рассказываетъ о добровольно бросающихся подъ огромную колесницу, чтобы быть раздавленными при ея движеніи въ торжественной религіозной процессіи (См. III главу второй книги).

И Пушкина, и Монтеня равно привлекаетъ и одновременный и послѣдовательный контрастъ чувствъ. Способность становиться на различныхъ точки зрѣнія, перевоплощаться въ совершенно различные персонажи, быстро переходить отъ одного настроенія къ другому—общая у Пушкина съ Монтенемъ; только полиперсонализмъ Пушкина имѣетъ преимущественно артистическую окраску, у Монтеня же внезапная измѣнчивость настроеній скорѣе составляетъ житейскую черту.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эти колебанія психическаго уровня не мѣшали Монтеню въ общихъ линіяхъ его дѣйствій проявлять очень опредѣленную волевою рѣшимость. Свою измѣнчивость настроеній онъ характеризуетъ словами: „à jeun je me sens aultre qu'après le repas; si ma santé me rid et la clarté d'un beau jour me voyla renfrongé, mal plaisant et inaccessible“ etc.

Друзья Пушкина также отмѣчали внезапную измѣнчивость его настроеній, но въ этой измѣнчивости, я думаю, немалую роль играла именно художническая перевоплощаемость. Такъ, онъ пишетъ о себѣ въ шутку А. П. Кернъ (28 августа 1825 г.): „Но пріѣзжайте сюда, и я обѣщаю Вамъ, что буду необыкновенно любезенъ: я буду веселъ въ понедельникъ, экзальтированъ во вторникъ, нѣженъ въ среду, проворенъ и ловокъ въ четвергъ, въ пятницу, субботу и воскресенье я буду всѣмъ, чѣмъ прикажете“.

Рапсодичность стиля у Монтеня, его склонность философствовать иногда съ мнимымъ глубокомысліемъ по поводу мелочей его собственной личной жизни даетъ поводъ Пушкину къ шуточному пародійному подражанію въ наброскѣ, который такъ начинается:

„ПРЕДИСЛОВІЕ.

Дядя мой однажды занемогъ. Пріятель посѣтилъ его. „Мнѣ скучно“, сказалъ дядя. „Хотѣлъ бы писать, но не знаю, о чемъ“. „Пиши все, что

ни попало, отвѣчалъ пріятель, мысли, замѣчанія литературныя, политическіе и сатирическіе портреты и тому подобное. Это очень легко. Такъ писали Сенека и Монтень.“ Пріятель ушелъ, а дядя послѣдовалъ его совѣту. Поутру дурно сварили ему кофе, и это его разсердило, теперь онъ философски разсуждалъ, что его огорчила сущая бездѣлица, онъ взялъ перо и листъ бумаги и написалъ: „Насъ огорчаютъ иногда сущія бездѣлицы“ (См. „Неизданный Пушкинъ“. Собраніе А. Ф. Онѣгина. Петербургъ, изд. Атены, стр. 174). Монтень въ главѣ „о гнѣвѣ“ (XXXI глава 2-ой книги „Опытовъ“) жалуется на то, что „ничтожныя причины иногда вызываютъ въ насъ сильный гнѣвъ“.

Пушкинъ является въ русской литературѣ наивысшимъ выразителемъ духовной свободы, и въ этомъ его интеллектуальное превосходство надъ Достоевскимъ, Гоголемъ и Толстымъ. Его волнуютъ вопросы „о тайнахъ вѣчности и гроба“, онъ жаждетъ, хотя и „мучимъ сомнѣніями“, свиданія съ умершимъ любимымъ существомъ, но его высокой и свѣтлой умъ живо чувствуетъ всю фальшь псевдонаучныхъ „доказательствъ“ теологическихъ и метафизическихъ истинъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ до нѣкоторой степени сходится съ Монтенемъ, признавая слабость въ аргументаціи метафизиковъ. Но Пушкинъ совершенно чуждъ пріятія вслѣпую, на вѣру всѣхъ положеній церковнаго и тѣмъ болѣе политическаго традиціонализма, что мы видимъ у Монтеня. Не надо еще забывать, что многія высказыванія Пушкина въ этой сферѣ являются не вполне искренними по его собственному признанію: „Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политической и религіозной, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общественному порядку и необходимости“ (Письмо къ П. А. Плетневу, 7 марта 1826 г.).

Богатство тонкихъ психологическихъ наблюденій и замѣчаній Монтеня, острота его ума, пробуждающая критическое отношеніе къ суевѣріямъ и предразсудкамъ, духовная многоликость и эмоциональная подвижность — все это оказало несомнѣнно благотворное дѣйствіе на духовное развитіе Шекспира, Альфіери, Гете и Пушкина, скептицизмъ же Монтеня былъ всѣми ими преодоленъ, какъ временный кризисъ юнаго возраста; тотъ скептицизмъ, однако, помогъ укрѣпиться ихъ непоколебимой вѣрѣ въ могущество человѣческаго разума и въ то же время открылъ имъ глаза на тщету „ложной мудрости“. Эту вѣру въ могущество человѣческой мысли Пушкинъ выразилъ въ гимнѣ человѣческому разуму, вдохновившемъ великаго музыканта Глазунова:

„Ты, солнце святое гори.
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!“

С. В. ЗАВАДСКИЙ.

ДВѢ ЗАМѢТКИ.

I. МѢДОКЪ ВЪ УАЛЛАХЪ.

Среди черновыхъ набросковъ Пушкина есть одинъ переводный отрывокъ изъ поэмы Соути „Мѣдокъ“. Подъ заголовкомъ его значится въ скобкахъ: „Мѣдокъ въ Уаллахъ“. Это „въ Уаллахъ“ для большинства—чистая тарабарщина, но и тотъ, кто, обратившись къ англійскому подлиннику (*Madoc in Wales*), знаетъ, что Пушкинъ написалъ „въ Уаллахъ“ вмѣсто „въ Уэльсѣ“, недоумѣваетъ, какъ могло быть допущено Пушкинымъ такое странное написаніе¹⁾.

Конечно, Пушкинъ тутъ не свободенъ отъ неточности и притомъ двойкой: прочелъ *a* въ англійскомъ названіи *Wales* за *a*, а не за *э*, и удвоилъ зачѣмъ-то *л*. Но такъ ли ужъ велика эта вина? Нечего повторять, что Пушкинъ выучился по-англійски самоучкою, и выговоръ его былъ плохъ. Нельзя забывать, что начертаніе и произношеніе *Уэльс* появилось у насъ довольно поздно, въ пушкинское же время обычно говорили „Валисѣ“, а писали иногда и „Валлисѣ“, даже „принцъ Валлійскій“. Кстати сказать, произвольное удвоеніе *л* на письмѣ — застарѣлая наша болѣзнь: Илларіонъ, Иллиодоръ, Иллиада, привиллегія, диллетантъ. Слѣдовательно, *алл* у Пушкина въ данномъ случаѣ не личная его ошибка, а лишь повтореніе привычныхъ ошибокъ.

Но, попытавшись пустить вм. *Валлис* а новообразование *Уаллы*, т. е. перемѣнивъ начальный и конечные звуки въ русской транскрипціи имени *Wales*, Пушкинъ несомнѣнно сдѣлалъ два рѣшительныхъ шага впередъ.

Первому шагу Пушкина мы давно уже пошли навстрѣчу: *Уэльс*, *Уорренъ*, *Гелсуорси* и т. п.; а такія начертанія, какъ *Вашингтонъ*, *Бордсвортъ*, *Вальтеръ Скоттъ*, — все это обломки старины.

Если же второму шагу Пушкина мы не послѣдовали, то въ этомъ вина уже не его, а наша. Когда-то намъ въ русскомъ воссозданіи чу-

¹⁾ Н. В. Яковлевъ въ замѣткѣ „Пушкинъ и Соути“ (Пушкинъ въ міровой литературѣ. Сборникъ статей, 1926, стр. 150) говоритъ: „Никто изъ комментаторовъ не обратилъ вниманія на странную ошибку Пушкина, переведшаго имя „*Wales*“ (*Уэльс*) какъ „Уаллахъ“. Но объяснить эту ошибку авторъ замѣтки не попытался.

жихъ собственныхъ именъ удавалось справляться съ иноязычнымъ множественнымъ числомъ: Аѳины, Дельфы, Оивы, Сарды, Канны, даже Нидерланды. Но потомъ мы сбились; стали писать и произносить: Антверпен (ср. чешское Antverpu), Бремен (ср. чешское Brémy), пампасы, сельвасы и льяносы (вм. пампы, сельвы и льяны; rampas, selvas, llanos — мн. ч.), г(в)ерильясы (вм. герилы, маленькія войны), рельсы (rails — мн. ч.), кексы (cakes, но един. ч. cake), бифштексы (beefsteaks — мн. ч.; ср. франц. biftek). Пушкинское „въ Уаллахъ“ и есть попытка вернуться къ правильному — „въ Аѳинахъ“. Хотя бы и не раздѣлять мнѣнія, что такія попытки должны быть привѣтствуемы, хотя бы и считать, что онѣ безнадежны, и тогда пушкинская строчка, надъ которой мы задержались, не плодъ незнанія или небрежности, а свидѣтельство, какъ вдумчиво Пушкинъ работалъ надъ роднымъ языкомъ.

Особенность Пушкина въ томъ, что онъ во всемъ кратокъ и нигдѣ не ставитъ ребромъ своихъ достижений, а для насъ понимать съ полуслова и догадываться безъ подчеркиванія трудно.

II. О ПУШКИНСКИХЪ УДАРЕНИЯХЪ.

Уже давно, пытаясь разобраться въ прихотяхъ русскаго ударенія, сталъ я обращаться къ стихамъ конца XVIII и первой половины XIX в., этому и на письмѣ звучащему фонографу когда-то живой ударяемости. Многіе отмечаютъ помощь стиховъ, считая ихъ пособіемъ ненадежнымъ въ виду возможности обмануться стихотворными вольностями. Но такую опасность не слѣдуетъ преувеличивать: если не только читать, а еще и вчитываться, сопоставляя стихи разныхъ поэтовъ и разные стихи одного и того же поэта, то едва ли ошибешься, заключая, напр., что „въ толпѣ избранной“ (Евг. Онѣгинъ), „покой повсюду несказанный“ (у Жуковскаго), „жемчугъ“ (у всѣхъ старыхъ поэтовъ, даже у А. К. Толстого) — памятники прежняго ударенія, тогда какъ „пройдетъ“ (Бор. Годуновъ), „таинственно слита“ (у Жуковскаго), „объружи счастьемъ“ (у Лермонтова), „не свѣтила луна“ (у Тургенева) — произвольное смѣщеніе ударенія, вталкиваніе въ размѣръ такого слова, которое туда не укладывается.

Стихи Пушкина — особенно важное подспорье для размышляющихъ надъ удареніемъ въ русскомъ языкѣ: Пушкинъ не только великій поэтъ, но и блестящій мастеръ стихослагательства; „запросто жили“ съ Пушкинымъ не однѣ риѣмы, о чемъ говорилъ ему самъ, но и всѣ тонкости стихотворческой техники; не диво, что ему лишь изрѣдка представало искушеніе смѣстить удареніе ради размѣра: „позволено“ (Евг. Онѣгинъ), „надъ губой“ (Пажъ), „колоколъ“ (Бор. Годуновъ) и т. п. у Пушкина положительно тонуть въ морѣ удареній или безупречныхъ или звучавшихъ вокругъ него. Ни „дневнымъ свѣтиломъ“ ни „музыкою“ этого не опровергнуть: тогда было за обычаемъ въ сочетаніи какъ разъ „дневное свѣтило“ ставить удареніе на е (ср. наше „о́кружный судъ“, хотя во всѣхъ иныхъ случаяхъ „о́кружной“), а „музыка“

(съ итальянскимъ удареніемъ: musica) вытѣснило „музыку“ (съ удареніемъ французскимъ: musique) лишь послѣ Пушкина; да и что мѣшало бы ему написать: „Я музыку разъялъ какъ трупъ“ (Моцартъ и Сальери) и „Громъ музыки не призываетъ насъ“ (Бор. Годуновъ), если бы онъ произносилъ, какъ мы теперь: музыка? Не показательны и колебанія Пушкина въ удареніяхъ: „граждане“ и „граждане“ (Бор. Годуновъ), „знамена“ (Наполеонъ на Эльбѣ) и „знамена“ (Мечтатель), „удалой“ (Городокъ) и „удалый“ (Делибашъ), „недвижимъ“ (Полтава, Герой) и „недвижимъ“ (Евг. Онѣгинъ), „на холмѣ“ (Русланъ) и „на холмѣ“ (Вѣщ. Олегъ) и т. п. объясняются просто разноударяемостью этихъ словъ и въ повседневномъ употребленіи.

Моя записная книжка — наглядное свидѣтельство, какъ поучительны пушкинскія ударенія. Изъ нея и почерпнуты краткія выписки, предлагаемыя вниманію читателей.

1. Есть въ „Бор. Годуновѣ“, въ сценѣ Григорія со злымъ чернецомъ, стихъ: „... мнѣ путь-дорога на четыре стороны“. Нерѣдко приходится слышать, что это такая же вольность, какъ и „колоколъ“ шестью строками выше. Теперь дѣйствительно часто говорятъ: обѣ, четыре стороны. Но правъ, конечно, Пушкинъ, а не возражатели: всѣ стороны (мн. ч.), но двѣ, три, четыре, обѣ стороны (род. ед. ч. вмѣсто имн. дв. ч.). Говоримъ же мы: на всѣ руки, но: въ четыре руки; переломалъ ноги, но: пустился въ три ноги. И, однако, путаница въ такихъ сочетаніяхъ началась еще до Пушкина; по крайней мѣрѣ, у него встрѣчается: „обѣ руки“ (Сказка о мертвой царевнѣ) и „оба наши сокола“ (Сказка о золотомъ пѣтушкѣ)¹⁾.

2. Односложныя (въ имн. пад. ед. ч.) существительныя ж. р. на -ѣ отдаютъ удареніе на падежное окончаніе только въ предложномъ падежѣ ед. ч., когда онъ имѣетъ значеніе мѣстнаго (о кости, но въ кості; зараженіе крови, но храмъ Воскресенія на крові; много чести, по чести, но въ чести у царя), и въ род., дат., вин. = род., твор. и предложномъ мн. ч. (зыбѣй, ногамъ, сельдѣй, дверями и дверьми, о грязяхъ, на костяхъ). Отъ этого рѣчь людей образованныхъ допускаетъ отступленія двоякаго порядка; съ одной стороны — мы боимся отдачи ударенія на конецъ и говоримъ, напр.: во второй части своей книги (ср. народное: ночеваль въ части) онъ высказалъ много дѣльныхъ мѣслей (ср. мѣщанское: мыслѣй); съ другой же — отдаемъ удареніе тамъ, гдѣ не слѣдовало бы, и говоримъ, напр.: переломъ кості (род. ед.), прижалъ къ груди (дат. ед.), преданія о древней Русі (предл. ед. не въ значеніи мѣстнаго), изъ Твери, плавалъ по Томі (утонулъ, конечно, въ Томі, но плавалъ по Томі). Пушкинъ соблюдалъ отдачу ударенія въ предл. = мѣстн. ед.: „потопилъ въ крові“ (Бова), „въ пылі, средь копій и мечей“ („Хотѣлъ я душу освѣжить“), „я въ ночи сюда прокралась“ (Полтава),

— — —

¹⁾ И еще: „три сосны“ („Вновь я посѣтилъ“); но стихъ: „на вѣтви сосны преклоненной“ (Евг. Онѣгинъ) показываетъ, что Пушкинъ или произносилъ „сосна“ или допускалъ тутъ вольность.

„о, если правда, что въ ночь“ (Заклинаніе), „на раненой груди“ (Городокъ), „на груди твоей погасъ“ (Къ молодой вдовѣ)¹⁾; зналъ онъ и то, что въ род. и дат. ед. удареніе остается на корнѣ: „тогда во славу Русі ратной“ (Олеговъ щитъ), „съ груди прекрасной (Измѣны), „бѣлой груди колебанье“ (Къ Натальѣ), „и груди трепетанье“ (Фавнъ и пастушка), „ты къ груди не прильнешь моей („Подъ вечеръ, осенью ненастной“), „къ груди грудью страстной“ (Городокъ), „бродить по груди страстной“ (Фавнъ и пастушка). Но уже и Пушкинъ сталъ сбиваться въ удареніи: „какая честь для насъ, для всей Русі“ (Бор. Годуновъ), „по всей Русі великой“ (Памятникъ), „съ бѣлой зори до ночи“ (Сказка о мертвой царевнѣ), „съ печи тихохонько прыгнула“ (Гусарь), „прижать къ груди въ послѣдній разъ“ („Подъ вечеръ“), „пускай оно груди коснется“ (Къ письму)²⁾.

3. Склоненіе им. существительныхъ ж. р. (и м. р.) на *-á* и *-я* распадается въ отношеніи ударенія на три разряда: 1) есть слова съ неподвижнымъ удареніемъ, каковы: княжнá, ступнѣя (такихъ словъ мало и становится все меньше), 2) есть слова съ выносомъ ударенія во всѣхъ падежахъ мн. ч., каковы: игрá, иглá и т. п., во мн. ч.: и́гры, и́грамъ и т. д., и́глы, и́гламъ и т. д., 3) есть, наконецъ, слова съ выносомъ ударенія только въ имн. мн. ч., какъ напр., серьгá, серьгí и т. д., имн. мн. сѣрѣги, но затѣмъ сѣрѣгъ, сѣрѣгамъ и т. д. (такихъ словъ становится все больше: ср. легкія стопы ногъ и всѣ стопы бумаги; чаще и чаще слышится: толпы, кúмы); къ тому же надобно добавить, что въ нѣкоторыхъ словахъ третьяго образца удареніе выносится и въ вин. ед. ч.: рúку, нóгу и т. п. (и этотъ выносъ учащается: трáву, вѣсну, скáлу). Когда перечитываешь Пушкина, то видишь, какъ еще онъ относитъ къ первому изъ указанныхъ выше разрядовъ тѣ слова, которыя мы привыкли — совсѣмъ или почти — причислять къ третьему: „мрачныя скалы“ (Обвалъ)³⁾, „горшки, скамьи, столы“ (Гусарь), „вѣчныя струи“ (Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ), „судьбы соединили“ (19 октября 1836 г.), „вездѣ бѣды застану“ (къ Дельвигу)⁴⁾. Но мало того, — Пушкинъ оказывается совершенно чуждымъ все болѣе укореняющейся въ наше время ошибкѣ увеличивать число словъ второй категоріи и говорить: острóтамъ, стрáнамъ, вóдамъ, глáвамъ, звѣздамъ, сѣстрамъ (хотя род. мн.: сестѣръ; ср.

---

¹⁾ Встрѣчается, правда, и такое удареніе, какъ: „... въ грусти томный духъ“ (Городокъ); но „въ грусти“ — выраженіе книжное (по народному: въ грустѣяхъ) и тутъ нами овладѣваетъ робость передъ отдачею ударенія уже окончательно (ср.: въ мѣсли, въ рѣчи).

²⁾ Причислить сюда же стихи: „все ходить по цѣпи кругомъ“ (Прологъ къ Руслану) и „летаешь по груди прекрасной“ (Усы) — нѣтъ достаточнаго основанія; вѣроятнѣе, что Пушкинъ произносилъ: по цѣпи, по груди; у него главное (самое властное) удареніе въ четырехстопномъ ямбѣ чаще всего падаетъ на вторую стопу (стихи въ родѣ: „тамъ Озеровъ невольны дани“, „и кланялся непринужденно“ — являются исключеніемъ).

³⁾ Такъ же и у Тютчева: „какъ кимвалы, звучали скалы“; но у А. К. Толстого уже: „вы все любуетесь на скалы“.

⁴⁾ И у Дмитріева: „любовь родить бѣды“.

пословицу: всѣмъ сестрамъ по серьгамъ), зѣмлямъ (хотя род. мн.: земѣль). У Пушкина: „на помраченныхъ высотѣхъ“ (Наѣздники), „по скаламъ“ („Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“), „близехонько къ волнамъ“ и „съ бурными волнами“ (Мѣдный всадникъ), „слугамъ велить“ (Воевода), „объявить ихъ старшинамъ“ (Бонапартъ и черногорцы), „не внемлющихъ судей“ (Мѣдный всадникъ).

4. Имена существительныя ср. р. на -о и -е, если и отдають назадъ или выносятъ впередъ удареніе, то лишь во мн. ч.: войско, войска, вѣйску и т. д., но войскá, войскáмъ и т. д., и, наоборотъ, стеклѡ, стеклá и т. д., но стѣкла, стѣколъ, стѣкламъ и т. д. Но мы говоримъ: съ утра, до утра, даже поутрѣ, хотя оставили въ неприкосновенности: ѹтромъ. Такое своеобразное смѣщеніе ударенія есть еще въ готовыхъ словосочетаніяхъ: полчаса, четверть часа, дать разá, положить шарá. У Пушкина уже есть „съ утра“ (На выздоровленіе Лукулла, Сказка о мертвой царевнѣ), но онъ говорилъ не „поутрѣ“, а „поутру“ (Дорожныя жалобы, Странникъ, На картинки къ „Евг. Онѣгину“).

5. Односложныя (въ имн. пад. ед.) им. существительныя м. р. на -ѡ, -ѡ и -ѣ или вовсе не отдають ударенія назадъ при склоненіи (напр., толкъ), или же отдають его, начиная: а) съ род. мн. (напр., волкъ), б) съ имн. мн. (напр., шелкъ) и в) даже съ род. ед. (напр., полкъ). Но конь (и гвоздь), отдавая удареніе на конецъ съ род. ед., дѣлаетъ исключеніе для имн. мн.: кони (и гвѡзди). Чѣмъ объяснить это исключеніе? Пушкинъ, говорившій въ род. ед. (и въ вин. ед.) коня (Зимнее утро, „Зима. Чтѡ дѣлать намъ въ деревнѣ?“), Бѣсы) и въ имн. мн. кони (Бѣсы), допускалъ удареніе на первомъ слогѣ еще въ дат. мн. конямъ (Бѣсы). Произволь? Но вспомните пословицу: баба съ возу, конямъ легче. А съ другой стороны — у Жуковского: взвились кони и трубы зазвучали. Въ соединеніи съ этими данными, пушкинское удареніе наводитъ на мысль, что могло быть прежде: конь, коня и т. д., кони, коней и т. д. (какъ комонь), и что форма имн. мн. кони удержалась и тогда, когда возобладали: коня, коней¹⁾.

6. Если краткая форма прилагательныхъ въ ж. р. и въ ед. ч. отдаетъ удареніе на конецъ слова, то въ ср. р. ед. и во мн. ч. удареніе остается тамъ же, гдѣ стоитъ въ м. р. ед. ч.: хѡлодень, хѡлоднá, хѡлодно, хѡлодны. Живая рѣчь, однако, давно стала сбиваться: свѣтель, но свѣтлѡ, свѣтлѣ, какъ свѣтлá; бѣлѡ, бѣлѣ, какъ бѣлá. Теперь постоянно слышится: должнѣ, нужнѣ, виднѣ, старѣ, старѡ, чистѣ и т. п.; нерѣдко также: новѣ, правѣ, кривѣ. Уже у Грибоѣдова: „дома новѣ“ (впрочемъ: „но предразсудки старѣ“). Пушкинъ допускалъ: „бѣлѡ“ (Евг. Онѣгинъ), но въ остальномъ держался правила: „сильны“, „чѣсты“, „не властны“ (Бор. Годуновъ).

7. Глаголы 2 спряженія съ удареніемъ въ неопредѣленной формѣ на концѣ дѣлятся, чтѡ касается ударенія въ настоящемъ времени, на три разряда: 1) съ неподвижнымъ удареніемъ: кричѣ, кричѣшь и т. д.,

¹⁾ Гвѡзди (вм. гвоздѣ) можно объяснить вліяніемъ формы гвѡздѣ или гвѡздѣя.

свищѹ, свистѣшь и т. д., браню́, бранишь и т. д., 2) съ выносомъ ударенія во 2 и 3 лицѣ ед. ч. и во всѣхъ мн. ч.: учѹ, учишь и т. д., ловлю́, ловишь и т. д., 3) съ колеблющимся удареніемъ: цѣнишь и цѣнишь, ка́тишь и ка́тишь и т. п. Третья группа образовалась, повидимому, изъ первой подѣ влияніемъ второй, какъ равно и глаголовъ I спряженія въ родѣ: пашѹ, пашешь, скачѹ, скачешь, лижѹ, лижешь и мн. др. Такой сдвигъ ударенія во 2 спряженіи Пушкину мало извѣстенъ; можно указать на рѣдкіе примѣры: „навстрѣчу ва́литъ“ (Сказка о царѣ Салтанѣ), „капусту са́дитъ“ (Евг. Онѣгинъ), „кѣпитъ“ (Полтава); обычно же у Пушкина глаголы, относимые теперь къ третьей категоріи, сохраняютъ удареніе на концѣ: „не измѣни́мъ присягѣ“ (Бор. Годуновъ)¹⁾, „слегка Шекспира не цѣни́шь“ (Калмычкѣ)²⁾, „она мани́тъ его рукою“ („Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ“), „опять меня мани́шь“ („Цѣнитель умственныхъ твореній“), „она мани́тъ, она поѣтъ“ (Русланъ и Людмила)³⁾, „у́сь крути́шь рукою“ (Усы), „главу ихъ заслонѣшь“ („Вновь я посѣтилъ“). . . . .

---

¹⁾ У Лермонтова уже есть выносъ ударенія: „клялся, что вѣчно не измѣнить“.

²⁾ У Лермонтова удареніе тутъ уже колеблется: „не оцѣни́тъ тоски твоей“ и „но слезъ твоихъ онъ не оцѣни́тъ“.

³⁾ У Боратынскаго также: „въ свой домъ она мани́тъ“, но у Лермонтова: „на́съ ма́нишь подѣ хладною мглой“.

П. Б. СТРУВЕ.

„НЕИЗЪЯСНИМЫЙ“ И „НЕПОСТИЖНЫЙ“.

ИЗЪ ЭТЮДОВЪ О ПУШКИНЪ И ПУШКИНСКОМЪ СЛОВАРЬ.

Памяти моего сына Льва † 3/16 января 1929 г.

I.

Пушкинъ ясенъ во всемъ многообразномъ смыслѣ этого прекраснаго русскаго слова. Онъ — ясный день и онъ — ясный соколъ. Онъ живой и могучій образъ творческой гармоніи и ясности, онъ — красота и мѣра. Пророчески-ободрительно и въ то же время на всѣхъ дѣятелей русской культуры налагаетъ величайшую отвѣтственность, что въ началѣ русской подлинно національной, самобытной литературы стоитъ этотъ спокойный великанъ ясной и мѣрной красоты.¹⁾

А въ то же время какое было любимое понятіе и слово у яснаго Пушкина? ²⁾

Для Пушкина „небо блещетъ неизъяснимой синевою“.³⁾ Значитъ, для него и въ глубинѣ спокойной и ясной небесной тверди есть что-то, при всей яркости и блескѣ, неизъяснимое, таинственное. Но и въ глубинахъ человѣческой души, съ ея смятеніями и волненіями, скрываются для взора поэта тѣ же неизъяснимыя, таинственныя вещи:

„Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ.
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтаетъ и вѣдать могъ.
Итакъ — хвала тебѣ, чума!

(„Пиръ во время чумы“ 1830 г.)

¹⁾ Я пользуюсь здѣсь и ниже нѣкоторыми мыслями, выраженіями и примѣрами изъ своей рѣчи „Русская наука въ исторіи русской культуры“, произнесенной въ 1921 г. на первомъ пражскомъ съѣздѣ русскихъ ученыхъ и напечатанной въ „Возрожденіи“ отъ 7-го іюня 1926 г., и изъ своихъ „Замѣтокъ писателя: 3. Русскій языкъ. — Очистители и засорители“ („Возрожденіе“ отъ 29 Апрѣля 1926 г.). Ср. также статью „Именемъ Пушкина“ въ „Возрожденіи“ отъ 7 іюня 1926 г.

²⁾ Интересно было бы прослѣдить употребленіе слова „ясный“ у Пушкина. Но объ этомъ въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ.

³⁾ „Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевою,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ“... (1827 г.)

Или :

„Оставиль я людское стадо наше,
Дабы стеречь вашъ (боговъ П. С.) огонь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собой...
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Не смертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учать —
Чтить самого себя“. (Набросокъ 1829 г.)

Въ свое время я уже указалъ, что едва ли не Карамзинъ укоренилъ въ русскомъ литературномъ языкѣ это любимое пушкинское слово „неизъяснимый“, мистически характерное для величайшаго русскаго гения. Изъ Карамзина я приведу одинъ только поздній примѣръ. О побѣжденныхъ русскимъ упорствомъ и русской зимой французахъ Карамзинъ пишетъ :

„Какъ въ безднахъ темной Адской сѣни
Толпятся осужденныхъ тѣни,
Подъ свистомъ лютыхъ Эвменидъ:
Такъ сонмы сихъ непобѣдимыхъ,
Едва имѣя жизни видъ,
Въ страданіяхъ неизъяснимыхъ
Скитаются среди льсовъ;
Имъ пища ледъ, имъ снѣгъ покровъ.“¹⁾ (1814 г.)

Но первый авторъ, у котораго я встрѣтилъ слово „неизъяснимый“, — Державинъ. Въ его знаменитой одѣ „Богъ“ есть стихъ :

„Неизъяснимый, непостижный“.

Тутъ рядомъ два прекрасныхъ русскихъ реченія, которыя мы привыкли связывать съ Пушкинымъ.

II.

Остановимся пока на первомъ изъ этихъ реченій.

Слово „неизъяснимый“ есть не столько переводъ, сколько передача французскаго *ineffable*, которое въ свою очередь есть уже переводъ греческаго *ἄρρητος*.²⁾

Французскій языкъ слово *ineffable* заимствовалъ (или удержалъ) изъ поздней латыни и, въ частности и въ точности, изъ языка Блажен-

¹⁾ „Освобожденіе Европы и Слава Александра I“. Въ Смирдинскомъ изданіи т. I, СПб. 1848 г., стр. 238—254. Едва ли не послѣднее стихотвореніе Карамзина. „Непобѣдимыхъ“ подчеркнуто въ оригиналѣ; „неизъяснимыхъ“ — мною П. С.

²⁾ Словамъ *ἄρρητος*, *resp. ἀνεκλάλητος*, какъ и *ineffabilis*, собственно соотвѣтствуютъ славяно-русскія реченія „неизречен(ный)“ и „неизглаголан(ный)“. Ср. Словари Востокова и Миклошича. У этихъ словъ, кромѣ первичнаго и буквальнаго, есть вторичное, такъ сказать, углубленное значеніе, указующее на таинственность, мистичность. Такія же два значенія прикрѣпились, во всякомъ случаѣ со временъ Пушкина, и къ эпитету „неизъяснимый“.

наго Августина и церковнаго поэта Пруденція.¹⁾ А отъ Августина и Пруденція его заимствовала вся средневѣковая латинская литература, и въ особенности та, къ которой прилагается наименование „схоластической“, эта подлинная сокровищница и мастерская самыхъ сильныхъ и самыхъ поэтическихъ реченій, которыми располагаетъ челоѣчество.

И вотъ что примѣчательно: державинскіе эпитеты Бога: „неизъяснимый, непостижный“, именно въ этомъ сочетаніи одного рядомъ съ другимъ, мы находимъ не у кого иного, какъ у Декарта, который сказалъ: „Dieu est ineffable parcequ'incomprehensible.“²⁾ Декартовское же словосочетаніе надлежитъ возвести къ словоупотребленію схоластическому и святоотеческому, въ свою очередь опирающемуся на понятія и выраженія греческой философской литературы.³⁾

Но уже послѣ того, какъ я ознакомился съ сопоставленіями „Схоластико-картезіанскаго Указателя“ Жильсона, мнѣ удалось установить, что декартовская формула уже на французскомъ языкѣ была предвосхищена Жаномъ Антуаномъ де Баифомъ (de Baïf), однимъ изъ „Плеяды“, умершимъ за семь лѣтъ до рожденія Декарта:

Dieu donques est Dieu l'ineffable
Dieu que nul mortel ne conçoit⁴⁾

Формулировка Декарта, можетъ быть, является прямой „реминисценціей“ изъ де-Баифа, и весьма возможно, что такую же „реминисценцію“ мы находимъ и у Державина. Правда, въ эпоху, когда развивался и дѣйствовалъ Державинъ, французская поэзія XVI вѣка, съ Ронсаромъ во главѣ, и въ самой Франціи находилась въ незаслуженномъ забвеніи (и это продолжалось до Пушкина и отразилось на немъ, см. его отзывъ о Ронсарѣ), но вѣдь французскіе поэты-гуманисты XVI вѣка были не только поэтами своего народа и вѣка, но и выразителями цѣлой культурной эпохи, основной капиталъ которой, изученіе и воспріятіе эллинско-римской культуры во всемъ ея объемѣ,⁵⁾ въ извѣстной мѣрѣ пере-

¹⁾ Впрочемъ, впервые это слово встрѣчается, кажется, у Плинія Старшаго.

²⁾ По изданію Adam et Tannery, t. III., p. 284.

³⁾ Этьенъ Жильсонъ (Gilson) въ своемъ Index scolastico-cartésien Paris, 1913, гдѣ этотъ первостепенный знатокъ средневѣковой философіи, обращаясь къ книгамъ бібліотеки коллежа La Flèche, въ которомъ учился Декартъ, систематически прослѣживаетъ его словесныя и идейныя заимствованія у схоластиковъ, отсылаетъ (l. c. p. 146) тутъ къ Suarez Met. disp. 30, 13, 1: non solum sancti patres (quod in eis est frequentissimum), sed etiam philosophi hanc excellentiam Deo tribuerunt esse scilicet ineffabilem. Далѣе у Суареца слѣдуютъ ссылки на Платона, цитируемаго св. Григоріемъ Назіанзиномъ, и на Гермеса Трисмегиста, цитируемаго св. Кирилломъ Александрійскимъ.

⁴⁾ Mimes, f 39 r, ed. 1597, цитировано у Frédéric Godefroy. Dictionnaire de l'ancienne langue française. Tome X (Complement), Paris 1902, sub voce. Ж. А. де-Баифъ (1522—1589) — незаконный сынъ Лазаря де-Баифа, дипломата и гуманиста (род. 1496? † 1547), ученика Іоанна Ласкариса. Де-Баифъ-сынъ былъ моложе Ронсара, но раньше его погрузился въ греческую учебу у гуманиста Dorat (Auratus. † 1588), который сдѣлался учителемъ и Ронсара. Ср. о гуманизмѣ „Плеяды“ и объ отношеніяхъ на этой почвѣ Ронсара и де Баифа у Pierre de Nolhac, Ronsard et l'humanisme. Paris 1921.

⁵⁾ Ж. А. де-Баифъ писалъ стихи не только французскіе, но латинскіе и даже

шель по наслѣдству къ XVII-ому вѣку съ т. н. „ложнымъ классицизмомъ“ и къ его преемнику, вѣку XVIII-му. Во всякомъ случаѣ, книжные источники и литературные образцы державинской оды „Богъ“ и всего его творчества подлежатъ еще систематическому обслѣдованію.

III.

Въ отличіе отъ эпитета „неизъяснимый“, „непостижный“ есть слово церковное и внесено въ русскую литературную рѣчь прямо изъ языка церковно-славянскаго (оно встрѣчается и теперь въ языкѣ богослуженія. Ср. древнѣйшія ссылки *sub vocibus* въ Словаряхъ Востокова и Миклошича, а также словари Памвы Берынды и Ѳедора Поликарпова).

У Пушкина въ стихотвореніяхъ это слово встрѣчается, кажется, одинъ разъ (въ прозѣ, кажется, вовсе не встрѣчается):

„Жиль на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.
Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму —
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.“

(„Сцены изъ рыцарскихъ временъ“, 1836 г.)

Въ первоначальномъ, болѣе раннемъ наброскѣ этого стихотворенія соотвѣтствующія двѣ строчки имѣли, повидимому, такой видъ:

„Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непонятное ему.“

Эпитетъ „непостижный“ встрѣчается намъ прежде всего у Тредьяковскаго.¹⁾ Къ началу 30-хъ годовъ относится изученіе Пушкинымъ Тредьяковскаго по собственному пушкинскому экземпляру изданія его стихотвореній 1752 г. Весьма возможно, что именно это свѣжее изученіе Тредьяковскаго натолкнуло взоръ и слухъ такого любителя и мастера выразительнаго слова, какъ Пушкинъ, на эпитетъ „непостижный“. Съ точки зрѣнія исторіи литературнаго языка было бы вообще весьма поучительно сопоставить словарь Пушкина со словаремъ Тредьяковскаго, съ произведеніями котораго пристальное знакомство Пушкина въ пору его полной зрѣлости точно удостовѣрено. Правда, мы должны тотчасъ же замѣтить, что эпитетъ „непостижный“ мы находимъ не только у

греческіе, подъ конецъ своей жизни онъ разочаровался именно въ своемъ поэтическомъ творествѣ на французскомъ языкѣ и усиленно ударился въ писаніе латинскихъ стиховъ.

¹⁾ Въ одѣ XVI „Парафразисъ псалма 143: Благословень Господь Богъ мой“. „Сочиненія и переводы какъ стихами, такъ и прозою“, томъ II, СПб. 1752 г., стр. 97. Это произведеніе было впервые напечатано въ книжкѣ, изданной въ 1744 г. въ СПб.: „Три оды парафрастическія псалма 143, сочиненныя черезъ трехъ стихотворцевъ“ (Тредьяковскаго, Ломоносова и Сумарокова) и перепечатанной А. А. Куникомъ въ его „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ въ XVIII в.“ ч. II, СПб. 1865 г. Въ переложеніи псалма 143 только у Тредьяковскаго встрѣчается слово „непостижный“, какъ эпитетъ Бога.

Тредьяковскаго, но нѣсколько позже и у Ломоносова¹⁾; у послѣдняго встрѣчается, кромѣ того, и форма „непостижимый“ (въ надписи 1754 г. на раку Св. Димитрія Ростовскаго и тутъ именно—какъ эпитетъ Бога).

Такимъ образомъ, въ нашихъ двухъ эпитетахъ словарь Пушкина явно восходитъ къ его отдаленнымъ предшественникамъ: къ Державину, Ломоносову и Тредьяковскому. Не будемъ здѣсь говорить объ отношеніи Пушкина къ Ломоносову и Державину; отмѣтимъ, что относительно высокая оцѣнка Пушкинымъ Тредьяковскаго, котораго и въ тѣ времена осмѣивали, да и теперь принято осмѣивать, не читая, навѣяна была Радищевымъ.²⁾ Но Пушкинъ пошелъ даже дальше Радищева, сказавъ, что „изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей“.³⁾ Съ этимъ можно не соглашаться: Пушкинъ былъ исторически неправъ въ отношеніи Сумарокова и его языка, но въ то же время нельзя не признать, что Тредьяковскій въ самомъ дѣлѣ былъ замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіи русской образованности вообще и русскаго языка въ особенности. Въ частности, въ отношеніи словаря Тредьяковскій — и по интересу Пушкина къ этому словарю и по другимъ основаніямъ — заслуживаетъ самага тщательнаго историческаго изученія: какъ я покажу въ другомъ мѣстѣ, онъ является подлиннымъ творцомъ русской философской терминологіи, которая вовсе не была и въ пушкинское время столь молода, какъ думалъ самъ Пушкинъ, предлагая кн. П. А. Вяземскому занятіе работой надъ созданіемъ русскаго „метафизическаго“ языка,⁴⁾—въ исторіи его послѣ Тредьяковскаго надлежитъ отвести значительное мѣсто не кому иному, какъ Радищеву, въ особенности, какъ автору трактата „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи“.

IV.

Для всякаго настоящаго художника, творца образовъ или творца мыслей, слово есть не внѣшнее орудіе, а носитель живого смысла. Оно полноѣсно и жизненно.

¹⁾ Переложеніе псалма 145: „Блаженъ.., кто себя вручаетъ Всевышнему... и въ помощь призываетъ живущаго на небесахъ, несчетно многими звѣздами наполнившаго высоту и непостижными дѣлами земли и моря широту“ (цит. по „Сочиненіямъ М. В. Ломоносова въ стихахъ“. Изданіе А. Ф. Маркса, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго, СПб. 1893 г., стр. 21). Первоначально появилось это переложеніе въ „Риторикѣ“ Ломоносова, изд. 1748 г.

²⁾ Говоря, что „въ Тилимахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Радищевъ написалъ о нихъ цѣлую статью“ („Мысли на дорогѣ“ 1833—1834 гг., тамъ же весьма отрицательное сужденіе о Ломоносовѣ какъ поэтѣ), Пушкинъ имѣетъ въ виду „Памятникъ дактилохореическому витязю“ и т. д., перепечатанный теперь въ изданіи В. М. Саблина, подъ редакціей В. В. Каллаша, т. II, Москва 1907 г., стр. 393 и сл.

³⁾ Объ отношеніи Пушкина къ Тредьяковскому примѣчаніе Б. Л. Модзалевскаго къ письму № 265 въ его собраніи „Писемъ“ Пушкина, т. II. (СПб. 1928 г.), стр. 274.

⁴⁾ См. письмо отъ 1-го сентября 1822 г.: „образуй нашъ метафизическій языкъ, зарожденный въ твоихъ письмахъ“. Ср. письмо отъ 13-го іюня 1825 года и примѣчаніе къ этому письму Б. Л. Модзалевскаго.

Такъ и у Пушкина. Реченіе „неизъяснимый“¹⁾ исполнено у него глубокаго смысла. Можно даже сказать, что именно Пушкинъ придалъ этому русскому слову-понятію его углубленный, всеобъемлюще-мистическій смыслъ. Изъ отрицательнаго эпитета (Бога), т. е. изъ богословскаго термина и изъ неопредѣленно-чувствительнаго опредѣленія, Пушкинъ превратилъ его въ слово, обозначающее какую-то предѣльную для яснаго человѣческаго познанія и разумнія таинственную черту и тѣмъ указующее на мистическую основу бытія, какъ таковаго.

Тутъ на этомъ примѣрѣ видно, какъ изученіе словаря писателя приводитъ не только къ установленію смысла отдѣльныхъ употребляемыхъ имъ словъ, но и къ истолкованію существенныхъ мотивовъ его творчества. Сдержанное и стыдливое, далекое отъ всякой сентиментальности, признаніе таинственности всякаго и всего бытія, есть столь же основная и могущественная стихія пушкинскаго творчества, какъ и „классическая“ ясность его художественнаго воспріятія и строгая четкость его художественныхъ образовъ. Болѣе того, обѣ эти стихіи въ Пушкинѣ со-относительны и со-размѣрны. Чѣмъ яснѣе и отчетливѣе видитъ, чѣмъ красочнѣе пишетъ, чѣмъ выпуклѣе лѣпитъ Пушкинъ, тѣмъ болѣе близко и болѣе властно подводитъ онъ насъ къ чертѣ, за которой лежитъ неизъяснимое и начинается тайна.

Пушкинъ, поэтомъ, не классикъ и не романтикъ въ общепринятыхъ смыслахъ этихъ обозначеній. Рисунокъ Пушкина точенъ, его лѣпка строга и выразительна — безъ холодности „классицизма“. Его краски ярки, его фантазія богата, его чувствительность²⁾ (если это слово примѣнимо къ Пушкину) мужественна — онъ свободенъ отъ узорочной пестроты, отъ кричащихъ красокъ, отъ чрезмѣрности и разслабленности современнаго ему „романтизма“.

Пушкинъ заодно пластиченъ и мистиченъ.

Онъ заодно ясенъ и неизъяснимъ.

Бѣлградъ, Апрѣль 1929 г.

---

¹⁾ Интересно было бы прослѣдить употребленіе этого слова у другихъ писателей, въ стихахъ и прозѣ, послѣ Державина и Карамзина, въ особенности у Жуковскаго и Батюшкова. Но здѣсь мы этимъ не будемъ заниматься. Отмѣтимъ только, что ближайшій другъ Пушкина и превосходный стилистъ П. А. Плетневъ говоритъ въ 1825 г. о „неизъяснимомъ“ простодушій Хемницера и о „неизъяснимой“ прелести „Кавказскаго Плѣнника“ (Пушкина) — въ томъ замѣчательномъ „письмѣ къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ“, которое, едва ли не первое въ печати, отдаетъ должное гению и историческому значенію Пушкина (напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ за 1825 г., собранныхъ барономъ Дельвигомъ, изданныхъ Иваномъ Сленинымъ, стр. 24 и 43).

²⁾ Именно этимъ словомъ Плетневъ характеризуетъ Пушкина въ выше упомянутой статьѣ-письмѣ 1825 г. Ср. также полемику въ томъ же году между кн. П. А. Вяземскимъ, въ „Московскомъ Телеграфѣ“, и авторомъ „Писемъ на Кавказъ“, въ „Сынѣ Отечества“, о чувствительности Жуковскаго и Пушкина. Ср. Б. Л. Модзалевскій въ примѣчаніи къ письму № 144 въ его собраніи „Писемъ“ Пушкина, т. I, СПб. 1926 г., стр. 436.

Е. А. ЛЯЦКІЙ.

ПУШКИНЪ-ПОВѢСТВОВАТЕЛЬ ВЪ „ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.“

I.

Въ 1824 году, въ бытность въ Михайловскомъ, Пушкинъ заинтересовался русской исторіей. Этотъ интересъ возможно объяснить столько-же вліяніемъ Карамзина, подсказавшаго ему трагической эпизодъ изъ эпохи Бориса Годунова, сколько и интуиціей художника, видѣвшаго въ изложеніи судебъ Россійскаго государства живыя лица и драматическія положенія, недоступныя ученому историку. Вслѣдъ за „Борисомъ Годуновымъ“ у Пушкина намѣтилось нѣсколько перспективъ художественно-историческаго постиженія, связанныхъ по преимуществу съ XVIII вѣкомъ.

Двѣ личности привлекли особое вниманіе Пушкина — Петра I, являвшагося для него символомъ строительства и военной мощи, и народного бунтаря, въ стилѣ Стеньки Разина или Пугачева. Апоеозу Петра въ „Полтавѣ“ и „Мѣдномъ Всадникѣ“ Пушкинъ задумывалъ противопоставить нѣкій космическій элементъ народного духа, въ лицѣ безроднаго бунтаря, который оказывался способенъ не только наносить удары крѣпко сложившемуся самодержавно-дворянскому строю, но и явиться серьезной угрозой всему государству. Интересъ психологической сочелся у Пушкина въ данномъ случаѣ съ интересомъ политическимъ въ томъ смыслѣ, что историческія представленія его связывались неизмѣнно съ мыслями о будущихъ судьбахъ Россіи, въ которыхъ прошлое мыслилось имъ лишь какъ вчерашній день, готовившій свое неизвѣстное „завтра“. Политическія представленія встрѣчались въ лабиринтѣ творческихъ предвосхищеній съ этическими предпосылками, съ убѣжденіями о господствѣ нравственныхъ законовъ въ мірѣ человѣческихъ дѣйствій. На этихъ убѣжденіяхъ была построена психологія трагедіи „Борисъ Годуновъ“. Трагедія эта приподнимала завѣсу надъ политическимъ міросозерцаніемъ Пушкина, обнаруживая и его работу надъ этимъ міросозерцаніемъ. Всякая власть, а прежде всего царская, должна основываться на законѣ нравствен-

номъ, нарушеніе котораго не проходитъ безнаказанно. Источникъ этого закона находится въ глубочайшихъ нѣдрахъ народнаго сознанія, творящаго свои представленія о добрѣ и злѣ. Если Петръ Великій въ его служеніи высшимъ цѣлямъ народнаго и государственнаго блага, являлся для Пушкина волевымъ олицетвореніемъ нравственнаго закона, то послѣдующія десятилѣтія, съ ихъ отрицаніемъ Петровской реформы, были для него нарушеніемъ этого закона: народъ оказался закрѣпощеннымъ, дворянство выдѣлилось въ кастовую олигархію, перенявшую на себя милости и блескъ императорской короны. Такъ слѣдовало понимать схему размышленій Пушкина, когда онъ въ письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу¹⁾ просилъ прислать ему описаніе жизни Емельки Пугачева для задуманнаго имъ романа. То было первое упоминаніе о Пугачевѣ.

Конечно, Пушкинъ не случайно остановился на этой темѣ для своего замысла, и надо предполагать, что психологическія предпосылки этого замысла нуждались только въ фактическомъ матеріалѣ. Если „Борись Годуновъ“ могъ возбуждать цензурныя опасенія, которыя заставляли поэта тщательно загонять между строкъ опасныя истолкованія личности царственнаго убійцы, то личность Пугачева, объявившаго себя царемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, могла возбудить еще большія цензурныя опасенія. Они и возникли прежде всего въ головѣ имп. Николая Павловича, когда Пушкинъ, спустя почти десять лѣтъ, обратился къ нему за разрѣшеніемъ заниматься въ архивахъ историческими разысканіями о личности Пугачева.

Трудно судить, въ какомъ направленіи могъ измѣниться первоначальный замыселъ Пушкина. Но несомнѣнно, что не исторія, въ чисто научномъ смыслѣ, но именно романъ съ центральной личностью Пугачева занималъ поэта. Трудъ государственнаго исторіографа Карамзина сталъ какъ бы отраслью государственнаго служенія, обязывавшаго историка сообразовать свои выводы съ умозрѣніемъ и выгодами государственной власти. Съ этой точки зрѣнія она являлась своего рода предохранительной завѣсой отъ тѣхъ враждебныхъ и опасныхъ подозрѣній, которыя возникли бы въ обществѣ того времени, если бы Пушкинъ открыто заявилъ о желаніи проникнуть въ официальные архивы исключительно для цѣлей созданія романа. Но такъ какъ безъ разысканій написать романа было невозможно, то, прежде чѣмъ подойти къ нему, необходимо было заплатить дань государственной исторіографіи и заявить о желаніи изложить „Исторію Пугачева“.

Надо думать, впрочемъ, что Пушкинъ сомнѣвался, удастся ли ему получить доступъ къ соотвѣтствующимъ документамъ. Онъ выражалъ готовность или дѣлалъ видъ, что былъ бы не прочь заняться личностью Ермолова, героя Бородина и покорителя Кавказа, жизнь котораго давала возможность создать интересную и полную драматизма

---

¹⁾ Письмо отъ начала ноября 1824 г. — „Пушкинъ, Письма“, подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго, Гос. изд-во, М. 1926, т. I, стр. 95.

обстановку на фонѣ кавказской природы. Личность Ермолова сама по себѣ была въ высшей степени оригинальна и, несомнѣнно, вызвала бы глубокое психологическое изображеніе, по отношенію къ которому политическая идея все-же играла бы второстепенную роль. Ближе подошелъ Пушкинъ къ Суворову, этому баловню военной судьбы, генію беззаветной храбрости и чудачества. Пушкинъ даже затребовалъ и получилъ въ свое распоряженіе нѣсколько дѣлъ о Суворовѣ изъ архива военнаго министерства, а между этими дѣлами должны были оказаться и донесенія Суворова о своихъ отношеніяхъ къ Пугачевскому бунту. Однако вѣрнѣе предположить, что Суворовъ былъ для Пушкина лишь своего рода мостикомъ для перехода къ Пугачеву,¹⁾ такъ какъ, получивъ доступъ къ нѣкоторой части дѣлъ, издавна его интересовавшихъ, онъ пересталъ заниматься этой личностью. Очевидно, расширительно толкуя разрѣшеніе изучать дѣла определенной эпохи, Пушкинъ настойчиво добивался присылки ему дальнѣйшихъ, именно пугачевскихъ документовъ. Но и среди этихъ документовъ, составлявшихъ, какъ мы теперь знаемъ, лишь часть Пугачевскихъ бумагъ, хранившихся въ Москвѣ, слѣдственнаго дѣла не было, о чемъ самъ Пушкинъ, не безъ скрытаго огорченія, упоминалъ въ своей „Исторіи Пугачевского бунта.“²⁾ Въ этомъ можно видѣть тяжелую руку имп. Николая Павловича, взявшаго на себя неблагодарную роль Пушкинскаго цензора. Державный цензоръ исполнялъ свою обязанность не формально. Онъ не только дѣлалъ свои замѣчанія на текстъ Пушкинской работы, но даже измѣнилъ ея заглавіе. Пушкинъ зналъ, однако, что дѣлалъ.

Сознавая недостаточность официальныхъ документовъ онъ тщательно собиралъ все, что могло сохраниться въ частныхъ рукахъ или въ памяти старожилловъ. Для этой цѣли онъ совершилъ лѣтомъ 1833 г. поѣздку въ Оренбургскую и Казанскую губерніи, гдѣ проникалъ, не хвастаясь этимъ, въ провинціальныя архивы, раздобывалъ дѣла разныхъ канцелярій, а главное — разыскивалъ лицъ, что-либо знавшихъ о Пугачевѣ, и записывалъ все, что удавалось услышать. Конечно, матеріалъ преданій и рассказовъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ сообщений, на которыя могъ бы опереться историкъ. Въ этомъ обнаружилась любознательность романиста и психолога, для котораго народная передача была не менѣе драгоценна, чѣмъ документъ. Ха-

¹⁾ Скрывая въ началѣ свой основной интересъ къ Пугачеву, Пушкинъ двигалъ на первый планъ Суворова, указывая, что эпизодъ съ Пугачевымъ, самъ по себѣ ничтожный (Суворовъ лично стерегъ пойманнаго самозванца, а затѣмъ отправилъ его въ клѣткѣ въ Москву), составить лишь одну главу въ работѣ. Ясно, что это былъ лишь замаскированный подходъ съ цѣлью усыпить возбужденную подозрительность властей.

²⁾ „Исторія пугачевского бунта“ — „Сочиненія Пушкина“, изданіе Императорской Академіи Наукъ, т. XI, Петроградъ, 1914. — Въ дальнѣйшемъ пользуемся текстомъ этого изданія. Пушкинъ имѣлъ возможность ознакомиться съ „слѣдственнымъ дѣломъ“ значительно позже. Фактическая сторона изученія соотвѣствующихъ матеріаловъ изложена въ обстоятельной работѣ Н. Н. Фирсова „Примѣчанія къ „Исторіи пугачевского бунта“ (Условія, при которыхъ А. С. Пушкину пришлось работать) — „Сочиненія Пушкина“, т. XI, стр. 3—56.

рактарны, во всякомъ случаѣ, записи со словъ случайныхъ собесѣдниковъ Пушкина. Матеріалъ бытовой и „анекдотическій“ онъ не безъ тайной цѣли относилъ къ „примѣчаніямъ“, словно не желая привлечь къ нимъ вниманія. Какъ онъ признавался И. И. Дмитріеву, онъ дѣлалъ подобныя записи „для себя“.¹⁾ Историкъ обошелся бы вовсе безъ этихъ записей, но Пушкинъ считалъ необходимымъ сохранить ихъ, хотя бы онъ и не имѣли прямого отношенія къ его изслѣдованію.

Съ одной стороны, Пушкинъ не былъ доволенъ результатами своихъ изысканій во время упомянутой поѣздки. Одно время онъ готовъ былъ даже „плюнуть“ на Пугачева, какъ онъ писалъ женѣ. Слѣдуетъ думать, однако, что это выраженіе было плодомъ минутнаго раздраженія поэта, столь быстро на рѣзкое слово, потому что онъ и позже нисколько не пересталъ интересоваться своимъ героемъ. Не могло его недовольство относиться и къ документальной сторонѣ дѣла, потому что въ рукахъ Пушкина все-же оказалось исключительное для того времени богатство сообщеній, описаній и оффиціальной переписки. Скорѣе всего Пушкинъ былъ раздраженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ему приходилось спѣшить съ такимъ видомъ работы, которая не занимала его души и сводилась лишь къ единственной цѣли получить за „Исторію“ деньги, необходимыя для выхода изъ запутаннаго матеріальнаго положенія.²⁾ Ему необходимы были деньги, деньги большія, соотвѣтствовавшія требованіямъ шумной столичной жизни, въ которой онъ, исторіографъ и камеръ-юнкеръ, обязанъ былъ играть роль счастливаго супруга безпечной и суетной красавицы - жены. Непомѣрные расходы заставляли спѣшить съ работой, чтобы приблизить время ея оплаты, и мы знаемъ, съ какой быстротой Пушкинъ, скрѣпя сердце, выполнилъ ее.³⁾ Могъ ли онъ при этихъ условіяхъ глубоко погрузиться въ изученіе корней мятежа и сдѣлать изъ этого погруженія соотвѣтствующіе выводы? Если даже допустить, что эти выводы а priori не предполагались имъ, то не заключали ли они въ себѣ опасности никогда не быть повергнутыми передъ зоркія очи имп. Николая? Вѣдь источникъ народныхъ волненій, связанныхъ съ именемъ не од-

---

¹⁾ „Читатели любятъ, писалъ онъ далѣе, — анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія“. „Анекдоты“ на языкѣ того времени обозначали историческія сообщенія, достовѣрность которыхъ могла быть подвергнута сомнѣнію.

²⁾ „Охъ, кабы у меня было сто тысячъ! — писалъ Пушкинъ женѣ 15 сент. 1834: какъ бы я все это уладилъ; да Пугачевъ, мой оброчный мужичекъ, и половины того мнѣ не принесетъ...“ „Соч. А. С. Пушкина“ подъ ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина. СПб., 1903, т. VII, стр. 576.

³⁾ „Большая часть ея (6 главъ) была написана еще до поѣздки въ Казанскую и Оренбургскую губерніи; къ моменту этой поѣздки уже были на лицо и главнѣйшіе матеріалы, на основаніи коихъ писалась исторія Пугачева. Въ Казани (6-го сентября), повидимому, былъ сдѣланъ набросокъ 7-ой главы. Въ селѣ Болдинѣ къ концу октября (1833) первая, собственно принадлежащая перу Пушкина, часть „Исторіи Пугачева“ была готова, а 2-мъ ноября было помѣчено написанное къ ней (очевидно, въ это число) предисловіе“. См. Н. Н. Фирсовъ, Прим. къ „Ист. пугач. бунта“, стр. 39.

ного Пугачева, приводилъ непосредственно къ критикѣ верховной власти, и судъ надъ мятежниками могъ легко превратиться въ судъ надъ тѣми, кого народъ считалъ своими угнетателями. При этихъ обстоятельствахъ для Пушкина не оставалось ничего иного, какъ избрать средній путь: послѣдовательно изложить внѣшнія событія, но въ то же время включить въ свое изложеніе тѣ черты личности Пугачева, которыя сами по себѣ съ этимъ изложеніемъ, можетъ быть, не вязались, но которыя, тѣмъ не менѣе, бросали нѣкоторый свѣтъ на не совсѣмъ обыкновенную личность самозванца.

II.

Предоставивъ Николаю Павловичу въ порывѣ благодарности за освобожденіе изъ „михайловскаго заключенія“ свое перо, Пушкинъ быстро увидѣлъ, что императоръ не воспользуется его писательской дѣятельностью въ той области художественнаго творчества, въ какой онъ могъ бы быть болѣе всего полезенъ отечеству. Ему угрожали работы на заданныя темы: „виды правительства“ менѣе всего были направлены въ сторону его поэтическаго творчества. Его желали бы занять „дѣловой прозой“ и, пожалуй, удалить отъ писанія стихотвореній, всегда рискованныхъ съ точки зрѣнія „вольныхъ мыслей“ и намековъ, выходившихъ за грань дозволеннаго. Изъ всѣхъ грозившихъ золь Пушкинъ предпочелъ, такимъ образомъ, наименьшее — изложеніе историческихъ событій, предваряемое такимъ изученіемъ документовъ, какое впослѣдствіи могло оказаться ему полезнымъ для цѣли художественнаго творчества. Онъ избралъ для себя этотъ путь тѣмъ естественнѣе, что исторія его давно занимала и самый складъ его мышленія былъ глубоко проникнутъ историзмомъ.⁴⁾ Но Пушкинъ прекрасно сознавалъ, что онъ не прошелъ исторіографической школы, хотя отлично могъ разбираться въ недостаткахъ „Исторіи государства Россійскаго“. Принимаясь за исторію пугачевщины, онъ, конечно, ограничивалъ себя рамками историческаго метода, проложеннаго Карамзинымъ, что, внѣ всякаго сомнѣнія, должно было успокаивать подозрительность цензуры. Однако, не подлежитъ сомнѣнію и то обстоятельство, что въ изложеніи пугачевщины онъ имѣлъ въ виду по преиму-

⁴⁾ Совершенно справедливо характеризуетъ историзмъ Пушкина профессоръ Г. В. Вернадскій въ своей статьѣ „Пушкинъ, какъ историкъ“: „Пушкинъ не былъ историкомъ по профессіи; онъ не имѣлъ ученой степени. Онъ не оставилъ послѣ себя толстой диссертаци; ему не удѣляютъ особаго мѣста въ обзорахъ русской исторіографіи. И тѣмъ не менѣе его исторіографическое значеніе огромно. Историзмъ — основная черта пушкинскаго творчества, основная стихія его генія. Пушкинъ словно чувствовалъ какимъ-то особымъ историческимъ чутьемъ рожденіе и поступъ событій, значительность незамѣтныхъ явленій, изъ которыхъ вырастаютъ огромныя слѣдствія. Ничтожный житейскій анекдотъ, пройдя сквозь горнило Пушкинскаго духа, пріобрѣталъ какой-то особый вѣсъ и цѣнность. Историческій даръ Пушкина относился одинаково къ прошлому, настоящему и будущему“. — „Ученыя записки“, основанныя Русской Ученой Коллегіей въ Прагѣ, т. I, вып. 1-й, „Философскія знанія“, Прага, 1924.

ществу только Пугачева и въ официальных документах искалъ не внутренней связи событій, но слѣдовъ эпохи, отраженій ея бытового склада, мятежнаго міровозрѣнія и языка. Съ этой точки зрѣнія Пушкинъ легко могъ бы отвести упреки, дѣлаемые позднѣйшими историками: онъ интересовался не исторіей въ ея прагматическомъ построении, но дѣйствіемъ своего воображенія, возбуждаемаго историческими источниками.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляет собою „Исторія пугачевского бунта“? Прежде всего — произведеніе, въ основу котораго положено въ высшей степени добросовѣстное изученіе официальных документовъ и историческихъ свидѣтельствъ. По своимъ литературнымъ достоинствамъ, по ясному и точному языку, по стилю, отъ котораго такъ и вѣетъ колоритомъ эпохи, оно — не столько изслѣдованіе, сколько изложеніе, нерѣдко готовое сбиться на историческую повѣсть.

Если бы надъ Пушкинымъ не висѣлъ Дамокловъ мечъ въ видѣ цензуры Николая Павловича, его творческое перо быстро вынеслось бы на дорогу Дубровскихъ и Троекуровыхъ, которые оказались бы въ духовномъ сродствѣ съ Гриневыми и Савельичами.¹⁾ Несмотря, однако, на явное нежеланіе Николая Павловича встрѣчаться на страницахъ пушкинской книги съ Пугачевымъ и его ближайшими сподвижниками, Пушкинъ сумѣлъ ввести цѣлый рядъ еле замѣтныхъ бытовыхъ и портретныхъ черточекъ, которыя могли быть умѣстны въ исторической повѣсти, но почитаться излишними въ историческомъ изслѣдованіи. Уже въ самомъ началѣ, говоря о возникновеніи Яицкаго казачества и сосѣдственныхъ отношеніяхъ съ татарами, Пушкинъ останавливается на любопытномъ преданіи, къ которому его не обязывали ни фактическія обстоятельства, ни сжатость передачи. „Сохранилось поэтическое преданіе, — пишетъ Пушкинъ: — казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собой убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ.“ Начавъ этимъ преданіемъ, Пушкинъ не сразу ввелъ себя въ границы безпристрастнаго историка. Очевидно, изученіе того, какимъ образомъ и какими способами правительство нарушило установившіеся обычаи казацкаго самоуправления и свободу передвиженія „мирныхъ“ калмыковъ, внушило ему рядъ такихъ мыслей, которыхъ онъ не могъ уложить въ подобающіе термины исторіи, предпринятой съ высочайшаго соизволенія. Объ этомъ прежде всего говоритъ ясное и точное перечисленіе тѣхъ особенностей казацкаго самоуправления, которыя обезпечивали имъ, при иныхъ условіяхъ, нормальное экономически-благопріятное и граждански-правовое развитіе: „Совершенное равенство правъ; атаманы и старшины, избираемые народомъ, временные исполнители народныхъ

¹⁾ Въ какую сторону было направлено цензорское око Николая Павловича, видно изъ слѣдующей, весьма характерной приписки Пушкина въ письмѣ къ М. П. Погодину 31 августа 1827: „Стансы къ царю“ имъ позволены; „Пѣсни о Стенькѣ“ не пропущены“. — Пушкинъ, Письма, т. II, стр. 43.

Стенька Разинъ продолжалъ еще занимать воображеніе поэта.

постановленій; круги или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ; и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшены были большинствомъ голосовъ; никакихъ письменныхъ постановленій; въ куль да въ воду — за измѣну, трусость, убійство и воровство: таковы главныя черты сего управления“. Пушкинъ отмѣчаетъ затѣмъ, что когда начались притѣсненія властей, казаки видѣли въ нихъ нарушение обычаевъ, которые вырабатывались ими въ теченіе столѣтій. Казаки жаловались на притѣсненія „старинныхъ правъ и обычаевъ“, по выраженію Пушкина. Явное сочувствіе казакамъ Пушкинъ перенесъ и на калмыковъ, которые тоже жили своими старыми навыками, пока не пришли въ соприкосновеніе съ представителями государственной власти. Понятно, что это сочувствіе подсказывалось Пушкину не самымъ фактомъ распространенія государственнаго вліянія на окраинное населеніе, но тѣми жестокими и неразумительными мѣрами, къ какимъ прибѣгали представители государственной власти. „Между Волгой и Яикомъ, — пишетъ Пушкинъ — по необозримымъ степямъ Астраханскимъ и Саратовскимъ кочевали мирные калмыки, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія ушедшіе отъ границъ Китая подъ покровительство Бѣлаго царя. Съ тѣхъ поръ они вѣрно служили Россіи, охраняя южныя ея границы. Русскіе пристава, пользуясь ихъ простотою и отдаленностію отъ средоточія Правленія, начали ихъ угнетать. Жалобы сего смирнаго и добраго народа не доходили до высшаго начальства: выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились оставить Россію, и тайно снесли съ Китайскимъ Правительствомъ“. Характеристика, данная Пушкинымъ калмыкамъ, и упоминанія о суровыхъ карательныхъ мѣрахъ, которыми русскія власти старались удержать калмыковъ въ своихъ предѣлахъ, указывали на то, что у Пушкина были свои опредѣленныя мнѣнія по этому поводу. Они предрѣшали и его отношеніе къ послѣдующимъ притѣсненіямъ казацко-калмыцкаго населенія, и его оцѣнку дѣйствій правительственныхъ чиновниковъ съ точки зрѣнія человѣчности и культуры.

Сочувствіе его явно было на сторонѣ страдавшаго населенія.

III.

Замыселъ Пушкина, заслонявшій отъ него „пугачевщину“ личностью Пугачева, развертывается во второй главѣ „Исторіи“, выдавая себя цѣлымъ рядомъ особенностей, присущихъ художническому воспріятію. Большое вниманіе удѣляетъ Пушкинъ біографическимъ свѣдѣніямъ, обстоятельно изображаетъ наружность Пугачева: „онъ былъ росту средняго, широкоплечъ и худощавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть...“ Подробно рассказываетъ Пушкинъ исторію побѣга Пугачева изъ казацкой тюрьмы, какъ онъ, отправившись въ городъ въ сопровожденіи двухъ солдатъ для сбора милостыни, увидаль „готовую“ тройку и, оттолкнувъ одного изъ солдатъ, съ помощью другого взобрался на телѣгу и вмѣстѣ съ нимъ умчался въ степь. Пушкинъ

даетъ понять, что мятежникъ былъ закованъ „въ колодки“, и что побѣгъ былъ заранѣе приготовленъ, т. е. у Пугачева уже были связи съ извѣстною частью населенія. Но, упоминая объ этихъ подробностяхъ, Пушкинъ не упоминаетъ о томъ, что роднило Пугачева съ населеніемъ, которое проявило готовность его поддерживать. Сообщивъ вкратцѣ о случаяхъ ухода казаковъ „некрасовцевъ“ въ чужія земли, онъ не считалъ нужнымъ или удобнымъ излагать причины, по которымъ казаки покидали насиженные мѣста и уходили подъ власть турецкаго султана. Пушкинъ былъ слишкомъ хорошо освѣдомленъ объ этихъ причинахъ и, конечно, если бы онъ чувствовалъ на себѣ обязанность историка, то счелъ бы необходимымъ начать свой рассказъ не съ общихъ упоминаній о „притѣсненіяхъ“ и жестокихъ взысканіяхъ, налагавшихся русскими властями на покидавшихъ родныя земли, но изложилъ бы подробнѣе обстоятельства, порождавшія самозванцевъ той эпохи. Пушкинъ же кратко, но выразительно упоминаетъ лишь о томъ, что казаки, отчаявшись добиться своихъ правъ путемъ ходатайствъ и жалобъ, рѣшили при появленіи Пугачева добиваться ихъ мятежомъ: „вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу“. Для Пушкина было важнѣе отмѣтить, что, въ первые дни объявленія себя царемъ Петромъ Феодоровичемъ, Пугачевъ былъ — „въ верблюжемъ армякѣ, въ голубой калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою“. Определѣя все, что рассказывалъ Пугачевъ о своемъ „царскомъ“ прошломъ и приключеніяхъ, какъ „нелѣпныя повѣсти“, Пушкинъ считаетъ, тѣмъ не менѣе, нужнымъ пересказать эти „повѣсти“, годныя для настоящаго романа приключеній. Здѣсь и укрывательство отъ враговъ и бѣгство въ Царьградъ, участіе въ сраженіи, блужданіе среди кочевниковъ и тайное появленіе на Руси, арестъ, освобожденіе, — словомъ, все, что мятежникъ считалъ необходимымъ сообщить своимъ искреннимъ или мнимымъ приверженцамъ. Не забылъ Пушкинъ упомянуть и о той изъ „нелѣпныхъ повѣстей“, по которой, въ случаѣ успѣха, Пугачевъ намѣревался поднять всю Русь и при этомъ — поставить новыхъ судей, — „ибо въ нынѣшнихъ, — по его словамъ, — присмотрѣна многая неправда...“

IV.

Нельзя не притти къ заключенію, что, если въ „Исторіи“ оказалось невыясненнымъ бѣдственное состояніе населенія, рѣшившагося бунтовать, то личность зачинщика бунта вырисовывалась вполне отчетливо. Смѣлый бродяга-авантюристъ, бѣглый казакъ, задавшійся цѣлью установить казацкое народоправство на мѣстѣ императорской власти — онъ зналъ, чѣмъ можно было воздѣйствовать на людей, склонныхъ къ возстанію. „Неправда“, на которую онъ указывалъ въ своихъ рѣчахъ была надежнымъ оружіемъ въ рукахъ этого, несомнѣнно, даровитаго бунтаря, объявившаго себя защитникомъ народа противъ его угнетателей. Изложеніе военныхъ событій, на которомъ мы останавливаться не будемъ, свидѣтельствовало однако, что Пуга-

чевъ рассчитывалъ не на одинъ лишь мятежный духъ населенія, но и на вялость, бездѣятельность и трусость гражданскихъ и военныхъ начальниковъ. Расчетъ его оправдался вполне, и въ то время, какъ онъ дѣйствовалъ съ необыкновенной быстротой и упорствомъ, представители власти, развращенные праздною и сытой жизнью, дѣйствовали одними лишь мѣрами устрашенія и наказанія. На сторонѣ Пугачева была искусная стратегія степного разбойника, усвоившаго, сверхъ того, тактику демагогій, по временамъ дѣлавшую его въ глазахъ населенія истиннымъ героемъ, чему помогало и обаяніе царскаго титула. Пушкинъ, по обыкновенію, не скрывая фактовъ, не подчеркивалъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это не было для него необходимо — такъ, онъ долженъ былъ бы въ качествѣ историка, выяснить причины, почему на сторону Пугачева переходили не одни лишь казаки, башкиры и крестьяне, но и солдаты, которые сдавались иногда цѣлыми гарнизонами. Коснись онъ этого предмета, ему пришлось бы обратить вниманіе своего высочайшаго читателя на тѣ необыкновенно тяжелыя условія военной службы, которыя немногимъ стали лучше и при имп. Николаѣ I. Но Пушкинъ предпочиталъ отмѣчать случаи этихъ переходовъ, не останавливаясь на ихъ причинахъ.

Пушкину извѣстны были указы Пугачева, дававшіе матеріаль для характеристики его демагогическихъ пріемовъ. Онъ сжато, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полно передалъ содержаніе обѣщаній, которыми Пугачевъ приманивалъ на свою сторону народъ. Эти обѣщанія, въ передачѣ Пушкина, составляли черты величайшей важности въ обликѣ Пугачева. „Онъ (Пугачевъ) обѣщаль казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бороною (Илецкіе, какъ и Яицкіе казаки были всѣ старовѣрцы), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ и вѣчною вольностью...“¹⁾ Въ приложеніяхъ къ „Исторіи“ Пушкинъ, впрочемъ, приводитъ только указы и распоряженія Екатерины и сената. Возможно, что онъ по цензурнымъ соображеніямъ не приводилъ текста тѣхъ прокламацій, которыя хранились въ архивахъ въ районѣ дѣйствій „пугачевщины“. Для основного пушкинскаго замысла эти прокламаціи должны были представлять столь же драгоценный матеріаль, какъ и то, что онъ рассчитывалъ найти въ протоколахъ слѣдственной комиссіи. Въ нихъ онъ искалъ отраженій личности самозванца, его ума, хитрости, военнаго дарованія, главное — міросозерцанія и языка. Издаваемые впослѣдствіи манифесты, указы и письма Пугачева показали, что Пушкинъ могъ бы найти въ нихъ, если бы весь этотъ матеріаль сталъ бы ему доступенъ, неисчерпаемый источникъ психологическихъ и художественныхъ внушеній: такъ они своеобразны и колоритны. До какой степени Пушкинъ дорожилъ даже мелкими подробностями въ этомъ отношеніи, видно изъ того, что онъ, покидая

¹⁾ „Ист. пугач. бунта“, стр. 24. — См. указы и манифесты Пугачева въ новѣйшихъ изданіяхъ: а) Центрархив. Пугачевщина. Том первый. Изъ архива Пугачева (Манифесты, указы и переписка) Москва—Ленинград, 1926; в) томъ второй. Изъ слѣдственныхъ матеріаловъ и официальной переписки. Москва—Ленинград, 1929.

почву строгаго и мѳрализирующаго исторіографа, не могъ удержаться, чтобы не сохранить крылатаго афоризма Пугачева, доказывавшаго, что элементъ эффектной театральности не былъ чуждъ царю-самозванцу. Когда во время битвы подъ Нижне-Озерною одинъ изъ окружавшихъ Пугачева казаковъ замѣтилъ ему, что онъ рискуетъ своей жизнью:

— Берегись, Государь, неравно изъ пушки убьютъ, — Пугачевъ отвѣтилъ:

— Старый ты человекъ, развѣ пушки льются на Царей?

Пушкинъ любовался этимъ отвѣтомъ Пугачева, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ загадочными афоризмами его при началѣ „Капитанской дочки“. Пугачевъ былъ дѣйствительно храбръ, и это свойство было неоднократно отмѣчено Пушкинымъ. Но въ то же время Пугачевъ былъ живымъ олицетвореніемъ некультурной и грубой народной среды, именно того казачества, которое разнообразило взгляды и обычаи средняго русскаго крестьянства особенностями степного положенія на рубежѣ исторической московской государственности и азіатскаго инородческаго анархизма. Увлеченный успѣхами Пугачевъ бражничалъ, какъ самый обыкновенный казакъ; оставивъ жену, обзаводился наложницами, хвастался и величался, задаваясь фантастическими планами всероссійскаго размѣра и не будучи въ состояніи подняться въ своемъ государственномъ пониманіи выше интересовъ и формъ казачкаго круга. Въ этой части обрисовки Пугачева, Пушкинъ не прошелъ мимо ни одной мелочи, которая была драгоцѣнной для него и совершенно излишней для историка. Нельзя не обратить вниманія на тонъ, въ которомъ Пушкинъ изложилъ одинъ изъ любовныхъ эпизодовъ своего героя: „Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: „Помилуй, Государь! Дочь наша не княжна, не королевна; какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка Государыня еще здравствуетъ?“ Пугачевъ, однако, въ началѣ февраля женился на Устинѣ, наименовалъ ее Императрицей, назначилъ ей Штатсъ-Дамъ и Фрейлинъ изъ Яицкихъ казачекъ и хотѣлъ, чтобы на екстеніи поминали, послѣ Государя Петра Ѳедоровича, супругу его Государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрѣшенія отъ Синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева; но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи“. Пушкинъ не упустилъ упомянуть въ „Исторіи“, что Пугачевъ былъ способенъ на сильное чувство; характерно было и самое слово „влюбился“, употребленное Пушкинымъ. Не менѣе любопытны въ бытовомъ отношеніи были и рѣчи и мнѣнія родителей, а также и сужденія духовенства, ярко отражавшія взгляды и нравы эпохи. „Пугачевъ не настаивалъ“ — новая и для Пушкина любопытная черта въ характерѣ самозванца, повидимому, знавшаго границу, за которую не слѣдовало переступать. Не обошелъ Пушкинъ и такихъ мелочей, какъ появленіе пьянаго Пугачева на лошади передъ Оренбургомъ или кар-

тины, какъ онъ, послѣ успѣшной встрѣчи съ непріателемъ, сидя въ креслѣ, принималъ дары отъ казанскихъ татаръ. Вся сцена, представлявшая торжество побѣды послѣ взятія Казани, разсказана необыкновенно живописно: „Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, несмотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ и кололи копьями отстающихъ женщинъ и дѣтей. Множество потонуло, переправляясь въ бродъ черезъ Казанку. Народъ, пригнанный въ лагерь, поставленъ былъ на колѣна передъ пушками. Женщины подняли вой. Имъ объявили прощенье. Всѣ закричали: ура! и кинулись къ ставкѣ Пугачева. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары Казанскихъ Татаръ, пріѣхавшихъ къ нему съ поклономъ. Потомъ спрашивали: кто желаетъ служить Государю Петру Федоровичу? — Охотниковъ нашлось множество“. По сравненію съ отрывочнымъ и сухимъ изложеніемъ событій военнаго свойства эта сцена могла бы отсутствовать въ небольшомъ по объему историческомъ сочиненіи, но Пушкинъ-романистъ не могъ пройти мимо нея равнодушно.

Рядомъ съ этой картиной Пушкинъ предлагалъ воображенію читателя другую, столь-же характерную въ нѣкоторыхъ чертахъ, обыкновенно скрывааемыхъ отъ глазъ читателя историками. Картина рисуетъ свирѣпая расправы казаковъ съ противниками. Приведемъ ее полнотью. „Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу; передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гарнизона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибленный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ. Пугачевъ велѣлъ его казнить, и съ нимъ прапорщикова Фигнера и Кабалерова, одного писаря и Татарина Бикбая. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго коменданта; но ящїе казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія. Магометанинъ Бикбай, взошедъ на лѣстницу, перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю“.

Не менѣе интересной для Пушкина была и сцена встрѣчи Пугачева покорнымъ населеніемъ. Безъ нея художественно-историческая галерея пугачевщины много потеряла бы въ своей полнотѣ. Очевидецъ описываетъ его прибытіе слѣдующимъ образомъ: „Въ крѣпости у станичной избы постланы были ковры и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ святыми иконами. Когда въѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки и, когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль поцѣловалъ и, сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: встайте, дѣтушки“.

Изображая подобнаго рода сцены, Пушкинъ не могъ не интересоваться и такими чертами, которыя были занимательны для бытописателя. Историкъ могъ проходить мимо нихъ безъ особаго вниманія, зная, что подобныя черты свойственны, за извѣстными измѣненіями, обстановкѣ многихъ моментовъ въ исторіи мятежей и военныхъ дѣй-

ствій. Но для Пушкина было важно отмѣтить ихъ именно потому, что онѣ давали ему краски для изображенія среды, въ которой вращался именно Пугачевъ, герой его художественнаго замысла. Таково описаніе пугачевского житья-бытья въ обыкновенные дни, въ промежуткахъ между схватками и боями. „На ектеніи поминали Государя Петра Федоровича и Супругу Его, Государыню Екатерину Алексѣвну. Пугачевъ, будучи раскольникомъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару или по Бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ сидя въ креслахъ передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему кланялись въ землю и, перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства. Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами разстрѣлянныхъ, удушенныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и достояніе дворянъ, но не касаясь крестьянской собственности.“

Эта картина цѣликомъ выдавала художественный замыселъ Пушкина. Онъ слишкомъ хорошо зналъ быть второй половины XVIII-го вѣка, чтобы ограничить свою роль одной бытописательной стороною, не связывая ее крѣпчайшими узами съ личностью Пугачева. Только по отношенію къ этой личности были драгоцѣнны для него такія черты, какъ помянутое въ ектеніяхъ и казаки по бокамъ его кресла — одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ, — точно снятые со старинныхъ сказочныхъ изображеній. Въ то же время, любясь, можетъ быть, любя Пугачева любовью художника, Пушкинъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ отвратительномъ характерѣ жестокостей и кровавыхъ звѣрствъ казацкаго мщенія. Эти проявленія изступленной злобы были ему также противны, какъ и мѣры правительственныхъ „усмирителей“. Но, не считая возможнымъ скрыть подобныя проявленія, онъ говоритъ о нихъ сжато и сурово, словно стремясь поскорѣе отойти и дать отдохнуть отъ нихъ глазу на иного рода изображенія. Съ живо ощущаемымъ сочувствіемъ отмѣчалъ Пушкинъ случаи, когда самъ Пугачевъ являлся противникомъ безсмысленныхъ жестокостей.

V.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Пушкинъ не забылъ упомянуть и о такихъ подробностяхъ, какъ охрана Пугачева, въ которой лично участвовалъ молодой Суворовъ, и доставка его въ Москву въ клѣткѣ. Конечно, Пушкинъ передалъ съ возможной полнотою и тотъ діалогъ графа Панина съ Пугачевымъ, гдѣ съ такой яркостью сказались и остроуміе, и отчаянная смѣлость послѣдняго. Когда Пугачева привезли во дворъ къ Панину, онъ — „встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ.“

— Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца.

— Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отвѣчалъ тотъ. — Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться Государемъ? продолжалъ Панинъ. — Я не воронъ, — возразилъ Пугачевъ, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновенію, иносказательно, — я вороненокъ, а воронъ то ещелетаетъ“. Понятно, сколь драгоцѣнной должна была показаться эта сцена поэту, который могъ усмотрѣть въ ней не одну лишь дерзость отчаянія, но и доказательство спокойнаго безстрашія, своего рода геройскаго презрѣнія къ смерти, ожидавшей мятежника. Здѣсь въ послѣдній разъ сказался и демагогическій расчетъ Пугачева. Свои дерзкія слова, заключавшія въ то-же время и загадочный намекъ на „ворона“, онъ произнесъ въ присутствіи солдатъ и толпы, зная, что они разнесутся въ народѣ. Панинъ испугался дѣйствія словъ Пугачева, но не нашель иного возраженія, кромѣ удара по лицу. Приемъ Пугачева возбуждалъ и привлекалъ, приемъ Панина устрашалъ и вызывалъ ненависть и отвращеніе. Пушкинъ, несомнѣнно, оцѣнивалъ нравственное значеніе поединка: не даромъ выдѣленные слова были подчеркнуты самимъ Пушкинымъ.

Изобразивъ только-что приведенную сцену, Пушкинъ послѣдней чертой дорисовываетъ образъ Пугачева. Черта эта становится особенно знаменательною подъ перомъ Пушкина. Все, что мы знаемъ о великомъ поэтѣ, позволяеть намъ предположить, что онъ съ истинной отрадой проводилъ послѣдній штрихъ въ пугачевскомъ изображеніи. „Рычковъ (академикъ), — рассказываетъ Пушкинъ, — спросилъ его (Пугачева), какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія, — а Пугачевъ отвѣтилъ казенной фразой о своей винѣ передъ Богомъ и государемъ. Говоря о своемъ сынѣ, убитомъ мятежниками, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ“.

Послѣднюю сцену, потрясающую сцену казни, — которая должна была завершить трагедію пугачевской личности, Пушкинъ передалъ въ изложеніи третьяго лица — И. И. Дмитріева. Въ свое время это изложеніе было обязано своимъ появленіемъ только Пушкину. Оно служило заключительнымъ аккордомъ жизнеописанія главнаго героя, жизнеописанія, по неизбѣжности неточно названнаго „Исторіей“.

Попутно Пушкинъ заноситъ на страницы „Исторіи“ различныя мелкія черты, рисующія портретъ Пугачева. Онъ бережетъ своихъ казаковъ. „Не стану тратить людей, а выморю городъ моромъ“, — говоритъ Пугачевъ Сакмарскимъ казакамъ подъ Оренбургомъ. Даже такая мелкая черта, какъ платье, въ которомъ былъ Пугачевъ въ одномъ изъ военныхъ эпизодовъ, не ускользнула отъ вниманія Пушкина. Въ-стѣ съ другими столь же мелкими чертами онъ создавалъ набросокъ одной изъ возможныхъ страницъ будущаго романа: „Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи, солдаты поставлены были на колѣна. Онъ сказалъ имъ: прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ Государь Петръ III, Императоръ. Вставайте! Потомъ велѣлъ оборотить пушку и выпалить въ степь“.

Эта сцена — готовая страница романа; мы увидимъ далѣе, что она послужитъ канвой для одной изъ страницъ „Капитанской дочки“. Здѣсь Пугачевъ стоитъ во весь ростъ своей портретной выразительности, занимая въ толпѣ казаковъ и плѣнныхъ офицеровъ центральное мѣсто, неподалеку отъ висѣлицы, ждавшей своихъ жертвъ. Кисть Сурикова не могла бы найти лучшаго сюжета.

Пушкинъ искусно пользуется тѣми отзывами современниковъ, особенно противниковъ Пугачева, которые рисуютъ его въ положительномъ смыслѣ. Онъ — искусный организаторъ войска, устройство котораго обстоятельно описано въ „Исторіи“. Распорядительный начальникъ, находчивый и даровитый стратегъ. Пушкинъ отмѣчаетъ, что этимъ свойствамъ Пугачева удивлялись сами противники¹⁾. Сквозь невѣжество, грубость и озлобленіе въ обликѣ Пугачева, нарисованномъ Пушкинымъ, проглядываетъ человѣчность, которая сказывалась въ поступкахъ, исполненныхъ извѣстнаго великодушія. Черты, которыя облагораживали, очеловѣчивали образъ убійцы и злодѣя, совмѣщались съ необыкновенной проницательностью, хитростью и знаніемъ человѣческой души, чтó дѣлало ихъ героя живымъ выразителемъ той смутной, космически-темной народной психики, въ которой, какъ молніи въ тучахъ, блистаютъ проблески живой, къ свѣту рвущейся мысли.

Въ той же „Исторіи“, изъ которой Пушкинъ сдѣлалъ своего рода записную книгу о Пугачевѣ, набросалъ онъ нѣсколько чертъ другихъ историческихъ лицъ, очевидно, призванныхъ играть ту или иную роль въ его романѣ. Оставляя совершенно въ тѣни характеры военачальниковъ, боровшихся съ Пугачевымъ, онъ заинтересовался лишь оригинальной личностью Бибикова, а въ одномъ мѣстѣ упомянулъ о письмѣ имп. Екатерины къ Вольтеру, гдѣ — любопытно отмѣтить — императрица, подвергавшаяся грозной опасности всенароднаго мятежа, возражала на „сплетни“, какъ она называла европейскіе толки о пугачевскихъ событіяхъ, оставаясь въ роли вѣрнаго стража европейскаго общественнаго мнѣнія. Изображенія бѣдствій, которымъ подвергались жители осажденных Пугачевымъ городовъ, указывали характеромъ своего изображенія, что вниманіе Пушкина было направлено и на бытовую сторону населенія, страдавшаго отъ мятежа. Ярko передаетъ Пушкинъ отчаяніе, охватившее казанцевъ, испытывавшихъ страшныя лишения и болѣзни, а также картину голода въ яицкой крѣпости, обитатели которой принуждены были въ теченіе пятнадцати дней питаться мягкой глиной.

Изъ документовъ Пушкинъ извлекалъ мѣткія и своеобразныя выраженія. Частью онъ добывалъ ихъ изъ дошедшихъ до него словъ самаго Пугачева, частью изъ письменныхъ источниковъ, относившихся къ инымъ лицамъ. Всюду онъ стремился собрать жемчужины мѣткой и образной рѣчи, особенно сравненій. „Выстрѣлы сыпались подобно

¹⁾ См., напр., сужденіе князя Голицына о быстротѣ, съ какой была исправлена Пугачевымъ сгорѣвшая крѣпость, причемъ деревянныя укрѣпленія были замѣнены снѣговыми. „Ист. пугач. бунта“, стр. 66.

дроби битой десятию барабанами“... Умиравшіе отъ голода жители, когда пришло избавленіе, говорили: „все это насъ такъ ободрило, какъ будто мы съѣли по куску хлѣба“... .

Сохранилъ Пушкинъ, но не въ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ, любопытнѣйшій отзывъ, одного изъ старожиловъ, хранившихъ живую память о Пугачевѣ: „Разскажи мнѣ, говорилъ я Дмитрію Пьянову, — пишеть Пушкинъ, какъ Пугачевъ былъ у тебя посаженнымъ отцомъ?— Онъ для тебя Пугачевъ, отвѣчалъ мнѣ сердито старикъ, а для меня онъ былъ великій Государь Петръ Федоровичъ. — Когда упоминалъ я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: не его воля была; наши пьяницы его мутили“.

Пушкинъ не идеализировалъ Пугачева, но пристально вглядывался въ его темную душу и радовался каждому лучу, который проникалъ въ нее.

VI.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, что Пушкинъ, во-первыхъ, писалъ по преимуществу „Исторію Пугачева“, а не „пугачевщины“ или „Пугачевского бунта“, а во-вторыхъ, писалъ ее не какъ историкъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, но какъ повѣствователь, желавшій сохранить для себя и для читателей черты личности знаменитаго самозванца и слѣды его времени. Художественный элементъ, который Пушкинъ не скрывалъ, но лишь прикрывалъ общимъ тономъ историческаго повѣствованія, является несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что именно таковъ и былъ замыселъ поэта, заготовлявшаго въ этомъ видѣ матеріалъ для своего будущаго романа. При этихъ соображеніяхъ ссылки позднѣйшихъ критиковъ на исторіографическую неподготовленность Пушкина должны быть принимаемы съ большою осторожностью. Трудно предположить, что вышло бы изъ-подъ пера Пушкина, который высказалъ столь цѣнные и для своего времени научныя замѣчанія объ историческихъ трудахъ Полевого и Карамзина, если бы онъ всѣмъ своимъ разумомъ и волей отдался спеціально историческому изысканію.

Двойственный, другими словами, не чисто историческій характеръ „Исторіи Пугачевского бунта“ очень скоро былъ замѣченъ современниками. Прежде всего несочувствіе особому вниманію Пушкина къ личности самозванца выразилось въ высочайшемъ исправленіи заглавія съ „Исторіи Пугачева“ на „Исторію пугачевского бунта“. Царь еще болѣе подчеркнул свое несочувствіе замѣчаніемъ, что „преступникъ, какъ Пугачевъ, не имѣеть исторіи“. ¹⁾ Видимо Николай Павловичъ разгадалъ тайную мысль Пушкина и боялся, какъ бы положеніе, что „геній и злодѣйство — двѣ вещи несомѣстныя“, ²⁾ въ свое время глубоко запрятанное въ трагедію „Борись Годуновъ“, не нашло себѣ

¹⁾ Н. Н. Ойрсовъ. Примѣчанія къ „Исторіи пугачевского бунта“.

²⁾ Слова Сальери („Моцартъ и Сальери“ А. С. Пушкина).

развитія въ новомъ художественномъ произведеніи. Пушкину стало ясно, что царь не былъ въ восторгѣ отъ его историческаго опыта.

Затѣмъ въ январьскомъ номерѣ „Сына Отечества“ (1835) появился разборъ „Исторіи пугачевского бунта“, написанный бывшимъ морскимъ офицеромъ и авторомъ „Исторіи Донского войска“ В. Броневскимъ.¹⁾ Разборъ этотъ, во многихъ случаяхъ неосновательный, обнаружилъ, однако, нѣсколько такихъ мѣстъ въ Пушкинскомъ текстѣ, которыя указывали на неполнѣ научный способъ пользованія матеріалами и подчеркивали слабыя мѣста въ ходѣ историческаго изысканія. Особенно любопытнымъ являлось указаніе Броневского на преданіе о Гугнихъ, какъ на сомнительный историческій источникъ. Защита Пушкина была убѣдительна лишь наполовину. Но для насъ теперь ясно, почему „преданіе“ о Гугнихъ было для Пушкина драгоценнѣе всякаго иного хронологическаго источника: оно сберегало древнѣйшія бытовые черты. „Сохранилось поэтическое преданіе, — пишетъ Пушкинъ: — казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собой убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ. Одинъ изъ Атамановъ, по имени Гугня, первый преступилъ жестокой законъ, пощадивъ молодую жену, и казаки, по примѣру Атамана, покорились игу семейственной жизни. Донынѣ, просвѣщенные и гостепріимные, жители Уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ пирахъ здоровье бабушки Гугнихи.“ Броневскій былъ правъ, указывая на слабость такого баснословнаго свидѣтельства въ вопросѣ о точномъ времени поселенія казаковъ на Яикѣ. Для Пушкина было довольно безразлично по существу, появились ли казаки на этой рѣкѣ въ XV или XVI вѣкѣ — ему была безконечно дороже та чаша, изъ которой до послѣдняго времени пили казаки здоровье легендарной бабки.

Другое интересующее насъ указаніе Броневского касалось упоминанія о томъ, что станица Потемкинская могла и не стоять на мѣстѣ станицы Зимовейской, гдѣ когда-то находилась казачья изба Пугачева. Пушкину хотѣлось, чтобы сожженная, по указу Екатерины, изба Пугачева была именно въ той станицѣ, которая получила имя Потемкинской. Когда Броневскій указывалъ, что населеніе станицы, гдѣ жилъ Пугачевъ, не желая оставаться въ поруганномъ мѣстѣ, было переведено на другое, „выгоднѣйшее“, Пушкинъ далъ объясненіе, научно не вполне удовлетворительное. Сливъ мѣста старой Зимовейской и позднѣйшей Потемкинской станицы, онъ призналъ это сличеніе достаточнымъ, чтобы сдѣлать заключеніе о тождествѣ этихъ двухъ станицъ.

Какъ самъ Пушкинъ объяснялъ, онъ рѣшилъ, что имп. Екатерина не согласилась на переселеніе жителей Зимовейской станицы, признавъ его слишкомъ „убыточнымъ“, и только-де разрѣшила замѣнить старое наименованіе новымъ.

---

¹⁾ Замѣчаніе Пушкина на рецензію Броневского см. въ указанномъ выше томѣ академическаго изданія „Сочиненій А. С. Пушкина“ (стр. 468—482).

Заключеніе Пушкина являлось предположеніемъ, допустимымъ для повѣствователя, но недопустимымъ для историка, которому не дано права судить съ положительностью о мотивахъ рѣшенія императрицы, не имѣя къ тому основаній. Можно только догадываться, что для Пушкина было соблазнительно, съ точки зрѣнія художественнаго эффекта, видѣть „пугачевскую“ станицу замѣненной именемъ екатерининскаго фаворита.

VII.

Большой знатокъ Пугачевщины Н. Н. Эирсовъ въ своей работѣ, уже названной нами, сдѣлалъ рядъ замѣчаній, отличающихся большой обстоятельностью и добросовѣстнымъ стремленіемъ къ истинѣ.¹⁾ Однако, при всѣхъ цѣнныхъ поясненіяхъ и критическихъ замѣчаніяхъ Н. Н. Эирсовъ не вполне правильно опредѣлилъ подлинныя побужденія Пушкина. Онъ сдѣлалъ поэту-историку рядъ упрековъ, изъ которыхъ не всѣ одинаково справедливы. Если можно согласиться, что Пушкинъ не оказался на высотѣ современной ему историографии, то слѣдовало бы, думается намъ, наряду съ этимъ указаніемъ опредѣлить по достоинству тотъ чисто художественный, нынѣ уже также историческій матеріалъ, который составляетъ въ его „Исторіи“ самостоятельную цѣнность. Эта существенная сторона оставлена въ тѣни. Вся обстоятельнѣйшая работа критика оказалась направленной главнымъ образомъ на доказательство мысли, что Пушкинъ допустилъ въ своей „Исторіи“ много фактическихъ неточностей, и трудъ его, какъ историческое изслѣдованіе, не отличается необходимыми достоинствами. Изъ упрековъ, сдѣланныхъ Пушкину, едва ли не самый существенный заключается въ томъ, что Пушкинъ переоцѣнилъ силу самодержавія и недооцѣнилъ силы народа въ ихъ взаимной борьбѣ. Вотъ что говорить по этому поводу Н. Н. Эирсовъ: „Даже въ либеральнѣйшій періодъ своей мысли поэтъ, мечтая о паденіи рабства въ Россіи, возлагалъ надежду не на активность народа, а на царскую власть.“ И нѣсколько выше: „Пушкинъ не придавалъ особеннаго значенія въ политической жизни Россіи простому народу, смотря на него, какъ на пассивную, инертную массу, болѣе способную „безмолвствовать“, чѣмъ проявлять свою инициативу и дѣйствовать цѣлесообразно“.

Въ этихъ словахъ основное недоразумѣніе. Какъ бы ни смягчались съ годами политическіе взгляды Пушкина, смягченіе это объяснялось не переходомъ поэта изъ ненавистниковъ монархіи въ ея поклонники, но природной слабостью активнаго боевого темперамента, а въ послѣднее время и общимъ упадкомъ энергіи подъ влияніемъ тѣхъ личныхъ обстоятельствъ жизни поэта, которыя прекрасно выяснены тѣмъ же критикомъ по отношенію къ „Исторіи пугачевского бунта“. Но тотъ молодой задоръ, который былъ такъ естественъ въ авторѣ

¹⁾ Н. Н. Эирсову принадлежать въ XI томѣ акад. изданія сочиненій Пушкина двѣ работы: 1) Примѣчаніе къ „Исторіи пугачевского бунта“ и 2) „Пушкинъ и Броневскій“.

юныхъ революціонныхъ стиховъ, долженъ былъ уступить мѣсто трезвому пониманію дѣйствительности — оно же внятно говорило Пушкину, что въ тридцатые годы прошлаго столѣтія самодержавная воля была не только сильнѣе придавленной мощи народа, но и единственной силой, способной охранить національнныя достоинства Россіи отъ опасностей извнѣ. Не забудемъ, что, приступая къ „Исторіи пугачевского бунта“, Пушкинъ только что пережилъ вмѣстѣ со всѣмъ политически развитымъ русскимъ обществомъ сильнѣйшій напоръ почти всеевропейской злобы и ненависти послѣ съ трудомъ подавленнаго польскаго возстанія. Не будучи „пораженцемъ“, но и не дѣлаясь поклонникомъ самодержца Николая Павловича, Пушкинъ волей-неволей долженъ былъ становиться подѣ его знамя, когда приходилось обращаться лицомъ къ лицу къ врагамъ Россіи. Въ эти минуты царь дѣлался для него средоточіемъ національныхъ силъ и полководцемъ.

Народъ дѣйствительно безмолвствовалъ, парламента и общественнаго мнѣнія не существовало, и не было иной реальной силы, которая могла бы дать отпоръ западнымъ завистникамъ русскаго могущества. Одного декабрьскаго бунта было достаточно, чтобы разочаровать Пушкина въ цѣлесообразности дворцовыхъ переворотовъ. Такова была одна сторона дѣла. Другая заключалась въ томъ, что безмолвствовавшій народъ будто бы почитался Пушкинымъ, какъ утверждаетъ Н. Н. Ѳирсовъ, такой инертной и ни на что рѣшительно неспособной массой, рассчитывать на которую въ дѣлѣ освобожденія было невозможно. Это утвержденіе критика едва ли нуждается въ длинныхъ опроверженіяхъ. Достаточно указать только на то обстоятельство, что, если Пушкинъ и интересовался когда-либо народомъ, какъ движущей силой, то исключительно въ тѣ моменты его жизни, когда народъ воевалъ или бунтовалъ — явно или скрыто. Напомнимъ, что еще въ молодости Пушкина занимала мысль о романѣ изъ эпохи Стеньки Разина;¹⁾ не добравшись до матеріаловъ объ этомъ бунтовщикѣ, онъ перенесъ свой замыселъ на другого, не менѣе любопытнаго поборника народной воли и власти. Само собой понятно, что, собираясь писать „романъ“ (а не „повѣсть“), героемъ котораго долженъ былъ явиться народный вождь, Пушкинъ не могъ ограничить себя узкобіографическими или психологическими рамками, не связавъ своего героя съ народомъ, его выдвинувшимъ. Критику, несомнѣнно, извѣст-

¹⁾ Любопытно, что одно изъ упоминаній о Стенькѣ Разинѣ встрѣчается у Пушкина непосредственно за выраженіемъ восторга передъ русскими сказками: „Что за прелесть эти сказки! — писалъ онъ Л. С. Пушкину въ первой половинѣ ноября 1824 г., — каждая есть поэма. Ахъ! Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ Рус. Ист.“ Работая надъ „Исторіей пугачевского бунта“, онъ не забывалъ и Разина. По крайней мѣрѣ есть извѣстіе, что онъ пользовался въ это время экземпляромъ книги, взятой имъ у А. С. Норова: „Relation des particularités de la rébellion de Stenko-Razin contre le grand Duc de Moscovie“, Paris, 1762. Позже Пушкинъ разыскалъ и приобрѣлъ эту книгу, которая и сохранилась въ его библіотекѣ. См. „Пушкинъ, Письма“, т. I, стр. 97 и 366.

но, что отношеніе Пушкина къ народу было не менѣе сложнымъ, чѣмъ отношеніе его къ самодержавію. Народъ у него не былъ только бунтующей стихіей, но и силой созидающей и оберегающей государство. Если онъ „безмолвствовалъ“ при замѣнѣ Бориса Годунова Лжедмитріемъ, считая Бориса убійцей законнаго государя, то онъ же долженъ былъ отстаивать цѣлость Россіи отъ шведовъ и поляковъ, а потомъ нести тяжелое бремя защиты отъ европейскаго расхищенія. Если бы Пушкинъ считалъ, что народъ былъ призванъ только работать на дворянъ и помѣщиковъ, онъ, несомнѣнно, долженъ былъ бы при самомъ началѣ упереться въ стѣну передъ вопросомъ: что же дало и Стенькѣ Разину и Пугачеву вдохновеніе и нравственную силу? Очевидно, не одно золото и награбленное добро являлись для нихъ стимуломъ борьбы, исполненной риска, опасностей и напряженія всѣхъ силъ, но нѣчто иное, что выдѣляло ихъ изъ среды обыкновенныхъ разбойниковъ и убійць. Это „нѣчто“ — искренній и глубокой паеосъ борьбы за попранныя права народа, энтузіазмъ стихійнаго порыва къ свободѣ и отмщенію. Критикъ удивляется: какъ могъ Пушкинъ эпитетъ „сволочь“ прилагать къ народу или, по крайней мѣрѣ, къ его революціонной части, той, которая пристала къ самозванцу?) Связывая сужденія Пушкина съ болѣе основательными, по его мнѣнію, сужденіями Погодина о русской исторіи, какъ показателѣ народной активности, Н. Н. Ѳирсовъ пишетъ: „Правда, въ тридцатыхъ годахъ нельзя было сказать то, что Погодинъ осмѣлился написать въ пятидесятыхъ, нельзя было выяснять, что крѣпостное право создавало условія для пугачевщины, но можно было не преуменьшать значенія уже бывшаго Пугачевского бунта и, не прибавляя къ тому, что о немъ изложено у Пушкина, воздержаться и отъ слишкомъ упрощеннаго субъективизма, отъ столь прочувствованнаго эпитета, какъ слово „сволочь“ по адресу приставшихъ къ самозванцу инсургентовъ“. Если бы Н. Н. Ѳирсовъ не ограничилъ своей задачи узкой исторической стороною, онъ сильнѣе подчеркнулъ бы, что, не имѣя возможности говорить о крѣпостномъ правѣ, какъ важнѣйшемъ источникѣ этого и многихъ другихъ мятежей, Пушкинъ долженъ былъ поневолѣ сузить свою оцѣнку Пугачевского бунта. Независимо отъ этого, критикъ могъ бы яснѣе представить себѣ, почему въ расчеты Пушкина не входило такое изображеніе социальнаго быта, которое, даже соотвѣтствуя дѣйствительности, вызвало бы несомнѣнное запрещеніе Пушкину давать какіе бы то ни было официальные матеріалы. Очевидно, что въ погонѣ за личностью Пугачева въ роли символа народнаго возмущенія, Пушкинъ не замыслилъ бы избрать сюжетъ изъ эпохи пугачевщины для романа, если бы не считалъ его историческій смыслъ достойнымъ предметомъ своей творческой работы. Столь же очевидно, что и общій принижающій тонъ и нелестные эпитеты, прилагаемые къ Пугачеву, и слово „сво-

1) Замѣтимъ, что сто лѣтъ назадъ слово „сволочь“ еще не стало исключительно браннымъ и сохранило свое первоначальное значеніе — „сбродъ“.

лочь“ въ примѣненіи къ „инсургентамъ“ — только внѣшніе показатели того компромиса, на который, скрѣпя сердце, пошелъ Пушкинъ во имя своей полускрытой художественной цѣли. Достаточно проникнуть въ тонъ сообщеній Пушкина о фактахъ присоединенія къ Пугачеву не только казаковъ, башкиръ и простолюдиновъ, но и цѣлыхъ гарнизоновъ съ офицерами и духовенствомъ, чтобы видѣть, что Пушкинъ не могъ ни отрицать, ни скрывать отъ самого себя той силы и обаянія народности, какая одна только и дѣлала Пугачева народнымъ героемъ. Среди „инсургентовъ“ было не мало и такихъ героевъ грабежа и пьянства, которые засоряютъ всякое соціально-политическое движеніе, каково бы оно ни было, къ нимъ-то очевидцы и современники Пугачева считали себя вправѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, примѣнять это не академическое слово. Пушкинъ слѣдовалъ въ своемъ изложеніи, какъ отчасти онъ дѣлалъ это и въ своихъ повѣстяхъ вообще, духу языка той эпохи, къ которой относилось содержаніе повѣсти. Излюбленной эпохой въ этомъ отношеніи для Пушкина былъ XVIII вѣкъ, особенно вторая половина. Манифесты, указы, письма этой эпохи такъ же не могли остаться безъ вліянія на стиль Пушкина, какъ не могли не возмущать его буйства и звѣрства именно пугачевскихъ „шаекъ“, творившіяся ими часто противъ воли самого Пугачева.

Мы видимъ, что въ данномъ случаѣ Н. Н. Фирсовъ, принижая историческую заслугу Пушкина, самъ не оказался на высотѣ историческаго пониманія. Мы должны отстаивать эту заслугу великаго поэта въ полной мѣрѣ, но понимая ее въ другомъ смыслѣ. Какія бы фактическія неточности, исправленныя историками, и ни допустилъ Пушкинъ въ быстромъ развитіи пугачевскихъ дѣйствій, онъ оставилъ намъ въ своемъ трудѣ нѣчто безконечно важное и цѣнное: яркій портретъ даровитаго, умнаго бунтовщика-самоучки, личности во многихъ отношеніяхъ замѣчательной. Въ наброскахъ и рисункахъ, въ стилѣ языка и мысли, въ общемъ колоритѣ онъ далъ отраженіе одной изъ любопытнѣйшихъ бытовыхъ страницъ русской политической исторіи, и, самое главное, позволилъ намъ судить, при всей разрозненности фрагментовъ, о величавомъ замыслѣ историческаго романа, который поэтъ обдумывалъ долго и любовно.

VIII.

При чтеніи „Исторіи пугачевского бунта“ невольно возникаетъ вопросъ: представляетъ ли повѣсть „Капитанская дочка“ именно тотъ романъ, о которомъ Пушкинъ мечталъ еще около десяти лѣтъ до времени ея написанія? Этотъ вопросъ находился въ ближайшей связи съ другимъ: какъ Пушкинъ использовалъ въ этой повѣсти матеріалы, собранныя имъ для его историческаго труда?

Какъ мы уже указали, „Исторія“ была для Пушкина неизбѣжной данью обстоятельствамъ его личной и общественной жизни, обстоятельствамъ, которыя стояли на пути свободному развитію его художественнаго гения. Съ одной стороны, собираніе матеріаловъ было необ-

ходимо для выполнения волновавшего его замысла, а сь другой — писаніе „Исторіи“ являлось дѣломъ вынужденнымъ, несвойственнымъ его живому и впечатлительному темпераменту, обязанностью, отъ которой онъ стремился освободиться какъ можно скорѣе. Несмотря на всѣ эти внѣшнія и внутреннія затрудненія, Пушкинъ достигъ своей ближайшей цѣли: онъ собралъ въ своей „Исторіи“ все, что казалось ему необходимымъ для историческаго портрета Пугачева. Называя свою работу „Исторіей Пугачева“, онъ никого не хотѣлъ вводить въ заблужденіе и, если бы эта работа вышла подъ этимъ заглавіемъ, многіе упреки критики потеряли бы свою остроту. Въ „Капитанской дочкѣ“ онъ одухотворилъ этотъ портретъ, воскресилъ его, наполнилъ его движеніемъ, нервами и горячей кровью, заставилъ озлобленное сердце мятежника биться въ общемъ ритмѣ сь окружающей соціальной и психологической средой. Онъ перенесъ на эту личность все, познанное на опытѣ предварительнаго изученія, — и внѣшніе факты бытового уклада, и душевныя свойства, и тонкія наблюденія художника, умѣющаго понимать самыя тайныя колебанія челоуѣческаго духа. Въ „Капитанской дочкѣ“ Пугачевъ явился такимъ же порожденіемъ народной среды, органически, видимо и невидимо связаннымъ сь народной психикой, какъ степное перекати-поле связано сь весенними дождями, солнцемъ и буранами степи. Пушкинъ далъ почувствовать эту связь, но не раскрылъ ее, зачаровавъ читателя внутренней правдой, огнемъ и красками личности. Здѣсь онъ не опустилъ ни одной черты, какой бы случайной она ни казалась, чтобы представить Пугачева именно такимъ, какимъ онъ представлялся ему сквозь историческую призму. Рѣчь Пугачева загадочна и лукава для слуха Гринева; такъ же она была загадочна, но уже не лукава, а грозна въ той по виду невинной игрѣ словъ, которую онъ позволилъ себѣ въ присутствіи всесильнаго гр. Панина. Панинъ не разгадалъ ея символическаго смысла, какъ ничего не понялъ въ афоризмахъ Пугачева и молодой Гринева, когда жалкій бродяга говорилъ хозяину избы, казаку, хорошо понимавшему „воровской языкъ“:

— Будеть дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ; а теперь заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ...

То было на зарѣ мятежа, поднимавшагося не Пугачевымъ, но народомъ въ лицѣ Пугачева. Не Пугачевымъ этотъ мятежъ начинался, и не Пугачевымъ онъ кончится: таковъ былъ тайный смыслъ дерзкой шутки, обращенной къ Панину: поймали вороненка, а воронъ, мятежный народъ, на свободѣ. Это ощущеніе „тайнаго“, невидимаго однимъ, и яснаго, какъ день, другимъ, истинное волшебство Пушкинской интуиціи, отвѣчающей по своей психологической глубинѣ столь же волшебному раскрытію сюжета изъ вѣщаго сна молодого Гринева. Тайная связь психологической завязки сь сюжетомъ пріобрѣтаетъ черезъ сто лѣтъ послѣ написанія повѣсти ярко символическое значеніе: юный дворянинъ, ѣдущій на военную службу, его крѣпостной слуга, долженствующій охранять барина и его добро, и бѣглый казакъ-авантю-

ристь, задавшійся цѣлью смести и дворянство со всею его культурой и весь дворянско-чиновничій порядокъ. Пугачевъ въ „Капитанской дочкѣ“ повторяетъ Пугачева „Исторіи“ во всѣхъ основныхъ чертахъ. Онъ смѣлъ и отваженъ, при наступленіи — впереди, на бѣломъ конѣ, съ обнаженной саблей, въ живописномъ красномъ кафтанѣ. Былъ ли Пугачевъ убѣжденъ въ самомъ дѣлѣ, что смерть не была ему суждена въ открытомъ бою, или, вѣрнѣе, просто шель напраломъ къ своей цѣли, — но въ изображеніе его отваги у Пушкина вложена великая сила обаянія. Эта сила объясняетъ, чѣмъ дѣйствовалъ Пугачевъ на окружавшую его разноплеменную и полудикую толпу. Беззавѣтная храбрость, ставка на свою голову, игра на жизнь и на смерть сами по себѣ были плѣнительны для Пушкина, для его страстной, увлекавшейся натуры, чуткой къ игрѣ случая и судьбы. Пугачевъ обладалъ, сверхъ того, умомъ расчетливымъ и тонкимъ, который замѣнялъ ему положительныя знанія. Онъ безъ всякой подготовки, однимъ чутьемъ, одной наблюдательностью, постигъ искусство военной стратегіи и воинскаго строя. Все, что онъ дѣлалъ, какъ военачальникъ и стратегъ, было проникнуто такой находчивостью, которая обличала въ немъ исключительное военное дарованіе. Но это дарованіе ему пришлось примѣнять среди людей, отлично понимавшихъ игру бѣглаго авантюриста, и Пугачеву поневолѣ надо было взять на себя задачу искуснаго и тонкаго дипломата: онъ долженъ былъ знать границы своего стихійнаго могущества и средства воздѣйствія и на окружающихъ и на свое вольнолюбивое войско. Боевая обстановка требовала кровавыхъ жертвъ, которымъ Пугачевъ принужденъ былъ давать политическое и моральное оправданіе. Мы видимъ его въ нарядной казацкой одеждѣ, въ креслѣ, съ платкомъ въ рукѣ, которымъ онъ даетъ знакъ палачамъ. Но дипломатъ долженъ вести осторожную политику со своими „фельд-маршалами“ и „енералами“, прекрасно зная, что, при измѣнившей удачѣ, они предадутъ его.

Недаромъ въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкинъ заставляетъ Пугачева повторить его подлинныя слова: „Улица моя тѣсна; воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они воры. Мнѣ должно держать ухо востро; при первой неудачѣ они свою шею выкупятъ моею головою“.¹⁾

Пугачевъ убиваетъ въ открытомъ бою, Пугачевъ вѣшаетъ, пытается, отдаетъ города и селенія на грабежъ и пожары, словомъ, борется такъ, какъ боролись и донинѣ не перестали бороться всѣ, еще не упраздненныя ни мятежей, ни войны. Но если Пушкинъ въ „Исторіи“ и называетъ его по официальной терминологіи „воромъ“ и „злodeмъ“, то въ той же „Исторіи“ онъ не забываетъ отмѣтить, что по натурѣ своей Пугачевъ не былъ ни „кровопійцей“, ни „звѣремъ“. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ взялъ историческую черту. Въ показаніяхъ казака Почиталина, данныхъ секретной слѣдственной комиссіи 8 мая 1774 года,

---

¹⁾ „Сочин. А. С. Пушкина“, ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, Спб., 1903, т. IV, стр. 621.

есть прямое указание на то, что Пугачевъ былъ противъ излишней жестокости и грабежей. „Грабительства безвинныхъ людей онъ (Пугачевъ) не любилъ, — показывалъ казакъ Почиталинъ, — а потому многихъ, въ томъ приличившихся, вѣшалъ безъ пощады“. ¹⁾ Къ этой чертѣ близко подходила другая, которая также очеловѣчивала его образъ: извѣстнаго рода великодушіе и признательность за услугу. Въ „Исторіи“ Пушкинъ разсказалъ, какъ Пугачевъ отнесся къ „пастору реформатскаго исповѣданія“, который когда-то подавалъ ему милостыню въ Казани. Когда плѣннаго пастора привели къ Пугачеву, послѣдній по-своему обошелся съ нимъ. „Бѣдный пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково и пожаловалъ въ Полковники. Пасторъ - Полковникъ посаженъ былъ верхомъ на Башкирскую лошадь“...²⁾ Что же касается отраженія этихъ чертъ — извѣстнаго благородства и великодушія — въ „Капитанской дочкѣ“, то положительно можно сказать, что вся повѣсть построена на психологіи именно этихъ чертъ, придающихъ личности самозванца привлекательный характеръ. Заячій тулупчикъ, однажды согрѣвшій озябшаго бродягу, спасаетъ жизнь нѣсколькимъ существамъ и высоко поднимаетъ личность мятежника надъ слѣпой классовою ненавистью и безразсуднымъ чувствомъ мести. Пушкинъ не разъ показалъ, что въ тѣ минуты, когда Пугачевъ имѣлъ всѣ основанія заподозрить Гринева и отнести къ нему, какъ къ своему непримиримому противнику и врагу, Пугачевъ становился на сторону не логическихъ соображеній, но движеній своего сердца. Пушкинъ чисто по-шекспировски разрѣшилъ трудную психологическую задачу, когда Пугачевъ, поколебленный неожиданнымъ доносомъ Швабринна о томъ, что Марья Ивановна была не племянницей попадьи, но дочерью непокорнаго капитана Миронова, не зналъ на что рѣшиться, и Гринева могъ чувствовать уже веревку на своей шеѣ. Не одна находчивость Гринева спасла его, но и отличавшая Пугачева памятьливость за оказанное ему добро — она помогла ему найти рѣшеніе въ духѣ челоуѣчности и снисхожденія.

Гдѣ только можно было, Пушкинъ отмѣтилъ въ „Исторіи“ различныя проявленія этого своеобразнаго благородства, уживавшагося со всей стихійной нелѣпостью степнаго казацкаго нрава. По крайней мѣрѣ нигдѣ не показалъ Пушкинъ своего героя презрѣннымъ и низкимъ, и даже тамъ, гдѣ Пугачевъ слѣдовалъ грубымъ влеченіямъ своей натуры, Пушкинъ ни однимъ штрихомъ не уронилъ его въ тину житейской грязи и нравственнаго разложенія. Поднимался Пугачевъ надъ уровнемъ обычной сѣрой толпы бродягъ и преступниковъ, проторившихъ столько дорогъ по россійскимъ степямъ и тайгамъ, когда въ откровенной бесѣдѣ своей съ Гриневымъ онъ, безъ всякаго бахвальства, говорилъ ему о своей ставкѣ на удачу въ роковой и опасной игрѣ:

¹⁾ „Пугачевщина“. Государственное издательство. (Центрархив), М., 1929, т. II, стр. 111.

²⁾ „Исторія пугачевскаго бунта“, стр. 94.

— Поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать, какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвою...¹⁾

Ссылка Пугачева на Гришку Отрепьева въ высшей степени любопытна. Пушкинъ обоихъ постигъ творческимъ чутьемъ и обоихъ поставилъ на ихъ историческія мѣста. У одного и другого — страстная жажда яркой и бурной жизни, пусть краткой, но обжигающей душу молніями соблазновъ и миражей. Оба потянулись за этой жизнью къ русскому царскому вѣнцу, озаренному ореоломъ сказочнаго могущества и блеска. Оба — страстные игроки на жизнь и смерть, тайные вопрошатели судьбы и явные лицедеи. Но какая разница въ личномъ отношеніи Пушкина къ обоимъ героямъ непокоренной судьбы! Одинъ — затѣйливое изготвление іезуитской интриги, другой — какъ бы къ нему ни относиться съ государственной точки зрѣнія, стихійно-національный мститель за попранныя вольности и страданія народа. Первый презиралъ русскую народную, темную и скорбную душу, не чувствуя великихъ возможностей, въ ней затаенныхъ, другой самъ носилъ въ себѣ эту душу и на себѣ показалъ, какія высоты и низины таитъ она въ космической стихійности своихъ проявленій. Первый служилъ игрищемъ чужой политики, стремившейся къ поработенію, другой поднялъ народъ за его освобожденіе отъ поработителей, кто бы они ни были. Образъ этого героя Пушкинъ прежде всего рѣшилъ очеловѣчить, очистить отъ прилипшей къ нему злобы и отвращенія. Онъ подготовилъ эту очистительную работу въ своей „Исторіи“ и совершилъ въ „Капитанской дочкѣ“.

IX.

Совершенно ясно, что не въ трогательномъ романѣ Гринева и Марьи Ивановны лежалъ центръ тяжести замысла Пушкина, но въ личности Пугачева. Обдумывая „романъ“, Пушкинъ, по понятіямъ своего времени, долженъ былъ ввести въ него любовную интригу. Эта интрига и была введена въ повѣсть по всѣмъ правиламъ схематики въ стилѣ французской литературы: два любящихъ сердца и третья, исполненное ревности и злобы. Пользуясь своимъ дивнымъ даромъ сообщать красоту самымъ обыкновеннымъ проявленіямъ человѣческаго чувства, Пушкинъ сумѣлъ сочетать ихъ съ глубоко-волнующими движеніями души и обнаружить героизмъ и силу тамъ, гдѣ въ обыкновенной жизни они незамѣтны. Но независимо отъ этого сама любовная интрига не вышла за предѣлы построеній, какія мы находимъ въ другихъ повѣстяхъ Пушкина, и введеніе въ нее Пугачева пріобрѣло значеніе по преимуществу сюжетное. Еще болѣе внѣшнимъ обстоятельствомъ по отношенію къ Пугачеву является изображеніе въ концѣ повѣсти императрицы Екатерины. Въ ея лицѣ своего рода *deus ex*

¹⁾ „Сочин. А. С. Пушкина“, ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, 1903, т. IV, стр. 621.

машіна разрѣшаетъ напряженное положеніе однимъ движеніемъ магического жезла.

Но оставимъ въ сторонѣ прекрасное строеніе трогательной исторіи любви и страданій Марьи Ивановны и Гринева подъ тѣмъ золотымъ фризомъ, который осѣнилъ ихъ дальнѣйшее счастье, и обратимся къ Пугачеву.

Слѣдуетъ только представить себѣ, какъ много усилій мысли и пера потратилъ Пушкинъ на этого героя народнаго мятежа, съ какимъ упорствомъ преодолѣвалъ трудности, стоявшія на пути его изученія, чтобы задуматься надъ вопросомъ: подлинно ли повѣсть „Капитанская дочка“ отвѣчала тому замыслу романа, который въ теченіе десяти лѣтъ вынашивалъ Пушкинъ въ своемъ творческомъ воображеніи? Если считать несомнѣнной не только психологическую, но и идеологическую связь между Борисомъ Годуновымъ, Гришкой Отрепьевымъ и Пугачевымъ, то стоило ли во имя этой связи съ такой настойчивостью добиваться официальныхъ данныхъ о Пугачевскомъ дѣлѣ и о слѣдствіи надъ нимъ, чтобы показать его образъ и характеръ въ нѣсколькихъ положеніяхъ на второмъ и даже на третьемъ планѣ? Чтобы превратить Пугачева изъ злодѣя и изверга рода человѣческаго въ личность, доступную всему доброму и злему, что свойственно человѣческой натурѣ, Пушкину не было необходимости перечитывать пыльные фоліанты архивныхъ дѣлъ: для этого было достаточно лишь подхватить многочисленные нити народныхъ преданій и воспоминаній современниковъ, среди которыхъ образъ Пугачева былъ еще живъ во всей полнотѣ бытовыхъ и нравственныхъ чертъ. Очевидно, не для того только, чтобы обнаружить благородство Пугачева передъ Гриневымъ, устанавливалъ Пушкинъ въ началѣ своей „Исторіи“ духовную связь мятежника съ тѣмъ населеніемъ, судьбы котораго выдвинули его на историческое поприще. Излагая преданіе о первоначальной привольной жизни казаковъ и инородцевъ на широкихъ степяхъ Приуралья, связывая эти преданія съ именемъ нѣкой Гугнихи, Пушкинъ преслѣдовалъ — онъ это прекрасно сознавалъ — иную цѣль, чѣмъ та, какую ставила передъ нимъ строгая историческая наука. Гугниха, осмѣянная критикой, старые казацкіе обычаи, ихъ нравы и черты бытового устройства нужны были романисту Пушкину, какъ свѣжій степной воздухъ человѣку, никогда не знавшему надъ собой крыши. Именно воздуха, того воздуха, которымъ дышалъ Пугачевъ и населеніе, въ немъ воплощенное, не оказалось ни въ „Исторіи“, ни въ „Капитанской дочкѣ“. Другими словами — не оказалось социальной атмосферы, ставшей въ условіяхъ областной русской политики настолько удушливой, что единственнымъ средствомъ разрѣшить ее явилась гроза народнаго возстанія. Это ощущаемое нами отсутствіе воздуха въ прекрасныхъ картинахъ Пушкина объясняется не только цензурными условіями или особенностями его живописи, но и тѣмъ, что мы въ нашемъ воспріятіи особенностей той эпохи ушли отъ нея чрезвычайно далеко. Если Пушкинъ жилъ не при Екатеринѣ, если ему не пришлось страдать ни отъ побо-

ровъ, ни отъ кнута въ приуральскихъ застѣнкахъ, онъ и его современники, для которыхъ онъ писалъ свою повѣсть, жили и дышали тою же атмосферой крѣпостного безправія, которая за десятки лѣтъ передъ тѣмъ заставляла тысячи мирныхъ и трудолюбивыхъ гражданъ покидать насиженные мѣста и уходить въ турецкія и персидскія владѣнія. Для его современниковъ краткія по необходимости и бѣглыя упоминанія о „притѣсненіяхъ“ властей, чинимыхъ мирнымъ и добрымъ кочевникамъ и безропотнымъ земледѣльцамъ, были слишкомъ краснорѣчивы и безъ особыхъ разъясненій. Въ свою очередь герои „Капитанской дочки“, въ ихъ бытовой и психологической значимости, были еще слишкомъ близки ко времени Пушкина, чтобы нужно было разъяснять узоры сложной сѣти сословныхъ и экономическихъ противорѣчій. Но для насъ и „Исторія пугачевского бунта“, и даже повѣсть, къ ней прирощая, уже стали отраженіями ушедшей жизни и для своего правильного пониманія нуждаются въ извѣстныхъ историческихъ разъясненіяхъ. Только принявъ во вниманіе соціальныя условія, породившія Пугачева, мы, если не пріоткроемъ завѣсы, то во всякомъ случаѣ вызовемъ нѣкоторыя представленія о томъ, что въ личности Пугачева осталось нераскрытымъ въ повѣсти Пушкина и что могло интересовать его въ планѣ романа.

Напомнимъ, что въ пору Михайловскаго одиночества, когда передъ поэтомъ, которого тогда особенно тянуло къ бунтарству, впервые замелькали образы Стеньки Разина и Пугачева, онъ еще не сладилъ съ революціонными настроеніями, тянувшими его въ кружки декабристовъ. Идеи французской революціи и ужасы аракчеевскаго режима сочетались въ его воображеніи въ нѣчто стихійное и нелѣпое, разлагавшееся на отдѣльныя понятія — народъ, самодержавіе и государство, одно съ другимъ не согласованныя. Творчество давало исходъ бурному кипѣнію силъ, но политическая мысль неустанно работала и искала выхода изъ тупика. Впечатлѣніе отъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, связаннаго съ трагической судьбой вольнолюбиваго Радищева, было еще свѣжо, и тяжесть аракчеевскаго „самовластия“ ощущалась даже на дворянскихъ плечахъ Пушкина.

Х.

Европейская литература была насыщена изображеніями исключительныхъ и смѣлыхъ натуръ, а русская исторія давала краски для такой не романтической, но подлинно реальной дѣйствительности, которая исключала необходимость вымысла для самыхъ потрясающихъ сценъ и дѣйствій. При той сложности и остротѣ переживаній, какая угадывается въ душѣ Пушкина въ послѣдніе годы царствованія имп. Александра, образъ мятежника, идущаго подъ знаменемъ народнаго освобожденія, долженъ былъ занять поэта не однимъ бытовымъ и психологическимъ, но и соціальнымъ содержаніемъ: Каково должно было быть это соціальное содержаніе, можно судить въ настоящее

время не по однимъ лишь историческимъ обобщеніямъ. Пушкинъ не могъ не знать, какія глубокія причины лежали въ психикѣ мятежа, съ такой легкостью охватившаго все пространство отъ Урала до Волги и способнаго переброситься и дальше на западъ. Радищевъ и декабристы знали эти причины, которыхъ не хотѣло своевременно знать петербургское правительство имп. Екатерины до тѣхъ поръ, пока пожаръ не захватилъ огромнаго пространства и не сталъ угрожать самому бытію петербургской власти. Только послѣ подавленія мятежа была назначена особая слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ графа П. И. Панина, которая собрала огромный матеріалъ о состояніи пріуральскихъ областей въ годы, предшествовавшіе мятежу. Оказалось, что въ то время, какъ въ Петербургѣ развѣтывалась обращенная лицомъ къ Европѣ блистательная политика имп. Екатерины и ея сподвижниковъ, столь прославленныхъ исторіей, на огромныхъ степныхъ просторахъ, невидимыхъ столичному глазу, установились свои порядки, по внѣшности согласованные съ указами и предначертаніями высшихъ властей, а по существу — извращавшіе ихъ. Объ этихъ порядкахъ можно получить представленіе изъ одного документа громадной исторической важности, недавно опубликованнаго.¹⁾ Это докладная записка, поданная подполковникомъ А. И. Свѣчинымъ графу Панину. Записка раздѣлена на нѣсколько главъ и содержитъ въ себѣ послѣдовательный перечень (конечно, далеко не полный) злоупотребленій, безнаказанныхъ преступленій, жестокостей, насилій и поборовъ, систематически, въ теченіе многихъ лѣтъ совершавшихся надъ безправнымъ и разоряемымъ населеніемъ. Подполковникъ Свѣчинъ, по всѣмъ даннымъ человекъ усердный и честный, собралъ въ „экстрактѣ“, какъ онъ назвалъ свой многосторонне разработанный докладъ, и систематизировалъ огромное число фактическихъ данныхъ, расположенныхъ въ ста шестидесяти восьми пунктахъ, характеризующихъ въ общей сложности социальную-психологическую природу мятежа. Первый отдѣлъ посвященъ дѣятельности духовенства. Правительство издавна проявляло стремленіе закрѣпить вольное и бродячее населеніе на мѣстахъ, подчинить его государственной регламентаціи, а духовенство должно было въ свою очередь содѣйствовать этому, пріобщая иновѣрцевъ къ православію. Чтобы облегчить это пріобщеніе, правительство поощряло переходъ въ христіанство нѣкоторыми льготами, денежными выдачами и подарками. Мѣстное духовенство по своему поняло намѣренія правительства. Вотъ что рассказываетъ Свѣчинъ о „проповѣдникахъ“, на которыхъ была возложена обязанность склонять къ добровольному принятію христіанской вѣры: „Оне жъ, проповѣдники и помощники, езда по новокрещенымъ жителствамъ, тѣхъ, кои еще и понынѣ не крестились, не чрезъ проповѣди слова Божія оныхъ приводили в законъ, но совершеннымъ раззореніемъ, а имянно: окны и двери рубили, пѣчи и трубы ломали, били плетми без

¹⁾ Въ упомянутомъ уже нами II-мъ томѣ „Пугачевщины“ („Экстрактъ“), стр. 3—40.

всякаго милосердія и сему подобные дѣла дѣлали, что с монашеским и священнымъ чиномъ нимало не согласно“.¹⁾

Высшее духовенство, и бѣлое и черное, было въ этомъ отношеніи заодно съ чернымъ. „Те жъ архимандриты, узнавъ кого из крестьян пожиточного и семейнаго, брали в монастыри и опредѣляли во всякие монастырскіе услуги; а когда кто, не желая быть, дастъ денегъ рубли три и болше, смотря по пожитку, то, обобравъ, оныхъ отпускали в дома, а на место техъ в работе держивали долее и работы накладывали тягостнее.“ Учрежденія, на которыхъ была возложена забота о подростящихъ поколѣніяхъ новообращенныхъ христіанъ, умѣли извлекать доходы еще и инымъ способомъ. „Новокрещенской конторы секретари и определенные ко оной школе смотрители, яко-бы между собою согласясь и не имея никакого опасения, подъ именами разныхъ людей, для пищи онымъ школьникомъ ставили от себя гнилую муку, протухлое мясо и ванючую рыбу, за что брали ис казенныхъ денегъ настоящую цену, отчего они яко-бы немалое имение нажить успели, а оныя ученики от такой нездоровой и худой пищи, бывъ бес призрения, по малому числу в годъ умирали.“

Священнослужители обращались съ населеніемъ совершенно такъ же, какъ тому учила и вся административная практика. Чиновники различныхъ управленій, заводскія конторы, сборщики государственныхъ платежей обирали населеніе всевозможными способами, зная, что на обидчиковъ жаловаться некому, что судьи, въ свою очередь, жили взятками, и что отдѣльные смѣльчаки, доводимые подчасъ до отчаянія систематическими притѣсненіями и поборами, обращаясь въ высшія учрежденія съ челобитными, попадали подъ слѣдствіе и судъ къ тѣмъ же чиновникамъ, на которыхъ они жаловались. Заводы, канцеляріи держали у себя на своихъ работахъ подъ разными предлогами крестьянъ и инородцевъ, отрывая множество людей отъ ихъ домашнихъ занятій и закабалая ихъ экономически низкими расцѣнками труда и недобросовѣстной расплатой. Иногда ставили въ счетъ предметы первой необходимости, которыя расцѣнивались втридорога, иногда уплачивая половину и безъ того низкой заработной платы, требуя расписокъ въ полученіи платы сполна. Особенно страдали государственные крестьяне. „Пришед же во изнеможеніе, оныя государственные крестьяне наимывались в работу на медныхъ, железныхъ и прочихъ партикулярныхъ, а не казенныхъ заводахъ, также весма за малую цену, не болѣе по пяти рублей в годъ; у коихъ определенные прикащики ис той договорной суммы наглостию своею почти по половине удерживали, а иногда и вовсе не платили, принуждая въ книгахъ расписыватца в полной сумме.“ Грабили начальники и управляющіе, но не менѣе усердія къ поборамъ проявляли и низшіе служащіе — писцы въ канцеляріяхъ, лѣсные стражники, унтеръ-офицеры воинскихъ ко-

---

¹⁾ Приводимъ, сохраняя ореографію подлинника, какъ онъ переданъ въ упомянутомъ изданіи.

мандь. Свѣчинъ приводитъ характерный примѣръ, который являлся лишь однимъ изъ тысячъ способовъ обирания жителей. Въ мѣстахъ, гдѣ завѣдомо не было лѣсовъ, кромѣ „заповѣдныхъ“, гдѣ, стало быть, пилить было нечего, крестьянамъ роздали пилы, причемъ за каждую пилу взяли по два рубля, цѣну слишкомъ высокую по сравненію съ цѣной за рабочій трудъ на заводахъ — пять рублей въ годъ, и безъ того, какъ сказано выше не выплачивавшихся полностью. Послѣ того дважды ежегодно развѣзжали среди населенія солдаты для провѣрки „распиленного“ и за собираніе справокъ брали по копѣйкѣ съ души.¹⁾ Лѣсные стражники умѣли создавать дѣла о преступленіяхъ даже тамъ, гдѣ и тѣни ихъ не было. „Валтмейстеры, — рассказываетъ Свѣчинъ, — и то дельвали, что важивали съ собою дубовые отрубки и щепы и будто зная где богатого жителя, перебѣросивъ чрезъ заборъ, делали тому хозяину жесточайшіе раззорени, яко-бы онъ дуб срубилъ, и, устрашивая ево везениемъ в городъ и тамъ пыткой, и протчим истязаніемъ. Но бѣдной сей житель, хотя и совершенно знаетъ, что онъ правъ, однако, видевъ такие устращивани и притеснени и опасаясь совершенного раззорения, оным валтмейстеромъ отдавали все, что они не потребовали, яко-то; денегъ немалой суммы, лошадей, скота и протчего.“

Никто и ничто не спасало мирныхъ и трудолюбивыхъ жителей отъ доносовъ, побоевъ и грабежей. Неудивительно, что единственной возможностью скрыться отъ преслѣдованія жестокихъ и алчныхъ администраторовъ являлось бѣгство въ лѣса и степи, гдѣ скрывавшіеся должны были поневолѣ заниматься разбоемъ и грабежомъ. Для помки разбойниковъ снаряжались команды, получавшія отъ казны деньги на развѣзды и пропитаніе. Но „сыщики“ перелагали расходы по своему содержанію и развѣздамъ на то же населеніе, которое страдало отъ разбойниковъ. И этого было мало: „Если же когда теми сыщиками пойманы были разбойники з грабленными, а воры съ краденными пожитками, то-бъ, сколко оного ни было, не отдавая хозяевамъ, разбирая, делили по себѣ“.

Мы привели лишь отдѣльные и вкратцѣ взятыя примѣры изъ записки Свѣчина, которая вся, отъ начала до конца, представляетъ собою одну скорбную эпопею возмутительнаго издѣвательства надъ правомъ и совѣстью. Ея одной, безъ другихъ, столь же неопровержимыхъ свидѣтельствъ безнаказанности и произвола, было бы достаточно, чтобы создать тотъ соціальный фонъ, на которомъ огненными и кровавыми пятнами разыгралась жестокая сцена ненависти и мести во время пугачевского бунта. А такихъ свидѣтельствъ набралось безконечно много, и исторія начинаетъ дѣлать изъ нихъ соотвѣтствующіе выводы.²⁾

Можно ли сомнѣваться, что Пушкинъ, прекрасно знавшій, что областные порядки Екатерининскаго времени не прекратились ни при

¹⁾ „Пугачевщина“, т. II, стр. 29.

²⁾ См. „Пугачевщина“, т. I.

Александръ, ни при Николаѣ, не говоря уже о краткомъ царствованіи Павла, сплошь занятомъ крестьянскими бунтами? Но желѣзная государственная система не позволяла выплывать наружу тому, что творилось въ муравьиныхъ низинахъ народной жизни. При всей сдержанности, къ которой обязывало Пушкина официальное положеніе исторіографа, повергавшаго свой трудъ на высочайшее усмотрѣніе, онъ не удержалъ себя отъ краткаго, но выразительнаго заключенія: „Такъ кончился мятежъ, начатый горстію непослушныхъ казаковъ, усилившейся по непростительному нерадѣнію начальства, и поколебавшей Государство отъ Сибири до Москвы, и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ“.¹⁾

На казенномъ языкѣ того времени эти слова означали очень многое.

XI.

Въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкинъ отмѣтилъ еще одну черту у Пугачева, къ сожалѣнію мало развитую: Пугачевъ чувствовалъ въ себѣ какую-то стихійную силу, роковымъ образомъ увлекавшую его на путь мстителя за народную обиду. Готовый повѣрить подчасъ въ свою историческую миссію, онъ въ то же время чувствовалъ себя и жертвой судьбы, игравшей имъ среди житейскихъ бурь и случайностей. Съ какимъ-то вдохновеніемъ обреченности просилъ онъ въ одной изъ сценъ „Капитанской дочки“ запѣть его любимую пѣсню, гдѣ раскрывалась безконечно грустная и привольно-дикая трагедія разбойничьей души.

Пушкинъ незамѣтно передавалъ читателю двойное настроеніе — и мрачную поэзію пѣсни и воспріятіе этой пѣсни Пугачевымъ, уже ощущавшимъ на своей шеѣ прикосновеніе руки палача. Пушкинъ передалъ это двойственное, по существу очень сложное чувство словами Гринева, который, слушая пѣніе, заражался общимъ настроеніемъ мятежныхъ разбойниковъ.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думать...

Я скажу тебѣ, надѣжа православный царь,
Всеё правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищъ темная ночь,
А второй мой товарищъ булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ, то тугой лукъ;
Что разсылъщики мои, то калены стрѣлы...

Пѣсня кончалась тѣмъ, что царь, довольный смѣлымъ и открытымъ отвѣтомъ разбойника, жаловалъ его „хоромами высокими, что двумя ли столбами съ перекладиной“.

¹⁾ „Исторія пугачевского бунта“, соч. Пушкина, изд. Ак. Н., т. XI, стр. 111.

„Невозможно рассказать, — продолжает Пушкин устами Гринева, — какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ — все потрясло меня какимъ-то пѣитическимъ ужасомъ.“ Этотъ моментъ — высшая точка подъема художественнаго постиженія разбойничьей души Пугачева. Ничто не могло лучше выразить того восторга и, вмѣстѣ, отталкиванія, съ которымъ Пушкинъ, волнуясь и любя, подходилъ и уходилъ отъ своей „натуры“. Въ этихъ двухъ словахъ — „пѣитическій ужасъ“ — раскрыта величайшая творчески-психологическая загадка, какимъ образомъ „разбойникъ“ и „убійца“ очищается въ душѣ художника отъ всѣхъ своихъ тяжкихъ грѣховъ и становится человѣкомъ, котораго можно прощать и любить. Пушкинъ постигъ Пугачева именно этимъ всепрощеніемъ и любовью художника, простилъ и полюбилъ не потому, что судилъ прежде, но потому, что понялъ. Онъ понялъ тотъ отравленный воздухъ проклятыхъ „соціальныхъ условій“, которыя привели на путь душегубства человѣка крѣпкой мысли и могучей воли. Въ творествѣ Пушкина Пугачевъ имѣлъ товарища поневолѣ — Владимира Дубровскаго, который также ушелъ въ разбойники не по растлѣннѣ души, но изъ протеста, не найдя иного пути борьбы съ насиліемъ и произоломъ. Въ этомъ отношеніи между Дубровскимъ и Пугачевымъ была лишь та разница, что первый изъ нихъ — мститель за свою поруганную честь и счастье, а въ сложной, глубокой и запутанной душѣ Пугачева мотивы народнаго страданія и обиды играли перво-степенную роль.

Повѣсть „Дубровскій“, писанная въ 1832—33 году (т. е., въ періодъ напряженнѣйшаго интереса къ Пугачеву), проникнута волнующимъ историческимъ и соціальнымъ смысломъ, который показываетъ, какъ глубоко воспринималъ Пушкинъ явленіе русскаго феодализма и общественнаго безсилія. Чтобы написать эту столь эпическую и невинную для того времени историческую повѣсть, Пушкинъ долженъ былъ воочію представить себѣ все безконечное море физическихъ и нравственныхъ страданій, униженія, отчаянія и злобы, которое разлилось по всему неизмѣримому простору Россійской Имперіи. Предположить, что Пушкинъ рисовалъ свои характеры и портреты, не наполняя ихъ огнемъ и болью своей души, страдавшей отъ соціальной неправды, положительно невозможно. Это значило бы отказать ему въ самомъ дорогое, въ самомъ прекрасномъ горѣніи его творческаго духа, горѣніи, въ пламень котораго онъ готовъ былъ въ послѣдніе годы бросить и гимны красотѣ и сладкіе звуки своей божественной лирики. Но, увы! — и переходя къ прозѣ, Пушкинъ не достигъ ни того покоя, ни того уединенія, которые позволили бы ему дописать все, что въ разное время было надумано. Недописаннымъ, вѣрнѣе — не написаннымъ остался романъ, гдѣ Пугачевъ долженъ былъ занять мѣсто на первомъ планѣ. Не тотъ Пугачевъ, котораго Пушкинъ показалъ Гри-

неву и Марьѣ Ивановнѣ въ такомъ сравнительно мирномъ и благодушномъ свѣтѣ, но Пугачевъ-мститель за всѣхъ тѣхъ незамѣтныхъ маленькихъ, затерянныхъ, забытыхъ, темныхъ человѣчковъ, которыхъ тиранили, обирали, ссылали и гноили въ тюремныхъ застѣнкахъ герои упомянутой нами Свѣчинской эпопеи. Въ „Исторіи пугачевского бунта“ Пушкинъ оставилъ нѣсколько набросковъ этого Пугачева, набросковъ, которыми онъ не воспользовался для „Капитанской дочки“. Въ нихъ Пугачевъ является вождемъ всѣхъ, кто не былъ избавленъ отъ кнута и пытки — и крестьянъ, и солдатъ, и честныхъ казаковъ и „сволочи“, вождемъ, стихійно вздымавшимъ волны народного гнѣва. Этого Пугачева Пушкинъ замыслилъ, но не дописалъ, ибо дописать не могъ. Такой Пугачевъ не могъ быть созданъ внѣ широкихъ народныхъ картинъ и общей перспективы многословной русской жизни. Своей „Исторіей пугачевского бунта“ Пушкинъ далъ намъ почувствовать его, ощутить запахъ крови, рваныхъ ноздрей, висѣвшихъ глазъ, выпадавшихъ изъ впадинъ, изуродованныхъ труповъ. Среди пьянаго разгула, дымящихся деревень, жестокихъ пытокъ и казней Пушкинъ вызвалъ передъ нами страшный призракъ проклятiя всему, что превращаетъ человѣческую душу въ орудіе ненависти и мести. И чѣмъ яснѣе становится, что этотъ призракъ — не исчадіе ада, но такой же человѣкъ, какъ и мы, со всѣми нашими достоинствами и пороками, только затянутой силой историческихъ обстоятельствъ въ тенета кровавой борьбы, тѣмъ большій ужасъ рокового трагизма охватываетъ наше сознание. Пушкинъ создалъ призракъ кроваваго ужаса, но отдѣлилъ его отъ личности Пугачева. Онъ показалъ, что человѣкъ, какъ бы онъ ни казался уменъ и отваженъ, является лишь игральнымъ судьбы, скрывающей отъ насъ послѣднія цѣли.

Но въ свое хмурое, непогодливое время великій поэтъ могъ писать лишь символами и китайскими тѣнями. Онъ не допѣлъ многихъ пѣсенъ, не досказалъ многихъ строфъ, не дорисовалъ многихъ образовъ страстной, кипящей, русской жизни. Не дописалъ онъ и своего „романа“ о Пугачевѣ, замыселъ котораго исходилъ изъ заповѣднѣйшихъ глубинъ его творческой мысли. Но мы знаемъ теперь, что въ этомъ романѣ онъ желалъ изобразить одну изъ величайшихъ проблемъ русской судьбы, проблему народа, съ его стихійной и поневоле мятежной мощью, съ его столь же стихійной любовью къ свободѣ и мирному труду.

— — —

RÉSUMÉS.

E. F. ŠMURLO. ESSAIS SUR POUCHKINE. I—III.

I. Le rôle de Karamzine dans la création de „Boris Godounov“ de Pouchkine.

L'influence de Karamzine (de son „Histoire de l'Empire de Russie“) sur la création de „Boris Godounov“ de Pouchkine fut plus grande et plus profonde qu'on ne l'admet généralement depuis les écrits de l'académicien Jdanov (1892): l'indépendance du génie poétique de Pouchkine n'exclut pas le fait que pour le fond historique de l'oeuvre discuté on est forcé d'admettre l'influence directrice de l'historien sur le poète. C'est Karamzine et non pas Tatichtchev ou Pétréï-Stcherbatov que le poète suit dans l'interprétation des scènes IX (Moscou, Maison de Šouïsky) et XX (La forêt).

Il est impossible de partager l'avis de Jdanov dans ce qu'il dit de la 1ère scène (dialogue des boïards Šouïsky et Vorotynsky). Au contraire, il est rare que la dépendance spirituelle du matériel historique recueilli par Karamzine se fit jour chez Pouchkine avec autant de force et d'évidence que dans cette scène. On peut en dire autant du récit que fait Pimène sur l'assassinat du tzarévitch Dmitry (scène V).

D'autre part, il ne s'agit certes pas d'une dépendance servile du poète (Polévoï, Belinsky). La question de la crime de Boris était déjà posée et suscitait de vives discussions dans la littérature de l'époque: les uns étaient „pour“, les autres „contre“. Polévoï prit la défense de Godounov, divergea sur ce point avec Karamzine et dirigea conséquemment la pointe de son épée littéraire aussi contre Pouchkine. Mais ce qui était juste par rapport à Karamzine, fut injuste envers le poète: ce dernier ne faisait nullement de Boris la figure centrale de son drame et celui-ci n'avait pas pour base l'inévitable et tragique châtement pour le crime accompli. La perspicacité géniale du poète lui fit voir ce que les historiens professionnels ne découvrirent que de nos jours: l'accession au trône de Godounov, aussi bien que sa chute, furent le résultat de tout un ensemble de causes et ces causes sont, on peut bien le dire, toutes indiquées par Pouchkine, les unes — avec plus de relief et de plénitude, les autres — ne sont que légèrement esquissées. Le drame de Pouchkine n'a pas de héros, n'a pas de centre auquel converge toute l'action. Son héros, c'est l'époque, les multiples éléments et circonstances qui la composent et la caractérisent: les boïards, le peuple, les moines, l'émigration russe (celle de l'époque de Jean le Terrible et celle de Godounov), les cosaques, la Pologne (le roi, les magnats, la „volnitsa“, les jésuites).

La parenté spirituelle de „Boris Godounov“ avec l'„Histoire de l'Empire de Russie“ avait en plus une base dans les liens personnels qui unissaient Pouchkine à Karamzine. Une esquisse sur ces rapports, toujours pleins de bienveillance mutuelle, d'une sorte de piété et de gratitude, fera le sujet du dernier essai (VII) de cette petite série.

II. L'héritage de l'Afrique.

Des passions ardentes, une sensualité dont les manifestations ne cadraient pas avec le tempérament ordinaire d'un homme du nord; des attaques de rage et des actes irréfléchis qui s'en suivaient; impressionnabilité et susceptibilité, passion du jeu; soit d'impressions excitantes; duels, ayant généralement pour causes des bagatelles; la passion de „risquer le tout“ — voici l'héritage, du côté maternel, de l'origine africaine de Pouchkine, héritage qui lui fut légué par ses ancêtres, les Hannibals.

III. Premiers succès littéraires.

Au Lycée, ce n'est qu'au bas de la poésie qui reçut l'approbation officielle de Derjavine, que Pouchkine se décida, en l'imprimant, à mettre son nom en toutes lettres ; il ne signe à cette époque ses autres œuvres que d'anagrammes (NKŠP) et cache son nom sous des combinaisons de chiffres fort compliquées („1...14—16“ ; „1...17—14“ ou „1...16—14“, dans lesquelles l'inaltérable „14“ correspond au numéro de sa chambre au lycée). Mais dès lors ses camarades du lycée sonnent sa gloire (Delvig) et les grandes autorités littéraires (Karamzine, Néledinsky-Méletsky, Joukovsky), sanctionnent par leur approbation les premiers essais de sa muse. Quant au jeune poète il est conscient, lui aussi, des inspirations de cette muse, avant même d'avoir quitté les bancs de l'école („Gorodok“, 1814).

E. V. SPEKTORSKY. LES LEGS DE POUCHKINE.

Pouchkine est non seulement un poète, c'est aussi un maître dont les enseignements ont conservé encore aujourd'hui toute leur actualité. Il nous a enseigné à être bons malgré tous les revers du sort. Il nous a enseigné à être impartiaux. Il nous a prêché l'harmonie, la nécessité et l'effet salutaire du travail. Il nous a légué l'amour de la Russie, de la grande Russie, de la Russie slave, de la Russie éclairée. C'est au nom de cet amour qu'il a parlé de conserver et de garder dans leur pureté la religion et la langue natales, de cultiver le savoir et de contribuer par là au progrès des sciences et de l'esprit civique. Il nous a enseigné à ne pas nous laisser troubler par les bouleversements qu'éprouve la Russie car il comprenait que de siècle en siècle tout pays traverse une crise, mais qu'au lieu d'en sortir affaibli il en sort fortifié. Aussi la crise d'aujourd'hui ne doit-elle pas troubler les patriotes russes qui, comme Pouchkine, connaissent la Russie et croient en elle.

V. A. FRANCEV. POUCHKINE ET L'INSURRECTION POLONAISE DE 1830—1831.

L'insurrection polonaise a inspiré à Pouchkine trois poèmes qui, selon l'expression de Vengeroff, forment une trilogie lyricopatriotique. A proprement parler deux de ces œuvres seulement concernent directement le litige polono-russe: le poète y proteste contre l'intervention dans „l'ancienne querelle de famille“ de la Chambre des Députés dont les orateurs avaient manifesté leur sympathie aux insurgés et avaient âprement attaqué la Russie, sans comprendre le vrai sens de la discorde intestine entre ces deux peuples slaves. L'auteur se propose pour but de faire un commentaire historique sur les poèmes „Aux detracteurs de la Russie“ et „L'Anniversaire de Borodino“ qui ont suscité de nombreuses attaques contre le poète. C'est surtout le vers „Les torrents slaves vont-ils confluer dans la mer russe, cette mer va-t-elle tarir — voilà la question,“ qui a attiré sur Pouchkine des critiques sévères. On a voulu y voir la menace de l'absorption des Slaves par la mer russe, je ne sais quelles convoitises du panrussisme. Pouchkine était un homme instruit dans le sens politique; il avait étudié l'histoire de la Russie et il comprenait les problèmes les plus importants de la vie de l'État russe. Les relations entre la Russie et la Pologne l'intéressaient vivement et il considérait l'insurrection polonaise de 1830 comme un des moments douloureux dans la rivalité historique des deux peuples frères. La conception du vrai sens de cette lutte s'est formée sous l'influence des leçons de deux historiens russes Karamzine et Pogodine. Les réflexions de Pogodine ont contribué à ce que le poète envisagea „l'ancienne querelle de famille“ du point de vue russe; en même temps elles influèrent sur les opinions d'une certaine partie de la société russe.

Dans le courant du XIX siècle beaucoup de savants et de penseurs politiques russes avaient ardemment désiré une solution juste et paisible du problème russo-polonais; de même les Slaves de l'Occident (les Tchèques) y tournaient leurs regards. Pouchkine tout en niant les droits historiques de la Pologne et les aspirations des Polonais à rétablir les frontières de 1772, gardait les meilleures relations

avec les Polonais, avec Mickiewicz avant tout. Il a donné une forte expression à l'affection qu'avaient pour le poète polonais ses amis russes, dans sa poésie touchante „Il a vécu parmi nous“. C'est la réponse à la question que Mickiewicz adresse à tous ses amis russes dans la IIIème partie des „Dziady“. Tout comme Mickiewicz, le poète russe était animé de la foi en un avenir glorieux des Slaves, il parlait des aspirations communes des Polonais et des Russes à la paix et à la concorde. — L'idée de la nécessité d'une réconciliation entre les Russes et les Polonais fut formulée par lui ainsi que par d'autres poètes russes de cette époque (Khomiakoff, Tiouttcheff, le prince Odoïevsky). Ils avaient tous rêvé à cette concorde et à cette union; cette idée vit toujours parmi les poètes slaves et les savants de l'Occident qui proclament la nécessité de mettre à la tête de l'union slave son membre le plus puissant — la Russie.

Les desseins et les projets des „décabristes“ et d'autres sociétés secrètes russes présentent un énorme intérêt pour l'histoire du développement de l'idée slave dans la conscience sociale russe. Pouchkine était lié d'amitié avec plusieurs décabristes, il connaissait leurs projets de fédération slave, il s'imaginait l'union des „torrents slaves“ exactement sous la même forme que tous ses contemporains s'intéressant à cette idée. Le poète russe ne songeait pas à l'union purement politique des „torrents“, à l'absorption des petits et des faibles par les grands et les puissants, il n'aspirait pas à la réalisation du panslavisme matérialiste, mais il avait en vue d'unir en une grande idée la substance immatérielle qui résulte des principes du passé des Slaves.

C'est ainsi que le grand poète polonais concevait également cette idée, lors qu'il rêvait à l'avenir heureux où les peuples (slaves avant tout), oubliant leurs querelles, formeront une seule famille. La foi en cet avenir anime jusqu'à nos jours tous les idéalistes slaves. Pouchkine a été un des interprètes de ce rêve slave; de même que Mickiewicz, il a donné dans son œuvre une forte expression à l'idée nationale et il a servi en même temps la grande idée slave.

A. BOEHM. LE „CHEVALIER AVARE“ DE POUCHKINE DANS L'OEUVRE DE DOSTOÏEVSKY.

Dostoïevsky a indiqué lui-même dans son „Adolescent“ le lien qui en unit l'idée à celle du „Chevalier avare“ de Pouchkine. Mais l'influence du „Chevalier avare“ sur l'œuvre de Dostoïevsky a été plus durable et plus profonde que Dostoïevsky ne l'avait reconnu.

Le thème de pauvreté et des souffrances et humiliations qui y sont attachées a défrayé l'œuvre de Dostoïevsky dès son premier roman („Les pauvres gens“). Ainsi l'idée maîtresse du drame pouchkinien, celle du pouvoir établi sur la richesse, devait être particulièrement chère à Dostoïevsky. L'une des voies possibles qui mènent à la richesse est une accumulation lente et persévérante d'économies. Cette dernière voie est liée au problème de l'avarice qui avait beaucoup intéressé Dostoïevsky.

Le sujet de „Soloviev l'avare“, inclus dans les „Rêves en vers et en prose d'un Pétersbourgeois“ (1861) dans lesquels se reflètent les rêves de jeunesse de Dostoïevsky, porte les traces très visibles de l'influence du „Chevalier avare“ de Pouchkine. C'est ce sujet, compliqué par celui de l'employé „persuadé qu'il est Garibaldi“, qui est à la base de la nouvelle „Monsieur Prokharitchine“. Le thème de la conscience en réveil d'un homme timide joue un rôle considérable dans cette œuvre de Dostoïevsky. C'est en subissant en partie l'influence du „Chevalier avare“ de Pouchkine que Dostoïevsky, en méditant sur l'avarice, a donné son interprétation de la tragédie de l'employé avare en corrélation avec ses propres idées qui germaient dans son imagination d'artiste. L'une de ces idées était que „fuir la vie vivante“ est un crime.

L'idée du pouvoir établi sur la richesse, unie à l'idée maîtresse du „Chevalier avare“, a été mise à la base du roman „La vie d'un grand pécheur“ (1869—1870) réste en projet. Cette même idée a été reprise dans l'„Adolescent“. Nous pouvons constater dans cette œuvre, non seulement l'influence idéologique du drame de

Pouchkine, mais aussi l'influence directe du texte de son drame. Cependant Dostoïevsky reste original dans la manière dont il interprète, dans l'„Adolescent“, la passion de l'accumulation de richesses. Il la met en cohésion avec une autre idée qui lui est chère, celle de la révolte de l'individu contre le sort. L'argent n'est aux yeux du héros que l'un des moyens de vaincre le hasard. Affirmation de son entière liberté, affranchissement de l'homme de toutes les entraves qui le lient, tel est le fond de l'„idée“ de l'Adolescent. C'est là liberté et non l'argent qui lui importe. Dans l'„Adolescent“ Dostoïevsky se sert du „Chevalier avare“ comme d'une image poétique pouvant exprimer une partie de son idée mais son idée maîtresse ne se réduit pas à cette image, elle la dépasse, elle est liée à celle de l'ensemble de son œuvre.

Le „Chevalier avare“ de Pouchkine a attiré l'attention de Dostoïevsky aussi par sa collision entre le père et fils. L'intérêt pour le thème de lutte entre le père et le fils a été entretenu chez Dostoïevsky par ses souvenirs personnels. Ce thème défraye „La vie d'un grand pécheur“, l'„Adolescent“ et joue un grand rôle dans „Les frères Karamazov“. Certains traits du vieux baron du drame pouchkinien se sont reflétés dans le caractère de Fédor Karamazov. Le personnage d'Albert s'est dédoublé dans „Les frères Karamazov“. C'est Dimitri qui proteste et qui se révolte contre le père, c'est Ivan qui porte la responsabilité du parricide idéologique. La scène qui, dans le roman de Dostoïevsky, a lieu au couvent, offre beaucoup d'analogie avec la scène qui a lieu au palais du Duc dans le drame de Pouchkine (le défi jeté par le père au fils, etc.). Dans les entrevues d'Ivan Karamazov et de Smerdiakov, on a des réminiscences de la scène entre Albert et Salomon dans laquelle nous voyons les germes du problème de responsabilité morale du crime de parricide.

Pouchkine a déjà esquissé, dans son „Chevalier avare“, dans le problème de culpabilité cette forme de „crime-désir“ (autrement dit de crime rêvé, mais non réalisé) qui se résout fatalement en tragédie; Dostoïevsky a posé ce problème d'une manière géniale, dans toute sa portée, dans le personnage d'Ivan Karamazov.

Les traits de l'influence du „Chevalier avare“ de Pouchkine sur les œuvres de Dostoïevsky telles que „Monsieur Prokhardtchine“, l'„Adolescent“ et „Les frères Karamazov“, s'expliquent par le lien organique qui unit ces œuvres, ce lien étant le problème d'individualité et de liberté personnelle d'une part et celui de responsabilité de l'autre.

I. I. LAPCHINE. POUCHKINE ET MONTAIGNE.

Montaigne a exercé une grande influence dans l'histoire de la philosophie de Descartes à Nietzsche, mais son influence littéraire fut aussi considérable — les «Essais» de Montaigne c'est un des livres les plus favoris de Shakespeare, Alfieri, Goethe et Pouchkine.

Nous ne trouvons dans les œuvres de Pouchkine les traces d'influences directes de Montaigne mais quelques intéressantes «similitudes spontanées» (selon l'expression de M. Deonna). Pouchkine ne fut point sceptique, il admirait le génie créateur de l'homme dans le domaine politique (Pierre le Grand), artistique (Mozart), scientifique et technique (B. Schwartz). C'est la critique de la sagesse fausse humaine, le polypersonnalisme, la complexité de la nature humaine qu'il admirait le plus chez Montaigne.

S. V. ZAVADSKY. DEUX NOTICES.

I. Madoc in Wales.

Pouchkine a écrit: „въ Уаллахъ“. Cette transcription russe du „Wales“ anglais n'est pas une faute à lui: a) ses contemporains disaient d'habitude „Вались“ et écrivaient souvent „Валлись“ au lieu de „Уэльсь“, b) le dédoublement superflu de l'„л“ a été toujours et reste notre péché mignon: „Илларіонъ“, „Иллиада“, „привиллегія“,

„диллетантъ“ etc. Tout au contraire, Pouchkine doit être vanté d'avoir su transcrire le „W“ anglais par l'„У“ russe et d'avoir tenté: a) de remplacer l'„s“ du pluriel anglais par un „ы“, c'est-à-dire par le pluriel russe, b) de mettre „Уаллы“ au locatif en conformité de la règle correspondante de la grammaire russe: „въ Уаллахъ“.

II. De l'accentuation chez Pouchkine.

C'est très rarement que Pouchkine altère l'accent du russe parlé dans ses vers. Quelques exceptions à part (modérées, d'ailleurs), il accentue presque toujours en conformité avec la prononciation correcte (ou du moins usuelle de son temps). Il suit de là que la plupart des vers de Pouchkine servent très bien à prouver des erreurs de la prononciation de nos contemporains, ce que l'auteur de cette notice a tenté de démontrer sommairement.

P. B. STRUVE. DEUX ÉPITHÈTES CHEZ POUCHKINE.

En dépit de la clarté pouchkinienne un certain mysticisme n'était point étranger à l'œuvre du grand poète russe. Pouchkine était un mystique sobre et retenu. Sa clarté n'est jamais platitude et son mysticisme ne donne jamais dans l'exagération pathologique. L'épithète неизъяснимый, fort caractéristique pour Pouchkine, fut forgé sur le modèle du français „ineffable“ resp. latin „ineffabilis“, dont l'usage remonte surtout aux grands écrivains de la chrétienté latine.

L'épithète непостижный — inconcevable provient de la langue slave ecclésiastique et fut introduit dans le russe littéraire par Vassili Trédiakovski.

On établit que la formule de l'ode célèbre de Derjavine, „Dieu l'ineffable et l'inconcevable“, ce diction devenu classique en langue russe, se trouve déjà en langue française chez Descartes et remonte d'après Gilson, „Index scolastico-cartésien“, 1913, aux sources scolastiques et, en dernier compte, helléniques. Mais ici la documentation de Gilson est à compléter: c'était Jean Antoine de Baïf qui dans ses „Mimes“ a anticipé la formule cartésienne:

Dieu donques est Dieu l'ineffable
Dieu que nul mortel ne conçoit.

Par conséquent n'a-t-on pas chez Descartes de même que chez Derjavine une reminiscence de J. A. de Baïf? Ainsi la question historico-littéraire qui se pose est, si la poésie française de la Pléiade du XVI siècle a influencé, et en quelle mesure la lyrique russe du XVIII siècle. L'auteur se borne de formuler le problème qui doit être examiné à fond.

E. A. LJACKIJ. „L'HISTOIRE DE LA RÉVOLTE DE PUGAČEV“ DE POUCHKINE.

1. L'histoire de la révolte de Pugačev a été un essai d'investigation scientifique, qui a exigé de l'auteur une étude approfondie des archives et de toute sorte de documents historiques, en même temps que l'application des méthodes scientifiques et d'une documentation rigoureuse.

2. Cependant Pouchkine, poursuivant le désir qu'il avait depuis longtemps d'écrire un roman dont le sujet fût tiré de l'époque et de la vie de Pugačev, a concentré principalement l'attention sur la personnalité de l'audacieux révolté. Dans son œuvre, historique par son caractère extérieur, ce que Pouchkine se proposait, c'était bien plus de fixer et de conserver les traits biographiques, psychologiques et se rapportant au genre de vie, pouvant lui servir en tant que romancier, que de représenter dans leur liaison pragmatique les événements de la „pugačevščina“. Voilà pourquoi il a accordé peu d'attention aux conditions sociales complexes et diverses, d'où est issu l'événement historique connu sous ce nom.

3. La critique a souligné avec raison le caractère non scientifique de la méthode appliquée par Pouchkine dans son œuvre et les erreurs de fait. Mais, en diminuant la portée générale de l'Histoire de la révolte de Pugačev, la critique a laissé dans l'ombre la partie de l'œuvre la plus précieuse pour la reconstruction du tableau historique que Pouchkine s'était proposé pour objet.

4. L'examen méthodique des documents qui ont fourni à Pouchkine en quelque sorte l'album des scènes, esquisses et remarques caractérisant Pugačev à divers moments de son activité historique, permet de se convaincre que le but qu'il cherchait à atteindre, ce n'était pas la reproduction historique, mais sélection des traits historiques donnant le branle à l'imagination créatrice. Le travail historique entrepris par Pouchkine dans des circonstances particulières de sa vie était pour lui un moyen de pénétrer non pas dans la liaison des faits sociaux, mais dans les replis de l'âme en révolte de Pugačev, où se reflétaient tous les éléments du milieu populaire qui leur avait donné naissance.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Е. Ф. Шмурло. Этюды о Пушкинѣ	5— 52
Е. В. Спекторскій. Забѣты Пушкина	53— 64
В. А. Францевъ. Пушкинъ и Польское возстаніе 1830 и 1831 г.	65—208
А. Л. Бемъ. „Скупой рыцарь“ Пушкина въ творчествѣ Достоевскаго	209—244
И. И. Лапшинъ. Пушкинъ и Монтень	245—252
С. В. Завадскій. Двѣ замѣтки	253—258
П. Б. Струве. „Неизъяснимый“ и „непостижный“	259—264
Е. А. Ляцкій. Пушкинъ-повѣствователь въ „Исторіи Пугачевскаго бунта“	265—296
Résumés	297—302
